СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
"РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ"

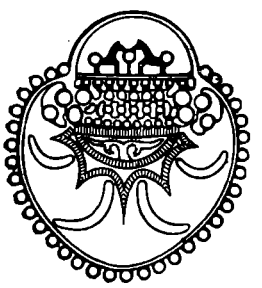
2

1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *А. Я. Брюсов*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Е. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36. ул. Дм. Ульянова, д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-03594 Подписано к печати 29/III 1966 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 11,0
Печ. л. 30,8+1 вкл. Уч.-изд. л. 32,4 Тираж 2275 экз. Заказ 54

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

А. И. РОГОВ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА М. Н. ТИХОМИРОВА

2 сентября 1965 г. на 73-м году оборвалась жизнь выдающегося советского историка академика Михаила Николаевича Тихомирова. Не стало среди нас этого человека, с высокой требовательностью, глубокой любовью относившегося к исторической науке, которой он отдал всю свою жизнь. Труды Михаила Николаевича составляют золотой фонд советской историографии. Они являются школой исследователя, учат доскональному знанию источника, мастерству его раскрытия, глубокой обоснованности научных выводов, базирующихся на этой источниковедческой работе. Для исследований покойного М. Н. Тихомирова, отдавшего так много сил изучению истории русского города, замечательной древнерусской культуры, характерно самое широкое привлечение разнообразнейших источников. Крупнейший специалист в области древнерусской письменности, М. Н. Тихомиров неизменно обращался к данным археологии, всегда внимательно следя за ее достижениями. Многие страницы трудов М. Н. Тихомирова построены на археологических материалах, которые в соединении с данными письменных источников получают особенно ясный смысл, начинают говорить как бы в полный голос. В то же время труды Михаила Николаевача для многих археологов могут послужить ключом к раскрытию археологических источников.

М. Н. Тихомиров родился 1 июня 1893 г. в Москве в семье служащего. По окончании в 1912 г. Коммерческого училища в Петербурге он поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, который окончил в 1917 г. Учителями М. Н. Тихомирова были С. В. Бахрушин и Б. Д. Греков, преподававший русскую историю еще в Коммерческом училище. Уже в университетские годы определился большой интерес молодого исследователя к истории классовой борьбы. В 1919 г. была опубликована его первая работа «Псковский мятеж XVII века».

В 1917—1918 гг. М. Н. Тихомиров вел большую работу по спасению и изучению культурных ценностей в г. Дмитрове, куда он переехал после окончания университета. Здесь при его самом непосредственном участии был создан краеведческий музей, имеющий в своей коллекции немало выдающихся памятников древнерусской культуры. Работая в Дмитровском музее, М. Н. Тихомиров углубленно изучал историю города. Итогом этого изучения явилась изданная в 1925 г. «История города Дмитрова» — образец монографической работы по истории русского города,— той тематике, которая, наряду с изучением классовой борьбы, была одной из ведущих в творчестве ученого.

В 1919—1923 гг. Михаил Николаевич Тихомиров работал в Самаре. Он преподавал в местном университете, сотрудничал в Самарской библиотеке. В эти годы М. Н. Тихомировым было также много сделано для спасения произведений искусства, находившихся в помещичьих усадьбах Самарской

губернии. Им были разобраны и вывезены в Самару замечательные рукописи старообрядческих иргизских скитов. Среди них есть исключительно ценные рукописные книги XIV—XV вв.

Изучением рукописной книги М. Н. Тихомиров занимался и далее, с 1924 по 1929 г. М. Н. Тихомиров работал сотрудником отдела рукописей Государственного Исторического музея в Москве, с 1939 г.— консультантом отдела, а с 1946 по 1950 г.— его заведующим.

Во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов М. Н. Тихомиров преподавал географию в средних учебных заведениях Москвы (история тогда не преподавалась), и стал автором одного из лучших учебников физической географии. С восстановлением в 1934 г. преподавания истории и изучения гражданской истории, имевшими столь большое значение в культурной жизни страны, М. Н. Тихомиров включился в активную работу Института истории Академии наук СССР и исторического факультета МГУ. Начиная с этого времени, исследовательский и преподавательский талант Михаила Николаевича развернулся в полную меру.

Уже в 1935 г. им была издана монография «Псковское восстание 1650 года» — один из самых выдающихся трудов ученого. Эта тема и впоследствии привлекала к себе внимание М. Н. Тихомирова. В 1958 г. им были изданы документы Земского собора 1650 г. (журнал «Исторический архив», 1958, № 5—6), а в 1940 г.— статья, посвященная Новгородскому восстанию 1650 г.

Классовая борьба в городе и на селе в домонгольской Руси нашла свое отражение в книге «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII в.» (М., 1957). Большое внимание изучению классовой борьбы уделял М. Н. Тихомиров и в своих трудах, посвященных истории древнерусских городов, особенно Москвы. Народные движения в Москве в 1382 и 1480 гг. впервые изучены М. Н. Тихомировым.

Древнерусский город — это, как уже говорилось, одна из центральных тем в научном творчестве акад. М. Н. Тихомирова. Едва ли можно в небольшой статье в полной мере раскрыть все значение трудов М. Н. Тихомирова на эту тему для разработки в советской историографии истории древней Руси. В них впервые была показана Русь, как страна ремесленных и торговых городов, как страна политических и культурных центров. Историю русского города М. Н. Тихомиров всегда прослеживает в связи с развитием городской жизни на западе, устанавливая единство главных сторон этих процессов.

Нигде так широко М. Н. Тихомировым не привлекаются археологические источники, как в монографиях и статьях по истории городов. В отношении некоторых городов археологические данные — это даже основной материал историка [1]. Летописные сведения о некоторых городах крайне отрывочны и совсем не дают никакого представления об их хозяйственной жизни, всегда столь интересовавшей покойного ученого. Ведь для историка-марксиста социально-экономические движения являются основой понимания всех остальных явлений жизни города.

В то же время всегда, когда это было возможно, Михаил Николаевич в своем труде сопоставлял данные письменных и археологических источников, взаимно проверяя и уточняя их (см., например, анализ данных Киево-Печерского патерика [2]). В своих трудах М. Н. Тихомиров показал, что археолог должен быть вооружен всей суммой исторических знаний, не меньше, чем историк, знать письменные источники, ибо только с их помощью можно полностью понять смысл и правильно истолковать археологические данные. «Чисто археологические данные, без сочетания с показателями письменного материала,— писал М. Н. Тихомиров,— могут порой привести к неправильным выводам» [3]. Например, на основе только архео-

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 343 сл.
[2] Там же, стр. 292—293.
[3] Там же, стр. 70.

М. Н. Тихомиров у церкви Николы на Липне (Новгород, 1961 г.).

логических данных невозможно решить вопрос о степени специализации ремесла в древней Руси [4]. Вопрос о местонахождении древнейшего Смоленска (в Гнездове или на его теперешнем месте) также может быть решен только на основании данных археологии, но при учете топографии других древнерусских городов, а также летописных сведений и житий Бориса и Глеба. Согласно письменным источникам, Глеб видел из Смядыни Смоленск, что было бы совершенно невозможно, если бы древний Смоленск находился в Гнездове. Превосходное знание топографии Москвы, ее топонимики, тщательный анализ летописных данных позволили М. Н. Тихомирову решить многие неясные вопросы истории Москвы [5].

[4] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 30.

[5] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 10—13, 29—32 сл.

С большим мастерством М. Н. Тихомиров использовал для изучения истории города такие памятники, которые, казалось бы, могут представлять ограниченный интерес. Так, деревянные скульптуры Николы Можайского и Параскевы Пятницы, характер их изображения и, главное, их местонахождение в древнерусских городах позволили М. Н. Тихомирову раскрыть одну из сторон организации торговли и быта средневекового города [6].

Археологические находки привлекались М. Н. Тихомировым в неразрывной связи с другими видами источников для воссоздания картины городской письменности. Им был изучен и учтен большой археологический материал — предметы, имеющие надписи: памятные камни, кирпичи, сосуды, пряслица, кресты и другие изделия древнерусского ремесла, памятники древнерусского искусства [7]. Неслучайно поэтому М. Н. Тихомиров принимает самое активное участие в публикации и первом изучении замечательных археологических находок, таких как гнездовский сосуд с надписью X в., открытый экспедицией под руководством Д. А. Авдусина, и особенно составивших целую эпоху в отечественной исторический науке новгородских берестяных грамот, открытых археологической экспедицией под руководством А. В. Арциховского.

Знаменитая гнездовская надпись «гороухща», датируемая по данным стратиграфии первой четвертью X в., была впервые прочтена и проанализирована М. Н. Тихомировым [8], одним из крупнейших отечественных специалистов в области палеографии. М. Н. Тихомировым было произведено сравнение ее с другими памятниками славянской письменности, особенно с надписью царя Самуила, и, исходя из этого сопоставления, сделан ряд важных палеографических наблюдений общего порядка над памятниками древнейшей поры. Гнездовская находка была оценена М. Н. Тихомировым и более широко —как памятник, свидетельствующий о распространении письменности на Руси, как еще одно доказательство славянского происхождения гнездовских курганов.

В 1953 г. вышла в свет книга А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.)», представляющая собой первую публикацию и исследование этих уникальных памятников русской письменности. М. Н. Тихомировым был подготовлен к печати текст первых десяти грамот, прокомментирован, произведен его палеографический анализ. Интересно, что сделанная на его основе датировка грамот почти полностью совпала с их стратиграфической датировкой, произведенной А. В. Арциховским. Так было положено начало изучению одного из важнейших источников отечественной истории.

Труды М. Н. Тихомирова по истории древнерусской культуры далеко не ограничиваются названными работами. Для истории русской письменности большое значение имеет его статья «Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига» [9], проливающая свет на один из самых сложных периодов истории русской культуры, совершенно не разработанных в науке.

Неоднократно М. Н. Тихомиров обращался и к такому важному в истории русской культуры явлению, как начало книгопечатания в России. М. Н. Тихомировым были раскрыты общественно-политические условия и предпосылки его появления, выяснены многие важнейшие этапы его раз-

---

[6] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 250—251.

[7] М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков. ТОДРЛ, IX, М.— Л., 1953, стр. 53—56.

[8] Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, 1950, 4, стр. 71—79.

[9] М. Н. Тихомиров. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига. «Вестник истории мировой культуры», 1957, 3, стр. 3—13.

вития в первоначальный период, вскрыты связи русского книгопечатания с книгопечатанием в других, особенно славянских странах [10].

Связи России с другими славянами и Византией, история этих народов вообще всегда интересовали М. Н. Тихомирова. Неслучайно последние годы своей жизни он был сотрудником Института славяноведения АН СССР и ответственным редактором «Византийского временника». Самое широкое признание в славяноведении снискал его труд «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.», опубликованный в «Славянском сборнике» (М., 1947). В качестве источников в этом исследовании использованы и данные эпиграфики (ранний период) и сфрагистики (русско-сербские связи XIV в.). Ни один историк, занимающийся большой проблемой русско-византийских отношений, не пройдет теперь мимо таких работ М. Н. Тихомирова, как «Пути из России в Византию в XIV—XV вв.» [11] и «Россия и Византия» [12].

Диапазон научно-исследовательских интересов покойного ученого был вообще необыкновенно широк. Сколько-нибудь полное раскрытие его значительно вывело бы нас за рамки этой небольшой статьи. Напомним, что научные интересы М. Н. Тихомирова простирались от истоков Киевской Руси до конца XIX в. Внимание крупнейшего специалиста в области русского средневековья привлекало и прошлое народов Украины и Белоруссии [13], Поволжья [14] и Средней Азии и даже далекой Монголии [15]. Одним из ярких свидетельств такой широты интересов М. Н. Тихомирова является его монография «Присоединение Мерва к России» (М., 1960), посвященная одному из важнейших вопросов в истории Средней Азии периода империализма. Этот труд, написанный на основе большого архивного материала, поражает глубиной проникновения в историю туркменского народа, знанием истории международных отношений во второй половине XIX в.

К какому бы из исследований М. Н. Тихомирова мы ни обратились — всегда найдем в нем глубокий источниковедческий анализ тех памятников и источников, на основе которых сделаны выводы и наблюдения автора. В этом заключается одна из отличительных черт его научного творчества. Более того, в книгах акад. М. Н. Тихомирова много тонких источниковедческих этюдов, которые являются важнейшим моментом в его исследованиях и в то же время имеют самостоятельное значение. Таков разбор известия В. Н. Татищева о Святохне в книге «Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв.», многих летописных известий и устава купеческой корпорации в Новгороде, так называемого Иванского ста в монографии «Древнерусские города», летописных правок митрополита Киприана в работе, посвященной Куликовской битве, и многое другое [16].

Но среди трудов М. Н. Тихомирова насчитывается много и специальных источниковедческих исследований. Среди них в первую очередь необходимо назвать «Исследование о „Русской Правде“» (М., 1941). Тонкий текстологический анализ множества списков замечательного памятника

---

[10] М. Н. Тихомиров. Первый печатник. М., 1934; его же. Начало московского книгопечатания. «Уч. зап. МГУ», вып. 41, история, I, М., 1940, стр. 81—95; его же. Начало книгопечатания в России. Сб.: «У истоков русского книгопечатания». М., 1959, стр. 9—40.

[11] Сб.: «Византийские очерки». М., 1961, стр. 3—33.

[12] Сб.: «Зборник радова Византолошког института», 7, Београд, 1961, стр. 23—38

[13] М. Н. Тихомиров. Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов. «Вопросы истории», 1954, 6, стр. 179—182; М. Н. Тихомиров и А. Лихолат. Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. «Коммунист», 1954, 1, стр. 52—69.

[14] М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству. В кн.: «Вопросы истории чувашского народа». Чебоксары, 1950, стр. 175—187.

[15] М. Н. Тихомиров. О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности. «Сов. этнография», 1958, 3, стр. 21—27.

[16] М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года. В кн.: «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 335—376.

русского права, мастерское раскрытие важнейших для разработки истории древней Руси и чрезвычайно сложных вопросов его происхождения и эволюции сделали этот труд М. Н. Тихомирова одним из самых выдающихся в источниковедческой науке. Большой вклад внес покойный акад. М. Н. Тихомиров в изучение русского летописания. Его привлекала к себе и проблема древнейшего летописного свода [17], и Вологодско-Пермская летопись [18], и неизвестные и малоизвестные летописные памятники XV—XVII вв. [19].

Источниковедение было той специальной исторической дисциплиной, которая неизменно занимала М. Н. Тихомирова, ученого, педагога, организатора. Он был автором первого в нашей стране учебника по источниковедению истории СССР (два издания — 1940 и 1960 гг.), создателем первой в истории отечественных учебных заведений кафедры источниковедения истории СССР (в МГУ). По инициативе М. Н. Тихомирова в 1956 г. при Отделении исторических наук АН СССР была организована Археографическая комиссия, бессменным председателем которой и редактором издаваемого ею «Археографического ежегодника» он оставался до последних дней своей жизни.

Нельзя не отметить и того большого вклада, который внес М. Н. Тихомиров в такую важную, но в значительной мере забытую специальную историческую дисциплину, какой является историческая география. Отчасти тут помогло и то, что в молодости, как это уже говорилось, он вынужден был стать географом. Помимо многочисленных историко-географических разысканий, проделанных М. Н. Тихомировым в «Древнерусских городах» и других исследованиях, он является автором образцового труда в этой области — «Россия в XVI столетии» (М., 1962). В предисловии к этой книге Михаил Николаевич перечисляет 77 древнерусских городов, лично им осмотренных.

М. Н. Тихомиров был не только большим знатоком и глубоким исследователем исторических источников. Покойный академик много сделал для их публикации. Изучение им «Русской Правды» шло рука об руку с большой работой, которую он проделал как один из ведущих участников монументальной академической публикации «Правда Русская» (т. I, М.—Л., 1940).

Среди публикаций, подготовленных М. Н. Тихомировым, видное место занимают памятники права. Только в 1961 г. им были изданы Соборное уложение 1649 г.— замечательный русский юридический сборник XIV в., «Мерило Праведное» и важнейший памятник славянского законодательства «Закон судный людем» (совместно с Л. В. Миловым), издания, которые давно ждали историки всех славянских стран.

Величайшей заслугой М. Н. Тихомирова явилось возобновление в 1949 г. публикаций «Полного собрания русских летописей». Это произошло с выходом в свет XXV тома, заключающего в себе Московский летописный свод конца XV в., выявленный Михаилом Николаевичем и подготовленный им к печати. С тех пор вышло еще пять томов этого известного научного издания. Все они выпущены под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Особого внимания с точки зрения русской археологии заслуживает среди них XXVI том — Вологодско-Пермская летопись. Составленная на рубеже XV—XVI вв., эта летопись содержит много драгоценных сведений

---

[17] М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, 5, стр. 41—56.

[18] М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. Сб.: «Проблемы источниковедения», 3, М., 1940, стр. 225—244.

[19] М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962; его же. Малоизвестные летописные памятники XVI в. «Исторические записки», 1941, 10, стр. 81—94; его же. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. «История СССР», 1957, 3, стр. 112—122 и другие работы.

по истории русской артиллерии, архитектуры и строительства (в частности, Китай-города в Москве), нумизматики и т. п. [20].

Писать о М. Н. Тихомирове как об ученом нельзя, не говоря о нем как о педагоге. Две эти стороны деятельности Михаила Николаевича были связаны самым неразрывным образом. До последних дней своей жизни Михаил Николаевич оставался заботливым и требовательным учителем и воспитателем молодого поколения советских историков. Под его руководством учились и трудились многие историки нашей страны, сохраняющие благодарную память о М. Н. Тихомирове.

С 1934 г. Михаил Николаевич — доцент исторического факультета МГУ, в 1939 г. ему было присвоено звание профессора. С 1945 по 1947 г. он был деканом исторического факультета МГУ.

Заслуги М. Н. Тихомирова получили самое широкое признание. В 1953—1957 гг. ему в качестве академика-секретаря было поручено руководство Отделением исторических наук АН СССР. В 1959 г. он был избран действительным членом Польской Академии наук, а в 1960 г.— Американской ассоциации историков. Советское правительство наградило его орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Все, кому дорога советская историческая наука, которой покойный ученый-патриот отдал всю свою жизнь, всегда будут помнить о Михаиле Николаевиче Тихомирове.

Список печатных трудов М. Н. Тихомирова опубликован в сборнике статей, изданном к его 70-летию: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран» (М., 1963, стр. 17—29). Дополнения за 1963—1965 гг. даны в журнале «История СССР» (1965, 5, стр. 232).

---

[20] См. рецензию А. В. Арциховского. СА, 1961, 2, стр. 313—314.

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

КУЛЬТУРЫ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ В КРЫМУ

Изучение памятников эпохи энеолита и бронзы в Крыму начато еще в конце прошлого столетия Н. Кондаковым [1]. Впоследствии эти работы были продолжены Д. Я. Самоквасовым [2], Н. И. Веселовским [3], Ю. А. Кулаковским [4] и др.

В советский период изучением памятников этого времени занимались Н. Л. Эрнст [5], А. Я. Брюсов, П. Н. Шульц [6], А. Д. Столяр [7], И. Т. Кругликова [8], В. Д. Рыбалова, А. М. Лесков [9], Х. И. Крис [10], Е. В. Веймарн, Ю. Г. Колосов [11] и др. В послевоенные годы раскопки и разведки памятников эпохи раннего металла в Крыму проводятся систематически. В той или иной мере ими охвачена вся территория Крымского полуострова. В результате этих работ в настоящее время здесь выделяются все основные этапы развития культур энеолита и бронзы.

Географическое положение Крыма — на границе степного Поднепровья и Приазовья с одной стороны, гор и предгорий Кавказа — с другой, наряду с некоторой его изолированностью и благоприятными для жизни человека физико-географическими и климатическими условиями способствовали тому, что здесь эти культуры в ряде случаев имеют свои локальные особенности.

В степях и предгорьях Крыма хорошо представлены такие культуры, как ямная, катакомбная и срубная [12]. Кроме того, новые данные позволяют поставить вопрос о выделении в Крыму особой, кеми-обинской

---

[1] Н. Кондаков. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях Керчи и с. Эльтеген Феодосийского уезда. Архив ЛОИА, д. № 20/1876.

[2] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 20.

[3] ОАК за 1890, 1891, 1895, 1896 гг.

[4] ОАК за 1895, 1896, 1897, 1898 гг.

[5] Н. Л. Эрнст. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930). ИТОИАЭ, IV, 1930.

[6] П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 252—253.

[7] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира КСИИМК, 71, 1958, стр. 53—63.

[8] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК. XLIII, 1952, стр. 108—115; ее же. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 74—92; ее же. Исследование сельской территории Европейского Боспора. СА, 1, 1957, стр. 220 сл.

[9] А. М. Лесков, В. Г. Збенович. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г. «Археология и история Боспора», II, Симферополь, 1962, стр. 263—270.

[10] Х. И. Крис, Е. В. Веймарн. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. КСИИМК, 71, стр. 67—71.

[11] Ю. Г. Колосов. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 г. Изв. Крымск. отд. Географ. об-ва, 4, 1957, стр. 77—82; его же. Археологические разведки в степной части Крыма. КСИА, 4, 1955, стр. 129—130.

[12] П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь, 1952.

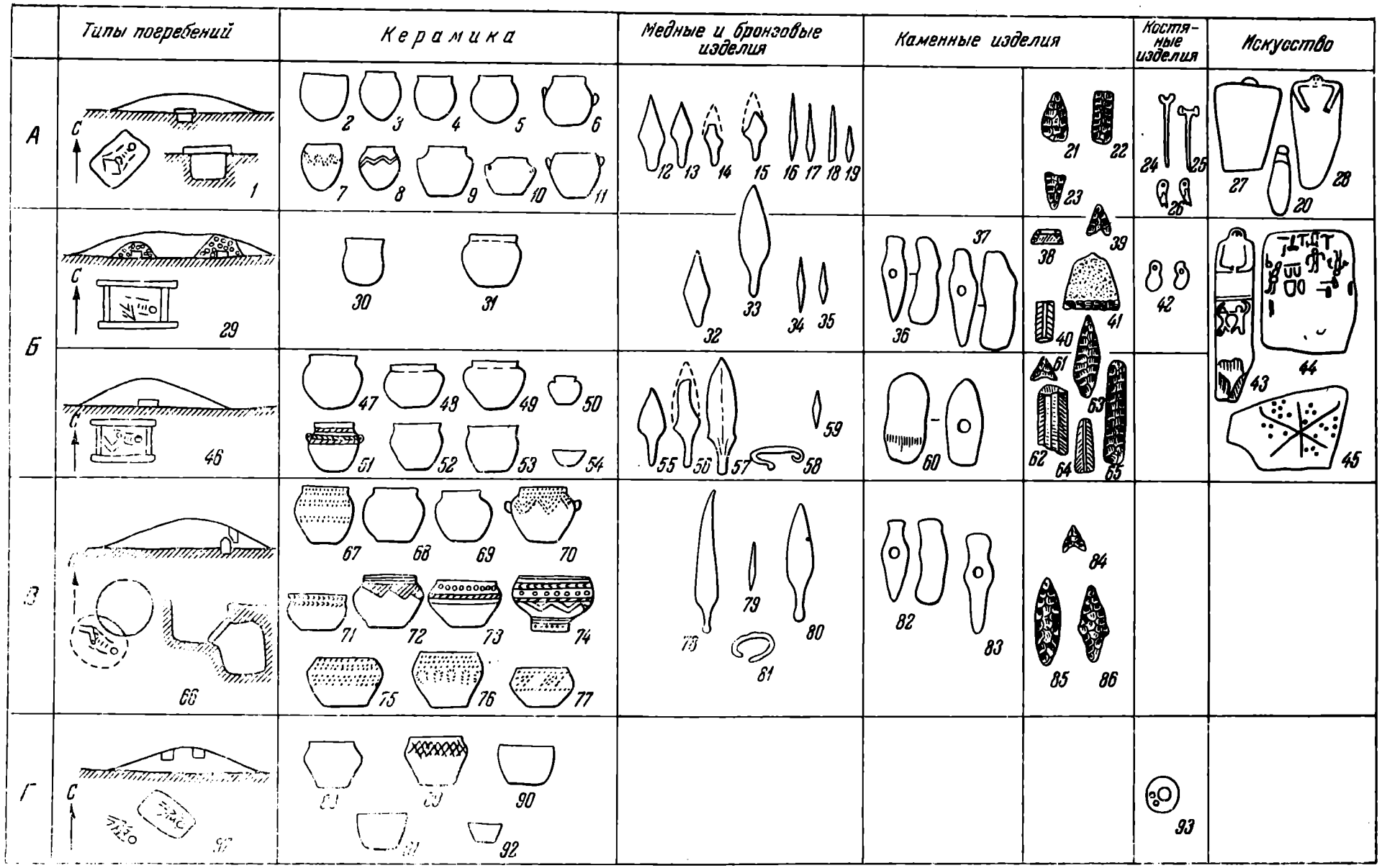


Рис. 1. Таблица основных типов погребений и инвентаря культур энеолита и бронзы Крыма

А — ямная, *Б* — кеми-обинская, *В* — катакомбная, *Г* — срубная

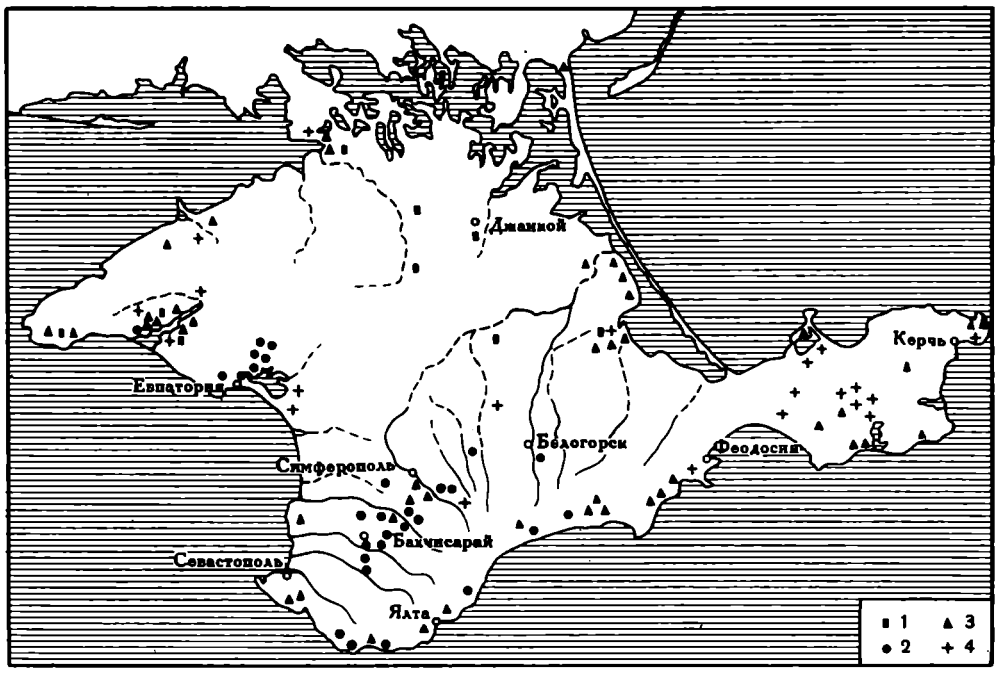


Рис. 2. Схематическая карта основных поселений, стоянок и погребений культур энеолита и бронзы Крыма

1 — ямная; *2* — кеми-обинская; *3* — катакомбная; *4* — срубная

культуры, памятники которой сосредоточены главным образом в предгорной и горной частях полуострова [13] (рис. 1, 2).

С эпохой энеолита (III — начало II тысячелетия до н. э.) связывается подавляющее большинство курганов степного и частично предгорного Крыма, которые в основной массе содержат погребения ямной культуры. В районах, где много камня, под насыпями этих курганов иногда имеются каменные ограждения типа кромлехов; в районах, где камня нет, они заменяются ровиками (рис. 3, *1*). Всего в курганах Крыма исследовано около 200 погребений ямной культуры. Как и на остальной части южнорусской равнины, они совершены в грунтовых могилах, перекрытых каменными плитами или бревнами (рис. 3, *2*). Число погребенных в одной могиле колеблется от 1 до 6. В отдельных курганах число разновременных могил ямной культуры достигает 15—17. На костях и на дне могил — обильные следы охры. Особенно интенсивно окрашены череп, стопы ног и кисти рук погребенных. Иногда охра лежит довольно крупными, до 200 *г*, кусками или плитками. Инвентарь ямных погребений представлен кремневыми наконечниками стрел, ножевидными пластинками, скребками, вкладышами серпов и т. д. (рис. 3, *16—19*). Из медных встречаются четырехгранные шилья и плоские ножи копьевидной формы (рис. 3, *20—24*). Горшки с округло-яйцевидным дном или плоскодонные, нередко они имеют ушки; орнамент сравнительно беден (рис. 3, *3—8*). Поверхность сосудов чаще всего со следами гребенчатого заглаживания. Костяные изделия представлены молоточкообразными булавками, проколками, костяными кольцами и фигурными пронизями (рис. 3, *10—15*).

Наиболее ярко ямная культура представлена в степном Крыму. Судя по находкам костей животных, главным образом мелкого и крупного рогатого скота, а также кремневым серпам, зернотеркам и т. д., основным занятием племен ямной культуры в Крыму являлось земледелие и скотоводство. На перекрытии одной из могил этого времени, исследованной под курганом близ Евпатории, лежал большой кусок древесины с двумя заост-

[13] А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963, 3, стр. 38—39.

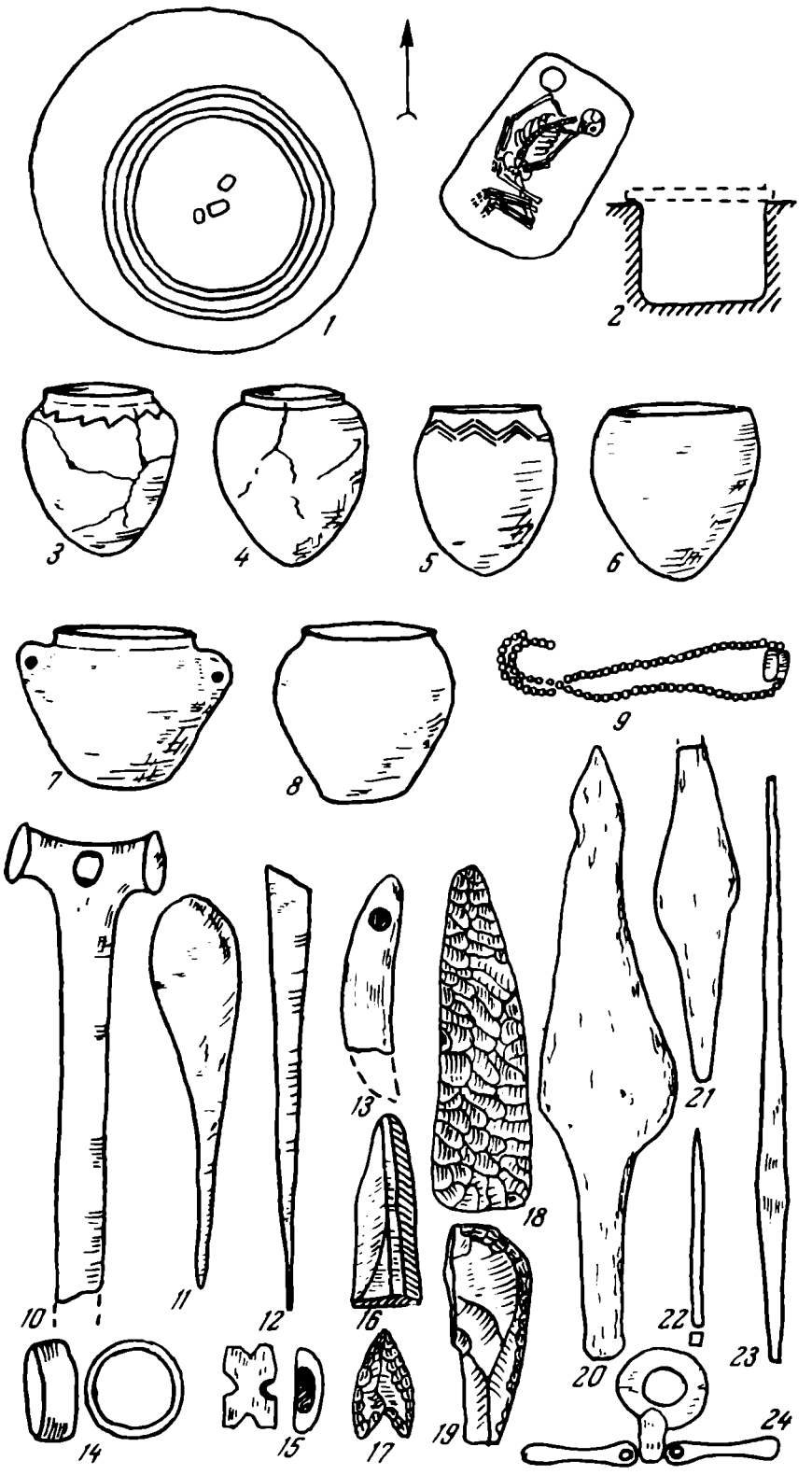


Рис. 3. План кургана и могилы и инвентарь погребений ямной культуры Крыма

ренными и опаленными боковыми сучьями. По-видимому, в этом изделии следует видеть очень примитивное пахотное орудие типа сохи (рис. 4). Другая, рядом расположенная могила была перекрыта соломой. На перекрытии могилы, изученной близ Красноперекопска, лежали остатки 12 черепов быка, что свидетельствует о большой роли этого животного в хозяйстве человека. Вероятнее всего, в это время бык в основном использовался в качестве тягловой силы при пахоте и для транспорта. О культе быка свидетельствует и навершие в виде головы этого животного, обнаруженное

в могиле одного из курганов на месте нынешнего Симферопольского водохранилища [14].

Искусство племен ямной культуры Крыма представлено, главным образом, антропоморфными стелами. Несколько таких стел было выявлено над насыпями Евпаторийских курганов. Наиболее ранние из этих памятников служили перекрытием могил, более поздние устанавливались вертикально на курганах. Для этих памятников характерна схематичность и в то же время известная монументальность. Изображение человека дается здесь в

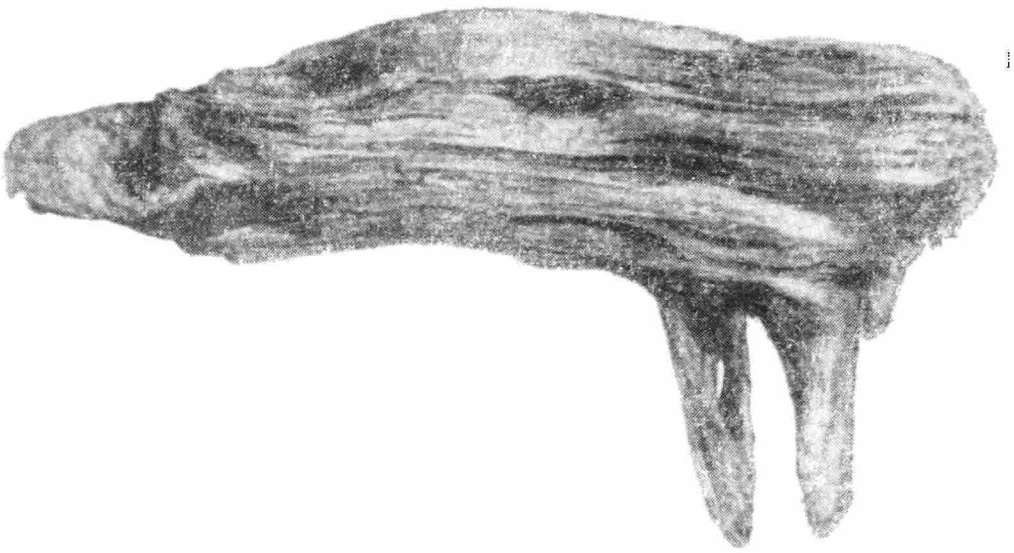


Рис. 4. Примитивное земледельческое орудие типа сохи с перекрытия могилы ямной культуры

виде примитивного объемного изваяния или, что отмечается реже, бывает плоскостным [15] (рис. 1, *27—28*).

Помимо ямных погребений в предгорном и горном Крыму энеолит представлен наиболее ранними поселениями и погребениями кеми-обинской культуры, о которой будет сказано ниже. На южном берегу к энеолиту относится ряд стоянок, так называемых раковинных куч — Лапси, Форос, Кекенеиз, Ореанда [16].

В культурном слое этих стоянок много морских раковин; часто попадаются обломки тонкостенной лепной керамики с хорошо заглаженной поверхностью и геометрическим орнаментом, нанесенным зубчатым штампом, а также микролитические кремневые орудия. К несколько более позднему времени, по-видимому, относятся такие стоянки, как Парагельмен у пос. Малый Маяк близ Алушты и др. В целом керамика этих памятников сильно отличается от керамики ямной или катакомбной культур, но находит много общего с керамикой кеми-обинской культуры. За пределами Крыма ближайшие аналогии керамический материал этих стоянок находит в наиболее ранних погребениях и поселениях дольменной культуры черноморского побережья Кавказа [17], а отчасти и в майкопской культуре.

[14] А. А. Щепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму. КСИА, 9, 1960, стр. 70—72; П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Ук. соч.

[15] А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 46.

[16] Н. Л. Эрнст. Ук. соч.; Л. С. Моисеев. Предварительный отчет о находках следов каменного века на яйле и на южном берегу Крыма. ИТУАК, 57, 1927, стр. 302—303.

[17] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, Сухуми, 1958, стр. 159; его же. Энеолитическое поселение у Очемчирского порта в Абхазии. «Материалы по истории Абхазии», I, Сухуми, 1939, стр. 41—51; его же. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, 1960, XXXI, стр. 90 сл.

Что же касается энеолитических поселений степного, предгорного и горного Крыма, то они, как это ни странно, представлены здесь очень плохо (рис. 2, *1*). Возможно, отчасти это объясняется тем, что многочисленные на этой территории стоянки с кремневым инвентарем микролитического характера все без исключения относятся к неолиту. Обычно это обосновывается наличием упомянутого кремневого инвентаря и малочисленностью керамики. Раскопки стоянок и курганов показали, что в Крыму

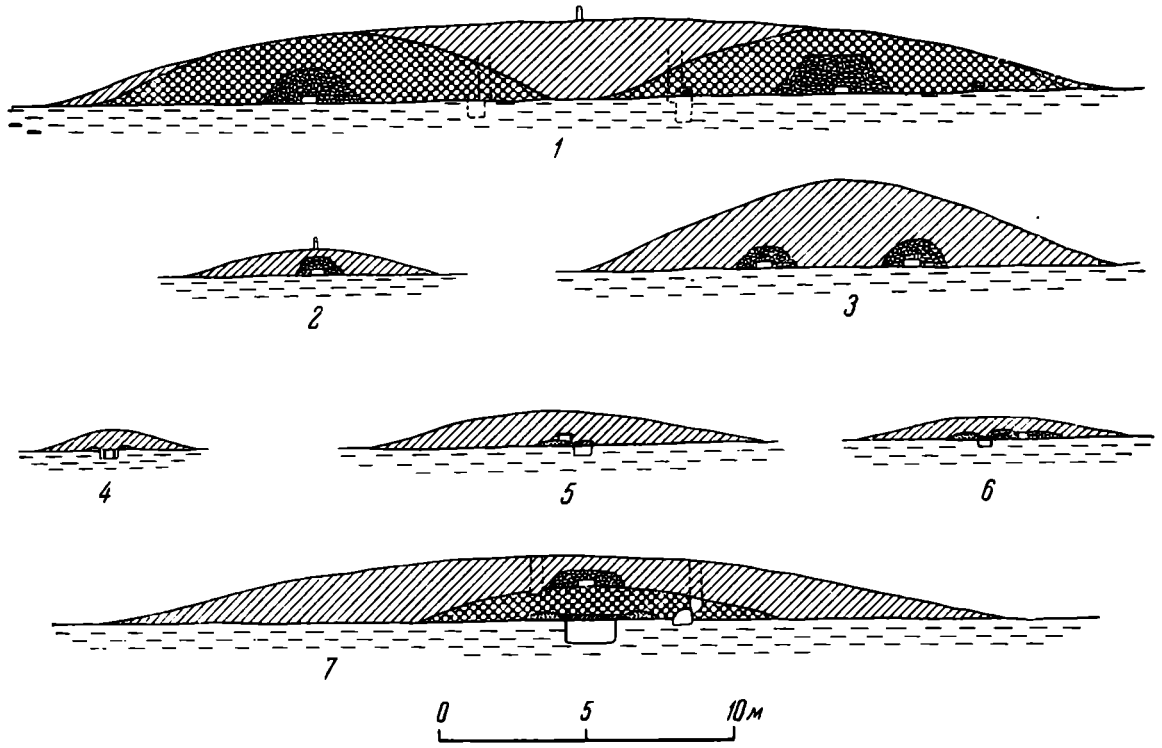


Рис. 5. Стратиграфии курганов с ямными, кеми-обинскими и катакомбными погребениями Крыма

энеолитическая керамика очень хрупка и плохо сохраняется в обычных условиях, а в подкурганных энеолитических погребениях хорошо представлен кремневый инвентарь неолитического облика. Не исключено, однако, что некоторые из этих стоянок с кремневым инвентарем относятся к энеолиту, а не к неолиту, как это принято в литературе. При такой постановке вопроса легко объясняется и то, что в Крыму более чем на 200 неолитических поселениях не известно ни одного погребения этого времени.

В предгорном Крыму близ г. Белогорска был исследован большой курган Кеми-Оба, который дал серию погребений в деревянных и каменных ящиках, а также более поздних впускных захоронений катакомбной культуры (рис. 5, *1*). В последующие годы курганы с подобными погребальными сооружениями, как основными, так и впускными, были раскопаны у сел Казанки (рис. 5, *2*), Зольное (рис. 5, *7*), Дружное, Чокурча, Абдал (рис. 5, *3*), Курцы и др. Тщательный анализ стратиграфии этих курганов, погребального обряда и инвентаря, а также обработка материала из аналогичных памятников, исследованных в дореволюционные годы, позволили нам выделить их в особую кеми-обинскую культуру [18]. Выявлена группа поселений кеми-обинской культуры, которые дают материал, аналогичный погребениям. Эти памятники чаще всего располагаются на берегах речек или около источников — Холодная балка I и II, Константиновка, Развилки, Дружное, Аратук, Глубокий Яр, Трехпрудное и др. Реже они встречаются под навесами скал Ени-Сала II, навес Лесной, Таш-Аир I и др. (рис. 2).

[18] А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 38 сл.

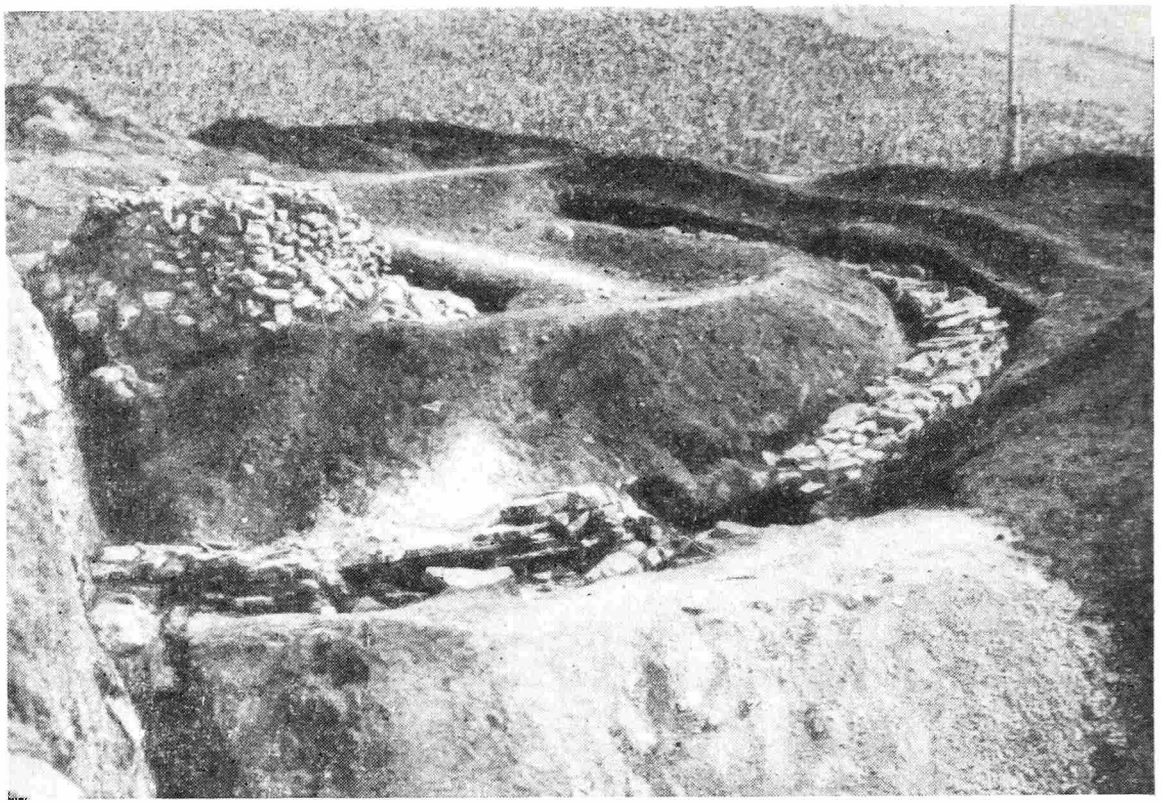


Рис. 6. Каменное сооружение над деревянным ящиком и кромлех кургана Кеми-Оба

В целом по количеству памятников эпохи раннего металла кеми-обинская культура занимает в Крыму второе место. Сейчас здесь насчитывается около 90 разнообразных памятников этой культуры. В их числе около 60 погребений. Основная масса этих памятников находится в предгорном и горном Крыму. В 1960—1963 гг. в курганах северо-западного Крыма близ Евпатории были исследованы каменные ящики, которые выделяются тщательностью отделки плит. Погребения в них совершались на спине с поджатыми ногами, на костях — следы охры. Инвентарь представлен лепными сосудами, медным ножом копьевидной формы, песчаниковыми выпрямителями древков стрел и т. д. Часто имеется подсыпка из морских раковин. Расписной каменный ящик с навершием каменной полированной булавы был в этом районе исследован О. Д. Дашевской. Судя по инвентарю и обряду захоронения, все эти памятники следует отнести к первой половине и середине II тысячелетия до н. э.; они хорошо связываются с кеми-обинской культурой. Однако здесь она имеет свои, довольно хорошо выраженные локальные особенности, которые заключаются в особой тщательности отделки плит, подсыпки морской ракушкой и т. д.

Над ящичными погребениями кеми-обинской культуры часто делались каменные сооружения в виде купола или усеченного конуса, а вокруг них — кромлехи (рис. 6). В нескольких случаях (рис. 5, *6*) погребения в ящиках предшествовали захоронениям ямной культуры [19], чаще последние являются более древними — основными (рис. 5, *5*, *7*). Погребения катакомбной культуры, даже самые ранние из них, как правило, впущены в курганы ямной или кеми-обинской культур (рис. 5, *1*, *7*). Эти четкие, неоднократно повторяющиеся стратиграфические наблюдениями совершенно определенно указывают, что подавляющее число кеми-обинских погребений приходится на промежуток времени между второй половиной III и первой половиной II тысячелетий до н. э. Они отчасти синхронны ямной культуре, но предшествуют катакомбной (рис. 1, *29—65*).

[19] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Ук. соч.

Помимо погребений в ящиках, кеми-обинская культура представлена и захоронениями в грунтовых могилах. К таким памятникам относится основное погребение в кургане Скала, основные погребения кургана № 6 на месте нынешнего Симферопольского водохранилища [20], древнейшие погребения в кургане у совхоза Коминтерн [21] и др. Кроме инвентаря, основани-

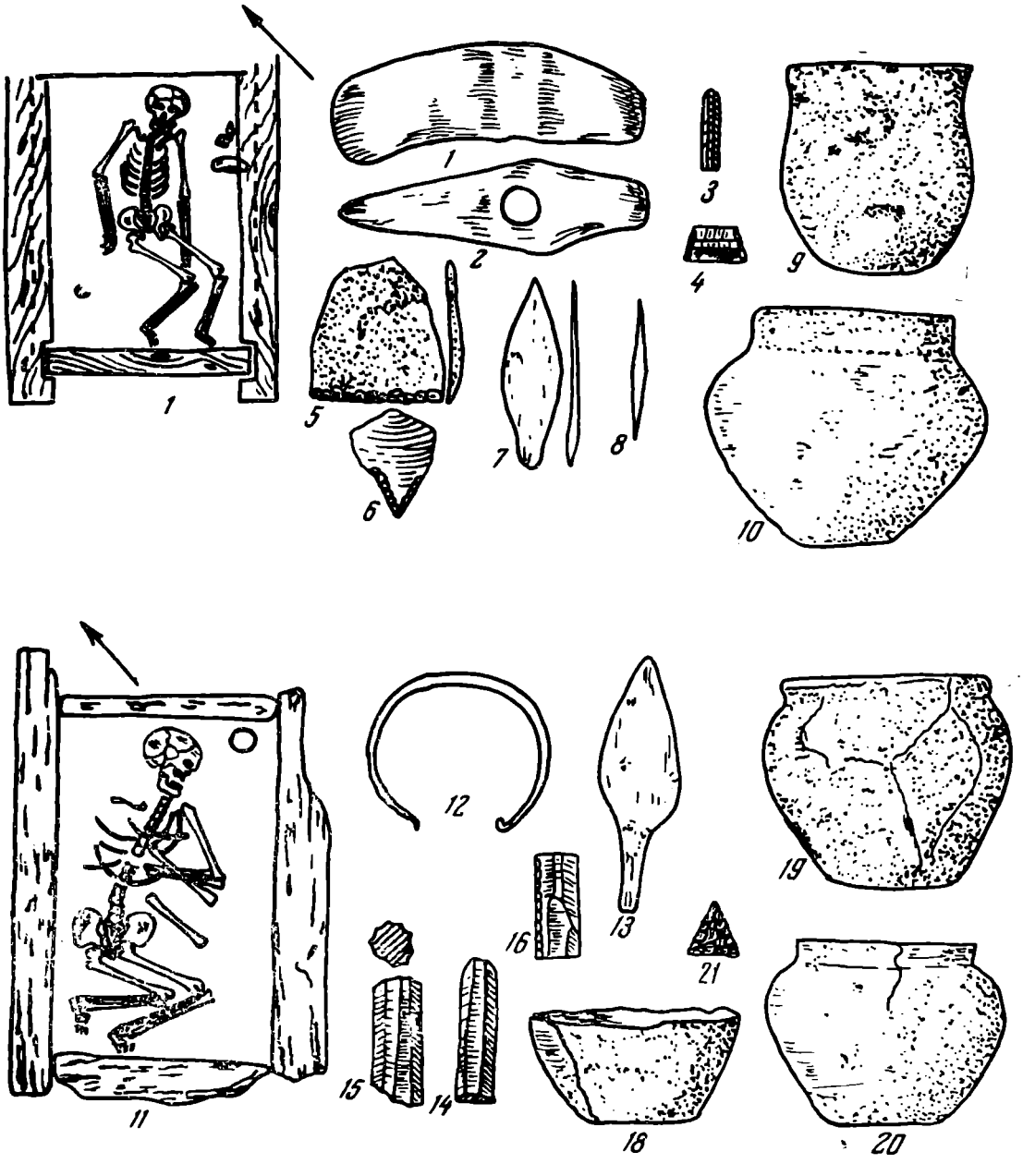


Рис. 7. Типичные погребения в деревянных и каменных ящиках кеми-обинской культуры и их инвентарь

ем для отнесения их к кеми-обинской культуре являются: наличие каменных закладов, куполообразных каменных сооружений, галечная подсыпка, мощный каменный панцирь-облицовка насыпи кургана и т. д. Как известно, все эти данные не свойственны ямной или катакомбной культурам и, напротив, типичны для кеми-обинской культуры в Крыму, майкопской на Кавказе и отчасти усатовской на юге Украины.

Число погребенных в одной могиле колеблется от 1 до 5. Захоронения совершались на спине с поджатыми ногами и скорченно на боку, головой они ориентированы чаще всего на восток или северо-восток (рис. 7, *1*, *11*). На костях и дне могилы — следы охры. Инвентарь представлен плоскодон-

[20] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Ук. соч.
[21] Х. И. Крис, Е. В. Веймарн. Ук. соч.

ными лепными сосудами с хорошо заглаженной или слегка лощеной поверхностью (рис. 7, *9*, *10*, *18—20*). Орнаментированные сосуды встречаются редко; обычно орнамент состоит из сочетания резных линий, образующих геометрический узор: елочка, зигзаг и т. д. (рис. 1, *51*). Кроме сосудов имеются каменные молотки, кремневые стрелки с прямым или вогнутым основанием, миниатюрные ножевидные пластинки, скребки, ножи,

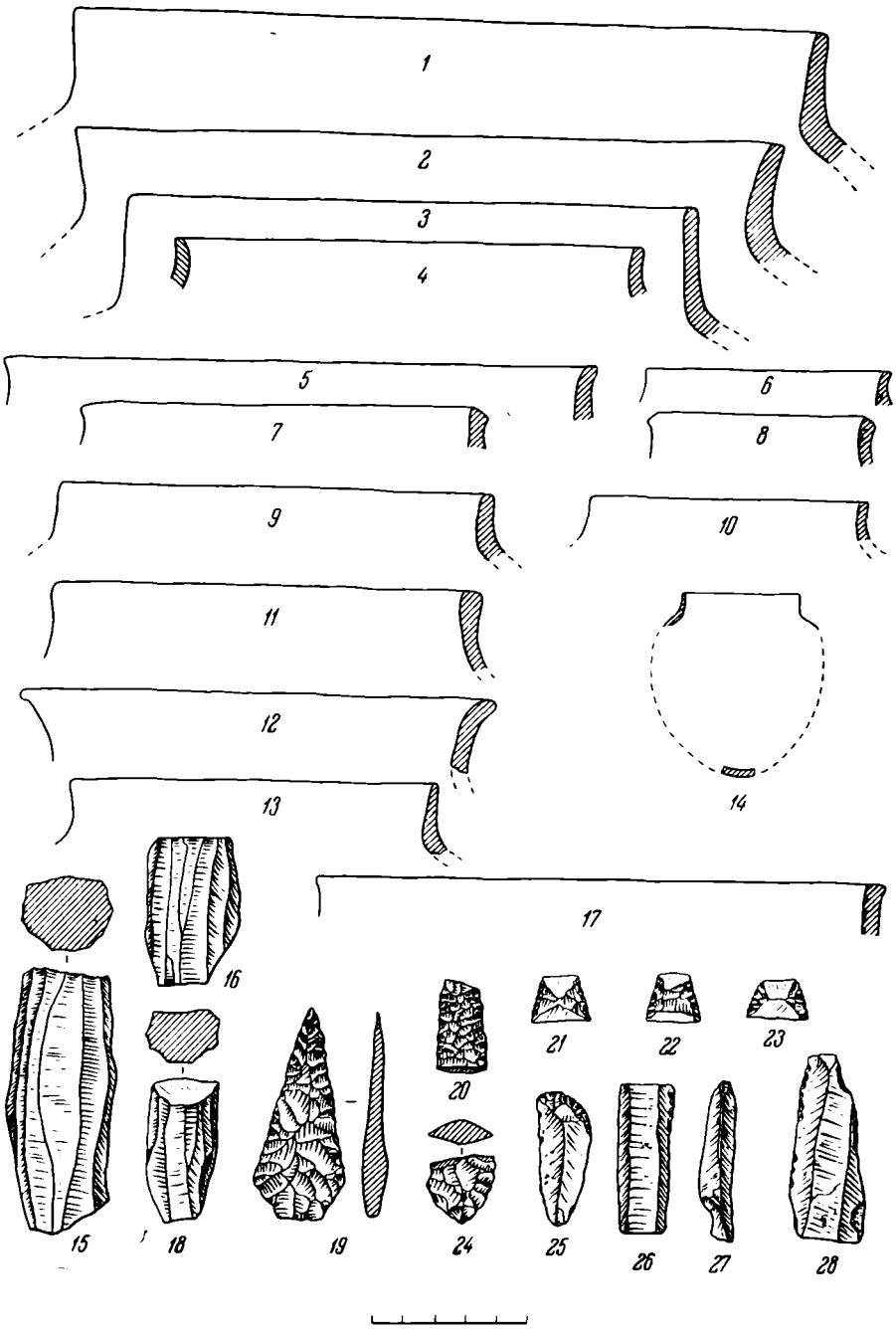


Рис. 8. Инвентарь энеолитических поселений кеми-обинской культуры

карандашевидные нуклеусы, трапеции и другие вещи (рис. 7, *2—6*, *14—17*). Из кости изготовлены проколка и подвески из зубов оленя. Металлические изделия представлены браслетами, четырехгранными шильцами и ножами листовидной и копьевидной формы (рис. 7, *7*, *8*, *12*, *13*). Среди материалов стоянок много керамики и кремневого инвентаря (рис. 8).

В целом инвентарь погребений и поселений кеми-обинской культуры находит многочисленные аналогии в памятниках энеолита и ранней брон-

зы юга Украины, Приазовья и, в особенности, Кавказа. Следовательно, как стратиграфия курганов, так и инвентарь погребений и поселений позволяют датировать основную массу памятников кеми-обинской культуры III — первой половиной II тысячелетия до н. э.

Относящиеся к этой культуре кремневые вкладыши серпов, зернотерки, а также кости домашних животных свидетельствуют о земледельческо-скотоводческом хозяйстве племен.

Памятники искусства представлены здесь антропоморфной стелой из Казанков [22], стелой из Бахчи-Эли [23] и росписью Таш-Аира I [24] (рис. 1, *43—45*). Пока не находит аналогий за пределами Крыма роспись внутренних сторон каменных и деревянных ящиков. Она в основном имеет линейно-геометрический характер, выполнена черной, красной, а иногда и белой красками [25]. Такая роспись является одной из наиболее ярких деталей этой группы памятников.

Устойчивыми культурно-историческими признаками кеми-обинской культуры являются:

1. Тип погребального сооружения — деревянные или каменные ящики.
2. Наличие каменных сооружений: кромлехов вокруг могил и массивных сооружений в виде купола или усеченного конуса над погребениями.
3. Роспись на внутренних стенках каменных и деревянных ящиков.
4. Наличие подсыпки на дне могилы из гальки, толченого известняка, морских раковин и др.
5. Применение глиняного раствора при сооружении ящиков и замазывание щелей между плитами.
6. Наличие тонкостенной керамики, часто лощеной или с хорошо заглаженной поверхностью. Орнамент на сосудах чаще всего отсутствует или представляет собой линейно-геометрический рисунок.

Таким образом, памятники кеми-обинской культуры отличаются от таких культур III—II тысячелетий до н. э. в степях Восточной Европы (включая и Крым), как ямная или катакомбная. Вместе с тем, они имеют ряд особенностей, типичных для энеолита и ранней бронзы Кавказа. Близки к ней такие памятники майкопской культуры, как подкурганные погребения у хутора Новой Аршти (Чечено-Ингушетия) [26], с. Старый Урух (Кабарда) [27], Майкопский курган (Адыгея) [28] и др. Ряд общих черт выявляется и в материалах поселений этой культуры — Мешоко и Скала на Северном Кавказе, Воронцовская пещера в северной горной части Черноморского побережья [29] и др.

Много общего (кромлехи, каменные заклады, каменные ящики и др.) устанавливается и с такими памятниками додревнеямного и ямного времени в азово-причерноморской полосе, как Осокоровка, Марьинское

---

[22] А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, 2, стр. 143—148.

[23] Н. Л. Эрнст. Ук. соч.; А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР. СА, 2, 1958, стр. 137—142.

[24] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, стр. 108—120.

[25] ОАК за 1890—1891, 1895—1898 гг.; А. А. Щепинский. Памятники искусства...; Н. Романченко. Раскопки кургана в д. Кояш Симферопольского уезда Таврической губернии. ИТУАК, 13, 1891, стр. 62—74; А. А. Щепинский. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма. СА, 1961, 2, стр. 227—228, рис. 2; Протоколы заседаний. ИТУАК, 49 1913, стр. 252—255.

[26] Р. М. Минчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 144—146, табл. XXI—XXIII.

[27] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 54—58, рис. 13.

[28] ОАК за 1897, стр. 2—11.

[29] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей...; Т. Н. Высотская. Стоянки Воронцовской пещеры. МАГК, III, Тбилиси, 1963, стр. 17—22, табл. I.

и др.[30]. В особенности же близки памятники усатовской культуры, где также хорошо представлены всевозможные каменные сооружения[31].

Не исключено, что в дальнейшем кеми-обинская культура окажется локальным вариантом более широкой культурно-исторической общности юга европейской части СССР.

Возникает кеми-обинская культура, вероятнее всего, на основе местных неолитических культур. Во II тысячелетии до н. э. на нее в известной мере оказывают влияние племена ямной, а затем и катакомбной культур.

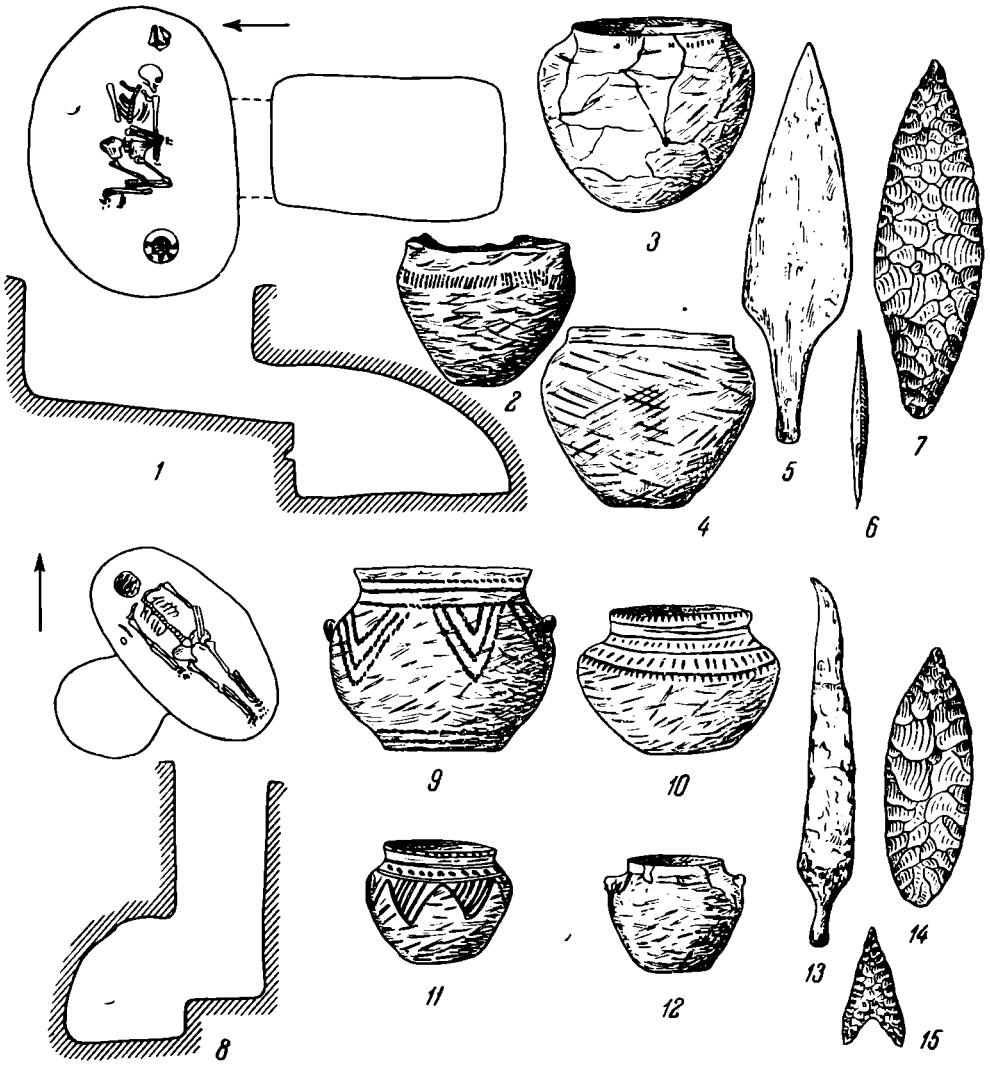


Рис. 9. Типы погребений и инвентарь катакомбной культуры Крыма

Следующая группа памятников, относящаяся к эпохе ранней бронзы, связывается в Крыму с катакомбной культурой. Она хорошо представлена главным образом в степной части, на Керченском и Тархапкутском полуостровах. На восточном и южном берегах Крыма Л. Н. Соловьев выделяет береговой вариант крымской катакомбной культуры[32].

В Крыму насчитывается не менее 50 погребений и 25—30 поселений этой культуры. Все известные до настоящего времени погребения ката-

[30] В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики. АСИА, 4, 1955, стр. 126—128; Е. Ф. Лагодовская, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Міхайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 22—38; Д. Т. Березовець, Е. Ф. Покровська, А. І. Фурманська. Кургани епохи бронзи поблизу с. Марьянського. АП, IX, 1960, стр. 121—122.

[31] В. И. Селинов, Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, V, 1940, стр. 239—262; Э. Ф. Патокова. Раскопки Усатовского кургана № 12 в 1960 г. Краткие сообщ. Одесского археологич. музея о полевых исследованиях в 1960 г. Одесса, 1961, стр. 23—24.

[32] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей...

комбной культуры впущены в насыпи курганов ямной или кеми-обинской культур. Наиболее ранние катакомбные погребения совершены по обряду, характерному для ямной культуры, т. е. на спине с поджатыми ногами (рис. 9, *1*). Имеются также вытянутые погребения, которые, по-видимому, относятся к более позднему времени (рис. 9, *8*). Ориентация погребенных неустойчивая, но чувствуется тенденция к южному и северо-восточному направлениям. Иногда на костях и дне могил имеются следы охры, но ее меньше, чем в древнеямной культуре.

Инвентарь представлен плоскодонными горшками с выпуклыми боками, низкими, но хорошо выраженными шейками и типичным для этой культуры орнаментом — веревочным, гусеничным, ногтевым и др. (рис. 9, *2—4*, *9—12*). Поверхность сосудов обычно со следами гребенчатого заглаживания. Имеются также каменные шлифованные молотки, кремневые наконечники стрел, ножи листовидной формы (рис. 9, *7*, *14*, *15*), а также металлические изделия — ножи копьевидной формы, четырехгранные шилья и плоские в сечении браслеты (рис. 9, *5*, *6*, *13*). Изредка встречаются кости животных.

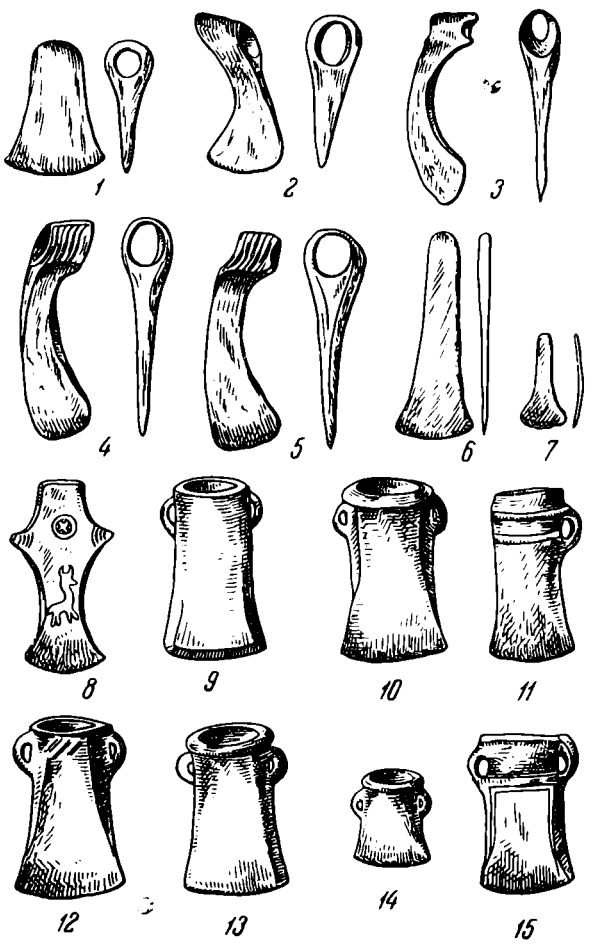


Рис. 10. Бронзовые топоры, тесла и кельты, найденные в Крыму

В предгорном и горном Крыму поселений катакомбной культуры, как и погребений, известно мало — Марьино I и II, Холодная балка, Курцы и некоторые другие. Культурные слои этих стоянок незначительны, материала мало.

Совсем не известны стоянки этой культуры в центральной части полуострова, что, возможно, объясняется слабой изученностью этой территории. Они имеются в северном и северо-восточном Присивашье: стоянки Красного озера, Китайский остров, Семеновский кут, Емельянова, устье Салгира, Белый и Черный Кош, Алексеевка и др.; на Керченском полуострове — Чапаево II, Ерофеево, Кирово, Тосуново, Глейка, Каменка, Киммерик и др., а на Тарханкутском полуострове — Ой-Рат, стоянки Донузлавского озера, Котовка, Огни и др. «Береговой вариант» катакомбной культуры помимо упомянутых Керченских стоянок представлен такими приморскими стоянками, как Хрущевский источник, Планерское, Щебетовка, Капсельские стоянки, Сухая речка, Артек, Кошка, Шпаковская № 57, Андреевка и др. Любопытно, что поселения этого времени как бы опоясывают весь полуостров (рис. 2).

Для поселений катакомбного времени характерно обилие фрагментов лепных плоскодонных сосудов с выпуклыми боками и хорошо выраженными шейками. Большинство обломков со следами гребенчатого заглаживания, многие из них украшены веревочным, гусеничным, ногтевым и другими орнаментами. Для позднекатакомбных поселений типичны рельефные валики, украшенные насечками, разнообразные вдавления и т. д. Часто попадаются обломки каменных молотков, хорошо обработанные кремневые скребки, наконечники стрел, копий, дротиков, ножи. На стоянке

у с. Емельяновка найден обломок булавы, миниатюрное бронзовое тесло (рис. 10, 7), много керамики и костей домашних животных.

К концу II — началу I тысячелетия до н. э. относится и ряд таких случайно найденных в Крыму бронзовых предметов, как тесла, проушные и вислообушные топоры кобанско-колхидского облика, плоский топор малоазиатского типа (рис. 10, *1—7*). Эти находки, как и наличие береговых стоянок, говорят о том, что в эпоху бронзы между Крымом, Приазовьем и Кавказом имелись определенные культурные связи.

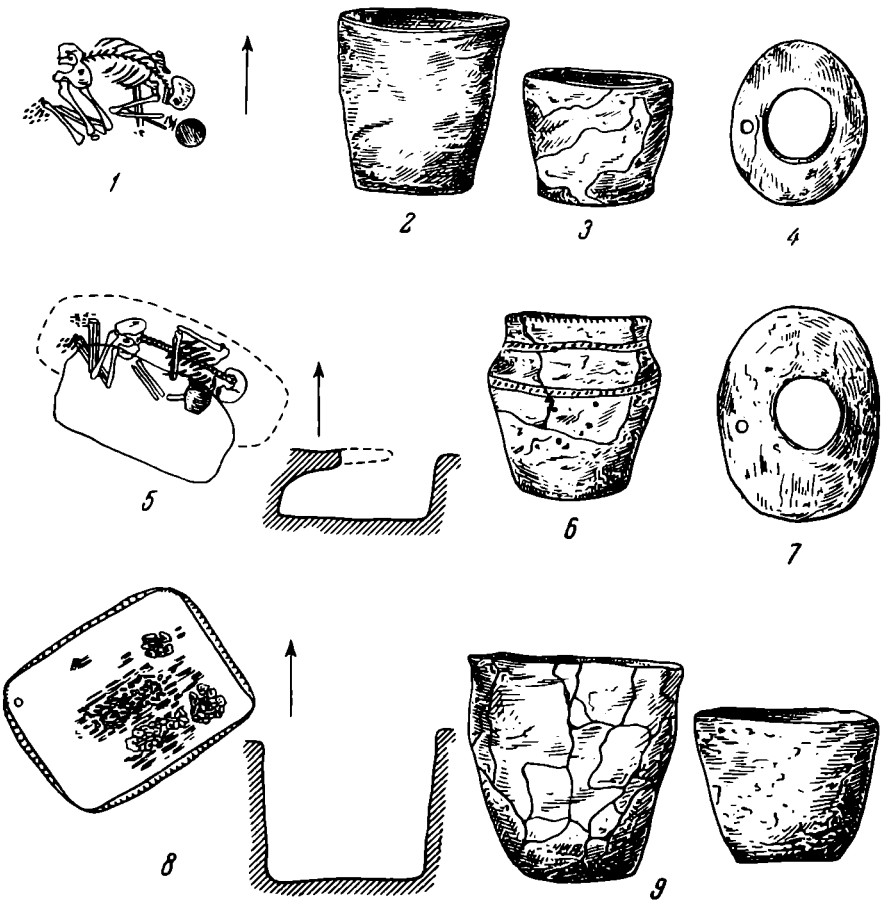


Рис. 11. Основные типы захоронений эпохи поздней бронзы и их инвентарь из курганов Крыма и юга Херсонщины

Заключительный этап бронзового века представлен в Крыму сравнительно немногочисленными памятниками срубной культуры. Они имеются как в степном, так и в предгорном Крыму. Лучше всего они изучены на Керченском полуострове. Всего в Крыму исследовано около 40 захоронений срубной культуры; все они впущены в насыпи более древних курганов. Тип погребального сооружения не устанавливается; вероятнее всего, это небольшие и неглубокие ямы с легким деревянным перекрытием. Характерных для этой культуры погребальных сооружений в виде срубов в Крыму не встречено. Захоронения совершались на боку в сильно скорченном положении, головой чаще всего на запад или юго-запад в предгорном Крыму и юго-восток или восток в степном (рис. 11, *1*); охры почти нет. Инвентарь беден: грубые лепные сосуды баночной формы или, реже, со слабо выраженной реберчатостью. Иногда они украшены резным орнаментом (рис. 11, *2*, *3—6*). Имеются также костяные пряжки[33] (рис. 11, *4*).

В 1962 г. около Перекопа на юге Херсонщины в курганах у с. Бабенково было исследовано две грунтовые могилы с небольшими подбоями-катакомбами. Костяки в них лежали на боку в сильно скорченном положении (рис. 11, *5*). В одном случае захоронение сопровождалось костяной

[33] П. Н. Шульц. О работе Евпаторийской экспедиции...

пряжкой, характерной для срубной культуры (рис. 11, *7*), а в другом — горшком (рис. 11, *6*). Следовательно, здесь типично срубные по обряду погребения и инвентарю захоронения были совершены в подбоях-катакомбах. Это несколько меняет представление О. А. Кривцовой-Граковой о том, что в Северном Причерноморье между катакомбной и срубной культурами не наблюдается никаких связующих звеньев [34]. В упомянутых погребениях влияние одной культуры на другую, как нам кажется, сказывается очень четко.

Следует также отметить исследованные на трассе Северо-Крымского канала могилы с трупосожжениями. Здесь помимо сильно измельченных и пережженных человеческих костей, сложенных в кучку, найдены намеренно разбитые сосуды, типичные для срубной культуры, и кости крупных животных (рис. 11, *8—10*). Интересно, что этот погребальный обряд находит полную аналогию в федоровском этапе андроновской культуры Южного Зауралья.

Что касается поселений срубной культуры, то собранный на них материал представлен главным образом фрагментами сосудов и костями домашних животных. Горшки в основном баночной формы. Весьма распространенным орнаментом являются горизонтальные валики, часто располагающиеся под самым венчиком.

Валики нередко украшены пальцевыми или ногтевыми вдавлениями, имеется также орнамент из резных линий, образующих несломный геометрический узор. Керамики со следами гребенчатого заглаживания очень мало или, чаще, нет совсем. Наряду с простой керамикой часто встречается слегка лощеная. В целом она аналогична керамике, собранной на поселениях поздней бронзы левобережья Днепра, Приазовья и т. д. По-видимому, с этой же территории в Крым попали и бронзовые двухушные кельты степного типа, найденные у Симферополя, Ялты, Керчи и т. д. (рис. 11, *7—14*).

Таким образом, Крымский полуостров исключительно богат памятниками эпохи раннего металла. Он дает новый и интересный материал по истории Северного Причерноморья. Дальнейшие исследования позволят уточнить особенности распространения в Крыму культур эпохи раннего металла, проследить их взаимовлияния и связи с соседними культурами, а также определить место и роль этих культур в общеисторическом процессе развития человеческого общества.

---

[34] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 20.

М. Ф. КОСАРЕВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ

Районирование

Историко-археологические особенности бассейна Оби в пределах Томской, Омской и северной половины Новосибирской областей позволяют выделить здесь три района.

Среднее Приобье[1]. Сюда мы включаем новосибирско-ирменскую часть Приобья, а также низовья Томи и Чулыма. В эпоху бронзы Среднее Приобье было местом стыка нескольких культурных областей — среднеиртышской, нарымской, минусинской и лесостепной обь-иртышской.

Нарымское Приобье — часть бассейна Оби, включающая притоки Парабель с Кенгой, Васюган, Кеть, Тым и Вах. Особенностью этого района является значительная изолированность, что обусловило здесь длительное (вплоть до средневековья) переживание многих неолитических традиций, особенно в орнаментации посуды[2].

Среднее Прииртышье. Сюда относится часть бассейна Иртыша, лежащая между Омском на юге и устьем Ишима на севере. Среднее Прииртышье ранее других частей Приобья вступило в тесные контакты со степными областями Северного Казахстана, что привело к проникновению в лесостепную и таежную части Прииртышья многих степных (андроновских) элементов.

Среднее Приобье и Среднее Прииртышье мы нередко объединяем в один большой район — Среднее Обь-Иртышье.

Общее направление историко-культурного развития

В эпоху неолита рассматриваемую территорию населяли близкие в культурном отношении племена. Фрагменты неолитической посуды, найденные в разных местах этой обширной области, обнаруживают большое сходство между собой как по отдельным элементам орнамента (волнистые узоры, псевдоплетенка, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны), так и по технике его нанесения (отступающая гребенка, отступающая палочка)[3].

---

[1] М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3, рис. 2.

[2] М. Ф. Косарев. О некоторых обских орнаментах, КСИА АН СССР, 101, 1965.

[3] Вопросы, касающиеся относительной и абсолютной хронологии памятников бронзового века рассматриваемой территории, подробно изложены в кандидатской диссертации автора. М. Ф. Косарев. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Канд. дис. Рукопись. Архив ИА АН СССР, р. 2, № 1912, 1964; его же. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореферат, М., 1964, стр. 4, табл. III—VI.

В конце неолитической эпохи эта общность распалась, и к началу бронзового века в Среднем Обь-Иртышье определились три линии развития — самусьская, томская и среднеиртышская.

Самусьская линия развития наиболее хорошо представлена Самусьским могильником (начало II тысячелетия до н. э.) [4], поселениями Самусь III (вторая четверть II тысячелетия до н. э.) и Самусь IV (XVI—XIII вв. до н. э.). Самусьская линия продолжает в своем развитии автохтонные урало-сибирские традиции и приводит в эпоху развитой бронзы к сложению в северной части Среднего Приобья своеобразной самусьской культуры (XVI—XIII вв. до н. э.), известной, в частности, по материалам поселения Самусь IV (рис. 1, *29—33*). Для самусьской культуры характерны горшкообразные и баночные сосуды, украшенные волнистыми узорами, прямыми горизонтальными линиями, сплошными взаимопроникающими треугольными зонами, которые наносились протягиванием округлой палочки или отступающей гребенкой. Выделяется особая группа сосудов, украшенная лестничными поясами под венчиком и в придонной части, антропоморфными или зооморфными изображениями на тулове и сложными узорами солярного облика на дне.

На поселении Самусь IV — наиболее ярком памятнике самусьской культуры — найдено значительное количество каменных ножей, имеющих форму неправильных треугольников [5], обнаружены разнотипные наконечники стрел (обычно треугольные с прямым основанием и листовидные со слабо выраженным черешком), каменные грузила с боковыми выбоинами для привязывания, более двух десятков литейных форм кельтов и копий турбинско-сейминского типа [6].

В нашем распоряжении слишком мало данных, чтобы очертить границы самусьской культуры. Однако можно с достаточной уверенностью сказать, что поселение Самусь IV расположено на южной периферии самусьской культуры, что основной массив ее уходит в Нарымское Приобье и что западные ее пределы не идут дальше обь-иртышского водораздела.

Томская линия развития наиболее хорошо представлена могильником на «мусульманском кладбище» (рубеж III и II тысячелетий до н. э.) и погребениями Томского могильника на Большом (вторая четверть II тысячелетия до н. э.) и Малом (XVI—XIII вв. до н. э.) мысу. Керамика томской группы памятников развивается по линии упрочения плоскодонной баночной формы, исчезновения волнистого орнамента, отступающей гребенки и отступающей палочки, распространения сплошной ямочной орнаментации и узоров из вдавлений гребенки. Усиление связей с южными культурами андроновского времени, которые становятся особенно интенсивными в эпоху развитой бронзы, приводит к тому, что местная керамика приобретает ряд степных (андроновских) черт (рис. 1, *25—28*). Посуда Томского могильника на Малом Мысу по форме сосудов, по технике нанесения узоров и по орнаментальной композиции находит ряд соответствий в керамике Окунева улуса на верхнем Енисее и, отчасти, в посуде канайских памятников в Восточном Казахстане.

Среднеиртышская линия представлена энеолитическими памятниками екатерининского типа (рис. 1, *1—8*) и несколькими комплексами, относящимися к развитому бронзовому веку (рис. 1, *19—24*). Для екатерининской керамики характерны приостренное дно, орнаментация поверхности горизонтальными рядами наклонных вдавлений зубчатого штампа (или лопаточки), сетчатыми поясами и горизонтальными рядами

---

[4] М. Ф. Косарев. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964.

[5] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, 4, рис. 2, *12*.

[6] Там же, рис. 3 и 4.

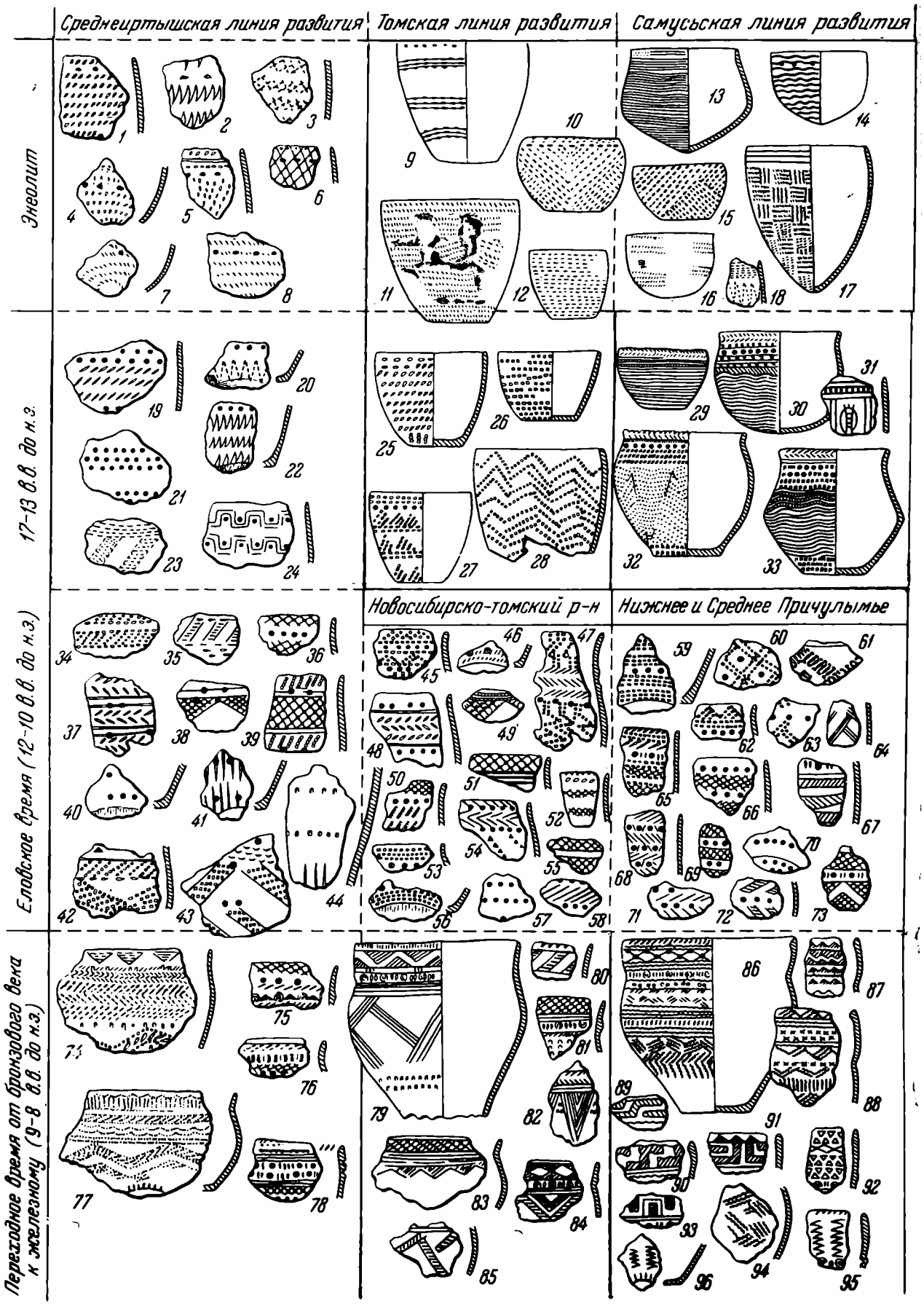


Рис. 1. Схема культурного развития Среднего Обь-Иртышья в бронзовом веке (по керамике)

1 — 8 — Екатерининская стоянка; *9 — 12* — могильник на Мусульманском кладбище; *13 — 18* — Самусьский могильник; *19—22, 24, 35, 36* — Омская стоянка; *23, 40—44, 74, 77, 78* — из разных мест Омской обл.; *25—28* — Томский могильник (Малый Мыс); *29—33, 45, 46, 79* — Самусьское поселение; *34* — Екатерининское поселение; *37, 38* — Красноозерка I; *39* — р. Малая Бича; *47, 49* — из разных мест Томской обл.; *48, 51, 83* — Басандайское городище; *50, 52, 55, 57* — поселение у дер. Камень; *53, 54, 56, 58, 84, 85* — поселение у дер. Красный Яр; *59* — Ново-Кусковская стоянка; *60—73, 91—93, 95, 96* — Десятовское поселение; *75, 76* — городище Большой Лог; *80* — Томское Лагерное городище; *81, 82* — местонахождение у п. Чекист; *86—90, 94* — городище Молчановская Остяцкая гора

«шагающей скобки». Орнаментальное поле делилось горизонтальными рядами ямочных вдавлений.

Дальнейшее развитие среднеиртышской керамики идет по пути появления плоскодонности, развития горшкообразной формы, изменения техники нанесения орнамента. Орнаментальная композиция и позднее существенно не отличается от екатерининской, однако вместо короткого и нечеткого зубчатого штампа и вдавлений лопаточки распространяются крупнозубая гребенка и гладкий штамп. В результате контактов со степными племенами Северного Казахстана, которые особенно усилились в эпоху развитой бронзы, в орнаменте среднеиртышской посуды становятся обычными треугольники, меандры, заштрихованные зигзаги и другие степные элементы. По-прежнему является обязательным деление орнаментированной поверхности рядами ямочных вдавлений, однако ямки становятся более аккуратными, круглыми (в отличие от екатерининской посуды, где они наносились небрежно и имели неправильные очертания).

В последней четверти II тысячелетия до н. э. наблюдается экспансивное распространение части среднеиртышского населения на восток — в Среднее Приобье, где оно сменяет ранее жившие здесь племена самусьской и томской культур. В результате на всей громадной территории Среднего Обь-Иртышья утверждается единая культура, представленная памятниками еловского типа (Еловским и Десятовским поселениями в Томской обл., нижним слоем поселений у деревень Камень и Красный Яр в Новосибирской обл., Евгащинским поселением в Омской обл.— всего более чем двадцатью памятниками).

Керамика еловской культуры имеет горшкообразную (приближающуюся к открытой баночной) форму. Орнамент наносился отпечатками ребра пластины или гребенки. Сущность орнаментальной композиции заключается в однообразном чередовании елочных, сетчатых или геометрических поясов с горизонтальными рядами ямочных вдавлений (рис. 1, *34—72*). Орнамент покрывает всю боковую поверхность сосудов. Горшкообразная форма, неплохое лощение, наличие меандровых и других геометрических узоров в орнаменте придают еловской посуде некоторую андроноидную окраску. В то же время ряд признаков (обязательное деление орнаментального поля рядами ямочных вдавлений, характерность заштрихованных лент, усложненных зигзаговых полос) позволяет сближать еловскую керамику с посудой сузгунской культуры Нижнего Тобола-Иртышья.

Памятники еловской культуры дали большое количество орудий: каменные наконечники стрел с выемкой в основании (Десятовское и Еловское поселения), костяные наконечники, иногда подражающие по форме каменным (Еловское поселение), каменные скребки, глиняные грузила с желобками для привязывания, обломки точилец, зернотерок (Десятовское поселение). В Еловском поселении был найден обломок литейной формы серпа, бронзовый наконечник дротика с прорезным пером и створка литейной формы для отливки подобного наконечника [7].

В начале I тысячелетия до н. э. еловское население, жившее в Среднем Приобье, подвергается активному двустороннему воздействию: с севера — лесных племен (потомков древних самусьцев, продолжающих жить на севере, в Нарымском Приобье), а с юга и юго-востока — давлению карасукского населения.

Под воздействием северных таежных племен в северной части Среднего Приобья, в низовьях Чулыма, складывается культура типа Молчановской Остяцкой горы (молчановская культура; рис. 1, *86—96*), которая сочетает в себе степные (еловские) и северные таежные признаки. Это особенно хорошо видно на керамике. Наряду с резными треугольниками,

[7] В. И. Матющенко. Отчет о полевых исследованиях летом 1960 г. в окрестностях д. Еловка Кожевниковского района Томской области. Архив ИА, Р-I, д. № 2082, табл. VII, *9*.

меандровыми узорами и другими геометрическими фигурами на посуде молчановской культуры обычны крестовый, треугольный и мелкоструйчатый штампы, псевдоплетенка, гладкая и гребенчатая «шагающая скобка» и другие лесные орнаменты.

В южной половине Среднего Приобья на еловской основе при участии начавших продвигаться сюда карасукцев складывается культура, представленная памятниками басандайско-ирменского типа (ирменская культура по Н. Л. Членовой [8], рис. 1, *79—85*).

Еловское население, жившее в Среднем Прииртышье, не подверглось каким-либо существенным инокультурным воздействиям. Керамика Среднего Прииртышья в течение I тысячелетия до н. э. изменяется очень мало. Наблюдаются некоторые новые признаки в технике нанесения орнамента, в форме сосудов, однако сам характер орнаментальных рисунков и сущность орнаментальной композиции остаются в общем неизменными. В ряде случаев даже по крупным фрагментам бывает трудно отличить керамику эпоху бронзы на Среднем Иртыше от местной керамики железного века.

Хозяйство

Основным занятием населения самусьской культуры были охота и рыболовство. О большой роли охоты в жизни самусьского населения свидетельствует, в частности, значительное количество костей диких животных, например, лося [9], найденное в культурном слое поселения Самусь IV, обилие и разнотипность каменных наконечников стрел [10] и скребков. Интересно отметить, что дикий зверь является одним из основных объектов изображения самусьских художников и скульпторов. Найдены фрагменты скульптуры медведя [11], зооморфные рисунки на стенках сосудов [12], скульптурные изображения медвежьих морд на венчике одного из самусьских горшков и т. д.

О значительной роли рыболовства говорит большое число грузил и «якорей» [13]. В этой связи следует обратить внимание и на распространенность волнистого орнамента. Очевидно, волна символизирует воду. В таежном Приобье известны случаи находок керамики, где волнистый узор сочетался с изображением уточек [14].

Одной из существенных отраслей хозяйства населения самусьской культуры было производство металлических орудий, в частности кельтов и копий турбинско-сейминского типа. Находки в культурном слое Самусьского IV поселения фрагментов нескольких десятков литейных форм позволяют судить, что самусьские жители изготовляли эти орудия не только для собственных нужд, но и для удовлетворения потребностей в этих изделиях соседних племен.

Племена еловской культуры вели комплексное хозяйство, в котором значительное место занимали скотоводство и земледелие. В культурном слое Еловского поселения были обнаружены обломки костяных псалий, кости лошади, овцы и коровы [15]. В пользу земледелия у еловцев говорят находки зернотерок на Десятовском поселении, литейной формы серпа на Еловском поселении и литейной формы лопатки на Самусьском IV по-

[8] Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII, 1965.

[9] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке..., стр. 157.

[10] Там же, рис. 2.

[11] В. И. Матющенко. Новые находки из низовьев р. Томи. КСИА АН СССР, 84, 1961.

[12] В. И. Матющенко. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV, СА, 1964, 4.

[13] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи, стр. 161.

[14] В. Н. Чернецов, Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1957, табл. II, 7; V, 7; рис. 8, 11.

[15] В. И. Матющенко. Отчет о полевых исследованиях в окрестностях д. Еловка Кожевниковского района Томской области в 1961 г., Архив ИА, № 2271, стр. 30, 31.

селении (литейную форму лопатки мы связываем с еловским комплексом Самусьского IV поселения). Немалую роль в жизни еловских племен играли охота и рыболовство. Свидетельством этого являются находки на Десятовском поселении большого количества каменных наконечников стрел, скребков и глиняных грузил.

В нашем распоряжении слишком мало данных, которые позволили бы судить о соотношении различных сторон хозяйственной деятельности населения молчановской культуры. По-видимому, повышается по сравнению с еловским временем удельный вес охоты и рыболовства в связи с усилившимся давлением северных таежных племен.

Для хозяйства ирменцев следует предполагать повышение по сравнению с еловским временем роли скотоводства, что, видимо, было связано с проникновением в Новосибирско-Ирменский район и низовья Томи значительных групп карасукского населения.

Этнос

Выше мы уже подчеркивали имманентный характер развития Среднего Прииртышья и консервативность культур Нарымского Приобья.

В Среднем Прииртышье на протяжении всего бронзового века в орнаменте посуды характерны мотивы, знакомые нам еще по керамике Екатерининской энеолитической стоянки. Так, сосуды еловского времени (XII—X вв. до н. э.) по своей орнаментальной композиции едва ли существенно отличаются от екатерининских — для тех и других обычны сплошное заполнение боковой поверхности рядами наклонных вдавлений гребенки, сетчатые пояса, гладкая «шагающая скобка», деление орнаментального поля горизонтальными рядами ямочных вдавлений и т. д. Керамика эпохи раннего железа на Среднем Иртыше в ряде случаев (например, городище Битые Горки в Омской обл.) мало отличима от местной керамики бронзового века. Следует, однако, заметить, что если орнаментальная композиция в керамике Среднего Прииртышья изменялась мало, техника нанесения орнамента и форма сосудов эволюционировали довольно быстро, и в целом облик культур Среднего Прииртышья никогда не производил впечатления архаичности.

Что же касается Нарымского Приобья, то здесь, как уже отмечалось ранее, наблюдается длительное (вплоть до средневековья) переживание неолитоидных элементов в орнаменте (волны, псевдоплетенки, архаичные геометрические мотивы), которые нередко сочетались с неолитической техникой нанесения орнамента (отступающая гребенка) и с архаичной формой сосудов.

Имманентный характер развития культур Среднего Прииртышья и консервативность культур Нарымского Приобья, наличие здесь на протяжении нескольких археологических эпох двух очень специфических непрерывных линий развития — среднеиртышской и самусьской — свидетельствует о том, что на этой территории с древнейших времен соседили два этнических образования. Это обстоятельство дает нам некоторую надежду связать рассмотренные нами культуры с определенным этносом. Учитывая большую сложность и ответственность взятой на себя задачи, мы ограничимся лишь постановкой вопроса и некоторыми предположениями.

В. Н. Чернецов предполагает, что уже в позднем неолите урало-сибирская общность в значительной мере утратила свое этническое единство и что на территории между Уралом и Енисеем в III тысячелетии до н. э. взаимодействовали праугорская, праюкагирская и, возможно, прасамоедская группы населения [16].

[16] В. Н. Чернецов. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, стр. 9.

Если исключить из рассмотрения праюкагирскую группу, которая, видимо, сформировалась за пределами Обь-Иртышья в районах таежного Енисея, то можно считать, что в лесной и лесостепной полосе Западной Сибири в конце неолита и во II тысячелетии до н. э. взаимодействовали в основном две группы населения — праугорская и прасамоедская. Одним из результатов многовековых контактов указанных групп населения является неоднократно отмеченная этнографами близость между ними, выражающаяся, в частности, в близости орнаментов. Из двенадцати типов орнаментов, выделенных С. В. Ивановым для разных этнических групп Сибири, пятый тип [17] является основным у угров и самоедов (селькупов) и не характерен для остальных сибирских народов. Свидетельством теснейших взаимодействий угров и самоедов в далеком прошлом является также сложение в Нарымском Приобье особой этнической группы — остяко-самоедов (нарымских селькупов).

Исходя из данных археологии и этнографии, мы находим возможным связывать с самусьской линией развития процесс формирования древнеугорской группы в Приобье. Типичные для древнего самусьского населения орнаменты — отступающая гребенка, волна, псевдоплетенка, сплошные взаимопроникающие треугольные зоны, очень своеобразный стиль антропоморфных и зооморфных изображений и другие признаки в равной мере характерны и для поздних лесных культур Приобья, определенно угорских.

Среднеиртышская линия развития показывает, на наш взгляд, процесс формирования самодийской этнической ветви [18], а распространение еловской культуры из Прииртышья в Приобье является свидетельством продвижения древних самоедов на восток и северо-восток. Для еловских (самодийских?) орнаментов типичны сетчатые пояса, заштрихованные ленты, усложненные зигзаговые полосы, деление орнаментального поля горизонтальными рядами ямочных вдавлений и некоторые другие признаки, абсолютно не характерные для самусьской (угорской) орнаментики. Таким образом, древнее самодийское население, жившее ранее в лесостепной полосе Прииртышья по соседству с андроновскими племенами Казахстана, начинает продвигаться в глубь таежного Обь-Иртышья. В этой связи интересно отметить, что А. П. Дульзон, рассматривая топонимы Сибири индоевропейского происхождения, пришел к выводу, что носителями некоторых из них (например, гидронимов, в состав которых входит компонент «тари») является древнее самодийское население, жившее первоначально на юге Западной Сибири, по соседству с областью расселения древних ираноязычных племен [19].

Рассматривая культуры переходного времени от бронзового века к железному в Среднем Обь-Иртышье, мы пришли к выводу, что ирменская культура (IX—VIII вв. до н. э.) выросла на еловской основе при участии карасукских воздействий. На Чулыме, в Нарымском Приобье и в таежной части Красноярского края длительное время (вплоть до средневековья) бытуют украшения карасукского облика — двух-, трех- и четырехчленные полушаровидные бляшки, лапчатые подвески и некоторые другие предметы. Территория их распространения в общем совпадает с ареалом кетских топонимов, что позволяет с точки зрения научной ретроспекции видеть в древних карасукцах предков современных кетов, язык которых относится к языкам тибето-бирманской группы.

Кетские названия со значением «река» (сас, сес, зас, зес, тат, тет, дат, дет: например: Пейзас — по-кетски «ветер» + «река», Камзас — «стре-

---

[17] Этнографический атлас Сибири. М.— Л., 1961, стр. 375.

[18] Заметим кстати, что В. Н. Чернецов давно считает Прииртышье наиболее вероятным местом самоедского этногенеза.

[19] А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, стр. 4.

ла» + «река», Амзас — «мать» + «река», Синзес — «грязь» + «река» и т. д.), уходя основным своим ареалом в сторону Енисея, западной окраиной соприкасаются с низовьями р. Томи, где локализовались в конце бронзового века памятники басандайско-ирменского типа [20]. Точку зрения о связи карасукского населения с предками нынешних кетов разделяют А. П. Дульзон, Б. О. Долгих [21], Р. В. Николаев [22].

Таким образом, в сложении ирменской культуры могли принять участие две этнические группы — самоеды, пришедшие в Среднее Приобье в конце II тысячелетия до н. э., и представители тибето-бирманской языковой группы (карасукцы), начавшие проникать сюда несколько позднее.

Говоря о молчановской культуре в северной части Среднего Приобья, мы пришли к выводу, что она сложилась в начале I тысячелетия до н. э. на еловской основе под воздействием северных таежных культур, носителями которых было автохтонное урало-сибирское население — потомки древних самусьцев, продолжающих жить на севере, в Нарымском Приобье. Если видеть во взаимодействии еловских и северных таежных племен взаимодействие определенных этнических групп, то следует признать, что молчановская культура явилась результатом продвижения с севера угорских племен и смешения их с самоедами. Другими словами, сложение молчановской культуры есть процесс «угризации» жившего в северной части Среднего Обь-Иртышья еловского (самоедского) населения.

Носителями кулайской культуры железного века, которую мы генетически связываем с молчановской, была уже единая угро-самоедская группа населения — предки нынешних нарымских селькупов.

Характер и причины этнокультурных смен

Этот вопрос мог не стоять, если бы смена одной культуры другой всегда объяснялась чисто историческими причинами — приходом инокультурного населения, которое вытесняет или ассимилирует ранее жившую на этой территории группу племен. Но как быть с районами, где в течение некоторых археологических эпох (неолита, энеолита, бронзового века) постоянно проживает единая группа населения — можно ли считать, что в данном случае мы имеем дело с очень длительным существованием одной культуры? По-видимому, нет.

Чтобы решить вопрос о причине и характере культурных смен, необходимо четко определить, что такое археологическая культура. Правильное определение культуры, на наш взгляд, дано А. Я. Брюсовым. Он считает, в частности, что «археологические культуры отражают в своем единстве своеобразие техники, хозяйства, быта и других сторон жизни определенной этнической группы, обычно группы родственных племен, в процессе их исторического развития» [23]. Таким образом, изменение культурного облика древнего населения должно определяться изменением «своеобразия техники, хозяйства, быта» и т. д. Нам кажется, что переход от каменного века к бронзовому и в особенности освоение техники бронзового литья должны были обязательно повлечь за собой существенные изменения в хозяйственном укладе, быте, привести к появлению новых навыков, новых традиций и новых ритуалов. Другими словами, в основе смены культур лежит прежде всего экономический фактор.

При характеристике бронзового века района Среднего Обь-Иртышья мы выделили несколько культур: самусьскую, еловскую, молчановскую

---

[20] А. П. Дульзон. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики, Уз. ТПИ, VI, 1950, стр. 178.

[21] Б. О. Долгих. О похоронном обряде кетов. СА, 1961, 3.

[22] Р. В. Николаев. Карасукская культура на севере Красноярского края «Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири». Томск, 1959.

[23] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 20.

и ирменскую (последняя выделена Н. Л. Членовой). Во всех случаях смене культур на рассматриваемой территории предшествовали существенные экономические сдвиги. Так, сложение самусьской культуры (рис. 1, *29—33*) было в значительной мере связано с прогрессом охотничье-рыболовческого хозяйства и освоением металлургии бронзы; выделение томской и среднеиртышской линий развития — с переходом от охотничье-рыболовческого хозяйства к пастушеству и земледелию; сложение еловской культуры (рис. 1, *34—73*) явилось следствием дальнейшего прогресса скотоводческо-земледельческого хозяйства и новых успехов в развитии бронзовой металлургии и т. д.

Однако было бы ошибкой рассматривать экономический прогресс и связанное с ним изменение культурного облика населения, как сугубо внутренний, самодовлеющий процесс, совершенно отвлекаясь от географического и внешнего исторического факторов. Распад древней неолитической общности на территории Среднего Обь-Иртышья и выделение томской и среднеиртышской линий развития были в значительной мере подготовлены изменением географических условий: около рубежа III и II тысячелетий до н. э. внутри Среднего Обь-Иртышья определяются ландшафтные различия [24] — южная половина этой территории становится лесостепной, что приводит к утрате ее населением прежних (лесных) связей и к усилению контактов со степными племенами Казахстана. Все это, в конечном счете, и подготовило почву для перехода населения уже лесостепной части Среднего Обь-Иртышья к пастушеско-земледельческому хозяйству.

Дальнейшее наступление степи на лес привело к распространению в северную часть Среднего Приобья скотоводческо-земледельческих племен еловской культуры и одновременно к отступлению на север, в глубь Нарымского Приобья, охотничье-рыболовческого самусьского населения.

Сложение молчановской культуры в северной части Среднего Приобья (начало I тысячелетия до н. э.) проходило в период наступления тайги на степь, что вызвало продвижение на юг и смешение с еловским населением таежных племен — потомков древних самусьцев, продолжающих жить на севере, в Нарымском Приобье.

Таким образом, чтобы представить и правильно понять схему культурного развития Среднего Обь-Иртышья в эпоху бронзы, необходимо всегда учитывать тесное взаимодействие здесь трех факторов — экономического, географического и внешнего исторического. Недооценка хотя бы одного из них неизбежно приведет к неправильному пониманию характера и направления культурно-исторического развития на рассматриваемой территории.

---

[24] О смещениях ландшафтных зон и связанных с ними этнокультурных сдвигах в Приобье см. подробнее: М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ СКИФОВ

В решении вопросов общественного строя скифов Северного Причерноморья VI—III вв. до н. э., начиная с 30-х годов, в науке установились два следующих основных взгляда: В. И. Равдоникас и М. И. Артамонов пришли к выводу, что скифское общество было патриархально-родовым, типа военной демократии по Ф. Энгельсу [1]; А. П. Смирнов и С. П. Толстов, со своей стороны, считают, что у скифов сложились классовые, рабовладельческие отношения, а сама Скифия являлась рабовладельческим государством [2].

В 50-х годах Б. Н. Граков высказал концепцию, согласно которой у скифов в VI—V вв. до н. э. продолжал сохраняться родовой строй, а с конца V в. возникает централизованное скифское государство, в создании которого наибольшее значение сыграла объединительная политика царя Атея. Социально-экономическую основу такого государства он видит в росте у скифов домашнего и особенно завоевательного рабства, порабощения кочевниками земледельческого населения страны в духе спартанских гелотов и фессалийских пенестов [3]. Большая заслуга Б. Н. Гракова в изучении общественного строя у скифов, как мне представляется, заключается в том, что ему удалось подорвать веру в незыблемость родовой теории.

Прежде всего необходимо остановиться на том, как я понимаю Скифию в географическом и этнографическом отношении, так как в этих вопросах между исследователями существуют значительные расхождения. Я исхожу из взгляда, согласно которому Скифия представляла собой обширную страну, раскинувшуюся от Дона на востоке до нижнего течения Дуная на западе, от Черного моря на юге до северной границы украинской лесостепи.

Скифию населяли различные по этнической принадлежности, занятиям и образу жизни племена. По словам К. Маркса, «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части» [4]. Именно такое соответствие сложилось и в Скифии. В степях Приазовья и Причерноморья жили преимущественно кочевники скотоводы, а на западе и в Среднем Поднепровье расселялись оседлые земледельческие племена, из которых каждое имело свою особую территорию. Скифы

[1] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. ИГАИМК, XII, 1—8, Л., 1932, стр. 62 сл.; М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. ВЛГУ, 1947, 9, стр. 70 сл.; его же. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1947, 3, стр. 63 сл.

[2] А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934; С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, 103, М.— Л., 1934, стр. 167 сл.

[3] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, М.— Л., 1950, стр. 7 сл.; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1956, стр. 9 сл.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом (январь 1852 — декабрь 1855). Собр. соч., т. 28, М., 1962, стр. 214.

царские и скифы-кочевники, составлявшие праноязычную группу населения и выступавшие в качестве главного фактора истории страны, имели свои ставки к востоку от нижнего течения Днепра и в степном Крыму. Каллипиды, северные соседи Ольвии, называются у Геродота эллино-скифами, мы их узнаем в микс-эллинах декрета в честь Протогена. Алазоны, если они находились в Поднестровье, вероятно, составляли восточную ветвь фракийских племен Карпато-Дунайского бассейна. Скифы-земледельцы, вероятнее всего, населяли лесостепь к востоку от Днепра. Их, как и кочевых скифов, обычно считают принадлежащими к иранским по языку племенам. В скифах-пахарях, обитавших в лесостепи к западу от Днепра, бывших здесь автохтонами с белогрудовского времени, предположительно можно видеть предков славян.

М. И. Артамонов высказал удачную мысль, что такие названия племен Скифии, как «скифы царские», «скифы-земледельцы» и др., являются прямыми переводами местных этнических названий со скифского языка на греческий [5]. Столь же вероятным следует признать заключение, что такие ἔθνεα являлись не отдельными племенами, а должны были составлять группы родственных между собой племен [6].

Причерноморские степи были особенно благоприятными для развития кочевого скотоводства. Однако можно уверенно сказать, что у скифов уже не существовала «первичная неограниченность» выпасов. Вот почему им приходилось много воевать из-за пастбищных угодий и различными иными средствами охранять их от посягательств со стороны других скотоводов. «У нас (скифов.— *А. Т.*),— пишет Лукиан Самосатский в новелле о Токсарисе,— ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи» [7].

Едва ли приходится сомневаться в том, что скифы, так же как позднее сарматы, имели свои зимники на юге [8]. В таком случае их сезонные летние перекочевки должны были получать общее меридиональное направление. У современных кочевников в Азии подобные маршруты достигают 1000 *км* [9]. Можно предполагать, что скифы в ходе своих перекочевок из припонтийских степей проникали глубоко на север, а это лучше всего могло обеспечивать нормальный годовой цикл их кочевого скотоводческого хозяйства. Не случайно, конечно, что могилы кочевников скифов встречаются не только в степи, но и в лесостепи, а недавно их удалось обнаружить даже около южной окраины Полесья, в местности, расположенной к востоку от Киева [10]. При вторжении Дария Гистаспа в Северное Причерноморье в 514 г. скифы царские, отправившие свои повозки с семьями, имуществом и лишним скотом далеко на север [11], по-видимому, воспользовались путями, проложенными ими во время кочевий. Проникновение номадов в глубь лесостепи должно было сильно затрагивать экономические интересы местного земледельческого населения, в хозяйстве которого скотоводство также играло большую роль. Между кочевыми скифами Причерноморья и Приазовья и земледельцами Среднего Поднепровья существовали разнообразные постоянные связи, хорошо отразившиеся во всей известной нам совокупности археологических материалов. Без включения территории украинской лесостепи в состав Скифии ее нельзя понять ни исторически, ни археологически.

Хозяйство оседлых племен базировалось на пашенном земледелии. Относительно скифов-пахарей известно, что они сеяли хлеб для продажи [12],

[5] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов, стр. 76.
[6] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 17.
[7] Лукиан. Токсарис или дружба, § 36; ВДИ, 1948, 1, стр. 308.
[8] Страбон, VII. 3, 17; ВДИ, 1947, 4, стр. 201.
[9] История Казахской ССР, 1, Алма-Ата, 1957, стр. 151.
[10] Материалы скифской экспедиции ИА АН УССР (1962—63 гг.).
[11] Геродот, IV, 121. ВДИ, 1947, 2, стр. 282.
[12] Там же, 17, стр. 261.

на основании чего заключают, что земледелие в Скифии достигало уровня товарного производства [13].

В развитии ремесел население Скифии опережало своих соседей в Восточной Европе, но, тем не менее, и здесь оно продолжало развиваться в рамках домашнего хозяйства. Лишь кузнечное ремесло, как считает Б. Н. Граков, начинает в IV—III вв. до н. э. обособляться от сельского хозяйства [14]. Специализация части населения на кочевом скотоводстве, а другой части — на земледелии должна была способствовать развитию внутренней торговли в стране. Большое значение в экономике племен Скифии имела также торговля с античными городами Причерноморья, являвшимися поставщиками разнородной и отличной по качеству ремесленной продукции, спрос на которую более или менее одинаково остро ощущался как в кочевых, так и в оседлых районах. Из Скифии через посредство тех же городов вывозились продукты животноводства, хлеб, рабы и пр. Несмотря на значительную интенсивность, торговля не поднялась в Скифии над уровнем товарного обмена; таких данных, которые подтверждали бы наличие в ней денежного обращения, не имеется. Некоторые городища в Скифии достигали огромных размеров, но ни одно из них нельзя назвать городом в качестве окончательно сложившегося центра развитого ремесла и торговли. Такие городища, как Бельское, Немировское, Матронинское и др., могли быть сосредоточиями племен, но не городами. На Нижнем Днепре, в сердце кочевой степи в конце V в. до н. э. возникает обширнейшее Каменское городище, тщательно исследованное Б. Н. Граковым.

Обратимся теперь к вопросам семьи, рода и имущественных отношений, которыми определяется наше понимание общественного строя у скифов.

В. И. Равдоникас и М. И. Артамонов, а вслед за ними и другие ученые называют скифскую семью патриархальной. Известная стойкость родовой концепции, как мне кажется, объясняется только тем, что такое определение семьи у скифов до сих пор не ставилось даже под сомнение.

Широкое признание патриархального характера семьи у скифов более всего покоится у нас на том, что в источниках имеются совершенно ясные свидетельства о твердо установившемся у них счете родства и порядка наследования по мужской линии. С ними мы ранее всего встречаемся в преданиях о происхождении скифов. Генеалогия скифского царя Иданфирса, современника Дария Гистаспа (521—486), известна нам благодаря сообщению Тимна, бывшего опекуном царя Ариапейта. По его рассказу, Иданфирс был сыном Савлия, внуком Гнура, правнуком Лика, праправнуком Спаргапейта [15].

Наряду с единобрачием у скифов существовало многоженство (три жены царя Ариапейта), отмечен левират. Однако эти этнографические особенности не имеют решающего значения для выяснения структуры семьи.

Пережитки матриархата, свойственные, например, общественному строю савроматов, письменными источниками для скифов не засвидетельствованы. Его следы обнаруживаются исследователями в религиозных верованиях (богиня очага Табити, Гестия, как верховное божество скифов); их можно видеть в случаях погребения скифянок с положенными в них предметами вооружения. Не известно ни одной скифской женщины, которая сыграла бы какую-нибудь заметную роль в истории.

Женщина в скифской семье занималась домашним хозяйством и вела замкнутый образ жизни. Лучше всего ее положение обрисовано в предании о происхождении савроматов, в котором рассказывается о том, что амазонки сказали скифским юношам, которые звали их в свою общину:

---

[13] Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья (VII—V вв. до н. э.). СА, 1960, 2, стр. 25 сл.; е е ж е. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья (IV—II вв. до н. э.). СА, 1962, 1, стр. 66 сл.

[14] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 167 сл.

[15] Геродот, IV, 76. ВДИ, 1947, 2, 272.

«Мы, пожалуй, не уживемся с вашими женщинами, так как у нас не одинаковые с ними обычаи: мы стреляем из луков, бросаем дротики, ездим верхом, а женским работам не обучены, тогда как ваши женщины... занимаются женскими работами; они постоянно сидят на повозках, не ходят на охоту и вообще никуда не показываются» [16].

Этот миф о начале савроматов, на который особое внимание обратил М. И. Артамонов, чрезвычайно важен для выяснения структуры скифской семьи. Далее в нем говорится, что амазонки потребовали от вступивших с ним в брак скифских юношей, чтобы они взяли у родителей «свою долю имущества». Молодые скифы последовали этому совету и, получив имущество, поселились вместе с амазонками за Танаисом [17]. М. И. Артамонов видит в приведенном сообщении свидетельство наличия у скифов патриархальной семейной общины, в которой допускался выдел женатых сыновей, и предполагает при этом, что право собственности в такой общине еще не сосредоточилось в личности отца как главы семьи. Он заключает, что доля имущества, которую получали отделяющиеся члены семьи, определялась здесь обычным правом, так что хозяйство у скифов было не частносемейным, а семейным [18]. К изложенному сводится основное обоснование М. И. Артамоновым существования у скифов не только патриархальной семьи, но и самого патриархального рода.

Приведенное место из легенды может получить и иное истолкование, а именно: в нем с бóльшей уверенностью следует видеть свидетельство о том, что в скифской семье допускался сравнительно легкий выдел взрослых членов, что мы имеем здесь дело не с патриархальной, а с малой индивидуальной семьей, не с семейной общиной, а с частносемейной собственностью.

Такой вывод находит себе подтверждение во всех других источниках. Решающее значение в данном вопросе я придаю, прежде всего, сведениям об имущественном положении простого кочевника скифа. Семейная патриархальная община, как это твердо признано в этнографии, отличается большой имущественной состоятельностью и совершенно определенной экономической устойчивостью [19]. Если же мы обратимся к скифской семье, то без большого труда убедимся в том, что она, в отличие от семьи патриархального типа, была весьма небогата. Так, по словам Лукиана, люди, происходившие из «массы простых скифов», которые чаще всего являлись лишь «...владельцами пары быков и одной повозки» [20] назывались «восьминогими».

Из этого ценного свидетельства видно, что имущественный достаток обычного кочевника был в то время очень скромным, определенно соответствующим небольшой, а именно малой семье. Что собой могла представлять такая небольшая скифская семья, обладательница одной юрты на повозке, мы узнаем из другого рассказа того же замечательного писателя. В нем идет речь о некоем скифе Абавхе, пришедшем в город Ольвию с семьей, которая, кроме него, состояла из жены, грудного мальчика и семилетней девочки [21]. Такое имущественное положение и подобная семья были характерны, несомненно, не только для позднего, но и раннего скифского времени в Причерноморье. Отчасти в том убеждают нас и другие сообщения Лукиана. Для VI и V вв. подтверждение им следует видеть в словах поэта Пиндара о кочевнике скифе Стратоне, который не имел даже дома, перевозимого на повозке [22]. Таким образом, и Пиндар минимальный достаток простого скифа определяет одной повозкой с кибиткой.

[16] Геродот, IV, 76. ВДИ, 1947, 114, стр. 280.
[17] Геродот, IV, 115, 116. ВДИ, 1947, 2, стр. 280.
[18] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 72.
[19] М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 82 сл.
[20] Лукиан. Скиф или гость, § 1. ВДИ, 1948, 1, стр. 302.
[21] Лукиан. Токсарис или дружба, 61, стр. 314.
[22] Схолии к комедиям Аристофана. ВДИ, 1947, 2, стр. 300.

В нескольких случаях в курганах простых скифов-кочевников IV—III вв. до н. э. около с. Кута Апостольского района Днепропетровской обл. и близ г. Борисполя к востоку от Киева под одной насыпью обнаруживались, помимо центрального мужского захоронения, отдельные женская и несколько детских могил, принадлежавшие, по-видимому, членам одной малой семьи [23].

Приведенные данные позволяют прийти к выводу, что у кочевых скифов была не патриархальная семейная община, а малая семья с вполне обособленным хозяйством. Из источников не видно, чтобы такие семьи у скифов объединялись в какие-нибудь общины, подобные патриархальным семьям или патронимиям. Глубокая имущественная дифференциация скифского общества, которая так характерна для него, была бы невозможна, если бы в нем сохранялись более древние формы семьи и рода с соответствующими им элементами коллективности в производстве и в потреблении. Признав, что у скифов была малая семья, мы должны будем сделать и другой важный вывод, что у них установилось господство частносемейной собственности как на скот, так и на все иные виды имущества со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями.

Далеко зашедшим развитием частной собственности следует, по-видимому, объяснять и сильное ослабление родственных уз у скифов. Как бы в прямую противоположность патриархальным отношениям, в рассказах о скифах мы сталкиваемся лишь со случаями, в которых обнаруживаются их личные, притом явно корыстные интересы.

По рассказу скифа Тимна, мудрец Анахарсис погиб от руки своего брата царя Савлия [24]. Так же и царь Скил был казнен его братом Октамасадом. И в том и в другом эпизоде убийство названных скифов объясняется тем, что они, усвоив культуру и обычаи греков, оказались отступниками от скифских племенных традиций и религии. Однако в истории со Скилом такое обвинение, несомненно, явилось лишь поводом, тогда как более реальная причина, вполне прозрачно проступающая в повествовании, заключалась в борьбе за царскую власть. Эта история отчетливо свидетельствует о том, с какой легкостью у скифов допускалось нарушение даже таких священных для родового общества обычаев, как гостеприимство и право убежища. Из нее мы узнаем, что в то время, когда Скил бежал от преследования Октамасада к фракийскому царю Ситалке, у самого Октамасада скрывался брат Ситалки, приходившийся Октамасаду родным дядей по матери. Когда войско скифов встретилось на Истре с фракийцами Ситалка предложил Октамасаду следующее: «...Ты сын моей сестры, и в руках у тебя мой брат: выдай мне его, а я передам тебе твоего Скила; а подвергать опасности войска не следует ни мне, ни тебе». Октамасад выдал укрывавшегося у него фракийского беглеца и, завладев Скилом, тут же приказал отрубить ему голову [25]. Так в этом случае были попраны наиболее исконные родовые и семейные законы: родной дядя был выдан врагу и убит брат.

Два рассказа о смертельной вражде между царственными братьями вполне определенно характеризуют скифское общество. Геродот свидетельствует даже о существовании у скифов постоянной вражды между родственниками. Он пишет: «Так поступают (снимают черепа, как у врагов — *А. Т.*) они и с родственниками, если рассорятся с ними и если перед лицом царя один одержит верх над другим. Когда явятся гости, которым скиф желает оказать внимание, то он приносит такие черепа и рассказывает, что это были его родственники, но вступили с ним в борьбу и он одержал верх над ними. Это рассказывается как геройский подвиг» [26].

---

[23] Материалы скифской экспедиции ИА АН УССР (1962—63 гг.).
[24] Геродот, IV, 76. ВДИ, 1947, 2, стр. 272.
[25] Геродот, IV, 78—80, Там же, стр. 272—274.
[25] Там же, 65, стр. 270.

Особое социальное значение у скифов получил обряд побратимости. Личные связи, которые устнавливались таким путем между совершенно чужими людьми, считались у них несравнимо более священными, чем родственные.

Все изложенное выше определенно свидетельствует о сильном ослаблении кровно-родственных связей, явлениях далеко зашедшего распада клановых отношений у скифов. Они решительным образом не соответствуют той форме рода у скифов, как его представляет себе М. И. Артамонов, который утверждает, что «в скифском обществе, состоявшем из патриархально-семейных хозяйств, род долго оставался вполне реальной и притом имеющей громадное значение величиной, обеспечивающей на первых порах преобладание общинного начала над частновладельческим» [27]. Такого рода у скифов не существовало уже весьма давно. У них не большая семья и патриархальный род, а малая семья и возобладавшие отношения, построенные на частной собственности, стали определять основные особенности их общественного строя.

Может быть, более архаические формы семьи, чем у кочевников, продолжали сохраняться у некоторых оседлых племен Скифии, о которых пишет М. И. Артамонов в своей интересной статье о земледельческом празднике у скифов [28]. Однако для проверки его выводов по этому вопросу у автора не имеется никаких новых данных.

Скифы-кочевники, будучи общинниками, в принципе должны были быть в социальном отношении равными между собой. Но имущественная дифференциация зашла у них так далеко, что такое равенство могло иметь только весьма условное значение.

Основную массу простых скифов, о чем была речь выше, составляли владельцы одной пары быков и повозки. Вместе с тем, среди них появились люди, которые не имели даже такой собственности. К словам Пиндара «среди кочевников скифов блуждает Стратон, который не имеет дома перевозимого на повозке» схолиаст дал пояснение, что «не имеющий там повозки считается неуважаемым» (ἄτιμος) [29]. У Псевдо-Гиппократа говорится о существовании скифской безлошадной бедноты, принадлежавшей к числу людей самого низкого происхождения [30]. Возможно, что со временем происходило постепенное обеднение кочевников в Скифии. Отчасти о таком направлении процесса можно догадываться по увеличению роли пехоты в скифском войске. Для нас всеобъемлющей характеристикой для скифов V в. звучат слова Геродота: каждый скиф — «конный стрелок» [31]. Однако уже у него находится сообщение, что во время вторжения персов в Причерноморье в войсках царских скифов, помимо конницы, сыгравшей решающую роль в войнах с ними, имелась и пехота, которая занимала определенное место в боевых порядках [32]. В конце IV в. до н. э. у Сатира, претендента на престол царя Боспора Киммерийского, войско его союзников скифов в битве при Фате состояло из 20 тысяч пехоты и лишь из 10 тысяч всадников [33]. По новелле Лукиана, переносящей нас приблизительно в ту же эпоху, в войске скифов, собравшемся для похода против царя Боспора, оказалось 20 тысяч тяжеловооруженных и пеших воинов и всего 5 тысяч всадников. В последнем случае прямо говорится, что в пехоту шел бедный человек [34], т. е. не имеющий лошади.

---

[27] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 72—73.

[28] М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уз. ЛГУ, сер. истор. наук, 15, Л., 1946, стр. 3 сл.

[29] Схолии к комедиям Аристофана, стр. 300.

[30] Псевдо-Гиппократ, гл. 30; там же, стр. 298.

[31] Геродот, IV, 46. ВДИ, 1947, 2, стр. 266.

[32] Геродот, IV, 134. Там же, стр. 284.

[33] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 85.

[34] Лукиан. Токсарис или дружба, 48, стр. 311.

Б. Н. Граков был первым, обратившим внимание на то, что процесс обеднения простых скифов, а вместе с тем и утраты ими полноправия начался еще в VI—V вв. до н. э.[35]. Бедность — старая беда скифов: она являлась в кочевой степи значительно более изначальной, чем это представляется некоторым исследователям. Скиф без быков и лошадей не мог вести самостоятельного хозяйства, а потому не мог иметь и одинаковых прав с имущими скотоводами. Так, К. Маркс писал: «У кочевников обладание конем делает человека свободным, дает ему возможность принимать участие в жизни общины»[36]. О том, как тяжела была жизнь многих простых кочевников в Северном Причерноморье, дает возможность судить один отрывок из Пиндара, использованный грамматиками для пояснения греческой пословицы «Скиф коня». В этом фрагменте говорится: «Некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются убитой лошадью, а тайком обдирают зубами (челюстями) кривые ноги и головы»[37]. У скифов, как пишет врач Ерасистрат (конец IV — начало III в. до н. э.), вошло в привычку, когда они оставались без пищи, стягиваться широким поясом потуже[38]. Скиф Пиндара, питающийся мясом павшего скота,— степной нищий, персонаж, хорошо известный и у азиатских кочевников вплоть до совсем недавних времен, в среде которых сложилась следующая знаменательная пословица: «Чем быть сыном бедного, лучше быть рабом богатого»[39]. Впрочем, справедливость этой пословицы в приложении ее к скифскому времени может быть подтверждена и археологическими данными — встречаются погребения с одним наконечником стрелы или бусиной.

В Скифии рядом с начисто обедневшими кочевниками стояли чрезвычайно богатые скотовладельцы. У Псевдо-Гиппократа «скифские богачи» (ἐκνθέων οἱ πλούσιοι) называются «самыми благородными и пользующимися наибольшим могуществом» людьми в Скифии[40]. Нам они лучше всего известны по гробницам с бесчисленными драгоценными погребальными дарами, открытыми в знаменитых курганах на Северном Кавказе и в Причерноморье, таких, как Келермесские, Костромской, Ульский, Мельгуновский, Острая (Томаковский), Золотой, Куль-Оба, Солоха, Чертомлык, Александропольский, Мелитопольский, Чмырев, Шульговка и др. Богатейшие из их числа уверенно считаются гробницами скифских царей, другие знакомят с различными представителями родо-племенной знати. До сих пор в археологии образ бедняка номада остается сильно заслоненным фигурой скифского аристократа-воина в паноплии, состоящей из шлема, панциря, поножей, щита, акинака, копий и лука со стрелами в горите, богато убранных золотом, верхом на коне в золотом уздечном наборе. Характеристика богатства знатного туземца на Северном Кавказе у Лукиана, который имел «десять золотых чаш, восемьдесят четырехместных повозок и множество овец и быков»[41], вполне приложима и к скифским богачам. Такие богачи, как пишет тот же автор, могли при военных сборах выставить на своем иждивении по пять, десять и больше всадников[42].

С разбогатевшей скифской родо-племенной верхушкой по социальному положению смыкалось жреческое сословие. Гадатели специализировались на ложных доносах и сделали их источником своей наживы: если им удавалось обвинить кого-нибудь перед царем в нарушении клятвы боже-

[35] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 23.

[36] К. Маркс, Ф. Энгельс. К. Маркс. Подготовительные работы для «святого семейства» (из рукописного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса). Собр. соч., т. III, М.— Л., 1929, стр. 662.

[37] В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, I, 1, СПб., 1893, Пиндар, 203, стр. 326.

[38] В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 875.

[39] М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.— Л., 1947, стр. 142.

[40] Псевдо-Гиппократ, 30. ВДИ, 1947, 2, стр. 298.

[41] Лукиан. Токсарис или дружба, 46. ВДИ, 1948, 1, стр. 310—311.

[42] Там же, стр. 311.

ствами царского очага, то они получали в вознаграждение имущество «клятвопреступника» [43].

Скифское общество, разделенное на богатых и бедных, совсем не похоже на реконструируемую М. И. Артамоновым родо-племенную скифскую общину с ее практикой коллективного производства и потребления, с ее развитой системой взаимопомощи, которая, как считает он, не допускала у кочевых скифов возникновения крайних имущественных различий и возникновения абсолютной нищеты [44]. Вопреки такому представлению, у скифов были налицо и абсолютная бедность и абсолютное богатство с соответствующими промежуточными прослойками между ними.

Основным известным нам источником рабства у скифов служили постоянные войны. Данных о существовании у них кабального рабства не имеется.

При рассмотрении вопроса о рабстве у скифов чаще всего обращается внимание на предание о возвращающихся из Азии в Причерноморье скифах, против которых в Крыму восстали потомки рабов-слепцов, и на реплику Геродота о причине ослепления скифами своих рабов. Эта легенда более всего способствовала представлению, согласно которому рабство у скифов считается патриархальным, связанным с домашним хозяйством. «Указание Геродота,— пишет, например, М. И. Артамонов,— что «всех рабов скифы ослепляют», свидетельствует, что роль скифских рабов не выходила за границу домашнего хозяйства и что, следовательно, основной труд по скотоводству лежал не на них [45].

В действительности же миф о восстании потомков рабов к подлинному рабству у скифов отношения не имеет. Понятие рабство употреблено в этом случае метафорически в применении к какому-то подвластному племени. Ко времени Геродота, по-видимому, первоначальный смысл исторического предания был уже отчасти забыт, оно приобрело анекдотическое оформление, во всяком случае осталось недостаточно ясным самому Геродоту. С. А. Жебелев считал, что сообщение Геродота об ослеплении рабов у скифов «из-за молока» является лишь домыслом автора [46]. Предание это интересно для нас потому, что в нем отразилась идеология рабовладельцев скифов, считавших, что с рабами нужно бороться не оружием, а нагайками, что рабов не следует убивать зря, так как они нужны как рабочая сила.

Существует ошибочное мнение, согласно которому у скифов было мало рабов и они не использовались в скотоводстве. Давно известно, что в могилах богатых скифов в качестве сопровождающих насильственно умерщвленных лиц клались рабыни и рабы. В ходе недавних раскопок близ с. Кута Днепропетровской обл. и около г. Борисполя выяснилось, что умерщвленные рабы клались в могилы не только знатных, но и простых необедневших скифов значительно чаще, чем это считалось раньше. Даже с ребенком иногда считали необходимым положить невольницу-няньку [47].

Кочевое скотоводческое хозяйство требовало много рабочих рук. Особенно тяжел был выпас скота в зимнее и ненастное время. Много работы по уходу за скотом и при переработке животноводческого сырья. Известно, например, что в прошлом столетии некоторые богатые табунщики в Средней Азии держали до 50 семей наемных рабочих [48]. Этнография и история свидетельствуют, что кочевники отнюдь не были безразличными к использованию рабского труда в своем хозяйстве, а бегство от них рабов было чрезвычайно затруднено обширностью занимаемых ими степных

[43] Геродот, IV, 68. ВДИ, 1947, 2, стр. 270.
[44] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов, стр. 74.
[45] Там же, стр. 81.
[46] С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, стр. 330.
[47] Материалы скифской экспедиции ИА АН УССР (1962—63 гг.).
[48] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 45.

пространств. Вот одно из характерных сообщений об использовании рабов у казахов в начале прошлого столетия: «Богатые же имеют много невольников, получаемых в добычу при чинимых ими набегах, и сверх того содержат у себя в услужении много бедных своих земляков» [49]. Рабы у таких кочевников выполняли одинаково как домашние работы, так и все другие виды производственной деятельности, в том числе и ухода за скотом [50].

Нет никаких оснований предполагать, что у скифов рабы использовались только при доме, а не на самых тяжелых работах. К сожалению, источники в этом вопросе более чем скудны. Лишь в одном случае угадывается, что пастухами скифских стад были именно рабы. Так в повествовании о вторжении Дария в Причерноморье упоминается об одной военной хитрости, применявшейся скифами, для осуществления которой они оставляли часть своих стад с пастухами для захвата их персами [51]. Едва ли этими пастухами могли быть свободные скифы, так как плен угрожал им смертью или тяжкой неволей.

Скифский богач являлся владельцем многочисленных стад мелкого и крупного скота и табунов коней. В этом отношении он как собственник ничем принципиально не отличался от крупного землевладельца. Нельзя сомневаться в том, что скотоводческое хозяйство родовой и племенной аристократии, утопающих в роскоши и золоте степных богачей, могло вестись лишь с применением труда рабов, обедневших сородичей и утративших родовые связи людей, попавших в полурабскую зависимость.

Особое место в проблеме общественного строя Скифии занимает вопрос о тех отношениях, какие существовали в ней между скифами царскими и всем прочим кочевым и оседлым населением страны. По Геродоту, скифы царские были признаны в качестве свободных, самых лучших и многочисленных, считавших всех остальных скифов своими рабами [52]. Понятие «рабство» употреблено здесь Геродотом, как это давно признано в науке, метафорически, в смысле подвластности и даннической зависимости. При выяснении отношений между господствующими и данниками в Скифии следует учитывать многие факторы, такие, как степень военного могущества царских скифов в разное время, а также силы самих подвластных племен, их территориальное положение и пр. Здесь можно попытаться осветить только общий характер этих отношений, так как более углубленное изучение их представляет особую задачу.

В наиболее обнаженном виде отношения между скифами царскими и покоренным населением обнаруживаются в повествовании о их господстве над Азией. Там, как утверждает Геродот, «скифы... все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо, кроме того, что они взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они, кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа» [53]. Сбор дани и грабеж выступают в данном случае как наиболее простые и в то же время самые грубые формы эксплуатации народа, подавленного силою оружия. Как немые свидетели о таких скифских излишествах и грабежах в Азии открываются перед археологами остатки восточных сокровищ, обнаруженных в Келермесе, Мельгунове и в кургане на р. Калитве [54].

Очевидно, что и в Северном Причерноморье скифы царские, распространившие в конце VII и начале VI в. до н. э. свою власть на массу местных племен, воспользовались теми же средствами извлечения из них

---

[49] М. П. Вяткин. Ук. соч., стр. 122.
[50] Там же, стр. 133.
[51] Геродот, IV, 130. ВДИ, 1947, 2, стр. 283.
[52] Геродот, I, 106; там же, стр. 251.
[53] Там же, IV, 20, стр. 262.
[54] А. П. Мандевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, 1958, 2, стр. 196 сл.

наживы, какие они так охотно применяли в Азии. Подобные приемы эксплуатации кочевниками подвластных им племен известны нам из этнографии и истории. Так, в Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. господствующее положение занимали хорошо сплоченные и вооруженные киргизы, буряты и калмыки, державшие под своей властью различные, преимущественно охотничьи, племена, которые назывались киштымами (что по-русски означает «прижимать», «притеснять»). Они брали с киштымов дань, ясак, состоявший главным образом из ценных мехов, преимущественно соболя. В районах с развитой местной железоделательной промышленностью ясак брался крицами, наконечниками стрел, таганами, кирками, молотами, наковальнями и прочими железными изделиями. Там, где это было возможно, собиралась дань и хлебом. С племен, живших в бóльшем отдалении, ясак брали часто с боя, «брали сколько могли взять за один раз». Как пишет изучавший прошлое бурятов А. П. Окладников, киштымов «от нашествия военных конников плохо защищали земляные валы и стены городищ, не спасало и традиционное бегство в черные леса, гольцы, болота и «ржавцы» [45].

Яркая картина системы эксплуатации восточносибирскими воинственными кочевниками своих киштымов, нарисованная А. П. Окладниковым, может хорошо помочь пониманию особенностей господства скифов царских над населением Скифии. Подвластные земледельческие племена на более отдаленных от господствующих номадов территориях, как это известно из археологии, сохраняли значительную самостоятельность в своих внутренних делах, собственный уклад жизни. В их курганах были открыты многочисленные могилы пеших и конных воинов, которые часто были вооружены нисколько не хуже, чем их господа степные наездники; известны и могилы вождей земледельцев, живших в Среднем Поднепровье. Большие и хорошие укрепленные городища, рассеянные по всей лесостепи, меньше всего являются памятниками межплеменной борьбы жившего здесь населения, в первую очередь они были направлены, конечно, для защиты против неумеренных собирателей дани.

Земледелец был данником не только в раннее, но и в позднее скифское время. Очень интересно сообщение Страбона о кочевниках и земледельцах в Крыму, относящееся к IV в. до н. э. [56]. Так он пишет: «Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани; предоставив землю во владение привыкшим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты данниками денег начинают с ними войну... Действительно, они даже не начинали бы с ними войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в своих силах так, что могут или легко отразить нападающих или воспрепятствовать вторжению» [57]. Земледелец в Крыму также был данником кочевников, но сохранял собственный уклад жизни. Он оставался достаточно сильным в военном отношении, так что и сам готов был промышлять пиратством, грабежом. «Земледельцы же,— дополняет свой рассказ Страбон,— хотя и слывут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных средств обогащения» [58].

Б. Н. Граков, как отмечено вначале, придает особое значение завоевательному рабству у скифов, в результате которого покоренные земледельцы попадали в полурабскую зависимость от кочевников, похожую по

---

[55] А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, Л., 1957, стр. 320.

[56] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре..., стр. 21.

[57] В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, 1954, стр. 33.

[58] Страбон, VII, 4, 6, ВДИ, 1947, 4, стр. 210.

форме на положение спартанских гелотов или фессалийских пенестов [59]. Существование такой формы эксплуатации части оседлого населения Скифии не исключено, хотя прямых доказательств ее у нас и не имеется. Что она вообще могла применяться у кочевников, подтверждается этнографией. А. П. Окладников пишет, например, что калмыки и киргизы в Восточной Сибири не только собирали дань со своих подвластных киштымов, но и уводили их с близлежащих территорий вместе с женами и детьми к себе в улусы на определенные сроки, где заставляли выполнять различные земледельческие работы, а может быть, и пасти скот [60]. Возможное в подобных формах закабаление части оседлых племен могло расширять рабовладельческую базу и у скифов.

Рабство у скифов отличалось большой суровостью. Клеарх Солийский, ученик Аристотеля, был глубоко убежден в том, что упадок скифов в его время произошел главным образом из-за их чрезмерного стремления к роскоши и совершенно необузданной жестокости в обращении с рабами. Клеарх пишет: «скифы предавались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния. Это же очевидно из остающихся еще до сих пор одежд и образа жизни их начальников. Предавшись же роскоши и притом весьма *сильно*... они дошли до такой степени жестокости и высокомерия, что у всех людей с которыми вступали в сношения, стали отрезать концы носов. Потомки этих людей, удалившиеся с родины, еще и ныне имеют прозвище от того, что те претерпели. Женщины же их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и северу... Над всеми же они господствовали так надменно, что рабское служение у них, ни для ни кого не бесслезное, перенесло и в последующие поколения выражение «от скифов», *показывающее*, каково оно было» [61]. В. Д. Блаватский, рассматривая это свидетельство, делает следующий, по-видимому, правильный вывод, что такое положение рабов, в каком они находились у скифов, обычно было свойственно не патриархальному строю, а развитым рабовладельческим отношениям [62].

У скифов сравнительно слабо развивались ремесла и торговля, задержалось сложение городов. Во всех этих отношениях скифы ничем принципиально не отличаются от большинства других кочевых народов, в том числе и современных, у которых, несмотря на неразвитость ремесел (домашнее производство) и торговли (меновой обмен), исторически засвидетельствовано существование классового общества и феодальных форм государственности. Как и у последних, у скифов уровень социально-экономического развития определяется не только ростом общественного разделения труда в зависимости от успехов развития ремесел, сколько ростом продуктивного кочевого скотоводческого хозяйства. Огромное значение скотоводства в истории человеческого общества неоднократно подчеркивалось классиками марксизма. Ф. Энгельс считал, что возникновение скотоводства привело к первому крупному общественному разделению труда, а в дальнейшем и к разделению общества на рабовладельцев и рабов, к сложению классового общества [63]. У К. Маркса имеется следующее указание: «Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов» [64]. Высокая производительность животноводства спо-

[59] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 21 сл.
[60] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 325.
[61] Клеарх Солийский. Жизнеописания, IV, 8. ВДИ, 1947, 3, стр. 253—254.
[62] В. Д. Блаватский. Рабство и его источники..., стр. 35.
[63] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., 21, М., 1961, стр. 161.
[64] К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 23, М., 1960, стр. 99.

собствовала быстрому росту богатства кочевых общин, а легкая отчуждаемость скота и к раннему возникновению в них семейной, а вслед за тем и частносемейной собственности. Как пишет Ф. Энгельс, на стада ранее всего распространяется частная собственность глав семейств как первая форма частной собственности [65]. Выводы К. Маркса и Ф. Энгельса о выдающейся роли скотоводства в истории древнего общества подтверждаются и наблюдениями современных этнографов. Исходные возможности для быстрого социально-экономического развития у кочевников-скотоводов, заключает М. О. Косвен, оказались несколько иными, чем у земледельческих народностей, а именно: «В кочевых скотоводческих обществах распад первобытно-общинных отношений идет быстрее, чем у земледельческих. Скотоводство ведет к более быстрому и интенсивному образованию богатств, имущественному расслоению, оформлению родо-племенной власти и пр.» [66].

У скифов Причерноморья можно видеть типичный случай именно такого раннего прогрессивного общества кочевников скотоводов. Они, как мы видели выше, вошли в историю в ту пору своего развития, когда патриархальные формы семьи и рода сменились малой индивидуальной семьей, а их общество, вследствие развития частной собственности и глубокой имущественной дифференциации, оказалось резко разделенным на знатных богачей скотовладельцев и бедноту. Несомненно значительное, но еще почти совершенно не выясненное в науке, влияние на развитие и структуру общественного строя у скифов оказывали античные государства Северного Причерноморья и весь греческий рабовладельческий мир. Вдоль побережья Черного моря, как бы в прямом соответствии с приведенным выше высказыванием К. Маркса о кочевниках, скифы находились в соприкосновении и обмене с чужими общинами, в качестве которых здесь выступали греческие города с их высокоразвитыми ремеслами и торговлей. Страбон, говоря о скифах в духе известной идеализации номадов у античных авторов, счел нужным от себя добавить о них следующее: «Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и к номадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимать от них роскошь и торгашество...» [67]. Судя по приведенным строкам, современники хорошо себе представляли силу воздействия греческого мира на скифов и их социальный строй. Рабство у скифов, как мы видели, должно было находить себе применение не только в домашнем, но и в скотоводческом хозяйстве, т. е. имело производственное значение. В Скифии простые скотоводы общинники, очевидно, количественно преобладали над рабами, но подобное соотношение было свойственно, как это хорошо известно, и большинству значительно выше развитых народов древнего мира с рабовладельческим строем общества. При определении общественного строя у скифов главную роль играет не абсолютное количество бывших у них рабов в чем следует согласиться с А. П. Смирновым, а то, какое они имели значение в производстве [68]. На основании изложенного и следуя взглядам А. П. Смирнова и С. П. Толстова, считаю возможным прийти к выводу, что у скифов VI—III вв. до н. э. было не патриархально-родовое, а классовое, рабовладельческое общество. Никаких значительных изменений в общественном строе скифов в ранний (VI—V вв.) и поздний (IV—

---

[65] Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 161 сл.
[66] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, М., 1957, стр. 226.
[67] Страбон, VII, 3, 7. ВДИ, 1947, 4, стр. 195.
[68] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 4.

III вв.) периоды их истории не обнаруживается. Различия между этими периодами, несомненно, имеются, но речь здесь должна идти не о смене первобытно-общинного строя классовым, а о различных процессах происходящих внутри классового, рабовладельческого общества. Кажется, если о том судить по памятникам археологии, они сводятся здесь, главным образом, к углублению имущественной и социальной дифференциации, к дальнейшему распаду родо-племенных уз.

Остановимся на вопросе о том, что собой представляла Скифия как политическое образование.

Среди табличек оракулов ассирийского царя Асархаддона (681—668), обращенных к богу Шамашу, имеется одна, в которой спрашивается, будет ли Партатуа, «царь страны Ишкуза»», соблюдать договор о дружбе, если Асархаддон отдаст ему в жены царскую дочь. В этом важном историческом документе, как пишет И. М. Дьяконов, подчеркнуто, что ассирийцы в то время «считали главу скифов именно «царем» и притом царем определенной «страны», заключение дипломатического брака с которым представляет для Ассирии значительный политический интерес» [69]. В данных обстоятельствах для нас представляется важным то, что Скифское царство в Азии укрепилось к тому времени уже настолько, что оно в качестве «страны Ишкуза» получило официальное признание со стороны наиболее могучей державы Переднего Востока — т. е. Ассирии, а его глава, Партатуа (Прототий античных авторов), был признан «царем» (šarru) [70]. И. М. Дьяконов предполагает, что ассирийское жречество одобрило мысль о закреплении союза между Ассирией и Скифским царством браком, потому что последнее с той поры сделалось верным союзником ассирийцев. Еще бо́льшую роль в ассирийской истории, чем Партатуа, он отводит его сыну, скифскому царю Мадию.

Таким образом можно думать, что скифское государство начало формироваться еще на переднеазиатской почве и по своей ранней структуре могло быть подобным Мидии или ахаменидской Персии при их сложении. Это скифское государство, как считает И. М. Дьяконов, оказалось недостаточно стойким, так что после нескольких десятилетий своего существования было уничтожено мидийским царем Киаксаром.

Как в Азии, так и в Северном Причерноморье скифское государство образовалось в результате завоевания страны и покорения местного населения сплоченными и сильными в военном отношении царскими скифами. Под их властью оказались многочисленные племена, расселявшиеся на обширных пространствах степи и почти всей лесостепной полосы Украины. Центром скифского государства явились так называемые царские владения (βασιλήϊα), где находилась главная ставка скифов царских, к востоку от р. Герра, в степях Приазовья и Крыма.

М. И. Артамонов, отрицая возможность существования у скифов государства в VI—III вв. до н. э., пишет: «Самое бо́льшее, чем могла быть Скифия в это время, это изменчивым в своем охвате, непрочным союзом племен, близким к номинальному преобладанию одного из них над другими» [71]. Такое понимание Скифии не соответствует реальному положению. Скифия менее всего была похожа на какой-нибудь союз племен. В ней имело место политическое господство скифов царских над прочим населением страны, притом господство это было вполне стойким и долговременным. Долговременность этого господства царских скифов отчетливо подтверждается Геродотом для VI—V вв. до н. э. и остается также вероятной вплоть до III в. до н. э. Наилучшей проверкой прочности Скифии

---

[69] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 246.
[70] Там же, стр. 272—286.
[71] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов..., стр. 75—76.

как политического образования служит история вторжения в нее в 514 г. Дария Гистаспа, закончившаяся для него тяжелым поражением, а для скифского царя Иданфирса — победой, принесшей скифам славу непобедимости[72]. Прочность Скифии менее всего напоминает номинальность и временность союза племен, не соответствует она и военной демократии, с помощью которой исследователи пытаются объяснить ее военную мощь.

К концу V в. до н. э. относится сравнение Фукидидом скифского царства с фракийским царством одрисов, в котором указывается, что скифское царство превосходило царство одрисов и все другие царства Европы «по военным силам и количеству войск», хотя тут же отмечается и его организационная слабость[73]. Между скифским царством и царством одрисов существовало определенное структурное сходство. Так, если в Скифии главенствующая роль принадлежала царским скифам со стоящими во главе их царями, то во Фракии первенство занимали одрисы с их царями; если фракийские цари ориентировались в своей политике, помимо Эллады, также и на Скифию, то скифские цари искали себе опору во Фракии, одинаково для того используя династические браки. Т. В. Блаватская верно подметила, что исследователи, допускающие существование государства у скифов лишь со II в. до н. э., в излишне примитивном виде представляют себе скифское общество V—III вв. до н. э.[74].

Аппарат государства у скифов был, очевидно, столь же прост, как и у всех кочевых народов. Так, в феодальных кочевых государствах, организация которых в настоящее время изучена лучше, аппарат этот состоит из главы государства, приближенных к нему дружинников — слуг и исполнителей, нескольких правителей назначаемых над определенными территориями или родо-племенными группами, которым были, в свою очередь, подчинены старшины, избиравшиеся родами или родовыми подразделениями. В основе государственный аппарат у кочевников был построен на принципе всемерного использования родовой и племенной структуры, свойственной предшествующим периодам истории древнего общества, которая благодаря такому ее использованию очень стойко сохраняется у всех кочевых и полукочевых народов вплоть до новейшего времени.

Стойкость родовой структуры у кочевников объясняется и тем, что их военная организация, один из главных элементов государства, также была построена на использовании этой родовой структуры. Род и племя в феодальных государствах кочевников оставались архаическими пережитками. На основе именно таких пережитков и возникла в этнографии известная родовая концепция общественного строя у казахов, бурят, хакасов и других азиатских кочевников феодального периода. С простейшими формами государственности нас знакомит история Казахстана XV—XVIII вв., разделенного на несколько ханств. Во главе каждого такого государства у казахов стоял хан, в подчинении у которого было несколько султанов, каждый из которых управлял несколькими родами с помощью выбранных от них старейшин. Ханы имели дружину, но постоянного войска у казахов не было[75]. Приблизительно подобное же простое устройство могло иметь и скифское государство.

Особое своеобразие Скифии в раннее время заключалось в том, что власть в ней была разделена между тремя царями, происходившими, судя по генеалогическому преданию, из одного царского рода. Так, при вторжении Дария в Причерноморье, войска царских скифов были разделены на три части, из которых двумя командовали цари Таксакис и Ско-

---

[72] А. И. Мелюкова. Античная литературная традиция о скифской непобедимости. КСИИМК, XXX. 1949, стр. 105 сл.

[73] Фукидид. История. II, 97. ВДИ, 1947, 2, стр. 293.

[74] Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I веках до н. э. М 1952, стр. 53 сл.

[75] История Казахской ССР, стр. 146 сл.

пасис, а самым большим подразделением — Иданфирс, выступающий в качестве верховного главы скифов. Единовластие в Скифии, на что особое внимание обратил Б. Н. Граков, связывая с ним начало скифской государственности, устанавливается в IV в. при царе Атее. Инсигниями власти последнего служат серебряные монеты с изображениями скифского всадника и именем Атея на одной стороне и головой Геракла на другой [76].

Считается, что власть скифского царя была деспотической. В его руках соединялись функции военачальника и верховного судьи. Как судья, царь располагал правом вынесения смертного приговора [77]. Божественное происхождение царской власти у скифов, о чем писалось много, было освящено генеалогическими мифами, возводившими их род к Зевсу (Папаю) или к Гераклу [78]. Единственными владыками над собой они признавали только Папая как предка и Табити (Гестию) — божественную царицу скифов [79]. Однако царская власть у скифов была в какой-то степени ограничена советом старейшин, решением всего войска, т. е. стоявших во главе его подразделений начальников [80].

У скифских царей покупных рабов не было; они обслуживались единоплеменниками скифами-слугами (θεράποντες), которые несли на себе обязанности виночерпиев, поваров, конюхов, вестников, и прочие. В таких слугах видят дружину царя. Из нее набирались слуги, клавшиеся в гробницу вместе с умершим царем, а также почетная охрана в виде 50 умерщвленных конных воинов, размещавшихся вокруг царского кургана [81].

Род у скифов, утративший первоначальные социальные и производственные функции, сохранился в качестве готовой формы военной организации общества, необходимой для постоянной защиты пастбищ, охраны стад и походов против соседей. Организация народа для ведения войн приобрела особое значение. С ней было связано множество различных воинских обычаев, преследовавших воспитание храбрых в бою и беспощадных к врагу воинов. Вот далеко не полный перечень таких обычаев, упомянутых Геродотом: «Скиф пьет кровь первого убитого им врага», «головы всех убитых им в сражении относит к царю», с убитых снимаются скальпы, из черепов делаются чаши и т. д. Воинская дружба, скрепленная клятвой побратимства, способствовала общей стойкости войск.

Война, как пишет К. Маркс, являлась важной общей задачей древних общин, которые вели ее с целью захвата земли у других общин, а также для защиты занимаемой территории и других объективных условий существования. «Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственницы» [82].

Не имея укрепленных городов и селений, кочевые скифы должны были создавать особенно стойкое, хорошо вооруженное и крепко спаянное дисциплиной войско, включавшее всех общинников. Общую вооруженность народа в данных условиях нельзя рассматривать в качестве признака, который позволял бы относить скифов к периоду военной демократии. Без такой военной организации, как кочевники, они не могли существовать и позднее. Родо-племенная структура, которая была использована в качестве структуры военной организации и самого государства у скифов, ошибочно используется сторонниками родовой концепции для определения у скифов патриархально-общинного строя. Три части войск ски-

[76] В. А. Анохин. Монеты скифского царя Атея. Сб. «Нумизматика и сфрагистика», 2, Киев, 1965, стр. 3 сл.

[77] Геродот, IV, 65, 68, 69, ВДИ, 1947, 2, стр. 270.

[78] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 7 сл.

[79] Геродот, IV. 127, ВДИ, 1947, 2, стр. 283.

[80] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 18.

[81] Геродот, IV, 71, 72, ВДИ, 1947, 2, стр. 271.

[82] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ 1940, 1, стр. 11—12.

фов царских под командованием Иданфирса, Таксакиса и Скопасиса соответствуют делению Скифии на три части, произведенному Колоксаем. Возможно, что это деление находится в каком-то соответствии с таким первоначальным объединением царских скифов, в котором можно гипотетически видеть союз трех родственных между собой этнических групп. Если в союзе племен можно видеть исходное начало воинской мощи скифов, то в VI—III вв. от этого союза сохранялась лишь ставшая традиционной его форма, удобная для деления войск кочевников на основные крупные части и организации управления ими. На троечастном делении была построена вся их воинская организация, обеспечивавшая им защиту против внешнего врага и господство над подвластными племенами, которые в силу их подвластности не могли входить в племенной союз царских скифов, что, впрочем, не снимало с них обязанностей в участии в тех или иных крупных военных операциях. Очевидно, что описанная система войсковой организации царских скифов прямого отношения к характеристике самой Скифии в VI—III вв. до н. э. как союз племен не могла иметь и не имела.

Во главе скифских родов стояли старшины. Из немногочисленных примеров известно, что на советах старшин лежали обязанности решать многие вопросы жизни скифских общин, таких как соседские связи, войны, пастбищ, разбор тяжб [83]. В одной из новелл Лукиана говорится: «А у нас, скифов, если кто ударит кого-либо из равных или, напав, повалит на землю или разорвет платье, то старшины налагают за это большое наказание, даже если обида будет нанесена при немногих свидетелях» [84].

Родовые старшины, по-видимому, являлись скиптроносцами (скептухами), вопрос о которых как приближенных скифского царя разбирается Б. Н. Граковым в связи с рассмотрением декрета в честь Протогена. Из этого декрета известно, что скифский царь Саитафарн прибыл к Ольвии, чтобы получить с нее дань (дары), которые доставляются особым посольством ольвиополитов как ему самому, так и сопровождающим его скиптроносцам [85]. Кстати сказать, характер выплаты дани Ольвией, судя по декрету в честь Протогена, едва ли чем отличался в принципе от того, как она собиралась скифами с земледельцев Крыма, по Страбону.

О номархах, начальниках номов, мы почти ничего не знаем. Не знаем, насколько номов делилась Скифия, неизвестно, в каких отношениях стояли номархи к старейшинам, какой характер носила их подчиненность царю. Определенно о номархах говорится только как об устроителях ежегодных празднеств по номам, на которых происходило чествование вином храбрейших воинов, а также ежегодных жертвоприношений старинному железному мечу, служившему кумиром бога войны Ареса. Если судить по торжественности обряда и обилию совершавшихся здесь жертвоприношений конями, быками и пленными, то в номах можно видеть территории отдельных племен, а в номархах их вождей [86]. В вопросе о территориальных делениях Скифии у Геродота в данном случае нас вполне удовлетворяет следующее определение, данное номархам Б. Н. Граковым: «Может быть, νομοί — территории древних племен; но вполне возможно, что χαί — области, которых, вероятно, было три по числу царей» [87].

Проблема рабовладельческого строя у скифов является составной частью общей проблемы рабовладельческого строя у кочевников в том ее плане, в каком она была поставлена С. П. Толстовым еще в начале 30-х годов. Возвращаясь к этому вопросу на сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода, проходившей в 1954 г. в Ташкенте, он отметил, что в последнее время у нас в науке появилось

---

[83] Лукиан. Токсарис или дружба, 54, стр. 313.
[84] Лукиан. Анахарсис или о гимнасиях. Там же, стр. 304.
[85] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 26—27.
[86] Геродот, IV, 62—66. ВДИ, 1947, 2, стр. 269—270.
[87] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 17.

слишком много исключений из определенных классиками марксизма закономерностей, из установленной ими периодизации общественных форм. Одним из таких исключений и является отрицание существования рабовладельческих отношений, рабовладельческого строя у кочевников вообще. Он говорил также, что концепция родового строя у скифов Причерноморья и древних кочевых народностей Средней и Центральной Азии возникла на основе ошибочной концепции господства родового строя у современных кочевников; если признать родовой строй у тех, кто оставил царские могилы типа Пазарыка и Ноин-Улы, то тогда приходится признать также, что казахские ханы и султаны, киргизские манапы и аналогичные им феодалы у других современных кочевников являлись типичными представителями родового строя [88].

Дилемма достаточно ясная. Ее следует решать в пользу признания существования у некоторых древних наиболее успевших в своем развитии, кочевых народностей рабовладельческого строя. Действительно, такой вывод напрашивается при сравнении скифов Причерноморья со многими кочевниками феодальной поры. По уровню развития экономики и глубине имущественной и социальной дифференциации скифы зашли значительно далее, чем, например, калмыки, казахи, киргизы и многие другие недавние кочевники, а скифские цари по власти, военному могуществу и богатствам, которыми они располагали, решительно превосходили их ханов, и султанов.

Автор настоящей статьи, до недавнего времени сам придерживавшийся во взглядах на скифов патриархальной концепции, приходит к заключению, что А. П. Смирнов и С. П. Толстов в тридцатых годах нашли правильный путь в решении вопроса о характере общественного строя скифов. Они определили скифское общество как рабовладельческое и доказывали существование у скифов государства, начиная с VI в. до н. э. В принятии такого вывода я нахожу себе большую поддержку и во взглядах Б. Н. Гракова, который по-своему, но очень близко подошел к сходному решению этой важной скифской проблемы.

---

[88] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода. Ташкент, 1955, стр. 252—257.

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Опустошительное нашествие татаро-монгольских полчищ хана Батыя в XIII в. резко затормозило экономическое и культурное развитие народов Восточной Европы и принесло неисчислимые бедствия. По всему пути их завоевательного похода до наших дней сохранились следы бессмысленного разрушения. Десятки городов и сотни поселений древней Руси были безжалостно сожжены и разрушены до основания, а их жители поголовно истреблены или угнаны в плен. Многие из этих городов и поселений так и остались лежать в руинах, под которыми в течение семи столетий покоятся непогребенные останки их мужественных защитников.

Страшные картины поголовного избиения жителей монголами были вскрыты археологами на Райковецком городище [1], в Колодяжине [2], в Изяславле [3] и других поселениях.

О чудовищной жестокости татаро-монголов во время завоевательных походов первой половины XIII в. сообщают не только русские летописцы [4], но и арабские, и западноевропейские писатели и путешественники.

Ибн-аль-Асир (1160—1233) писал о монгольском нашествии на Среднюю Азию и мусульманские страны как о величайшей трагедии за всю историю ислама. Татары, по его словам, никого не щадили, безжалостно избивали женщин, мужчин и младенцев [5].

Рязань первым из русских городов подверглась варварскому разрушению, а затем ее участь постигла десятки цветущих городов, превратившихся в пепелища и ставших в наши дни печальной «добычей» археологов.

Русские летописцы часто сообщают, что татаро-монголы при осаде городов пускали тысячи стрел в защитников. При осаде Киева татарами в 1240 г., по образному выражению летописца, их стрелы «омрачиша свет» [6]. И действительно, при археологических раскопках разрушенных монголами городов самыми частыми находками являются железные наконечники стрел, монгольских и русских.

В XIII в. у всех восточных народов лук и стрелы были важнейшим дальнобойным оружием. Особенно широко лук и стрелы использовались конными кочевниками Сибири и Восточной Европы. Хотя на Руси лук и стрелы также были одним из важнейших видов оружия, но русские дружинники предпочитали меч луку и стрелам, тогда как монголы главный

---

[1] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950.

[2] В. К. Гончаров. Древний Колодяжин. КСИИМК, 41, 1951, стр. 49—53; Р. О. Юра. Древній Колодяжин. АП, XII, Київ, 1962.

[3] М. К. Каргер. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 59—61.

[4] ПСРЛ, I, М., 1962, стр. 460—465; ПСРЛ, XXV, М.— Л., 1949, стр. 126—131.

[5] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, СПб., 1884, стр. 2.

[6] ПСРЛ, XXV, стр. 131.

удар наносили стрелами. Неудивительно поэтому, что археологи при раскопках Колодяжина, Райковецкого городища, Изяславля, уничтоженных монголами, находят десятки и сотни, а иногда тысячи разнообразных наконечников стрел, свидетельствующих об упорной борьбе. Но выделить из общей массы наконечников стрел с подобных городищ собственно монгольские до последнего времени было затруднительно.

Некоторые виды оружия, широко употреблявшиеся в домонгольской Руси, были обычными и у других народов Восточной Европы и Азии. Поэтому определение типичного для татаро-монголов и других народов оружия очень важно для выяснения многих вопросов истории. Важность определения этнической принадлежности различных видов наконечников стрел для истории уже 80 лет назад отмечал Д. Н. Анучин [7].

Оружие всегда было более «международным», чем другие предметы материальной культуры. Новые его виды, более совершенные и эффективные, появлявшиеся у того или иного народа, значительно быстрее заимствовались и распространялись у соседних народов, чем украшения или орудия труда.

Отставание в военном деле и в оснащении войск оружием и снаряжением могло повлечь к потере независимости. Это и было причиной сравнительно быстрого распространения некоторых видов оружия у соседних народов. В этом же заключается и трудность определения места первоначального появления многих видов оружия.

Но, несмотря на трудности, отдельные виды оружия и, в частности, некоторые типы железных наконечников стрел, занесенных в Восточную Европу татаро-монголами, можно с уверенностью выделить из общей массы древнерусских наконечников стрел.

После раскопок С. В. Киселева [8] в Каракоруме — столице Чингизхана — эта задача значительно облегчается. В результате раскопок стали известны подлинные монгольские наконечники стрел разных типов, с которыми можно сопоставлять многочисленные наконечники из разрушенных монголами древнерусских поселений. Важным является и тот факт, что период существования Каракорума (с 1220 г. до начала XV в.) почти точно совпадает с периодом татаро-монгольского господства в Восточной Европе и связанного с этим историческим событием периода появления и распространения здесь некоторых типов железных наконечников стрел, совершенно не характерных ни для Руси, ни для южнорусских кочевников домонгольского времени. Эти наконечники стрел в погребениях кочевников XIV в. часто находятся вместе с монетами ханов Золотой Орды (Узбека, Джанибека и др.).

Для решения поставленной задачи мы будем привлекать материал погребений кочевников так называемого золотоордынского периода (XIII—XIV вв.), не вдаваясь в полемику о погребальном обряде татар и о существовании или отсутствии собственно татарских курганов на территории Восточной Европы. Эти вопросы много раз затрагивались в научной литературе, но до сих пор с полной достоверностью еще не удалось доказать, что татары уже в XIII—XIV вв. в Восточной Европе восприняли погребальный обряд местных кочевников хоронить в курганах [9].

От XIII—XIV вв. до нас дошло огромное количество погребений кочевников юга России и Украины с оружием и другим вещевым материалом, совершенно аналогичным тому, что был обнаружен в золотоордынских городах Поволжья того же времени. До появления татаро-монголов в Восточной Европе эти виды оружия и вещей не были известны — они появились вместе с ними.

---

[7] Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. Тр. V АС. М., 1887, стр. 411.

[8] Раскопки Советско-Монгольской экспедиции 1948—1949 гг. под руководством С. В. Киселева, который любезно разрешил использовать материал для данной статьи.

[9] Л. П. Зяблин. О «татарских» курганах. СА, XXII, 1955, стр. 63—96.

Бесспорно, что облик вещевого материала и, в первую очередь, оружия в курганах кочевников золотоордынского времени зависел от золотоордынских центров производства и от влияния татар на подчиненных им кочевников. Последние неизбежно должны были иметь подобное татарскому оружие, но сохраняли свои обычаи и погребальный обряд. Даже оседлое адыго-черкесское население Прикубанья было под сильным воздействием этого влияния.

В обстоятельной работе о Белореченских курганах В. П. Левашева неоднократно отмечает, что оружие этих курганов аналогично оружию Сарая Берке — столицы Золотой Орды на Волге. Одинаковы сабли, некоторые типы наконечников стрел, кольца для натяжения тетивы, а также бытовые предметы и украшения [10]. Это сходство объясняется историческими фактами, тесными политическими связями Золотой Орды с Прикубаньем и прямым влиянием [11]. Местное адыго-черкесское население в это время находилось в зависимости от Золотой Орды и пользовалось оружием, образцы которого были занесены татаро-монголами из Монголии и Сибирских степей в XIII в.

Лук и стрелы у монгольских и тюркских кочевников на территории Монголии и соседних областей были важнейшим оружием задолго до нашей эры. У многих восточных народов с раннего детства начиналось обучение верховой езде и стрельбе из лука по движущейся цели [12]. Постоянные столкновения между отдельными племенами конных кочевников и охота вызывали необходимость в совершенстве владеть искусством стрельбы из лука с коня. Как свидетельствует Прокопий Кесарийский, потомки гуннов, пришедших из Монголии в Европу (за тысячу лет до татар), прекрасно стреляли по врагу, сидя на скачущих конях [13].

Татаро-монголы XIII в., как и их предшественники, с малых лет обучались верховой езде и стрельбе из лука в цель с коня в любом положении. Плано Карпини, посетивший Монголию в середине XIII в., сообщает, что монгольские мужчины ничего не делают, кроме стрел, и постоянно охотятся и упражняются в стрельбе, все они от мала до велика хорошие стрелки. Они обучают детей уже с двух-трех лет верховой езде и стрельбе из лука. Женщины так же хорошо стреляют, как мужчины [14].

Тот же автор составил подробное описание монгольского оружия, в том числе и наконечников стрел. Это описание полностью соответствует формам наконечников стрел из раскопок в Каракоруме (рис. 1) и с древнерусских поселений, разрушенных монголами (рис. 2). Все наконечники стрел у монголов, по словам Плано Карпини, были черешковые («имеют острый хвост длиною в палец, который вставляется в древко»), они весьма остры, и монголы всегда носят при колчане напильники «для изощрения стрел» [15]. Среди других наконечников он выделяет специальные наконечники стрел «для стреляния птиц, зверей и безоружных людей», которые были «в три пальца ширины» [16].

В курганах кочевников Восточной Европы и на русских поселениях, разрушенных монголами, постоянно встречаются подобные наконечники стрел. Они применялись для стрельбы по коням и не защищенным бронею воинам. Стрельба по коням противника была излюбленной тактикой татаро-монголов.

---

[10] В. П. Левашева. Белореченские курганы. Археологический сборник ГИМ. М., 1953, стр. 177—178, 181, 183—184, 202, 205—206; рис. 3.

[11] Там же. стр. 209—210, 212.

[12] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М., 1951, стр. 2 сл., 11, 28, 151.

[13] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, VI (II), I.

[14] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 36—37.

[15] Там же, стр. 51.

[16] Там же, стр. 51.

Плано Карпини сообщает, что татары, начиная сражение, «ранят и убивают лошадей и людей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой» (рукопашный.— *А. М.*) [17]. Даже сбитые с коней, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей [18].

Венецианец Марко Поло, посетивший Монголию во второй половине XIII в., также приводит интереснейшие сведения о вооружении, искус-

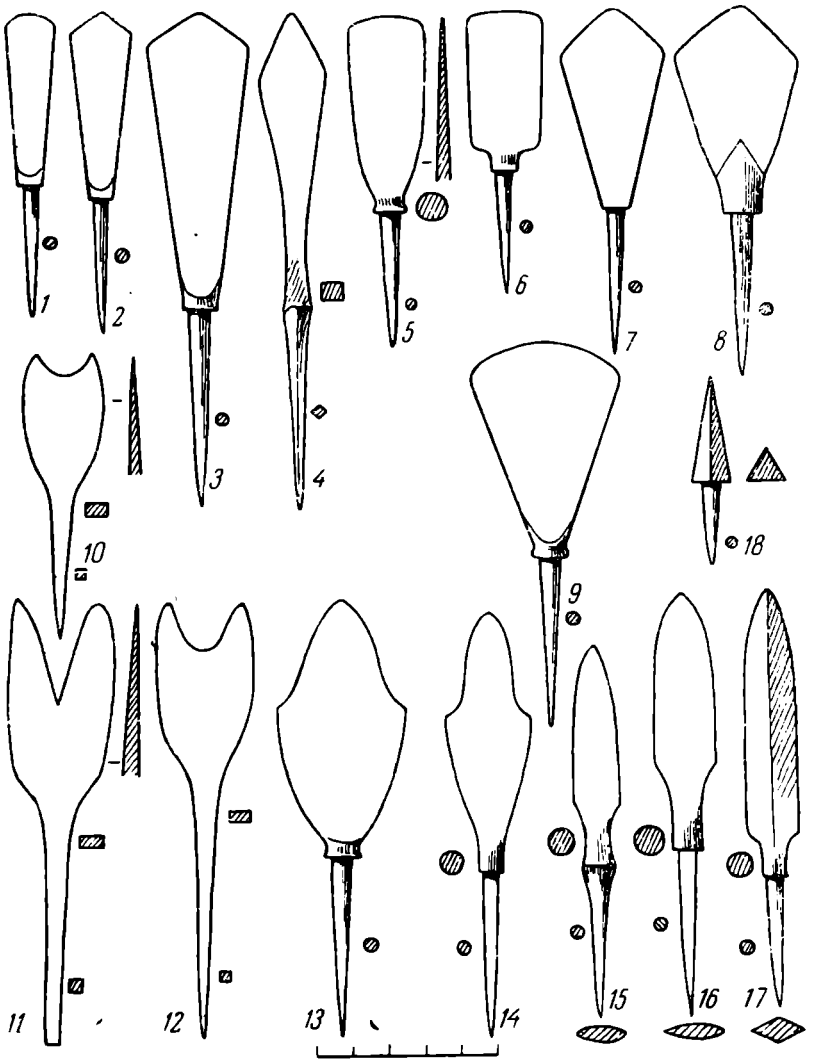


Рис. 1. Монгольские наконечники стрел XIII—XIV вв. из Каракорума (раскопки С. В. Киселева 1948—1949 гг.)

ной стрельбе и тактике татар и тюркских народов Средней Азии. «Татары стреляют и вперед и назад даже тогда, когда их гонят. Стреляют метко, бьют и вражьих коней и людей. Часто враг терпит поражение потому, что кони его бывают перебиты» [19].

Интересно его сообщение, что вооружение туркменов XIII в., живших к западу от Аму-Дарьи и боровшихся с татарами великого хана, было такое же, как и у татар. Они также имели по два колчана стрел. «У них заведено,— пишет Марко Поло,— чтобы каждый воин имел в сражении шестьдесят стрел. 30 маленьких — метать и 30 больших с железными широкими наконечниками — их они бросают вблизи, в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят они друг другу» [20].

[17] Там же, стр. 53.
[18] Там же, стр. 65.
[19] Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 65.
[20] Там же, стр. 245.

Широкие наконечники стрел были широко распространены у всех кочевых и полукочевых народов Сибири. В древней Руси подобные стрелы назывались срезнями. Они наносили широкий порез и вызывали большую потерю крови. Особенно опасны они были для конницы и рекомендовались в одном из средневековых руководств по лучной стрельбе для охоты на крупных и быстро бегающих животных [21].

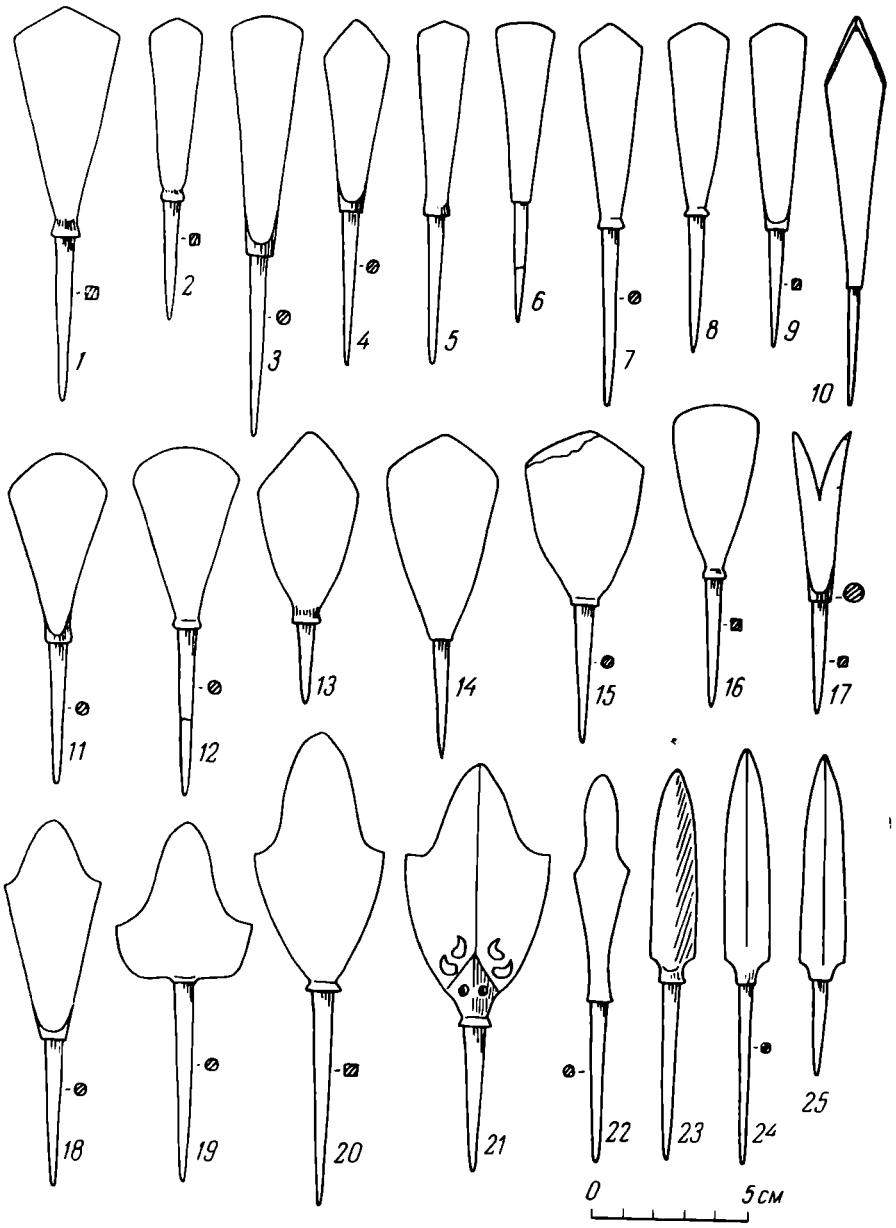


Рис. 2. Монгольские наконечники стрел XIII—XIV вв. на территории Восточной Европы

1, 2, 25 — Девич-гора; *3, 4, 11, 13, 19, 24* — Княжая гора; *5, 14* — городище Горица Черниговской обл.; *6* — Колодяжин; *7* — Райковецкое городище; *8, 18* — Старая Рязань; *9, 10, 17, 21* — Новгород; *12, 22, 23* — Изяславль; *15, 20* — Смоленск; *16* — Сувар

Монголы во время своих завоевательных походов очень широко использовали разнообразное оружие, захваченное ими у побежденных народов. Некоторые формы наконечников стрел они, несомненно, заимствовали у кочевых и полукочевых народов Сибири и использовали пленных кузнецов-оружейников. Поэтому название «монгольские» или «татарские» наконечники стрел закономерно лишь для Восточной Европы, куда они, действительно, были занесены татаро-монгольскими полчищами хана Батыя.

[21] Arab Archery. Princeton, New Jersey, 1945.

При археологических раскопках в Новгороде, Пскове и некоторых других древнерусских городов и поселений, не подвергавшихся монгольскому разорению, также иногда встречаются в слоях второй половины XIII и XIV вв. типичные монгольские наконечники стрел. Они могли попасть туда с баскаками, послами, численниками татарскими или завезены русскими из Орды и, наконец, могли быть сделаны по случайно завезенным образцам татарских наконечников стрел. Но период их употребления на русских поселениях, не подвергавшихся монгольскому разорению, не выходит за пределы общих хронологических рамок распространения подобных наконечников стрел на территории Восточной Европы. После разгрома Золотой Орды Тимуром в 1395 г. татаро-монгольские наконечники стрел очень скоро выходят из употребления. Этому способствовало широкое распространение самострелов и затем огнестрельного оружия.

Все типы монгольских наконечников стрел из древнерусских городов и поселений, равно как и из курганов кочевников второй половины XIII—XIV вв., постоянно встречаются вместе в различных сочетаниях. Особенно хорошо это видно по курганам южнорусских степных кочевников, где в одном колчане обычно находятся разные типы наконечников стрел. Они предназначались для разных целей, и древки их у оперения имели различную окраску. Это свидетельствует об одновременном употреблении разных типов наконечников стрел для различных целей.

Что же представляли собой татаро-монгольские наконечники стрел, занесенные на территорию Восточной Европы во время монгольского нашествия, и как их отличить от наконечников, употреблявшихся народами Восточной Европы?

Как говорилось выше, все монгольские наконечники стрел из раскопок были черешковые железные, что полностью соответствует их описанию у Плано Карпини. Они отличаются своеобразными очертаниями от наконечников стрел, употреблявшихся на Руси и у кочевников южнорусских степей до монгольского нашествия. Казалось бы, по этому признаку можно было давно уже выделить их из общей массы древнерусских наконечников. Но это было невозможно из-за расплывчатых датировок многих поселений, где такие наконечники встречались. Да и этническую принадлежность наконечников стрел определить не так уж просто, когда одинаковые типы бытуют у разных народов. После раскопок в Каракоруме этот вопрос прояснился.

Среди монгольских наконечников стрел из Каракорума (кстати, весьма немногочисленных — всего 18 штук) можно выделить по форме несколько типов и вариантов. Характерная особенность всех монгольских наконечников — устойчивое соотношение длины черешка и длины пера (острия). Длина черешка у них, как правило, составляет $^2/_3$ или $^3/_4$ длины пера. Почти все наконечники имеют упор для древка, за исключением двурогих наконечников из Каракорума, применявшихся, возможно, для охоты на птиц и животных.

Ниже даются краткая характеристика типов монгольских наконечников стрел и их отличительные особенности от внешне сходных наконечников народов Восточной Европы, употреблявшихся до нашествия.

1. Веслообразные (рис. 1, *4*; рис. 2, *10*; рис. 3, *19*). Длина их 75—123, длина пера 50—85, ширина пера 12—20 *мм*, вес 8—19 *г*. Пропорции пера (отношение ширины к длине) 1 : 4—1 : 5. Этот тип, несомненно, был занесен монголами и имел распространение в XIII и XIV вв. преимущественно на юге России. Такие наконечники встречены почти на всех древнерусских поселениях и городах, разрушенных монголами в XIII в. Близок к ним по виду и следующий тип наконечников, употреблявшийся одновременно.

2. Срезни в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 1, *1, 2*; рис. 2, *2—9*; рис. 3, *1, 4, 5, 7*). Длина их 63—135, длина пера 28—75, ширина пера 11—25 *мм*, вес 8—15 *г*. Пропорции пера от 1 : 3 до 1 : 6. Преобладают на-

конечники с пропорциями 1 : 4—1 : 6. Все они с упором для древка. До монгольского нашествия на Руси и в Восточной Европе не были известны и появились с ордами Батыя в XIII в. Они найдены на всех русских поселениях, разрушенных монголами, и имели распространение в XIII—XIV вв. по всей Восточной Европе. Этот тип был самым употребительным

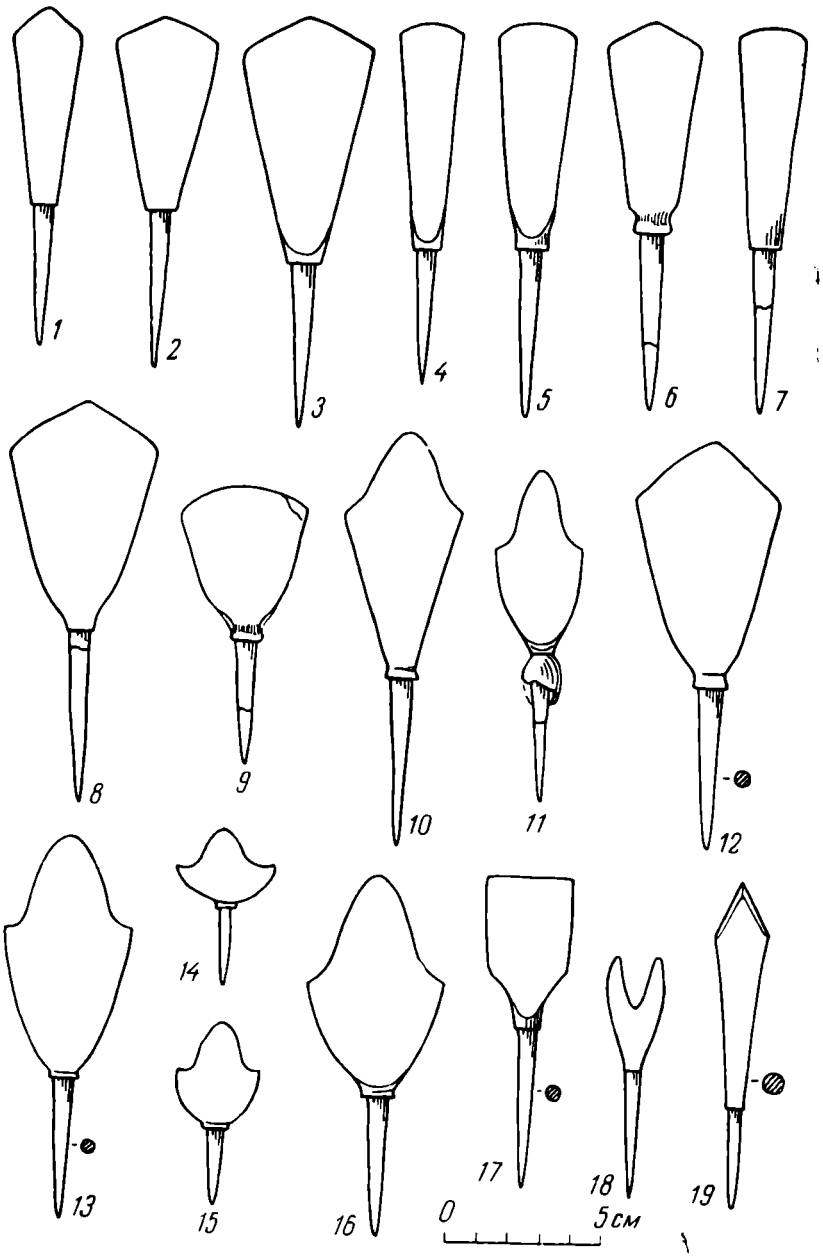


Рис. 3. Монгольские наконечники стрел XIII—XIV вв. из курганов кочевников Поволжья и Украины

1, 2, 3 — курган № 1 у с. Курнаевки Волгоградской обл.; *4, 9, 18* — из курганов у с. Бережновки Волгоградской обл.; *5* — курган у дер. Двоенки Саратовской обл.; *6, 10, 11* — курган № 2 у с. Молчановка Волгоградской обл.; *7, 15* — курган у с. Грушевки Днепропетровской обл.; *8* — курган у Белого Мара Саратовской обл.; *12* — курган в Причерноморье; *13* — курган у с. Бужилы Киевской обл.; *14* — курган № 16 Новоникольского могильника Волгоградской обл.; *16* — курган у дер. Вороной Днепропетровской обл.; *17* — курган № 10 близ пос. Мертвецовского Оренбургской обл.; *19* — курган на дюне № 5 близ Красного Яра Саратовской обл.

у монголов во время нашествия. На севере России встречается редко. Острие у них тупоугольное или дугообразное, но хронологических отличий эти признаки не имеют. Наконечники с пропорциями 1 : 3 характерны для XIV в., судя по находкам их в курганах кочевников юга и Поволжья.

До монгольского нашествия в Восточной Европе были в употреблении на первый взгляд похожие наконечники (рис. 4, *1—3*), но они резко отличаются от типичных монгольских меньшими размерами (длина 48—85, длина пера 27—55, ширина пера 12—25 *мм*), меньшим весом (6—9 *г*) и пропорциями (1 : 2—2 : 5). Они имели широкое распространение с VIII по XIII в. включительно по всей Восточной Европе, а также в Венгрии

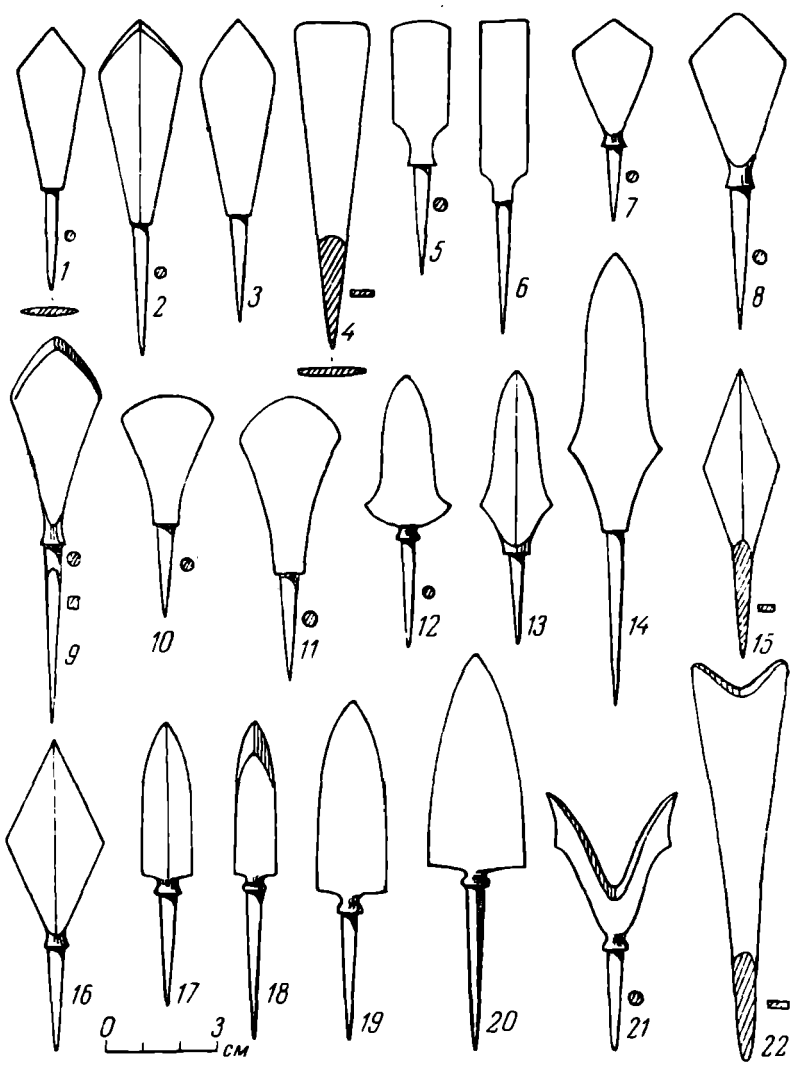


Рис. 4. Наконечники стрел, употреблявшиеся народами Восточной Европы до монгольского нашествия

1 — погр. № 1 Перемчалкинского могильника IX—X вв.; *2, 3, 8, 10, 11, 13, 16* — городище Алчедар IX—XI вв.; *4* — курган XI в. близ дер. Сязниги в Приладожье; *5, 14* — городище Екимауцы IX—XI вв.; *6* — Сарское городище IX—XI вв.; *7* — курган № 276/3 у дер. Краснополки Киевской обл.; *9* — Вышгород Киевский, X — первая половина XIII в.; *12* — Лядинский могильник IX—X вв.; *15* — Старая Ладога, X в.; *17* — могильник Мыдланьшай VIII—IX вв.; *18, 19* — Правобережное Цимлянское городище IX в.; *20* — Борисовский могильник VIII—IX вв.; *21* — Старая Рязань, XI — первая половина XIII в.; *22* — Новгород, XI в.

и Чехословакии. Другой сходный тип в виде расширяющейся к острию лопаточки имел распространение у финно-угорских племен Южного Приладожья и ярославского Поволжья в X—XI вв., а в других районах древней Руси не употреблялся. Но и этот тип резко отличается от типичных монгольских по характеру черешка и отсутствию упора для древка (рис. 4, *4*).

3. Срезни в виде расширяющейся лопаточки с широким тупоугольным острием (рис. 1, *3*; рис. 2, *1*; рис. 3, *2, 3*). Этот тип близок по форме типу 2, но отличается от него более широким пером и пропорциями. Длина наконечников этого типа 85—135, длина пера 45—80, ширина пера 26—40 *мм*,

пропорции пера 1 : 2 и редко 1 : 3. В Восточную Европу занесены монголами и имели распространение в XIII—XIV вв. у народов Поволжья и южной полосы. Они найдены в Каракоруме и на поселениях древней Руси, разрушенных монголами.

4. Срезни в виде широкой прямоугольной лопаточки (рис. 1, *5*, *6*; рис. 3, *17*). Длина их 80—100, длина пера 45—55, ширина пера 21—28 *мм*, пропорции пера 1 : 2. Найдены в Каракоруме, в курганах XIV в. в Оренбургской области, в Гагинском могильнике XIV в. в Горьковской области. Много их в Сибири.

До нашествия монголов в Восточной Европе подобные наконечники, но более узкие, с пропорциями пера 1 : 3—1 : 4 были в употреблении в VIII—X вв. Они имеют форму узкой прямоугольной лопаточки (рис. 4, *5*, *6*).

5. Срезни джучидские (рис. 1, *7*, *8*; рис. 2, *13—15*; рис. 3, *8*, *12*). Длина их 87—150, длина пера 47—88, ширина пера 30—45 *мм*. Пропорции пера 2 : 3 и 1 : 2. Это типичные татаро-монгольские наконечники, занесенные из Сибири в Восточную Европу войсками Батыя. Они найдены в Каракоруме и на разрушенных монголами древнерусских поселениях, употреблялись в XIII—XIV вв. кочевниками южнорусских степей для стрельбы по коням противника и по воинам без доспехов.

Сходные по форме наконечники (рис. 4, *7*, *8*) имели широкое распространение на территории Восточной Европы в степной и лесостепной полосе в IX — первой половине XIII в., но они почти вдвое меньших размеров (длина 60—95, длина пера 36—52, ширина 18—30 *мм*) при пропорциях пера 1 : 2. Особенно характерны они для IX—XI вв. После XI в. встречаются очень редко и к тому же более вытянутых пропорций с вогнутыми сторонами (рис. 4, *9*).

6. Секторовидные крупные срезни (рис. 1, *9*; рис. 2, *12*, *16*; рис. 3, *9*). Длина их 70—110, длина пера 45—65, ширина пера 20—35 *мм*, пропорции пера 1 : 2. Этот тип, занесенный монголами из Сибири и имевший распространение в XIII—XIV вв. преимущественно в южной полосе Восточной Европы, относится к типичным монгольским. Чрезвычайно широкое распространение они имели в Сибири, найдены в Каракоруме и на разрушенных монголами в XIII в. русских поселениях.

До монгольского нашествия сходный тип имел распространение на юго-западе древней Руси с IX до XI в., преимущественно в X—XI вв. Но они почти вдвое меньших размеров. Длина их 50—75, длина пера 30—50, ширина пера 15—25 *мм* (рис. 4, *10*, *11*).

7. Фигурнолистные или пламевидные (рис. 2, *22*). Длина их 55—130, длина пера 38—90, ширина пера 17—35 *мм*, пропорции 1 : 3. Выделяются две разновидности этого типа с небольшими, на первый взгляд, отличиями, однако имеющими важное датировочное значение.

У первой разновидности наибольшее расширение всегда в нижней трети длины пера и пропорции 1 : 3. Эта разновидность имела распространение в древней Руси и у финно-угорских народов Восточной Европы с конца VIII до начала XI в. Основной период их употребления — IX—X вв. (рис. 4, *12—14*).

У второй разновидности наибольшее расширение в средней трети или в верхней половине длины пера (рис. 2, *22*). Эта разновидность найдена в Каракоруме (рис. 1, *14*) и на древнерусских поселениях, разрушенных монголами. У одного монгольского наконечника из Старой Рязани расширение в нижней трети длины пера, но пропорции (1 : 4) и резко отличный характер отделки не оставляют сомнений, что и он занесен татарами. Вторая (монгольская) разновидность этого типа не получила распространения на территории Восточной Европы после монгольского нашествия, и ее можно датировать здесь только XIII в.

8. Кунжутолистные (рис. 1, *13*; рис. 2, *19—21*; рис. 3, *11*, *13—16*). Длина их 50—165, длина пера 25—105, ширина пера 27—52 *мм*, вес

8—20 *г*. Пропорции пера 1 : 1—1 : 2. Этот тип по форме сходен с предыдущим, но резко отличается от него большей шириной пера и пропорциями. Это типичные монгольские наконечники, имевшие широкое распространение в Сибири, откуда и были занесены на Русь монголами. Они найдены в Каракоруме и на древнерусских поселениях, разрушенных монголами. На территории Восточной Европы имели распространение в XIII—XIV вв. повсеместно, но особенно широко в Нижнем Поволжье и в южной полосе. Своеобразный вариант этого типа (рис. 2, *18*, рис. 3, *10*) также занесен монголами и употреблялся в этот же период.

9. Шестиугольные широкие срезни (рис. 5, *1*). Этот тип, несомненно, занесен из Сибири после монгольского нашествия, но широкого распространения в Восточной Европе не имел. Найден в кургане № 53 у станицы Белореченской на Кубани и относится к XIV в.

10. Ромбические крупные (рис. 5, *2*, *3*). Длина их 90—163, длина пера 50—110, ширина пера 35—55 *мм*, вес 18—40 *г*. Пропорции пера 2 : 3—1 : 2. Перо имеет вид почти правильного ромба. Этот тип совершенно не характерен для древней Руси и занесен в Восточную Европу монголами. Применялись такие крупные наконечники для стрельбы по коням противника и не защищенным бронею воинам. Употреблялись со времени нашествия до начала XV в. только на юге России и в Поволжье. Встречены в Киеве и на Девичгоре. Известно всего 22 экземпляра.

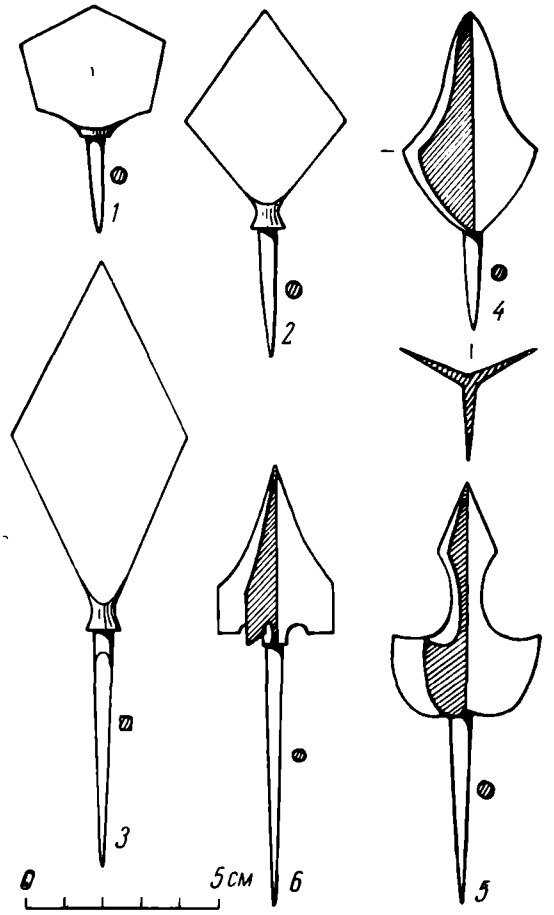


Рис. 5. Сибирские наконечники стрел, занесенные в Восточную Европу монголами в XIII—XIV вв.

1, *6* — из курганов XIV в. у ст. Белореченской на Кубани; *2*, *4*, *5* — из курганов XIV в. у дер. Вороной Днепропетровской обл.; *3* — из Киева, XIV в.

На Руси и у других народов Восточной Европы ромбические наконечники имели сравнительно широкое распространение, но они резко отличаются от занесенных монголами и по виду и меньшими размерами. В северной полосе, как правило, они не имели упора для древка и ширина их пера не превышала 25 *мм* (период распространения — с начала нашей эры до XIV в. включительно). Пропорции пера 1 : 3—1 : 4 очень характерны для периода с VIII до середины XI в. Наконечники с пропорциями пера 1 : 2 имели распространение с середины XI по XIV в. (рис. 4, *15*).

Ромбические наконечники с упором для древка (рис. 4, *16*) имели ширину пера от 14 до 30 *мм*, вес 4—10 *г*. Пропорции пера 1 : 2—1 : 3; употреблялись повсеместно в Восточной Европе с IX до XIV в. Длина их 60—120, длина пера 40—75 *мм*.

11. Килевидные (рис. 1, *15—17*; рис. 2, *23—25*). Наконечники стрел этого типа по форме напоминают кинжальчики. Некоторые разновидности этого типа употреблялись в Восточной Европе задолго до монгольского нашествия, а другие появились и распространились только после нашествия. К последним относятся килевидные наконечники вытянутых пропорций с отношением ширины пера к его длине как 1 : 5 и 1 : 6. Таких

наконечников нам известно около 400 экземпляров. Этот вариант, по-видимому, занесен монголами. Такие наконечники найдены при раскопках в Каракоруме, в курганах второй половины XIII—XIV вв. на Кубани, Северном Кавказе и на разрушенных монголами русских поселениях. Характерным их отличием от местных наконечников, помимо пропорций пера, является отсутствие перехвата на шейке, около упора для древка стрелы. Время их распространения в Восточной Европе — XIII и XIV вв.

Пропорции пера наконечников, употреблявшихся в Восточной Европе до монгольского нашествия, 1 : 4 и 1 : 3. Наконечники с пропорциями пера 1 : 4 при ширине пера 10—12 *мм* (длина их 70—100, длина пера 45—55 *мм*) имели распространение в VIII—IX вв. у народов Прикамья и в южной полосе древней Руси (рис. 4, *17*, *18*). Наконечники с пропорциями пера 1 : 3 при ширине пера 17—25 *мм* (длина их 80—105, длина пера 53—63 *мм*) были в употреблении также в VIII—IX вв. и, возможно, в X в. в тех же районах и на Северном Кавказе (рис. 4, *19*, *20*). Из 700 килевидных наконечников только 27 экземпляров относятся к двум местным разновидностям VIII—X вв. Около 280 наконечников с пропорциями пера 1 : 3 при ширине пера до 17 *мм* найдены в курганах XIII—XIV вв. на Кубани, близ Пятигорска и Новороссийска, а также на древнерусских поселениях, разрушенных монголами в XIII в.

12. Двурогие срезни (рис. 1, *10—12*). В Каракоруме были найдены своеобразные двурогие наконечники стрел без упора для древка, грубой обработки. На разрушенных в XIII в. монголами поселениях древней Руси они пока не обнаружены. Возможно, что они использовались монголами только для охоты.

Двурогие срезни на Руси и у народов Восточной Европы имели широкое распространение в IX—XIV вв. и использовались и на охоте и в бою. В разные века они имели своеобразные формы (рис. 4, *21*, *22*), но резко отличаются от монгольских из Каракорума. В XIII—XIV вв. изредка встречаются двурогие, явно сделанные из монгольских наконечников второго типа (рис. 2, *17*).

13. Трехлопастные кунжутолистные (рис. 5, *4*, *5*). Длина их 85—115 *мм*, длина головки 60—65, ширина между лопастями 33—35 *мм*. До монгольского нашествия такие наконечники были широко распространены в Сибири, откуда они, несомненно, были занесены монголами на территорию Восточной Европы в XIII в. Известно пять таких наконечников из курганов XIV в. у дер. Вороной Днепропетровской обл. и у станицы Белореченской на Кубани, один наконечник найден в Киеве на месте литовского замка, основанного в 1321 г. До татарского нашествия в Восточной Европе таких наконечников не было.

14. Трехлопастные шатровые (рис. 5, *6*). Наконечник этого типа найден в кургане № 9 XIV в. у Белореченской на Кубани при раскопках Н. И. Весловского 1907 г. (хранится в ГИМ). В Восточную Европу занесен монголами из Сибири, где этот тип имел широкое распространение.

Таковы отличительные признаки так называемых татаро-монгольских наконечников стрел. Бросается в глаза почти полное отсутствие у монголов бронебойных наконечников стрел. В Каракоруме из найденных при раскопках 18 наконечников стрел только один был бронебойный в виде трехгранной пирамидки (рис. 1, *18*). Несомненно, что татаро-монголы во время своих завоевательных походов широко использовали трофейные стрелы. Но у них были и свои излюбленные формы наконечников стрел, применявшихся для стрельбы по коннице противника и для других целей. Многие широкие наконечники имели свистящие шарики для устрашения конницы (рис. 2, *21*; рис. 3, *11*). Именно этими излюбленными наконечниками стрел усыпан путь монгольских завоевателей на территории Восточной Европы.

А. А. КОНОВАЛОВ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ СОДЕРЖАНИЯ

Раскоп, заложенный в 1951 г. на территории Неревского конца, в первый же год раскопок дал 10 грамот, написанных на бересте. Находки этих грамот положили начало блестящим открытиям, давшим исторической науке новый источник.

С 1951 по 1964 г. было найдено 428 грамот, из них на территории Неревского раскопа — 395; 15 грамот было обнаружено в новом раскопе, заложенном на древней Ильинской улице; 18 грамот — в различных частях Новгорода при земляных работах. Надо отметить, что все эти грамоты найдены не в результате вскрытия какого-то древнего архива; поскольку до сих пор «никаких архивов в Новгороде пока не найдено, то перед нами потерянные и выброшенные куски исписанной бересты, попавшие в землю разновременно и случайно» [1]. То, что они попадали в землю разновременно, доказывается различной глубиной их залегания и тем, что более поздние по форме букв грамоты залегают вверху, а более ранние — внизу [2]. Самые древние «потерянные и выброшенные куски исписанной бересты» обнаружены в слоях середины XI в.; они встречаются беспрерывно вплоть до слоев, датируемых первой половиной XV в. В более позднее время грамот на бересте не встречено.

Отсутствие в археологическом материале более ранних грамот на бересте не дает нам права категорически утверждать, что Новгород в это время их не знал. Объяснить же тот факт, что грамот ранее середины XI в. до сих пор не найдено, можно тем, что в то время грамотность не имела широкого распространения (другими словами, грамотных людей было еще сравнительно мало), и лишь со второй половины XI в. она начинает постепенно приобретать массовый характер. Об этом свидетельствует возникновение массового обучения детей в первой трети XI в. Так, в 1030 г. Ярослав Мудрый «събра от старост и от попов детей 300 оучите книгам» [3]. В пользу существования ранних грамот говорят находки писал [4] в самых нижних ярусах [5] новгородского культурного слоя. Одно писало было найдено в слое, датируемом 972—989 гг., а другое — буквально на материке, в слое 953—972 гг. Учитывая к тому же сообщения летописей о договорах Руси с греками, надпись на глиняной амфоре из гнездовского кургана

---

[1] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М., 1954, стр. 4.

[2] Там же.

[3] Новгородская IV летопись. ПСРЛ, IV, стр. 113.

[4] А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, 2, стр. 63.

[5] «„Ярус“ — это культурный слой, выросший на территории раскопа за время существования одной мостовой. Все сооружения, построенные за это время, относятся к тому же ярусу». А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, 4, стр. 107.

и сообщения арабских путешественников, мы должны согласиться с мнением исследователей, которые считают, что древнерусская письменность возникла задолго до крещения Руси. А это, в свою очередь, делает вполне вероятными находки грамот в самых нижних ярусах новгородского культурного слоя.

Грамоты на бересте как археологический источник, отражающий этапы культурного развития Новгорода

Как уже отмечалось выше, основная масса грамот была обнаружена на территории Неревского конца древнего Новгорода, где за 12 лет работы была вскрыта площадь около 10 000 $м^2$, мощность культурного слоя — около 6,5 *м*.

Этот весьма насыщенный находками и строительными остатками культурный слой делится на 28 ярусов, причем грамоты были обнаружены во всех ярусах, за исключением 28, 27, 26, 25, 2 и 1. Датировку грамот, найденных в 24-м ярусе, в силу ряда причин приходится несколько растянуть [6].

В 23-м	ярусе	найдено	2	грамоты	В 13-м	ярусе	найдено	18	грамот
» 22	»	»	3	»	» 12	»	»	15	»
» 21	»	»	5	»	» 11	»	»	18	»
» 20	»	»	5	»	» 10	»	»	23	»
» 19	»	»	9	»	» 9	»	»	24	»
» 18	»	»	9	»	» 8	»	»	39	»
» 17	»	»	11	»	» 7	»	»	16	»
» 16	»	»	18	»	» 6	»	»	20	»
» 15	»	»	22	» [7]	» 5	»	»	14	»
» 14	»	»	10	»	» 4	»	»	9	»
					» 3	»	»	5	» [8]

Из этих данных мы видим, что грамоты в строительных ярусах встречаются в различных количествах. Для более наглядного представления о размещении грамот на бересте по ярусам обратимся к графику (рисунок). Полученную кривую можно разделить на пять периодов: первый период — 23—20-й ярусы (1055—1134 гг.); второй период — 19—16-й ярусы (1134—1224 гг.); третий период — 15—11-й ярусы (1224—1313 гг.); четвертый период — 10—6-й ярусы (1313—1409 гг.); пятый период — 5—3-й ярусы (1409—1446 гг.). В первом периоде насчитывается 15 грамот; во втором — 47; в третьем — 71; в четвертом — 122; в пятом — 28.

Очевидно, что вплоть до пятого периода происходит постепенное увеличение общего количества грамот, а в пятом периоде их число резко понижается. Чем же вызван количественный рост грамот в первых четырех периодах? Почему произошло резкое сокращение грамот в пятом периоде?

Отвечая на первый вопрос, можно объяснить данное явление следующим образом: увеличение количества грамот в 1—5-м периодах является результатом постепенного роста грамотности в Новгороде, отражающим культурный уровень новгородского общества. Однако против нашего предположения можно возразить. Совершенно не вызывает сомнения тот факт, что дошедшие до нас грамоты являются лишь ничтожной частью того, что существовало на самом деле. Многие грамоты были уничтожены адресатами, другие — потерянные или выброшенные, сгорели в результате частых пожаров и т. п. Разве можно тогда говорить о какой-то закономерности попадания грамот в культурный слой и ставить вопрос о грамотах на бересте как археологических источниках, отражающих этапы культурного развития Новгорода? Но, рассуждая подобным образом, мы забываем,

---

[6] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 года). М., 1963, стр. 7.

[7] 11 из этих грамот, найденных в 15-м ярусе, принадлежали мальчикам, учившимся писать (одному из них, Онфиму, принадлежат 10 грамот). В землю они попали одновременно, поэтому в дальнейшем учитываются одной находкой.

[8] Грамоты, ярусы которых точно не определены, не учитываются.

что факторы, которые влияли на попадание и сохранность грамот в культурном слое, были одинаковы как в XI, так и в XIV в. Весьма трудно представить, что в XII в. адресаты в большей степени, чем в XIV в., уничтожали полученные грамоты. Если признать, что факторы, которые влияли на попадание и сохранность грамот в культурном слое, явления не временного характера, а в основном, построенного, то, по-видимому, надо согласиться и с тем, что среднее количество грамот попадающих в землю, колебалось в незначительных пределах, а количественное колебание грамот, отмеченное на нашем графике, является отражением определенной закономерности.

В связи с этим мне еще раз хочется подчеркнуть мысль, высказанную А. В. Арциховским, о том, что грамоты на бересте попадали в землю

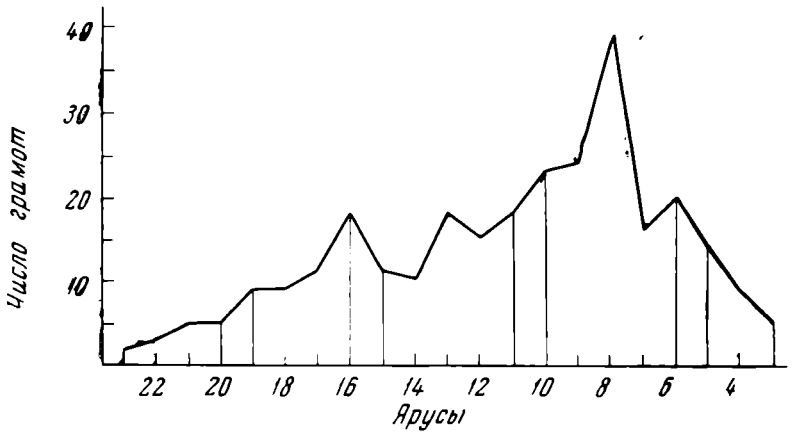


Рис. Размещение новгородских берестяных грамот по ярусам

разновременно и случайно. О разновременности их попадания говорилось выше. Случайность же их попадания в землю заключается в том, что вместо одной из найденных грамот могла быть обнаружена другая грамота, с другим текстом, но само количественное распространение грамот — явление не случайное, а закономерное.

Чтобы проверить правильность нашего предположения о закономерности количественного колебания грамот по периодам и дать характеристику нашим периодам, обратимся к истории культуры Новгорода.

Первый период. Возникнув в середине X в.[9], Новгород уже в первых сообщениях летописей упоминается как богатый город, соперничавший с Киевом. Это соперничество еще в 1014 г. привело к серьезным столкновениям. Так, отказ Ярослава Мудрого платить дань своему отцу чуть было не вызвал поход Владимира на Новгород.

Сильная княжеская власть в Новгороде просуществовала вплоть до 1136 г., когда новгородцы изгнали своего князя Всеволода. Этот период истории Новгорода получил в исторической литературе название «княжеского». В этот период культура Новгорода поднялась на более высокую ступень развития, отражением чего служит строительство каменного «детинца» и соборов. Еще Ярослав в 1044 г. «...заложи Новгород и здела на Софийской стороне каменной»[10], а в 1045 г. была заложена каменная София, ее «устроиша вельми прекрасну и превелику»[11].

Новый расцвет новгородской архитектуры связан с деятельностью князей Мстислава и Всеволода. В 1113 г. «заложена бысть святыи Николы в Новгороде»[12], спустя три года — Антониев монастырь, а еще через три года — Георгиевский собор Юрьева монастыря. Затем, после семилетнего

[9] Самые ранние из достоверных слоев Новгорода датируются серединой X в. (953—972 гг.).

[10] Летописец Новгородский церквам божим. Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 181.

[11] Там же.

[12] НПЛ. М.— Л., 1950, стр. 204.

перерыва, вызванного сложной политической обстановкой, были выстроены церкви Ивана на Опоках (1127 г.) и Успения на Торгу (1135 г.). После 1135 г. княжеских построек внутри Новгорода нет.

Таким образом, если учесть, что расцвет княжеской власти в Новгороде падает на время до 1117 г. [13], а также и то, что расцвет новгородской архитектуры этого времени приходится на 1113—1119 гг., то мы с определенной уверенностью можем сказать: «княжескому периоду» в истории Новгорода соответствует наш первый период распространения грамот на бересте.

Второй период. С этого периода начинается новый этап в развитии органов республиканского управления, окончательное формирование которых происходит еще долгое время после восстания 1136 г. [14]. Так, посадничество (боярский орган, противостоящий княжеской власти) становится главным органом новгородской государственности. Постепенно начинает усиливаться роль веча, а также большое значение начинают получать кончанские и уличанские организации. Однако, несмотря на то, что власть князя постепенно ограничивалась, в это время она еще была довольно сильной, и все завоевания, сделанные боярами в ходе антикняжеской борьбы, находились в шатком положении [15]. Все новые изменения происходившие в политической жизни Новгорода, явились новым мощным толчком в развитии культуры. Так, во второй половине XIII в. был создан новый тип храма, который, в отличие от предыдущего времени, не имел разделения молящихся на привилегированных и непривилегированных. Большой отпечаток политические события наложили и на новгородское летописание. Новгородские летописцы стали больше интересоваться местными явлениями. В летописях усиливается антикняжеская тенденция. Возникает летописание и в небольших уличанских церквях» [16].

Все сказанное выше позволяет нам понять скачок, происшедший в распространении грамот во втором периоде.

Третий период. Первая половина XIII в. была временем самого тяжелого испытания не только для новгородцев, но и для всего русского народа. В первые десятилетия не прекращались походы в Прибалтику против «Ордена Меченосцев». Нашествие в 1237 г. монголов на Русь хотя и не затронуло непосредственно Новгород, но поставило его в весьма тяжелое положение, чем поспешили воспользоваться шведы и немцы. Еще больше усугублял положение свирепствовавший в новгородской земле в 1215—1216, 1229—1230 и 1251 гг. голод. Вот как описывает события 1215—1216 гг. летописец: «Ядяху люди соснову кору и лист липов и иныи мох... О, горе бяше, по торгу трупье, по улицам трупье, и не можаху псы изъядати человек» [17].

В это же время резко обостряются противоречия между Новгородом и князем. Так, еще в 1195 г. происходят столкновения новгородцев с князем, вылившиеся в 1207 г. в открытое восстание, которое сразу приняло классовую окраску. Антикняжеская борьба вспыхнула с новой силой в 1215 г. и привела к серьезному конфликту с князем Ярославом Всеволодовичем, следствием которого явилось участие новгородцев в Липецкой битве 1216 г. и поражение Ярослава.

Основным итогом политической борьбы этого времени является возникновение такой формы ограничения княжеской власти, которая заключается в «признании суверенитета над Новгородом суздальской княжеской династии, возникновение таких союзнических отношений, при которых существование особого новгородского князя перестает быть обязательным условием государственного устройства» [18]. Но уже с момента усиления

---

[13] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 63.
[14] Там же, стр. 72.
[15] Там же.
[16] Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Л., 1945, стр. 31—32.
[17] НПЛ, стр. 253.
[18] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 135.

военной опасности со стороны немцев изменяются и взаимоотношения Новгорода с князем. Во времена Александра Невского княжеская власть значительно усиливается. Недаром во всех договорах Новгорода с преемниками Александра Невского мы читаем: «А что, княже, брат твои Александр деял насилие на Новгороде, а того аз, княже, отступите» [19].

Описанные выше события привели не только к физическому истреблению значительной части новгородцев, но и к серьезным экономическим затруднениям. Характерно, что с 1240 и до 1292 г. в Новгороде не было построено ни одной каменной церкви. Из сказанного выше следует, что сокращение количества грамот вдвое в 15-м и 14-м ярусах, по-видимому, является отражением сложившейся в то время обстановки.

В жестокой борьбе с завоевателями, отстояв свою независимость, Новгород становится крупнейшим городом Руси. В конце XIII в. начинается расцвет международной торговли Новгорода, первенствующее место в которой занимает Ганза.

Во второй половине XIII в. с новой силой вспыхнула антикняжеская борьба, приведшая к коренному преобразованию республиканских органов и решительному ограничению княжеской власти в конце XIII в. [20]

Итак, можно сказать, что конец XIII в. является временем нового расцвета Новгородской боярской республики. В пользу этого предположения говорит возобновление после более чем 50-летнего перерыва строительства каменных церквей. Так, в 1292 г. архиепископом Климентом была заложена церковь Николы на Липне.

Четвертый период. XIV век в истории Новгорода является временем наивысшего расцвета боярской республики. На это время падает расцвет торговли с северо-восточными княжествами, а через них — с Поволжьем и Средней Азией. Продолжает развиваться и торговля с Западом, о чем свидетельствует ряд специальных договоров, а также устанавливаются тесные контакты с Византией и южнославянскими странами. В политической жизни Новгорода происходит дальнейшая концентрация власти в руках боярства. Еще в конце XIII в. «в Новгороде преобразуется суд, возникает многообразный бюрократический аппарат. Вводится годичный срок посадничества и устанавливается принцип избрания посадника лишь из числа пяти пожизненных представителей концов» [21], т. е. создается Совет Господ. В то же время боярство постепенно берет в свои руки органы республиканской власти, ранее им не принадлежавшие. Однако, несмотря на это, борьба внутри лагеря бояр продолжает обостряться. Не изменила положения и реформа 1354 г., проведенная Онцифором Лукиничем.

XIV век является временем наивысшего расцвета и в новгородской архитектуре. Летописи этого времени сообщают о многочисленных постройках каменных церквей. В 60—80-х годах XIV в. новгородская архитектура достигает своего наивысшего развития. В это время происходит формирование нового стиля в новгородском зодчестве [22], заключавшегося в новом подходе к оформлению внешнего вида здания. Стремление к декоративности во внешнем облике здания уже отчетливо проявляется в построенной в 1361 г. церкви Федора Стратилата, ставшей образцом для дальнейших построек этого типа. Особенно ярко это стремление обнаруживается в церкви Спаса на Ильине улице, выстроенной в 1374 г. Спустя четыре года ее «подписывал мастер Гречанин Феофан» [23], один из величайших мастеров XIV в.

Говоря о фресках, нужно отметить, что вторая половина XIV в. в новгородской живописи является временем, когда «многие черты общеевро-

[19] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 10—12.
[20] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 175.
[21] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 369.
[22] М. К. Каргер. Новгород Великий. М.— Л., 1961, стр. 36.
[23] Новгородские летописи..., стр. 243.

пейского предвозрождения сказывались в Новгородской живописи с большею силой, чем где бы то ни было»[24]. Фрески церквей Михаила на Сковородке, Успения на Волотовом поле, Федора Стратилата, Спаса на Ильине улице и др. стоят в первом ряду в сокровищнице русского искусства. Подчеркиваю: XIV век в истории Новгорода является временем наивысшего расцвета его культуры. Это подтверждается и самым большим количеством грамот по сравнению с другими периодами.

Пятый период. Первая половина XV в. является временем, когда получает дальнейшее развитие и международная торговля, и органы боярского управления, а летописи пестрят сообщениями о постройках многочисленных церквей. Почему же тогда произошло резкое сокращение количества грамот в этом периоде? По-видимому, столь резкое сокращение было вызвано не упадком культуры в Новгороде, а изменениями, происшедшими в технике письма.

Какие же факты позволяют нам сделать это предположение? Во-первых, находка в 3-м ярусе грамоты № 13, написанной чернилами; во-вторых, отсутствие в культурном слое писал. При этом необходимо учесть и то, что еще в XIV в. довольно широкое распространение получает бумага[25], хотя даже в XVI в. она была еще дорогой.

По-видимому, широкое знакомство с бумагой убедительно показало преимущество чернильной записи над процарапанной. Дороговизна же бумаги заставила искать ее заменитель... Оказалось, что на бересте можно писать не только писалом, но и пером. Так был найден дешевый заменитель бумаги. Этим и объясняется отсутствие писал в культурном слое пятого периода.

Все сказанное позволяет нам понять, почему произошло резкое сокращение количества грамот, написанных путем процарапывания бересты.

Таким образом, в заключение мы можем сказать: количественное колебание грамот по четырем первым периодам — явление не случайное, а закономерное и отражает этапы культурного развития Новгорода. Резкое же сокращение грамот в пятом периоде вызвано изменениями, происшедшими в технике письма,— заменой древнего универсального инструмента для письма пером и чернилами.

Изменение содержания грамот во времени

До сих пор мы говорили о грамотах в целом и не обращались к анализу их содержания. Сейчас посмотрим, изменяется ли содержание грамот в зависимости от времени. Иными словами, изменяется ли содержание грамот по выделенным периодам. Для этого рассмотрим, как размещаются по периодам грамоты, в тексте которых имеется упоминание денег, а также грамоты, которые могут быть отнесены к кругу феодальных[26].

Прежде чем обратиться к подсчету, необходимо отметить, что в периоды, в которые для построения графика брались лишь грамоты с точно определенными ярусами, включены и те грамоты, ярусы которых точно не определены[27]. Грамоты, принадлежность которых определяется ярусами, входящими в различные периоды, рассматриваются особо[28]. Из всех найденных грамот для исследования оставлены лишь те, сохранность которых дает возможность использовать их в этой работе[29]. Даже при бег-

[24] Д. С. Лихачев. Ук. соч., стр. 48.

[25] А. Ф. Медведев. Древнерусские писала..., стр. 81.

[26] Грамоты, в тексте которых упоминается слово «господин»; грамоты с перечислением феодальных повинностей и документов сельскохозяйственной отчетности; грамоты, написанные феодалами или адресованные им.

[27] По периодам их количественное содержание выражается следующим образом:

Периоды	1	2	3	4	5
Количество грамот	20	60	96	153	37

[28] Так, выделены грамоты, ярусы которых 15 или 16; 10 или 11; 5 или 6.

[29] Не учитываются грамоты, дошедшие до нас незначительными обрывками, не имеющие данных для толкования. Например, грамота № 37.

лом знакомстве с новгородскими грамотами на бересте мы обращаем внимание на то, что в грамотах нижних ярусов преобладает упоминание денег (это могут быть требования о возвращении долга или какие-то денежные расчеты и т. д.), в то время, как в грамотах верхних ярусов упоминание денег встречается гораздо реже. Для того чтобы наглядно представить это изменение, подсчитаем, в скольких грамотах каждого периода содержится упоминание денег. Этот подсчет дает нам следующие результаты:

1-й период	2-й период	3-й период	4-й период	5-й период [30]
11	21	23	31	2

В процентном отношении к числу грамот, оставленных для исследования, показатели следующие:

1-й период	2-й период	3-й период	4-й период	5-й период
91,6	55,8	37,4	26,7	5,8

Таким образом, мы видим, что максимальное распределение грамот, в тексте которых упоминаются деньги, относится к первому периоду, а минимальное — к пятому.

Грамоты № 331, 249, ярусы которых (соответственно 15 или 16; 5 или 6) не позволяют нам включить их в один из периодов, также содержат в своем тексте упоминание денег.

Круг грамот феодального характера состоит из грамот, принадлежавших феодалам или адресованных им, а также имевших в тексте обращение «господин» и содержавших перечень феодальных повинностей и документов сельскохозяйственной отчетности. Подсчет их количественного содержания по периодам дал следующие результаты:

Содержание грамот [31]	Периоды				
	1	2	3	4	5
Перечень феодальных повинностей	—	—	6	15	3
Написанные феодалами или адресованные им	1	—	4	24	5
Содержание в тексте обращения «господин»	1	1	5	21	15
Общее количество грамот	2	1	15	60	23

Из 20 грамот первого периода для работы оставлены 12 грамот: № 109, 120, 238, 84, 119, 164, 335, 241, 336, 246, 247, 333.

Из 60 грамот второго периода оставлено 39: № 105, 156, 160, 168, 235, 9, 78, 155, 170, 174, 7, 8, 82, 87, 113, 115, 163, 165, 75, 103, 107, 108, 114, 219, 152, 153, 229, 222, 223, 227, 296, 228, 233, 237, 240, 231, 239, 380, 232, 234.

Из 96 грамот третьего периода оставлено 58: № 73, 147, 295, 397, 56, 61, 110, 111, 112, 221, 292, 293, 350, 52, 68, 141, 143, 211, 213, 215, 216, 217, 348, 349, 351, 378, 65, 69, 148, 197, 390, 5, 51, 55, 138, 191, 195, 196, 319, 320, 391, 392, 393, 328, 329, 344, 346, 212, 395, 198, 323, 291, 331, 377, 220, 218, 67, 142.

Из 153 грамот четвертого периода оставлено 116: № 4, 45, 46, 47, 53, 54, 58, 59, 106, 137, 140, 144, 146, 288, 289, 389, 2, 31, 41, 92, 93, 99, 100, 101, 102, 133, 177, 180. 187, 284, 317, 318, 345, 368, 1, 3, 10, 30, 36, 44, 50, 91, 98, 104, 182, 184, 186, 252, 256, 260, 261, 266, 271, 272, 274, 275, 276, 278, 279, 280, 283, 370, 372, 20, 27, 42, 128, 131, 167, 178, 179, 257, 270, 281, 339, 22, 23, 25, 28, 43, 94, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 166, 169, 173, 259, 265, 311, 361, 353, 362, 363, 364, 385, 282, 251, 253, 258, 262, 263, 264, 314, 254, 273, 354 366, 286, 358, 369, 134.

Из 37 грамот пятого периода оставлено 34: № 15, 17, 18, 21, 40, 96, 97, 122, 157, 161, 244, 310, 312, 14, 19, 24, 154, 162, 242, 243, 352, 11, 298, 300, 297, 299, 301, 302, 303, 306, 307, 308, 309, 373.

[30] Грамоты, упоминающие в своем тексте деньги, в выделенных нами периодах располагаются следующим образом: первый период: № 246, 247, 109, 120, 238, 336, 338, 84, 119, 164, 335; второй период: № 105, 160, 168, 235, 380, 210, 78, 155, 170, 231, 8, 115, 163, 228, 108, 114, 219, 223, 227, 296, 222; третий период: № 73, 295, 61, 110, 221, 293, 218, 52, 211, 212, 213, 215, 349, 351, 395, 65, 148, 197, 328, 138, 320, 392, 393; четвертый период: № 4, 45, 140, 144, 288, 389, 358, 2, 31, 41, 92, 133, 318, 254, 354, 366, 1, 30, 36, 252, 256, 260, 274, 278, 42, 179, 257, 363, 125, 369, 364; пятый период: № 154, 162.

[31] Грамоты феодального характера в выделенных нами периодах размещаются следующим образом.

1) Грамоты, содержащие в своем тексте перечень феодальных повинностей: 1-й

В процентном отношении к числу грамот, оставленных для исследования, это дает следующие показатели:

1-й период	2-й период	3-й период	4-й период	5-й период
16,6	2,5	25,8	51,7	67,6

К вышесказанному необходимо добавить, во-первых, то, что среди грамот, ярусы которых не позволяют включить их в один из периодов, имеется несколько причисляемых нами к кругу феодальных [32]; во-вторых, в некоторых грамотах феодального характера имеются упоминания денег, а поскольку они учитывались при подсчете в обеих группах, то мы должны исключить их из общего числа грамот, содержащих упоминания денег. В 1-м периоде их 2, во 2-м периоде таких грамот нет, в 3-м периоде — 4, в 4-м — 17; в 5-м — 1 [33]. Таким образом общее количество грамот, содержащих в своем тексте упоминание денег, равно:

1-й период	2-й период	3-й период	4-й период	5-й период
9	21	19	14	1

а процентное отношение к числу грамот, составленное для исследования, выразится следующими показателями:

1-й период	2-й период	3-й период	4-й период	5-й период
75	53,8	31,03	12,06	2,9

Сравнивая полученные результаты, можно сказать: если грамоты, содержащие в своем тексте упоминание денег, сокращаются к 5-му периоду почти на 72%, то грамоты феодального характера к последнему периоду возрастают более чем на 50%.

Возрастание грамот феодального характера к 5-му периоду можно проследить и при подсчете грамот, содержащих перечень сельскохозяйственных продуктов, продуктов охоты, рыболовства и бортничества посредством выделения из них грамот феодального характера.

В 1-м периоде таких грамот нет, во 2-м периоде — 2, в 3-м — 10, причем грамот феодального характера — 4; в 4-м периоде — 28, грамот феодального характера — 23; в 5-м периоде — 10, все они феодального характера [34].

период — 0; 2-й — 0; 3-й период — № 218, 215, 216, 217 (грамоты № 216, 217 дошли до нас в незначительных обрывках. Однако А. В. Арциховский считает, что «Грамоты № 215—218 взаимосвязаны по содержанию и оформлению. Во всех одинаковое графление, одинаково выделяет группы должников или (что, по-видимому, точнее) лиц, не доплативших феодальные повинности. Найдены эти четыре грамоты на одном и том же уровне, притом в смежных квадратах». А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (Из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 38, 39, 348, 320; 4-й период — № 2, 92, 1, 261, 262, 263, 264, 278, 258, 260, 280, 179, 130. Причем в этом периоде было найдено два документа сельскохозяйственной отчетности — № 50, 22; 5-й период — № 161. 162, 299.

2) Грамоты, в тексте которых имеется обращение «господин»: 1-й период — № 84; 2-й период — № 152; 3-й период — № 147, 112, 148, 55, 67; 4-й период — № 4, 140, 358, 31, 101, 102, 284, 354, 98, 182, 372, 131, 167, 257, 270, 339, 362, 22, 23, 94, 311, 361; 5-й период — № 15, 17, 97, 157, 310, 312, 242, 243, 297, 301, 302, 306, 307, 352, 300.

3) Грамоты, принадлежащие феодалам или адресованные им: 1-й период — № 247; 2-й период — нет; 3-й период — № 390, 142, 195, 391; 4-й период — № 106, 389, 286, 180, 318, 345, 41, 99, 166, 366, 271, 272, 275, 276, 279, 253, 314, 178, 131, 353. 385, 129, 134, 259, 265; 5-й период — № 122, 308, 309, 14, 303. Причем грамоты № 22 и 131 входят в несколько из перечисленных нами групп, но учитываются в одной из них. Грамота № 22 — в группе грамот, содержащих в тексте перечень феодальных повинностей, а грамота № 131 — в группе грамот, в тексте которых имеется обращение «господин».

[32] 10-й или 11-й ярусы, № 325 — грамота, принадлежавшая феодалу или адресованная ему; 5-й или 6-й ярусы — № 305, 313, 359 — грамоты, в тексте которых имеется обращение «господин».

[33] 1-й период: № 84, 247; 3-й период: № 48, 218, 215, 320; 4-й период: № 4, 140, 389, 358, 2, 31, 41, 92, 133, 318, 354, 356, 1, 260, 275, 270, 170; 5-й период: № 162.

[34] В выделенных нами периодах эти грамоты располагаются следующим образом: 1-й период — грамот нет; 2-й период — № 174, 219, грамот феодального харак-

Подсчитывая процентное отношение к общему количеству грамот, оставленных для исследования, мы получаем следующие результаты:

Периоды	1	2	3	4	5
Общее количество грамот	—	5,1	17,2	24,1	29,4
Из них феодального характера	—	—	6,8	19,8	29,4

Мы видим, что начиная с 3-го периода, увеличивается процент грамот феодального характера и в 5-м периоде они достигают своего наивысшего показателя.

Таким образом, можно ответить на поставленный выше вопрос. Да, содержание грамот на бересте изменяется в зависимости от времени; это изменение идет в направлении уменьшения к последнему периоду количества грамот, содержащих в своем тексте упоминание денег (1-й период — 75%, 5-й период — 2,9%), и увеличения к последнему периоду количества грамот феодального характера (1-й период — 16,6%, 5-й период — 67,6%).

Эти изменения, происходившие в содержании грамот, по-видимому, отражают процесс накопления денег, которые затем были вложены в расширение своих владений новгородскими землевладельцами. «Вероятно, на протяжении XII века,— отмечает В. Л. Янин,— исподволь происходило накопление денежных ресурсов новгородскими феодалами, позволявшее им затем осуществить решительное наступление на те земли, которые в большом количестве в XII веке еще принадлежали Новгородским общинам» [35].

Анализ содержания грамот на бересте

Итак, мы установили, что изменение характера содержания грамот во времени происходит путем сокращения количества грамот, упоминающих в своем тексте деньги, и увеличения количества грамот феодального характера. Попробуем теперь выяснить, какие же мелкие группы грамот составляют эти категории. Выше мы отмечали, что категорию грамот, упоминающих в своем тексте деньги, составляют документы с записью должников, с требованием возвращения денег или с просьбой об их одолжении и другие грамоты с близким по содержанию текстом. Теперь посмотрим, как грамоты этих групп размещаются по выделенным нами периодам. Подсчет дает следующие результаты:

Содержание грамот	Периоды				
	1	2	3	4	5 [36]
Записи должников	—	4	3	1	—
Требования о возвращении денег и т. д.	5	5	3	2	—
Общее количество грамот	5	9	6	3	—

тера нет; 3-й период — № 147, 67, 220, 348, 51, 196, грамоты феодального характера: № 218, 215, 348, 320; 4-й период — № 144, 186, 363, 364, грамоты феодального характера: № 358, 92, 99, 102, 8, 354, 366, 1, 50, 266, 271, 275, 280, 253, 258, 131, 179, 362, 22, 23, 129, 259, 361; 5-й период — № 17, 97, 122, 161, 310, 162, 242, 352, 297, 299.

[35] В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 170.

[36] По периодам эти грамоты располагаются следующим образом: 1-й период — грамоты с требованием о возвращении денег и т. п.— № 246, 109, 120, 84, 336; 2-й период — грамоты с записью должников — № 168, 240, 228, 223; грамоты с требованием о возвращении денег и т. п.— № 178, 155, 105, 114, 115; 3-й период — грамоты с записью должников — № 73, 212, 138; грамоты с требованием о возвращении денег...— № 221, 395, 197; 4-й период — грамота с записью должников...— № 36; грамоты с требованием о возвращении денег...— № 30, 363; 5-й период — грамот этих групп нет.

Из 64 грамот, содержащих упоминание денег, 23 — грамоты выделенных нами групп, что составляет 35,9% общего числа грамот, содержащих в своем тексте упоминание денег. По периодам их процентное отношение выражается следующим образом:

1-й период	2-й период	3-й период	4-й период	5-й период
55,5	42,8	31,5	21,4	—

К сказанному выше мне хочется добавить следующее: во-первых, грамоты, содержащие в своем тексте записи должников, составлены довольно однообразно. Обычно это перечень лиц с указанием суммы долга. Примером может служить грамота № 228: «Оу Доброжира полоуторе. Оу Арѣшековее дѧвѧте. Оу Завида семе векоше і резана. Оу Олисеѧ резана. Оу Го...» [37]. Немного иначе оформлено начало у грамоты № 138, которую А. В. Арциховский определяет как грамоту Новгородского ростовщика: «Се азо, рабо божии Селивьстро напсахъ роукописаниѥ. Оу Лоунька полтина. Оу Захарьи полтина. Оу Алюѥвиць полтина...» и т.д. [38]; во-вторых, грамоты, содержащие требования о возвращении денег, иногда составлялись очень коротко: «ѡ ѧкима къ Нестьруо. Въдаи вѣкъшуо» [39]. В некоторых грамотах слышится угроза адресату в случае, если он не возвратит деньги. Так, в грамоте № 155 говорится, что адресату в случае неуплаты 12 гривен придется предстать перед судом: «ѿ Полоцька къ... Поѧле дѣвъкѵ оу Домаслава. На мнѣ ти Домаславе възѧле 12 гривнѣ. А присли 12 гривнѣ. Или не прислеши, а мнѣ ти стати... зѧ и ѵ владыкѣ. А больши ти протерѧ гоши...» [40]. В грамоте № 115 Прокша пишет Нестеру: «ѿ Прокошь къ Ньстьроу. Шьсть гр ... плати, а вире не плати, а Домит... зь на плотъ, а Жиро... льи...» [41], а в грамоте № 105 Семка доказывает Кулотке, что он ему отдал долг в Переяславле.

В некоторых грамотах авторы, обращаясь к адресатам, просят взять денег. «Отъ Твьрьдѧты къ Зоубери. Възми оу господыни тринадесѧте рѣзанѣ» [42].

К выше выделенным группам грамот можно отнести еще ряд групп, в грамотах которых содержится упоминание денег: 1) грамоты, сообщающие о торговле; 2) грамоты, посвященные денежным расчетам; 3) грамоты юридического характера. По периодам грамоты этих групп размещаются следующим образом:

Содержание грамот	Периоды				
	1	2	3	4	5
О торговле	2	5	2	3	—
Денежные расчеты	3	2	5	1	—
Грамоты юридического характера	2	3	1	—	1
Общее количество грамот	7	10	8	4	1

При подсчете процентного отношения надо иметь в виду, что грамоты первого периода — № 246, 109 и 336 и грамота второго периода — № 155 входят в несколько выделенных нами групп. [43] Учитывая сказанное, по-

---

[37] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 года), стр. 51—52, № 228.

[38] Там же (из раскопок 1955 года). М., 1958, стр. 11—15, № 138.

[39] Там же (из раскопок 1953—1954 года). М., 1958, стр. 53, № 120.

[40] Там же (из раскопок 1955 года), стр. 34—36, № 155.

[41] Там же (из раскопок 1953—1954 года), стр. 48, № 115.

[42] Там же, стр. 9, № 84.

[43] Грамоты, сообщающие о торговле: 1-й период — № 246, 109; 2-й период — № 160, 8, 163, 219, 227; 3-й период — № 349,, 65; 4-й период — № 144, 125, 364; 5-й период — грамот этой группы нет. 2) Грамоты, упоминающие о денежных расчетах:

лучаем следующие результаты (в %):

1-й период	2-й период	3-й период	4-й период	5-й период
33,3	42,6	42,1	28,5	100

Грамоты, сообщающие о торговле, довольно разнообразны и рассказывают о покупке и продаже различных товаров.

В одной из ранних грамот (найдена в 21-м ярусе) упоминается покупка рабыни. «Такая покупка,— отмечает А. В. Арциховский,— была законным актом» [44] для Новгорода XI в. В этой же грамоте упоминается о покупке коня. О продаже коней упоминается в грамотах № 160 и 163. О покупке коровы сообщает нам грамота № 8, а в грамоте № 364 Семен и Миха пишут Сидору: «Поклонѣн ѿ Сменаѣ ѿ Миха к Сидору. Какъ имешь продавать, и ты даи намъ ржи на полтину, как людомъ поцнешь давать, а граммота к тобѣ с моимъ дѣтиною [45]. О покупке «зендянца» [46] сообщает грамота № 125.

Грамоты, посвященные денежным расчетам, в основном дошли до нас в обрывках. Примером этого типа может быть грамота № 119: «Отъ Рознѣга. Въдале есмь Гюрьгевицоу без девѧти коунъ 2 гривьнѣ. Възьмъши въда же прочь людьмъ» [47].

Грамоты юридического характера довольно разнообразны по содержанию. О некоторых из них, например о грамоте № 155, мы уже говорили. Грамота № 154 представляет собой «протокол допроса свидетеля» [48]. О взыскании денег говорится в грамотах № 213, 235 и 336. Грамоту № 296 написал человек, умирающий в тюрьме: «Есмь въ погрьбь. Идоу кь свѧтымъ [49].

Таким образом, из 64 грамот, содержащих в своем тексте упоминание денег, 48 — грамоты выделенных нами групп, что составляет 75%. Грамот феодального характера на 37 [50] больше, чем грамот, содержащих в своем тексте упоминание денег, и они составляют 38,9% общего числа грамот.

Количественное содержание групп грамот, составляющих эту категорию, по периодам приведено выше. Процентные же показатели этих групп даются здесь:

Содержание грамот	Периоды				
	1	2	3	4	5
Перечень феодальных повинностей	—	—	40	25	13,04
Принадлежащие феодалам или адресованные им	50	—	26,6	40	21,7
Грамоты, в тексте которых имеется обращение «господин»	50	100	33,3	35	65,2

Грамоты, содержащие перечень феодальных повинностей, составлялись, в основном, довольно однообразно. Обычно это перечень лиц с указанием количества феодальных повинностей или недоимок. В качестве примера можно привести грамоту № 320: «...са полоуторе деже оу Тьр.., овса 7... ово. Оу Радеха 9 деже, овса десѧта ⸗, а коун... гривне. Оу Милъ-

1-й период — № 238, 110, 335; 2-й период — № 170, 231; 3-й период — № 295, 293, 328, 392, 393; 4-й период — № 288; 5-й период — грамот этой группы нет. 3) Грамоты юридического характера: 1-й период — № 109, 336; 2-й период — № 235, 155, 236; 3-й период — № 213; 4-й период — грамот этой группы нет; 5-й период — № 154.

[44] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (из раскопок 1953—1954 г.), стр. 40.

[45] Там же (из раскопок 1958—1961 года), стр. 59—61, № 364.

[46] Зендянец — хлопчатобумажная ткань.

[47] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (из раскопок 1953—1954 гг.), стр. 51—52, № 119.

[48] Там же (из раскопок 1955 года), стр. 31—33, № 154.

[49] Там же (из раскопок 1956—1957 года), стр. 125—126, № 296.

[50] Грамот феодального характера — 101, а грамот, содержащих в своем тексте упоминание денег,— 64.

слава со Милонего 9 деже, овса десѧтагѫ и безъ 10 коуно 2 гривне оу Милого... полопѧть деже, овса полодеже, а коуно 40... а коуно 40 резанъ, овса... оу Ратше оу Рикиница полоп...» [51]. Грамот, представляющих документы сельскохозяйственной отчетности, всего 2 (№ 50, 22).

В каких же продуктах взимались феодальные повинности?

Из 24 грамот этой группы в шести (№ 348, 320, 179, 161, 299, 162) упоминаются рожь и овес; в трех грамотах (№ 218, 215, 1) упоминается «полоть». «Полоть» — половина туши мяса [52]. Причем из этих девяти грамот лишь в грамотах № 348, 161 говорится, что феодальные повинности взимались одной рожью, а грамоте № 299 — рожью и овсом. В остальных грамотах, наряду с указанными продуктами сельского хозяйства, феодальные повинности взимались деньгами.

Таким образом, феодальные повинности взимались с 3-го по 5-й период как натурой, так и деньгами. Иногда они взимались только в рублях, кунах и белках, что нашло отражение в грамоте № 278: «У Икагала у Кривца 3 куницѣ. У Иголаи довѣ и в Лаидиколѣ полорубла и 2 куницѣ. У Лѣинуѧ в Лаидиколѣ 6 бѣло. У Филипа у дѣѧка 30 бѣло. У Захарии і в Калиница полосорока и 5 и 5 бѣло. У Сидуѧ у Авиници 4 куници. У Микитѣ Истовнои у Ѭванова 6 куници. У Муномѣла в Куролѣ у Игалина брата полорублѣ и 2 куницѣ. У Лег...» [53].

Преобладание записей феодальных повинностей, частично выраженных в сельскохозяйственных продуктах, а частично в деньгах, как отмечает А. В. Арциховский, «позволяет наблюдать переход от одной формы ренты к другой» [54]. Однако феодальные повинности взимались не только рожью, овсом и мясом. Об этом сообщают нам грамоты № 92, 258, 260, 280, 266, 263, 264 и 130. Все эти грамоты, за исключением № 92, были обнаружены на усадьбе «Е» [55]. (Грамота № 92 обнаружена на усадьбе «Б» в шести *м* от частокола, разгораживающего усадьбы «Б» и «Е»). Грамоты № 258, 260, 261, 263, 264 и 280 и, возможно, грамота № 92 (если предположить, что эта грамота еще в древности каким-то образом попала на территорию соседней усадьбы) принадлежали крупному феодалу Сидору, проживавшему на усадьбе «Е».

В грамотах № 258, 260, 280 и 92 упоминаются лососи, сиги и таймени, которые поступали феодалу Сидору в качестве феодальных повинностей с людей, связанных с рыбной ловлей. Как известно, рыболовство в Новгороде было весьма доходной частью хозяйства. Многие из крупных феодалов владели целыми рыболовческими деревнями. По-видимому, одним из крупнейших феодалов и был боярин Сидор, который брал натурой лишь дорогостоящую рыбу, а за другую, менее дорогую и вылавливаемую в большом количестве, он получал деньги.

Об этом сообщает грамота № 260, найденная в 3-м ярусе. В ней Сидор приказывает Остафии собрать с различных лиц повинности: «... азо ко ѡстафіи ѿ Сидора. Возми у Григории у Тимощина рубль и 4 лососи. Да возми у Григориі полорубла, цто Сидору сулиль. У Клима возми у Щекарова рубль, 10 било и 4 лососѣ наклада. У Ольксандра у Рацлала возми 50 било. У Ондрима у Цирицина возми полосорока. У Кондра у Возгреши возми полосорока. У попа у Михаили возми полорубла, 10 лососѣи, то за Иванка порунь. У Вигали у Остафии възми 50 било» [56].

Полученную в качестве натурального оброка рыбу, Сидор, по-видимому, как и многие крупные феодалы, продавал купцам, специализирую-

---

[51] А. В. Арциховский. Ук. соч. (из раскопок 1958—1961 года), стр. 9—11.
[52] Там же (из раскопок 1956—1957 года), стр. 36.
[53] Там же, стр. 104—105, № 278.
[54] Там же (из раскопок 1955 года), стр. 48.
[55] П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода. МИА, 123, 1963, стр. 7—12.
[56] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (из раскопок 1956—1957 года), стр. 86—87, № 260.

щимся на торговле рыбой. «Мы видим здесь один из важнейших путей увеличения боярского богатства — реализацию ценностей, поступавших из боярской вотчины в виде натурального оброка, на новгородском рынке» [57]. Этому же боярину из его деревень крестьяне, которые занимались разведением коз, присылали в виде натурального оброка продукты козоводства. Об этом сообщают нам грамоты № 261, 262, 263, 264 [58].

О недоимках, исчисляемых в локтях «водмола» и «хери», сообщает нам грамота № 130, подтверждая тем самым мнение Л. В. Даниловой, которая писала: «Полотно нередко входило в состав владельческого дохода» [59].

Грамоты, принадлежавшие феодалам или адресованные им, довольно разнообразны по содержанию.

Так, в грамоте № 271 Яков просит Максима купить ему овса и прислать заодно «чтения доброго» [60], а в грамоте № 178 сообщается об уже состоявшейся сделке. «Поклонъ ѿ Синофонта ко брату моѥму Офоносу. Буди тоби сведомо, купиле ѥсомъ перво Максима Ѣщерски уѥздъ і Замолмовсови і своѥ сироти в Симовли, а на Хвоіни. А Максиме, Іване Широки ту же были» [61].

Наряду с перечисленными грамотами, свидетельствующими о переписке между феодалами, в эту группу грамот включены и официальные документы. Одним из таких документов была грамота № 366. Это— «акт взыскания по бессудной грамоте» [62].

Грамоты, содержащие в своем тексте обращение господин, довольно разнообразны по содержанию. Но из всего этого разнообразия довольно четко выделяются грамоты, адресованные феодалам их слугами и крестьянами. Так, из 25 грамот, дошедших до нас в хорошей сохранности, 17[63] составляют грамоты, написанные крестьянами и слугами феодалов своим господам. Две из этих грамот написаны крестьянами; 10 — слугами феодалов, и 5 грамот имеют коллективных авторов, причем грамоты, имеющие коллективных авторов, появляющиеся в 6-м ярусе 4-го периода, содержат, в основном, жалобы крестьян своим феодалам. Примером может служить грамота № 94, найденная в 6-м ярусе. «Биють целомъ крестьѧне господину Юрию Онцифоровицю о клюцникѣ зандо, господине, не можемъ ницимъ ѥму оудобритиса. Того, господине, съ села... господине, буѧнить. А себѣ, господине...» [64].

Закончим разбор грамот этой группы. Мы убедились, что показатели группы грамот, содержащих перечень феодальных повинностей, сокращаются к пятому периоду (3-й период — 40%, 5-й период — 13,04%), в то время как группа грамот, в тексте которых имеется обращение «господин», наоборот, возрастает: 3-й период 33,3%, 5-й период — 65,2%.

Для объяснения этого можно предположить, что сокращение количества грамот, содержащих перечень феодальных повинностей, и увеличение количества грамот, адресованных феодалам их слугами, вызвано усилением роли «ключника», как лица, непосредственно организующего хозяйство феодала на месте.

---

[57] В. Л. Янин. Я послал тебе бересту..., стр. 149.

[58] Там же.

[59] Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 25.

[60] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 96—97, № 271.

[61] Там же (из раскопок 1955 года), стр. 62—64, № 178.

[62] Там же (из раскопок 1958—1961 года), стр. 63.

[63] № 167, 23, 147, 102, 314, 310, 279, 242, 243, 352, 297, 301, 94, 361, 311, 157, 307.

[64] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (из раскопок 1953—1954 гг.), стр. 20—21; В. Л. Янин. Две неизданные Новгородские грамоты XV века. Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1959, стр. 336.

По-видимому, вся хозяйственная документация (грамоты с перечнем феодальных повинностей или лиц, недоплативших их) сосредоточивается в руках управляющего и все реже попадает в руки феодалов.

Усиление роли управляющего феодальным хозяйством привело, во-первых, к еще более резкому усилению феодальной эксплуатации; во-вторых, между феодалами и крестьянами появилось новое лицо — управляющий, на которого, как на непосредственного организатора феодального хозяйства, и было в первую очередь направлено недовольство крестьян. Крестьяне, возмущенные тяжестью феодального гнета, видели в феодале своего защитника от произвола управляющего, которого они считали повинным в ухудшении своего положения. Видимо, этим и вызвано появление грамот, которые можно определить как коллективные письма крестьян своим феодалам.

С. С. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КИРИЛЛОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА XV — XVI вв.

Для истории русского зодчества XV—XVI вв. большое значение имеет изучение не только собственно Московской архитектуры, но и местных строительных школ. Как известно, деятельность одной из таких школ (едва ли не самой крупной) была связана с Ростовской епархией [1]. До 1657 г. власть ростовских епископов распространялась и на Белоозеро, где в это время складывались архитектурные комплексы Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и других монастырей. К Белоозеру и Вологде относится бóльшая часть сохранившихся известий о деятельности ростовских зодчих в конце XV—XVI в. Исследователи отмечали и ряд специфических черт у белозерских памятников этого времени. Так, К. К. Романов в одной из рукописей говорит о «белозерском типе соборных сооружений» [2].

Между тем, архитектурные памятники Кириллова монастыря — крупнейшего из монастырей Белоозера, несмотря на имеющуюся обширную историческую литературу, изучены еще далеко недостаточно. Даже наиболее подробный труд Н. Никольского [3], опирающийся на тщательное изучение письменных источников, уделяет весьма скромное место вопросам натурного исследования и реконструкции древних памятников. Появившиеся в советское время публикации, из которых особо следует выделить статью А. Н. Кирпичникова и И. Н. Хлопина [4], посвящены почти исключительно оборонительным сооружениям монастыря. Культовые и гражданские здания, составлявшие в XVI в. основу архитектурного ансамбля, были обойдены вниманием исследователей. Древнейшие памятники Кирилло-Белозерского монастыря до сих пор не заняли подобающего им места в трудах по истории русской архитектуры.

Более полное изучение архитектуры всего комплекса было начато в 1930-х годах архитектором В. В. Даниловым, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Почти единственный [5] дошедший до нас след этой незавершенной работы — рукопись путеводителя, составленного им в 1940 г. для Кирилловского музея [6]. Наряду с известными ранее сведениями,

[1] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 21—27.

[2] К. К. Романов. Собор во имя Рождества Пресв. Богородицы в Ферапонтове-Белозерском монастыре и белозерский тип соборных сооружений конца XV—XVI в. Рукопись. Архив ЛОИА, ф. 29, № 15.

[3] Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, I, 1, СПб., 1897.

[4] А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII веках. МИА, 77, 1958; Г. Г. Антипин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов, 1934; Н. Н. Забек. Крепостные сооружения XVII в. в Кириллове. ИМАИМ, 1, Л., 1940.

[5] В. В. Данилов. Архитектурные памятники Белозерья. «Архитектура Ленинграда», 2, 1939. Статья имеет популярный характер и не содержит существенных новых сведений.

[6] В. В. Данилов. Путеводитель по архитектурным памятникам бывш. Кирилло-Белозерского монастыря. Рукопись хранится в Кирилловском историко-художественном музее.

в путеводителе приведены и отдельные данные натурного обследования, позволяющие ближе подойти к реконструкции некоторых сооружений. Несмотря на встречающиеся ошибки и ряд не подтвердившихся впоследствии предположений, рукопись В. В. Данилова свидетельствует об углубленном подходе к изучению кирилловских памятников.

Комплексное изучение памятников Кирилло-Белозерского монастыря возобновилось в 1953 г. Центральными научно-реставрационными мастерскими[7]. Получены новые материалы, которые позволяют существенно пополнить наши представления о первоначальном виде многих древних сооружений. В частности, особое значение для реконструкции ряда памятников имеет выявление системы их первоначального покрытия. В настоящем сообщении излагаются некоторые результаты этой работы, касающиеся наиболее значительных памятников XV—XVI вв.

* * *

Древнейшее сооружение монастыря — Успенский собор, построенный в 1497 г. Прохором Ростовским. Сохранившиеся фрагменты архитектурного убранства памятника — узкие лопатки, орнаментальные пояса в верхней части стен и барабана, перспективный портал, следы древних окон — говорят о близости памятника к собору Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, построенному несколькими годами раньше[8].

Успенский собор отличается от своего предшественника бóльшими размерами, отсутствием подклета, приземистыми пропорциями, а также особой системой расположения сводов, благодаря которой памятник как бы занимает промежуточное место между четырехстолпными и двустолпными храмами. Своды, расположенные по продольной оси здания, имеют устройство, обычное для четырехстолпных храмов с повышенными подпружными арками, в то время как своды юго-восточного и северо-восточного компартиментов составляют одно целое со сводами соответствующих апсид, благодаря чему боковые нефы выглядят как у двустолпных храмов. Эта особенность сказалась на наружной архитектуре собора: верхняя часть восточной стены выше алтарных апсид получила в плане необычный излом, а барабан оказался очень сильно сдвинутым к востоку (рис. 1).

Выходящие на фасад закомары не соответствуют перекрывающим его сводам. Отсутствие под кровлей каких-либо следов распространенных в московской архитектуре этого времени посводных покрытий и гнезда от первоначальной заделки в кладку отдельных элементов деревянных конструкций указывают на то, что позакомарное[9] покрытие собора было устроено по деревянным кружалам. В этой связи небезынтересно привести текст переписных книг 1601 г., где о покрытии Успенского собора говорится: «Олтарь и закомары на церкве крыты тесом»[10].

При тщательном обследовании чердака были найдены следы второго и третьего ярусов кокошников, венчавших в древности четверик собора (рис. 2). При нанесении этих следов на обмерный чертеж и проектировании их на плоскости тимпанов кокошников удалось получить сравнительно точную линию очертания верхнего ряда кокошников со всех четырех

---

[7] Работами руководил Л. А. Давид. В исследовании Кирилловских памятников принимали участие, наряду с автором настоящего сообщения, Б. Л. Альтшуллер и Е. Н. Подъяпольская.

[8] Близость этих двух памятников неоднократно отмечалась в литературе. Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, I, 1, СПб., 1897; П. П. Покрышкин, К. К. Романов. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. ИАК, 28, СПб., 1908. Наиболее детальное сравнение архитектурных форм обоих соборов приведено в упомянутой выше рукописи К. К. Романова.

[9] Термин условный, так как в действительности собор имеет так называемые «ложные закомары», не соответствующие сводам.

[10] ГПБ. Рукописн. отд., 72/1311, л. 2.

фасадов и отдельные узловые точки разбивки кокошников второго яруса. Такой метод позволил установить, что во втором и третьем ярусах на каждую сторону выходило по три кокошника. Следовательно, композиция верха Успенского собора была близка к завершению Ферапонтовского собора Рождества Богородицы [11].

При обследовании чердачного пространства над алтарем были получены данные о форме древней кровли алтарных апсид собора. Многослойные набелы на восточной стене четверика не закрывают всю эту стену полностью, а оставляют свободными три треугольных поля, соответствующих трем апсидам собора. Естественно предположить, что кровли имели форму трех полуконусов или половин многогранных пирамид. Сама форма покрытия, полное отсутствие всяких следов надбуток над древними сводами апсид и, наконец, упомянутый выше текст переписных книг заставляют прийти к выводу, что кровельная система апсид была выполнена из дерева.

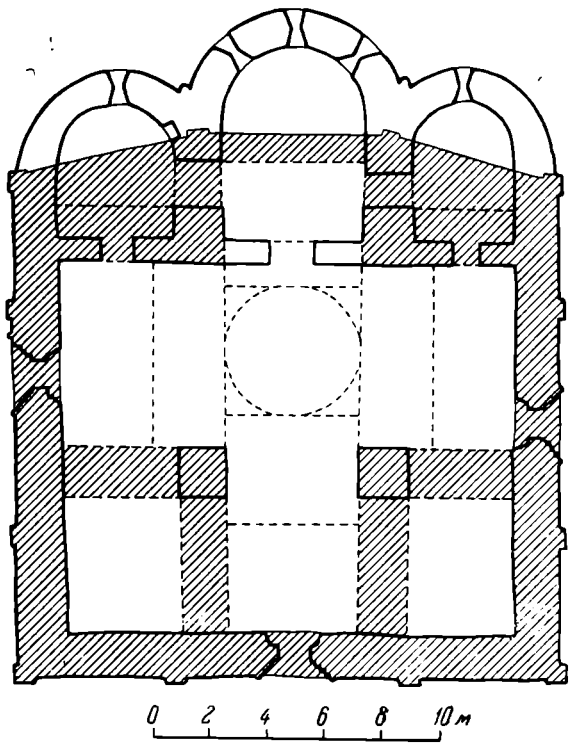


Рис. 1. Успенский собор. Схематический план. Заштриховано сечение на уровне пят сводов четверика

Обследование существующей главы собора, относящейся к XVIII в., показало, что купольный свод поднимается над карнизом барабана всего на 1,2 *м*. Ясно, что при наружном диаметре барабана около 7,4 *м* и столь малом подъеме свода глава не могла иметь посводного покрытия. Можно высказать предположение, что конструкции древней главы, как и всех прочих кровель собора, были сделаны из дерева. На графической реконструкции очертание главы, по аналогии с известными памятниками этого времени, показано шлемовидным.

Одним из наиболее значительных сооружений Кирилло-Белозерского монастыря является трапезная палата с церковью Введения, построенная в 1519 г. В отличие от большинства известных трапезных начала XVI в., у этого памятника основные объемы (трапезная палата с келарской и церковь) расположены по одной оси. Все здание поставлено на высоком подклете. С севера к трапезной и келарской во всю их длину пристроена паперть. Памятник сильно искажен позднейшими перестройками: окна его (кроме окон подклета) растесаны, каменный барабан церкви уничтожен, древние своды в трапезной палате и келарской сломаны. Некоторые следы утраченных архитектурных форм этого сооружения можно увидеть при внимательном осмотре его фасадов. Так, на западном фасаде келарской и восточном фасаде трапезной видны заложенные древние оконные проемы с килевидными бровками над ними. Еще лучше сохранился такой же проем выходящий на северную паперть. Нетрудно также различить под слоем поздних набелов очертания больших открытых арок, которые имела паперть в верхнем этаже.

[11] См. реконструкцию собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, выполненную К. К. Романовым. (П. П. Покрышкин, К. К. Романов. Ук. соч., табл. XVIII). О покрытии Успенского собора по трем ярусам кокошников говорится в упомянутой выше рукописи К. К. Романова со ссылкой на сообщение казначея Кирилло-Белозерского монастыря (архив ЛОИА, ф. 29, № 15). В рукописи В. В. Данилова не приводится сведений о древней форме покрытия Успенского собора.

Обследование памятника показало, что по использованному материалу церковь, трапезная с келарской, а также небольшая палатка в восточной части подклета паперти и основание существующей входной лестницы могут быть отнесены к одному строительному периоду; бо́льшая же часть паперти, судя по ряду признаков, пристроена позднее [12]. Поскольку существование северной паперти отмечено переписными книгами 1601 г., ее

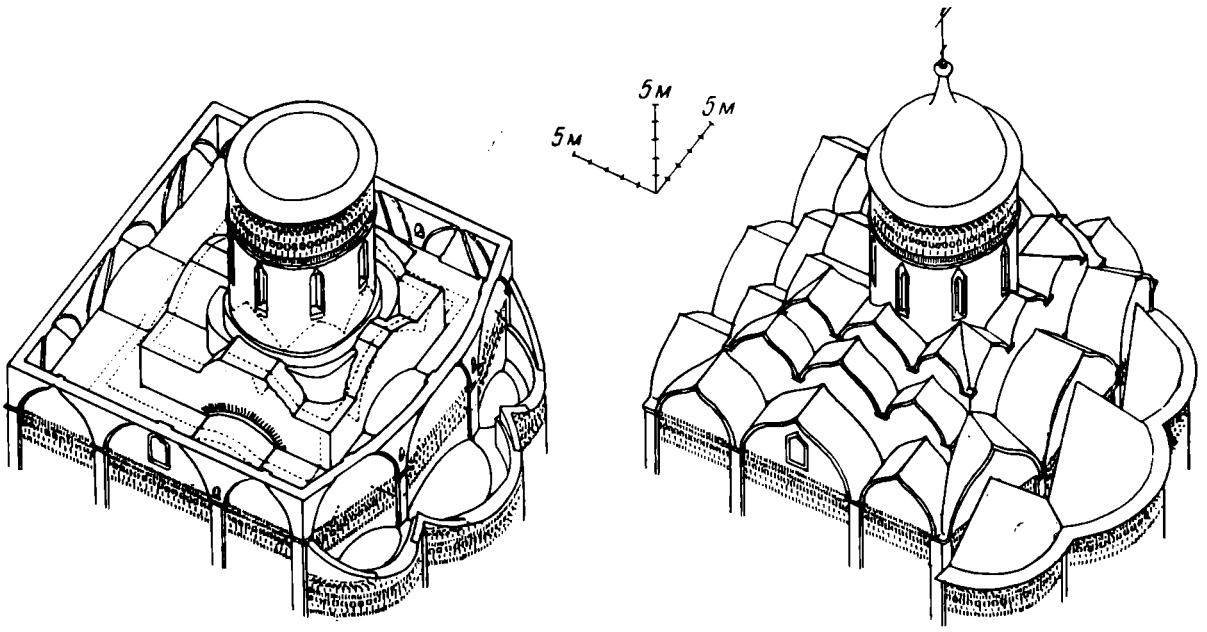


Рис. 2. Завершение Успенского собора. Аксонометрия. Слева — сохранившиеся под кровлей остатки древнего завершения, справа — реконструкция

возникновение следует отнести к концу XVI в. До ее постройки ходили в трапезную по наружной каменной лестнице (возможно, открытой), остатки которой сохранились в восточной части подклета паперти.

При обследовании чердачного пространства (рис. 3) было обнаружено, что северная стена трапезной сохранила основание первоначального щипца. Существующий щипец на западном фасаде трапезной, несколько отличающийся по характеру кладки, построен позднее. Трапезная с келарской первоначально были перекрыты общей пологой двускатной кровлей, конек которой был ориентирован поперек основной оси здания.

Не меньший интерес представляют полученные данные для реконструкции церкви. Обнаружено, что не только восточная стена церкви, но и ее западная стена выше кровли трапезной имела в плане двойной излом; таким образом, верх церкви представлял собой неправильный восьмерик, южная и северная грани которого увенчивались двумя кокошниками, каждая из остальных — одним. Над сводом храма сохранились остатки кладки, позволяющие предположить, что кроме сохранившегося нижнего яруса кокошников были еще и другие. От древнего каменного барабана осталась его нижняя часть с основанием четырех окон и нижним валом. В основании барабана имеются не вполне четкие следы примыкания верхнего яруса кокошников. Попытки проследить разбивку этих кокошников заставили прийти к выводу, что вокруг барабана размещалось десять кокошников, как и в первом ярусе. Высота расположения бараба-

---

[12] Кирпич Введенской церкви и трапезной имеет размер 6,5 (7,5) × 15 × 30 *см*. Северная паперть выложена из несколько более крупного кирпича. Западная стена ее приложена без перевязи к имеющей побелку угловой пилястре келарской. На северной стене трапезной, выходящей в подклет паперти, имеются первоначальные оконные проемы и межэтажный пояс, перерезанный более поздним сводом.

на по отношению к нижнему ярусу кокошников и некоторые остатки кладки заставляют высказать предположение, что, кроме верхнего и нижнего, существовал еще промежуточный ярус кокошников.

Реконструированный на основании изложенных данных памятник в первоначальном виде представляет сочетание массивного кубического объ-

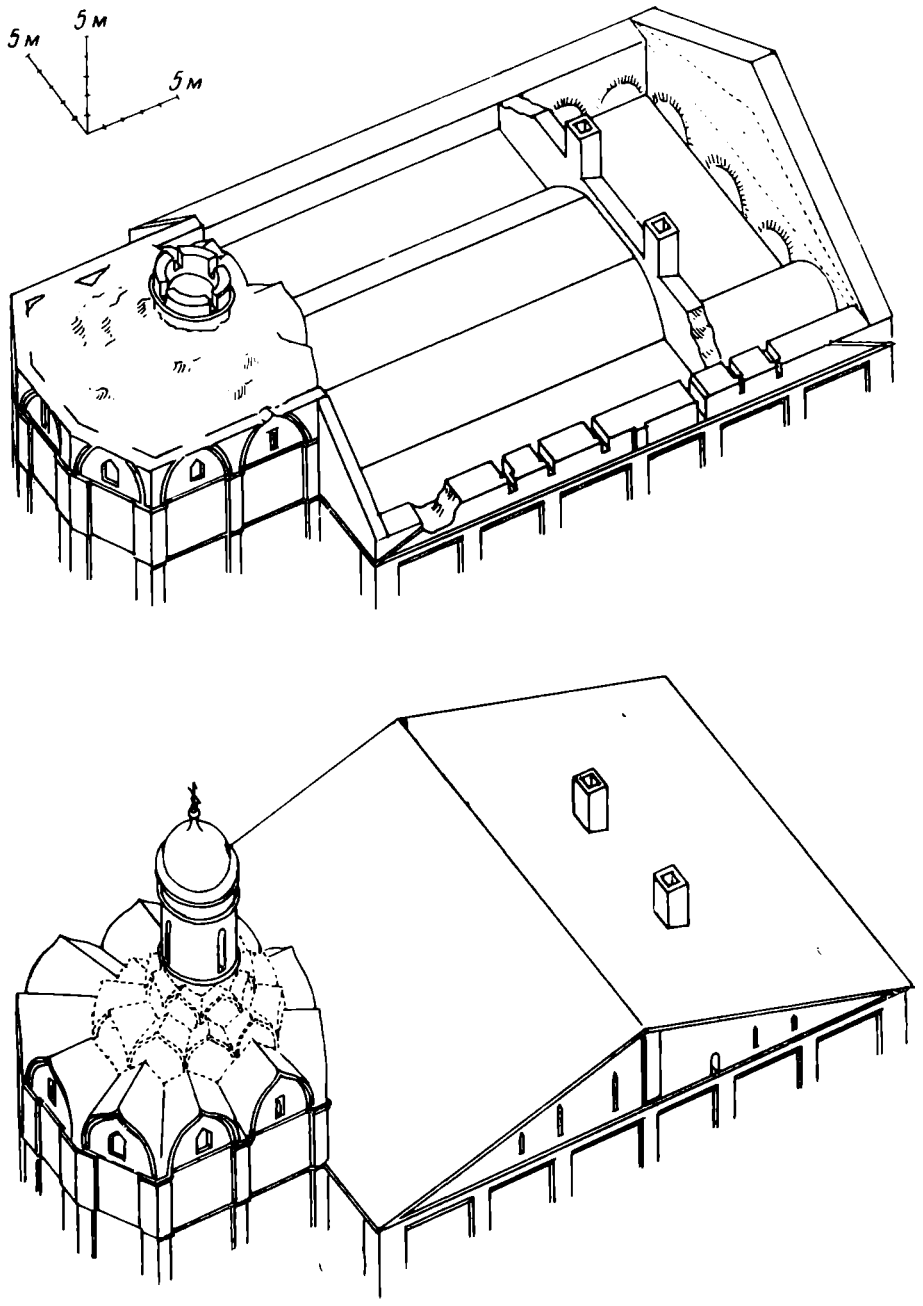


Рис. 3. Завершение церкви Введения и трапезной палаты. Аксонометрия. Вверху — сохранившиеся остатки древнего завершения. Внизу — реконструкция

ема трапезной палаты и высокого граненого столпообразного храма, увенчанного короной кокошников (рис. 3).

В 1531—1534 гг. на вклад великого князя Василия III в монастыре были построены два каменных храма — церковь Иоанна Предтечи и церковь Архангела Гавриила. Архитектурные формы обоих памятников имеют несомненные следы воздействия Московской архитектуры начала XVI в. В них нашли отражение и национальные традиции древнерусского зодчества и архитектурно-строительные приемы итальянского Возрождения, привезенные в Москву Фиораванти, Алевизом и другими «фряжскими» мастерами. К такого рода особенностям следует отнести трехчастные кар-

низные пояса-«антаблементы» на фасадах, профилированные импосты на стенках под пятами арок, применение крестовых сводов (в западной ветви креста) и пониженных по отношению к прилегающим сводам подпружных арок [13]. В особенности ощутим дух ренессанса в величественном интерьере церкви Гавриила, стройные круглые столбы которой напоминают столбы Московского Успенского собора. Вместе с тем, общая композиция четырехстолпного крестовокупольного храма, разбивка пилястр и оконных проемов, расширение пилястр кверху и ряд других характерных черт восходят к традициям древнерусской и, в частности, раннемосковской архитектуры. Декор фасадов и, в частности, детали профилировки, представляющие собой своеобразную интерпретацию «класических» форм в кирпиче, сближают оба памятника (в особенности церковь Иоанна Предтечи) с другими памятниками первой половины XVI в., сооруженными на северо-востоке Московской Руси, и в первую очередь — с Троицким собором Данилова монастыря в Переславле-Залесском (1530—1532 гг.).

Фасады основного четверика церкви Иоанна Предтечи сохранились довольно полно, хотя и с существенными переделками. Так, промежутки между закомарами храма надложены, а их архивольты стесаны. На месте древних киотов на южном и западном фасадах пробиты широкие окна.

О первоначальном покрытии храма до последнего времени не было известно ничего, кроме содержащегося в переписных книгах 1601 г. упоминания, что церковь была «о дву верхех» и покрыта была тесом, а главы — немецким железом [14]. Обследование подкровельного пространства храма (рис. 4) показало, что, помимо опоясывавших основной объем закомар, над сводами возвышались еще два яруса кокошников, каждый из которых размещался по четверику. На каждую сторону в обоих верхних ярусах выходило по три кокошника. Второй ярус кокошников сохранился на значительную высоту, третий ярус — лишь в виде незначительных остатков, позволяющих определить положение лицевых стенок и частично — разбивку кокошников. Над юго-восточным углом храма, где помещался придел Кирилла, был поставлен второй — малый барабан, сохранивший лишь часть кладки в основании и нижний вал. Барабан был расположен таким образом, что угловые кокошники второго яруса врезались в него, образуя как бы «полукокошники».

Реконструируемая таким образом система покрытия церкви Иоанна Предтечи в точности повторяет покрытие собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, с той разницей, что у Предтеченской церкви малый барабан был отделен сводом от внутреннего пространства храма [15].

Церковь Архангела Гавриила (рис. 5) подверглась значительно бо́льшим искажениям. В настоящем виде памятник представляет собой массивный кубический объем, расчлененный несколько выше двух третей высоты широким трехчастным карнизом. С восточной стороны выступают три небольшие алтарные апсиды, украшенные килевидными арочками, опирающимися на консоли и узкие пилястрочки. Здание увенчивается железной кровлей, имеющей куполообразное вздутие и небольшой вось-

---

[13] Пониженные подпружные арки, широко применявшиеся в домонгольской архитектуре, не характерны для раннемосковского зодчества. Этот прием впервые появляется в Москве в Успенском соборе Фиораванти. Крестовые своды, редко употреблявшиеся в зданиях домонгольской поры, в раннемосковских памятниках не встречаются. С конца XV в. эта конструкция получает широкое распространение, в особенности при перекрытии гражданских палат. В частности, в Кирилло-Белозерском монастыре крестовые своды применены в трапезной палате 1519 г.

[14] ГПБ. Рукописн. отд., 72/1311, л. 305 и 321 об.

[15] На опубликованной К. К. Романовым реконструкции Ферапонтовского собора (П. П. Покрышкин, К. К. Романов. Ук. соч., табл. XVIII) малый барабан ошибочно не показан. Обоснование более правильной реконструкции дано в последующей статье. К. К. Романов. Антиминсы XV—XVII вв. собора Рождества пресв. Богородицы в Ферапонтове-Белозерском монастыре. Изв. Комитета изучения древнерусской живописи, 1, Прг., 1921.

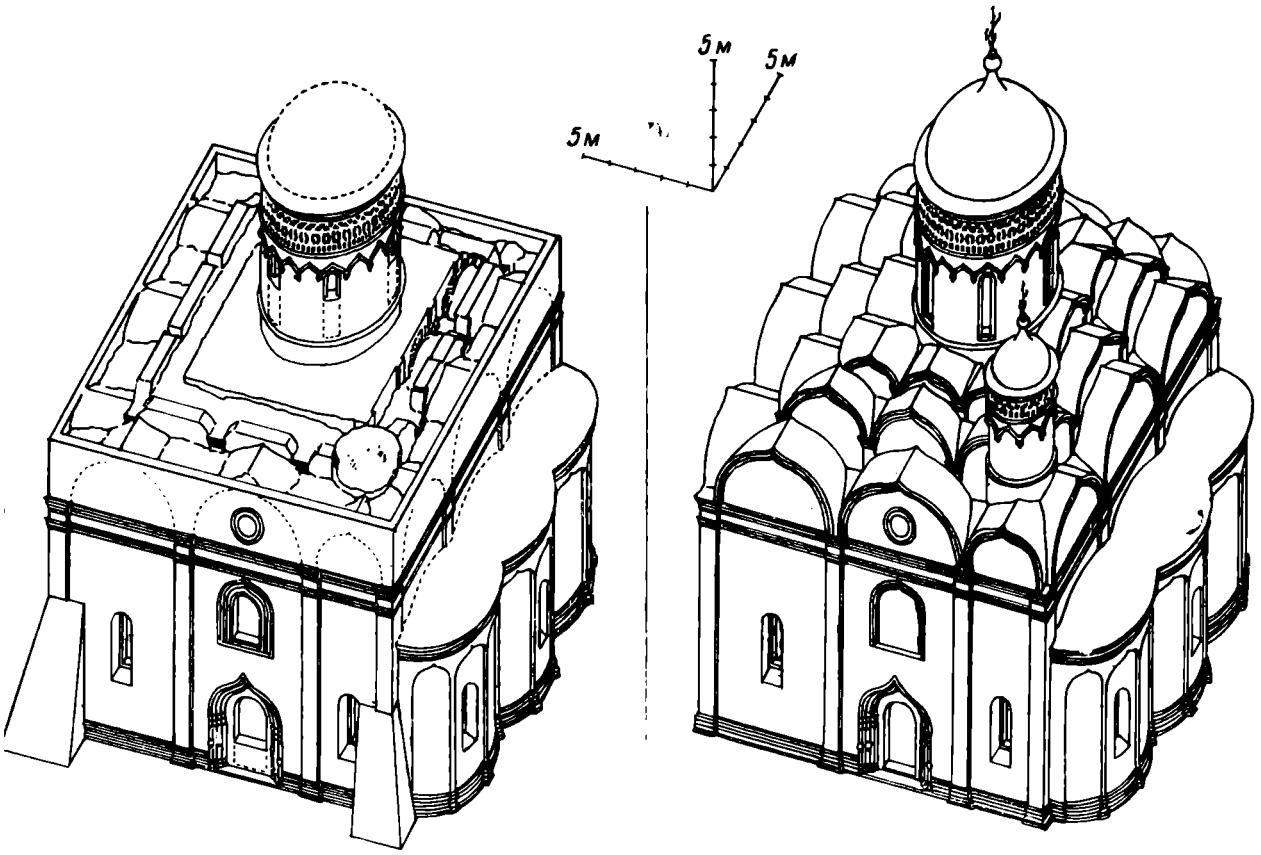


Рис. 4. Церковь Иоанна Предтечи. Аксонометрия. Слева — в существующем виде (поздние кровли условно не показаны). Справа — реконструкция

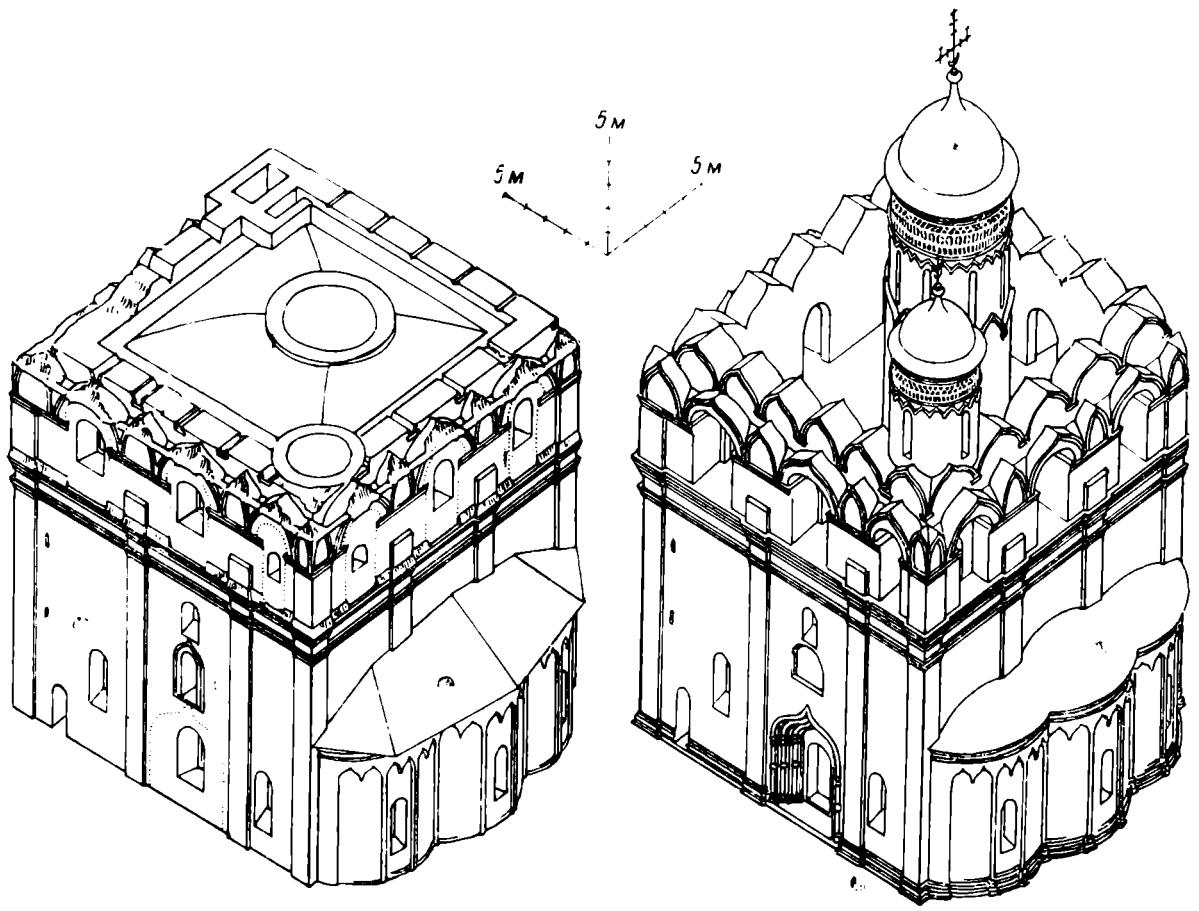


Рис. 5. Церковь Архангела Гавриила. Аксонометрия. Слева — в существующем виде (поздние кровли условно не показаны). Справа — реконструкция

мигранный обшитый железом барабан с луковичной главкой. Почти весь западный фасад памятника закрыт пристроенной в 1761 г. колокольней.

Нижняя часть стен храма, включая карниз, сохранила в основных чертах первоначальную архитектурную обработку. По сторонам двух новых широких оконных проемов на южном фасаде видны следы древнего портала и киота над ним, аналогичных имеющимся на северном фасаде. Закладкой шурфа было установлено, что церковь Гавриила имела профилированный кирпичный цоколь, тождественный сохранившемуся цоколю церкви Иоанна Предтечи.

Стены храма выше карниза имеют по три небольших оконных проема с каждой стороны и увенчиваются поясом кокошников, чередующихся по размерам: большие кокошники над окнами и меньшие — над простенками. Внутри верхний ярус здания представляет собой единое пространство, перекрытое вспарушенным сомкнутым сводом, в середине которого возвышается массивный кирпичный цилиндр — основание древнего барабана. Другой цилиндр, меньших размеров — основание малого барабана — размещается над юго-восточным углом храма, где был придел Константина и Елены. Входили в верхний ярус по винтовой внутристенной лестнице, сохранившейся в юго-западном углу здания. При внимательном осмотре фасадов можно увидеть в верхнем ярусе с каждой стороны по три больших заложенных арочных проема, близких по своему характеру к проемам верхнего яруса — звона Благовещенской церкви Ферапонтова монастыря [16]. О том, что и над церковью Гавриила помещалась звонница, свидетельствуют переписные книги 1601 г., называющие церковь «под колоколы» [17]. Закладка арок звона сделана из кирпича иного размера, чем кирпич в коренных частях памятника. Также из иного кирпича сделан перекрывающий ярус звона сомкнутый свод [18]. Очевидно, перестройка верха церкви были связана с упразднением звона и устройством вместо него ризницы, упоминаемой в монастырских переписных книгах второй половины XVII в. Вернее всего, эту переделку следует отнести к 1638 г., когда церковь была вторично освящена [19].

Обследование чердачного пространства (рис. 5) позволило обнаружить остатки изначального второго яруса кокошников, помещавшегося, как и кокошники нижнего яруса, над внешними стенами, с отступом от первых на 0,8 *м*. Кокошники второго яруса не имели чередования в размерах, как у первого яруса, и их размещение не связано с размещением нижних кокошников.

Выявленные фрагменты первоначального завершения памятника дают основание для его схематической реконструкции (рис. 5). Схематичность предлагаемой реконструкции определяется тем, что два существенных момента не могут получить бесспорного разрешения за недостаточностью натурных данных. Первый неясный момент — высотные размеры и декор барабанов, от которых сохранились лишь основания. Сличение барабанов хронологически близких памятников Белозерско-Вологодского края [20] позволяет прийти к выводу, что система их декора почти не изменялась на протяжении двух десятилетий. Декор этих барабанов характеризуется применением широких орнаментальных поясов в их верхней части, встре-

---

[16] П. П. Покрышкин, К. К. Романов. Ук. соч., табл. XVII и XVIII.

[17] ГПБ. Рукописн. отд., 72/1311, л. 140; Н. Никольский. Ук. соч., стр. 167.

[18] Кирпич церкви Гавриила имеет размер 8 × 13,5 (14) × 28 (29) *см*; закладки яруса звона и сомкнутый свод сделаны из кирпича 8 × 15 × 30 *см*.

[19] Об этом свидетельствуют надписи на древнем антиминсе и напрестольном кресте, хранящихся в Кирилловском историко-художественном музее; Н. Никольский. Ук. соч., стр. 166, примеч. 3.

[20] Церковь Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре, Благовещенская церковь Ферапонтова монастыря (1530—1534 гг.), собор Спасо-Прилуцкого монастыря (1537—1542 гг.), Введенская церковь Спасо-Прилуцкого монастыря (1540-е годы).

чающихся еще в соборах Ферапонтова и Кириллова монастырей [21], и пояса надоконных бровок, объединенных в сплошную аркатуру. С некоторыми изменениями этот прием остается преобладающим в архитектуре монастырей Вологодско-Белозерского края до самого конца XVI в. Естественно предположить, что декор утраченных барабанов церкви Гавриила также повторял эту систему, по-видимому, более всего приближаясь к известному нам декору барабана наиболее близкого памятника — церкви Иоанна Предтечи.

Второй вопрос, не получивший полного разрешения,— покрытие яруса звона. Выше говорилось, что существующий свод над ярусом звона относится к XVII в. Никаких следов другого свода на стенах яруса звона нет, что заставляет прийти к выводу, что первоначально этот ярус не имел свода [22]. В сохранившейся части нет также каких-либо гнезд от балочного перекрытия. Стены яруса звона выше врубленной пяты свода имеют с внутренней стороны побелку, покрывающую также и поле кокошников второго яруса, обращенное в сторону барабана. Обследование единственного относительно сохранившегося стыка между кокошниками второго яруса с западной стороны вскрыло интересную особенность: кирпичи, уложенные в ендове между кокошниками, образуют небольшой уклон для стока воды как в наружную, так и во внутреннюю сторону. Если только мы не имеем дело со случайной небрежностью кладки, то такое устройство можно объяснить лишь в том случае, если ярус звона вообще не был перекрыт. Это предположение подкрепляется еще и тем, что, как было установлено при вскрытии позднего деревянного пола, кирпичная выстилка яруса звона имеет заметный уклон в сторону наружной стены.

Текст переписных книг 1601 г., говорящий о покрытии закомар тесом, не дает прямого указания, было ли перекрыто кровлей пространство между стенами звонницы и барабаном. К тому же это известие относится ко времени, отстоящему от построения храма более чем на полстолетие. Поэтому наиболее убедительной представляется реконструкция первоначального завершения памятника в виде обходящей четверик массивной стены, прорезанной большими арками и увенчанной целой короной кокошников и поднимающихся из-за этой стены двух богато украшенных барабанов с шлемовидными главами.

Совершенно иной архитектурный облик присущ небольшому придельному храму Владимира, построенному через 20 лет после церквей Гавриила и Иоанна Предтечи, в 1554 г. Придел был пристроен к северной стене Успенского собора и служил усыпальницей князей Воротынских. Владимирский храм — маленький, бесстолпный, перекрыт системой ступенчатых сводиков, широко применявшихся в псковской архитектуре того времени. Видимо, строители были не очень хорошо знакомы с новой для Белозерья сводчатой системой, о чем можно заключить по оставленным неправильным выступам в кладке поддерживающих сводов и по непропорционально тонкому барабану, увенчивающему довольно массивный объем придела. Декор фасадов повторяет в огрубленном виде приемы декора Успенского собора и совершенно лишен каких-либо «фряжских» черт.

Дополнительное обследование и обмер [23] позволили значительно уточнить реконструкцию церкви Владимира (рис. 6). Как установлено, север-

[21] У барабана Благовещенской церкви Ферапонтова монастыря этот пояс имеет лишь горизонтальные профилированные тяги, но по ширине и расположению он не отличается от орнаментальных поясов других барабанов.

[22] Для русской архитектуры XVI в. случаи применения безраспалубочных сомкнутых сводов не характерны; при всех остальных системах сводов зона их примыкания к стенам значительно больше по высоте. Поэтому следы такого примыкания должны бы были сохраниться выше или ниже пят существующего сомкнутого свода.

[23] В этой работе принимали участие Е. А. Черников, Л. А. Ткаченко и И. И. Кроленко.

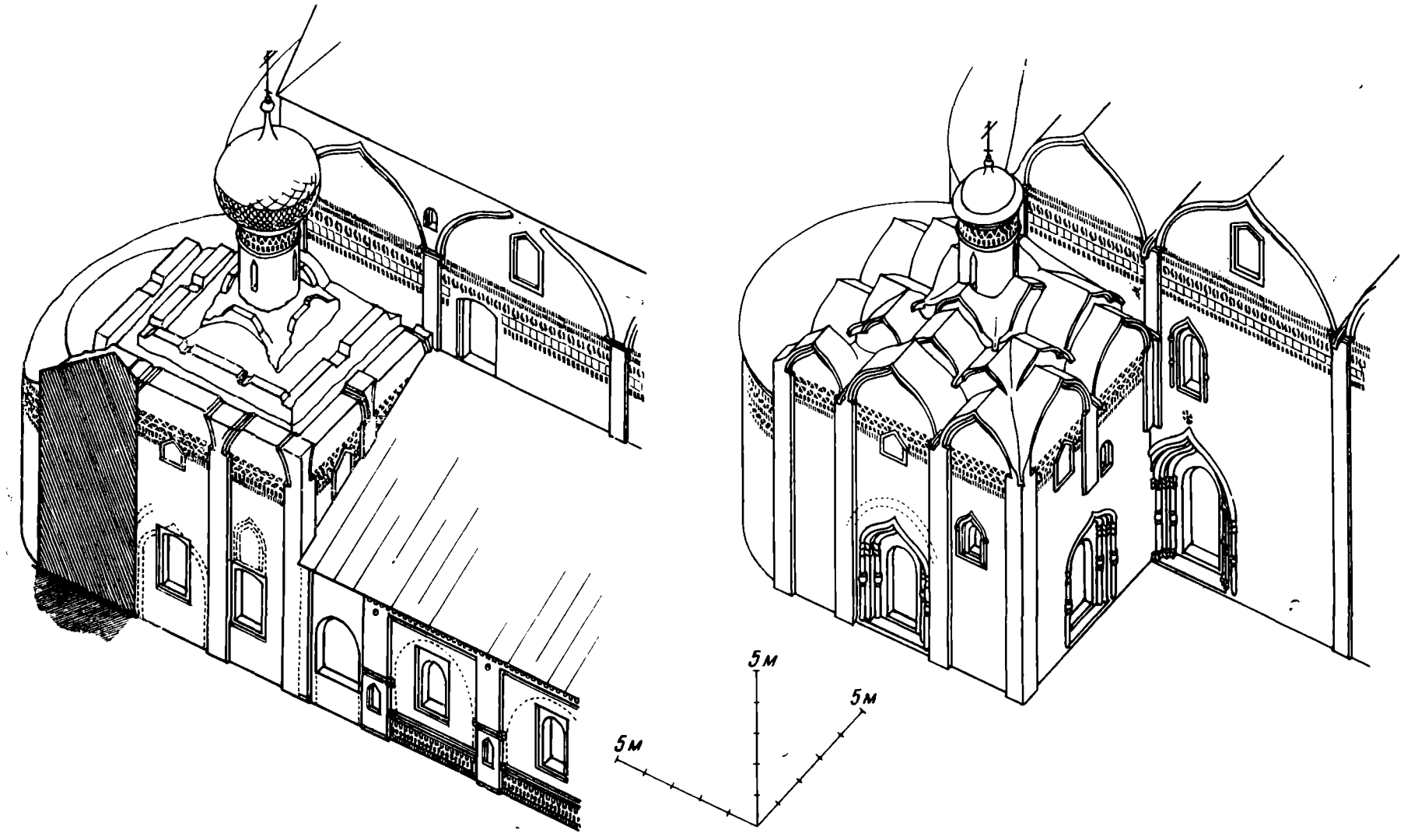


Рис. 6. Церковь Владимира. Аксонометрия. Слева — в существующем виде (поздние кровли условно не показаны). Справа — реконструкция

ный фасад членился лопатками на три части и, соответственно, завершался тремя кокошниками. Крайняя восточная треть в настоящее время полностью скрыта примыкающей стеной церкви Епифания. Четверик увенчивался тремя ярусами кокошников, причем во втором (промежуточном) ярусе кокошники повторяли расположение первого, т. е. с северной стороны их было три, а с западной и восточной — по два. Кокошники в северо-восточной части имеют довольно странное устройство, вызванное несовпадением восточной стены и угловой северо-восточной лопатки. Благодаря такому несовпадению крайний кокошник первого яруса на северном фасаде выступает за пределы восточной стены, а кокошник, выходящий на восточный фасад, уперается в его тыльную сторону. Это конструктивно и композиционно неудачное решение лишний раз указывает на неопытность строителей в возведении подобных бесстолпных храмов [24].

Форма покрытия апсиды устанавливается следом примыкания кровли к восточной стене придела, представляющим плавную кривую, более или менее концентричную своду. Нельзя поручиться, что это очертание относится непременно к первоначальной кровле, но сильно отличаться от изначального оно вряд ли может, так как при иной (например, конической) кровле алтаря были бы закрыты кокошники на восточной стене придела.

На северном фасаде четверика зондажами вскрыт заложенный древний оконный проем, остатки портала, аналогичного сохранившемуся западному, выходящему на северную соборную паперть, и следы свода крыльца или притвора, упоминающегося в переписных книгах 1601 г. [25].

Изложенные наблюдения позволили создать графическую реконструкцию памятника (рис. 6). На этой реконструкции показано посводное покрытие барабана [26]. Притвор условно не изображен, так как нам известна пока лишь граница примыкания его свода к четверику придела.

Несравненно более высокое мастерство отличает церковь Иоанна Лествичника, построенную над Святыми Воротами в 1572 г. [27]. Интерьер храма с круглыми столбами, профилированными импостами под пятами арок, крестовым сводом западного деления среднего нефа, напоминает интерьер церкви Гавриила. Особенность церкви Иоанна Лествичника заключается в своеобразном сочетании этих новых приемов, характерных вообще для московской архитектуры первой половины XVI в., со старой системой повышенных подпружных арок [28]. Необычное устройство имеет прямоугольный алтарь, перекрытый коробовым сводом.

Внешние архитектурные формы церкви Иоанна Лествичника представляют такой же сплав приемов декоративной обработки фасадов памятников Белоозера XV и XVI вв. Раскрепованные на лопатках карнизные тяги, отрезающие закомары от поля стены, включили в себя ленту поребрика и полностью потеряли трехчастное построение классического антаблемента. Плоскость закомар сплошь заполнена орнаментом, повторяя прием собора Ферапонтова монастыря. Декор барабана также повторяет схему Кирилловского и Ферапонтовского соборов — гладкий цилиндр, прорезанный окнами, и широкий орнаментальный пояс вверху, включающий в себя керамические балясины, утопленные в крестообразных впадинах, поребрик, бегунец и т. п.

В Кирилловском музее хранится макет покрытия церкви Иоанна Лествичника, которое повторяет систему Рождественского собора Ферапон-

[24] Та же ошибка слепо повторена почти через столетие при строительстве церкви Епифания (1645 г.).

[25] ГПБ. Рукописн. отд., 72/1311, л. 134. В переписных книгах применен термин «паперть».

[26] Существующая глава датируется надписью на подзоре, говорящей о ее поновлении в 1631 г. Обследовать свод барабана сверху не удалось.

[27] Эта датировка, не приводившаяся в литературе, основывается на тексте антиминса, хранящегося в Кирилловском историко-художественном музее. Н. Никольский датировал памятник периодом между 1557 и 1581 гг. Н. Никольский. Ук. соч., стр. 34.

[28] Н. Никольский. Ук. соч., рис. XXVIII.

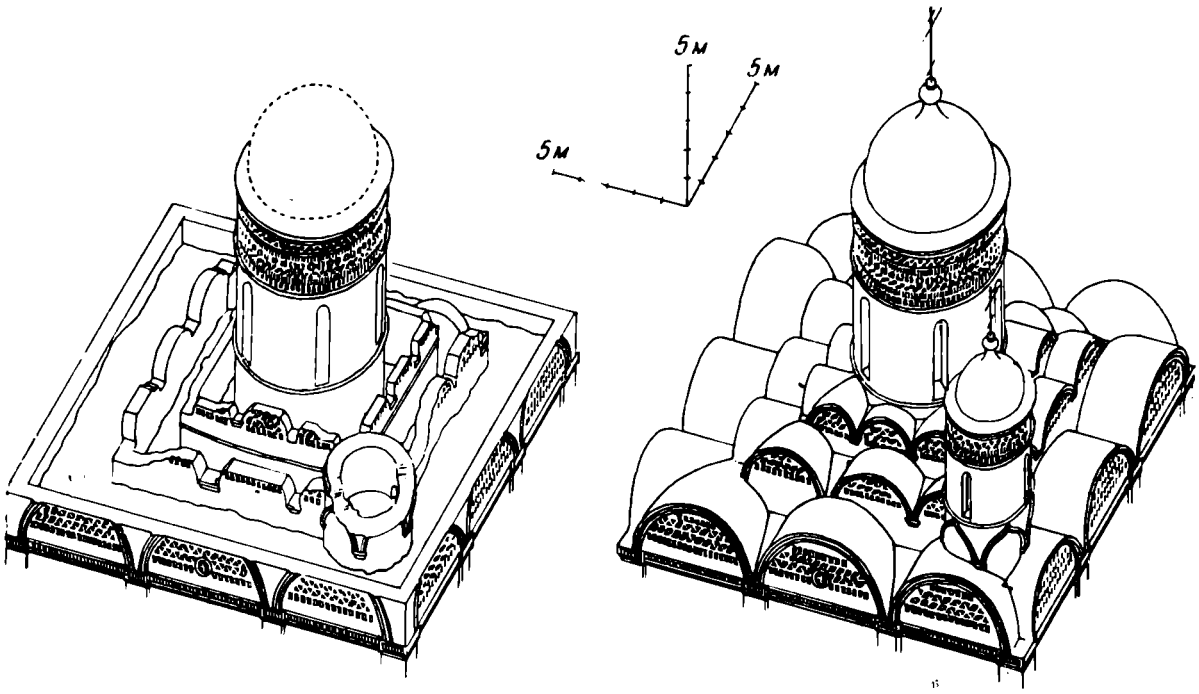


Рис. 7. Завершение церкви Иоанна Лествичника. Слева — остатки древнего завершения. Справа — реконструкция

това монастыря и церкви Иоанна Предтечи с добавлением небольших кокошников в основании малого барабана. Макет выполнен непрофессионально, без соблюдения пропорций, но, как показало произведенное нами обследование подкровельных частей храма, правильно отражает существо реконструкции первоначального покрытия. Есть основания полагать, что макет сделан по материалам В. В. Данилова.

На рис. 7 представлена аксонометрия завершения, составленная на основании обмера подкровельных частей храма.

Последний приводимый нами пример — надвратная церковь Преображения (1595 г.) [29]. Общая композиция памятника (расположенные по одной оси церковь, прямоугольный в плане алтарь и квадратная западная паперть) и декор фасадов ясно указывают, что образцом для его постройки послужила церковь Иоанна Лествичника. Вместе с тем, его деталям свойственна известная грубость, а пропорциям — тяжеловесность, отсутствующие у церкви Лествичника. Конструктивная система памятника также более примитивна. Церковь перекрыта тремя коробовыми сводами, опирающимися через подпружные арки на два массивных круглых столба и на стены. Алтарь также перекрыт тремя коробовыми сводами, опирающимися на боковые стены и на две арки, переброшенные от западной стены к восточной. Паперть перекрыта сомкнутым сводом на распалубках (рис. 8).

Памятник сильно искажен позднейшими перестройками. Каменные барабаны над церковью были сломаны еще в XVIII в. Повышение крепостной стены, произведенное в XVII в., вызвало закладку арок паперти и южного портала, который, как показывает штраба, выложенная в древней кладке южной стены, выходил над кровлей крепостной стены. Северный портал также был заложен, а его выступающие тяги срублены. Изменено было и покрытие алтаря.

Обмеры подкровельного пространства над церковью и алтарем и остатков древнего завершения позволили создать графическую реконструкцию памятника, включая и его верхние части (рис. 9). Над сводами храма сохранились основания трех барабанов (два малых глухих барабана

[29] По Никольскому — между 1568 и 1601 гг. (Н. Никольский. Ук. соч., стр. 35). Датировка Преображенской церкви 1595 г. определяется надписью на хранящемся в Кирилловском музее древнем антиминсе об освещении придела Ирины, находящегося в северной части алтаря.

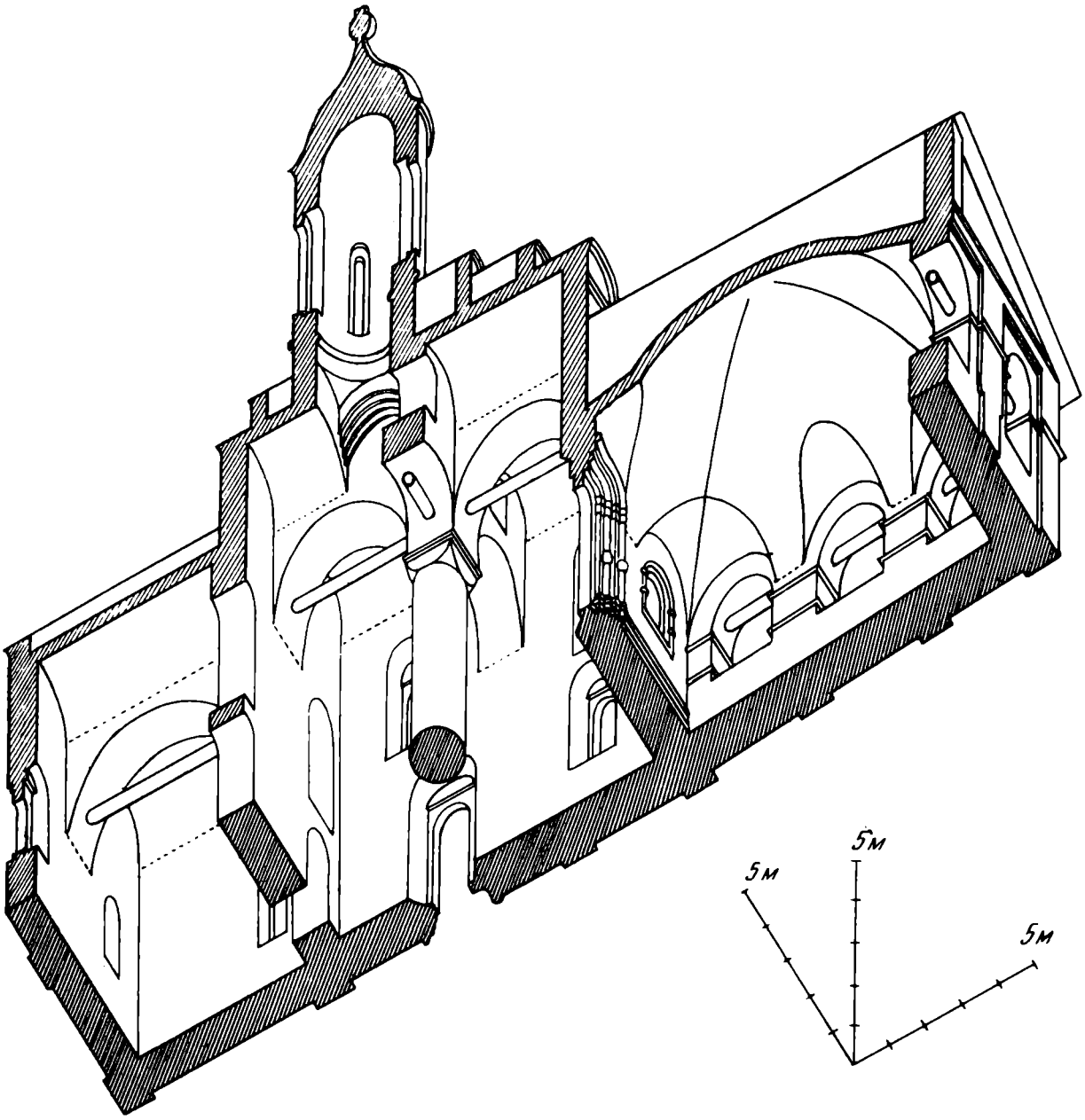


Рис. 8. Церковь Преображения. Аксонометрический разрез по второму этажу. Реконструкция

над юго-восточным и северо-восточным углами четверика, где помещались приделы Николы и Ирины, и большой барабан, который был световым), а также лицевых стенок кокошников второго и третьего ярусов. Из-за расположения большого барабана в восточной части четверика кокошники третьего яруса обходили барабан лишь с трех сторон. Разбивка кокошников сохранилась только у первого и второго ярусов, у третьего можно установить лишь очертание лицевых стенок кокошников в плане. Однако вряд ли приходится сомневаться, что с западной стороны, где особенности расположения барабана не должны были отразиться, в третьем ярусе было три кокошника, как и в двух нижних. В этом случае с северной и южной стороны в третьем ярусе может разместиться лишь по два кокошника. Обследование остатков кокошников позволило обнаружить остроумную систему отвода воды со сводов храма, предназначенную на случай протекания кровель. Выстилки пазух сводов имеют уклон в западную сторону, а в основании лицевых стенок кокошников устроено большое число проемов — своеобразных «окошек» для выпуска воды.

Реконструированное покрытие церкви представляет собой вариант традиционной для Белозерья схемы завершения храма, имеющейся уже в соборе Ферапонтова монастыря. Особенность этой схемы вызвана

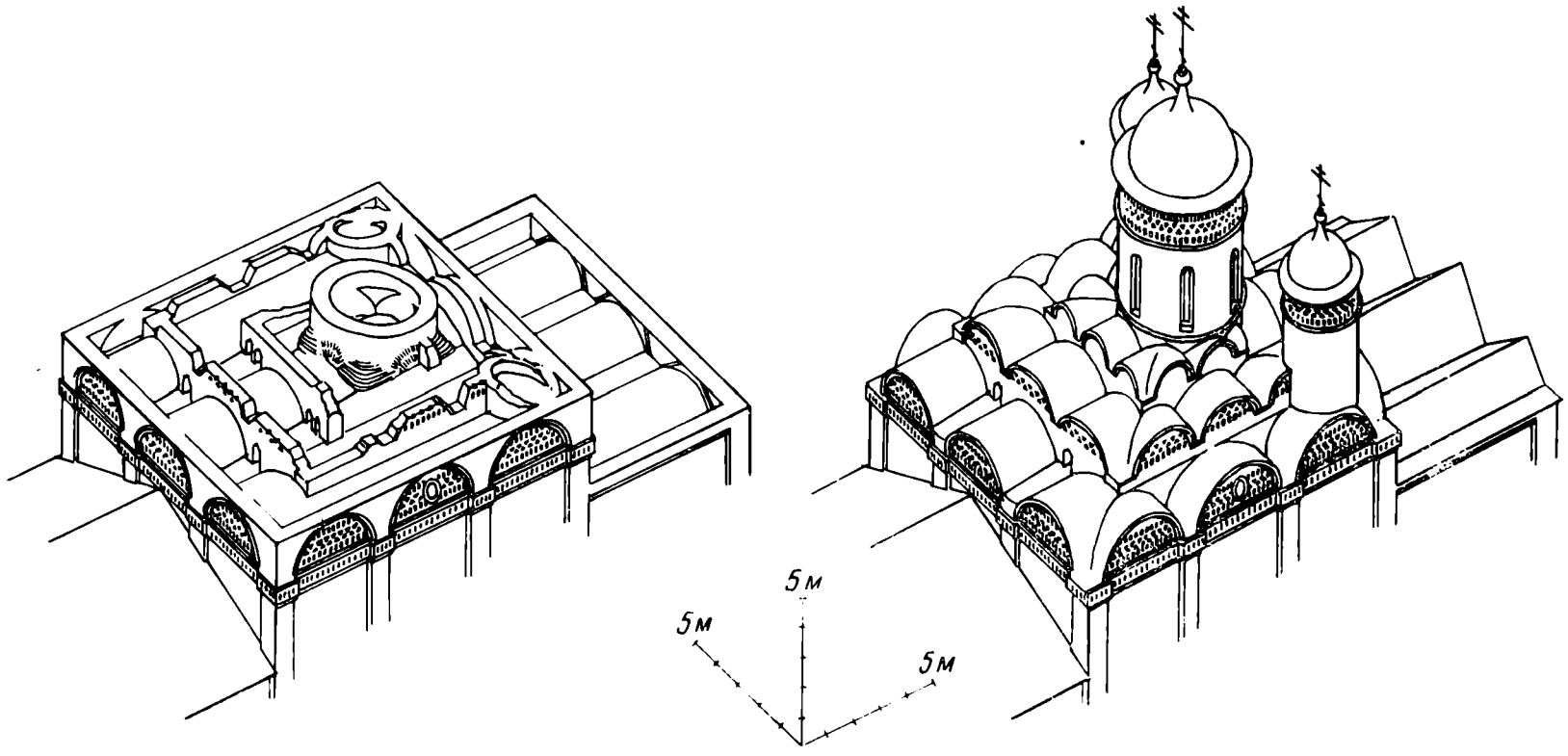


Рис. 9. Завершение церкви Преображения. Аксонометрия. Слева — остатки древнего завершения, Справа — реконструкция

системой двухстолпного храма с барабаном, расположенным между столбами и восточной стеной, а также наличием двух приделов вместо обычного для большинства памятников этого круга одного придела, что вызвало появление двух малых барабанов на углах четверика с восточной стороны.

Первоначальное покрытие алтарей, как свидетельствуют древние гнезда на восточной стене четверика храма и остатки кладки щипцов на восточной стене алтаря, имело форму трех двускатных кровель, ориентированных коньками с запада на восток. Как указывается в переписных книгах 1601 г., все кровли на памятнике были тесовыми [30].

* * *

Публикуемые реконструкции семи памятников Кирилло-Белозерского монастыря с достаточной наглядностью иллюстрируют основные черты развития архитектуры Белоозера конца XV—XVI в.

К. К. Романову, впервые указавшему на своеобразие памятников Белозерского края, принадлежит термин «белозерский тип соборных сооружений». По его определению, к основным признакам этого типа относятся: применение сложных поясов с включением кирпичных «обронных» орнаментов и терракоты, расположение этих поясов, в отличие от московских храмов, непосредственно под капителями лопаток, применение повышенных подпружных арок, одноглавие [31]. Более широкое изучение материала, ставшее возможным в настоящее время, требует внести в эти положения известные поправки.

Как нам кажется, при характеристике белозерского зодчества нельзя ограничиваться только храмами соборного типа. Уже на приведенных выше примерах можно было заметить общность многих композиционных приемов как у соборных храмов, так и у надвратных церквей и у небольших бесстолпных приделов. Близкий внешний облик белозерских храмов сочетается с различными конструктивными системами (четырехстолпные, двустолпные и бесстолпные храмы; повышенные и пониженные по отношению к прилегающим сводам подпружные арки; коробовые и крестовые своды). Наконец, орнаментальные пояса, бесспорно являющиеся одной из наиболее существенных отличительных черт белозерского зодчества XV—XVI вв., столь же широко применялись в гражданских и оборонительных сооружениях, как это видно по сохранившимся Свиточной, Мереженной и Глухой (Котельной) башням Кирилло-Белозерского монастыря, Казенной Палате и некоторым другим памятникам. Специфические черты белозерского строительства конца XV—XVI в. далеко выходят за рамки одних соборных сооружений.

Однако и для культового зодчества Белозерья предложенная К. К. Романовым характеристика недостаточна. Как особенно ясно показало исследование кирилловских памятников, для белозерских храмов наиболее характерна система венчания несколькими (обычно тремя) ярусами кокошников, повторяющими во всех ярусах завершение основного объема. В типичном виде эта система представляет собой три ряда расположенных по четверику кокошников, в каждом из которых на все четыре стороны выходит по три кокошника. Отступления от этой схемы, как правило, вызваны конструктивными особенностями памятника или наличием в восточной части четверика приделов, требующих постановки дополнительных малых барабанов. Так, у Успенского собора из-за сильной сдвинутости барабана к востоку кокошники нижнего яруса с восточной стороны расположены под углом друг к другу, а во втором ярусе кокошни-

---

[30] «Олтари и своды церковные покрыты тесом». ГПБ. Рукописн. отд., 72/1311, л. 150.

[31] Архив ЛОИА, ф. 29, № 15.

ков с востока нет. По той же причине у церкви Преображения нет кокошников с восточной стороны от барабана в третьем ярусе, причем композиция усложнена устройством двух малых главок. Граненая форма плана Введенской церкви должна была вазвать такое же расположение кокошников в верхних ярусах. Из-за малых размеров Владимирского придела в верхнем ярусе вокруг барабана имеется лишь по одному кокошнику. Наиболее близко к типичной схеме завершение Рождественского собора Ферапонтова монастыря, а также кирилловских церквей Иоанна Предтечи и Иоанна Лествичника, у которых строгая система нарушена лишь постановкой малого барабана над юго-восточным углом храма.

Следует, наконец, сказать, что область распространения памятников этого типа не ограничивается только территорией Белозерья. Перечисленные особенности почти в равной степени свойственны памятникам Кирилло-Белозерского, Горицкого, Ферапонтова, Спас-Каменного [32] и Спасо-Прилуцкого [33] монастырей, располагавшихся как в Белозерском и Кубенском княжествах, так и близ Вологды [34]. Поэтому правильнее, на наш взгляд, говорить не о «белозерском типе соборных сооружений», а об особенностях архитектуры Вологодско-Белозерского края конца XV—XVI вв. [35].

Полное и художественно цельное воплощение названные особенности получили в архитектуре наиболее ранних памятников — соборов монастырей Спас-Каменного (1481 г.), Ферапонтова (1490 г.) и Кирилло-Белозерского (1497 г.). Орнаментальные пояса этих памятников наиболее развиты и включают рельефные керамические плиты, что не встречается позднее. Использованная в них конструкция повышенных подпружных арок оправдывает систему перекрытия ярусами кокошников, хотя промежуточный второй ярус в обоих известных нам случаях декоративен [36]. Соборные храмы, построенные в наиболее чтимых монастырях, очевидно, в XVI в. служили своего рода эталоном для местного церковного строительства. Подтверждение этому можно найти не только в повторении их архитектурных форм у ряда более поздних сооружений, но и в таком свидетельстве, как известная порядная запись 1552—1553 гг. на построение Успенской церкви в Белоозере: «А церковь ставить как в Кирилове монастыре церковь Успения Пресвятой Богородицы...» [37].

Естественно, что по отношению к самим соборам Спас-Каменного, Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей — первым каменным

---

[32] Об архитектуре собора и трапезной церкви Спас-Каменного монастыря можно судить по фотографиям 1920-х годов из коллекции Музея архитектуры АСиА СССР и Вологодского обл. отдела, п/д архитектуры, запечатлевшим эти памятники уже с переделками XVII—XIX вв., а также по материалам обследования их В. А. Богусевичем (архив ЛОИА, дела разряда древнерусского зодчества, приложение к протоколу от 26.IV.1928, № 34, стр. 51).

[33] Архитектура памятников Спасо-Прилуцкого монастыря раскрыта благодаря исследовательским и реставрационным работам, проведенным под руководством архитектора Г. П. Белова.

[34] Можно предполагать, что к этому же кругу принадлежали несохранившиеся постройки Павлова-Обнорского и Корнилиева-Комельского монастырей.

[35] Совершенно иной характер архитектуры Софийского собора в Вологде, по-видимому, следует объяснить участием в работе иных, вероятно, царских мастеров, поскольку и само его сооружение производилось по царскому указу.

[36] Верх чертверика собора Спас-Каменного монастыря был переделан во второй половине XVII в. Первоначальная форма его завершения нам неизвестна. Значительная поднятость основания большого барабана по отношению к орнаментальному поясу, определяющему уровень пят древних закомар, легко читается по фотографии, что позволяет высказать предположение о системе завершения, близкой к завершению Ферапонтовского собора. Интересно, что, по наблюдению В. А. Богусевича, собор Спас-Каменного монастыря имел, как и Ферапонтовский собор, малую главку над юго-восточным углом четверика. Архив ЛОИА, дела разряда древнерусского зодчества, 1928, № 34, стр. 51.

[37] АЮБ, II, № 254.

постройкам обширного лесного края, простирающегося к северу от Ярославля, понятие местной традиции неприложимо. Поэтому для правильного представления о всем белозерско-вологодском зодчестве XV—XVI вв. важно попытаться определить их место среди основных архитектурных течений конца XV в.

Наиболее определенное высказывание по этому вопросу принадлежит К. К. Романову. Указывая на некоторые черты Ферапонтовского собора, свойственные Московской архитектуре XIV—XV вв. [38], он, вместе с тем, утверждал, что этот собор «построен псковскими мастерами, работавшими в Москве и участвовавшими в выработке новых форм» Благовещенского собора и Ризположенской церкви [39]. «Собор Ферапонтова монастыря,— писал он,— последний памятник XV в. в средней России, построенный только псковичами. После его создания видно уже участие в среднерусских постройках и мастеров среднерусских, оставивших свою старую технику и формы, усвоивших новые приемы и повторявших новые формы то Благовещенского, то Ферапонтовского соборов, а иногда выполнявших и некоторые вариации их» [40].

Наиболее веским аргументом в пользу псковского происхождения строителей Ферапонтовского собора Романов считал наличие у него повышенных подпружных арок, которые он рассматривал как отличительно псковскую конструкцию. Приведенные высказывания К. К. Романова обусловлены его традиционными представлениями о подражательности и конструктивной беспомощности всего среднерусского зодчества XIV—XV вв.— представлениями, опирающимися на одно лишь летописное известие о неудаче, постигшей строителей Московского Успенского собора в 1474 г.

В настоящее время благодаря раскрытию советскими исследователями ряда памятников московского зодчества XIV—XV вв. взаимоотношения между архитектурой Москвы и Пскова предстают в совершенно ином свете. Установилось вполне твердое представление о превалирующей роли раннемосковского зодчества в сложении новых общерусских архитектурных форм XV—XVI вв. [41]. Доказано также, что система повышенных подпружных арок, которой отводится столь значительное место в аргументации К. К. Романова, появилась на Руси уже в домонгольское время [42] и применялась в московском зодчестве в XIV—XV вв. независимо от какого-либо псковского влияния [43]. Характерно, что даже те московские памятники, на которые летописи прямо указывают как на построенные псковскими мастерами, почти не имеют в своей архитектуре черт, свойственных современным им сооружениям Пскова. Поэтому известная общность конструктивных и декоративных приемов таких московских храмов, как Благовещенский собор, церковь Ризположения, Духовская церковь Троице-Сергиевой Лавры и соборов Кириллова и Ферапонтова монастырей, скорее свидетельствует о близости последних к московской, а не псковской архитектурной традиции. В этой связи можно указать на общую структуру четырехстолпного храма с повышенными подпружными арками, завершенного ярусами кокошников, на украшение стен орнамен-

[38] К. К. Романов. Антиминсы XV—XVII вв. собора Рождества пресв. Богородицы в Ферапонтово-Белозерском монастыре, стр. 40; его же. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях. ИРАИМК, IV, Л., 1925, стр. 228.

[39] К. К. Романов. Псков, Новгород и Москва..., стр. 227.

[40] Там же, стр. 229.

[41] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, II, М., 1962, стр. 437, 448, 449, 456—462.

[42] П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.— Л., 1948, стр. 13—34.

[43] Н. И. Брунов. К вопросу о раннемосковском зодчестве. РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 93—104; П. Н. Максимов. К характеристике памятников московского зодчества XIII—XV вв. МИА, 12, 1949, стр. 210—214.

тальными поясами, воспроизводящими в новом материале — керамике белокаменную резьбу московских храмов, на применение перспективных порталов из естественного камня с чисто московским декором (килевидные завершения, сноповидные или профилированные капители, резные дыньки). Пожалуй, почти единственная черта в архитектуре белозерских храмов конца XV в., не связанная с московской традицией,— включение в орнаментальные пояса наряду с рельефными плитами и балясником узора из прямоугольных и треугольных впадинок. Однако опять-таки поиски наиболее близких аналогов приводят нас не к Пскову, а в данном случае — к Новгороду, где эти мотивы встречаются уже в церкви Петра и Павла 1406 г., а у церкви Дмитрия Солунского 1462 г. заполняют все верхнее поле стены, как бы предвосхищая архитектурное решение западного фасада Ферапонтовского собора. Этим сходство белозерских памятников с новгородскими по существу ограничивается. Еще более близкую трактовку фасадов имеет палата Угличского дворца 1480-х годов, где применены и рельефные плиты почти тождественного с ферапонтовскими рисунка и балясник.

Общность архитектурных приемов, связывающая белозерские соборы с собором Спас-Каменного монастыря и Угличской палатой, расположение всех этих памятников в пределах Ростовской епархии, близость их датировок (в промежутке между 1481 и 1497 гг.), наконец, прямое указание источников на постройку Кирилловского Успенского собора мастером Прохором Ростовским служат, на наш взгляд, достаточным подтверждением существования уже в последней четверти XV в. вполне сложившейся ростовской строительной школы.

Близость архитектуры ростовских памятников к московскому зодчеству XIV—XV вв. не вызывает удивления. Политическая и церковная история Ростова XV в. теснейшим образом связана с Москвой. Н. Н. Воронин следующим образом характеризует взаимоотношения Москвы и Ростова этого времени: «Совершенно не приходится говорить о какой-либо особенности Ростовского района в период XV в. в том смысле, как это возможно, например, относительно Пскова или Твери. Давным давно потерявшая и тень политической самостоятельности Ростовская земля жила общей жизнью с Московским княжеством, разделяя его исторические судьбы». «Ростовская епископия... остается единственной организацией, с которой считается Москва, и как одна из старейших кафедр неоднократно является поставщицей кандидатов на высокие посты церковной иерархии Московского государства» [44]. Естественно, что политическая близость Ростова к Москве сказалась и на культурных связях, в частности не могла не отразиться на зодчестве. Примером культурных связей Москвы и Ростова в конце XV — начале XVI в. может служить работа знаменитого московского живописца Дионисия в Ростове в 1482 г. по приглашению ростовского архиепископа Вассиана в Ферапонтове монастыре в 1500—1502 гг.

Гораздо труднее оказывается разграничить московскую и ростовскую архитектурные школы конца XV в., чем указать на сходные для обеих черты. В особенности затрудняет задачу почти полное отсутствие сведений об архитектурных формах московских храмов середины XV в., которые, по-видимому, могли оказать особо сильное воздействие на творчество ростовских мастеров 80—90-х годов. В этом свете большой интерес вызывает известие о сооружении в Москве уже в 1450-х годах кирпичных церквей.

Даже такие, казалось бы, специфические местные черты ростовских и белозерских храмов, как расположение орнаментальных поясов непосредственно под основаниями закомар и характерная система размеще-

---

[44] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв., стр. 21—22.

ния кокошников по четверику в трех ярусах находят себе аналогию на московской почве в первом случае — в необычно приподнятом поясе Духовской церкви, во втором — в формах Малого сиона Московского Успенского собора 1485 г.

Однако, при всей общности композиционных и декоративных приемов, свойственных как московским храмам, так и постройкам ростовских мастеров, последние отличает не свойственная московской архитектуре тяга к орнаментальному заполнению фасадных плоскостей. Достаточно сослаться на гораздо более пышные, чем у московских памятников, орнаментальные пояса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, не говоря уже о заполнении сплошным ковровым узором поля закомар на западном фасаде Ферапонтовского собора или о фасадах палаты Угличского дворца. Быть может, не случайно именно в орнаментальных поясах встречаются чуждые Москве архитектурные мотивы. Трудно сказать, в какой мере плоскостная орнаментика ростовских сооружений конца XV в. представляет местную черту, восходящую к храмам древнего Ростова. На некоторую возможность подобной традиции, казалось бы, указывает найденный Н. Н. Ворониным резной камень Успенского собора в Ростове 1213—1231 гг., покрытый растительным орнаментом, сходным с рисунком поясов московских храмов начала XV в. [45]. Вместе с тем вероятно, что ростовские мастера XV в. могли соприкасаться в своей деятельности со строительством не одной лишь Москвы, но и других земель. Например, выше было отмечено сходство в орнаментике некоторых ростовских и новгородских сооружений.

Своеобразие ростовских памятников конца XV в. следует, видимо, искать не столько в отдельных, отличительно ростовских композиционных или декоративных приемах, сколько во всей их совокупности, определяющей тот тип храма, который впоследствии лег в основу всего белозерско-вологодского строительства XVI в.

Сказанное позволяет рассматривать ростовскую строительную школу конца XV в. как ветвь московского зодчества. Подобное соотношение архитектуры Москвы и Ростова, очевидно, характерно для периода княжения Ивана III, когда Москва окончательно утверждалась в роли как политического, так и культурного и, в частности, архитектурно-художественного общерусского центра.

Дальнейшее преломление традиций ростовского зодчества конца XV в. в архитектуре Белоозера и Вологды XVI в. прошло через несколько этапов.

Изменения, произошедшие в архитектуре Москвы в конце XV — начале XVI в., и, в частности, появление в системе архитектурного декора элементов ордерности (следствие общения русских мастеров с работавшими в Москве итальянскими зодчими) нашли отражение и в памятниках ростовской земли. Такие сооружения, как соборы Спасского монастыря в Ярославле, Борисоглебского монастыря под Ростовом и Данилова в Переславле-Залесском, имеют в своем облике мало общего с храмами, построенными в Ростовской епархии в последней четверти XV в. Новые веяния в 30-х годах XVI в. проникли и на Белоозеро, что нетрудно заметить на примере кирилловских церквей Иоанна Предтечи и Гавриила. Однако сильные «местные» традиции, о которых уже говорилось, привели у этих памятников к своеобразному сочетанию «старых» и новых форм. Особенно существенно, что завершения белозерских памятников воспроизводят систему покрытия соборов конца XV в. с их ярусами кокошников. Характерно, что у церкви Иоанна Предтечи такое покрытие не сочетается с повышенными подпружными арками и принимает чисто декоративный характер. Влияние «местных» форм сказывается и на декоре барабана церкви Иоанна Предтечи.

---

[45] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков, II, стр. 58.

К двум названным памятникам близко стоит и Благовещенская церковь Ферапонтова монастыря [46]. Дальнейшее развитие этой «смешанной» системы архитектурного декора можно проследить в строительстве Спасо-Прилуцкого монастыря (собор 1537—1542 гг., Трапезная церковь 1540-х годов) и Спас-Каменного монастыря (Успенская трапезная церковь 1543—1549 гг. [47]). Как правило, памятники Белоозера и Вологды, сооруженные в 30—40-х годах XVI в., отмечает высокое профессиональное мастерство зодчих: тщательная прорисовка деталей, удачно найденные пропорции, цельность художественного замысла. Следует вспомнить, что именно к этому времени относится деятельность строительных артелей, возглавлявшихся известными нам по письменным источникам ростовскими зодчими Григорием Борисовым, Пахомием Горяиновым и др. [48].

В строительстве Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XVI в. композиционные и декоративные приемы первых каменных соборов Белозерья находят еще более близкое повторение. Наиболее характерны в этом отношении придел Владимира, архитектура которого полностью лишена каких-либо ордерных элементов, и церковь Иоанна Лествичника, у которой своеобразно слились орнаментальный пояс и отрезающий поле кокошников карниз, повышенные и пониженные подпружные арки. К сожалению, это наблюдение невозможно проверить на примерах строительства других монастырей, так как в них не сохранилось памятников этого времени, за исключением сравнительно поздней надвратной церкви Спасо-Прилуцкого монастыря.

Уже начиная со второй половины и особенно в конце XVI в. среди кирилловских памятников можно заметить употребление более примитивных строительных конструкций, огрубение архитектурных форм, усиление чисто декоративных моментов во внешнем облике зданий в ущерб выявлению их тектонической структуры. Такова Глухая (Котельная) башня, стены которой покрыты широкими поясами узорчатой кладки, сливающимися вместе с утопленными во впадины окнами совсем не крепостного характера в сплошной ковровый узор. Такова надвратная церковь Преображения, сочетающая двустолпную конструкцию с внешней оболочкой четырехстолпного храма. Особо наглядно сравнение этого памятника с послужившей для него «образцом» церковью Иоанна Лествичника. Если в первом случае уровень архитектурного мастерства зодчего стоит еще близко к сооружениям 1530—1540 гг., то у Преображенской церкви как по громоздкой конструкции сводов храма, так и по грубой трактовке, казалось бы, почти точно повторенных архитектурных деталей можно почувствовать слабую профессиональную подготовленность строителей. Низкий технический уровень некоторых построек Кирилло-Белозерского монастыря конца XVI в. и, в частности, церкви Преображения, был отмечен еще Н. Никольским [49]. Вместе с тем, общей живописной

---

[46] Отметим кстати, что этот памятник завершался первоначально тремя ярусами кокошников. Второй ярус, размещенный по четверику с отступом от фасадных плоскостей, не показан на известной реконструкции П. П. Покрышника (П. П. Покрышкин, К. К. Романов. Древние здания в Ферапонтовом монастыре. табл. XVII и XVIII) и не был восстановлен при реставрации, несмотря на сохранившиеся бесспорные следы: профилированные импосты, на которые опирались архивольты кокошников, и отпечатки примыкания кровель к кокошникам верхнего яруса.

[47] Утверждение В. А. Богусевича, что эта церковь имела шатровое завершение (В. А. Богусевич. Новый архитектурный тип в русском зодчестве 16-го и 17-го столетий. Сборник работ аспирантов ГАИМК. Л., 1929, стр. 45, примеч. 2), как нам кажется, неосновательно. Естественнее предположить, что располагавшаяся над церковью восьмигранная звонница, часть которой сохранилась при последующих переделках, увенчивалась ярусами кокошников и главой, по типу трапезных церквей Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Спасо-Прилуцкого монастырей.

[48] В частности, об обоих зодчих упоминается в связи с постройкой Успенской трапезной церкви Спас-Каменного монастыря. Н. Никольский. Ук. соч., стр. 88, примеч. 2.

[49] Н. Никольский. Ук. соч., стр. 71.

композиции Преображенской церкви с ее подчеркнуто асиметричными боковыми фасадами нельзя отказать в выразительности. Преобладание живописного и декоративного начал в архитектуре кирилловских памятников — новая черта, свидетельствующая об определенной демократизации художественных вкусов строителей.

В этом плане знаменательным представляется нам указание переписных книг на особую роль старца Леонида Ширшова в возведении нескольких каменных зданий Кирилло-Белозерского монастыря — церквей Кирилла и Преображения и соборных папертей [50]. Леонид Ширшов был одним из главнейших деятелей монастырской администрации [51], и вряд ли правильно считать его строителем в теперешнем понимании, т. е. зодчим или производителем работ. Термин «леонидово строение» в равной степени распространяется и на сами здания, и на иконы, и на различную церковную утварь [52]. В последнем случае четко разграничиваются предметы, изготовленные в монастыре, от приобретенных на стороне: «...и старец Елеуферей сказал, что те все паникадила куплены из монастырские казны, а не Леонидово строение» [53]. В применении к каменным зданиям указание на их возведение при старце Леониде должно, по-видимому, означать, что они также сооружены местными силами.

Можно полагать, что уже с последней четверти XVI в. строительные работы в монастыре велись без привлечения наемных и, в частности, ростовских мастеров. Интенсивное строительство, продолжавшееся в течение нескольких десятилетий в Кирилло-Белозерском и других крупных монастырях, не могло не привести к появлению у этих монастырей собственных строительных кадров из числа вотчинных крестьян, использовавшихся сначала на подсобных работах. Известно, что позднее из этой среды выходили не только рядовые каменщики, но и зодчие, носившие звание «подмастерья каменных дел» [54].

Практика выполнения сложных строительных работ силами по началу малоопытных монастырских каменщиков могла лишь способствовать устойчивости «освященных преданием» местных архитектурных форм. Не случайно построенная в 1645 г. в Кирилло-Белозерском монастыре церковь Епифания с почти безукоризненной точностью повторяет формы стоящей рядом Владимирской церкви середины XVI в.

Именно благодаря такой традиционности белозерско-вологодское зодчество до конца XVI в. (в отдельных сооружениях и позднее) удерживает основные черты ростовской строительной школы конца XV в., как она нам представляется по сохранившимся памятникам Белоозера и Углича. Через это звено оно сохраняет известную преемственную связь и с раннемосковским зодчеством, оказавшим огромное влияние на все развитие архитектуры Московского государства.

---

[50] Там же.

[51] Н. Успенский. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1896, стр. 30—31.

[52] О церкви Преображения в переписных книгах 1601 г. говорится: «А деланы те церкви и в них строение при старце Леониде». ГПБ. Рукописн. отд., 72/1311, л. 150.

[53] ГПБ. Рукописн. отд., 72/1311, л. 131 об.

[54] А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Ук. соч., стр. 161—162.

Публикации

В. Н. СТАНКО

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ГИРЖЕВО В ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ (1962—1964 гг.)

Яркая группа мезолитических памятников открыта и исследована в последние годы в Нижнем Поднестровье. Материалы обнаруженных здесь стоянок не только расширили границы распространения мезолитических памятников на всю территорию Северного Причерноморья, но дают также возможность поставить и решить ряд конкретных вопросов истории этого края.

В результате полевых исследований за последние 10 лет в Северо-Западном Причерноморье четко вырисовался тарденуазский пласт.

В настоящее время уже определяется картина заселенности Северо-Западного Причерноморья в эпоху позднего мезолита. Только в бассейне Днестра на территории Одесской обл. известно 14 тарденауазских стоянок и местонахождений. В большинстве случаев — это кратковременные стоянки с плохо выраженным культурным слоем и небольшим количеством инвентаря. Видимо, такие стоянки были оставлены небольшими, очень подвижными группами охотников, бродившими по степям Северо-Западного Причерноморья в поисках добычи.

С другой стороны, анализ кремневого инвентаря этих памятников позволяет поставить вопрос о выделении локального варианта развития тарденуазской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Данный вариант близко напоминает позднемезолитические комплексы Поднепровья и Левобережной Украины, и, вероятно, вместе с ними составляет единый большой ареал развития тарденуазской культуры степей Северного Причерноморья.

Большой материал для решения этих и других вопросов дает стоянка Гиржево, открытая в 1961 г. автором настоящей публикации, работавшим в составе Одесского палеолитического отряда под руководством П. И. Борисковского [1]. В 1962—1963 гг. Одесский палеолитический отряд под руководством П. И. Борисковского и в 1964 г. мезолитический отряд Института археологии АН УССР под руководством автора этой статьи провели стационарное исследование стоянки. Общая площадь, вскрытая за три полевых сезона, составляет 220 *м*. Изучение геологии памятника было проведено в 1964 г. В. Ф. Петрунем [2].

---

[1] П. И. Борисковский. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 году. КСОАМ. Одесса, 1964, стр. 14.

[2] Подробно стратиграфия напластований всех раскопов, а также геологические условия залегания культурного слоя описаны в В. Ф. Петруня. ЗОАО, т. 2.

Стоянка Гиржево расположена на небольшом террасовидном уступе (100 × 100 *м*) правого берега р. Кучурган, левого притока Днестра, в 300 *м* южнее с. Гиржево Велико-Михайловского района Одесской обл. Как все тарденуазские памятники Нижнего Поднестровья, стоянка расположена на высоком склоне берега реки (41 *м* над поймой), постоянно размывающегося ливневыми водами. Однако наличие на стоянке линзы известняка, которая в виде отдельных плотно прилегающих друг к другу каменных плит подстилает культурный слой, видимо, спасло стоянку от полного разрушения. Стратиграфия напластований стоянки (по западной стенке раскопа 1963 г.) следующая:

1. Почвенный покров (чернозем) до 0,20 *м*
2. Серый суглинок (переходный слой) до 0,30 *м*
3. Делювий зеленоватой глины с мелкими вкраплениями известняка до 0,80 *м*
4. Слой карбонатного известняка до 1—1,05 *м*

Кремневый инвентарь стоянки стратиграфически и типологически четко делится на два комплекса: нижний, залегающий в делювии зеленоватой глины (самый насыщенный слой тарденуазского времени), и верхний, смешанный распашкой слой, залегающий в почве и подпочве. В свою очередь, материалы верхнего смешанного слоя легко типологически делятся на три небольших комплекса: неолитический, трипольский и поздний, видимо, черняховского времени.

I. Комплекс тарденуазского времени

Инвентарь этого комплекса залегал на глубине от 30 до 80 *см* от поверхности, в слое зеленоватого суглинка, верхняя часть которого подверглась распашке. В связи с этим часть материала оказалась перемешанной с инвентарем неолитического слоя, что затруднило его точное статистическое выделение.

За четыре года на стоянке найдено около 11500 кремней. Среди них — 170 нуклеусов, более 1000 орудий, около 4500 пластинок и их сечений и более 5500 отщепов осколков и чешуек.

По форме нуклеусы относятся, в основном, к призматическим и неправильно призматическим. Из них: 28,5% — это плоские односторонние, сильно сработанные, иногда с подработанной ударной площадкой, со следами сколов тоненьких правильно ограненных пластинок с одной стороны и желвачной коркой — с другой (рис. 1, *3*, *5*, *8*); 26,6% — односторонние утолщенные, со следами сколов призматических пластинок с одной стороны и отщепов — с другой (рис. 1, *6*, *7*). Ударные площадки у этих типов нуклеусов ровные и сформованы, как правило, одним сколом. Размеры их: длина от 2 до 5,6 *см*, ширина от 1,8 до 4 *см*, толщина от 1 до 3,5 *см*.

Более 35% общего количества нуклеусов составляют неправильно призматические, со следами сколов отщепов и неправильно ограненных пластинок. Средний размер 3 × 2,5 × 2 *см*.

Кроме этих основных типов на стоянке найдено три конических нуклеуса (один из них со скошенной ударной площадкой, рис. 1, *4*) и три карандашевидных нуклеуса (рис. 1, *1*, *2*). На одном из последних имеются следы желвачной корки по одной стороне, на другом — сколы небольших отщепов. Средний размер их равен 3,6 × 1,7 *см*.

На стоянке найдено также около 20 поперечных и продольных сколов с нуклеусов и несколько нуклевидных кусков кремня.

Трапеций найдено 210 экз., 25% всех орудий. Небольшими равнобокими и асимметричными трапециями с крутой притупляющей ретушью по сторонам излома исчерпывается набор микролитов на стоянке (рис. 2, *1—12*). Изготовлены они из тонких пластинок призматических сечений. Высота их — от 0,6 до 1,2 *см*. Одна трапеция с ретушированной выемкой на нижнем

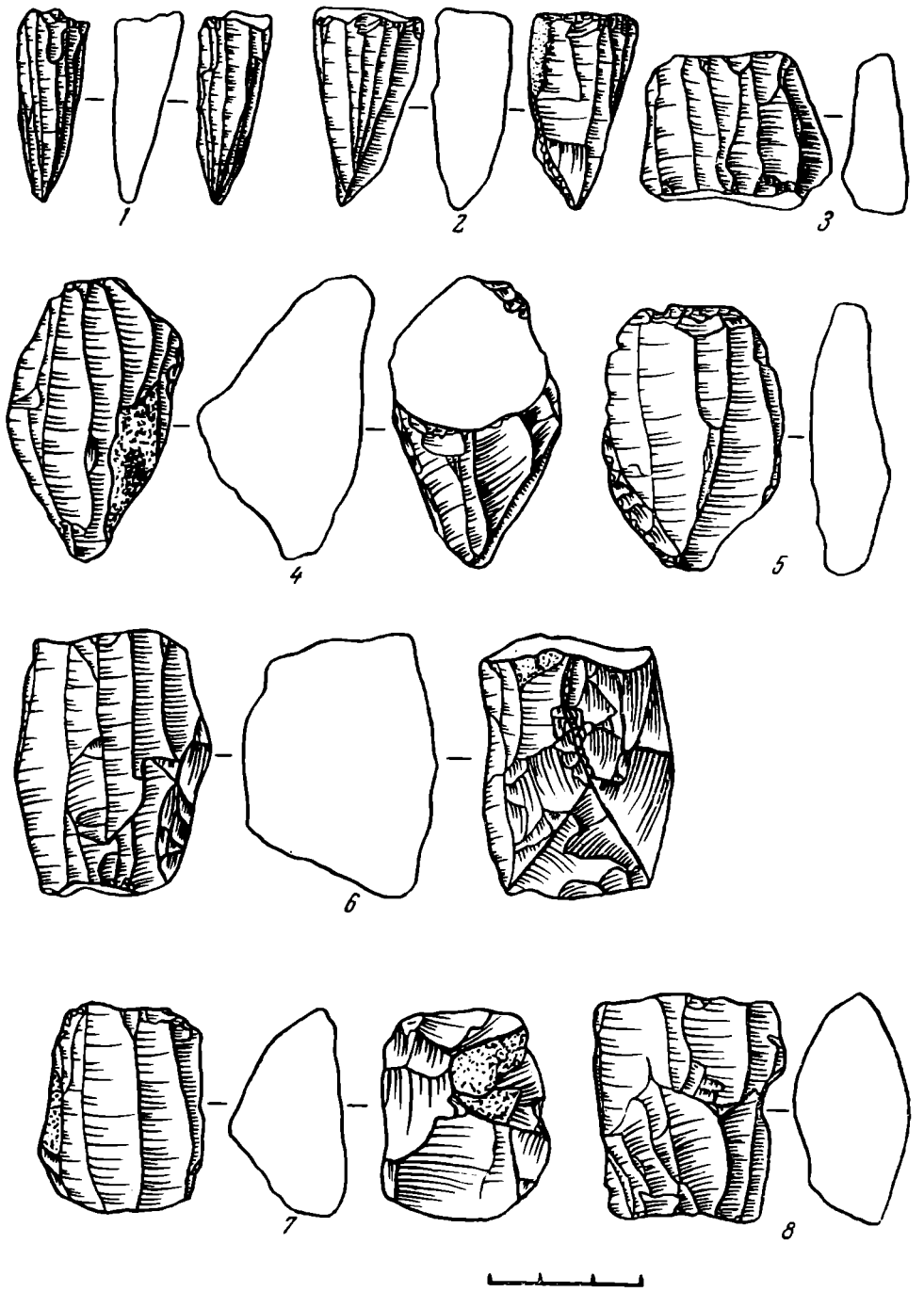


Рис. 1. Гиржево. Нуклеусы

основании (рис. 2, 7). У нескольких экземпляров сильно сработаны (выщерблены и заполированы) края или углы нижних оснований. Трапеции с подобными следами сработанности часто встречаются в мезолитических стоянках Крыма [3].

Почти половину всех орудий стоянки составляют скребки (48,3% всех орудий), в большинстве округлой и подокруглой формы от 1 до 4 *см* в диаметре. Они изготовлены на небольших утолщенных отщепах. У многих экземпляров ретушью оформлен весь край. Иногда плоской ретушью обработана вся спинка скребка.

Концевые скребки на укороченных пластинках и пластинчатых отщепах составляют 11,4% всех скребков. Среди них несколько экземпляров с дугообразным рабочим лезвием и ретушью по двум боковым сторонам. На трех

[3] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, стр. 27; А. Д. Столяр. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму. КСИА АН СССР, 84. 1961, стр. 39, 44.

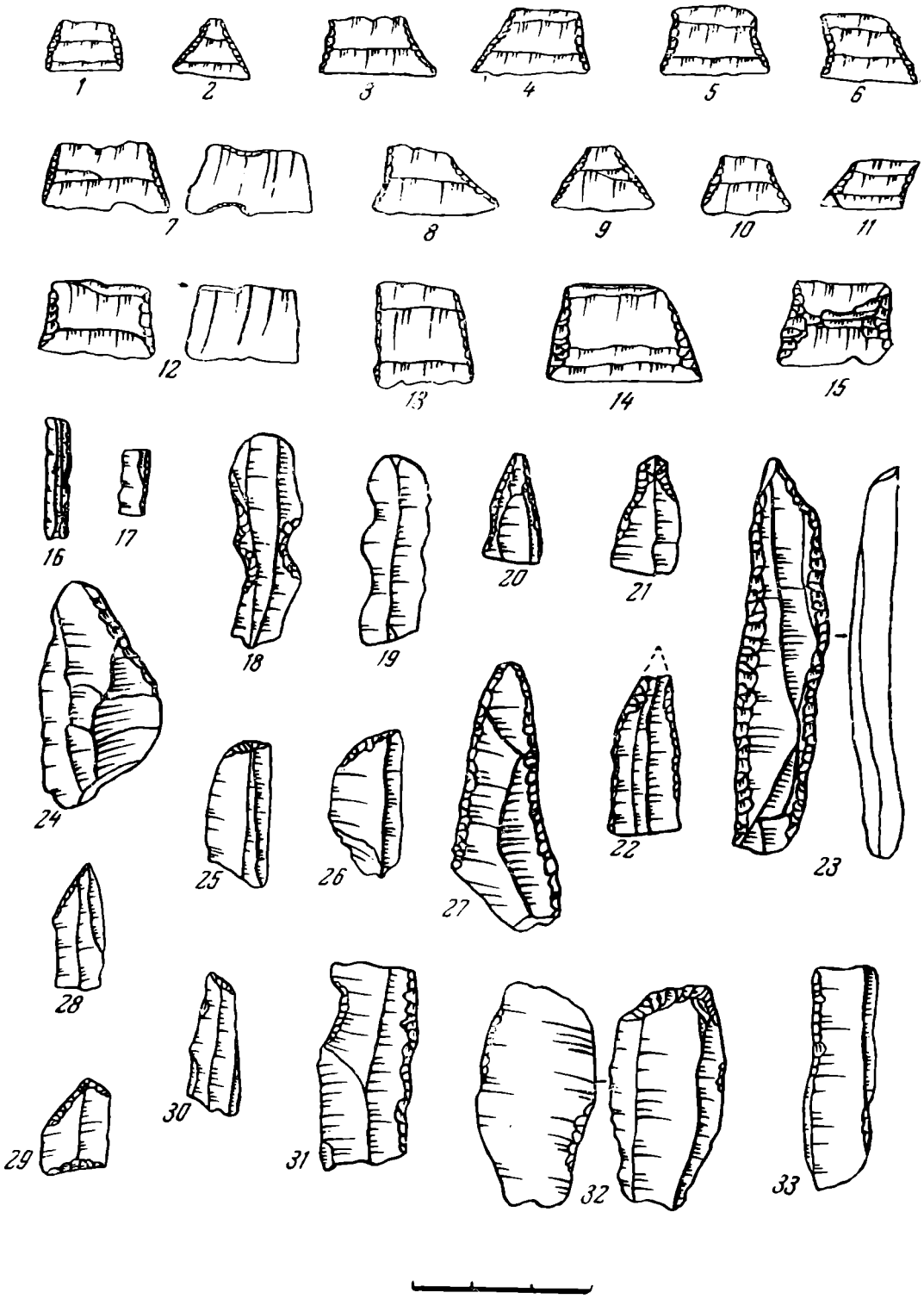


Рис. 2. Гиржево. Кремневые орудия из пластинок

экземплярах рабочий край оформлен ретушью с брюшка. Есть также группа (15 экз.) скребков с вытянутым острым рабочим краем, сформированным крутой ретушью.

По назначению к скребкам примыкает группа отщепов с ретушью по краю. Они, как правило, грубые, неправильной формы; незначительная часть их края оформлена мелкой ретушью. Среди отщепов много экземпляров с выщербленными и заполированными краями.

Большую группу орудий составляют ретушированные пластинки (190 экз.). Это призматические пластинки или их сечения, края которых оформлены мелкой, часто отлогой ретушью, нанесенной со спинки. На некоторых экземплярах ретушь оформляет только часть края. На 40 сечениях пластинок мелкая ретушь нанесена с брюшка. 10 пластинок с противолежащей ретушью.

Миниатюрных призматических пластинок с краем, притупленным ретушью, на стоянке найдено 11 экз. (рис. 2, *16, 17*). Все они правильных очертаний, тонкие с двух- или трехскатной спинкой. Длина их 0,8—2 *см*, ширина 0,4—0,6 *см*. Вероятно, эти пластинки служили (наряду с геометрическими микролитами и сечениями пластинок) вкладышами в составные охотничьи орудия, известные на территории Нижнего и Среднего Поднестровья с конца позднего палеолита [4].

Пластинок с выемками найдено 20 экз. Среди них только одна целая, с тремя выемками, оформленными плоской ретушью (рис. 2, *18*). Остальные — это небольшие сечения пластинок с одной выемкой, расположенной у большинства по одному краю и оформленной мелкой притупляющей ретушью. На двух сечениях пластинок выемки оформлены ретушью с брюшка. Два сечения с выемками, оформленными на стороне излома и на месте ударного бугорка. К этой группе орудий примыкают три грубых отщепа с ярко выраженными выемками, оформленными мелкой притупляющей ретушью и сильно сработанные (скобели). Таким образом, целые хорошо выраженные пластинки с несколькими выемками, которые являются обычными для мезолита сопредельных территорий, в Гиржево практически отсутствуют. Это можно объяснить для данной стоянки и вообще для Нижнего Поднестровья, связав с отсутствием здесь обработанных костяных наконечников и близких к ним по форме других орудий. Вероятно, здесь основой для составных орудий служило дерево, меньше чем кость нуждающееся в специальных орудиях для обработки. В качестве примера из более поздних эпох можно привести составное орудие из 12-го Усатовского кургана, где геометрические микролиты и одна пластинка были расположены в ряд и, видимо, вставлены в деревянную рукоять, части которой сохранились [5].

Целых проколок на стоянке нет. Найдена проколка из утолщенной пластинки палолитического облика с ретушированными краями, у которой в древности был сломан рабочий край (рис. 2, *23*). Кроме этого, найдены четыре обломка (верхние рабочие части) подобных орудий (рис. 2, *20—22*). Близко к ним примыкают два орудия на утолщенных пластинках с ретушированными краями, верхняя часть которых заужена и оформлена в виде овала (рис. 2, *27*).

Орудия типа острий представлены 19 пластинками, со скошенным ретушью концом (рис. 2, *26, 28, 30*).

Исключительно малочисленна группа резцов (4 экз.). Среди них — два срединных, один на небольшом осколке кремня, второй на пластинчатом отщепе. Два боковых резца на плоских отщепах.

Около половины материала этого слоя составляют правильно ограниченные призматические пластинки, их обломки и сечения. Небольшие ножевидные пластинки длиной 1,5—5 *см* прежде всего служили заготовками для изготовления вкладышевых микролитов, а также различных орудий: проколок, острий, пластинок с выемками и т. д. Некоторые из них, вероятно, использовались без вторичной обработки, о чем говорит выщербленность и заполированность краев.

Следует особо выделить большую группу прямоугольных и трапециевидных сечений пластинок. Первых на стоянке найдено 800 экз., вторых — 100. Высота их 1—1,2 *см*, длина 1—2,2 *см*. По форме и размерам трапециевидные сечения ничем не отличаются от ретушированных трапеций. Подобные сечения, как, вероятно, и обломки пластинок, служили вкладышами в составные орудия, на что есть прямые указания в находках костяных наконечников с такими пластинками [6].

---

[4] П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка под Одессой. КСИА АН СССР, 86, 1961, стр. 92; О. П. Черниш. Верхній шар стоянки Молодове I. МДАПВ, V, Київ, 1964, стр. 7.

[5] Э. Ф. Патокова. Усатовский курган 1—12. КСОАМ. Одесса, 1964, стр. 112.

[6] Д. Я. Телегін. Василівський третій некрополь в Надпоріжжі. Археологія, XIII, Київ, 1962, рис. 5, *8*.

Отщепы, явившиеся основными заготовками для изготовления скребков, в коллекции составляют 20%. На многих из них имеются следы заполированности, что указывает на употребление их в процессе работы без вторичной обработки. Около 30% всего кремневого инвентаря составляют мелкие отщепы, осколки и чешуйки, так называемые отходы производства. Такое обилие отходов, а также большое количество нуклеусов, незаконченных и сломанных орудий свидетельствует о том, что кремень обрабатывался на месте. Видимо, обитатели стоянки приносили сюда с берегов Днестра кремневые гальки (несколько экземпляров здесь найдено) и уже на месте обрабатывали их. В этом слое найдено сравнительно небольшое количество определимых костей. По определению В. И. Бибиковой, они принадлежат следующим видам животных:

Вид животного	1-й горизонт	2-й горизонт	3-й горизонт
Бык крупный (дикий или домашний ?) *Bos sp.* (вероятнее всего тур)	6/1 *	2/1	10/1
Лошадь (дикая или домашняя?) *Equus caballus*. Некрупная, по размерам сходна с тарпаном	—	31/1/2/	17/1
Осел европейский или кулан — *Equus (Asinus) sp.*	7/1	? 2/1	—
Крупное копытное (скорее всего лошадь или бык)	65	110	15

* В числителе — количество костей, в знаменателе — число особей.

Кроме определимых костей найдено большое количество мелких обломочков расколотых костей. Среди них много пережженных. В этом отношении фауна Гиржево сильно напоминает фауну крымских мезолитических стоянок Фатьма-Коба и Шан-Коба[7]. По мнению В. И. Бибиковой, наличие большого количества мелкодробленых костей связано со стремлением первобытных охотников добыть максимальное количество питательных веществ, содержащихся в костях, что, в свою очередь, указывает на ограниченные охотничьи возможности[8]. Может быть этим, в какой-то мере, объясняется такая рассеянность мезолитических местонахождений по небольшим притокам Днестра. Видимо, обитатели Нижнего Поднестровья в поисках охотничьей добычи бродили по долинам малых рек, не задерживаясь долго на одном месте. В то же время древние охотники были постоянно связаны с долиной Днестра, где они добывали кремень для изготовления охотничьего оружия. Как правило, весь инвентарь позднепалеолитических и мезолитических стоянок Нижнего Поднестровья изготовлен из днестровской гальки, выходов которой нет в долинах малых рек.

В центральной части раскопа 1963 г., на глубине 78 *см* от современной поверхности, в слое мягкого разрушенного известняка, залегающего между каменной скалой и зеленоватой глиной, открыто погребение трех детей.

Погребальная яма не была прослежена в верхних слоях раскопа, но хорошо прослеживалась с уровня известковой скалы. Она имела форму, близкую к прямоугольной. Длина ее 188 *см*, ширина 65 *см*, глубина прослеженной части — 36 *см*. В восточной части ямы, за черепами,— небольшое углубление, заполненное зеленоватым суглинком с примесью мелких частичек известняка. Дно изрезано кротовинами землеройных животных.

Кости скелетов сохранились очень плохо, поэтому мы можем дать только суммарное описание погребения. Общая ориентировка трех костяков — с северо-востока на юго-запад. Видимо, южный и центральный костяки

[7] В. И. Бибикова. Фауна из навеса Фатьма-Коба. КСИА, 8, 1959, стр. 123.
[8] Там же.

были положены на правый бок с согнутыми в коленях ногами, лицом на северо-запад. У северного голова повернута лицом на юго-запад, кости остальной части скелета не сохранились. О положении рук трудно судить, так как сохранившиеся обломки плечевых костей землеройными животными были растащены по всей погребальной яме. Никакого инвентаря при погребении не найдено, кроме трех призматических пластинок, которые встретились в засыпке при расчистке костяков.

В связи с тем, что не удалось точно проследить уровень, с которого было впущено погребение, а также из-за отсутствия инвентаря, связанного с определенным комплексом стоянки, датировать погребение трудно.

Этим, в основном, исчерпывается материал из нижнего горизонта стоянки. Исходя из наличия в этом горизонте небольших трапеций с крупной притупляющей ретушью, округлых скребков на отщепах, большого процента призматических пластинок, плоских и карандашевидных нуклеусов, мы можем датировать его тарденуазским временем, что подтверждается и геологическими условиями залегания этого комплекса.

Ближайшими аналогиями этого комплекса Гиржево являются тарденуазские стоянки Северо-Западного Причерноморья. В Поднестровье — это Гребеники, Довжанка, Орловка и др.; в Болгарии — мезолитические комплексы в районе Декилиташ (Побитите камни) [9], в Румынии — Спиноаса [10], Ербичень и Рипичень [11]. Материалы Гиржево также очень близко напоминают тарденуазские комплексы Поднепровья и Левобережной Украины.

Отдаленные аналогии материалам Гиржево прослеживаются и в тарденуазских комплексах крымских пещерных стоянок. Однако, в отличие от Крыма, в Гиржево наблюдается меньшее развитие геометрических форм. В Гиржево, как и на других стоянках Северо-Западного Причерноморья, не встречаются сегменты, треугольники, вытянутые трапеции, которые являются обычными для тарденуаза Крыма.

II. Верхние смешанные комплексы

а) Неолитическое время. Как было указано выше, стратиграфия верхнего слоя стоянки была нарушена пахотой. Однако материал этого слоя четко делится типологически. Это, прежде всего, семь обломочков стенок сероглиняных лепных сосудов с примесью в тесте мелкотолченой ракушки и растительности. Три из них украшены косым точечным орнаментом, а остальные — штампом в виде треугольников или овалов. По определению В. Н. Даниленко, данная керамика относится к самченскому времени буго-днестровской неолитической культуры. Видимо, к этому же комплексу относятся найденные в этом же перепаханном слое высокие трапеции, часть которых оформлена крутой притупляющей ретушью, а другая часть — плоской ретушью, слегка заходящей на спинку. Высота их 1,5—1,8 *см*. Налицо две трапеции со струганной спинкой. Имеется также около 20 сечений широких пластинок, которые по цвету патины сходны с высокими трапециями и отличаются от остального материала. Может быть, к этому комплексу относится небольшое количество скребков на неправильных отщепах. Этим, видимо, и исчерпывается инвентарь неолитического комплекса, за исключением еще, может быть, одного сечения пластинки с ретушью и сколами с брюшка типа «кукрекских вкладышей», а также небольшого количества отщепов, которые практически очень трудно выделить из среды тарденуазских.

[9] Н. Джамбазов. Проучвания на палеолитната и мезолитната култура в България. Археология, год. VI, 3. София, 1964, стр. 74—76.

[10] N. Zaharia. Descoperiri paleolitice in Moldova efectuate intre anii 1952 şi 1957. «Arheologia Moldovei», I, Bucuresti, 1961, стр. 28.

[11] Al. Păunescu. Cu privire la perioada de sfîrşit a epipaleoliticilui în nord-westul şi nord-estul Rominiei şi unele persistente ale lui în neoliticul vechi. SCIV, XV, 3, 1964, стр. 322—325.

Ближайшей аналогией этому комплексу является стоянка Сороки-Трифауцкий лес [12], открытая В. И. Маркевичем на Днестре.

б) Трипольское время. На стоянке в верхнем горизонте найдено также 20 обломков трипольской керамики. Большей частью это небольшие обломки стенок сероглиняной кухонной посуды, изготовленной из глины с примесью мелкотолченой раковины и слюды, блестки которой хорошо видны на поверхности многих обломков. Среди обломков — три очень выразительных фрагмента сосудов. Один из них — верхняя часть сосуда с почти прямым горлом, край которого чуть отогнут наружу. Срез венчика уплощен. Под венчиком пальцевые защипы. У основания горла четко виден отрезок косой проглаженной линии. По горлу сосуда гребенчатым штампом нанесены вертикальные расчесы. Такие же расчесы, но горизонтальные, видны на тулове сосуда. Внутри сосуд покрыт также расчесами. Второй обломок представляет собой часть горла с вертикальными и косо поставленными оттисками гребенчатого штампа по основанию. Третий обломок — часть стенки сероглиняного сосуда, украшенный проглаженными линиями.

Это очень характерная кухонная трипольская керамика, относящаяся к концу развитого — началу позднего триполья (В II — С I по Т. С. Пассек). К этому же комплексу относится треугольный наконечник дротика, обработанный с двух сторон плоской ретушью.

в) На стоянке в почвенном горизонте найдено также более 200 обломков от лепных и сделанных на гончарном круге сероглиняных сосудов, относящихся к черняховскому времени.

---

[12] В. И. Маркевич. Неолитическая стоянка Сороки-Трифауцкий лес. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 91—101.

Г. Е. МАРКОВ

ГРОТ ДАМ-ДАМ ЧЕШМЕ 2 В ВОСТОЧНОМ ПРИКАСПИИ

Уже многие десятилетия внимание ученых привлекает изучение эпохи первобытности в Туркменистане. Широкие археологические исследования, проводившиеся в подгорной полосе Копет-Дага, позволили обнаружить там древнейшие земледельчески-скотоводческие культуры неолитического и энеолитического времени и эпохи бронзы [1]. В меньшей степени оказались изученными памятники первобытности в степной и предгорной полосе Туркмении. До сих пор они известны лишь по раскопкам грота Джебел [2], стоянки Оюклы в Северном Прибалханье [3], разведочным работам на Красноводском плато [4] и сборам подъемного материала по среднему и нижнему Узбою [5]. Не в большей степени изучены соседние области Южного Прикаспия [6].

Вместе с тем изучение этого круга памятников имеет важное значение, так как позволяет не только выяснить процессы развития древних культур, связанных с присваивающим хозяйством, но и весьма существенно при исследовании таких больших проблем, как происхождение производящего хозяйства, возникновение земледельческих культур неолита и энеолита в подгорной полосе и степного скотоводства в эпоху бронзы.

В связи с этим в 1963 г. Туркменская археолого-этнографическая экспедиция МГУ и ИИАЭ АН ТССР под руководством автора приступила, а в 1964 г. завершила работы по раскопкам грота Дам-Дам чешме 2 в восточных склонах Большого Балханского хребта. О существовании группы гротов в восточных Балханах было известно уже давно. В свое время в самом крупном из них Дам-Дам чешме 1 производил рекогносцировочные работы геолог В. В. Шумов. Позднее в том же гроте, а также в Дам-Дам чешме 2 заложил разведочные шурфы А. П. Окладников. Судя по частичной публикации результатов этих работ, гроты были многослойными памятниками, заселенными первобытным человеком в течение длительного времени [7].

На Дам-Дам чешме 2 выбор был остановлен в связи с тем, что его площадь несколько меньше, чем у Дам-Дам чешме 1, и он меньше пострадал от размыва и разведочных шурфовок. Но и Дам-Дам чешме 2 довольно значителен по размеру (рис. 1). Грот расположен в северном обрывистом

---

[1] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.

[2] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

[3] Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы. ВМГУ, 3, 1961.

[4] А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского п-ва. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1953: его же. Изучение памятников каменного века в Туркмении. Изв. АН ТуркмССР, 2, 1953.

[5] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958.

[6] S. C. Coon. Cave Explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951; его же. Hotu Excavations, PAPS, 96, 3, 1952.

[7] А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского п-ва; его же. Изучение памятников каменного века в Туркмении.

склоне небольшой долины в восточных отрогах Больших Балхан, тянется по фронту на 50 *м* и возвышается над ложем долины на 10 *м*. Современная поверхность грота была не горизонтальной, а в виде вогнутой чаши с пологими краями, причем северо-западная оконечность грота на 12 *м* выше его средней части. Перед скальным навесом грота, в его центральной и северо-западной частях, громоздятся скалы, обрушившиеся некогда с обрыва. Скальный обрыв над средней частью грота промыт водопадом, который низвергается в дождливые дни с высоты 30 *м* и размывает склон

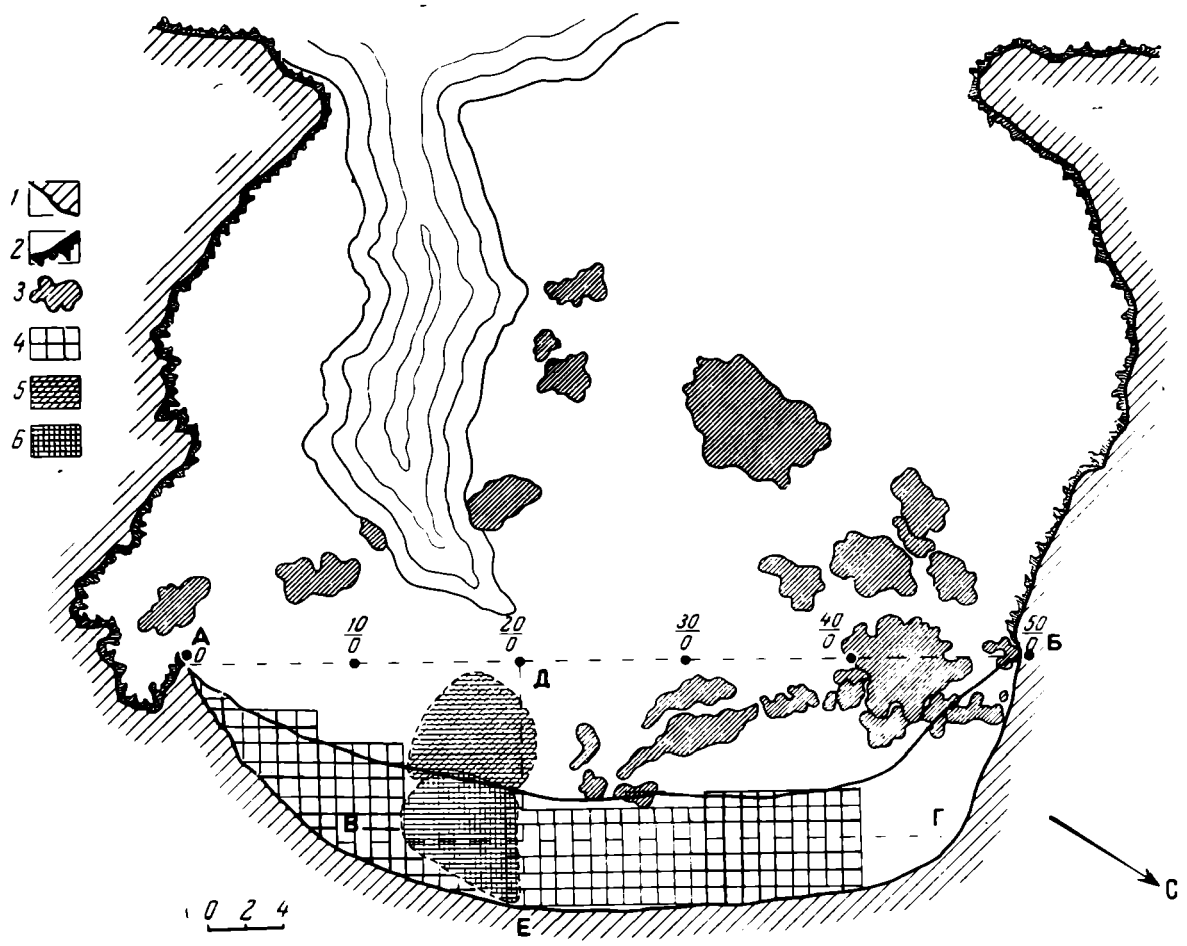


Рис. 1. План грота Дам-Дам чешме 2 и схематическое изображение раскопа

1 — скала; *2* — обрыв; *3* — скалы завала; *4* — вскрытая площадь; *5—6* — выброс из старого шурфа и шурф; А — Б, В — Г, Д — Е — линии нивелировок

площадки перед гротом, спускающийся к долине. Возник этот водопад, очевидно, сравнительно недавно, так как следы его воздействия в нижних горизонтах грота незаметны.

В средней части грота находился оплывший шурф, заложенный А. П. Окладниковым, а к юго-западу от него — куча выброса. Шурф не был доведен до скального основания, что видно из слов А. П. Окладникова о том, что на глубине 1,5—2 *м* от поверхности грота находились очажные прослойки, оставленные самыми древними обитателями пещеры [8]. Работами же 1963—1964 гг. было установлено, что в средней части шурфа толща культурных слоев составляла 3,2 *м*, а в его юго-западной части — более 5 *м*. Зачистки юго-западной и северо-восточной стенок шурфа показали, что им были вскрыты первые четыре слоя и нарушен верх пятого. Все лежащие ниже слои оказались непотревоженными.

Стратиграфия. Раскопками 1963 и 1964 гг. была вскрыта почти вся площадь грота (более 250 $м^2$) до скального основания, за исключением нескольких метров в его северо-западной оконечности, где скальный навес

[8] А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении, стр. 30.

спускается к современной поверхности грота, а культурные слои исчезают.

В ходе раскопок были выделены 23 прослойки со следами культурной деятельности человека, отличавшиеся одна от другой по консистенции грунта и цвету. На нескольких горизонтах напластования перемежались твердыми минерализованными прослойками, причем во всех случаях слои, разделенные этими прослойками, отличались друг от друга не только по составу грунта и цвету, но и по характеру обнаруженных в них археологических находок. Различия в грунте, составляющем слои и прослойки, связаны, очевидно, с различными климатическими эпохами, с разной интенсивностью размыва различных горных пород и навевания пыли, песка, почвы. В гроте было выделено девять слоев, соответствовавших, очевидно, самостоятельным культурным эпохам.

Только верхний, 1-й слой был сложен из рыхлого летучего пепла, частично перемешанного с самой верхней прослойкой 2-го слоя. Вся лежавшая ниже свита слоев, судя по их непотревоженности и сохранности минерализованных прослоек, не подвергалась нарушениям. Не обнаружено глубже верхнего горизонта 2-го слоя ни одного корня растений, не были встречены норы животных или ходы насекомых. Все это позволяет считать стратиграфию значительной части площади грота достаточно объективной. Некоторая рыхлость грунта и нарушения слоев были замечены за пределами скального навеса грота в зоне действия водопада, в частности перед фронтом шурфа А. П. Окладникова. Но поскольку культурные слои там уже почти исчезали, а малочисленные и незначительные находки не принимались при окончательной обработке материала во внимание, это не сказалось на точности стратиграфии.

Площадь раскопов была разбита на квадраты 1 × 1 *м*, раскопки производились послойно по 10 *см*, с фиксацией находок на планшетах и в полевых дневниках.

Как было установлено в ходе раскопок, конфигурация скального основания грота оказалась весьма сложной. Она имеет большой склон к устью грота и долине, достигающий в некоторых местах 45°. К северо-западной и юго-восточной оконечностям грота скальное основание круто поднимается вверх, смыкаясь с навесом. Наибольшая глубина от современной поверхности грота до его скального основания 5,2 *м*.

Описание слоев и прослоек грота (рис. 2). 1-й слой, как указывалось, сложенный пылевидной смесью золы и перегнившего овечьего помета, имел мощность 25 *см* [9].

2-й слой значительно плотнее 1-го, состоит из суглинка, смешанного с золой, угольками, костями; мощность 20 *см*.

3-й слой отделялся от предшествовавшего минерализованной прослойкой. Составлен плотным желтоватым песком, содержал очажные линзы, кости, керамику, кремень; мощность 20—40 *см*.

4-й слой отделен от третьего плотной минерализованной прослойкой. В слое выделяются пять прослоек, отличающихся друг от друга по тону и консистенции коричневатых и красноватых суглинков. Минерализованная прослойка $3^а$ и первые две прослойки (4/I — 4/II) выделяются в прослойку 4 «верх», а остальные три (4/III — 4/V) — в 4 «низ». Слой насыщен находками. Средняя мощность 60 *см* в некоторых частях грота достигает 75—80 *см*.

5-й слой и минерализованная прослойка, отделяющая его от 4-го слоя ($4^а$), сложены крупнозернистым красноватым суглинком, в некоторых местах очень плотным; мощность 10 *см*. Слой подстилает чрезвычайно прочная прослойка того же красноватого суглинка, сцементированного солями и щебнем.

---

[9] Здесь и ниже мощность слоев берется в центральной части грота, где глубина от современной поверхности до скального основания составила 3 *м* 20 *см*.

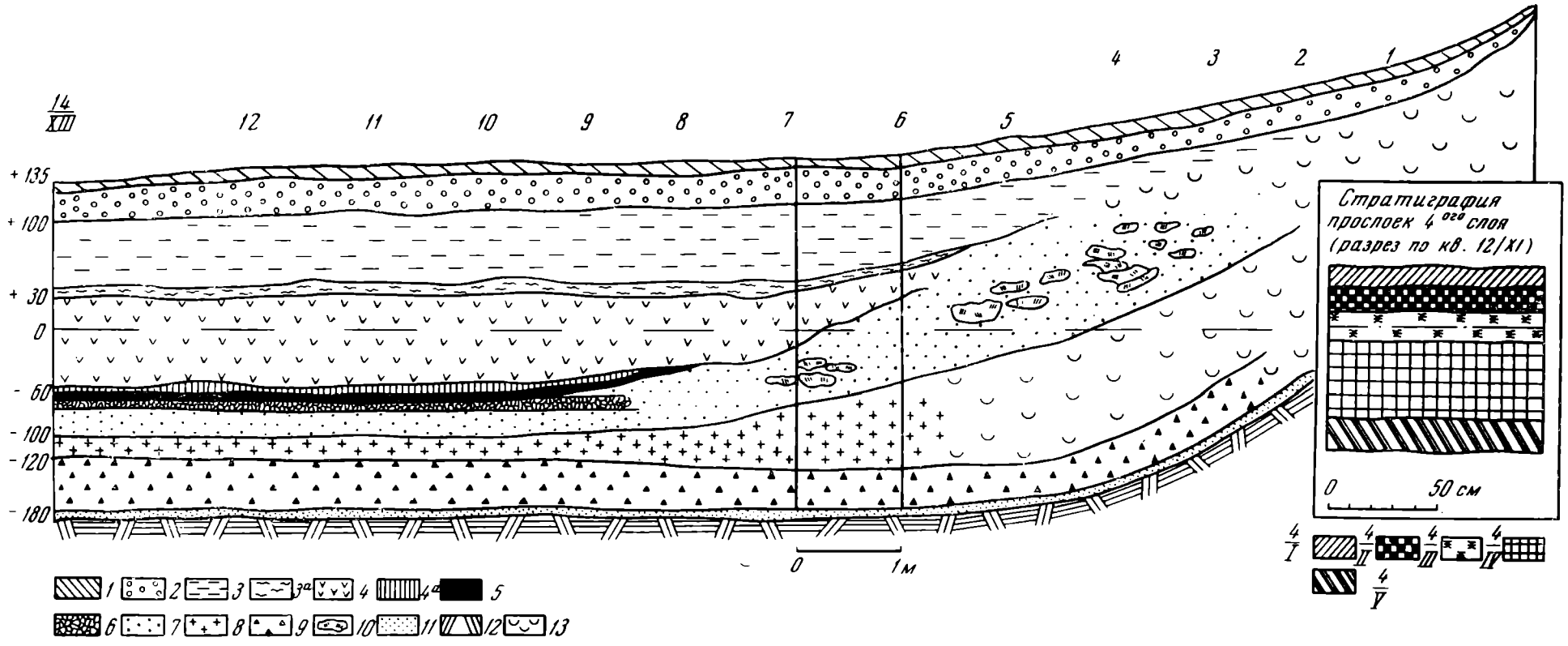


Рис. 2. Дам-Дам чешме 2. Разрез по северо-восточной стене

1—9 — слои; *3а, 4а* — минерализованные прослойки; *10* — камни; *11* — желтый песок; *12* — серый песок и скала; *13* — стерильный суглинок

6-й слой по своему облику один из самых характерных в гроте. Серо-зеленый, он состоял из мельчайшей отмученной глины с растительными остатками. Слой прослеживался только в центральных частях грота и имел вид плоско-выпуклой линзы. По всей вероятности, это остаток донных отложений древнего водоема. Наибольшая толщина слоя 15 *см*.

7-й слой сложен красноватым суглинком, мощность 25 *см*.

8-й слой сложен также красноватыми суглинками, но более мелкозернистыми, жирными, мощностью 40 *см*.

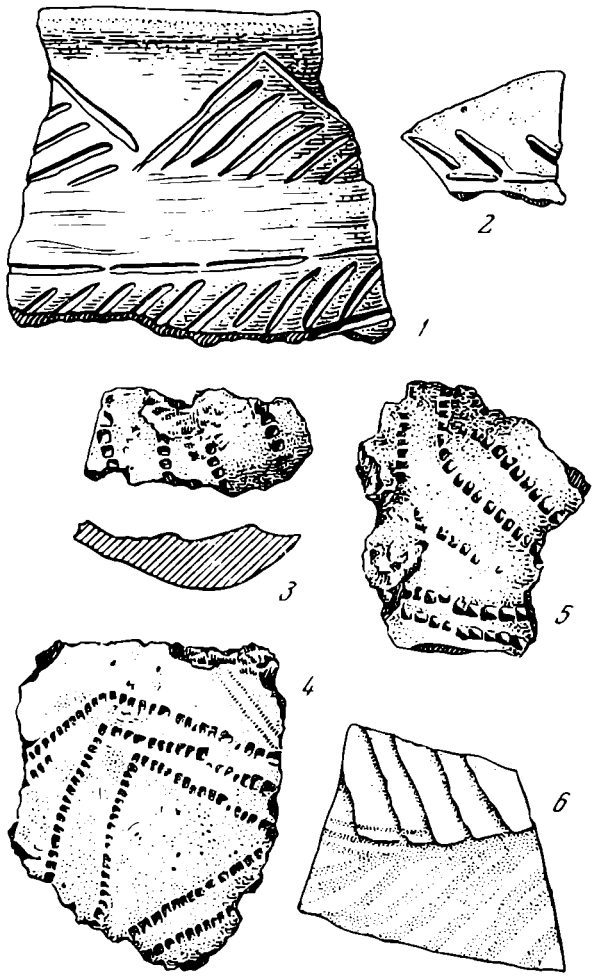


Рис. 3. Керамика из грота Дам-Дам чешме 2

1, 2, 6 — керамика из 2-го слоя;
3, 4, 5 — керамика из 3-го слоя

9-й слой был нижним, содержащим культурные остатки. Сложен темно-коричневым плотным песком с сероватым оттенком, мощность в середине грота 40 *см*, к юго-западу она сильно возрастала.

9-й слой залегал на тонкой стерильной прослойке ярко-желтого песка, который лежал на серо-голубом крупнозернистом песке, насыщенном щебенкой и плитняком. По мере углубления количество плитняка возрастало, и, наконец, появилась сначала легко расслаивавшаяся под ударами лома, а затем монолитная скала. Серо-голубой песок является, вероятно, результатом разрушения скального основания.

Описание находок. В ходе раскопок в гроте было обнаружено 609 обломков глиняной посуды, 11 060 кремней, значительное число раковин (некоторые из них с просверленными отверстиями), два обломка костяной иглы с ушком, бронзовое шило, несколько глиняных пряслиц, две зернотерки и несколько тысяч костей в небольших обломках.

1-й слой. Подробно рассматривать находки из первого слоя нет смысла, так как материал чрезвычайно смешан, среди обломков глиняной посуды встречаются черепки всех эпох, вплоть до современной, кремень представлен несколькими невыразительными обломками. 2-й слой. Керамика [10]. Наибольшее число обломков глиняной посуды было найдено во 2-м слое грота. Общее их число составило 458 экземпляров, из них 141 обломок круговых и 317 лепных сосудов. В число последних входят 23 обломка горловин сосудов, 8 фрагментов днищ и 276 обломков стенок. По предполагаемой форме сосудов и орнаментации среди них можно выделить несколько групп.

К 1-й группе отнесены обломки горловины орнаментированного сосуда с небольшим налепом на венчике. Сосуд изготовлен из теста хорошего качества, имел тщательно заглаженную поверхность и хорошо обожжен. Орнамент покрывал шейку и плечики сосуда и представлял собой на горловине равнобедренные треугольники, заштрихованные косыми линиями. Об орнаменте на плечиках можно говорить только предположительно, так

[10] Классификация керамики и ее описание выполнены Л. А. Чалой.

как по его середине проходит излом. Скорее всего он имел вид полосы, заштрихованной косыми линиями. Орнамент прорезной наносился, очевидно, палочкой (рис. 3, *1*).

Во 2-ю группу можно выделить сосуды со срезанными венчиками, вытянутыми горловинами, круто переходящими в бомбовидное тулово. Сосуды этой группы тонкостенны — до 0,4 *см* — и невелики по размерам: высота не превышает 5 *см*, диаметр горловины 6,5 *см*.

К 3-й группе отнесены сосуды, имевшие, судя по их обломкам, вид чаш с отогнутыми венчиками и округлыми спинками. Не исключена возможность, что сосуды этой группы были круглодонными.

К 4-й группе отнесены сосуды с отогнутым наружу венчиком, слегка вытянутой горловиной, плавно переходящей в тулово. Диаметр горловин колеблется от 6 до 17 *см*. Судя по закопченности стенок, посуда была кухонной.

К 5-й группе отнесены сосуды с коротким горлом, отогнутым наружу венчиком, как с уплощением, так и без уплощения, и плавным переходом горловины к тулову. Диаметр горловин 8—20 *см*. 5-я группа представлена во 2-м слое наибольшим числом обломков.

В 6-ю группу включены сосуды, имевшие, судя по их небольшим обломкам, слегка отогнутый наружу венчик, иногда несколько утолщенный. По одному из венчиков нанесены насечки. Диаметр горловин 10—12 *см*, толщина стенок 0,5—0,6 *см* (рис. 3, *2*).

К 7-й группе отнесены сосуды баночной формы. Диаметр их горловины варьирует от 4 до 28 *см*, толщина стенок от 0,5 до 0,8 *см*. Эти сосуды имели, по всей вероятности, плоское дно с небольшим характерным уступчиком.

В особую, 8-ю группу выделены довольно многочисленные фрагменты сосудов с черной, серой или коричневой лощеной поверхностью. Из-за измельченности черепков ничего нельзя сказать о форме этих сосудов, тем более, что ни венчиков, ни горловин не обнаружено. Тесто сосудов очень плотное, серое, из хорошо отмученной глины. Способ изготовления этой керамики — на кругу или вручную — определить без специального исследования не удалось. На многих черепках имеется протертый орнамент — геометрический, в виде «метелки» и т. п., нанесенный лощением по залощенной поверхности (рис. 3, *6*).

Кремневые находки (рис. 4). 2-й слой дал большое количество кремней (959 экз.), в том числе и обработанных (163 экз.). Изделия грубые, многие сохраняют желвачную корку. Пластины сколоты небрежно. Кремень по сорту довольно разнородный. Преобладают непрозрачные мраморовидные камни серого, желтоватого, розоватого и черного цвета.

Среди кремневых находок можно отметить серию скребков: концевых на пластинах, на отщепах с овальным рабочим краем, «высокого» типа, боковых, вытянутых двусторонних, сделанных на сколах с нуклеусов и на нуклеусах, причем рабочей поверхностью у них служил «пильчатый» край ударной площадки, и, наконец, микролитических. Из всех видов скребков последние выполнены наиболее тщательно. Широко представлены в слое отщепы с выемками — одновыемчатые и многовыемчатые скобели. Были найдены и изделия геометрического облика: асимметричные треугольники и сегменты. Среди небольшого числа обработанных микролитических пластин были изделия с затупленным лезвием и со следами сработанности. Часть ретушированных пластин могла служить вкладышами для жатвенных ножей. Нуклеусы представлены коническими, неправильно-округлыми и уплощенными формами. Обнаружены также две зернотерки, одна ладьевидная, и бронзовое четырехгранное шило.

3-й слой. Посуда. В слое было обнаружено 174 обломка сосудов, в основном лепных. В их числе 12 обломков горловин, 2 донец, 118 стенок сосудов, 27 фрагментов сосудов с серым, черным и коричневатым лощением. Часть фрагментов керамики напоминает по формам горловин сосуды

4-й группы 2-го слоя, но горловины менее вытянуты и меньше расширяются. Некоторое число обломков может быть условно отнесено к 5-й группе 2-го слоя. Наконец, многие черепки от сосудов с прямыми горловинами напоминают изделия, включенные во 2-м слое в 6-ю и 7-ю группы. Особый интерес вызывают три черепка лепной посуды с гребенчатым орнаментом, вписанными друг в друга треугольниками (рис. 3, *3—5*). Два черепка от

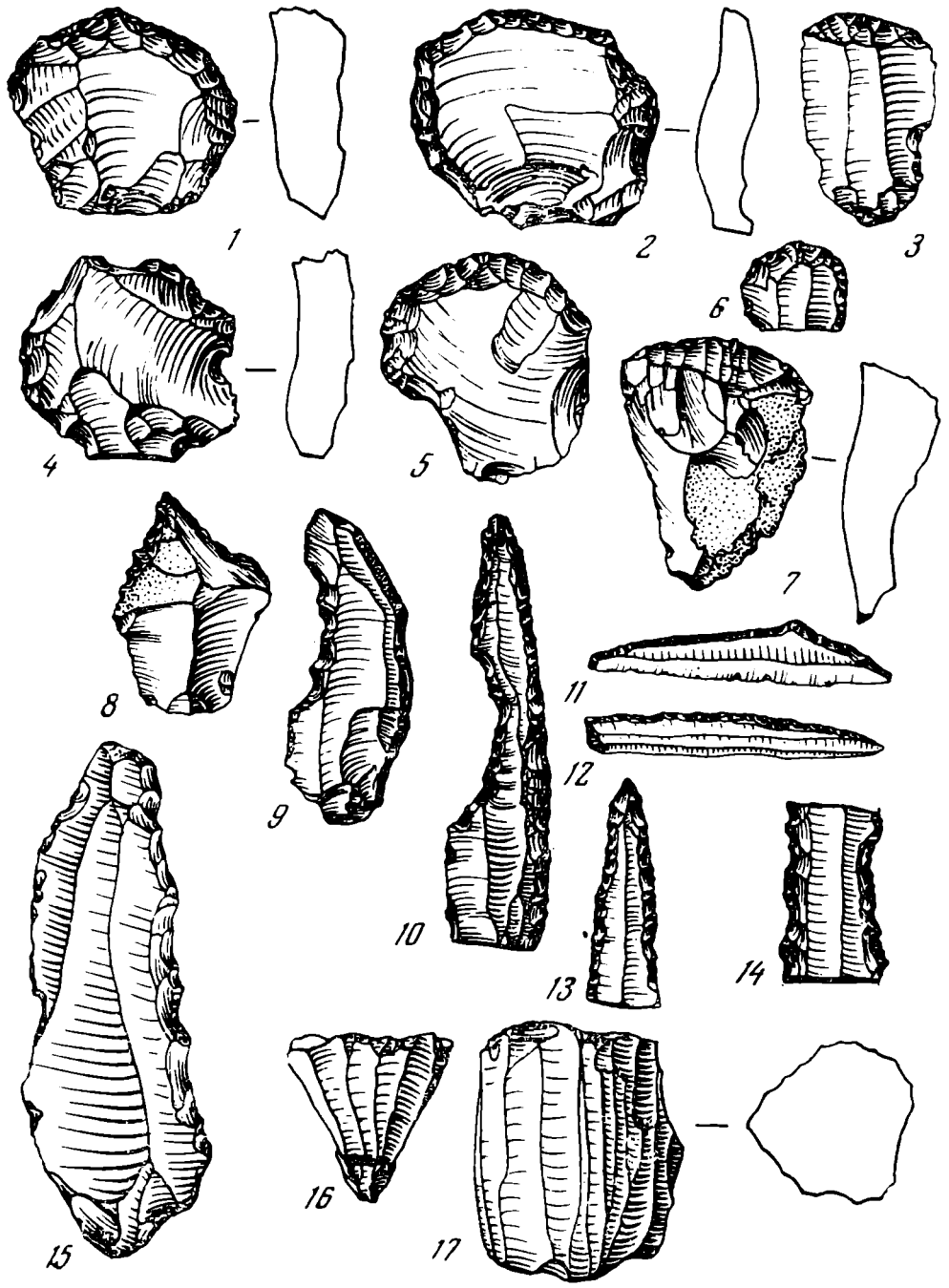


Рис. 4. Кремневые изделия из 2-го слоя

1—7 — скребки; *8* — проверткa; *9*, *10* — скобели; *11* — треугольник; *12* — обломок сегмента; *13* — острие; *14*, *15* — пластины с ретушью; *16*, *17* — нуклеусы

стенок сосудов и один от яйцевидного дна. Тесто черепков содержит значительную примесь толченых раковин и крупнозернистого песка, слоистое и непрочное. На обломках сероглиняной посуды часто встречается «протертый» орнамент, такой же, как и на находках из предшествующего слоя.

Кремневые находки (рис. 5). Кремневые находки из 3-го слоя выполнены из камня хорошего качества, в основном только двух-трех сортов. Чаще встречаются серые и желтоватые кремни.

Ассортимент скребков примерно тот же, что и во 2-м слое, но их отличает лучшее качество исполнения, а также и то обстоятельство, что они

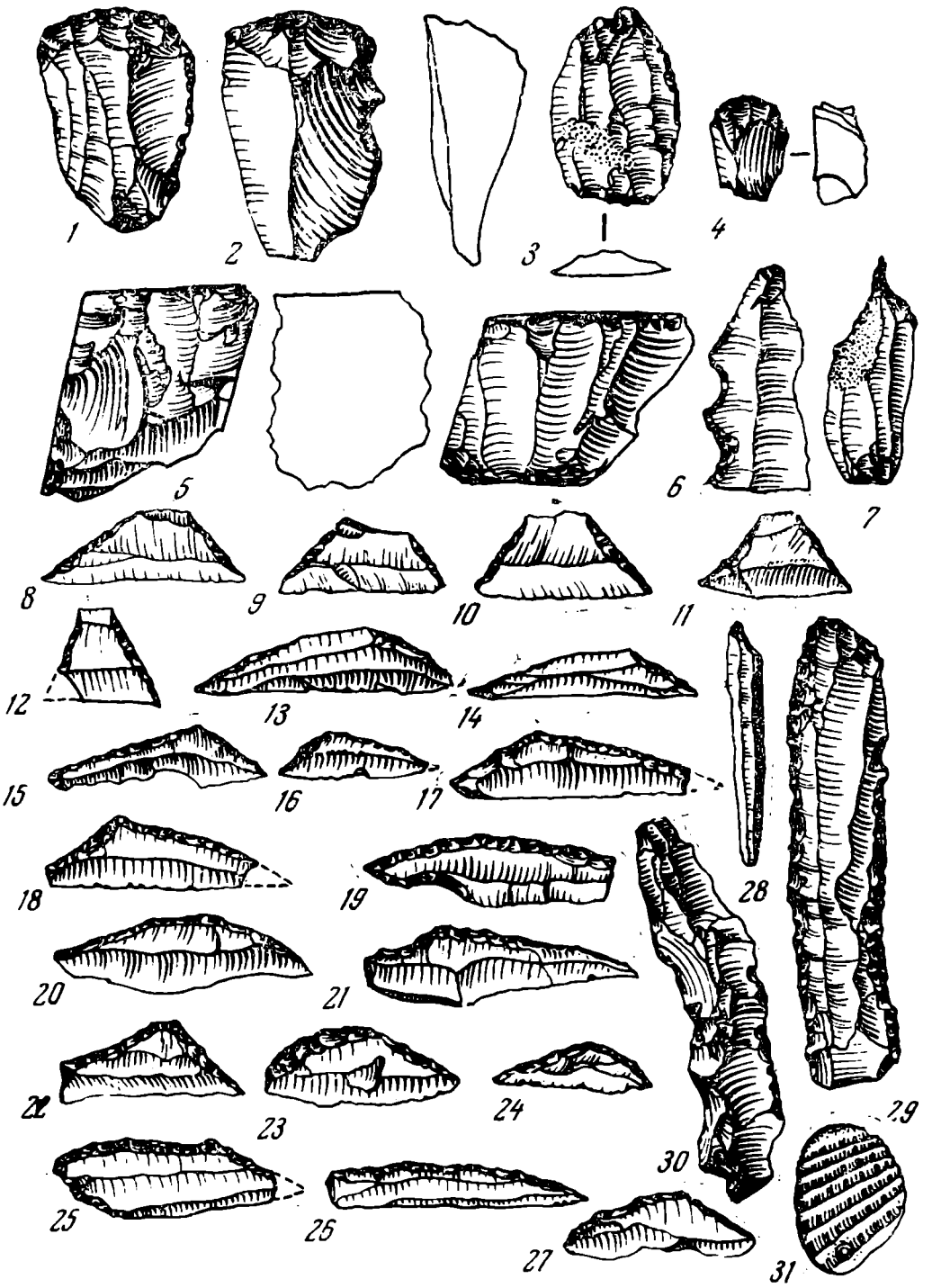


Рис. 5. Кремневые изделия из 3-го слоя

1—4 — скребки; *5* — скребок на нуклеусе; *6* — скобель; *7* — проколка; *8—14* — трапеции; *15—18, 21, 22, 24, 27* — треугольники; *19, 20, 23, 25, 26* — сегменты; *28* — микролитическая пластинка с затупленной спинкой и скошенным концом; *29, 30* — пластины с ретушью; *31* — подвеска из раковины

использовались не только как скребки, но имели и иные функции. Это видно из наличия отретушированных притуплением боковых участков и рабочих выемок. Наряду со скобелями встречена серия орудий с тонким рабочим жалом, обработанным крутой ретушью: проколок (проверток). Орудия геометрического облика представлены разного вида трапециями

(симметричными, асимметричными, с подретушированным узким лезвием), симметричными и асимметричными треугольниками; сегментами. Трапеции выполнены на маленьких тонких пластинках, сегменты — на длинных, довольно грубых. Один конец у сегментов, как правило, сломан. Обработанных микролитических пластин мало, есть изделия с заострен-

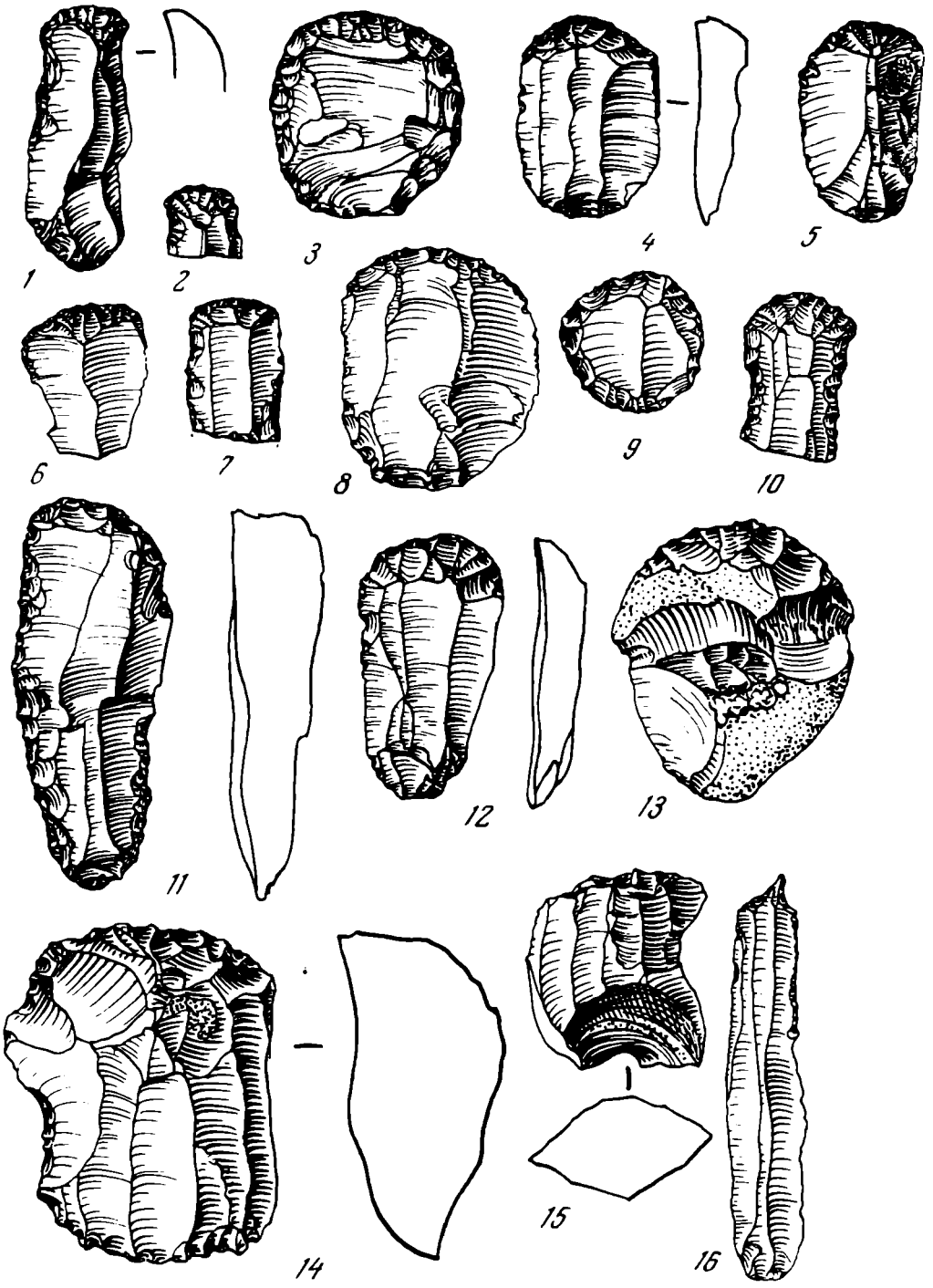


Рис. 6. Кремневые изделия из 4-го слоя «верх»

1—13 — скребки; *14, 15* — скребки на нуклеусах; *16* — проколка

ным концом и затупленным лезвием, только с затупленным лезвием. Встречены пластины со скошенным ретушью концом, у большинства затуплено одно или оба лезвия. Некоторые крупные пластины могли служить вкладышами для жатвенных ножей. Нуклеусы по формам несколько правильнее, чем во 2-м слое — конические, неправильно-округлые, уплощенные и плоские.

В слое обнаружены также раковины, некоторые со сверленым отверстием. Была сделана любопытная находка, не связанная с культурой 3-го слоя: это овально-остроконечное орудие из песчаника с явными следами ретуши, сильно заполированное.

4-й слой. В прослойке 4 «верх» было найдено 11 очень мелких обломков лепных сосудов.

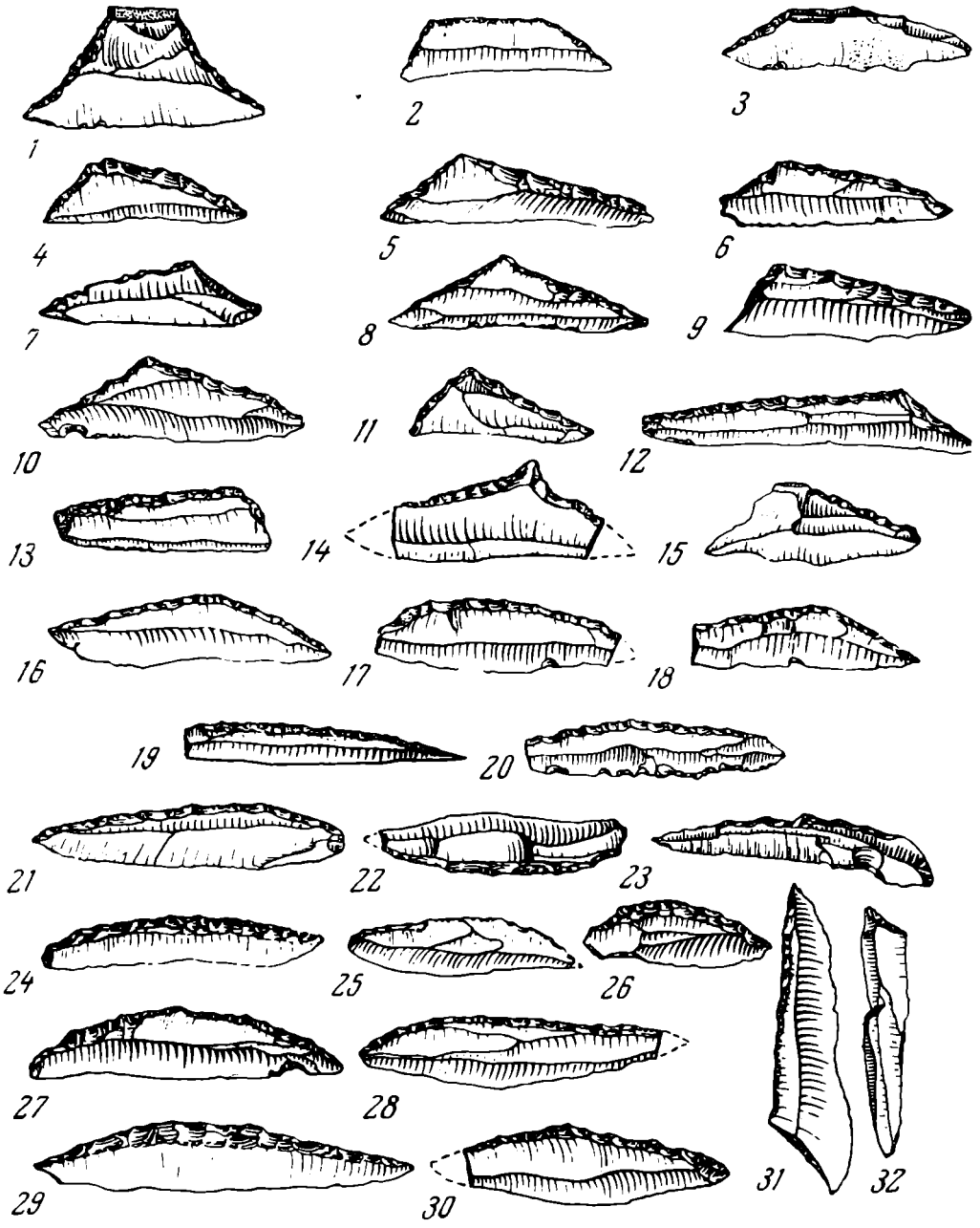


Рис. 7. Кремневые изделия из 4-го слоя «верх»

1—3 — трапеции; *4—18* — треугольники; *19—30* — сегменты; *31* — изделие геометрического облика; *32* — пластинка со скошенным концом

Кремневые изделия многочисленны (рис. 6—8), тщательно обработаны, отличаются выработанностью форм, правильностью пластин. Кремни по сорту весьма разнородные, так же как и по цвету.

Обнаружено много скребков, среди них концевые и на отщепах с овальным рабочим краем, причем некоторые имеют весьма характерные только для изделий рассматриваемого слоя полукруглые выемки в задней части скребков, по диаметру почти равные рабочему краю. Много скребков «высоких», боковых, языковидных, двусторонних, а также скребков на нуклеусах или сколах с них, с пильчатым краем. Обнаружена серия

микролитических скребков. Характерно, что в прослойке 4 «верх» многие скребки имеют тенденцию к округлости, в прослойке 4 «низ» этот признак исчезает, и они приобретают вытянутые, угловатые формы (рис. 9). Характерны для кремневой индустрии 4-го слоя многовыемчатые скобели, в том числе с «пиловидным» краем; провертки с тонким жалом. Значи-

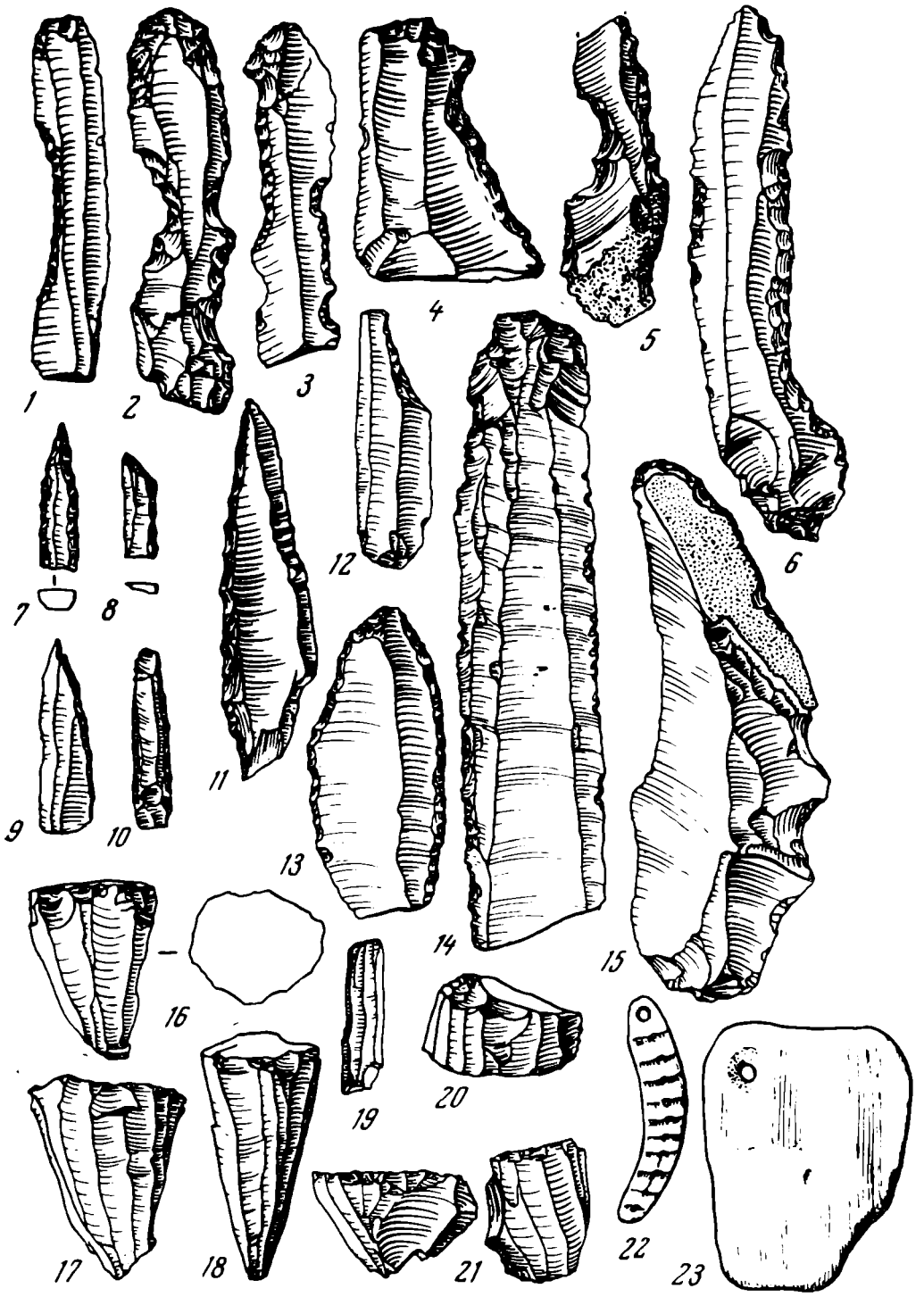


Рис. 8. Кремневые изделия из 4-го слоя «верх»

1—6 — скобели; *7—9* — острия; *10* — микролитическая пластинка с ретушью; *11—15* — ретушированные пластины; *16—21* — нуклеусы; *22* — подвеска из раковины; *23* — подвеска из камня

тельной серией представлены изделия геометрического облика. В прослойке 4 «верх» это симметричные и асимметричные трапеции, выполненные на тонких небольших пластинках крутой ретушью; треугольники в большинстве грубые, неправильной подтреугольной формы; сегменты тонкие, узкие, длинные, один конец изделия обычно обломан. В прослойке

4 «низ» в орудиях геометрического облика появляются некоторые новые черты: встречены крупная трапеция и трапеции с ретушью по узкому лезвию. Сегменты становятся крупнее. Многочисленна серия микролитических пластин со скошенными концами, затупленными лезвиями. Среди

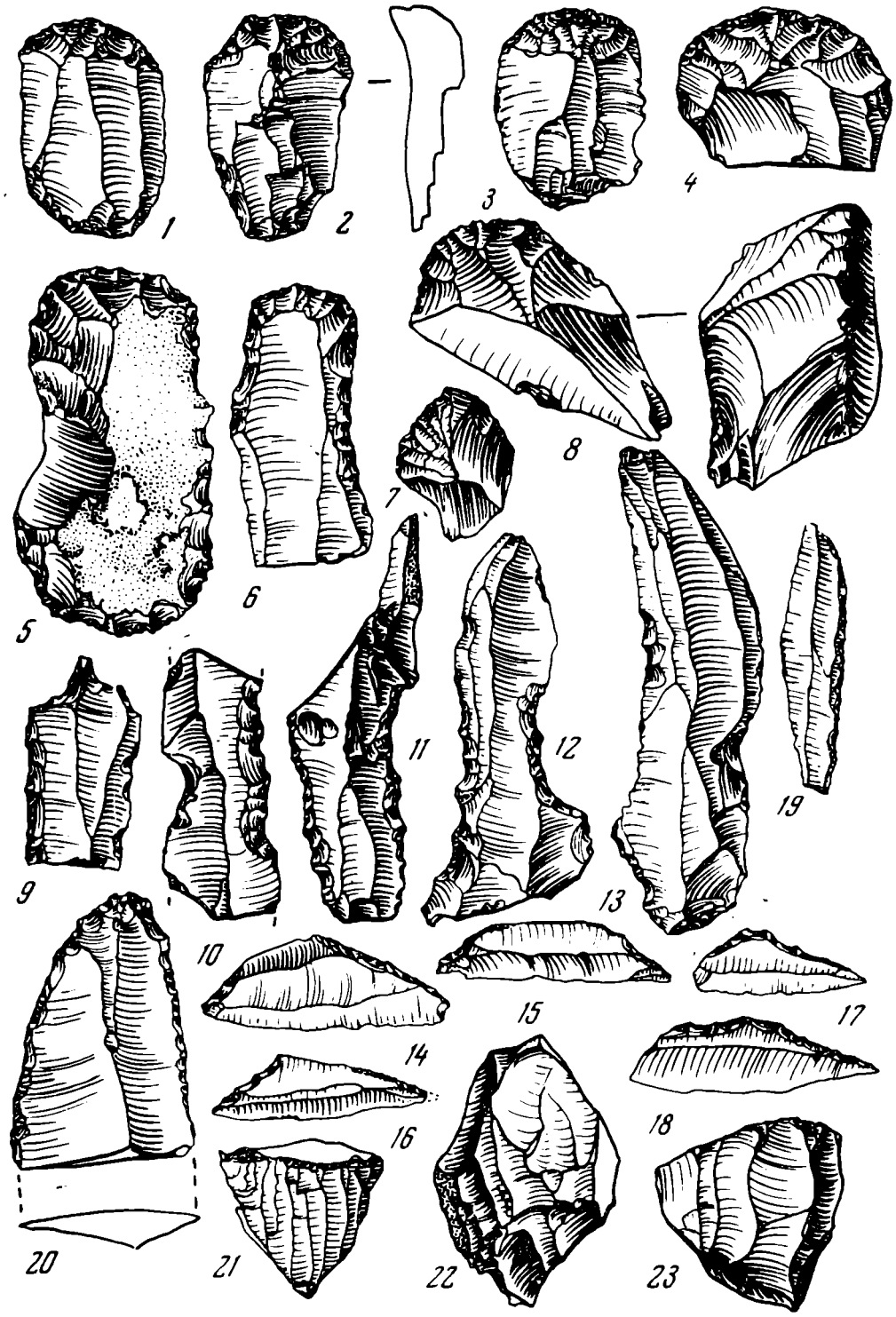


Рис. 9. Кремневые изделия из 4-го слоя «низ»

1—7 — скребки; *8* — скребок на нуклеусе; *9* — проверткa; *10—13* — скобели; *14—16* — трапеции; *17* — треугольник; *18* — обломок сегмента; *19—20* — пластины с ретушью; *21—23* — нуклеусы

ножевидных пластин много со скошенным заостренным концом, с выемкой на конце, образующей острый рабочий край (вид микрорезцов). Нуклеусы прослойки 4 «верх» по формам самые правильные в гроте. Преобладают конические, неправильно-округлые, уплощенные, плоские. Один нуклеус из прослойки 4 «верх» карандашевидный. В прослойке 4 «низ» нуклеусы значительно грубее.

В 4-м слое были также обнаружены два обломка великолепно выполненных полированных костяных игл (на одном сохранилось ушко) и значительное число раковин, некоторые с отверстиями.

Резко падает в 5-м слое количество обработанного кремня (рис. 10, *1—20*). Среди каменных изделий имеются скребки — концевые, на отще-

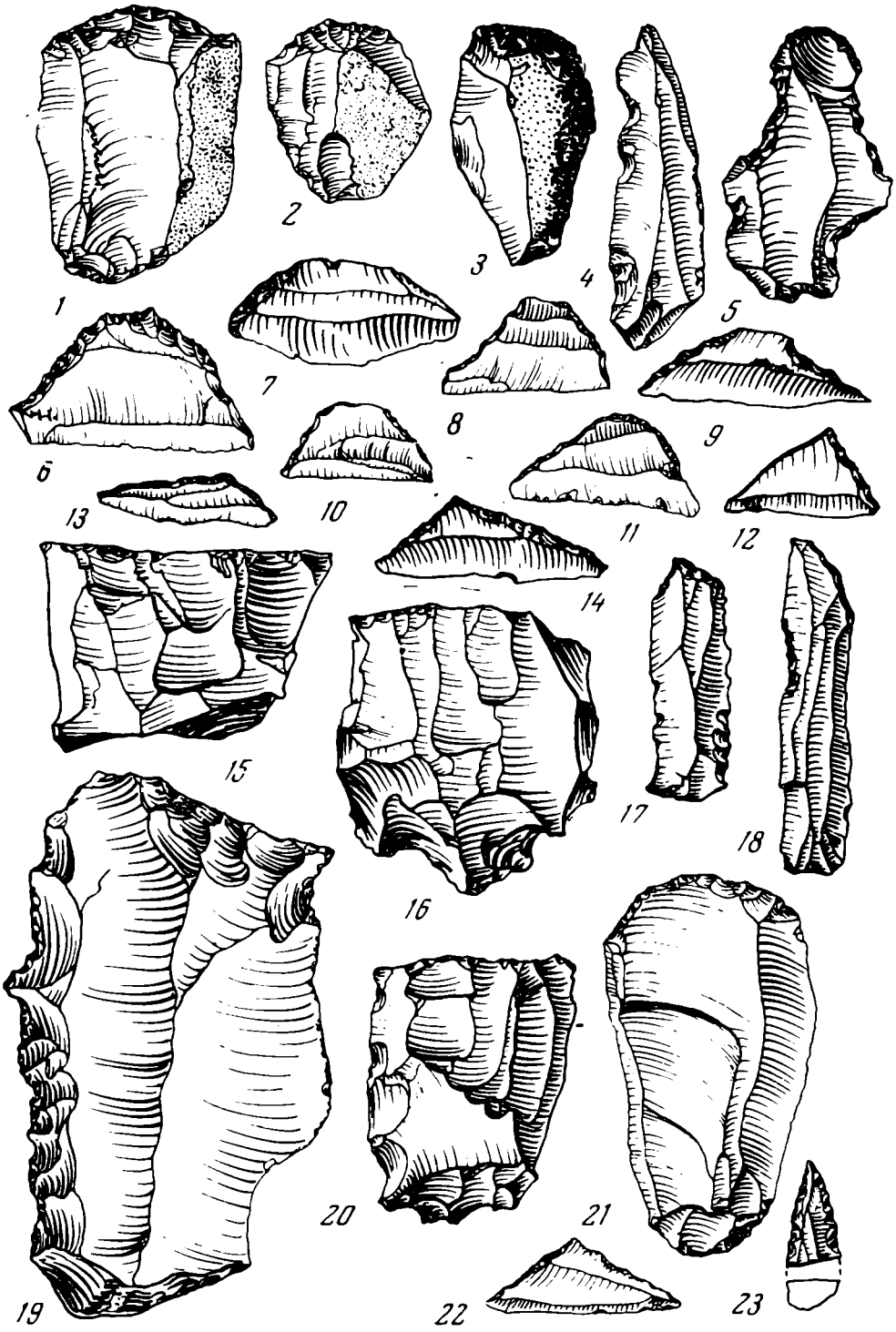


Рис. 10. Кремневые изделия

из 5-го слоя; *1—4* — скребки; *4—5* — скобели; *6—11* — трапеции; *12—14* — треугольники; *15—16* — скребки на нуклеусах; *17—18* — пластины с ретушью; *19* — отщеп с ретушью; *20* — нуклеус; на 6-го слоя; *20* — скребок; *22* — треугольник; *23* — острие

пах с овальным выпуклым рабочим краем, боковые, скребки на сколах с нуклеусов и на нуклеусах с «пильчатым» краем. У некоторых скребков притупляющей ретушью обработаны боковые стороны, встречаются скребки с боковыми выемками. Скобели, в основном, многовыемчатые, рабочие выемки идут одна за другой, образуя «пиловидный» край. Изделия гео-

метрического облика представлены асимметричными трапециями; трапециями с обработанным узким лезвием (некоторые из них довольно крупные и высокие); асимметричными треугольниками; сегментами. Встречены одна обработанная микролитическая пластина и ножевидные пластины со скошенным концом, с затупленными и притупленными лезвиями.

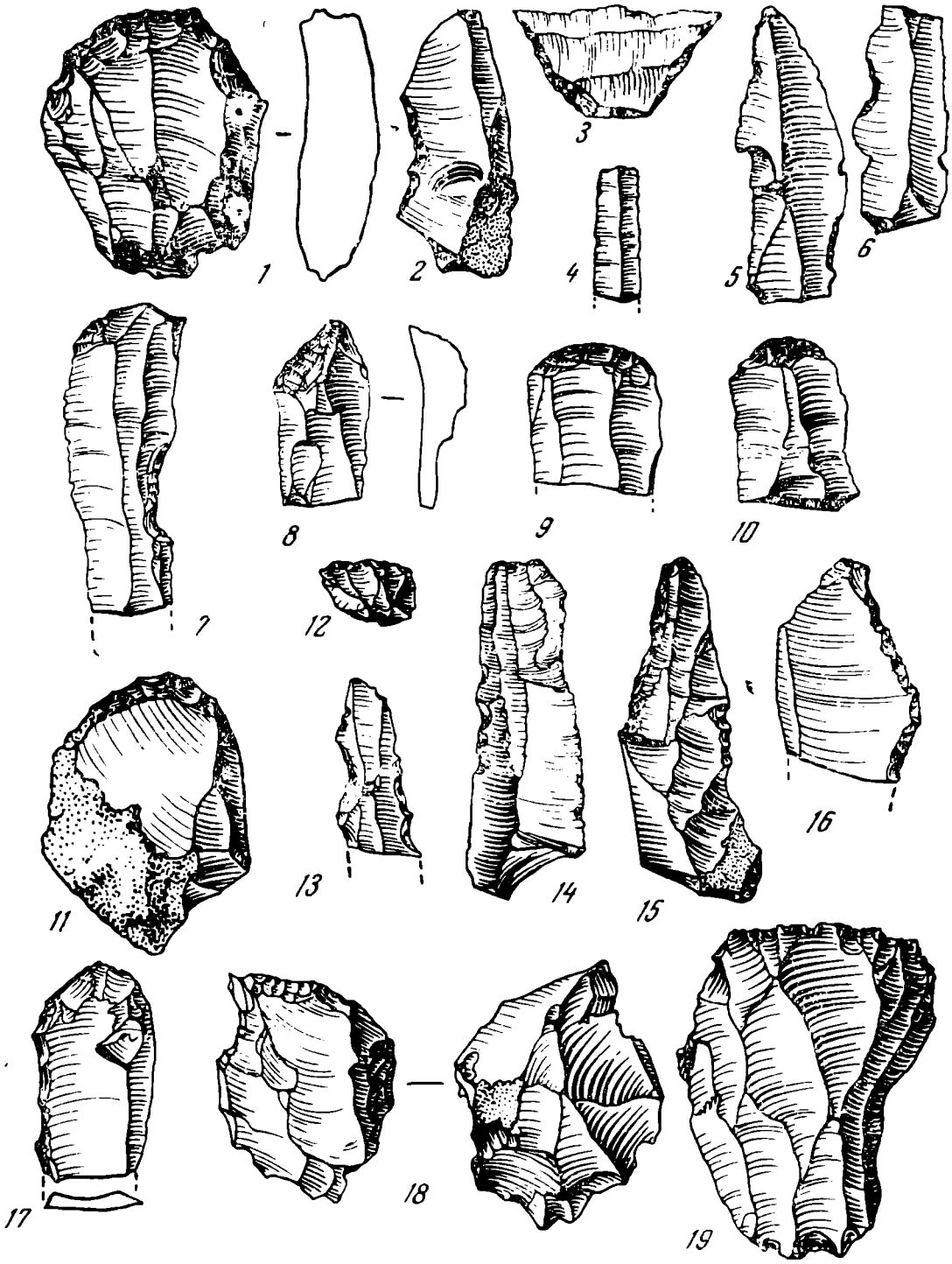


Рис. 11. Кремневые изделия

из 7-го слоя: *1* — скребок; *2* — скобель; *3* — трапеция; *4* — микролитическая пластина с ретушью; *5—6* — скобели; из 8-го слоя: *7* — пластина с выемкой; *8* — отщеп с ретушью; из 9-го слоя: *9—12* — скребки; *13—15* — скобели; *16—17* — пластины с ретушью; *18* — резцовое орудие (?); *19* — скребок на нуклеусе

Нуклеусы грубые, неправильной формы: неправильно-округлые, уплощенные.

В 6-м слое обработанного кремня мало (рис. 10, *21—23*). В числе изделий можно назвать своеобразный вытянутый, довольно крупный скре-

бок с овальным выпуклым рабочим краем и суживающейся хвостовой частью и скребки на отщепах; многовыемчатые скобели; симметричный треугольник; обломок острия на микролитической пластинке; несколько пластин и отщепов со следами сработанности.

Еще меньше кремневых изделий было обнаружено в 7-м слое (рис. 11, *1—6*). Главным образом это мелкие отщепы и пластинки с грубой ретушью. Заслуживают описания скребок на отщепе с овальным краем, боковой скребок и скребок на сколе с нуклеуса. Весьма характерна крупная высокая симметричная трапеция с обработанным уплощающей ретушью узким лезвием и микролитическая пластинка с затупленным лезвием. Некоторые пластинки служили, возможно, микрорезцами.

Почти не дал находок 8-й слой (рис. 11, *7, 8*). Найдены были только два скребка — один на отщепе, другой на сколе с нуклеуса; пластинка и отщеп со следами сработанности. Кроме того, в слое встречались угольки и кости.

В основании 8-го слоя начали попадаться кремни, ставшие довольно обильными в 9-м слое, где оказались две небольшие стоянки: в средней части грота и на его юго-западной оконечности. Сорт и цвет кремня, характер изделий на обеих стоянках очень схожи, они принадлежали, очевидно, одной группе охотников.

Характерной особенностью кремневого материала 9-го слоя было отсутствие изделий геометрических форм, малое количество микролитических пластин. Были обнаружены пластины с ретушью на конце и сколами, которые могут весьма условно рассматриваться как микрорезцы; сколы с ретушью — возможно также резцы; различные скребки, в том числе один микролитический; многовыемчатые скобели. Нуклеусы конические и неправильно-округлые (рис. 11, *9—19*).

История заселения грота и хронология слоев. Исследование обнаруженных при раскопках материалов и сопоставление их со стратиграфией памятника позволяет наметить основные культурно-исторические этапы и их хронологические рамки.

Впервые небольшая группа людей пришла в Дам-Дам чешме 2 в то отдаленное время, когда осадочные породы только начали образовывать небольшую горизонтальную площадку 9-го слоя на круто спускающемся к долине скальном основании. Кремневые орудия, изготовленные пришельцами, можно сопоставить с материалом нижних горизонтов грота Зарзи в Северном Ираке, где, в отличие от верхних его слоев, еще не появились изделия геометрического облика [11]. Такое же сопоставление можно провести со слоем С в Шанидаре, культурой того же времени. Правда, в 9-м слое Дам-Дам чешме отсутствуют такие характерные резцовые орудия, как в Шанидаре С, но в общем кремневые комплексы довольно схожи и включают скребки, многовыемчатые скобели, пластины и отщепы с ретушью, резцы, нуклеусы [12]. Примечательно, что в следующую, более позднюю эпоху в обоих памятниках складываются новые культуры с новыми кремневыми комплексами, уже включающими изделия геометрического облика. И опять-таки, между этими новыми культурами можно заметить немалое сходство по кремневому инвентарю. Это указывает на то, что в развитии орудий производства в Северном Ираке и Прикаспии имелись общие закономерности.

Перекликаются с материалами из 9-го слоя Дам-Дам чешме кремневые находки из нижних слоев Хоту в Южном Прикаспии, сходство как в комплексе орудий, так и в отдельных их видах: проколках, нуклевидных скребках, скребках на пластинах и отщепах, небольших нуклеусах [13].

---

[11] D. Garrod. The Paleolithic of Southern Kurdistan. Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd. ASPR, 6, 1930.

[12] R. S. Solecki. Shanidar Cave, a Paleolitik Site in Northern Iraq. Smithsonian Institution. Annual Report, Publ. 4190, Washington, 1955, стр. 406, табл. 5.

[13] C. S. Coon. Hotu Excavations, стр. 254, 255, 256.

Эпоха культуры 9-го слоя Дам-Дам чешме 2 сменилась новой эпохой, соответствовавшей мощному 8-му слою. Это время характеризовалось отсутствием постоянного населения в гроте. Случайные его посетители оставили всего несколько кремней и костей. Надо заметить, что и в гроте Гари Камарбанд, в его нижних горизонтах, соответствующих по глубине залегания 8-му слою Дам-Дам чешме 2, находки почти отсутствуют.

Немногочисленны были обитатели Дам-Дам чешме 2 и в эпоху 7-го слоя. Это время знаменовалось появлением в кремневой индустрии геометрических форм. Обнаруженную при раскопках слоя небольшую серию орудий можно было бы сопоставить с изделиями из нижних горизонтов Гари Камарбанда, слоя В Шанидара, но крупная симметричная трапеция с обработанным узким лезвием не встречает аналогий в материале указанных памятников.

Время, последовавшее после эпохи 7-го слоя, было весьма влажным, и в середине грота образуется водоем, донные осадки которого составили 6-й слой. Найденные в нем кремневые изделия принадлежали скорее всего обитателям грота эпохи 5-го слоя: вероятно, это были вещи, падавшие в воду. С течением времени водоем высох, и его перекрыли отложения 5-го слоя.

Кремневый комплекс 5-го и 6-го слоев имеет несомненные аналогии в находках слоя В Шанидара, особенно в трапециях, своеобразных треугольниках с выемками на боковых сторонах, сегментах, орудиях, напоминающих микрорезцы, многовыемчатых скобелях, проколках и пр.[14]. Не меньше сходства с находками из Палегавра[15], а также из нижних горизонтов Гари Камарбанда[16]. Однако надо заметить, что, наряду со средними по размерам трапециями, характерными для перечисленных памятников, в Дам-Дам чешме 2 продолжали бытовать и крупные изделия, выполненные в традициях предшествовавшей, более древней эпохи.

Мощный 4-й слой, насыщенный находками, отражает длительную историю существования культур, возможно, не одной эпохи. Прослойка 4 «низ» относится еще к докерамическому времени, тогда как в прослойке 4 «верх» уже встретилось несколько мелких черепков лепной посуды. Для кремневой индустрии 4-го слоя характерен максимальный расцвет. Обнаруженные в слое кремневые изделия образуют весьма характерный комплекс, наиболее яркой чертой которого является большое количество изделий геометрических форм и ретушированных микролитических пластинок. Комплекс кремневых изделий из рассматриваемого слоя схож с находками из 12—25-го слоев Гари Камарбанда, и, прежде всего, это касается изделий геометрического облика, проколок, скобелей[17]. Находки из 4-го слоя, особенно из прослойки «низ», могут быть сопоставлены с кремневыми изделиями из Джармо[18], а из 4 «верх» — с раннеджейтунской кремневой индустрией. Особенно в трапециях и треугольниках[19], провертках и проколках[20], пластинках со скошенным концом и с выемками, скобелях[21], нуклеусах[22], микролитических скребках[23], небольших остриях, подвесках из раковин[24].

---

[14] R. S. Solecki. Shanidar Cave, стр. 406, табл. 5.

[15] R. F. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960, табл. 24.

[16] C. Coon. Cave Explorations, табл. VII, VIII, IX.

[17] C. Coon. Cave Explorations, табл. VII, VIII, IX.

[18] R. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations, табл. 18, 19.

[19] В. М. Массон. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960, стр. 91, табл. IX, *1—34*; стр. 56.

[20] Там же, стр. 92, табл. X, *1—22*; стр. 56.

[21] Там же, стр. 93, табл. IX, *5, 6—9, 10—15*.

[22] Там же, стр. 94, табл. XII, *1—11*.

[23] Там же, стр. 95, табл. XIII, *8—21*.

[24] Там же, стр. 84, табл. II, 3; стр. 88, табл. VI, *1, 5*.

Костяные иглы с ушком из 4-го слоя Дам-Дам чешме 2 схожи с находками из нижних слоев грота Кайлю на Красноводском плато [25].

Некоторые аналогии кремневым изделиям из 4-го слоя Дам-Дам чешме 2 имеются в материале 6; 5-6; 5[а]; 5-го слоя Джебела: в трапециях из 5-го слоя [26], в проколках из слоя 5[а] [27], в остриях со скошенными концами из слоя 5—6 [28]. Вместе с тем, в Джебеле во всех этих прослойках имеется керамика, трапеции преимущественно мелкие, отсутствуют экземпляры с вогнутыми боковыми сторонами. Поэтому представляется, что если слои 5[а] — 6 Джебела могут быть по материалу и времени сопоставлены с прослойкой 4 «верх» Дам-Дам чешме 2, то прослойка 5 (впрочем, может быть и 5[а]) Джебела соответствует по времени 3-му слою Дам-Дам чешме 2.

Многочисленные и разнообразные находки из толщи напластований 3-го слоя показывают, что в эту эпоху, как и в предшествовавшую, грот длительное время был постоянным местом обитания значительного числа людей. В эту эпоху большое развитие получило керамическое производство. Аналогии посуде, орнаментированной гребенкой, можно найти в керамике из нижнего слоя Усть-Нарыма [29], из стоянки Мурат на оз. Узун-Куль [30], в узоре на дне сосуда из I Бережковского могильника в Нижнем Поволжье [31]. Обломки высококачественных сероглиняных с лощением сосудов, в том числе многие со своеобразной орнаментацией, безусловно не местного производства, сходны с керамикой из верха III или из слоя II Шах-Тепе [32], Тюренг-Тепе [33], Гиссара [34] и напоминают сосуды из некоторых памятников прикопетдагской полосы, что указывает на достаточно широкие в ту эпоху экономические связи.

Кремневая индустрия 3-го слоя является прямым продолжением традиций эпохи 4-го слоя, но с некоторыми изменениями. Прежде всего, они проявляются в огрублении техники изготовления каменных орудий. Они имеют в целом менее правильные формы, хуже отретушированы, трапеции встречаются только мелкие. Следует отметить наличие в слое крупных правильных пластин, таких же, как и в 4-м слое «верх». Точно такие же пластины с ретушью служили в Джармо вкладышами для жатвенных ножей [35]. Встречены такие пластины и в VI слое Джебела [36].

В эпоху 2-го слоя население в гроте продолжало быть многочисленным. Дальнейшего развития достигает керамическое производство. Исчезают сосуды с прямой горловиной, распространение получают сосуды с раздутым туловом. Аналогии орнаментированной керамике можно встретить в посуде ряда приамударьинских памятников степной бронзы (могильник Кокча 3 [37]); в памятниках срубной культуры Нижнего Поволжья

---

[25] А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении, стр. 31.

[26] А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 125, рис. 2.

[27] Там же, стр. 142, табл. 85.

[28] Там же, стр. 157, рис. 94.

[29] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 109, рис. 19, *3*, *4*.

[30] Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат на озере Узун-Куль. СА, 1965, 1, стр. 149, рис. 6, *11*, *12*, *14*.

[31] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, срт. 71, рис. 17, *8*.

[32] F. Arne. Excavations at Shach-Tepe, Iran. Stockholm, 1945, стр. 234, табл. XXI, *169*, *170*; XXII, *170*[a], *170*[b], 173; XXIII, *178*.

[33] Wulsin. Excavations at Tureng-Tepe, near Astarabad. Приложение к Bul. of the amer. inst. for Persian Archaeolog., 1932, стр. 9.

[34] E. Schmidt. Excavations at Tepe-Gissar. Damghan, Philadelphia, 1937, стр. 116, табл. XXVI.

[35] R. Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigations, табл. 17.

[36] А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 169, рис. 102, *2*.

[37] М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма. Тр. ХЭ, IV, М., 1959, стр. 45 рис. 13.

(ст. Безымянка Волгоградской обл.[38], Быковские курганы[39]), а также в керамике Алакульского[40] и Садчиковского поселений[41] андроновского времени. Известное сходство наблюдается также с керамикой со стоянки Трушниково в Восточном Казахстане[42]. При сходстве с перечисленной выше керамикой по орнаментации, у сосудов из Дам-Дам чешме 2 отсутствует уступчик между шейкой и плечиками и их горловина плавно переходит в тулово.

Аналогии серой и черной лощеной керамике из 2-го слоя Дам-Дам чешме 2 обнаруживаются в очень схожей посуде из II слоя Шах-Тепе в Иране[43]. Сходство прослеживается в форме сосудов, тесте, цвете, приемах лощения и нанесения протертого орнамента.

Если кремневая индустрия 3-го слоя характеризовалась некоторым ухудшением техники обработки камня, огрублением форм, то для находок из 2-го слоя этот признак можно в целом назвать ведущим. Сокращается ассортимент изделий, появляется значительное число грубых отщепов. При всем том совершенно очевидно, что кремневая индустрия 2-го слоя генетически тесно связана с традициями 3-го и 4-го слоев.

Сопоставление керамического и кремневого материалов из Дам-Дам чешме с находками из других памятников позволяет сделать некоторые заключения по поводу относительной и абсолютной хронологии наслоений грота.

Применительно к 2-му и 3-му слоям это возможно сделать на основании керамического материала, так как их кремневые комплексы представляют собой в значительной мере пережиток мезолитической и неолитической традиции.

Орнаментированная керамика 2-го слоя, исходя из датировок срубного[44], алакульского[45] и тазабагъябского[46] времени, может быть отнесена к середине — второй половине II тысячелетия до н. э.

Черная и серая лощеная керамика доживает в Шах-Тепе до рубежа III и II тысячелетий до н. э.[47] Значительная мощность 2-го слоя указывает на то, что его культура существовала длительное время, вероятно до второй половины II тысячелетия до н. э., восходя еще, возможно, к концу III тысячелетия до н. э., т. е. от конца энеолита и до эпохи развитой бронзы включительно.

Точно датировать гребенчатую керамику из 3-го слоя довольно трудно. А. П. Окладников относит аналогичные находки предположительно к концу III тысячелетия до н. э.[48]. Черная и серая лощеная керамика появляется в Шах-Тепе на рубежах IV и III тысячелетий до н. э.[49] Поэтому, исходя из значительной мощности 3-го слоя, можно предположить, что его культура укладывалась хронологически от конца IV до второй половины III тысячелетия до н. э. и захватывала время энеолита и позднего неолита. Это подтверждается и тем обстоятельством, что IV слой Джебела, судя

---

[38] О. А. Кривцова-Гракова. Степное поволжье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 33, рис. 5, *7*.

[39] Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быково. МИА, 78, II, 1960, стр. 279, рис. 7, *13*, *19*.

[40] В. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951, стр. 111, рис. 3, *12*.

[41] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, 21, стр. 156, рис. 4; стр. 157, рис. 5, *5*; стр. 161, рис. 12, *10*; стр. 172, рис. 21, стр. 179, рис. 28, *7*.

[42] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 246, табл. LIII, *1*, *3*.

[43] T. J. Arne. Excavations at Shah-Tepé, табл. XXVIII, *208*; табл. XXIII, *231*.

[44] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, 78, стр. 240.

[45] К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, II, 1951, стр. 119, 120.

[46] М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, стр. 35.

[47] T. J. Arne. Excavations at Shah-Tepé, стр. 234, 308.

[48] А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 207.

[49] T. J. Arne. Excavations at Shah-Tepé, стр. 234, 308, 323.

по всем находкам, в лучшем случае синхронный с 3-м слоем Дам-Дам чешме 2, датирован радиокарбоновым методом IV тысячелетием до н. э.[50]

Из сопоставления прослойки 4 «верх» с Джейтуном время существования ее культуры можно отнести к развитому и раннему керамическому неолиту — V—VI тысячелетиям до н. э.[51], что сходится с датировкой К. Куном времени керамического неолита в Гари Камарбанде и Хоту — VI тысячелетие до н. э.[52].

4-ю прослойку «низ», основываясь на датировке К. Куном докерамического неолита и позднего мезолита, можно отнести к VI—VII тысячелетиям до н. э.[53], что соответствует и возрасту Джармо[54].

Тогда 5-й и 6-й слой Дам-Дам чешме 2, по аналогии с возрастом Палегавра, слоя В Шанидара[55], нижних горизонтов Хоту и Гари Камарбанда[56], придется отнести к более раннему мезолитическому времени — к VIII — X тысячелетиям до н. э. Возможно, что в хронологические рамки этих тысячелетий укладывается и культура 7-го слоя Дам-Дам чешме 2.

Значительный разрыв в хронологии культурных слоев грота дает 8-й слой.

Инвентарь 9-го слоя, сопоставляемый с находками из нижних горизонтов грота Зарзи и слоя С Шанидара, позволяет отнести время существования этой эпохи к весьма раннему мезолиту или поздним этапам верхнего палеолита и предположительно датировать ее временем до XIII тысячелетия до н. э.[57]

Еще раз необходимо подчеркнуть, что относительные и абсолютные датировки наслоений грота весьма условны, предварительны и требуют еще значительных уточнений.

* * *

Данные, полученные при раскопках Дам-Дам чешме 2, позволяют высказать некоторые предположения общего характера. Можно считать установленным, что в этом гроте длительное время, на протяжении многих тысячелетий, существовали культуры, связанные тесной преемственностью в кремневой индустрии, что позволяет ставить вопрос и о каких-то генетических связях населения, начиная от мезолитической эпохи. Представляется, что Прибалханье, во всяком случае уже в пору позднего неолита, находилось в зоне контактов южных и северных культурных влияний, что явствует как из сложного состава керамики 2-го и 3-го слоев Дам-Дам чешме 2, так и из кремневого инвентаря 4-го слоя Джебела, который едва ли можно считать в свете находок в Дам-Дам чешме 2 и Гари Камарбанде развитием традиций обитателей нижних слоев грота Джебел; скорее он был принесен какой-то пришлой группой, связанной в культурном отношении с обитателями Джанбаскалы IV, и еще более северными, а также восточными культурами.

Возможно, что в ходе дальнейшей работы удастся связать происхождение джейтунской культуры с кругом памятников докерамического неолита Прикаспия поры прослойки 4 «низ» Дам-Дам чешме 2, тем более, что В. М. Массон отмечает общую тенденцию продвижения джейтунцев с запада на восток[58].

В отношении хозяйственного развития дам-дамчешминцев можно предположить, что какие-то заметные изменения в их традиционном присваивающем хозяйстве стали происходить на рубежах эпохи 5-го и 4-го слоя,

[50] Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}). СА, 1959, 2, стр. 32.
[51] В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 19.
[52] C. Coon. The Seven Caves. New York, 1957, стр. 208, 211.
[53] Там же.
[54] R. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations, стр. 148.
[55] Там же.
[56] C. Coon. The Seven Caves, стр. 208, 211.
[57] R. Braidwood, B. Howe. Prehistoric Investigations, стр. 148.
[58] В. М. Массон. Средняя Азия..., стр. 134.

что видно по костным остаткам. Вероятно, наряду с охотой и другими занятиями началось широкое использование животных. Если это так, то зарождение элементов нового хозяйства должно было происходить задолго до этого времени.

Существен вопрос, почему в конце эпохи 2-го слоя постоянные обитатели покинули грот? А. П. Окладников вслед за С. П. Толстовым полагает, что оседлое население в гротах Прибалханья исчезает в бронзовом веке в связи с прекращением тока воды по Узбою[59]. Однако жизнь обитателей Дам-Дам чешме 2 едва ли особенно зависела от Узбоя, так как в предгорьях имелось достаточно водных источников. В Гари Камарбанде и в других пещерах Северного Ирана постоянное население исчезает в то же время, что и в Дам-Дам чешме 2 и Джебеле, хотя они удалены от Узбоя на многие сотни километров. Таким образом, причина здесь какая-то иная. По всей вероятности, обитатели покинули свои гроты в связи с переходом к новому виду хозяйства — скотоводству, к чему их могли склонить климатические изменения, а также пример появившегося по соседству скотоводческого населения.

Большое значение при установлении характера хозяйственной деятельности имеет остеологический материал. По заключению проф. В. И. Цалкина могут быть установлены следующие виды животных:

2-й слой: овца или коза — 286 костей, кулан — 7 костей, собака — 17 костей, птицы — 11 костей; 3-й слой: овца или коза — 189 костей, в их числе несомненные остатки домашних овец и коз; 4-й слой: овца или коза — 56 костей, в их числе несомненные остатки домашней козы; 5-й слой: овца или коза 1 кость, кулан? — 5 костей; 6-й слой: овца или коза — 5 костей, кулан — 1 кость.

---

[59] А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 204.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кремневые изделия из грота Дам-Дам чешме 2 *

Виды изделий	2-й слой		3-й слой		4 «верх»		4 «низ»		5-й слой		6-й слой		7-й слой		8-й слой		9-й слой		Итого	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	
Скребки концевые на пластинах	13	8	35	6	28	4	17	4	2	2	1	4					6	10	102	
Скребки на отщепах с овальным краем	7	4	16	3	31	4	13	3	1	1	1	4	2	16	1	25	3	5	75	
Высокие скребки	4	2	6	0,5	3	0,4	10	2											23	
Округлые скребки	3	2	10	1	4	0,4													17	
Боковые скребки	3	2	7	0,5			3	0,6	1	1			1	8					15	302
Языковидные скребки							2	0,4									1	2	3	
Двусторонние скребки	1	0,5	1	0,1			1	0,2											3	
Скребки на нуклеусах и сколах с нуклеусов	2	1	10	1	11	2	10	2	7	9			1	8	1	25	1	2	43	
Микролитические скребки	3	2	6	0,5	2	0,2	8	2									2	3	21	
Скобели одновыемчатые	5	3	22	4	18	3	9	2	1	1									55	
Скобели многовыемчатые	12	7	37	6	43	6	41	9	7	9	2	8	1	8			14	21	157	212
Проверткн, проколки			25	4	12	2	12	3											49	
Трапеции симметричные			8	0,5	3	0,4	2	0,4											13	
Трапеции асимметричные			4	0,3	4	0,4	3	0,6	2	2									13	
Трапеции с обработанным узким лезвием			2	0,2			3	0,6	3	4			1	8					9	
Треугольники симметричные	2	1	5	0,3	2	0,2	4	0,7			1	4							12	167
Треугольники асимметричные	1	0,5	20	4	6	0,5	28	6	3	4									59	
Сегменты			17	3	17	3	14	3	1	1									50	
Изделия геометрического облика			7	0,5	2	0,2	1	0,2			1	4							11	
Скребковые орудия			2	0,2	5	0,5													7	
Микролитические заостренные пластины с затупленным лезвием			3	0,3	9	1													12	

Продолжение

Виды изделий	2-й слой		3-й слой		4 «верх»		4 «низ»		5-й слой		6-й слой		7-й слой		8-й слой		9-й слой		Итого	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	
Микролитические пластины со скошенным концом и затупленным лезвием					13	2	1	0,2									2	3	16	123
Микролитические пластины с затупленным лезвием	7	4	8	0,5	28	4	4	0,8											47	
Микролитические пластины со следами сработанности	5	3	2	0,2	31	4	9	2	1	1									48	
Заостренные ножевидные пластины					14	2	3	0,6	1	1							1	2	19	
Ножевидные пластины со скошенным краем	1	0,5	3	0,8	4	0,4	4	0,8											12	366
Ножевидные пластины с ретушью, следами сработанности	30	18	90	16	119	18	65	14	17	21	6	25	2	25	1	25	5	10	335	
Отщепы со следами сработанности	28	16	138	25	142	22	120	26	20	26	12	50	2	25	1	25	15	30	478	
Карандашевидные нуклеусы					1	0,1													1	
Конические нуклеусы	6	3	6	0,5	18	3	4	0,8									2	3	36	
Неправильно-округлые нуклеусы	9	6	35	6	29	4	6	0,6	6	7							1	2	86	190
Уплощенные нуклеусы	12	7	2	0,2	31	5	7	0,6	2	2									54	
Плоские нуклеусы			5	0,3	1	0,1	7	0,6											13	
Резцовые орудия (?)					3	0,8	4	0,4					2				5	2	9	
Отбойники	9	6	6	0,5	1	0,1	1	0,2	1	1									19	
Сколы с ретушью (резцы ?)																	3	5	5	
Всего изделий	163		538		635		414		76		24		12		4		62		1928	
Отходы производства	796		2167		3495		2195		185		50		29		11		204		9132	
Всего кремня	959		2705		4130		2609		261		74		41		15		266		11060	

* Проценты взяты округленно.

Ю. А. МОЧАНОВ

РАННИЙ НЕОЛИТ АЛДАНА

К числу наиболее важных и сложных проблем археологии Восточной Сибири и Дальнего Востока относится проблема происхождения и датировки раннего неолита.

Некоторый свет на эту проблему проливают новые данные, полученные во время работ археологического отряда ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР на р. Алдан.

В 1964 г. на Алдане были открыты уникальные памятники (Усть-Тимптон, Усть-Сумнагин, Белькачи I и Билир), содержащие по несколько неолитических слоев, разделенных стерильными прослойками.

Опираясь на естественную стратиграфию многослойных памятников и сравнивая содержащиеся в отдельных культурных слоях материалы с чистыми неолитическими комплексами, зафиксированными на однослойных стоянках Алдана, а также с археологическими данными смежных областей, представляется возможным расчленить неолит Алдана на три отдельных этапа — ранний, развитый и поздний.

Ранний неолит Алдана представлен однослойными стоянками Алысардаах, Троицкое, Тонгус и нижними культурными слоями многослойных стоянок Усть-Тимптон, Усть-Сумнагин, Тумулуур, Белькачи I и Билир.

Все эти памятники расположены в долине Алдана, в его верхнем, среднем и нижнем течении. На первых двух участках Алдан протекает по северному предгорью системы Станового хребта. В нижнем течении с правого берега к Алдану подходят передовые отроги Верхоянского хребта. С левого берега лежит обширная равнина Нижне-Алданской впадины.

Относительно мягкий для Северо-Восточной Азии климат бассейна Алдана, особенно в верхнем и среднем течении, способствовал развитию здесь богатого и разнообразного растительного и животного мира.

Бассейн Алдана относится к зоне тайги с преобладанием даурской лиственницы. Из животных в большом количестве встречаются сохатый, северный олень, медведь и др. Много боровой и водоплавающей птицы. Алдан и его притоки богаты рыбой, среди которой наиболее значительны осетр, таймень, язь, щука, окунь.

Данные палеогеографии, палеоботаники и палеозоологии свидетельствуют, что сходные с современными природные и климатические условия существовали в бассейне Алдана уже с начала голоцена. Тогда же окончательно сформировался и видовой состав современной флоры и фауны.

Таким образом, можно считать, что жизнь ранненеолитического человека протекала на фоне природной среды, сходной с современной.

Вся совокупность наблюдений, сделанных на ранненеолитических стоянках, и изучение обнаруженных на них культурных остатков дает возможность представить образ жизни населения того времени, охарактеризовать уровень развития его производительных сил и определить хронологические рамки раннего неолита, а также его место в древней истории Алдана.

Судя по орудиям труда, топографии стоянок и остаткам фауны (сохатый, северный олень, медведь, осетр) [1], основой жизни раннеэолитического населения была охота и рыбная ловля. Об этом красноречиво свидетельствует уже самое местоположение древних стоянок. Они всегда расположены на берегу Алдана, причем приурочены к самым рыбным местам — к устьям небольших речек и протокам. Все стоянки находятся на высокой пойме или на первой надпойменной террасе. В первом случае культурные

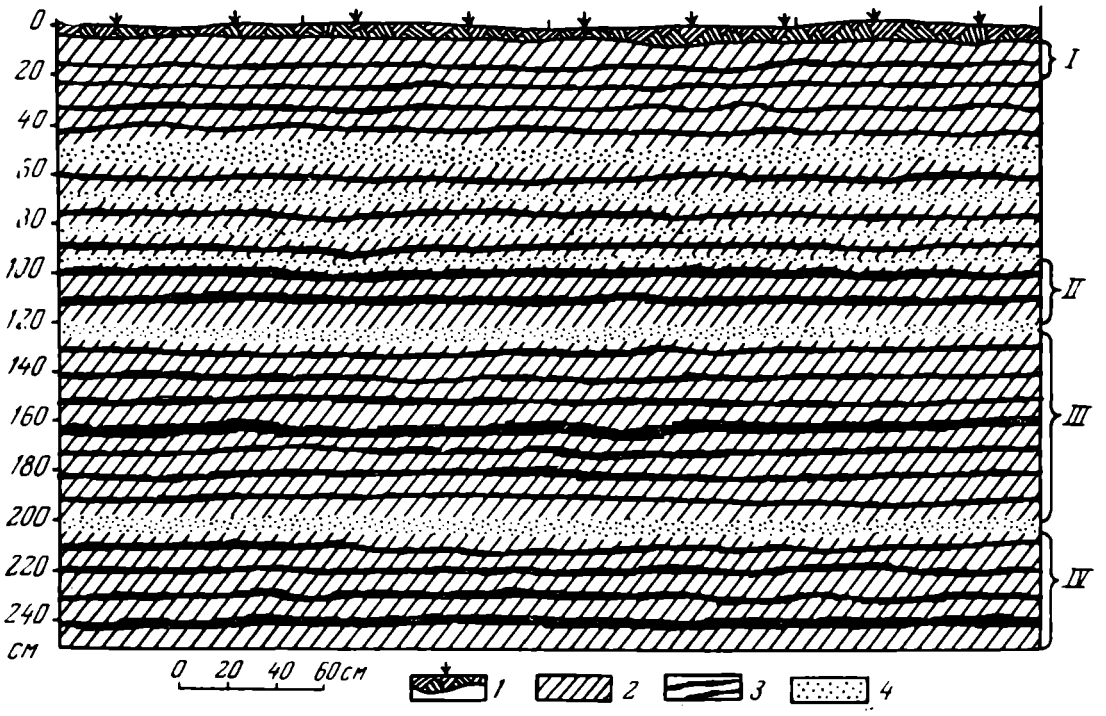


Рис. 1. Стратиграфический разрез стенки траншеи на стоянке Белькачи I

1 — дерн; *2* — светло-коричневая супесь; *3* — черные горелые прослойки погребенной почвы; *4* — светло-серый песок. *I, II, III, IV* — культурные слои

остатки залегают в нижних горизонтах пойменной фации аллювиальных отложений, слагающих высокую пойму. Во втором — в делювии, перекрывающем аллювиальную свиту первой террасы.

Важные сведения об условиях жизни древнего населения дают наблюдения, сделанные на стоянке Белькачи I (рис. 1). Третий культурный слой этой стоянки, относящийся к раннему неолиту, состоит из семи тонких прослоек погребенной почвы, разделенных прослойками стерильной супеси. Каждая из почвенных прослоек отмечает временную остановку в накоплении аллювия. Они образовались на поверхности поймы в перерыве между очередными крупными паводками.

Культурные остатки, обнаруженные во всех этих семи прослойках, относятся к одному историческому этапу — к раннему неолиту. Залегание находок на разных уровнях объясняется неоднократным посещением человеком поймы в процессе ее аккумуляции. Во время паводков люди покидали стоянку и культурные остатки покрывались аллювиальными наносами. При возвращении человека культурный слой формировался уже на новых наносах, играющих роль стерильной прослойки.

Стоянка Белькачи I и сходные с ней по топографии стоянки скорее всего являлись сезонными. Никаких следов долговременных жилищ на стоянках не обнаружено. Очевидно, раннеэолитическое население жило в легких наземных жилищах типа чума. Об этом свидетельствуют обнару-

[1] Определение состава фауны из неолитических стоянок Алдана было произведено старшим научным сотрудником Института биологии Якутского филиала СО АН СССР О. В. Егоровым.

женные на стоянках Усть-Тимптон и Алысардаах очаги, специально выложенные гальками. К очагам приурочено большее количество культурных остатков. Тщательная фиксация находок на плане показывает, что они концентрируются внутри относительно замкнутой окружности диаметром 2—3 *м* с очагом в центре. Интересно, что именно такой характер распространения имеют в настоящее время различные культурные остатки у покинутых охотниками чумов (подобную картину нам приходилось наблюдать на современных заброшенных охотничьих и рыболовецких стойбищах, например у кетов, ненцев и эвенков).

Среди ранненеолитических культурных остатков встречено большое количество орудий труда и глиняных сосудов для приготовления пищи.

Каменный инвентарь представлен орудиями охотничьего снаряжения (наконечники стрел, ножи), орудиями рыболовства (грузила для сетей), орудиями для обработки кости, дерева и шкур животных (резцы, скребки, скребла, тесловидные и долотовидные инструменты, проколки, острия) и орудиями для изготовления самих каменных орудий (отбойники, ретушеры, наковальни, шлифовальные камни, нуклеусы). Для изготовления всех этих орудий использовались различные породы камня, встречающиеся по берегам Алдана в виде галек, валунов и желваков кремня, халцедона, кремнистого сланца и диабаза.

Приемы обработки камня в основном сводились к технике отделения ножевидных пластин с заранее подготовленных призматических и клиновидных нуклеусов и дальнейшей формовке орудий при помощи отжимной ретуши. Наряду с пластинами, но в меньшем количестве, для изготовления орудий использовались отщепы, которые получались при первичной формовке нуклеусов. Некоторые орудия выделывались из расколотых галек. Наиболее часто целые гальки являлись заготовками рубящих орудий — тесел. Целые гальки использовались и в качестве отбойников.

Наконечники стрел, ножи, скребки, проколки, как правило, сделаны из кремня и халцедона; рубящие орудия и отбойники — из диабаза, реже глинисто-кремнистого сланца; шлифовальные камни и наковальни — из крупнозернистого и мелкозернистого песчаника.

Кроме каменных орудий, широкое распространение имели и костяные наконечники гарпунов для рыбной ловли, шилья и иглы для шитья одежды и др. Эти орудия сделаны из расколотых костей сохатого и оленя. Первичная обработка производилась кремневыми ножами и резцами, затем они шлифовались специальными абразивными камнями.

Для приготовления пищи в распоряжении ранненеолитического населения имелись специальные глиняные сосуды. Они изготовлялись способом ручной лепки с применением специальных сеток-плетенок. Придание прочности сосудам достигалось добавлением в глиняное тесто песка. После окончательной формовки сырые сосуды обжигались на костре.

Для определения хронологических рамок раннего неолита решающее значение имеет сопоставление культурного комплекса этого этапа с материалами смежных территорий; при этом одновременно в какой-то мере решается и проблема происхождения ранненеолитического населения.

Перед тем как перейти к сравнению алданского археологического материала с материалами смежных областей, необходимо оговориться, что территория Восточной Сибири и Дальнего Востока в археологическом отношении изучена крайне неравномерно. Можно сказать, что вся эта область представляет собой огромную археологическую пустыню с отдельными, разрозненными оазисами. К числу последних относятся Верхнее Приангарье, долина Лены, Верхний Вилюй, Нижний Амур и южная часть Приморья. Отдельные археологические памятники открыты также на Чукотке, Камчатке, Сахалине, в Забайкалье, в верхнем и среднем течении Амура, на Нижней Тунгуске и в долинах некоторых других сибирских рек. Но даже области, где были открыты археологические памятники, резко отличаются одна от другой степенью их изученности. Например, по Прибай-

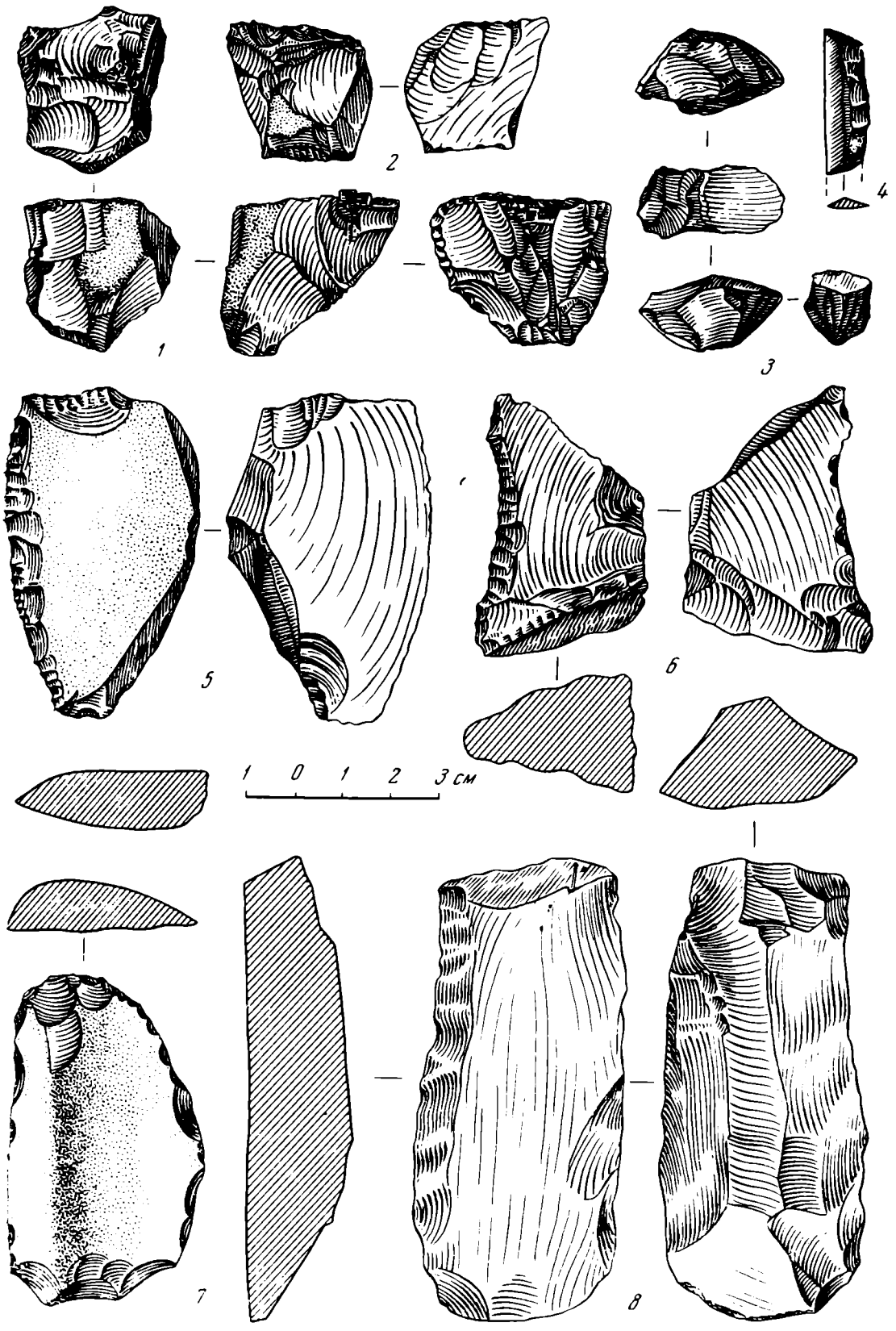


Рис. 2. Каменные орудия

1,3 — клиновидные нуклеусы (Тумулуур, 2-й слой), *2* — полотовидное орудие (Белькачи I, 3-й слой); *4* — пластина со скошенным краем (Усть-Мая); *5—7* — скребла (Белькачи I, 3-й слой); *8* — тесло (Усть-Тимптон, 3-й слой)

калью, долине Лены и Приморью изданы монографические труды, содержащие большой, хорошо иллюстрированный и описанный фактический материал, позволяющий сравнивать с ним новые находки [2].

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950; его же. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; его же. История Якутской АССР. I, М.— Л., 1955.

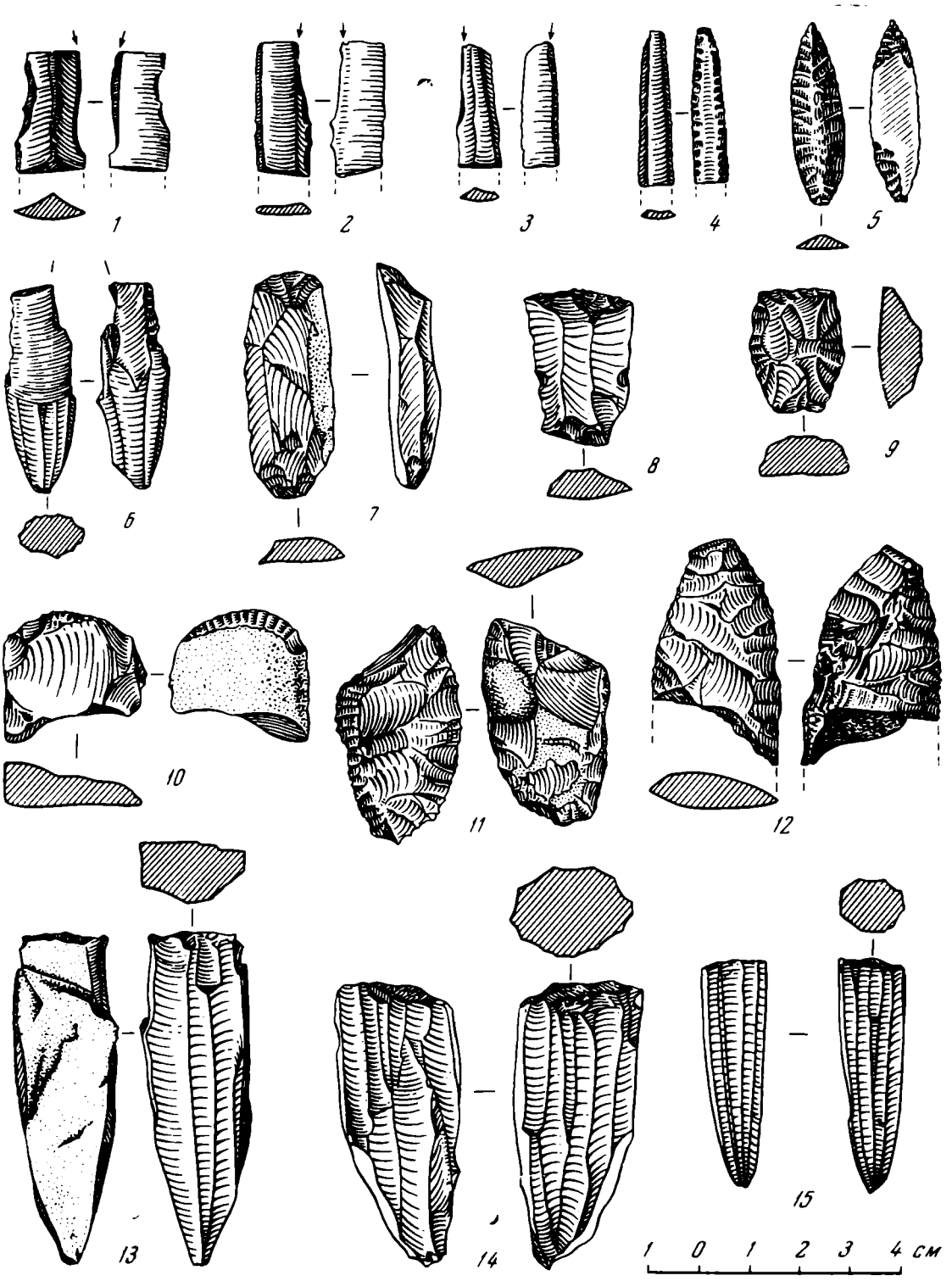


Рис. 3. Каменные орудия из 3-го слоя стоянки Белькачи I

1, 2, 3, 6 — резцы; *4* — проколка; *5* — наконечник стрелы; *7—10* — скребки; *11, 12* — ножи; *13—15* — нуклеусы

Иную картину мы наблюдаем, например, на Чукотке и Камчатке, где за последние годы открыт ряд новых памятников. Описание добытого на них материала и выводы очень кратки[3]. В результате этого пользоваться новыми камчатскими и чукотскими материалами весьма затруднительно. В других областях дело с публикацией материалов обстоит еще хуже.

При таком положении не удивительно, что сравнение ранненеолитического алданского материала происходит в основном с Прибайкальем и

[3] Н. Н. Диков. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных. Тр. Сев.-Вост. комплексного НИИ, 8, Магадан, 1964.

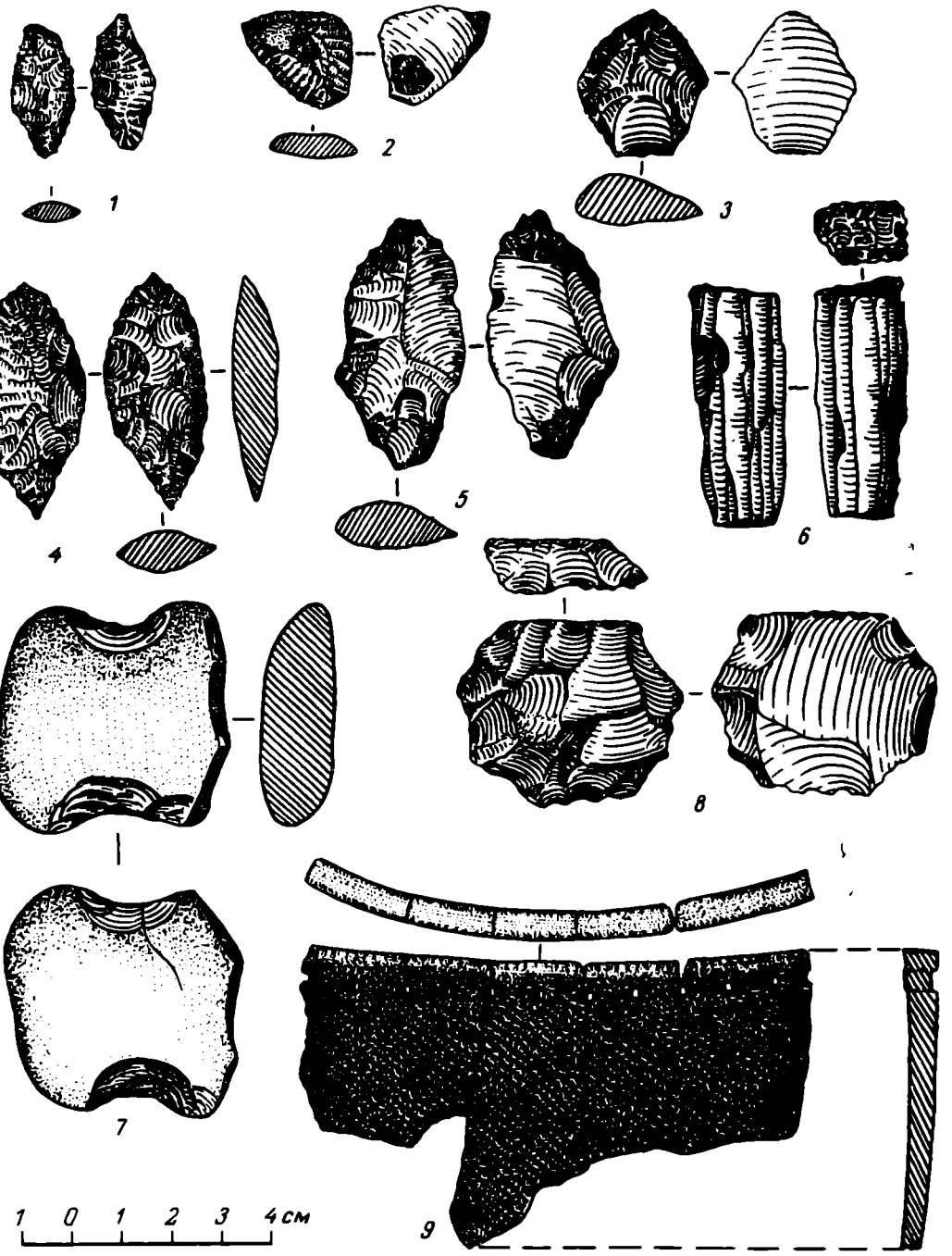


Рис. 4. Каменные орудия и керамика со стоянки Алысардаах

1, 4, 5 — наконечники стрел; *2, 3* — скребки; *6, 8* — нуклеусы; *7* — грузило; *9* — керамика

Леной, хотя, где это возможно, используются данные и по другим областям.

Среди каменного инвентаря раннего неолита Алдана наиболее типичны следующие формы орудий: клиновидные (рис. 2, *1*, *3*) и призматические (рис. 3, *13—15*; *4*, *6*) нуклеусы; концевые микроскребки на пластинах и концевые скребки с ушками (рис. 4, *3*); крупные скребла с односторонне обработанными лезвиями (рис. 2, *5—7*); листовидные наконечники стрел на пластинах (рис. 3, *5*) и листовидные двусторонне обработанные наконечники стрел с намечающимся черешком (рис. 4, *1*, *4*, *5*); долотовидные орудия с двусторонне обработанным лезвием типа pièces écaillées (рис. 2, *2*); боковые, угловые и срединные резцы (рис. 3, *1—3*, *6*); листовидные и асимметрично-треугольные двусторонне обработанные ножи (рис. 3, *11*, *12*); ножевидные пластины с отретушированными краями; проколки на ножевидных пластинах (рис. 3, *4*); оббитые тесла прямоугольных очерта-

ний с овально-выпуклым лезвием и треугольным поперечным сечением (рис. 2, *8*); грузила для рыболовных сетей, сделанные из небольших плоских галек с двумя оббитыми выемками для крепления (рис. 4, *7*).

Из костяных орудий наиболее типичны односторонне бородчатые наконечники гарпунов с плоским насадом (рис. 5, *1*, *2*). У некоторых из них в основании имеется отверстие для линя (рис. 5, *4*).

Каменные и костяные орудия почти на всех ранненеолитических стоянках сопровождаются глиняными сосудами яйцевидной формы с параболоидным поперечным сечением (рис. 6). На внешней стороне всех сосудов имеются рельефные отпечатки сетки-плетенки, при помощи которой они изготовлялись (рис. 4, *9*; 7). Иногда эти отпечатки слегка затерты, залощены. Следы частичного лощения наблюдаются и на внутренней стороне некоторых сосудов.

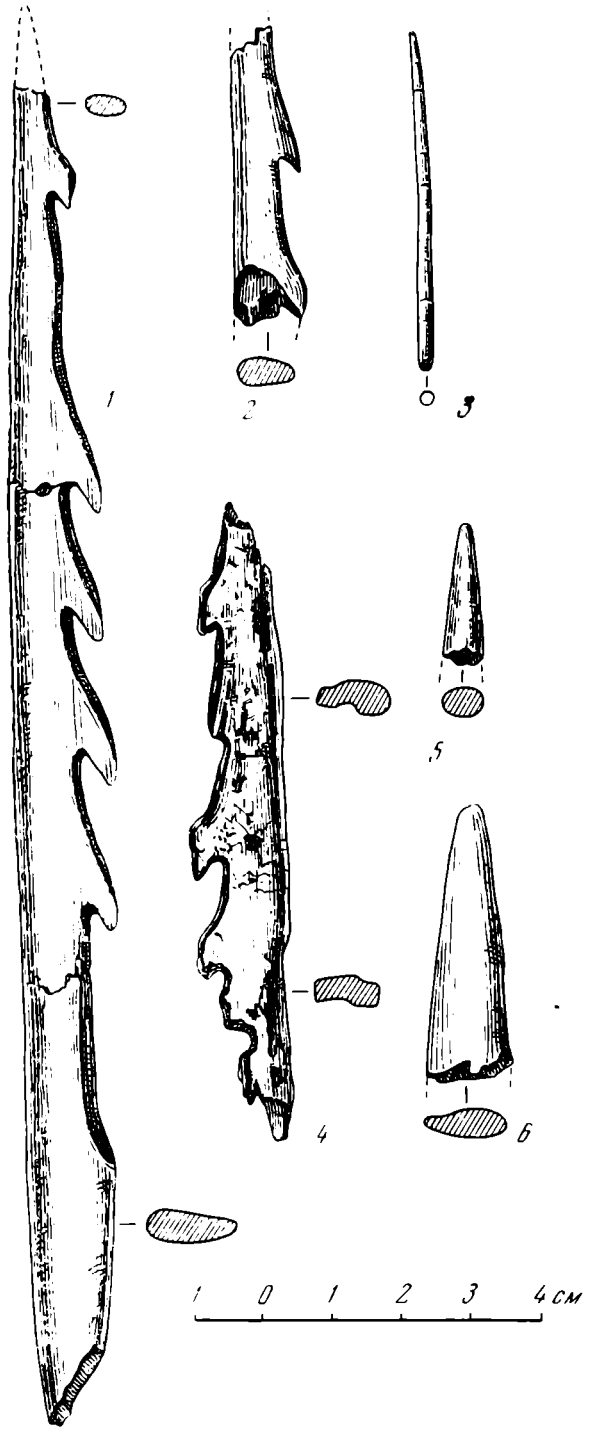


Рис. 5. Костяные орудия из 3-го слоя стоянки Белькачи I

1, *2*, *4* — гарпуны; *3* — игла; *5*, *6* — фрагменты костяных орудий

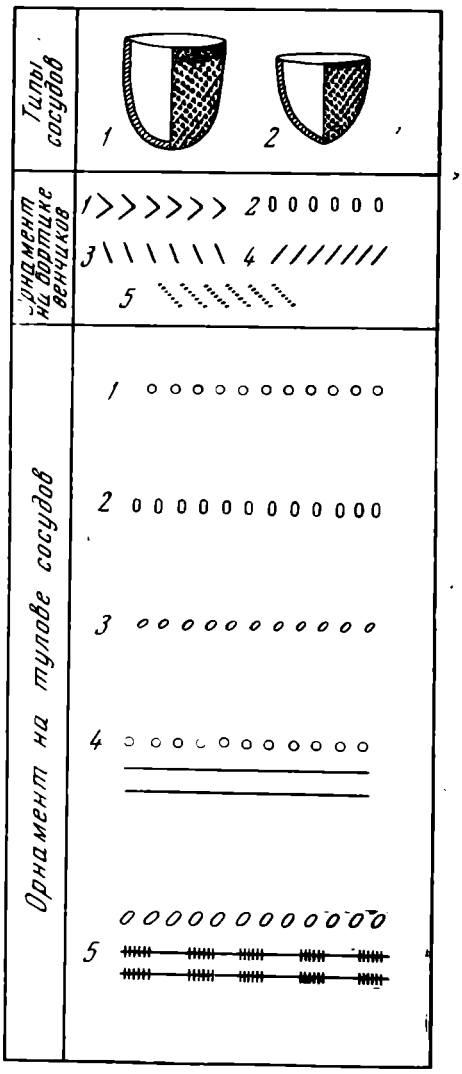


Рис. 6. Основные мотивы орнамента на ранненеолитической керамике

Все без исключения сосуды орнаментированы по тулову одним рядом сквозных округлых или овальных отверстий, идущих горизонтально под самым венчиком. В редких случаях под сквозными отверстиями, на рас-

стоянии 3—4 *см* от них, сосуды опоясывались двумя узкими горизонтальными валиками, образованными способом ногтевого защипа. На одном сосуде эти валики рассечены через равные промежутки (2 *см*) приостренным стержнем, которым, вероятно, протыкали и сквозные отверстия (рис. 6).

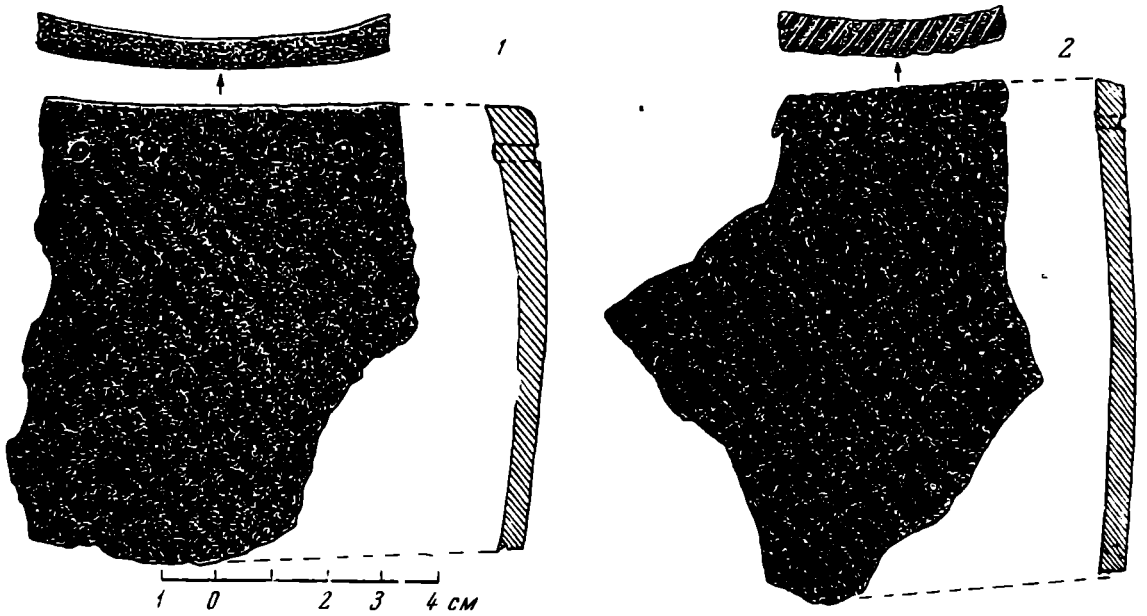


Рис. 7. Керамика из 3-го слоя стоянки Белькачи I

Бортики венчиков у большинства сосудов прямые, у некоторых — слегка скошенные наружу. В одних случаях на бортиках сосудов сохраняются отпечатки сетки-плетенки, в других эти отпечатки заглажены. Многие бортики орнаментированы косыми насечками, иногда насечки образованы зубчатым штампом. На бортиках нескольких сосудов насечки идут в два ряда под углом друг к другу, образуя елочный орнамент. Бортик одного сосуда орнаментирован овальными вдавлениями (рис. 6).

Близкие аналогии ряду элементов ранненеолитического алданского комплекса находятся в материалах неолитических стоянок среднеленской культурной области [4]. Для Алдана и Средней Лены характерны микроскребки на пластинах; угловые, боковые и срединные резцы, долотовидные орудия, наконечники стрел на пластинах, проколки, односторонне бородчатые костяные наконечники гарпунов. Общими для обеих областей по технике изготовления, форме и орнаменту являются и глиняные сосуды.

На Средней Лене стоянки с этими орудиями и керамикой датируются IV—III тысячелетиями до н. э., но они, как отмечал А. П. Окладников, содержали смешанный материал; на них отсутствовали стерильные прослойки между разными культурными слоями [5]. На Средней Лене керамика с отпечатками сетки-плетенки на внешней поверхности находилась вместе с керамикой, внешняя поверхность которой покрыта отпечатками крученого шнура. На Алдане последняя характерна для развитого неолита. «Шнуровая» керамика на стоянках Белькачи I и Билир лежит в отложениях, перекрывающих культурный слой, содержащий «сетчатую» керамику. Поэтому сравнение со Средней Леной, пока там не будет выделен в чистом виде ранний комплекс, довольно условно.

Культурная близость Алдана и Средней Лены бесспорна, но алданские материалы теперь представляются значительно более древними. Это подтверждается присутствием на Алдане клиновидных нуклеусов, которые, как правило, характерны либо для верхнего палеолита и мезолита, либо

[4] А. П. Окладников. Ленские древности, 3, М.— Л., 1950.
[5] Там же.

для самого раннего неолита. На Лене подобных нуклеусов пока нет. О глубокой древности алданского комплекса свидетельствуют и некоторые другие каменные орудия. Это, в первую очередь, крупные кремневые скребла с односторонне обработанными лезвиями. По форме и технике изготовления они очень сходны со скреблами верхнего палеолита Сибири, встречаются они и на ранненеолитическом исаковском этапе Прибайкалья, где являются одним из древнейших типов каменных орудий [6].

Общим типом орудий для раннего неолита Прибайкалья и Алдана являются и двусторонне обработанные асимметрично-треугольные ножи. Исаковский этап датируется IV тысячелетием до н. э. Очень интересно, что на Алдане обнаружены грубо оббитые прямоугольные каменные тесла с треугольным поперечным сечением. Аналогичное изделие было найдено в истоках Ангары на стоянке Рогатка, где оно определено как прототип исаковского тесла [7]. Доисаковским временем датируются в Прибайкалье и скребки с ушками по краям лезвия. Они встречены на мезолитических стоянках Усть-Белая, Верхоленская Гора [8] и Звездочка [9]. Возраст этих памятников определяется примерно VII—VI тысячелетием до н. э.

Для определения возраста раннего неолита Алдана большое значение имеют двусторонне обработанные листовидные наконечники стрел с намечающимся черешком в основании. В Якутии до сих пор был найден только один обломок подобного наконечника (стоянка Куллаты) [10], но стратиграфическое положение его неясно. Весьма вероятно, что эти наконечники восходят к двусторонне обработанным листовидным наконечникам метательных орудий мезолита Восточной Сибири (Верхоленская гора [11], Усть-Белая [12], Ботойская яма [13]) и Дальнего Востока (Осиповка) [14].

Оформление черешка у них происходит на этапе докерамического неолита. В Прибайкалье подобные наконечники обнаружены в погребении докерамического неолита в пади Хиньской. Хиньский наконечник по форме и технике изготовления является точной копией алданских орудий [15].

Не менее интересно, что аналогичные наконечники широко представлены и в докерамических памятниках о. Хокайдо, расположенного еще ближе к Алдану, чем Ангара. Отмеченная аналогия тем более существенна, что в инвентаре ранних стоянок Северной Японии имеется и много других совпадений с ранненеолитическими материалами Восточной Якутии — характерные формы нуклеусов, наконечников стрел на пластинах, скребков резцов и т. д. [16]

Листовидные наконечники можно считать характерным элементом мезолитических памятников Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вполне возможно, что на смену им в дальнейшем приходят треугольные наконечники с черешком, отличающиеся более устойчивой формой и совершенством обработки.

Определенные черты сходства ранненеолитический комплекс Алдана имеет с древнейшими памятниками верхнего течения Вилюя (стоянки Туой-Хая и Усть-Чона I), которые датируются концом V—IV тысяче-

---

[6] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.

[7] Там же.

[8] Раскопки Г. И. Медведева и М. А. Аксенова 1959—1964 гг. Материалы хранятся в археологической лаборатории Иркутского гос. университета.

[9] Иркутский областной краеведческий музей, кол. 7818—31, 40, 75, 91, 94, 112.

[10] А. П. Окладников. Ленские древности.

[11] Б. Э. Петри. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928.

[12] Раскопки Г. И. Медведева и М. А. Аксенова.

[13] З. А. Абрамова. Палеолитические находки в районе Кяхты. МИА, 39, 1953.

[14] М. М. Герасимов. Новые стоянки доисторического человека в окрестностях гор Хабаровска. ИВСОРГО, 53, Иркутск, 1928.

[15] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.

[16] H. Befu and C. S. Chard. Preceramic Cultures in Japan. «American Anthropologist», 62, 5, October, 1960; S. Sugihara and M. Tozawa. Preceramic Age in Japan. «Acta Asiatica», Tokyo, 1960.

летием до н. э.[17] Общими типами орудий для обеих территорий являются клиновидные нуклеусы, резцы, проколки и наконечники стрел на пластинах, сходна и сопровождающая их керамика. Но на Вилюе, так же как и на Лене, ранненеолитический комплекс стратиграфически пока не выделен, поэтому не исключено, что он содержит и более поздние элементы. Более того, на Верхнем Вилюе население занималось в основном охотой, тогда как на Алдане не менее важную роль играло и рыболовство. Сходство алданского и верхневилюйского ранненеолитического материала, по всей видимости, объясняется не культурной общностью, а близким уровнем развития.

Если взглянуть на весь каменный инвентарь раннего неолита Алдана в целом, то напрашивается единственный вывод: этот инвентарь в основных чертах не отличается от инвентаря мезолитических памятников Восточной Сибири и Дальнего Востока. Единственное, что говорит о более позднем, чем мезолитический, возрасте ранненеолитического комплекса Алдана, наличие в нем керамики. Очень важно, что эта керамика представлена на Алдане древнейшими для Восточной Сибири по технике изготовления, форме и орнаменту типами глиняных сосудов.

В настоящее время имеются веские основания предполагать, что в мезолите на обширной территории Сибири и Дальнего Востока существовала одна культура, состоящая из ряда локальных вариантов. Эта культура, очевидно, развивается на основе «североазиатской» верхнепалеолитической культуры, выделенной С. Н. Замятниным[18]. Степень изученности мезолита не позволяет еще в полной мере представить облик различных локальных вариантов мезолитической культуры и границы их распространения. Пока можно отметить, например, Прибайкальско-Забайкальский вариант с характерными костяными наконечниками гарпунов (Верхоленская гора[19] и Ошурково[20]). По мере расширения археологических работ, безусловно, будут выделены и другие локальные варианты.

Уровень наших знаний позволяет в настоящее время рассматривать мезолитическую культуру только в целом. Она была распространена, очевидно, на западе, по крайней мере до Енисея[21], и на востоке — до Японии[22]. На юге она не заходила дальше Гоби и левобережья р. Хуанхэ[23]. Северные границы ее пока точно не устанавливаются, но о значительном продвижении ее к Ледовитому океану в какой-то мере свидетельствуют находки на Аляске[24].

На базе «североазиатской» мезолитической культуры со временем возникает ряд ранненеолитических культур, родство которых объясняется общностью происхождения, а отличия — самостоятельным развитием в различных природных и исторических условиях. Возникновение этих культур, вероятно, свидетельствует об ускорившемся в начале неолита процессе дифференциации предшествующей мезолитической культуры, что в конце концов привело к сложению ряда современных народов Сибири и Дальнего Востока.

---

[17] С. А. Федосеева. Древние культуры Верхнего Вилюя. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1964.

[18] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. ИЭ, нов. сер. XVI, М., 1951.

[19] Б. Э. Петри. Ук. соч.

[20] A. P. Okladnikov, The Paleolithic of Trans-Baikal. «American Antiquity», 26, 4, 1961.

[21] Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. ИГАИМК, 118, Л., 1935; З. А. Абрамова. Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г. КСИА АН СССР, 92, 1963.

[22] H. Befu and C. S. Chard. Ук. соч.; S. Sugihara and M. Tozawa. Ук. соч.

[23] K. C. Chang. New Light on Early Man in China. «Asian Perspectives», 11, 2, 1960.

[24] N. S. Nelson. Notes on Cultural Relations Asia and America. «American Antiquity», 2, 1937; W. N. Irwing. A Provisional Comparison of some Alaskan and Asian Stone Industries. «Artic Institute of North America, Technical Paper», 11, 1962.

Отсутствие генетической преемственности с мезолитом ранненеолитических культур Нижнего Амура, Приморья, Северного Китая и Японии, по всей видимости, объясняется проникновением на территорию этих областей каких-то новых племен, обитавших раньше к югу от Хуанхе. Но далеко на север они не продвинулись. По крайней мере, в Прибайкалье, Забайкалье, Монголии и на Средней Лене генетическая преемственность ранненеолитических культур с мезолитической прослеживается вполне определенно.

Еще более четко прослеживается генетическая преемственность мезолита с ранним неолитом Алдана. Весь облик алданской ранненеолитической культуры не оставляет сомнения в том, что она являлась непосредственным развитием предшествующей ей мезолитической культуры.

Верхняя граница мезолита сейчас приблизительно определяется VIII—VI тысячелетиями до н. э. Примерно V тысячелетием до н. э. датируется докерамический неолит Ангары и Байкала. Ранний неолит Прибайкалья, его исаковский этап датируется IV тысячелетием до н. э.

Учитывая, с одной стороны, близость раннего неолита Алдана с мезолитом, и с другой — его более архаический облик, чем исаковский, можно предположить, что хронологические рамки раннего неолита Алдана определяются второй половиной V—IV тысячелетием до н. э.

Эта датировка хорошо согласуется и с геологическими данными. Начальная стадия аккумуляции пойменной фации аллювия, слагающего высокую пойму Алдана, относится геологами к атлантическому времени — примерно к VI—III тысячелетиям до н. э.[25] Именно в этих отложениях последовательно залегают горизонты погребенной почвы, содержащие внизу культурные остатки раннего неолита, а сверху — развитого неолита. Аналогии показывают, что развитый неолит Алдана датируется примерно концом IV—III тысячелетием до н. э. Нижние же слои пойменного аллювия не могут быть моложе VI—V тысячелетий до н. э.

Таким образом, в настоящее время можно определить возраст раннего неолита Алдана V—IV тысячелетиями до н. э. и считать, что он развивается на мезолитической основе Восточной Сибири.

Открытие верхнепалеолитической стоянки Ихене (нижнее течение Алдана) [26], культурные слои которой залегают в верхнеплейстоценовых отложениях, свидетельствует о заселении Алдана человеком уже в глубокой древности, по крайней мере не менее 15 тыс. лет назад. Можно надеяться, что при продолжении работ на Алдане будут открыты и мезолитические памятники, которые ликвидируют разрыв между верхним палеолитом и ранним неолитом и уточнят выводы, сделанные в этой статье.

---

[25] И. Ю. Долгушин. Геоморфология западной части Алданского нагорья. М., 1961.

[26] Работы Алданского археологического отряда ЯФСО АН СССР, 1964 г.; Материалы хранятся в археологической лаборатории ЯФСО АН СССР в г. Якутске.

В. А. ПАДИН

ЮХНОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ ДЕСНЫ

С 1946 по 1958 г. автором статьи производились раскопки и разведка на юхновских памятниках р. Десны и ее притоков — Судости, Навли, Неруссы и притоке Сожа — Ипути. В настоящей работе дается публикация материала с некоторых из этих памятников.

Городище Кудеяров Бугор находится в 12 *км* от г. Турбчевска, на правом берегу р. Неруссы (левый приток Десны), на песчаной дюне, склоны которой были подсыпаны в древности. Ровная площадка городища (длина около 100 *м*, ширина 30—40 *м*) высотой 3,5—4 *м* в юго-западной части имеет три вала: два с внешней стороны, один на самой площадке. Возможно, что раньше валы окружали всю площадку, а теперь размыты. Неприступность поселения создавала и р. Нерусса, раньше подходившая вплотную к нему, а теперь отступившая на 500—600 *м* (рис. 1). В юго-западной части городища были заложены раскопы общей площадью 800 $м^2$; культурный слой мощностью 0,5 *м* состоял из серого песка и выклинивался к северо-восточному концу поселения. Кроме валов были выявлены дополнительные фортификационные сооружения: вдоль южного и северного краев городища на глубине 0,30 *м* была обнаружена канава шириной 1,8—2,5 *м*, глубиной 1—1,2 *м*, соприкасавшаяся в западном и восточном концах городища с валами. Со стороны площадки в канаву вел пологий спуск, внешняя крутая стенка ее была обложена обожженными дубовыми бревнами толщиной до 0,40 *м*. В юго-западной части городища мы разрезали два вала траншеей шириной 1 *м* (рис. 1). В первом валу, расположенном на краю площадки, встречено много кусков руды, мелкого угля, на глубине 1 *м* найден юхновский черепок; два таких же черепка были найдены и во втором валу на глубине 60—70 *см*. Первый вал до половины высоты был насыпан из культурного слоя городища. Очевидно, валы — более позднее явление, а раньше площадка была укреплена подсыпкой и канавой.

Культурный слой городища очень беден находками — основную их часть составляют фрагменты керамики. Вся она делится на три группы.

Первую и самую древнейшую группу составляют горшки с узким дном, прямыми или вогнутыми шейками, с округлым или прямым срезом венчика; у отдельных горшков этот срез скошенный и широкий — до 3 *см*. Но наибольшее число черепков от сосудов — с вогнутым внутрь венчиком. Некоторые из них имеют несколько округлые бока. Для горшков всех типов характерно относительно узкое дно (диаметром до 10—11 *см*) и широкое (до 30 *см*) горло. Керамика первой группы серовато- или желтовато-бурого и коричневого цвета, с примесью песка, дресвы или шамота, а иногда дресвы и шамота вместе. На внутренней поверхности сосудов — следы вертикального заглаживания пальцами, снаружи — травой или шкуркой. Сосуды орнаментированы остроугольными овальными или круглыми ямками, располагающимися на шейке или плечиках группами или одинарными, двойными и тройными поясками. Впервые встречен орнамент из перекрещивающихся глубоких (длиной 20—25 *мм*) бороздок. Ямки наносились на сосуды косо поставленной палочкой или деревянным штампом. Эти орнаменты схожи с орнаментацией посуды местных памятников эпохи бронзы.

Возможно, что часть сосудов этой группы принадлежала большим и высоким мисам. Высота горшков здесь примерно равна их диаметру. Керамика первой группы встречается и в первом штыке, но основная ее масса найдена в нижней части слоя.

Керамику второй группы составляют сосуды с венчиками, несколько отогнутыми кнаружи, шириной горла 25—27 *см*, толщиной стенок 3—10 *мм*. Встречаются фрагменты из плотной глины хорошего обжига,

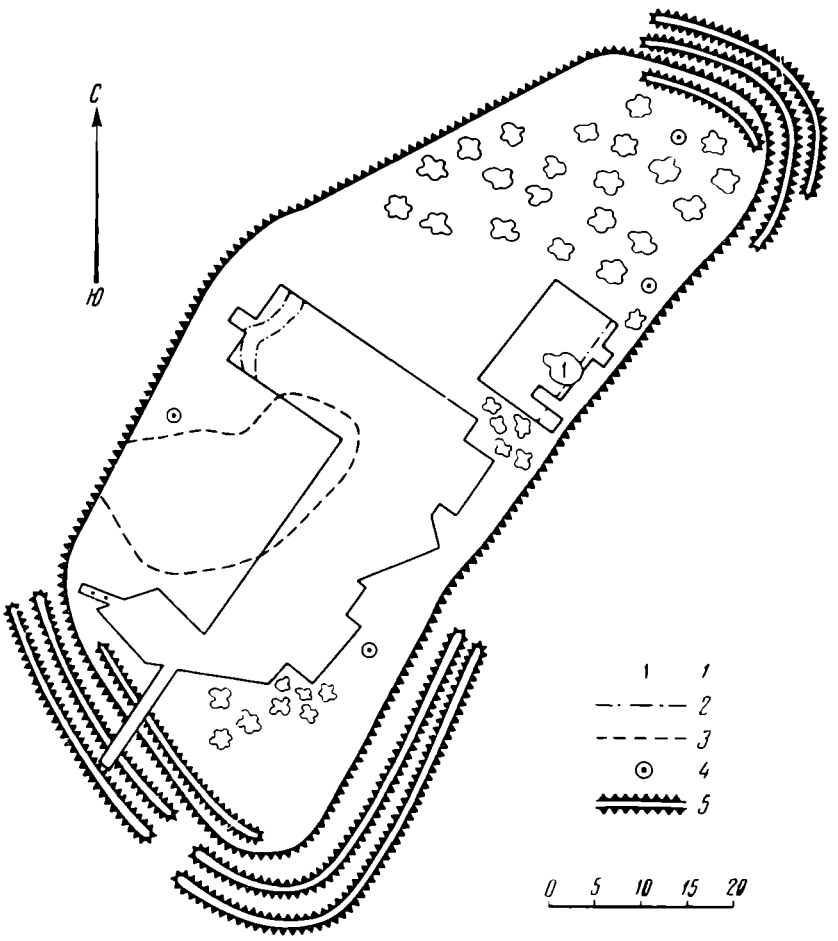


Рис. 1. Схематический план городища Кудеяров Бугор

1 — жилище; *2* — канава; *3* — перекоп; *4* — шурф (1954 г.); *5* — остатки валов

но есть и более грубые, бугристые, с рыхлым тестом и неравномерным обжигом. Кроме заглаживания на поверхности заметны следы обстругивания деревянным ножом, а иногда рифление деревянной гребенкой; в этом случае редкие и глубокие борозды покрывают весь сосуд. Орнамент более разнообразен, чем в первой группе: комбинации из ямок, образующих на шейке сосуда переплетающиеся пояски, ромбы, пирамидки. Иногда встречается кольцевой орнамент, нанесенный костяной трубочкой, пояски из пальцевых вдавлений, удлиненные наколы щепкой и т. п. Это так называемая типичная юхновская керамика (рис. 3, *1*, *2*). На отдельных участках первого штыка посуды этой группы больше, чем первой. Видимо, с этой группой связаны и обломки двух миниатюрных сосудиков на поддоне, найденных в первом штыке, и горшочек высотой 7 *см*, диаметром дна 3 *см*, наибольшим диаметром — 6,5 *см* (рис. 2, *6*).

Третья группа состоит из посуды без орнамента, со слабо отогнутыми шейками, серовато-бурого цвета, большей частью из рыхлой глины, но встречается посуда и более хорошей выработки. Эта керамика относится к позднему периоду истории городища. Кроме описанной посуды на городище найдено несколько фрагментов, резко отличных от юхновских. Это прочные серо-коричневые черепки от сосудов с развитыми плечиками и

высокой шейкой, с горизонтальными бороздками на внутренней стороне и вертикальной или косой штриховкой на внешней, с орнаментом из глубоких круглых ямок. Они не похожи на рифленые сосуды второй группы (рис. 3, *3, 4, 5*). Здесь же найдено и несколько черепков серого и коричневого лощения, напоминающих посуду из могильника у Крахмального завода [1].

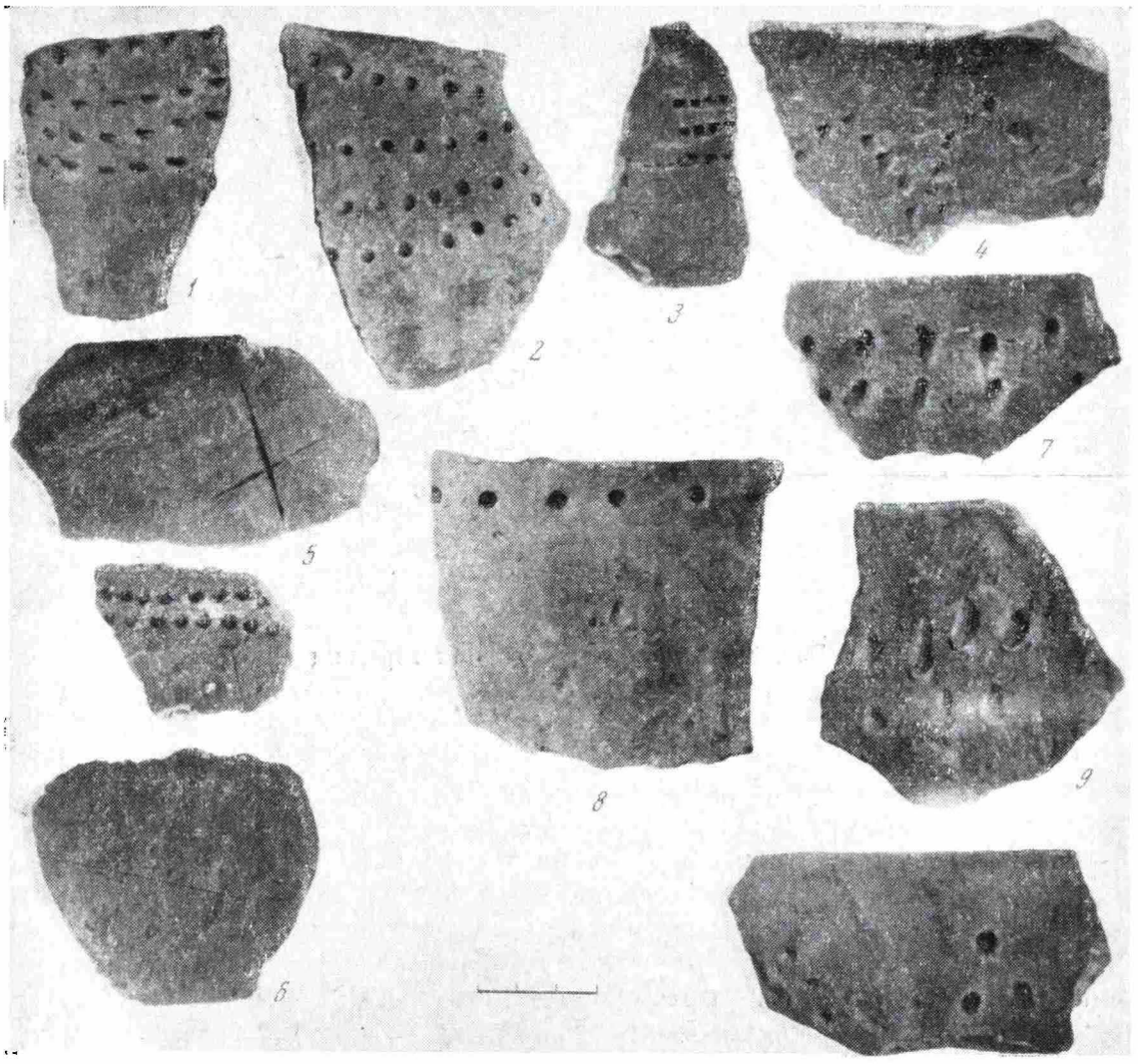


Рис. 2. Керамика юхновских городищ

1, 2 — Южное Долбатово; *3—9* — Куденров Бугор

Найденные здесь глиняные грузила имели форму яйцевидную (без отверстий) и усеченного конуса с продольным углублением или сквозным отверстием в центре. При сквозном отверстии входной диаметр его был в 5 раз больше, чем выходной (рис. 4, *7*). Найдены блоки лепешковидные с одним лишь намеченным углублением сверху. Пряслица — биконические (высота 3 *см*, диаметр канала 7—10 *мм*) и катушковидные (рис. 5, *4*). Обнаружена глиняная полая игрушка в виде колокольчика со сквозным отверстием для подвешивания скоту при выпасе в лесу. Находки глиняных льячек указывают на местное литье. Во всех слоях городища найдены также обломки «рогатых кирпичей» (рис. 4, *10—11*), из каменных поделок на городище найдена зернотерка (рис. 4, *5, 9*) и много каменных круглых пестов. То, что это песты, а не пращевые камни, как полагают некоторые исследователи [2], доказывают сколы, сделанные для удобства их использо-

[1] В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, стр. 318.

[2] П. Д. Либеров. Памятники в бассейне Северного Донца. МИА, 113, 1962, стр. 36—38.

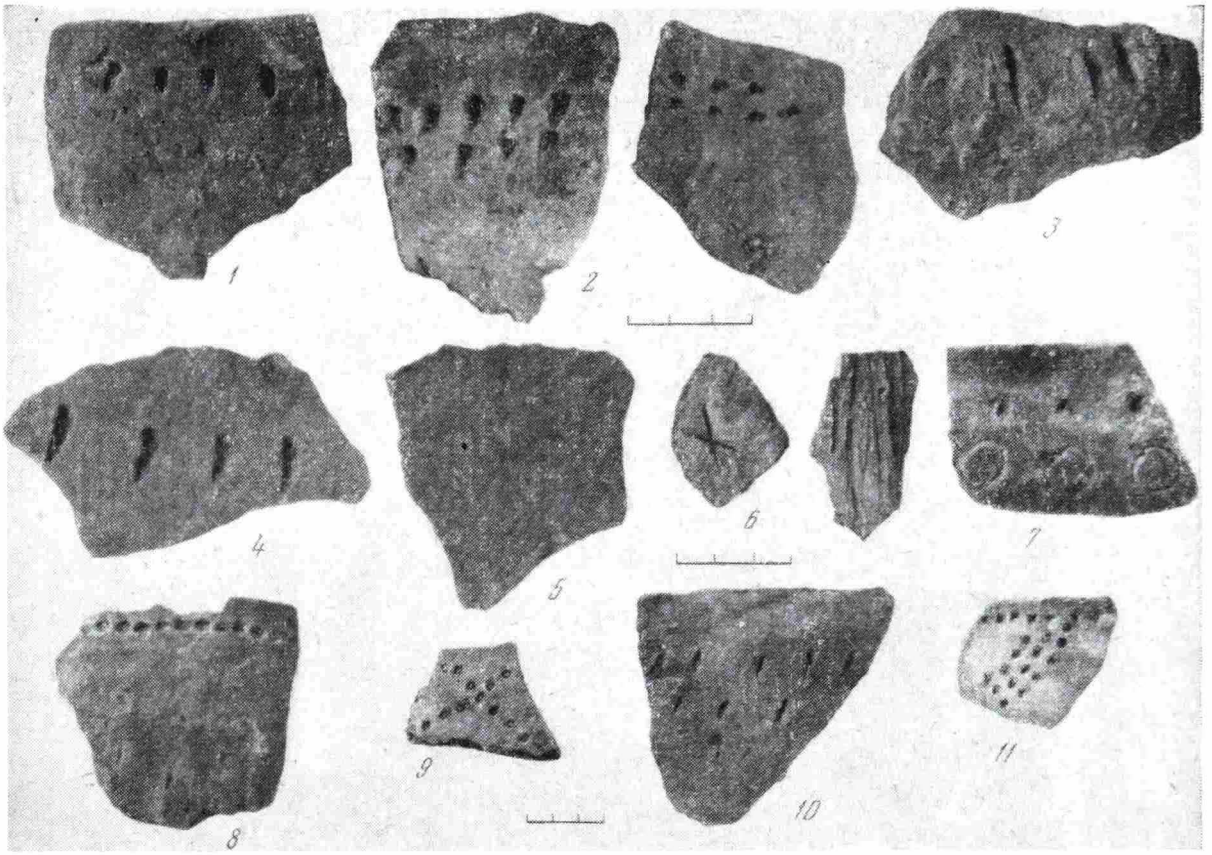


Рис. 3. Керамика юхновских городищ

1—10 — Кудеяров Бугор; *11* — Южное Долбатово

вания, и сработанность с одной или двух сторон. На одном участке находилось до шести таких пестов.

На всей вскрытой площади найдена только одна кость животного (видимо, лося) и одна костяная поделка — псалий из клыка кабана; он обломан, но, судя по размерам и форме, имел три отверстия. На городище найдены два изогнутых ножа (рис. 6, *7*), железный стержень, много кусков болотной руды со следами пребывания в огне, что несомненно связано с выплавкой железа. Жилища были наземными и полуземлянками. Остатки одного из них прослежены в пятом раскопе, где замечено углистое скопление диаметром 0,8 *м*, немного углубленное в землю; здесь же найдены куски глиняной обмазки с отпечатками плашек, обломки блока, «рогатого кирпича» и скопление керамики. В материковом песке выявлены овальные и круглые ямы диаметром от 0,60 до 1,20 *м* с углистым заполнением. Одна из ям (глубина 0,80 *м*, диаметр 0,80 × 1,20 *м*) имела слегка пологие стенки и почти горизонтальное дно. В заполнении ее, состоявшем из золы, угля, пережженных костей и обломков керамики, была найдена бронзовая булавка с конической головкой (длина 147 *мм*, сечение круглое; рис. 6, *5*). Эти ямы являлись очагами наземных жилищ, следы которых в песке не сохранились. Хорошо сохранившееся жилище обнаружено в 36 *м* от восточного края площадки. Оно было прямоугольной формы размером 4,2 — 2,5 × 3,7 — 3,9 *м*, со входом с ССЗ (ширина 0,6—0,7 *м*, длина около 1 *м*). Ориентировка жилища ССЗ—ЮВВ. Стенки его слегка пологие, видимо, были обложены деревом. Заполнение полуземлянки состояло из песка и угольной пыли. Видимо, жилище было сооружено после прокладки канавы и поэтому врезалось в нее, с чем и связано большое количество угля на участке, примыкающем к краю городища. Очага в жилище не прослежено, так же как и столбовых ям. Можно предполагать, что углубленные жилища были несколько более поздними, чем наземные.

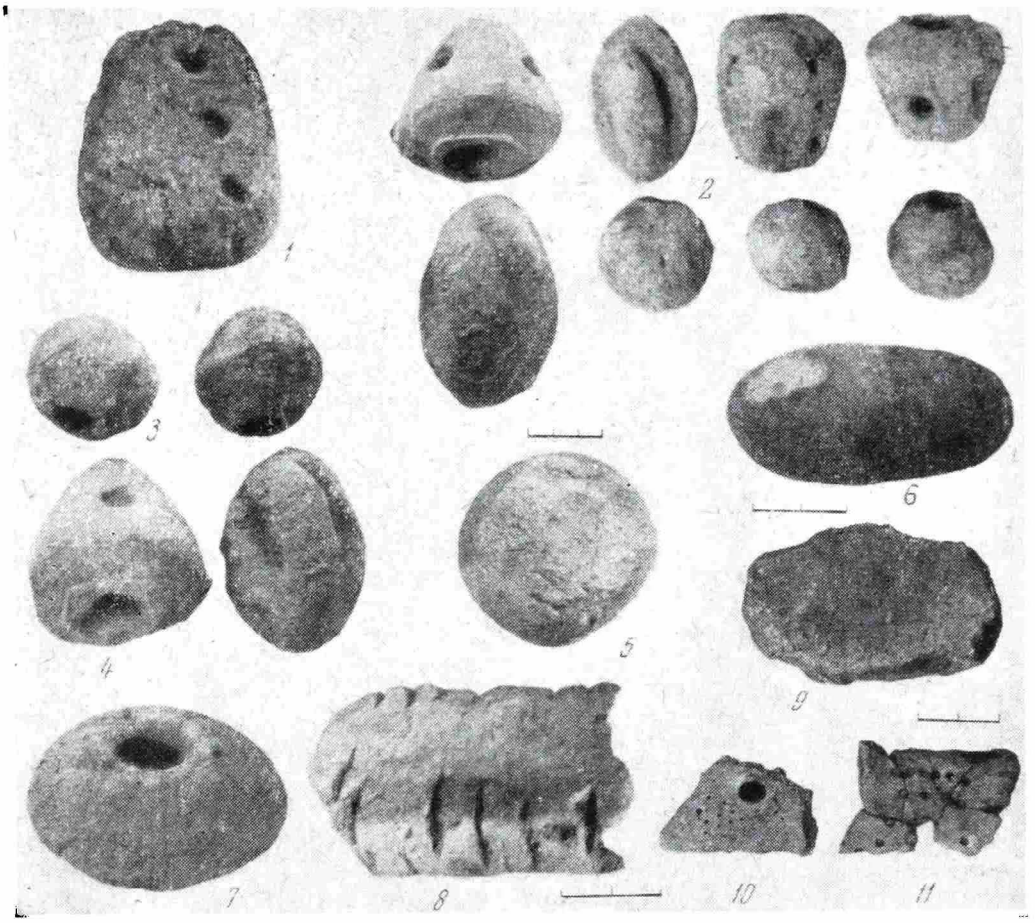


Рис. 4. Глиняные и каменные поделки

1—4, 6, 7 — глиняные грузила и блоки; *5, 9* — каменные терочник и зернотерка; *8* — поделка из глины; *10—11* — обломки «рогатых кирпичей»; *1—4, 8, 10, 11* — Лбище; *5, 6, 7, 9* — Кудеяров Бугор

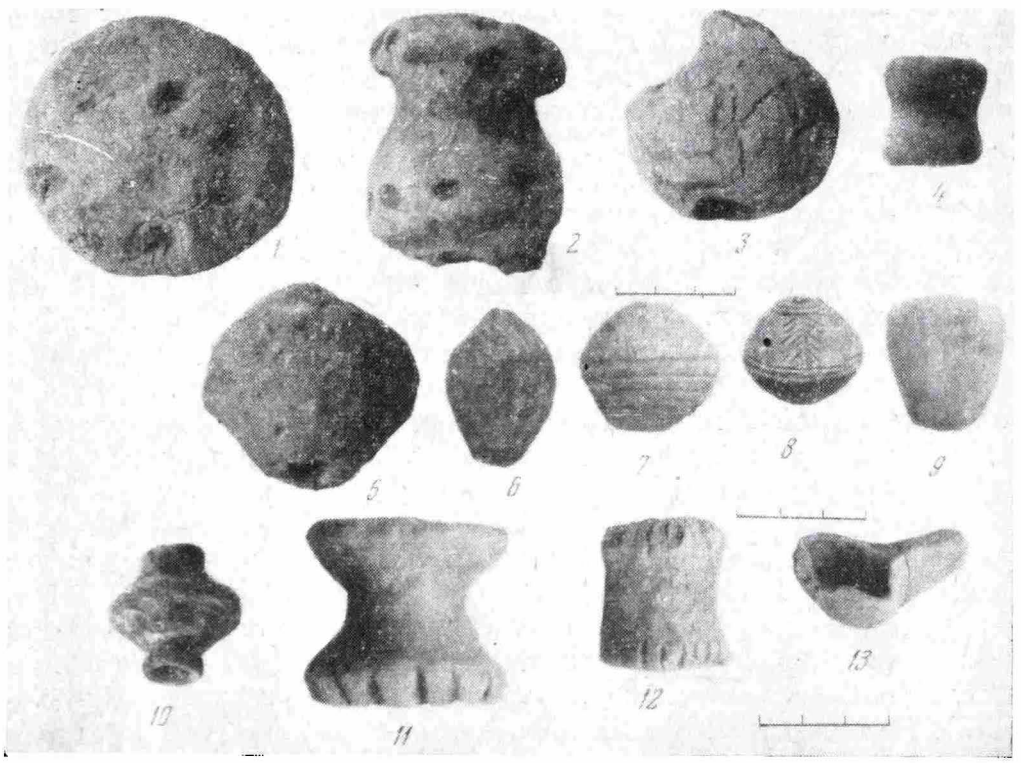


Рис. 5. Глиняные грузики, пряслица и льячка

1—3, 5—10 — Лбище; *11, 12* — Южное Долбатово; *4, 13* — Кудеяров Бугор

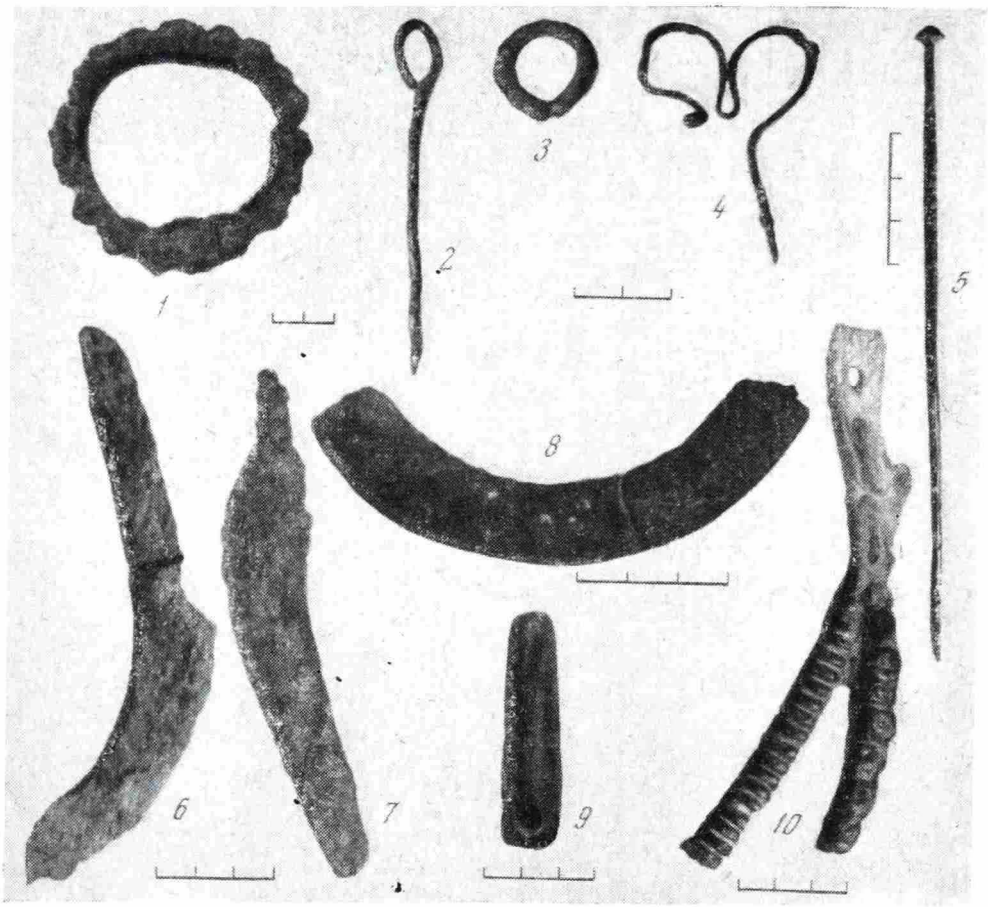


Рис. 6. Металлические изделия с юхновских городищ

1 — бронзовый браслет; *2—5* — булавки; *6* — железный резак; *7* — железный нож; *8* — обломок лигнитового браслета; *10* — обломок шейной гривны (*2—4*, *6*, *10* — Южное Долбатово; *1*, *9* — Лбище; *5*, *7* — Кудеяры)

Несмотря на отсутствие костяных поделок и массового остеологического материала, можно все же предположить, что обитатели городища занимались охотой (находка кости лося), а имитация колокольчика говорит о наличии скотоводства. Но, видимо, основой хозяйства было земледелие, о чем свидетельствует большое количество каменных пестов (терочников) и зернотерка (рис. 4, *9*). Рыболовство еще не играло у юхновцев важной роли, так как кроме описанных выше блоков, которые к рыболовству отнести нельзя, ничего не найдено.

На городище Южное Долбатово было вскрыто 160 *м*^{2}. Памятник находится в километре от с. Долбатово Погарского района Брянской обл.. на отроге широкой поймы р. Бойни, впадающей в р. Судость (рис. 7, *1*). Размер площадки около 2500 *м*^{2}, форма ее овальная. В 200 *м* к северу находится второе городище, называемое Северным Долбатовым[3].

Культурный слой Южного Долбатовского городища мощностью 80 *см* состоит из темной земли, почти не имеет золистых прослоек и слабо насыщен материалом. Керамика здесь с примесью дресвы, реже песка буровато-серого цвета, шероховатая; орнаментирована по шейке и плечикам поясками или зигзагами треугольных ямок в несколько рядов или пальцевыми вдавлениями. Ямки различных форм часто сочетаются с насечками по венчику. Поверхность обработана так же, как на предыдущем памятнике. Венчики сосудов слегка отогнуты, днища с рантиком, диаметром от 5 до 12 *см*, переход стенок в дно иногда немного закруглен (рис. 2, *1, 2*; рис. 3, *11*). Найден фрагмент миски с прямым венчиком и пологими стенками и фрагмент горшка, заглаженного до лощености. На Южном Долбатове значительно меньше посуды с вогнутым венчиком, чем с отогнутым.

[3] Северное Долбатовское городище раскапывалось Л. В. Артишевской.

Большинство обломков имеет вид переходных от вогнутого и прямого венчиков к несколько отогнутому.

Пряслица, найденные здесь, преимущественно биконические и катушковидные (рис. 5, *11, 12*). Из костяных орудий встречены иглы, острие (рис. 8, *6—8*), из железных — изогнутый резак, возможно, использовавшийся при обработке кож (рис. 6, *6*), шило и нож из бронзовых — две

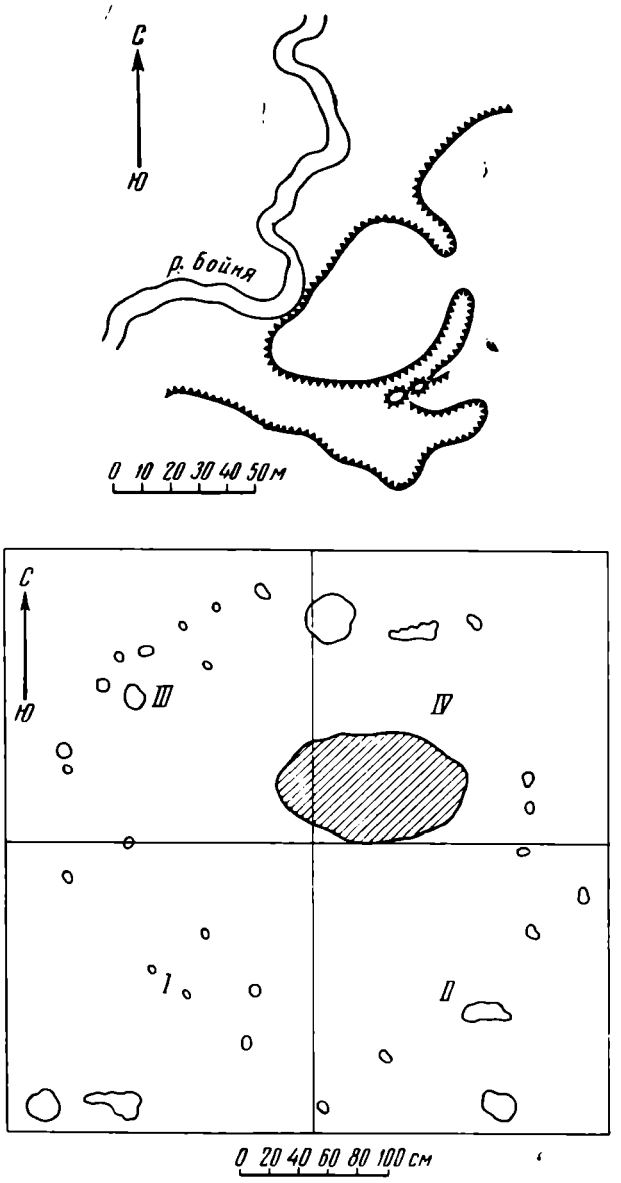


Рис. 7. Южное Долбатовское городище

1 — схематический план; *2* — следы сооружения

булавки с кольцевыми головками, поясное кольцо и обломок шейной гривны (рис. 6, *2—4, 10*). Одна булавка длиной 75 *мм*, сделанная из круглой в сечении проволоки (3 *мм*), с головкой в виде овала с внутренним диаметром 4×7 *мм*, еще не имеет на конце отогнутости, характерной для более позднего времени. Вторая булавка — 67 *мм* длиной, из двухмиллиметровой проволоки, круглой в сечении. Ее головка состоит из двух колец диаметром 15×12 и 14×15 *мм*, одно из которых имеет на конце отогнутость. Аналогии найденной здесь гривне известны на древних городищах Смоленщины[4]. Подобная же гривна найдена на Дьяковском городище[5]. Обломок принадлежит массивной шейной серповидной гривне, состоящей

[4] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 89, 90.

[5] ГИМ, зал 7, витрина 1419.

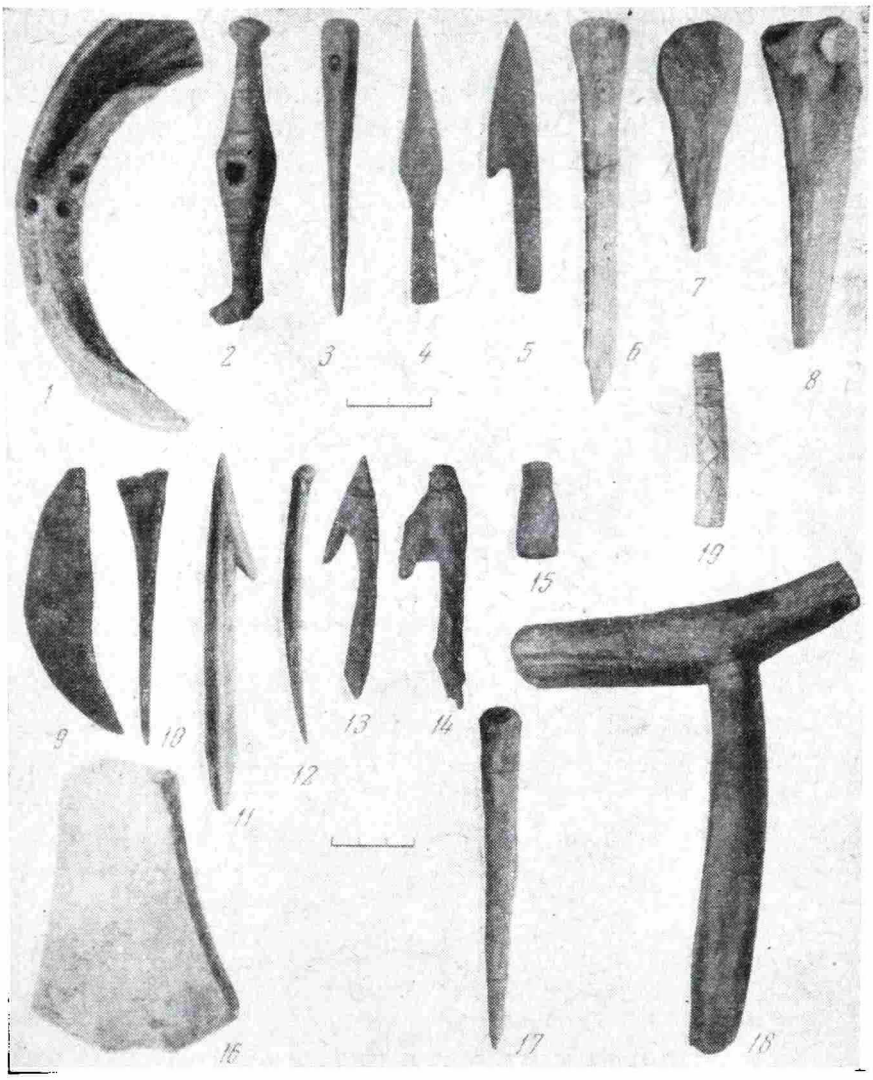


Рис. 8. Поделки из кости

1—5, 9—19 — Лбище; *6—8* — Южное Долбатово

из двух прутьев, сходящихся в одну пластину с отверстием для застежки. Один прут покрыт спиралевидным рифлением, другой — шишечками (рис. 6, *10*).

Из сооружений на Южном Долбатовском городище найдены остатки глинобитных печей, а в одном из раскопов открыты следы небольшого сооружения, состоявшего из двух рядов близко расположенных один к другому столбов, кольцом окружавших овальную впадину размером 1,24 × × 0,74 *м*, глубиной 0,20 *м*, вытянутую с запада на восток (дно вогнутое). Размеры всего сооружения 3,5 × 3,5 *мм*. Возможно, что, как и на городище у дер. Городок, эта постройка имела культовое назначение [6].

В хозяйстве этого городища, так же как и на Кудеярах, рыболовство не играло большой роли, о чем говорит почти полное отсутствие грузил и острий для плетения сетей. Большую роль играло земледелие, о чем говорят находки рукояти мотыги, аналогичной найденной на Лбище (см. ниже), обожженная солома, миниатюрный глиняный «хлебец», зернотерка. На охоту и скотоводство указывает остеологический материал. По определению В. И. Цалкина, костные остатки принадлежат в основном крупному рогатому скоту, лошади, свинье. Из диких животных определены: лисица, бобер, медведь, кабан.

---

[6] П. Н. Третьяков. Городища-святилища Смоленщины. СА, 1958, 4.

Третье городище расположено в урочище Лбище (у дер. Монастырище Трубчевского района), на мысу правого берега Десны, образованном долиной реки и большим оврагом. Высота площадки над поймой 35—40 *м*, к оконечности мыса она несколько понижается (рис. 9). Интересно полное отсутствие фортификационных сооружений и их следов. Городище — однослойное и стратиграфически четкое, занимает 1200 *м*^{2}. В восточной части поселения заложены три раскопа общей площадью 200 *м*^{2}. Верхняя часть культурного слоя в результате распашки перемешана. Культурный слой двухметровой толщины состоит из темно-серой земли с золистыми и углистыми прослойками различных цветов. В двух раскопах обнаружены огром-

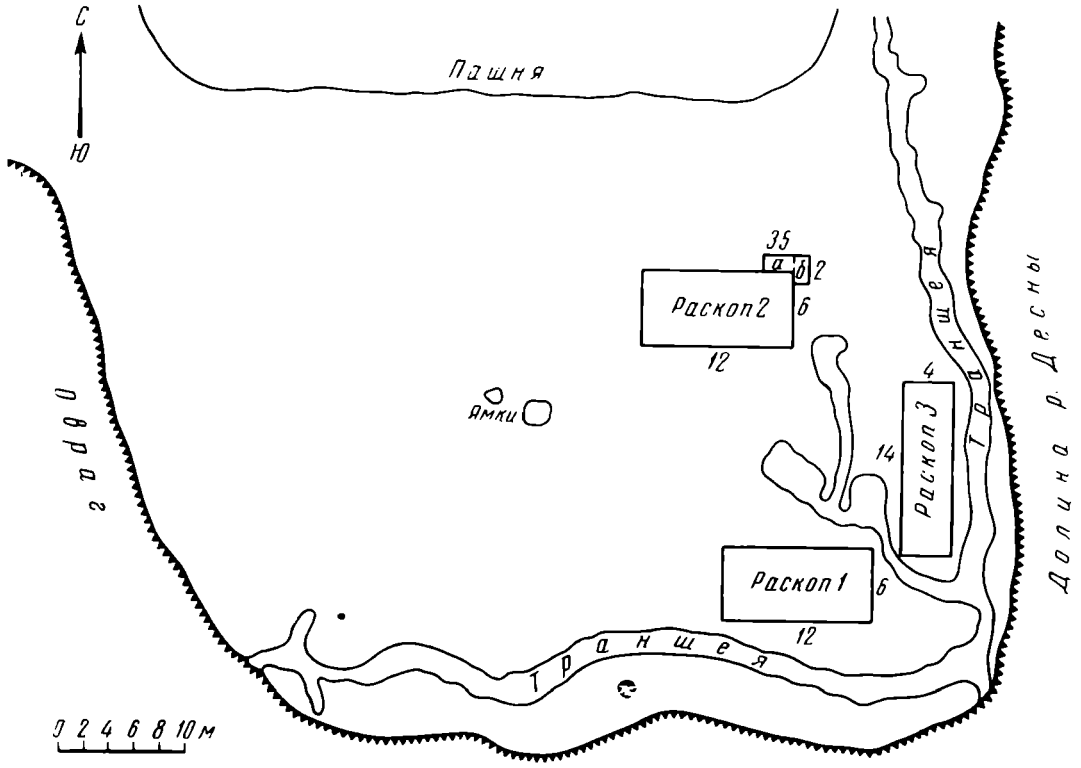


Рис. 9. Схематический план поселения Лбище

ные, достигающие верхушками дневной поверхности, кучи золы, возможно, связанные с очисткой очагов. В золе найдены керамика и орудия труда. Местами скопления золы сильно прокалены; они напоминают зольники, хорошо известные в археологической литературе.

В слое поселения найдено много кусков глиняной стенной обмазки с отпечатками как ветвей, так бревнышек и плах, столбовые ямы, слой золы с очагами. Все это говорит о наземных жилищах, что отмечено исследователями на ряде юхновских городищ. Одна из построек занимала, видимо, большую площадь (вскрыто лишь 28 *м*^{2}), крыша ее опиралась на столбы, располагавшиеся группами по 3—4. Назначение этой постройки до полных раскопок установить нельзя. У оконечности мыса было отмечено углубление в материке (около 0,40 *м*), уходившее в стену раскопа. В заполнении слоя встречен древесный тлен. Видимо, это тоже остатки какого-то сооружения.

Очаги, как правило, состояли из кусков мергеля и имели округлую форму. В верхнем горизонте культурного слоя встречены остатки глинобитной печи; в ней находился раздавленный горшок и обломок «рогатого кирпича».

Сосуды — обычных юхновских форм с узким дном и широким горлом, слабо отогнутым или, реже, прямым венчиком. Встречены горшки тоже с узким дном, но не расширяющиеся, а сужающиеся к горлу.

Этот тип посуды преобладает в нижних горизонтах. Керамика в большинстве своем из грубой, рыхлой глины, с шероховатой поверхностью,

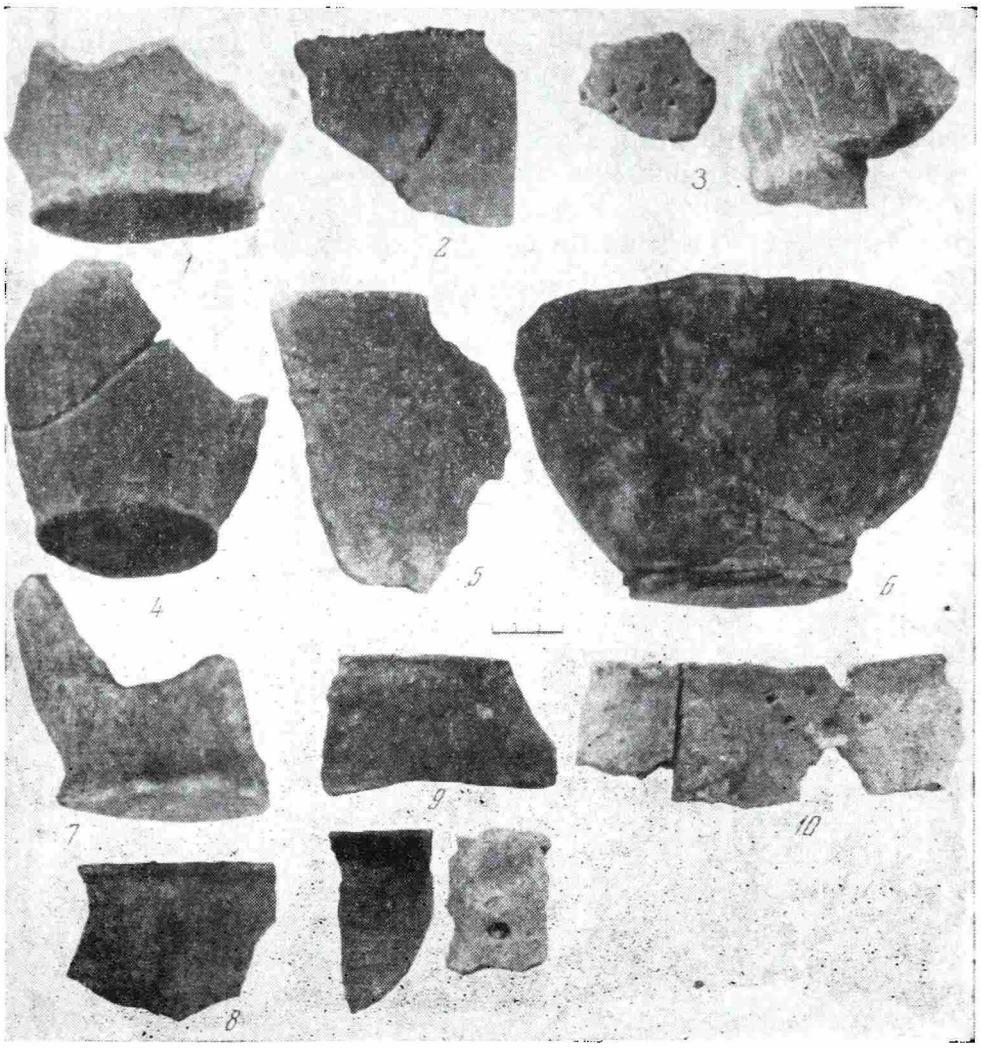


Рис. 10. Керамика с поселения Лбище

слабого обжига, с примесью шамота, реже, только в верхних горизонтах — дресвы. В нижних горизонтах керамика преимущественно без орнамента, и только по обрезу венчика нанесены насечки и защипы, иногда в стенках просверлены отверстия. В верхних горизонтах встречаются обломки больших, хорошо сделанных сосудов с защипами по венчику и ямками на границе шейки и плечиков, а ниже появляются сосуды, орнаментированные треугольниками и поясками из ямок. Поверхность сосудов как бы «обстругана». В глине кроме шамота — примесь дресвы. Это так называемая типичная «юхновская» керамика (рис. 10, *3, 10*).

В верхнем горизонте найдены фрагменты лепной лощеной посуды зарубинецкого типа (рис. 10, *6*), что, очевидно, объясняется общением с соседними племенами, так как на Лбище зарубинецкого слоя нет и находки такой керамики единичны.

На поселении найдено много рыболовных грузил с отверстиями и глиняных блоков без отверстий различных форм, маленьких глиняных шариков, обломков «рогатых кирпичей». Овальные блоки встречаются преимущественно в нижних слоях, а усеченно-конические — в верхних. Одно из грузил и один блок имели глубокие бороздки для веревки, так же как и три поделки из глины имели «перехваты» (рис. 4, *1—4, 8*; рис. 5, *2, 3*).

Из пряслиц разнообразной формы первое место занимают биконические. Все они имеют узкое отверстие — 3—6 *мм* (рис. 5, *5—10*). Здесь же найдена глиняная лепешка с пальцевыми вмятинами (рис. 5, *1*).

Из костяных орудий интересна спица из кости с заполированным от соприкосновения с нитями концом. Другие орудия из кости широко

представлены остриями для плетения сетей, шильями, иглами, стругами из плюсневых костей лошади, одношипными и ромбическими наконечниками стрел, двумя гарпунами, рукоятями ножа и кинжала, амулетом-привеской из зуба медведя, трубочками (возможно, игольниками), манком и миниатюрным сосудиком. Кроме того, найдены незаконченный клиновидный топор и несколько мотыг из рога лося (рис. 8, *3—5, 9—19*). С конским убором связана костяная поделка с отверстием в центре, концы ее в виде стилизованной головки и копытца лошади. Подобная, но не орнаментированная поделка с Юхновского городища хранится в ГИМ'е [7] (рис. 8, *2*). Подобные предметы известны в венгерских древностях позднего Гальштата, в Польше, на Дунае и Кавказе, но там они значительно моложе. Обработка кости на Лбище значительно лучше, чем на других памятниках. Особенно она совершенствуется на среднем этапе жизни городища, о чем свидетельствует великолепно сделанная мотыга с рукоятью из рога лося (рис. 8, *18*).

Из каменных изделий найдены оселок с круглой дырочкой для подвешивания и абразивный инструмент для заточки шильев и игл. Здесь же, в нижнем горизонте культурного слоя, найдены и деревянные орудия — три полуразрушенных шлифовальных метательных острия-наконечника.

Особенно много на городище металлических изделий. Из железных поделок найдены: изогнутый нож, режущее острие, стержни, булавки с кольцевидной головкой (тип, распространенный в юхновских, верхнеднепровских и прибалтийских памятниках), скоба (напоминающая скобу из Каменского городища [8]), массивный рубчатый браслет, покрытый бронзой (аналогичный браслету из Тушемли [9]) (рис. 6, *1*).

Из бронзовых находок некоторые имеют местное происхождение, на что указывают литейные формочки и встреченные в раскопе пятна окиси меди. Найдены бронзовая булавка с насаженным колпачком, два обломка браслетов (один из них имеет утолщения на внешней стороне и принадлежит, как и железный, к латенским украшениям), трехгранный втульчатый наконечник стрелы и два звена цепи из бронзовой граненой перекрученной для упругости проволоки для подвешивания котла.

Чрезвычайно интересна находка двух обломков лигнитового обруча (рис. 6, *8, 9*). Подобные обручи принадлежат кельтам [10].

Обилие костей домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади), среди которых преобладают кости крупных мясных особей, большое количество стругов, железный инструмент, предназначенный для обработки кож,— все это указывает на довольно развитое скотоводство. Лошадь, являясь мясным животным, использовалась для верховой езды, о чем говорят находки деталей узды.

Предметом охоты являлись крупные дикие животные — лось, медведь, кабан, мелкие — косуля и пушные — лисица, бобер. Несмотря на обилие рыболовных орудий, в слое Лбища почти отсутствуют скопления рыбьих костей, характерные для некоторых юхновских городищ.

О том, что население городища занималось земледелием уже в древнейшую эпоху существования поселка, говорит находка в нижних штыках мотыги, искусно сделанной из рога лося, с отточенным лезвием и шлифованной рукоятью. Это же подтверждают и найденные здесь зернотерки, терочники, мотыги, глиняная поделка, имитирующая хлебец, и масса обгоревшего проса в очаге. Материалы Лбища указывают на торгово-обменные связи юхонцев не только с племенами, обитавшими в то время в южных районах страны, но и с народами Средней Европы. Торговый обмен лбищенцев имел свои локальные особенности и стимулировал продуктивное

---

[7] ГИМ, зал 5, витрина № 94.

[8] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1957, табл. 1, *12*.

[9] Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей в Восточной Европе. СА, 1959, 1, рис. 2, *23*.

[10] J. Filip. Koltové ve střední Evropě. Praha, 1956.

скотоводство, добычу пушнины и в какой-то мере рыболовство. Возможно, что с этим связано отсутствие в слое массы рыбных отходов, так как рыба могла идти преимущественно на нужды сбыта в сушеном и вяленом виде.

На Лбище нет валов, но ближе к надречному краю площадки замечены коричневые прослойки с остатками ветвей. Возможно, что площадка окружалась плетнями.

Два других неукрепленных юхновских поселения находятся в 7 *км* от Лбища, против северной окраины с. Арельска, на левом пойменном берегу Десны, в 200 *м* одно от другого. Они аналогичны по находкам, топографии и стратиграфии. Результаты изучения большего из них опубликованы [11]. Материалы этих поселений идентичны материалам Лбища.

Описанные памятники хорошо датируются благодаря их четкой стратиграфии и находкам вещей.

Нижний горизонт культурного слоя Кудеяр датируется булавкой с конической головкой [12] и обломком псалия VI в. до н. э. Подобные булавки распространены в памятниках скифского времени в VI и даже VII вв. до н. э. [13].

Роговые псалии с тремя отверстиями, распространенные на левобережье и правобережье Днепра (например, урочище Галущино на Киевщине [14]), тоже относятся к архаической поре скифской культуры, что еще раз подтверждает датировку нижнего горизонта VI в. до н. э. Для этого горизонта характерна и более архаичная керамика с орнаментом, состоящая из широкогорлых горшков с вогнутой или прямой шейкой, несколько напоминающая посуду из местных памятников эпохи бронзы. Появление в верхнем горизонте еще в небольшом количестве более позднего типа керамики (датируемой на Лбище IV—III вв. до н. э.) позволяет датировать это городище VI—V вв. до н. э. Надо отметить на нем отсутствие золистых прослоек, что, возможно, объясняется кратковременностью его существования.

Южное Долбатовское городище по времени несколько более позднее, чем Кудеяры, и хотя бронзовая булавка, найденная на нем, принадлежит к раннему типу VI—V вв. до н. э., небольшое количество ранней керамики (аналогичной Кудеярам) позволяет отнести его нижние горизонты к V—IV вв. до н. э., а верхние — к последним векам I тысячелетия до н. э., за что говорят находки бронзовой булавки с усложенной кольцевидной головкой и обломок грузика «дьякова типа».

Нижний горизонт Лбища (глубина 1,25 *м*) датируется бронзовым трехгранным втульчатым наконечником стрелы IV—III вв. до н. э., чему не противоречат находки здесь браслетов латенского типа. Керамика этого горизонта с шамотом и, в основном, еще без орнамента. Верхний горизонт хорошо датируется находкой лигнитового обруча, которые, как известно, производились кельтами в Чехии с конца III в. до н. э. и были широко распространены во II—I вв. до н. э. [15]. Обломки такого обруча найдены в среднем горизонте культурного слоя, поэтому поздний этап в истории Лбища приходится на первые века нашей эры, что подтверждают находки здесь остроребериых мисок так называемого зарубинецкого типа, анало-

---

[11] А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. СА, 1960, 2, стр. 241—246.

[12] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, рис. 8, *12*; И. К. Свешников. Поселения раннескифского времени у с. Сухостав Тернопольской области. Археология, XI, Киев, 1957, табл. I; ДП, 2, Киев, 1889, табл. XIV, *244*; 3, Киев, 1900, табл. XLIV; А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, 1, СПб., 1887, табл. IX *14*, *18*.

[13] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. ВССА. М., 1954.

[14] И. К. Свешников. Ук. соч., стр. 114; ДП, 3, XXXII, *513*.

[15] J. Filip. Ук. соч.

гичных почепским[16], датирующимся железными фибулами II—III вв.[17]. В этом же горизонте найдена и железная булавка с кольцевой головкой, временем бытования которой является конец 1 тысячелетия до н. э.— начало 1 тысячелетия н. э.[18]. Керамика здесь с орнаментом и без него, чаще с шамотом, чем с дресвой.

Как видно из материалов раскопок, как для ранней, так и для поздней юхновской культуры характерна керамика с примесью шамота, дресвы, кварца и песка. И вместе с тем, на двух одинаковых по времени городищах этой культуры может бытовать керамика с разными признаками. Например, древнейшая керамика на городище Кудеяров Бугор орнаментирована, а на других юхновских городищах в нижних слоях, наоборот, преобладает керамика без орнамента. Эти особенности связаны с локальными чертами, присущими ряду юхновских городищ.

Самым неясным в юхновской культуре является вопрос об ее этногенезе. По этому поводу в литературе существуют самые различные мнения. Например, Е. И. Горюнова доказательством «связи юхновской культуры с культурой городищ дьякова типа» считает находку на Торфеле грузика этой культуры[19], но, как известно, таких грузиков на юхновских памятниках буквально единицы, а вместе с тем, они распространены и на памятниках других археологических культур. Несмотря даже на находки в бассейне Десны сетчатой керамики[20], вопрос об этнической связи юхновцев с финно-угорскими племенами требует серьезной проверки.

В. И. Ильинская связывает юхновскую культуру с бондарихинской[21] на основании якобы имеющейся близости форм и орнамента керамики. Но, как нам кажется, такие выводы преждевременны, так как ранняя юхновская керамика не совпадает с бондарихинской, а все приводимые В. И. Ильинской параллели могут быть отнесены лишь к поздней юхновской керамике, что никак не помогает выяснению этнических истоков культуры.

Х. А. Моора считает обитателей юхновских городищ выходцами из Прибалтики[22].

Очень интересны кузиногорские материалы[23] с Сейма. Несомненно, что юхновцы пришли с Десны на Сейм (и то только в IV—III вв. до н. э.), а не наоборот, так как керамика нижнего слоя Кузиной горы не имеет отношения к юхновской, являясь, видимо, каким-то вариантом скифской (с проколами, горошинами и т. п.). Интересны памятники поздней бронзы, открытые на Десне Ф. М. Заверняевым[24], но раннеюхновская керамика отличается от посуды этих поселений своей формой.

Доводы В. П. Левенка, который связывает юхновскую культуру с чернолесской[25], мы считаем неубедительными, так как на юхновских памятниках ни одного «тюльпановидного горшка» с налепным валиком найдено не было, ранняя юхновская керамика слишком далека от чернолесской, а судить о культуре и тем более этнических связях по составу стада, роли скотоводства, «роговым мотыгам» и т. п. признакам, как это делает автор,

---

[16] Ф. М. Заверняев. Селища бассейна р. Судости. СА, 1960, 3, стр. 84—85; его же. Почепское селище первых веков нашей эры. СА, 1960, 4, стр. 185.

[17] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 134—135, рис. 70.

[18] Там же, стр. 88, 171.

[19] Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 149.

[20] М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 72.

[21] В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, 70, 1957, стр. 23.

[22] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1959, 2, стр. 25.

[23] А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья. МИА, 113, стр. 112.

[24] Ф. М. Заверняев. Поселения эпохи бронзы на Десне. КСИА, 10, 1960, стр. 68—69.

[25] В. П. Левенок. Юхновская культура. СА, 1963, 3, стр. 80.

по меньшей мере, рискованно[26]. Но мы не ставим здесь цели разбора статьи В. П. Левенка, требующей специального рассмотрения.

Неясность вопроса о генезисе юхновской культуры является результатом неизученности как поселений ее круга, так и памятников эпохи бронзы бассейна Десны.

В течение ряда последних лет нам удалось раскопать несколько курганов по погребальному обряду и находкам оружия, очень близких позднесрубным[27], а также произвести раскопки стоянки Холм и разведки на других поселениях эпохи бронзы и обнаружить керамику, близкую позднесрубной, в которой можно проследить известную схожесть с раннеюхновской посудой. Поэтому дальнейшие исследования юхновских городищ должны вестись одновременно с исследованием стоянок поздней бронзы Средней Десны.

[26] Там же, стр. 80—82.

[27] В. А. Падин. Курганы эпохи бронзы около Трубчевска. СА, 1963, 1, стр. 242.

С. П. ТОЛСТОВ, М. А. ИТИНА

САКИ НИЗОВЬЕВ СЫР-ДАРЬИ

(По материалам Тагискена)

Одной из центральных проблем, разрабатываемых за последние годы Хорезмской экспедицией, является проблема истории степных племен периферии Хорезма. Историю хорезмийской культуры в древности и в средневековье нельзя полностью понять без учета роли этих племен в ее формировании и развитии. Мы не говорим уже о различных периодах средневековья, на протяжении которых связи между Хорезмом и степными племенами получили широкое отражение в письменных источниках и где археологический материал призван заполнить конкретным содержанием сведения средневековых авторов, как правило, носящие односторонний характер. Для античного периода сведения письменных источников крайне недостаточны и противоречивы, но все же эти скудные данные позволяют прийти к заключению о крупной роли степных племен в истории Хорезма и в этот период. Достаточно напомнить свидетельство Страбона о том, что хорезмийцы являются одним из массагетских племен [1]. Однако хорезмийским аспектом эта проблема далеко не исчерпывается. Среднеазиатские скифские племена, в том числе и те, которые обитали на периферии Хорезмского государства, играли, по свидетельству тех же античных авторов, выдающуюся роль в древней истории ряда стран, в первую очередь Ирана и Индии. Кроме того, есть серьезные основания, подтвержденные свидетельством такого важного информатора, как Геродот [2], искать в степях Средней Азии, в бассейне нижней Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи одну из областей формирования и расселения сакских (скифских) племен. Однако до недавнего времени археологическое изучение памятников скифского периода не затрагивало территорию степей Приаральского Двуречья, здесь оставалось обширное неисследованное пространство, изучение памятников которого сулило возможность решения ряда темных и спорных вопросов истории скифо-сарматских племен.

Исследования последних лет показали, что история скифских и савроматских степных племен, равно как и история древнего населения степей Казахстана и Южной Сибири первой половины I тысячелетия до н. э., не может быть понята до конца без учета той большой роли, которую играли в ней сако-массагетские племена Средней Азии.

Работы Хорезмской экспедиции в течение последних пяти-шести лет ввели в научный оборот материал, который все более заполняет эту лакуну [3] и позволяет нам наметить пути решения более широких проблем

[1] Страбон, XI, 8, 8.

[2] Геродот, IV, 11.

[3] См., например: С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. МХЭ, 4, М., 1960, стр. 15—62; С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, 6, ч. 1, М., 1963, стр. 32—77; С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм. СЭ, 1961, 4, стр. 114—146; его же. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи. СА, 1962, 4, стр. 124—148; его же. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, 2, стр. 23—46; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 136—204, библиография в подстрочных примечаниях.

истории скифо-сарматского мира, в частности одного из важнейших вопросов этой истории — вопроса о происхождении скифской культуры.

Основным объектом исследований явились могильники Уйгарак (начальник отряда О. А. Вишневская) и Тагискен (начальник отряда М. А. Итина), расположенные на одном из древнейших южных протоков сыр-дарьинской дельты — Инкар-Дарье (Кзыл-Ординская обл., Казахская ССР).

Могильник Тагискен (рис. 1) представляет особый интерес, так как дает нам два разновременных, но вместе с тем хронологически увязывающихся между собой комплекса. Во-первых, это некрополь эпохи поздней бронзы, датируемый IX—VIII вв. до н. э., с возможными небольшими отклонениями в обе стороны[4]. Здесь в больших мавзолеях, построенных из прямоугольных сырцовых кирпичей, дерева и камыша, в основе планировки которых лежал круг, покоились вожди племени. К мавзолеям пристроены прямоугольные кирпичные ограды, где были похоронены родственники и приближенные покойного. В мавзолеях совершался обряд трупосожжения. Чрезвычайно богатый погребальный инвентарь, от которого до нашего времени дошла главным образом посуда, так как основная масса вещей была расхищена еще в древности, демонстрирует наличие в культуре населения, хоронившего здесь своих покойников, двух компонентов. Это, с одной стороны, местный компонент, аналогии которому мы находим в дандыбаевско-бегазинских комплексах Центрального Казахстана и в котором отчетливо проступает андроновская струя. С другой стороны, мы встречаем здесь посуду, сделанную на гончарном круге. Ее формы и отделка поверхности ведут нас на юг, в область распространения земледельческих культур. К этому следует добавить, что прием сооружения мавзолеев из сырцового кирпича тоже мог быть принесен сюда только с юга, где он широко применялся в строительстве с глубокой древности, причем, как известно, господствовали именно прямоугольные стандарты. Происхождение этого второго компонента для нас пока не совсем ясно.

Здесь же на плато Тагискен, южнее мавзолеев, расположен сакский курганный могильник. Эта южная тагискенская группа, в свою очередь, разделена небольшой ложбиной, шириной около 100 *м*, на два комплекса. Первый из них, ближайший к мавзолеям, содержит 9 курганов, из которых 8 нами раскопаны. Второй, самый южный комплекс содержит 27 курганов, из них мы раскопали 26. В целом сакский могильник датируется VII—V вв. до н. э., причем курганы V в. до н. э. группируются в самой южной его части, а более древние расположены в северном конце, ближе к древним мавзолеям.

Всего на Тагискене раскопано 38 сакских курганов (4 кургана расположены на территории древнего некрополя), а на Уйгараке — 50.

Уйгаракские курганы, находящиеся в 30 *км* к востоку от Тагискена, датируются в основном VII—VI вв. до н. э. и дают материал, сходный с тагискенским.

Анализ конструкций и ритуала сакских погребений Тагискена с привлечением соответствующих материалов более древнего тагискенского комплекса не только даст нам возможность проследить историю племен, населявших южную часть сыр-дарьинской дельты на протяжении довольно длительного времени, но и наметить возможные пути сложения культуры сакских племен на данной территории.

Погребения VI, а нередко и VII—VI вв. до н. э. на Южном Тагискене представлены двумя типами.

Основную массу захоронений составляют грунтовые погребения в подпрямоугольных могильных ямах площадью 2,5 — 3 × 2 — 2,5 $м^2$, глубиной 2 *м*, ориентированных в большинстве случаев по оси В-З или ВСВ-ЗЮЗ.

[4] О тагискенском некрополе см.: С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований..., стр. 127—136; его же. По древним дельтам..., стр. 80—86; С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Ук. соч., стр. 36—47.

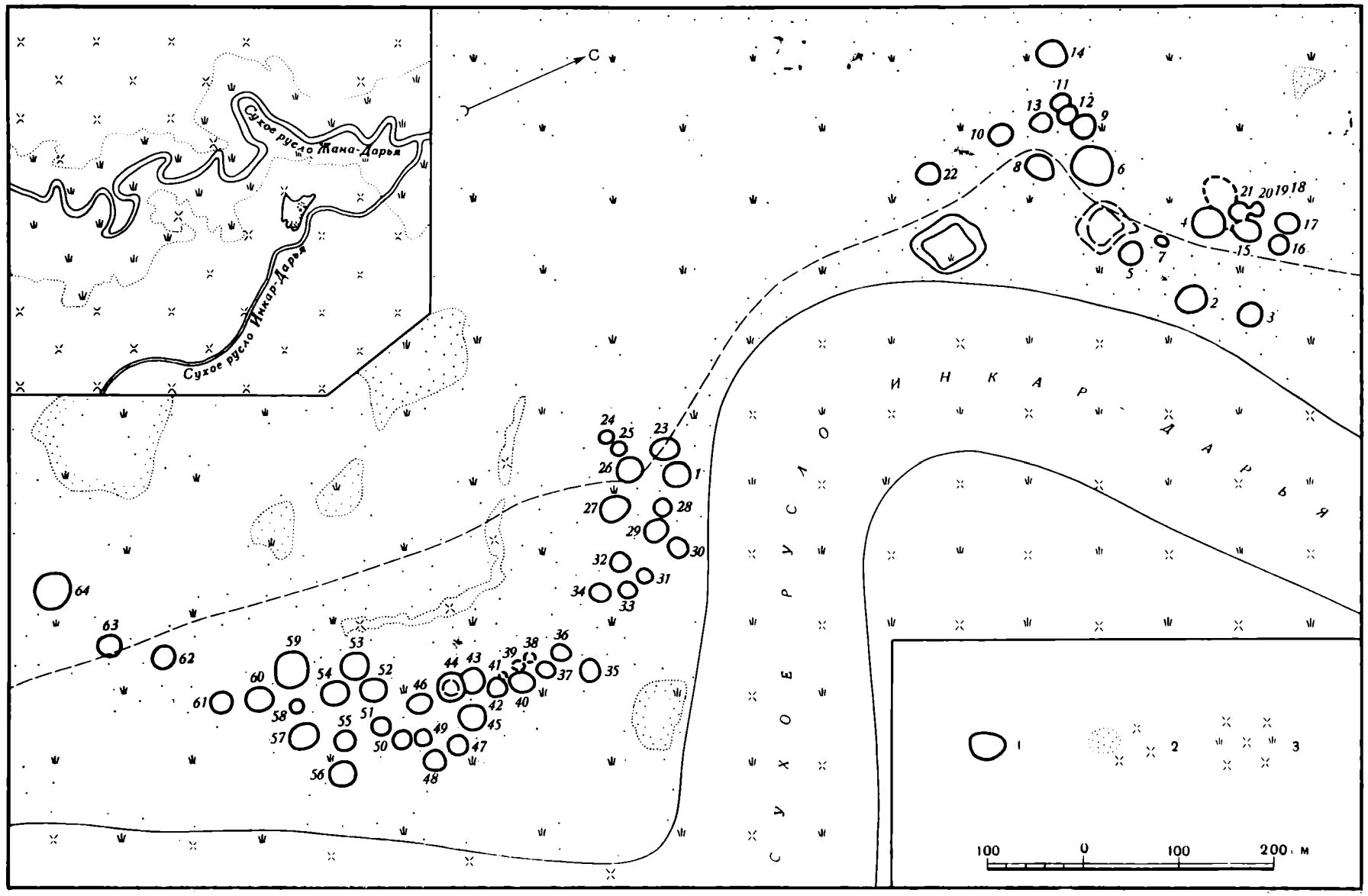


Рис. 1. Могильник Тагискен. План.

1 — курганы; *2* — пески и такыры; *3* — заросшие такыры

Погребальная яма была перекрыта параллельно ее коротким сторонам деревянными балками, диаметр которых достигал 20 *см*; в одном случае как будто бы удалось проследить два ряда балок, лежащих один над другим. Поверх этой конструкции настилали слой камыша или мелких сучьев. Камышом устилалась и древняя дневная поверхность вокруг ямы, примерно в радиусе 2—5 *м*. Затем насыпался курган диаметром, в среднем равным 15—20 *м*, иногда он достигал 30 *м*. Максимально сохранившаяся высота курганных насыпей — 1,5 *м*. В ряде случаев поверх перекрытия насыпался слой земли толщиной в 30—40 *см*, затем накладывался еще слой камыша и уже только после этого воздвигался курган. Иногда мы находили балки перекрытия обугленными целиком, иногда частично, а иногда погребение не имело никаких следов огня. Видимо, ритуал трупосожжения, наблюдавшийся в эпоху поздней бронзы на Тагискене, сохранился здесь уже в виде отдаленных реминисценций. Если до насыпки кургана перекрытие и поджигали, то его немедленно заваливали землей, что в большинстве случаев приводило к его неполному сгоранию, и во всех случаях огонь совершенно не затрагивал погребенного.

По углам могильной ямы в большинстве случаев выявляются небольшие ямки, чрезвычайно похожие на столбовые. В некоторых погребениях вдоль стен ямы выкопана канавка, покойник лежал как бы на земляном «столе». При этом ямки по углам могилы иногда отсутствуют. Наличие такого «стола» заставляет нас вспомнить мавзолеи Северного Тагискена, где эта конструкция была уже известна [5].

Покойника клали вытянуто на спине на подстилку из тростника, камыша или деревянных жердей, переплетенных камышом и травой; иногда погребенный покрывался камышовой циновкой. Ориентированы покойники всегда головой на запад с отклонением на юго-запад, реже на северо-запад. Сохранение западной ориентировки — тоже связующее звено с древними тагискенскими захоронениями.

В угловых ямах, как правило, остатков столбов мы не встречали. В ряде случаев в них находились предметы погребального инвентаря, а подстилка из дерева и камыша, на которой лежал покойник, часто перекрывала эти ямы. Может быть, они служили для столбов паланкина, воздвигаемого над покойником во время совершения погребального ритуала, но скорее всего они существовали уже чисто традиционно, не используясь по назначению. Напомним, что в мавзолеях на Северном Тагискене деревянные столбовые конструкции играли большую роль, а в наличии культурной преемственности между этими памятниками и описываемыми мы будем иметь возможность убедиться еще не раз. В этой связи большой интерес представляют погребения, датируемые тем же временем, но относящиеся к другому типу. Большинство их найдено на Уйгараке. На Тагискене обнаружено лишь три таких погребения, и все они расположены в средней группе. Эти погребения были совершены не в грунтовой яме, а на дневной поверхности, причем покойник был окружен кольцом (иногда двойным) столбовых ям. На Тагискене это кольцо одинарное, причем оно имеет несколько вытянутую форму, а внутри него четыре более крупные столбовые ямы образовали прямоугольник, в центре которого лежал покойник и сопровождающий его инвентарь (рис. 2).

Надо думать, что здесь над покойником возводилось наземное деревянное сооружение, тем более, что в погр. № 23 нам удалось обнаружить остатки деревянных столбов в ямках, расположенных вокруг погребенного. Дневная поверхность вокруг такого шалаша устилалась камышом, а сверху насыпался курган, высота которого теперь обычно не превышает 0,5 *м*. Эта конструкция, если не принимать во внимание круглую кирпичную стену, прямо напоминает мавзолей № 5в на Северном Тагискене.

---

[5] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Ук. соч., рис. 14*а*, мавзолеи 5в и 6.

Рис. 2. Могильник Тагискен. Кург. № 30

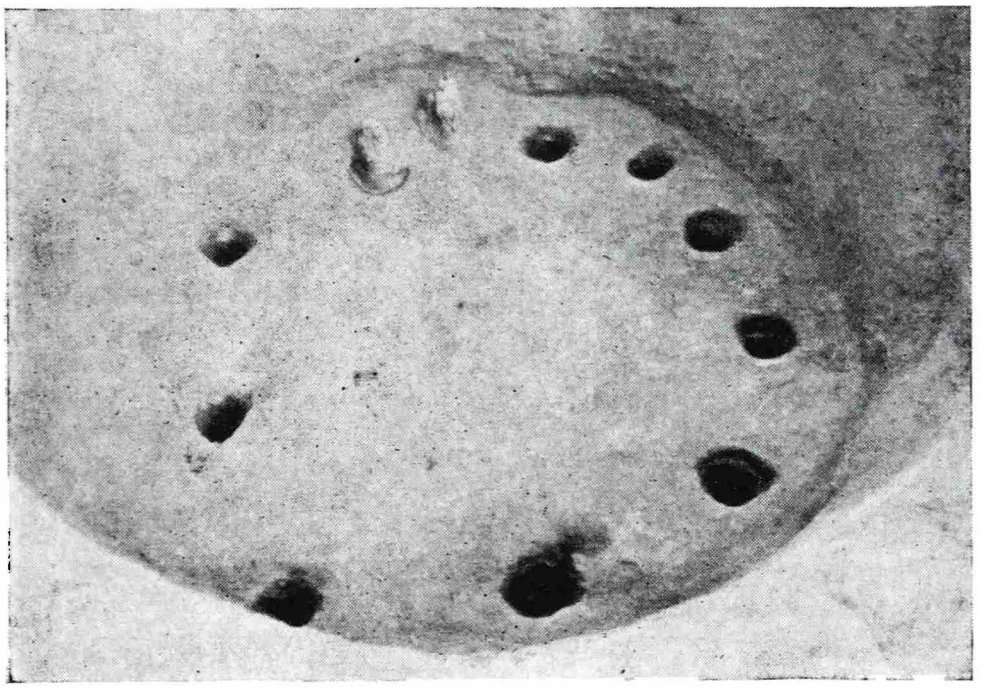


Рис. 3. Могильник Тагискен. Кург. № 42. Могильная яма

Кроме того, здесь также при совершении погребального обряда в ряде случаев какую-то роль играет огонь, а в погр. № 23 можно даже предполагать трупосожжение.

Любопытно, что связь со столбовыми конструкциями древнего Тагискена обнаруживается и в погребениях грунтовых ям.

Погребение № 42 резко выделяется среди окружающих могил (рис. 3). Яма вырыта в грунте и имеет глубину 1,55 *м*. Она круглая (диаметр 2,75 *м*), и вдоль ее стен, по кругу, расположено 10 ямок, в которых были обнаружены остатки деревянных столбов. При столь небольшом диаметре ямы ее плоское деревянное перекрытие совершенно не нуждалось в столбовой опоре. Можно предположить, что эти столбы были опорой цилиндроконического перекрытия, а если к этому еще добавить наличие в погре-

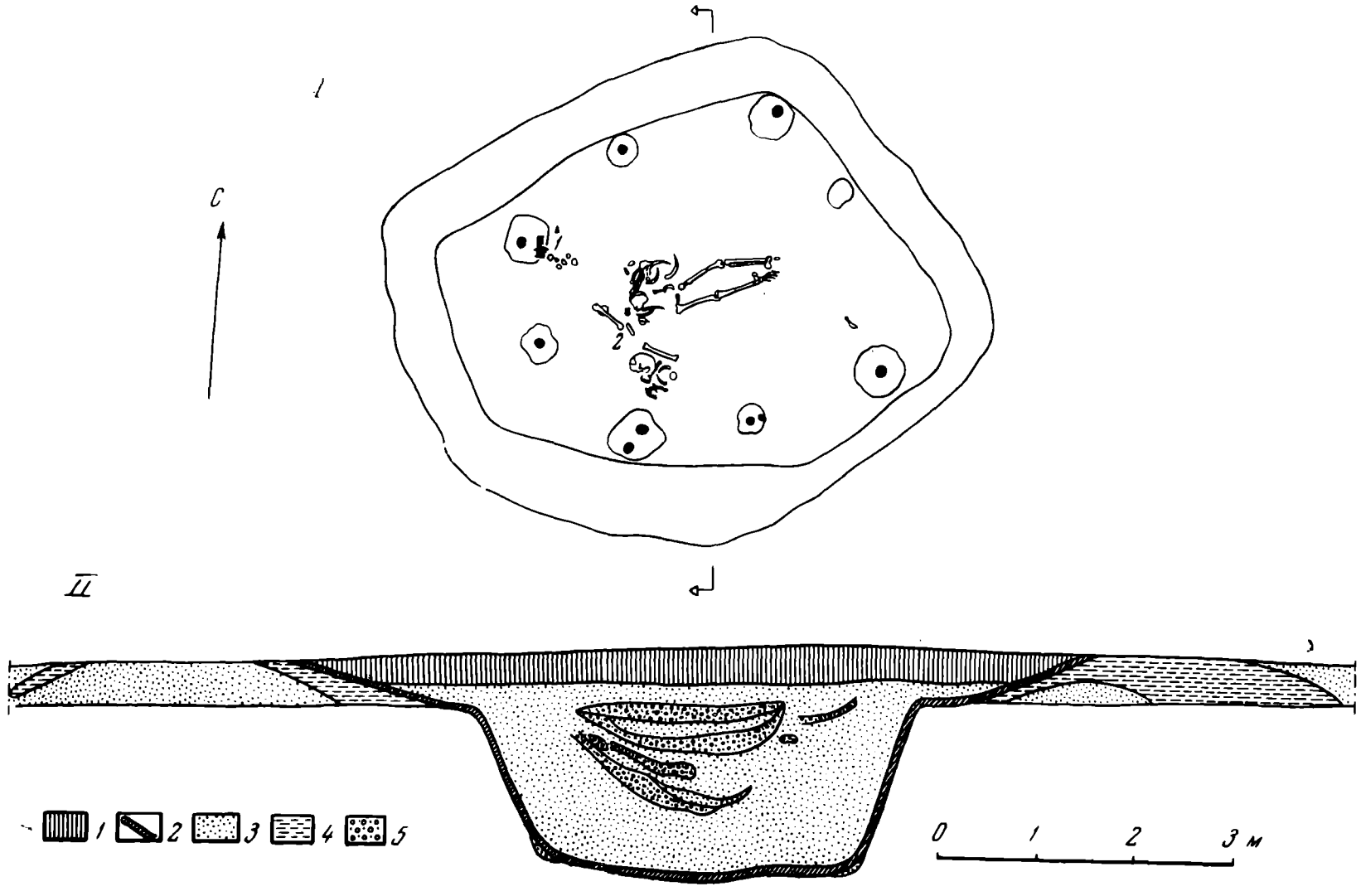


Рис. 4. Могильник Тагискен. Кург. № 32.

I. План могильной ямы: *1* — бронзовые наконечники стрел; *2* — каменный оселок. II. Разрез через могильную яму и насыпь; *1* — такыр; *2* — остатки перекрытия; *3* — песок; *4* — выброс материковой глины; *5* — гравий

бальном ритуале элементов трупосожжения (сгоревшие балки перекрытия и обугленные куски столбов в ямах), перед нами будет картина, живо напоминающая древние мавзолеи Тагискена, их конструкцию и обряд.

В кург. № 32 (рис. 4) было обнаружено погребение в грунтовой яме, имеющей форму неправильного четырехугольника. Вдоль ее стен было выкопано восемь столбовых ям, причем четыре крупные находились в углах могильной ямы, а четыре поменьше — между ними.

Во всех ямах, кроме одной, сохранились остатки деревянных столбов. Нам представляется, что это погребение демонстрирует конструкцию, как бы переходную от конструкций древних мавзолеев к конструкциям сакских курганов. Как мы уже говорили, в большинстве могильных ям остаются только четыре угловые ямы и без всяких признаков деревянных столбов в них. Все сакские погребения находились в одинаковых естественных условиях и, если в кург. № 42 столбы сохранились, они должны были сохраниться и в других курганах, если бы они там были. Но их, как мы и предполагали, уже не было, и угловые ямы выкапывались чисто традиционно.

В свое время мы писали, что мавзолеи позднебронзового века на Тагискене дают ключ к пониманию многих элементов культуры сакских племен, которые мы могли наблюдать по материалам наших раскопок в низовьях Сыр-Дарьи. Это касалось и некоторых элементов погребальных конструкций и ритуала, в частности обряда трупосожжения. При этом мы ставили вопрос о том, что эти факты являются доказательством того, что в основе культуры среднеазиатских саков лежит культура степных племен позднего бронзового века.

Работы последних лет дали нам факты, позволяющие вновь обратиться к вопросу о наличии такой преемственности. О некоторых из них мы уже сказали, остановимся еще на двух. Это, прежде всего, материалы из кург. № 15 на Уйгараке.

Диаметр его насыпи равен 16 *м*. Под насыпью, на древней дневной поверхности лежал слой истлевшего камыша толщиной в 5—10 *см*. Погребение было совершено на материке, видимо, в пределах неправильного, со скругленными углами прямоугольника, образованного рядом идущих по его периметру столбовых ям. Длинной осью этот прямоугольник ориентирован с северо-востока на юго-запад. Наиболее крупные ямы по одной или по две расположены по углам прямоугольника. Одна из ям в северном углу прямоугольника пробита в более крупной яме, размером 0,7×0,7 *м* и глубиной 0,3 *м*. В ней стояли три горшка, два из них несколько наклонно у западной стены ямы, третий лежал на боку у юго-восточного угла.

Случай выкапывания столбовой ямы в более крупной известен еще по раскопкам мавзолея № 5в на Северном Тагискене, но там в большой яме лежали не сосуды, а кости жертвенного животного.

Сосуды (рис. 5, *1—3*) находят себе прямые аналогии в материалах ранних мавзолеев Тагискена, причем на этих экземплярах очень четко прослеживается андроновский компонент этой культуры. Интереснее всего, что эти сосуды найдены в комплексе с бронзовым дисковидным зеркалом с бортиком и петлевидной ручкой (рис. 5, *6*), каменным жертвенником (рис. 5, *7*) и грушевидным сосудом серого лощения (рис. 5, *4*) — предметами, характерными уже для ранних сакских захоронений. Весь комплекс в целом может быть датирован VII—VI вв. до н. э.[6].

Другой факт. Ограда 4д на тагискенском некрополе — пристройка к мавзолею № 4 — содержала захоронение, несколько отличное от обычных захоронений в оградах. Обычно глубина ямы в ограде не превышала полуметра; здесь же в пределах ограды была выкопана глубокая, 1,70—1,75 *м*, яма, причем ее стенки отступали от стены ограды на 0,6—0,7 *м*. После со-

[6] Это единственный комплекс такого рода, в связи с чем его одновременность может вызвать сомнения, но стратиграфических доказательств в пользу перекрытия более ранней могилы поздней — нет.

вершения обряда захоронения яма была перекрыта камышом. Таким образом, в конструкции этого погребения мы видим уже прообраз грунтовых захоронений Южного Тагискена с глубокими ямами и плоским перекрытием. Но это погребение в то же время сохраняет и древние тагискенские традиции — мы по-прежнему видим здесь ограду, а на дне могильной ямы были обнаружены фрагменты типичной тагискенской посуды и серьга в

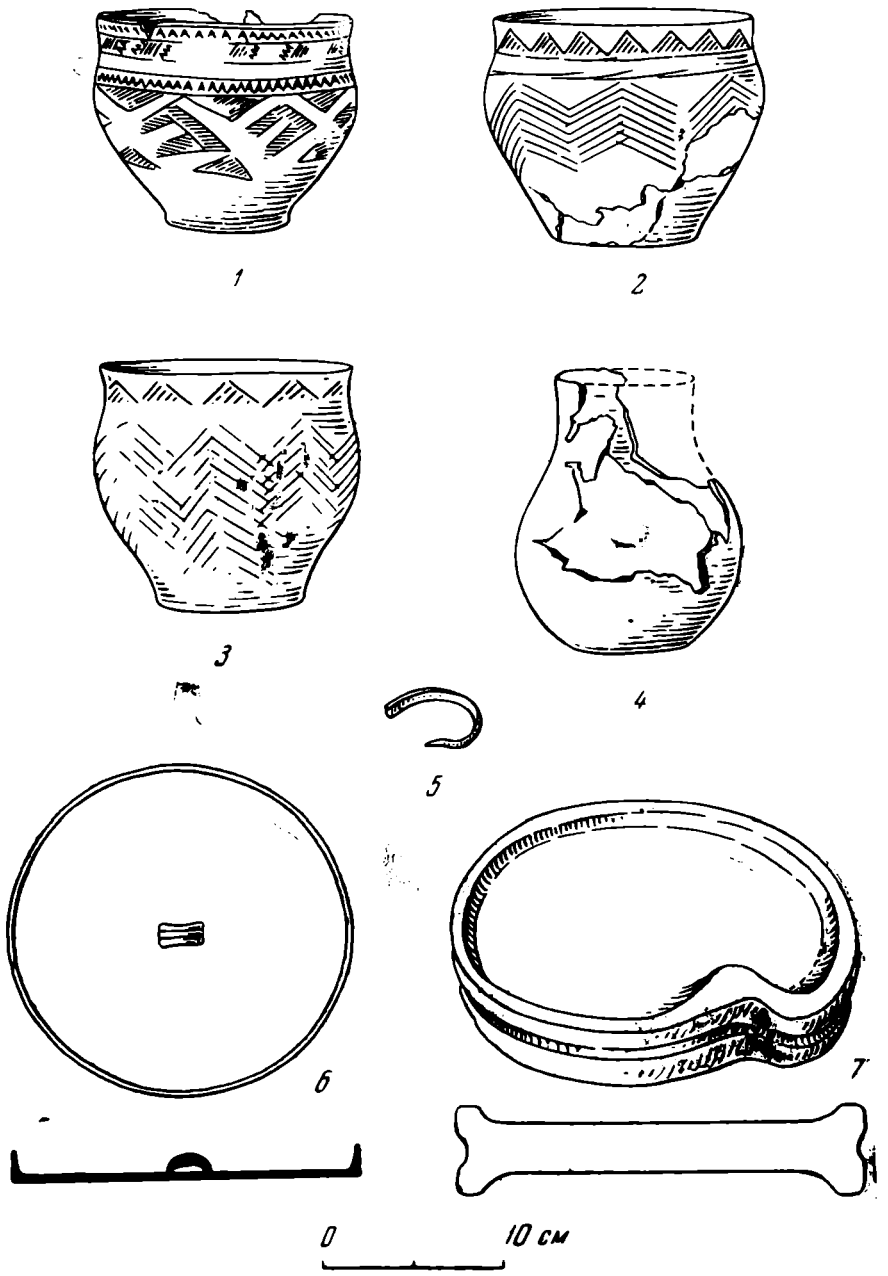


Рис. 5. Могильник Уйгарак. Кург. № 15. Погребальный инвентарь

виде колечка, к которой приделан небольшой конус с нарезкой, обращенный вершиной вниз. Этот вариант серег мы находили раньше, в ограде 7а, причем и там и здесь этот конус — это те же рожки, которые мы хорошо знаем по андроновским браслетам с рожками, известным по находкам и в Казахстане[7]. Любопытно, что серьги в виде конуса были характерны для инвентаря раннетагарских курганов, нижней датой которых был VIII в. до н. э.[8]. Все эти факты вкупе с упомянутыми выше характеризуют особенности конструкций и ритуала курганов VII—VI вв. до н. э. и

[7] М. К. Кадырбаев. Могильник Сангуыр II. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 12, 1961, стр. 52, табл. II, *1*.

[8] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 232.

позволяют поставить вопрос о том, что теперь мы, по-видимому, имеем комплекс, который можно назвать протоскифским.

Однако вернемся к нашим курганам. Они были, как правило, ограблены еще в древности, причем грабители точно и безошибочно проникали в могилу со стороны головы погребенного. Очевидно, там клали наиболее ценные вещи. Ноги в большинстве случаев оставались нетронутыми и даже, если положение костяка было нарушено, вещи, лежащие в ногах, оставались на месте.

Погребальный инвентарь включал совершенно определенный круг предметов.

Сосуды (рис. 6) найдены далеко не во всех погребениях. Обычно их ставили в головах покойника, реже в ногах, причем ведущей формой являются сосуды грушевидной формы с высоким цилиндрическим горлом и плоским дном, часто лощеные. Сосуды этого типа встречаются в сакских погребениях VI—V в. до н. э. Быть может, прототипом этой формы является сосуд из ограды 4б на древнем Тагискене (рис. 6, *1*), сплошь покрытый орнаментом из резных заштрихованных треугольников, заполненных белой пастой.

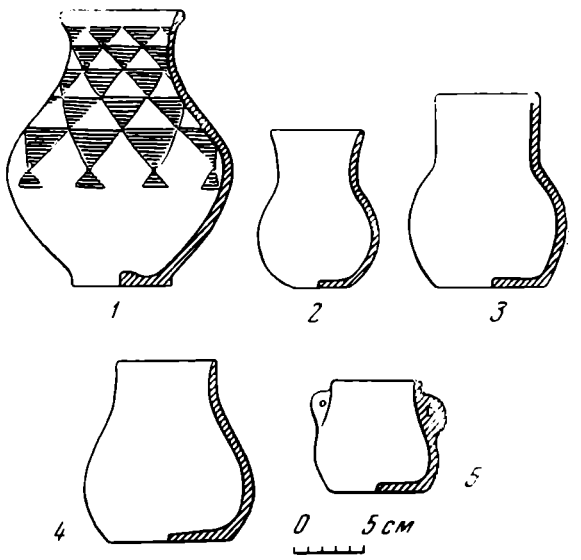


Рис. 6. Могильник Тагискен. Керамика из сакских погребений:

1 — мавзолей 5б; *2* — кург. № 54; *3* — кург. № 47; *4* — кург. № 40; *5* — кург. № 52

Этот факт заслуживает внимания, так как в савроматских памятниках грушевидные сосуды появляются лишь в VI в. до н. э. и не типичны для них [9]. Судя по тому, что именно в Средней Азии эта форма посуды была широко распространена в интересующее нас время и бытовала довольно долго, ее среднеазиатское происхождение представляется наиболее вероятным.

Помимо грушевидных сосудов мы находим также лепные кружки с одной или двумя ручками, полусферические чаши с несколько загнутыми внутрь краями, сосуды с трубчатым носиком — формы, широко известные в савроматском мире Поволжья и Южного Приуралья и в захоронениях ранних кочевников Казахстана.

В ногах погребенных, независимо от их пола, лежали наборы предметов конской сбруи, сделанные из бронзы, причем в них входит множество всевозможных бляшек, подпружные пряжки, обоймы для перекрестных ремней, ворворки и т. д. (рис. 7). Многие из этих предметов были выполнены в характерном «зверином стиле». Среди изображаемых животных — олень, сайга, лев, грифон, лошадь, горный козел.

В нескольких погребениях находились бронзовые удила, а иногда и удила с псалиями, последние тоже, как правило, бронзовые (рис. 8). Удила стремявидные, подвижные и лишь в одном случае отлиты вместе с псалиями (рис. 8, *5*). Псалии трехдырчатые, трубчатые, часто вместо среднего отверстия они имеют широкое отверстие, образованное прямоугольной скобой, расположенной в другой плоскости, в которое продевалось «стремя» удил (рис. 8, *3, 4*). Псалии с такой скобой изображены на Персепольском рельефе у лошадей, которых ведут саки [10], еще четче видна эта скоба

---

[9] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 118.

[10] R. Ghirshman. Perse. Proto-iraniens. Medes. Achéménides. Paris, 1963, стр. 184, рис. 231.

в сбруе лошади, ведомой, по мнению Р. Гиршмана, сирийцем или лидийцем; правда, там псалии петельчатые [11].

У тагискенских псалиев по-разному оформлены концы. Иногда оба конца заканчивались шишечками-кнопками; в другом случае на одном конце была шишечка, а второй конец заострен или заканчивался лопаточ-

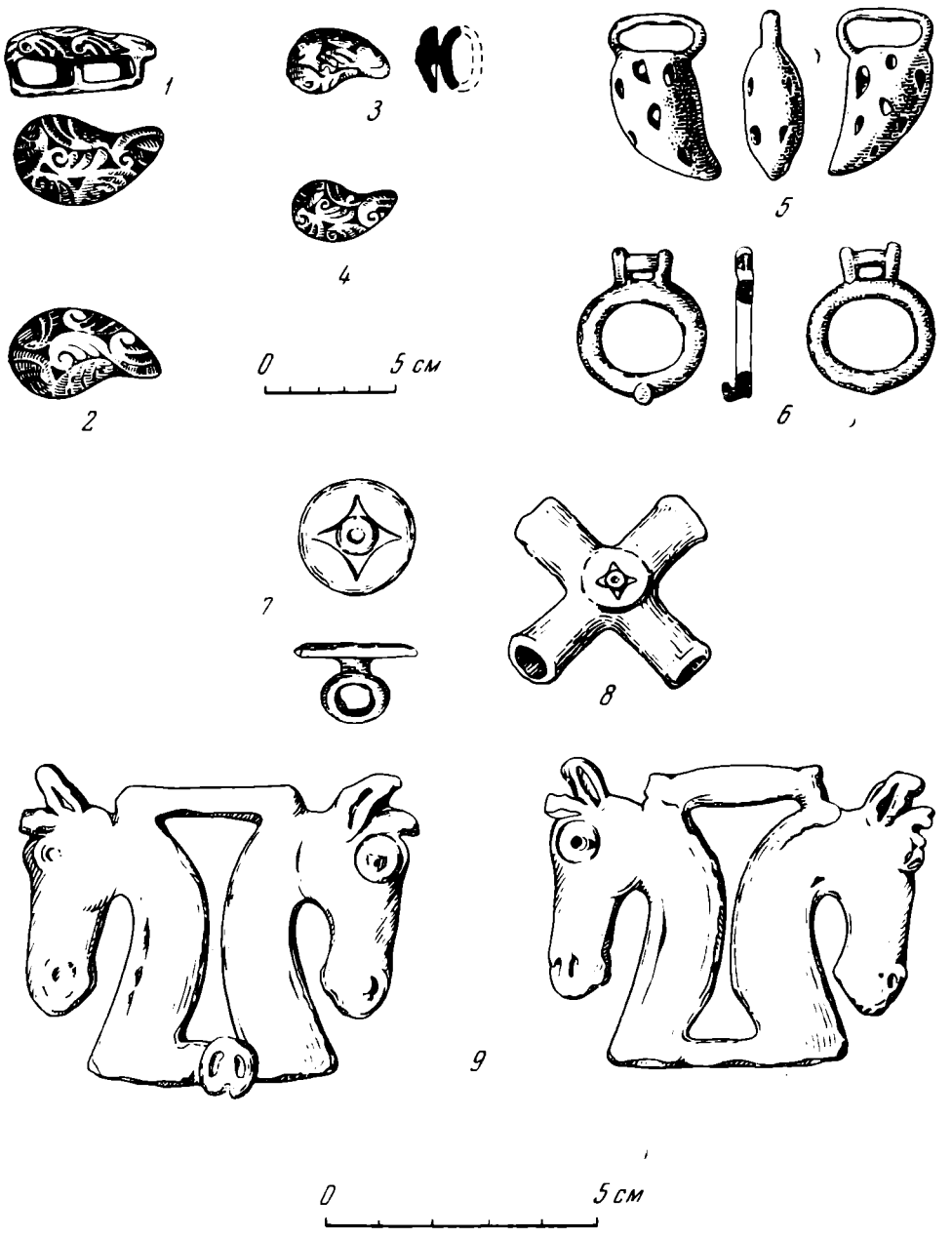


Рис. 7. Могильник Тагискен. Предметы конской сбруи (бронза):
1—5 — кург. № 36; *6* — кург. № 23; *7—9* — кург. № 55

кой. Нередко оба конца таких псалиев были оформлены в виде конских копыт. Среди псалиев встречаются экземпляры с характерной обмоткой на стержне, а стержень удил имеет характерный рубчатый рисунок. И псалии и удила по известным классификациям А. А. Иессена [12] и К. Ф. Смирнова [13] датируются VII—VI вв. до н. э.

В связи с находкой на Тагискене псалиев с прямоугольной скобой

---

[11] Там же, стр. 178, рис. 224.

[12] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 84, рис. 23; стр. 87, рис. 24; стр. 91, 102.

[13] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 79—80.

вместо среднего отверстия вновь встает вопрос о датировке фрагмента бронзового псалия, найденного на городище Кюзели-гыр в Хорезме [14].

А. И. Тереножкин на основе центрально-европейских аналогий датировал его «довольно ранним доскифским временем», заметив при этом, «что он значительно старше тех бронзовых наконечников стрел, которые встречаются на этом городище» [15]. Стрелы же эти, равно как и само городище, датируются VI—V вв. до н. э. В одной из последних работ [16] А. И. Тереножкин вновь вернулся к этой находке. Сравнивая хорезмийский псалий с найденным на I Сусканском поселении, которое он предлагает датировать XIII—XI вв. до н. э. А. И. Тереножкин относит хорезмийскую находку к тому же времени и считает ее принадлежащей к тазабагъябской культуре [17].

Находки бронзовых псалиев интересующего нас типа в сакских погребениях Тагискена и Уйгарака, которые уверенно датируются VII—VI вв. до н. э., и несомненная принадлежность псалия с Кюзели-гыра именно к этому типу заставляют нас считать датировку его VII—VI вв. до н. э. наиболее правомерной. Судя по всему, форма эта местная, среднеазиатская и широко принятая, так как, скажем, в комплексе уйгаракских псалиев она является ведущей.

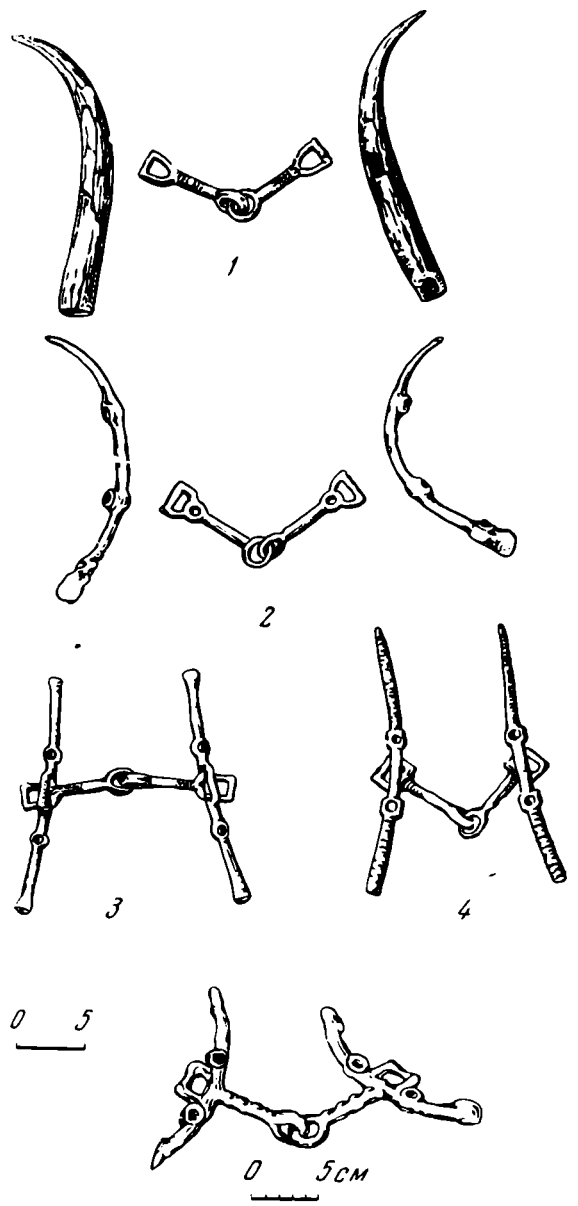


Рис. 8. Удила с псалиями

1 — кург. № 45; *2* — кург. № 40; *3* — кург. № 36; *4* — кург. № 44; *5* — кург. № 55

В нашей коллекции есть и очень ранние удила майэмирского типа [18] с дополнительным отверстием у дуги стремечка. В одном случае эти удила были найдены с бронзовыми трехдырчатыми трубчатыми псалиями, изогнутыми наподобие роговых и имеющими один острый конец, а другой в виде лопаточки (рис. 8, *2*). Здесь же было положено дисковидное бронзовое зеркало с бортиком и петелькой. Такое сочетание позволяет говорить во всяком случае о VII—VI вв. до н. э. В другом случае стремевидные удила были найдены с роговыми трехдырчатыми псалиями (рис. 8, *1*) и опять в комплексе с таким же зеркалом. И здесь мы снова можем говорить о ранней дате.

Интересно, что в одном из грунтовых захоронений Уйгарака были найдены удила упомянутого типа вместе с бронзовыми псалиями майэмир-

[14] А. И. Тереножкин. Бронзовый псалий с городища Кюзели-гыра в Хорезме. КСИЭ, XXX, 1958, стр. 34—39.

[15] Там же, стр. 36.

[16] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 63—85.

[17] Там же, стр. 72.

[18] М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII. 1947, стр. 10, рис. 3, *8*.

ского типа, где вместо средней дырки был сделан откованный стержень, на который и надевалось стремя удил. Помимо бесспорно ранней даты этих псалиев (VII—VI вв. до н. э.), они, по мнению исследователей, являются типично казахстанско-сибирской местной формой [19].

Наконечники стрел (рис. 9), как на Тагискене, так и на Уйгараке, встречаются лишь в мужских захоронениях. Этим наши курганы отличаются от савроматских курганов Южного Приуралья (блюменфельдский этап), где в могилах жриц-воительниц были найдены наконечники стрел [20]. Чаще всего в тагискенских погребениях встречаются черешковые наконечники стрел разных типов — от двулопастных до трехгран-

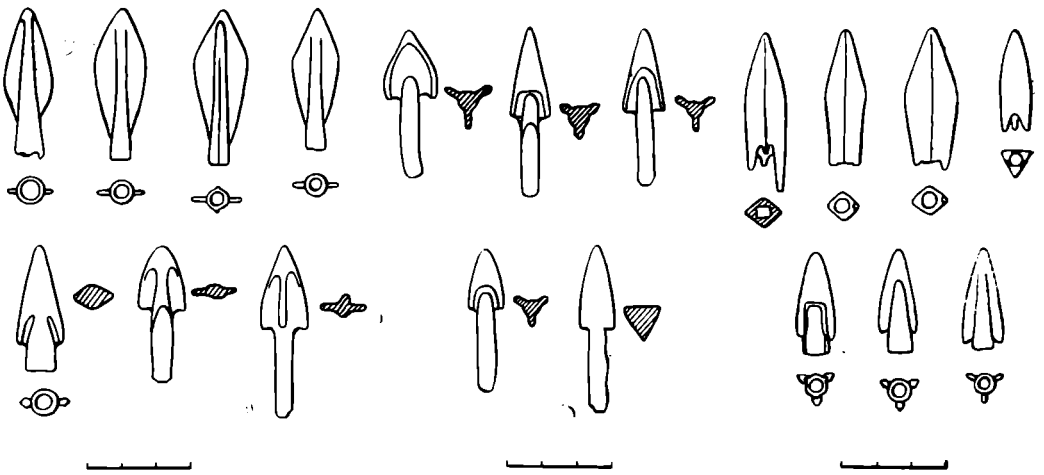


Рис. 9. Бронзовые наконечники стрел из сакских погребений Тагискена

ных. Этот вид наконечников имеет, очевидно, азиатское происхождение и его типология и хронология могут быть окончательно выработаны на материалах из Средней Азии, Казахстана, Алтая.

В Южном Приуралье, например, единичные экземпляры черешковых трехлопастных наконечников появляются на рубеже VI—V вв. до н. э. [21], в то время как в наших комплексах они встречаются вместе с двуперыми втульчатыми наконечниками листовидной и ромбовидной формы с шипом и без него, что дает нам основание говорить о VII в. до н. э., как возможной дате появления черешковых трехперых наконечников. VII—VI вв. до н. э. датировал эти наконечники и С. В. Киселев, говоря о находках их на Алтае в раннемайэмирское время [22].

Видимо, местную линию развития имеют и четырехгранные или ромбические наконечники с шипами и дугообразными выемками в основании, довольно широко распространенные в Средней Азии и Казахстане. К. А. Акишев, основываясь на находках из Бесшатыра, датирует их не ранее V в. до н. э. [23]. Наш материал дает основание отнести время их существования во всяком случае к VI в. до н. э., VI — V вв. до н. э. датируются они и в савроматских памятниках [24].

Что же касается втульчатых трехперых наконечников, то у нас превалируют массивные экземпляры типа тех, которые широко распространены в савроматских комплексах Южного Приуралья.

Во многих мужских погребениях были найдены ножи, как правило, железные, однолезвийные, часто с выделенной рукоятью. Обращают на себя внимание два ножа из погр. № 55. Они бронзовые, однолезвийные, слегка изогнутые, без выделенной рукояти и с отверстием типа ушка в

[19] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 9—10.

[20] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 109.

[21] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 61.

[22] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 289.

[23] К. А. Акишев. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 120 и таблица на стр. 117.

[24] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 59.

верхней части. На них, в средней части, сохранились следы обмотки. Комплекс кург. № 55 ранний, там найдены втульчатые двулопастные листовидные и ромбовидные наконечники стрел, которые могут быть отнесены к VII в. до н. э. Помимо ранней даты этих ножей интересно и то, что найдены они в паре. Аналогичный случай засвидетельствован и на Уйгараке, где в одном погребении также были найдены два бронзовых ножа с кольцевым навершием. По наблюдению И. В. Яценко, «...все известные из скифских захоронений Северного Причерноморья бронзовые ножи были положены в могилы парами» [25]. И. В. Яценко предполагает,

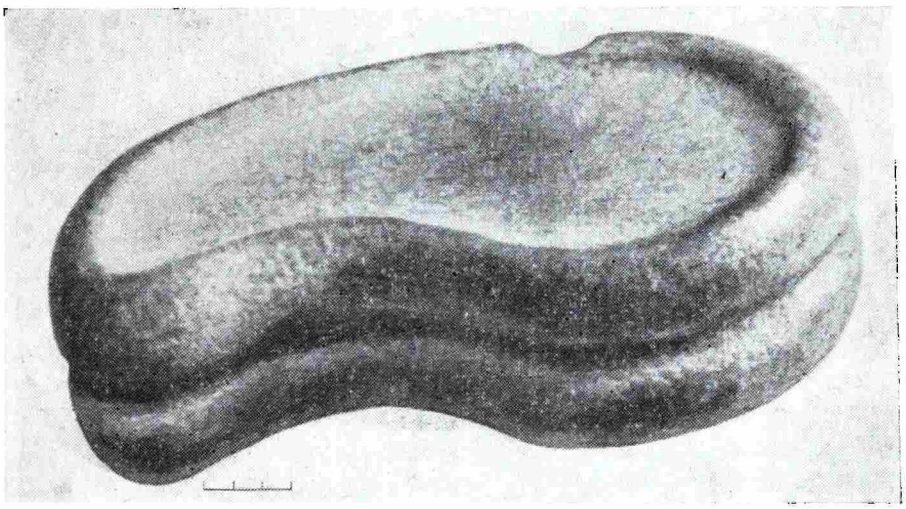


Рис. 10. Могильник Тагискен. Каменный жертвенник из кург. № 66

что изготовление ножей из бронзы, когда железо уже было освоено, и нахождение их в могилах парами свидетельствует о каком-то особом их назначении, возможно культовом [26]. Может быть, и наш материал демонстрирует такой же обычай.

В женских погребениях, помимо предметов конского убора, лежат уже упоминавшиеся нами бронзовые дисковидные зеркала с бортиком по краю и ручкой-петелькой, иногда рифленой. Это, как известно, наиболее древний тип зеркал, датирующийся не позднее V в. до н. э. и наиболее часто встречающийся в памятниках VII—VI вв. до н. э. Алтая (майэмирский этап), Казахстана, есть они и в Южном Приуралье и Европейской Скифии.

Большой интерес вызывает находка именно в женских погребениях каменных жертвенников. Обычно они без ножек, лишь в одном случае на Тагискене найден жертвенник с чуть намеченными ножками (кург. № 45); на Уйгараке есть экземпляр на четырех ножках. В большинстве случаев они имеют форму палитры (рис. 10), которую О. А. Вишневская находит возможным интерпретировать как стилизованный контур головы грифона. Реже жертвенники имеют овальную форму. Около них часто лежат кусочки реальгара, костяная пластинка или каменная плитка со следами краски. Как известно, такие жертвенники характерны для женских савроматских погребений Южного Приуралья, но там они чаще на ножках [27]; находят жертвенники с плоским дном и в курганах ранних кочевников Казахстана, но там их называют краскотерками.

Таков облик наиболее ранних тагискенских курганов, которые мы считаем возможным датировать VII—VI вв. до н. э.

Курганы V в. до н. э. на Тагискене сконцентрированы в южном конце плато, причем крайние с южного конца курганы, видимо, являются са-

[25] И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 48.
[26] Там же.
[27] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 109—110; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 162.

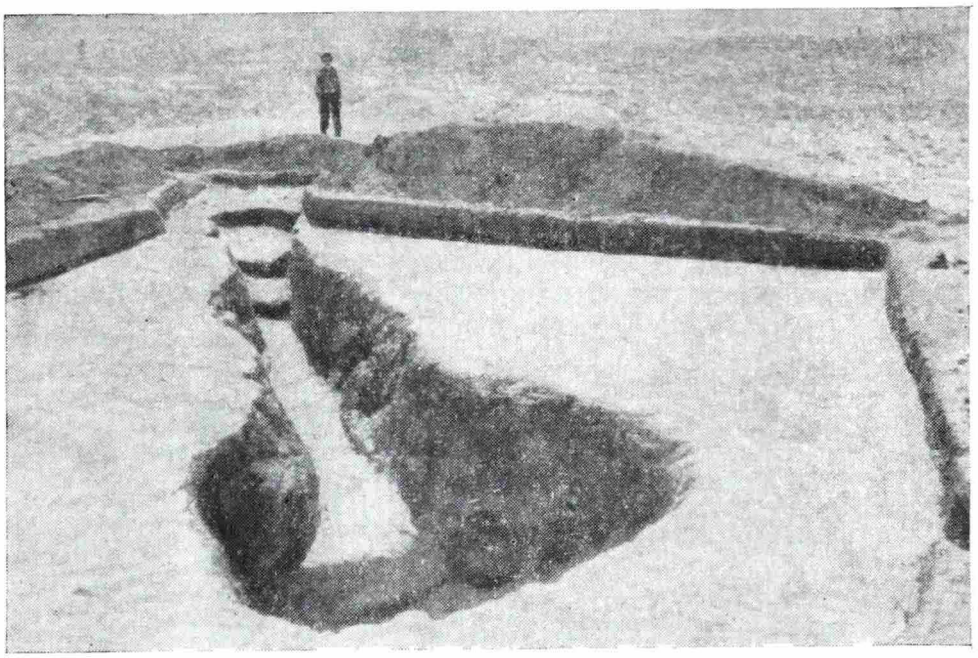


Рис. 11. Могильник Тагискен. Кург. № 61

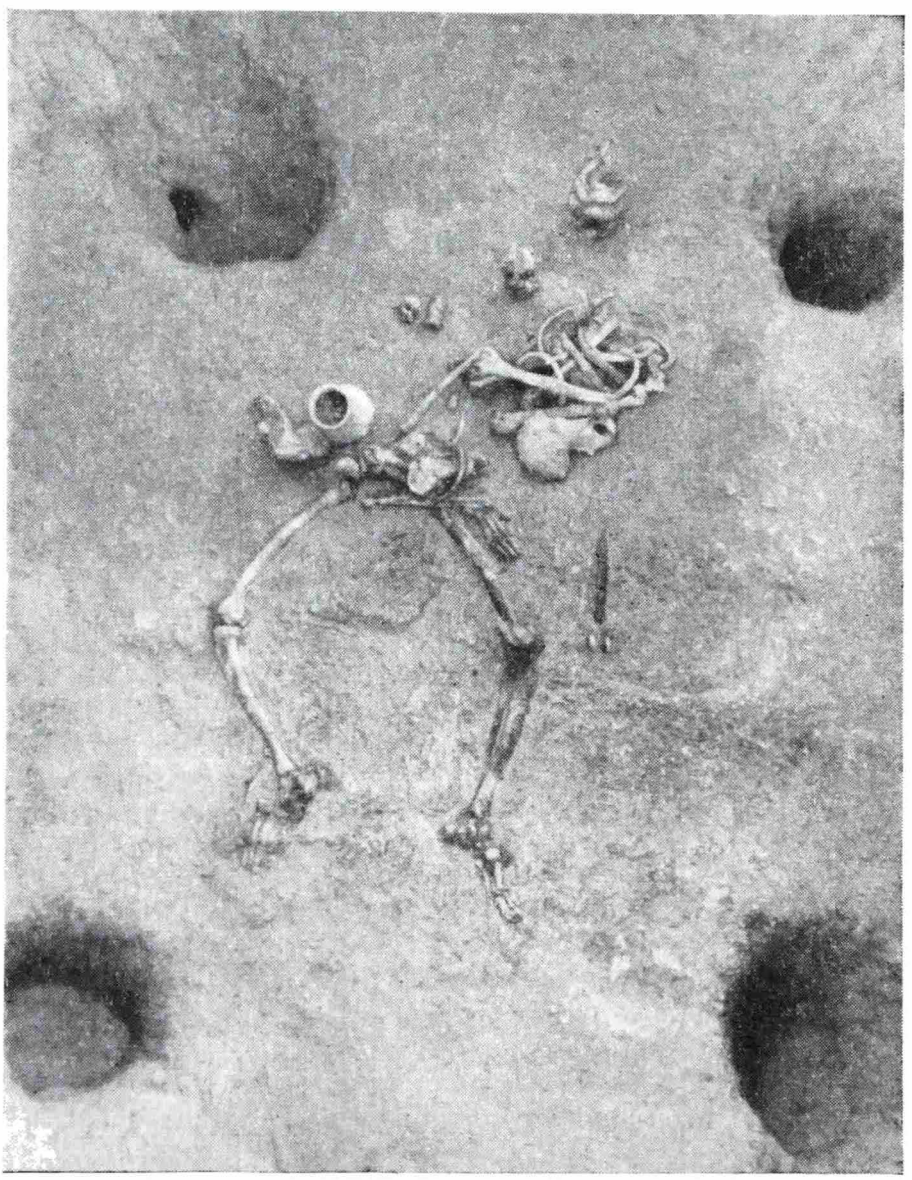


Рис. 12. Могильник Тагискен. Кург. № 61. Погребальная камера

мыми поздними, так как в их погребальном инвентаре уже много железных вещей.

Для конструкции этих захоронений характерно наличие дромоса (рис. 11), ориентированного в большинстве случаев на юго-восток, длина его колеблется от 5 до 12 *м*. Устройство могильной ямы то же, что и в

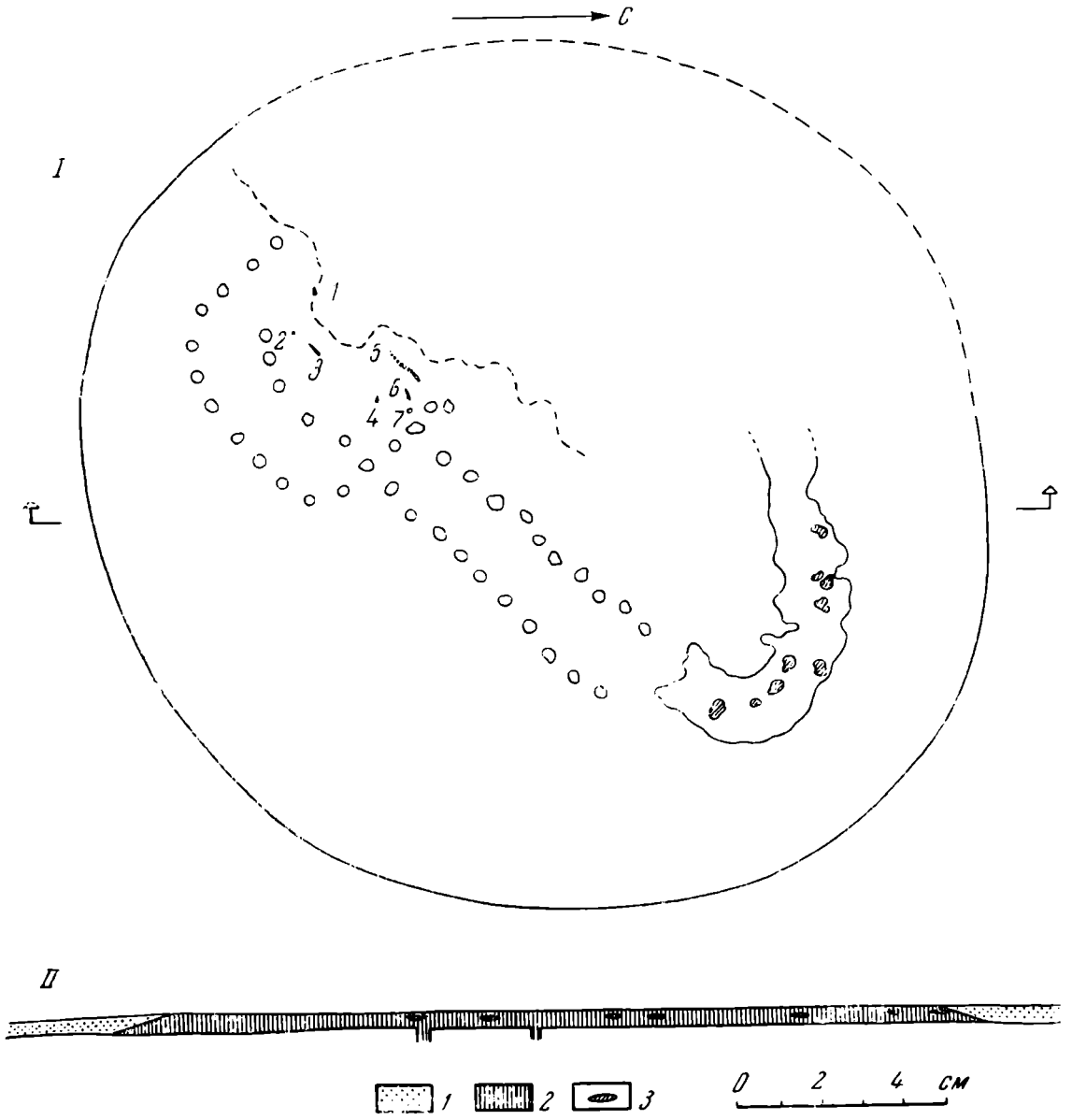


Рис. 13. Могильник Тагпскен. Кург. № 59.

I. План: *1, 4* — наконечники стрел; *2* — кольцо; *3* — кинжал; *5* — меч; *6* — нож; *7* — золотая пластинка (*1—6* — железо). II. Разрез: *1* — песок; *2* — песок с золой; *3* — следы интенсивного горения

курганах VII—VI вв. до н. э., но она, как правило, довольно глубокая (2,2—2,3 *м*). Существенным отличием является иная ориентировка покойника, лежащего головой на восток — северо-восток. Яма обычно ориентирована углами по странам света, а не сторонами, как было в более ранних курганах.

Погребенные лежат вытянуто на спине, иногда (кург. № 54) по диагонали ямы [28], ноги согнуты в коленях и обращены ступнями внутрь, образуя в плане ромб (рис. 12), но эта поза не всегда одинаково четко выражена.

---

[28] С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований..., стр. 141, рис. 18.

Могильные ямы и дромос (частично) были плоско перекрыты, причем и здесь имеются случаи, когда перекрытие поджигали, а потом насыпали курган. Его сохранившаяся высота не превышала 1 *м*, а диаметр достигал 35 *м*.

Несколько выделяется в этой группе кург. № 59 (рис. 13). Под невысокой насыпью были обнаружены остатки наземного деревянного сооружения, от которого сохранились лишь столбовые ямы.

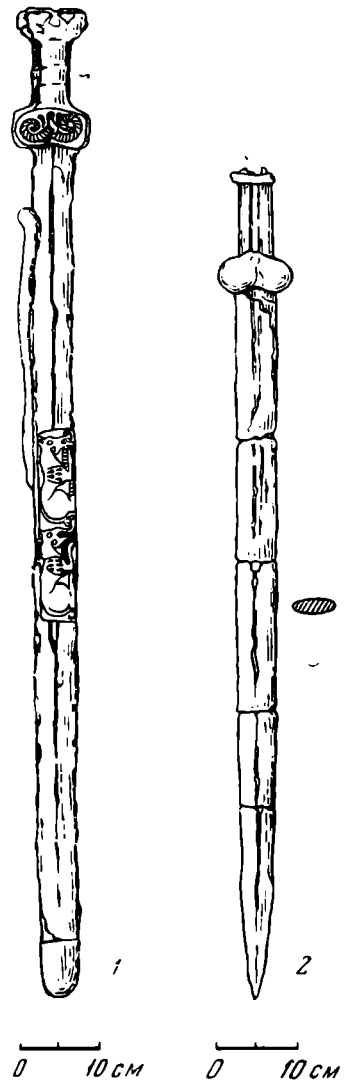


Рис. 14. Могильник Тагискен. Сакские мечи.

1 — кург. № 53; *2* — кург. № 59 (железо)

Сооружение это полностью повторяет план погребений с дромосами, но дромос здесь ориентирован на северо-восток. Длина дромоса 8 *м*, ширина 1,5 *м*. Погребальная камера имела двойной ряд столбов. Она ориентирована углами по странам света. Таким образом, и в V в. до н. э. на Тагискене, наряду с захоронениями в грунтовых ямах, существовали погребения в наземных постройках. Этот тип построек, видимо, близок сооружениям, открытым К. А. Акишевым в Бесшатыре [29], здесь нет только пристройки перед входом в камеру. Материалы Тагискена безусловно подтверждают высказанную К. А. Акишевым гипотезу об устойчивых навыках в строительном искусстве, которыми владели саки [30]. Более того, Тагискен дает нам представление об истоках этих навыков, ибо мавзолеи древнего Тагискена бесспорно явились образцом строительного искусства для многих поколений строителей.

Надо сказать, что погребальный инвентарь этих курганов мало отличался от более раннего. По-прежнему наконечники стрел встречаются лишь в мужских захоронениях, в женских продолжают встречаться алтарики и зеркала. Появляются длинные железные мечи и железные кинжалы, в то время как стрелы продолжают оставаться бронзовыми. Ни в одном из этих погребений не найдены удила с псалиями.

Все курганы были ограблены, но, даже судя по тому немногому, что осталось, можно заключить, что погребения в них были очень богатыми.

Наиболее интересны находки в кург. № 53 и 59.

В погребении кург. № 53 в ногах костяка лежал огромный железный меч с бабочковидным перекрестьем и брусковидным или овальным навершием (рис. 14, *1*). Длина меча 1,25 *м*. На мече едва сохранились остатки деревянных ножен с обкладкой из золотой фольги — в середине лезвия и на перекрестье. На конце ножен сохранился золотой наконечник. Неподалеку от меча был найден полый внутри предмет из золотой фольги со спиральным орнаментом — видимо, обкладка деревянной ворворки от портупеи меча. На золотой обкладке перекрестья меча изображена голова архара с длинными закрученными рогами (рис. 15). Мотив этот в искусстве саков широко распространен, известен он и в изучаемом районе [31].

---

[29] К. А. Акишев. Ук. соч., стр. 37, рис. 15 и др.
[30] Там же, стр. 84.
[31] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Ук. соч., стр. 51, рис. 22.

Наибольший интерес представляет собой золотая пластина, украшавшая среднюю часть ножен (рис. 16). Она имеет длину 24—25 *см* и ширину около 5 *см*. На ней изображены два лежащих друг за другом «припавших к земле» фантастических зверя, круп которых напоминает животных из семейства кошачьих, голова похожа на лошадиную, а на плечах геометрический орнамент в виде треугольников — может быть условное

Рис. 15. Могильник Тагискен. Кург. № 53. Золотая обкладка ножен меча

Рис. 16. Могильник Тагискен. Кург. № 53. Золотая обкладка ножен меча

изображение мускулатуры, столь принятое в скифском зверином стиле. Это изображение нуждается в детальном изучении и анализе, но по предварительным наблюдениям оно стилистически чрезвычайно близко искусству савроматского мира Урала и Южного Приуралья.

По манере изображения тела животного, по опущенной вниз голове, трактовке уха, хвоста с закрученным концом, звери из Тагискена походят на хищника, изображенного на золотой бляшке из женского погребения в кург. № 5 Сусловского могильника, датируемой VI в. до н. э., причем К. Ф. Смирнов справедливо считает, что прототипом этого изображения, в частности, могли явиться фигуры барсов из Зивийе[32]. Закрученный в спираль нос, подчеркнутое спиралью место прикрепления нижней челюсти, характерно загнутый на конце длинный хвост мы встречаем на золотом навершии меча в виде свернувшегося в кольцо зверя из Зивийе, которое Р. Гиршман датирует VII в. до н. э.[33]. Закрученный спиралью

[32] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 370, рис. 78, *1*; стр. 225.
[33] R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 117, рис. 158.

нос и губы животного, подчеркивание с помощью изображения спирали, отдельных сочленений тела — стилистический прием, который, в свою очередь, широко известен в савроматских и ананьинских древностях. Не менее характерной деталью является и зубастая пасть хищника.

Одно такое изображение, найденное в Ананьинском могильнике, датируется VI—V вв. до н. э.[34], другие являются случайными находками[35], но, видимо, относятся к тому же времени.

К этому же кругу памятников принадлежит и бляха в виде свернувшегося зверя, найденная в кладе на горе Азов (Свердловская обл.)[36]. Морда этого зверя по стилю более всего походит на морды зверей на ножнах тагискенского меча. Те же стилистические особенности (в первую очередь это касается зубастой пасти) наблюдаются и на амулетах из Блюменфельдского кургана А-12[37].

Таким образом, опять линии связей уводят нас в савроматский мир, а аналогии среди ананьинских древностей отнюдь не противоречат этому заключению. И А. В. Збруева[38] и К. Ф. Смирнов[39] подчеркивают влияние савроматской культуры на ананьинскую.

Да и в целом аналогии нашему мечу мы находим среди савроматских экземпляров. Именно у савроматов, как пишет К. Ф. Смирнов, с конца VI в. до н. э. появляются «...длинные всаднические мечи (длиною более 1 *м*), приспособленные для колющего и главным образом рубящего удара...»[40].

В разграбленном погребении кург. № 59 был также найден меч (рис. 14, *2*), но судить о том, где он лежал первоначально,— трудно. Его длина равна 1,1 *м*, навершие обломано; судя по сохранившейся части, оно было когтевидным. Перекрестье у меча почковидное; рукоять имеет два боковых валика. Оба меча могут быть датированы V в. до н. э. Меч из кург. № 59 сохранился довольно хорошо, но ножны до нас не дошли. Может быть, они тоже были деревянными и обломок золотой пластины, которая была здесь найдена — фрагмент обкладки этих ножен (см. рис. 17, *8*). Сохранившийся нижний край пластины позволяет заключить, что она была прямоугольной (размеры: 7,2 × 8,0 *см*). На ней изображен свернувшийся в кольцо зверь с закрученным в спираль кончиком хвоста, когтистыми лапами и зубастой пастью. Стиль изображения походит на уже известную нам по другим предметам изобразительную манеру, но, так как пластина сохранилась не полностью, не все детали этого изображения ясны.

Большой интерес представляют найденные в кург. № 53 остатки колчана, лежавшего слева от ног костяка в не разграбленной части могилы. Здесь сохранилось более 50 трехперых втульчатых наконечников стрел (большинство из них с древками), части колчана, сделанного из кожи, и 13 золотых бляшек с изображением львов (рис. 18). Двенадцать из этих бляшек представляют собой штампованные фигурки идущих или стоящих львов, изображенных в профиль (рис. 17, *3*), головами влево, тринадцатая, более массивная, изображает лежащего льва, положившего голову (en face) на лапы (рис. 17, *2*).

Двенадцать бляшек были найдены в нижней части колчана, причем половина их лежала изображением вверх, другая половина — изображением вниз. Видимо, это был своеобразный «львиный фриз», опоясывающий

---

[34] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 78, табл. XVII, *4*.

[35] Там же, стр. 176, табл. XXXII, *1*, *2*; стр. 134, рис. 14.

[36] Н. Н. Бортвин. Находка на горе Азов на Урале. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 119, рис. 43, *4*.

[37] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 8, *1*; рис. 52, 10*а*, 10*б*.

[38] А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 178.

[39] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 270 сл.

[40] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 29.

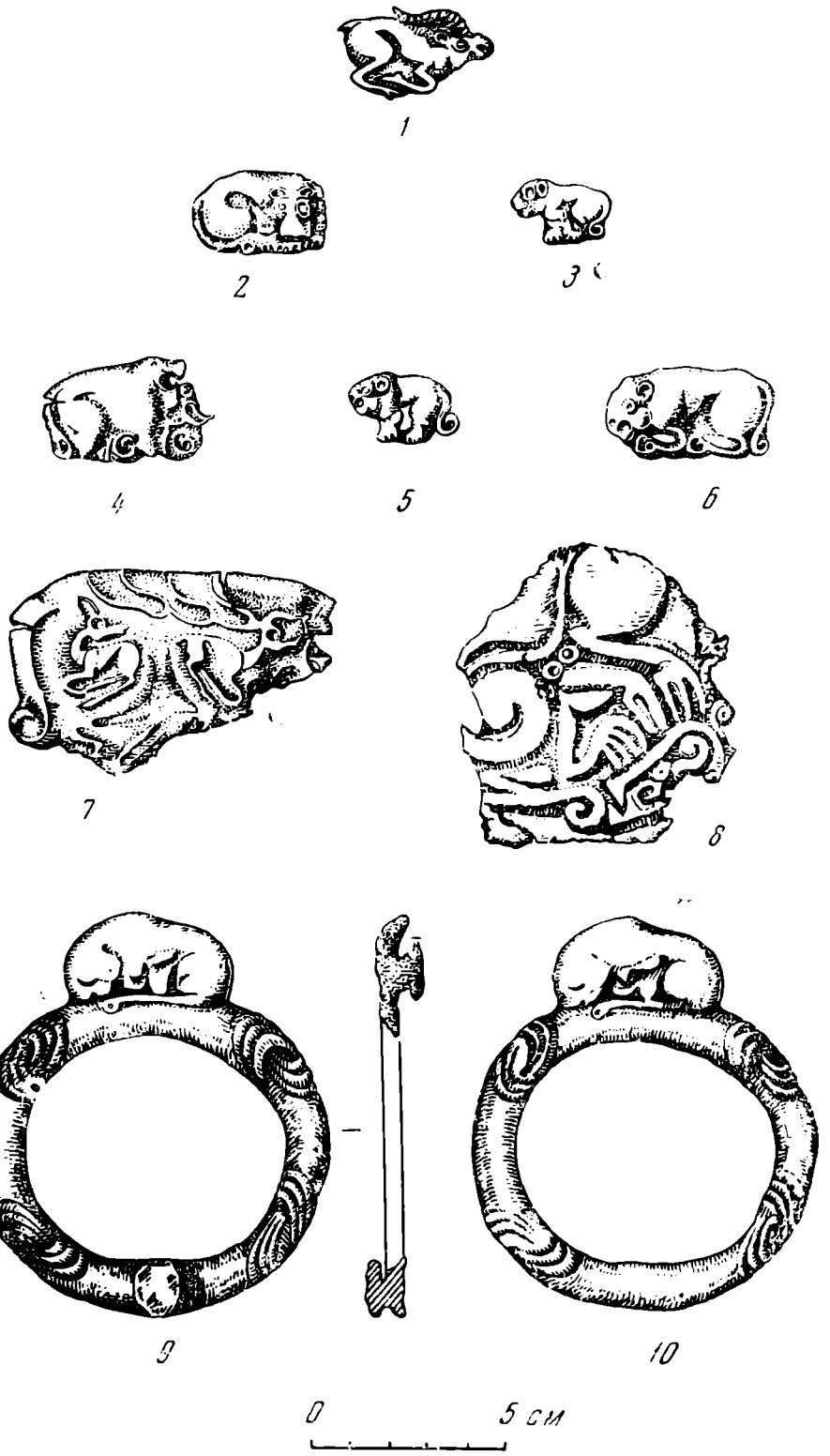


Рис. 17. Могильник Тагискен. Золотые бляшки.

1 — кург. № 66; *2—3* — кург. № 53; *4*, *6* — кург. № 45; *5* — кург. № 31. Золотые пластинки: *7* — кург. № 45; *8* — кург. № 59; *9—10* — бронзовые подпружные пряжки

дно колчана. Более крупная бляшка была найдена в верхней части колчана.

Следует подчеркнуть, что стрелы в колчане расположены остриями вверх.

Все изложенное выше позволяет реконструировать форму колчана. По-видимому, это первая, датируемая столь ранним временем, находка колчана в форме «песочных часов», хорошо известного по позднеантичным и раннесредневековым памятникам Средней Азии и смежных об-

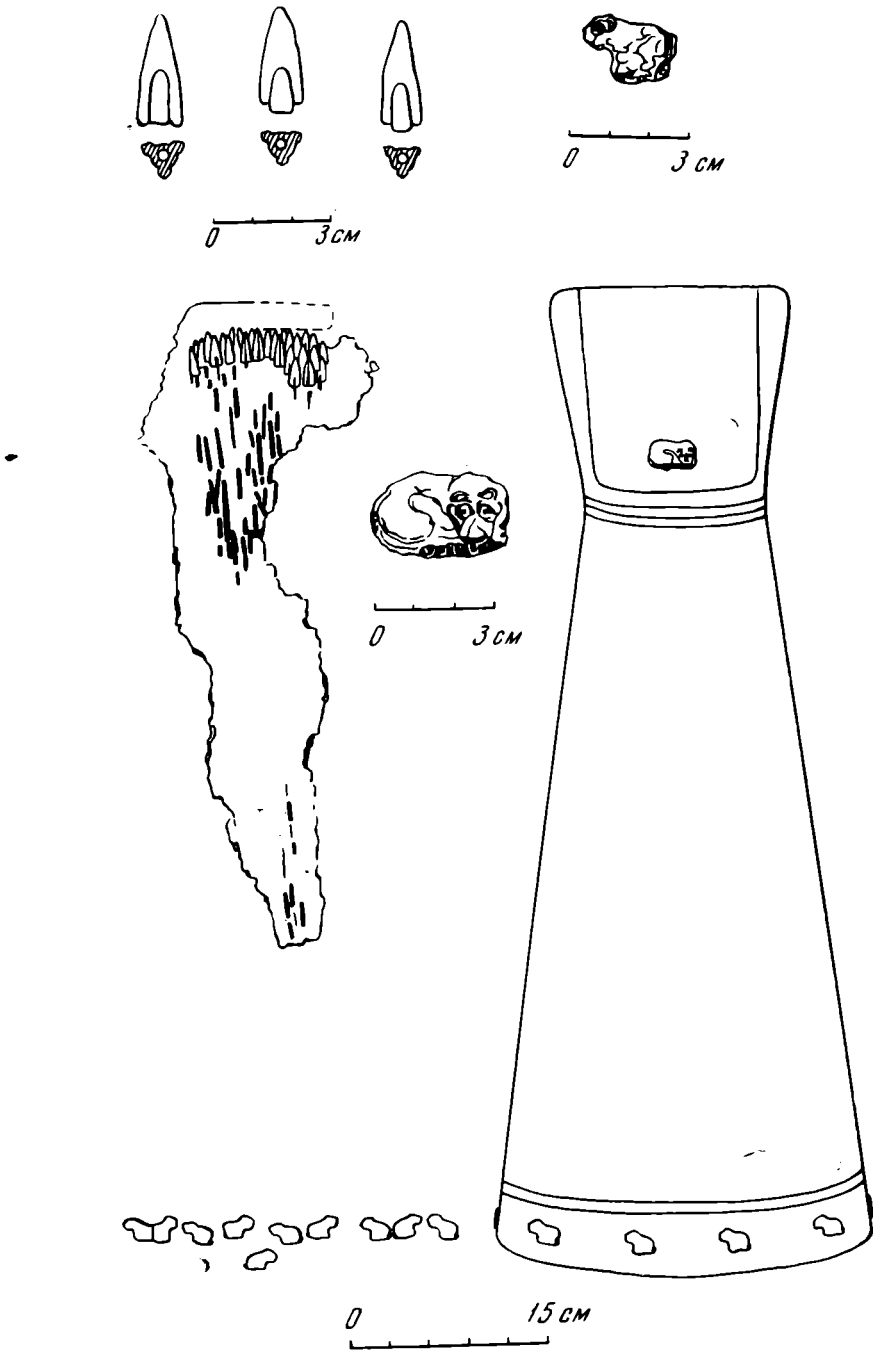


Рис. 18. Могильник Тагискен. Кург. № 53. Остатки колчана и его реконструкция

ластей [41]. Такая форма колчана [42] резко отличается от наиболее типичной формы колчана, хорошо известного по изображениям скифских воинов в памятниках скифского искусства и впоследствии широко распространенного в средневековых (считая и позднесредневековые) памятниках. Мы имеем в виду подтреугольный открытый сверху колчан, в котором стрелы помещались остриями вниз, оперением — вверх, колчан носили с левой стороны. Этот колчан, начиная со скифского времени (скифский горит) и до позднего средневековья (среднеазиатские колчаны

[41] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935, стр. 20; A. von Le Coq. Bilder Atlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925, стр. 32, 33; A. M. Tallgren. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. ESA, VIII, 1933, стр. 184, рис. 12; стр 199, рис. 37.

[42] Этот тип колчана был в свое время объектом специального рассмотрения. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 211—227.

XIX в., поздние русские колчаны — саадак), как правило, имел два отделения, в одном из которых были стрелы, а в другом — сложный лук в натянутом состоянии. В противоположность такому, наиболее широко распространенному, типу анализируемый нами колчан характеризовался расположением стрел остриями вверх и оперением вниз, с чем связана необходимость закрывать верх его специальным застегивающимся клапаном-крышкой для защиты рук воина от часто отравленных наконечников стрел. Подобную застежку, видимо, и представляла собой бляшка с изображением лежащего льва, морда которого повернута en face. Такая конструкция обуславливала появление специальной формы колчана, расширяющегося книзу (ибо там располагалось оперение стрел), затем сужающегося в средней части и вновь расширяющегося вверху, где был клапан-крышка. Все это придавало ему отмеченную выше форму песочных часов. Колчан, как правило, носился справа — положение, наиболее удобное при стрельбе из лука при таком расположении стрел. Как показывают многочисленные более поздние изображения всадников, лук (по-видимому, полусложный, длинный) носился в специальном чулкообразном футляре слева, с опущенной тетивой. Дело в том, что при наиболее распространенном положении стрел остриями вниз стрела извлекалась правой рукой за древко с оперением и клалась на лук, извлеченный из горита — саадака левой рукой. При обратном положении стрела извлекалась за острие левой рукой и накладывалась ею же на лук, а правой рукой натягивалась тетива, на которую той же рукой ставилась нижняя часть стрелы с оперением. Таким образом, перед нами два принципиально различных приема стрельбы, требовавших длительной тренировки и привычки к каждому из них.

На первый взгляд, нашим выводам противоречит расположение колчана в могиле слева от левой ноги покойника. Однако возможно, что предметы вооружения иногда не надевались на покойника, а клались рядом с ним в том порядке, который определяла точка зрения человека, совершающего погребение. Другими словами, если колчан носили справа, то те, кто хоронили покойника, и помещали его в могиле справа, хотя следовало положить слева. Колчан и меч кург. № 53 позволяют нам снова вернуться к вопросу о происхождении комплекса вооружения, позднее широко распространенного среди хорезмийцев, согдийцев, народов Син-Цзяна и древних тюркских племен. Несомненно, что, как мы предполагали и раньше [43], у собственно скифских или сакских племен, в том числе у исследуемых нами сакских племен, в VII—VI вв. преобладал классический скифский способ ношения колчана на левой стороне с остриями стрел, обращенными вниз. Это стрелковое оружие, видимо, сопровождалось типичным для скифов коротким бронзовым мечом-кинжалом — акинаком. Но уже в V в. до н. э. здесь получает распространение твердый колчан в виде песочных часов, носимый справа, со стрелами, помещенными остриями вверх, сочетающийся с чрезвычайно длинным железным мечом, получающим широкое распространение в сарматском мире. О том, что в захоронениях савроматских воинов этого времени, при наличии меча, в трех известных случаях колчан располагался справа от погребенного, упоминает и К. Ф. Смирнов [44], причем он считает это именно хорезмийским обычаем.

Переход к такому принципиально новому виду вооружения не может быть объяснен только за счет внутренней закономерности развития местной скифской культуры. Поэтому мы должны предположить здесь сильное влияние какой-то другой военно-технической традиции. Вернее всего, развитие комплекса вооружения среднеазиатских оседлых племен, в том числе хорезмийцев и, вероятно, согдийцев, происходило, видимо, под влия-

---

[43] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 217.
[44] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 35.

нием наиболее передовой в то время военной техники Ассирийской державы.

Широко известны уходящие в глубокую древность традиционные связи Средней Азии и Переднеазиатского Востока.

В этом плане нельзя не отметить широко распространенный в искусстве погребальных комплексов Тагискена мотив грифона, вернее головы грифона. На Тагискене он встречается в стилизованном виде, дается лишь форма головы. В кург. № 36 мы обнаружили набор бронзовых пряжек и бляшек такой формы (см. рис. 7, *1—5*), о каменных жертвенниках такого типа мы уже упоминали.

Наличие в комплексе наших курганов фигурок львов — еще один факт, говорящий об этих связях.

В свое время А. А. Иессеном было высказано предположение о том, что некоторые бляшки в зверином стиле с изображением льва, грифона и горного козла курганов Южного Приуралья V—III вв. до н. э. обязаны своим происхождением Средней Азии [45].

Надо полагать, что наши находки подкрепляют это предположение.

Мы уже упоминали о фигурках львов из кург. № 53 (V в. до н. э.). Сходного типа бляшка в виде идущего льва (рис. 17, *5*) была найдена в грабительском выбросе кург. № 31 (VI—V вв. до н. э.). Наконец, мы имеем еще один комплекс, более ранний, датирующийся, видимо, VII—VI вв. до н. э., в котором также были найдены изображения львов. Это комплекс кург. № 45, о котором мы упоминали выше. Он содержит стремевидные удила с роговыми трехдырчатыми псалиями (8, *1*), зеркало с бортиком и ручкой-петелькой, алтарик с чуть намеченными четырьмя ножками, каменную терку с дырочкой для подвешивания. Там же были найдены две бронзовые подпружные пряжки с изображением сидящего льва (рис. 17, *9*, *10*) и четыре золотые тисненые пластинки в виде сидящих львов с головой, повернутой в три четверти, причем три изображения обращены влево, два — вправо (рис. 17, *4*, *6*).

Все четыре варианта изображений львов — разные. Наиболее близко к переднеазиатским прототипам изображение льва на бляшке из кург. № 31, причем надо подчеркнуть, что выполнено оно довольно реалистично. Хорошо передана морда, глаз, явно принадлежащий животному из породы кошачьих, отчетливо видна грива. Явным подражанием этому образцу изобразительного искусства являются фигурки идущих львов из кург. № 53. У них так же переданы лапы, но меняется вся посадка фигуры животного, глаз делается почти круглым, исчезает грива. Это уже гораздо менее выразительный и более далекий от оригинала образ. Наконец, припавший к земле лев из кург. № 45 (рис. 17, *6*) несет на себе уже явные черты местной художественной манеры. У него по-прежнему закручивающийся на конце хвост, очень выразительно подчеркнута мускулатура тела, но глаз уже совершенно круглый и морда уже мало походит на львиную. Очень интересно заканчиваются лапы: вместо широко распространенных в скифском зверином стиле кольчатых или спиральных завитков местный художник поместил близкое ему изображение копыт, которое часто встречается на сакских и савроматских предметах конского убора.

Более реалистически выглядит бляшка-застежка колчана из кург. № 53, очень естественна поза животного, положившего морду на лапы, не характерная для местного звериного стиля, хорошо переданы глаза и нос, но совершенно тупая в нижней части широкая морда несколько нарушает впечатление. Но как бы то ни было, для нас совершенно очевидно, что все описанные бляшки изготовлены местными мастерами и в характерной для скифского звериного стиля манере.

Еще одним доказательством местного изготовления этих предметов служит находка в кург. № 66, относящемся к типу курганов с дромосом,

[45] А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, XVI, 1952, стр. 227.

шести золотых нашивных бляшек, выполненных совершенно в той же технике, но изображающих сайгу в летучем галопе (рис. 17, *1*). На этот раз мотив глубоко местный, находящий широкое распространение в памятниках Казахстана и Алтая этого и более позднего времени.

Говоря о местных мотивах в памятниках изобразительного искусства Тагискена, нельзя не упомянуть еще об одной находке из кург. № 45. Это обломок золотой пластины с замечательными по своей выразительности изображениями двух оленей на фоне фигуры какого-то крупного зверя (хищника?) с загнутым в спираль кончиком хвоста и отчетливо прослеживающимися контурами ног (рис. 17, *7*). Обращает на себя внимание трактовка рогов оленя — именно так они изображаются в тагарском искусстве Южной Сибири и Алтая [45], так же выполнены рога и у оленей на золотых бляшках из кург. № 5 Чиликтинской долины (Восточный Казахстан) [47], и у оленя, изображенного на кабаньем клыке из Калиновского могильника [48]. Таковы вкратце некоторые итоги работ на Южном Тагискене. Мы пытались проследить преемственность между культурой мавзолеев Тагискена эпохи поздней бронзы и культурой саков, оставивших погребения в курганах южной тагискенской группы. Нам как будто бы это удалось в отношении погребальных сооружений и погребального ритуала. Что же касается вещей, то это сделать труднее, но это и естественно, так как изменяются формы хозяйства, меняется образ жизни населения, появляется иной набор предметов, в то время как старые обычаи продолжают оставаться. Является ли тагискенский сакский комплекс уникальным? И да и нет. Его уникальность именно в наличии тут же, в непосредственной близости, двух разновременных, но тесно связанных в единой хронологической цепи, комплексов. Но, если отбросить этот момент, курганы Южного Тагискена вместе с уйгаракскими входят в большой круг памятников, известных, прежде всего, на территории Казахстана и принадлежащих, по принятой там терминологии, к культуре ранних кочевников.

Надо сказать, что если в разных областях этой обширной территории мы встречаем различные варианты погребальных сооружений, что в немалой степени связано с природными ресурсами того или иного района (в Центральном Казахстане, например, вместо дерева могилы перекрываются каменными плитами и т. д.), то характер погребального инвентаря во всех случаях очень сходен. Уже много раз говорилось о сходстве между казахстанскими и алтайскими древностями в исследуемое время. Находки в наших курганах еще раз подтверждают это.

Исследование К. Ф. Смирновым культуры савроматов привело его к выводу, что линия генетических и культурных связей савроматов смыкается с сако-массагетским миром Казахстана и Приуралья [49]. Такая линия связей и в нашем материале достаточно четко прослеживается. Отметим, что это относится и к конструкции погребальных сооружений и к инвентарю. Причем наиболее явные аналогии дают нам савроматские памятники Южного Приуралья, а не поволжские, что, видимо, не случайно. В основе культуры савроматов этой обширной области, по мнению К. Ф. Смирнова, лежит культура степной бронзы [50], в данном случае андроновская, она же была широко распространена на территории Казахстана и в Южной Сибири. Таким образом, единый облик культуры племен, населявших степи Казахстана (включая Восточное Приаралье), Алтая и Южного Приуралья, может быть связан со сходной для всех них основой — андроновской культурой. Эта мысль была также высказана

[46] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 231, табл. XX, *6*, *14—16*; Н. Л. Членова. Скифский олень. МИА, 115, 1962, стр. 197, табл. I, *1—6*.

[47] С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965, стр. 29, табл. XI.

[48] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 370, рис. 78, *12*.

[49] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ Д 1-9, М., 1963, стр. 5; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 277—285.

[50] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 5.

К. А. Акишевым [51] и К. Ф. Смирновым в его последней работе [52], и нам она представляется весьма плодотворной.

Исследования последних лет оттесняют все более и более на восток границы скифо-сарматского мира и выявляют тот огромный массив племен, который населял азиатские степи в эпоху формирования и сложения скифо-сарматской культуры. Если принять во внимание, что скифская культура на территории Восточной Европы окончательно сформировалась в конце VII в. до н. э., что предшествующие ей культуры исследователи называют предскифскими, а не протоскифскими, что ранние памятники этой культуры сравнительно немногочисленны и дают материал, сходный с культурой азиатских степных племен,— невольно вновь приходят на память известные слова Геродота о том, что «...кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войной со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю...» [53]. Не являются ли наши материалы подтверждением рассказа, излагаемого Геродотом, прежде всего в той его части, где говорится об азиатской прародине скифов. Ведь то, что культура племен европейской Скифии не тождественна азиатской, отнюдь не является противоречием, ибо первые, помимо того, что они ассимилировали местные племена, подвергались сильному эллинскому влиянию.

О несколько более позднем движении племен с востока на запад свидетельствуют обнаруженные нами погребения V в. до н. э. с дромосами, некоторые из которых содержат явные диагональные захоронения. Эти погребения, особенно типичные для степного (Нижнего) Поволжья в I в. до н. э.— I в. н. э., К. Ф. Смирнов, как известно, связывал с роксоланами [54]. Курганы с диагональными погребениями были обнаружены им на Илеке, где они датируются V в. до н. э. Наш комплекс самый восточный, возможно, наиболее древний.

В целом восточная группа древнее западной, что служит лишним доводом в пользу предположения о приходе роксолан в степи Поволжья с востока. Конечно, мы далеки от мысли непосредственно отождествлять людей, похороненных по обряду диагональных захоронений на Тагискене, с роксоланами Степного Поволжья. Их разделяет большой промежуток времени и длинный путь с востока на запад, прежде всего через савроматские земли. И, видимо, так оценивает новые факты К. Ф. Смирнов, когда пишет, что восточная группа савроматов, тесно связанная с сако-массагетским миром, была той этнической средой, в которой, в частности, скрывались протороксоланские элементы [55].

И, наконец, последнее. Все исследованные черепа из погребений ранних кочевников Казахстана, равно как и савроматские, были, как известно, европеоидными. Исключением является лишь женский череп из кург. № 5 Чиликтинской долины (VII—VI вв. до н. э.), дающий смешанный европеоидно-монголоидный тип [56]. Большим сюрпризом для нас была значительная монголоидность сакских черепов Тагискена и Уйгарака, особенно женских, установленная исследованиями Т. А. Трофимовой. Монголоидная примесь была зафиксирована ею раньше для памятников IV—II вв. до н. э. на этой территории, но там она проявлена значительно слабее [57]. О ранней монголоизации семиреченских саков (V в. до н. э.) и явно монголоидном типе саков, изображенных на персепольском рельефе, пишет К. А. Акишев [58]. Откуда здесь этот монголоидный элемент —

---

[51] К. А. Акишев. Ук. соч., стр. 133.
[52] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 187.
[53] Геродот, IV, 11.
[54] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, 1, стр. 213—219.
[55] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 6.
[56] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 16—17, примечание.
[57] Т. А. Трофимова. Прикаральские саки. МХЭ, 6, М., 1963, стр. 233—235.
[58] К. А. Акишев Ук. соч., стр. 18—20.

сказать трудно. Во всяком случае, намек на контакт монголоидных групп с сакскими племенами мы встречаем у Геродота. Он упоминает об обитавшей рядом с исседонами (асси-усуни более поздних авторов) явно монголоидной народности — аргиппеев [59].

Однако все это лишь гипотезы и вопрос этот требует специального исследования, и, конечно, необходимо новое накопление фактов. Дальнейшие исследования в низовьях Сыр-Дарьи позволят, видимо, наметить обширный круг связей саков Среднеазиатского Междуречья и выявить роль сако-массагетских племен степей Казахстана и Средней Азии как посредников между синхронными культурами Передней Азии и культурами скифо-сарматского мира Евразии, в том числе культурами скифского типа Сибири и Алтая.

---

[59] Геродот, IV, 23.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА, Т. М. АРСЕНЬЕВА

СТЕКЛОДЕЛИЕ ТАНАИСА

В 1964 г. Нижне-Донской экспедицией под руководством Д. Б. Шелова в Танаисе на IV раскопе в помещении «И», пристроенном к оборонительной стене, были обнаружены остатки стеклоделательного производства. Помещение, как и большинство других сооружений Танаиса, погибло во время разгрома города в 40-х годах III в. [1]. Среди остатков выявлен интересный хозяйственный комплекс, содержащий развал печи, обломки печины, зернотерки, амфоры с мукой и зерном, остатки корзин с горелым зерном, разнообразные сосуды — круговые, лепные, краснолаковые, бронзовые, а также монеты Ининфимея [2], подтверждающие дату гибели помещения. Значительная часть предметов находилась in situ. В этом мукомольно-хозяйственном комплексе неожиданно были обнаружены лепная льячка, лепная форма для выдувания стеклянных фиал, многочисленные фрагменты стекла различного качества и большое количество раковин мидий.

Льячка представляет собой маленький тяжелый глиняный лепной плоскодонный горшочек с невысоким горлышком и бочковидным туловом (рис. 1, *2*). Край горла обрамлял железный обруч с ручкой, от которого сохранились следы на поверхности. Горшочек был закрыт крышкой, сделанной из специально оббитого для этого дна стеклянного сосуда (рис. 2, *1*). В древности для варки стекла обычно употреблялись небольшие глиняные сосуды, имевшие форму горшочков [3]. Наличие ручки, вероятно, свидетельствует о назначении горшка как льячки. На внутренней и внешней поверхности горшка видны обильные остатки стекла в виде мелких и частых кристаллических выступов. Спектральный анализ крупинок определил вещество с основными составляющими: кальций, кремний, железо, алюминий, со значительной примесью меди, магния, титана и незначительным содержанием марганца, свинца, олова [4]. Бесщелочной состав необычен для античных стекол, для которых характерно высокое содержание окиси натрия. Тем не менее существование стекла с очень низким содержанием щелочей или полным их отсутствием возможно. На начальном этапе стеклоделия, когда весь процесс был еще очень несовершенен и применялись нестойкие, легко улетучивающиеся при высокой температуре соединения натрия, вырабатывалось стекло, содержащее не более 1,5—2% щелочи. Увеличение щелочей до 16—17% способствовало его легкоплавкости. Отсутствие щелочей может придавать стеклу и особые качества. В современной промышленности бесщелочными стеклами являются оптические [5].

Обожженная лепная форма, служившая для выдувания стеклянных фиал, сохранилась в четырех обломках. Эта форма имеет вид чаши, плохо

[1] Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, 1, стр. 126.
[2] Монеты определены Д. Б. Шеловым.
[3] Н. Качалов. Стекло. М., 1959, стр. 27.
[4] Анализ стекла произведен в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР Е. Н. Черныхом.
[5] Н. Качалов. Ук. соч., стр. 20, 23, 45, 65.

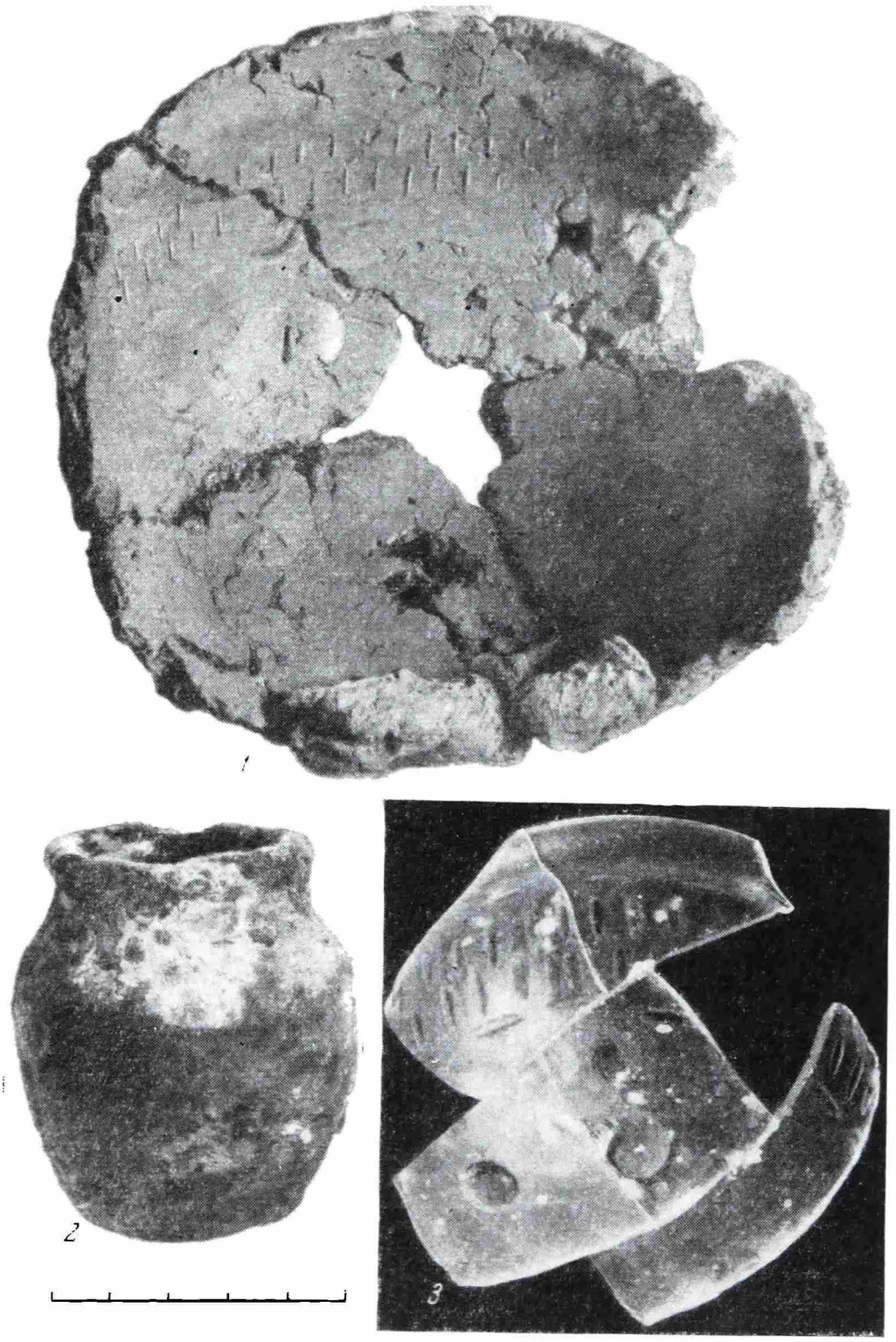


Рис. 1.

1 — лепная форма для выдувания стеклянных фиал; *2* — лепная лячка; *3* — стеклянная фиала

обработанной снаружи, со следами пальцев, оставшимися от формовки, и отпечатками соломы на дне (рис. 1, *1*). Н. Качалов, описывая глиняные формы для изготовления стеклянных изделий древнего Египта, отмечает, что внешняя их сторона всегда оставалась необработанной [6]. Дно описываемой танаисской формы округло-уплощенное, более подчеркнуто с одной стороны. Диаметр его 10—11 *см*. Наружные стенки слегка округлы; высота их неодинакова — в сохранившейся части она колеблется от

[6] Н. Качалов. Ук. соч., стр. 52.

5,5 до 7,3 *см*. Центр дна внутренней поверхности формы не совпадает с центром дна ее внешней поверхности.

Внутренняя поверхность формы оттиснута по внешней стороне стеклянной полусферической фиалы, которая имела слабо отогнутый наружу край, украшенный тончайшей горизонтальной бороздкой, находящейся на 0,4 *см* ниже его. В верхней части тулова помещены два ряда вертикальных насечек, расположенных в шахматном порядке. Ширина этого пояса 1,6 *см*. Под ним на расстоянии 0,5 *см* проведена вторая горизонтальная бороздка, опоясывающая всю чашу. Отступя на 0,6 *см*, ниже нанесен ряд более крупных насечек, помещенных горизонтально. Средняя и нижняя части тулова украшены чередующимися рядами таких же горизонтальных насечек, крупных кругов с диаметром 1,3 *см* и овалов длиной 1,7 *см*, шириной 1,2 *см*. Они расположены в следующем порядке: ряд кругов, под ними ряд насечек на расстоянии 1,7 *см* книзу от них ряд овалов и почти примыкающий к ним ряд насечек. Насечки соответствуют промежуткам между овалами и кругами.

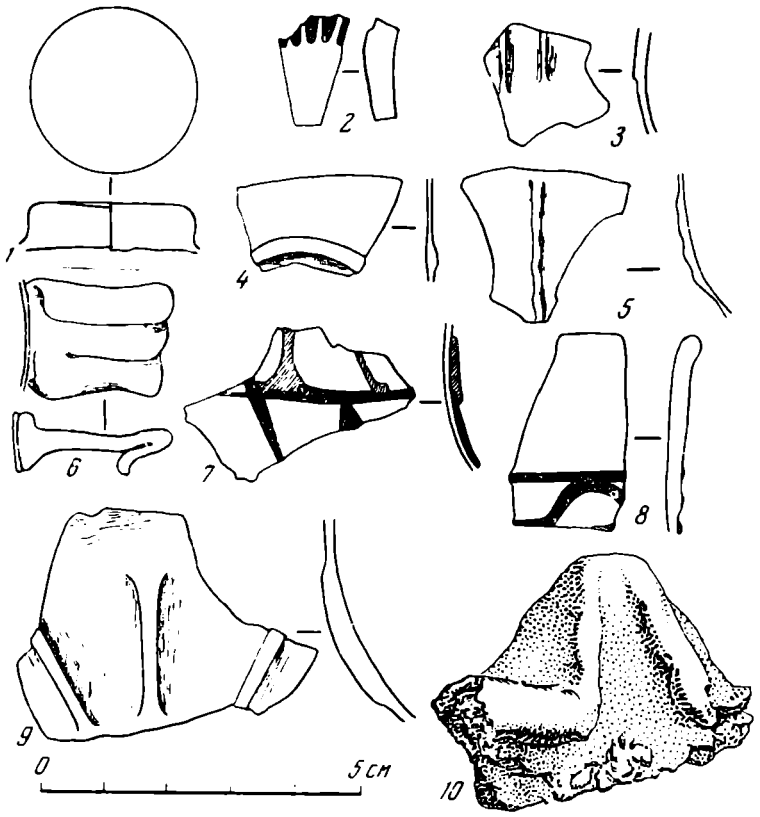


Рис. 2

1 — стеклянная крышка лепной льячки; *2—9* — обломки стеклянных сосудов из помещения «И» IV раскопа Танаиса; *10* — обломок лепной льячки

Все детали описанного орнамента хорошо заметны на внутренней поверхности формы, они выпуклы и достаточно рельефны для того, чтобы получались четкие отпечатки на стекле. Это очень интересная деталь, так как в специальной литературе, где описываются подобные фиалы, орнамент их называется шлифованным. Возможно, что на некоторых экземплярах для большей четкости детали орнамента и подшлифовывались на готовом изделии, но первоначально орнамент отпечатывался на горячем стекле, когда сосуд еще находился в форме.

Внутри, на неповрежденных местах формы, поверхность гладкая, со слабым блеском. Центр дна сохранился плохо, и судить об орнаменте на нем трудно; можно различить только слабый отпечаток овала.

Диаметр фиалы, оттиснутой в форме, 13 *см* по краю, высота около 8 *см*.

Сохранившиеся обломки формы воспроизводят бóльшую часть фиалы: с одной стороны они передают профиль чаши до дна, с противоположной — стенка при обжиге загнулась во внутрь и в месте перегиба четко отпечаталась выпуклая окружность диаметром в 9 *см*. Этот изгиб говорит о повреждении формы, которое могло произойти во время отжига готового изделия, после чего форма больше не могла быть в употреблении.

Форма из помещения «И» была неразъемной. Следов шва на фиалах не заметно. Подобные формы выходили из употребления после изготовления в ней сосуда, так как фиала имела сложный профиль, а стекло при

остывании сжимается слабо. Изготовлением формы для одного раза можно объяснить ее очень грубое внешнее исполнение.

Кроме льячки и лепной формы в помещении было обнаружено огромное количество битого стекла, раковин мидий и куски стеклянного шлака. Крупные куски шлака постоянно встречаются на всех раскопах городища, особенно часто в районе городских свалок. В мусорном слое раскопа III был найден фрагмент глиняной лепной льячки со сливом и следами стеклянного шлака на нем (рис. 2, *10*). Все это свидетельствует о существовании стеклоделия в городе. Присутствие раковин на месте стеклоделательного производства отмечает Т. Н. Высотская, описывая остатки стеклоделия на городище Алма-Кермен под Бахчисараем [7]. На применение раковин в стеклоделии указывает Плиний [8]; они употреблялись в качестве извести, необходимой для приготовления стекла. Наличие в помещении «И» большого количества обломков стекла, вероятно, также свидетельствует о том, что стекло производилось где-то поблизости. Часть обломков происходит от разбитых сосудов, изготовленных как в Танаисе, так и далеко за его пределами, и доставленных для переплавки. Известно, что при варке стекла битые сосуды шли на переплавку и способствовали более быстрому приготовлению шихты [9]. Другие обломки, вероятно, отходы местного производства. Это спекшиеся куски крупинчатой структуры или оплавленные в виде капель. Некоторые производят впечатление производственного брака. Они деформированы, края оплавлены, но их часто трудно отличить от деформированных при пожаре, в котором погибло помещение «И». Следует отметить, что стенки некоторых очень тонких стеклянных сосудов не оплавлены, в то время как многие толстостенные сосуды полностью потеряли форму.

Характер сохранившегося стекла, найденного в помещении, неодинаков. Все оно прозрачно. Бесцветные стекла отличаются зеленовато-желтоватым или голубоватым оттенками различной интенсивности, объясняемыми естественными примесями в сырье. Встречаются обломки зеленых и желтых стекол, специально окрашенных. Найден кусочек лилового стекла, прозрачного в видимом свете.

Все стеклянные сосуды, профилированные и орнаментированные обломки стекла помещения «И» публикуются полностью в настоящей работе. Стекло Танаиса из раскопок предыдущих лет издано Н. П. Сорокиной [10]. Стеклянные изделия помещения «И» не вошли в ее работу. Этот комплекс стекла представляет собой большой интерес, так как одни сосуды можно считать местными, другие, непосредственно не связанные с местным производством, дают нам новые формы. Часть сосудов еще раз подтверждает распространение уже известных в Танаисе типов.

По формам сосуды из помещения «И» можно разделить на следующие группы:

I. Полусферические фиалы. Из фрагментов помещения «И» собраны три чаши с полным профилем (рис. 3, *4*, *8*, *11*). Одна из них, сделанная из прозрачного зеленовато-желтоватого стекла, целиком укладывается в найденную здесь же глиняную форму и во всех деталях орнамента соответствует ей (рис. 3, *4*). Фиала сохранилась не полностью, стенки ее деформировались и оплавились, на поверхности множество царапин и мелких бороздок, идущих по кругу; в стенке крупный пузырь.

Две другие чаши меньшего размера отличаются от первой вариантами орнамента.

Диаметр одной из них 9 *см* по краю (рис. 1, *3*; рис. 3, *11*). Сделана она из прозрачного стекла с огромным количеством мелких пузырьков;

[7] Т. М. Висотська. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму. «Археологія», XVI, Київ, 1964, стр. 13; A. Kisa. Das Glas im Altertume. Leipzig. 1908, стр. 5.

[8] Кай Плиний Секунд. Естественная история. СПб., 1819, стр. 350.

[9] Н. Качалов. Ук. соч., стр. 32, 65—66; Т. М. Висотська. Ук. соч., стр. 13.

[10] Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса. МИА, 127, 1965.

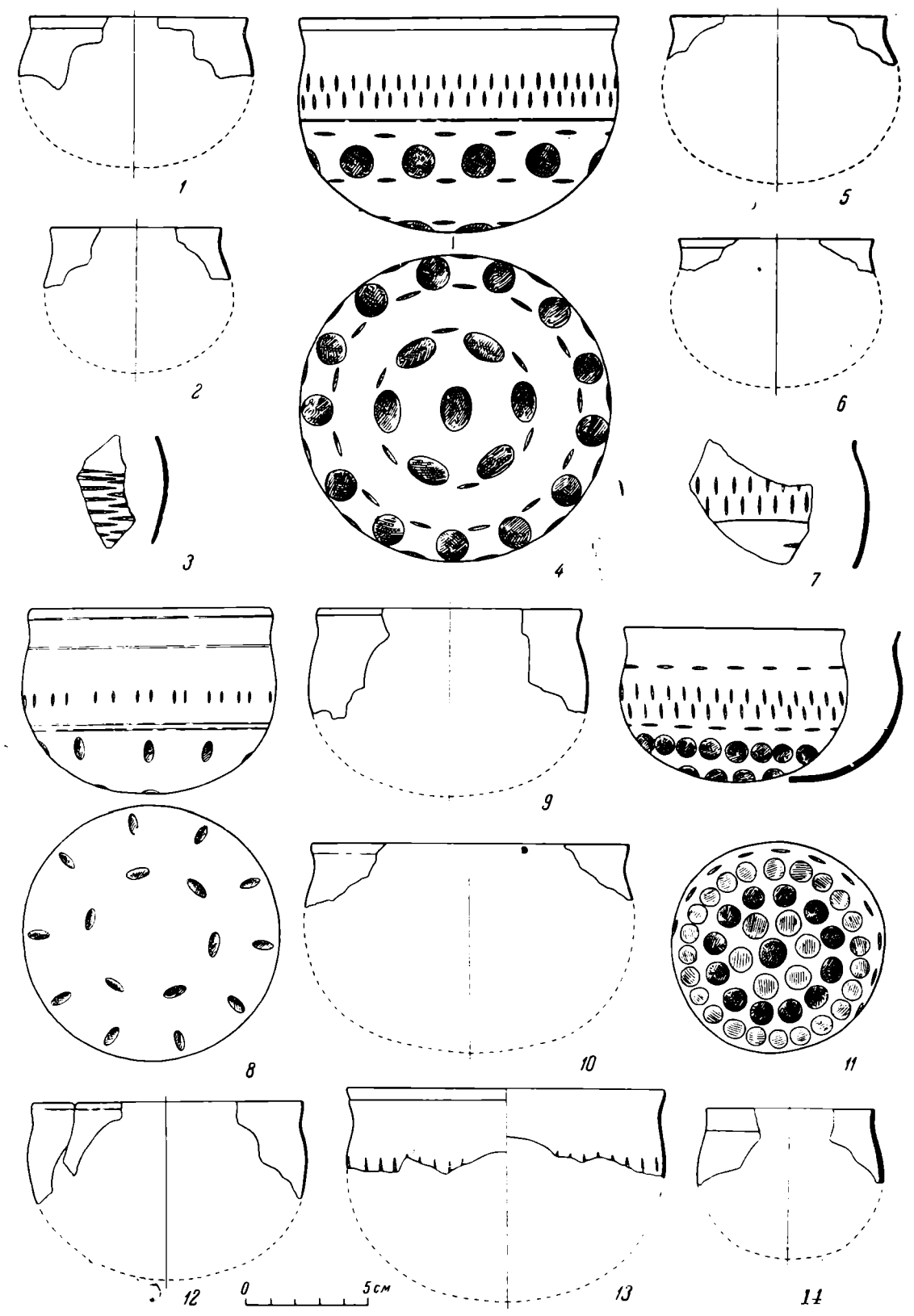


Рис. 3. Стеклянные фиалы из помещения «И» IV раскопа Танапса

поверхность шероховата. В ее орнаменте отсутствуют бороздки; вертикальные насечки одного размера с горизонтальными; верхний орнаментальный пояс состоит из двух рядов вертикальных насечек, обрамленных горизонтальными. Тулово и дно украшены частыми кругами диаметром от 0,8 до 1 *см*, опоясывающими их ровными рядами. Часть фиалы утрачена. Толщина стенок 0,1—0,2 *см*.

Вторая фиала несколько бóльшего размера, ее диаметр по краю 10 *см* (рис. 3, *8*). Стекло прозрачное с редкими пузырьками, поверхность гладкая, с незначительными царапинами. Орнамент фиалы построен по той же схеме, что и на предыдущей, но с некоторыми отклонениями: ниже края на 0,5 *см* находится тонкая, еле заметная бороздка; на 3 *см* книзу расположен ряд вертикальных насечек, под ним проходят две параллельные бороздки, опоясывающие чашу. Тулово украшено двумя чередующимися рядами вертикальных и горизонтальных овалов длиной 1 *см*, шириной 0,6 *см*. Дно не орнаментировано и слегка вогнуто.

По обломкам краев можно предположительно восстановить форму еще девяти чаш того же типа, но разных размеров (рис. 3, *1—2*, *5—6*, *9—10*, *12—14*). Возможно, орнамент их создавался по одной из только что описанных схем. На одном обломке виден след вертикальных насечек, опоясывающих среднюю часть тулова (рис. 3, *1*). Второй обломок фиалы с насечками (рис. 3, *12*) по диаметру и расположению орнамента соответствует краю глиняной формы. Сделана фиала из тонкого бесцветного прозрачного стекла (толщина стенок 0,1 *см*). На ее внешней поверхности заметно множество бессистемных трещинок и царапин, расположенных по кругу. Сохранились также обломки стенок фиал, украшенных насечками, кругами и овалами (рис. 3, *3, 7*). Принадлежность этих обломков к определенному экземпляру установить трудно. Часть фиал, вероятно, не была орнаментирована (рис. 3, *9, 14*).

Находки аналогичных фиал были отмечены в основном на Западе. Большинство исследователей стекла считают центром их производства кельнские мастерские, откуда они могли вывозиться на запад и восток. Г. Эггерс дает карту их распространения, отмечая находки в Германии, Дании, Польше и Словакии [11]. Ф. Фремерсдорф и Г. Эггерс относят бытование этих сосудов ко II — началу IV в. [12]. Ф. Фремерсдорф приводит описание фиал из коллекции Кельнского музея и считает их местным производством. В I в. производство стекла перешло из Галлии на Рейн, где наивысшего расцвета достигло со 150 по 350 г. На месте мастерских найдены огромные куски шлаков, свидетельствующие о мощности производства. Кельнские мастерские вырабатывали зеленовато-голубоватое стекло и особенно славились высококачественным прозрачным и чистым стеклом. Ф. Фремерсдорф полагает, что сырьем для прозрачного стекла на 99,9% служил кремнезем [13].

Г. Экхолм описывает три экземпляра из Скандинавии, датируемых IV в. Два из них найдены в Дании и Норвегии, один в Швеции. Основным центром изготовления фиал Г. Экхолм также считает Рейнскую область. Он отмечает, что производство фиал связано с развитием техники дутья в форме [14].

В. Ондрух указывает на находки подобных фиал в Словакии (в Островянах и Стражах). Он описывает набор из пяти однотипных

---

[11] H. J. Eggers. Der Römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951, стр. 60, карта 57, литера 216, приложение 97.

[12] H. J. Eggers. Zur absoluten chronologie der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Jahrbuch des Römisch — Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2. Mainz, 1955, рис. 4, литера 61*а*, стр. 202, 244.

[13] F. Fremersdorf. Figürlich Geschliffene Gläser. Römisch — Germanische Forschungen. 19, Berlin, 1951, табл. 18, *2*; его же. Römische Gläser aus Köln. Köln und Leipzig, 1939, стр. 6—8, 18, табл. 3*в*.

[14] G. Ekholm. Orientalische Gläser in Skandinavien Während der Kaiser — und frühen Merowingerzeit. ААКв, 1956, XXVII, стр. 35 сл.

экземпляров, различающихся по размерам, происходящих из могилы конца III — первой четверти IV в., и высказывает предположение, что фиалы были изготовлены в Кельне на Рейне около второй половины III в. [15].

Дата танаисских фиал совпадает со временем бытования фиал на Западе. Формы и орнамент их очень близки.

Обломки фиал этого типа были встречены в Танаисе и в предыдущие годы раскопок. Н. П. Сорокина, занимавшаяся танаисским стеклом, классифицируя фиалы, отметила, что наличие их придает большое своеобразие стеклу Танаиса, так как подобные сосуды не получили широкого распространения на Боспоре [16]. В Северном Причерноморье они были найдены в Алма-Керменской мастерской [17]. Находки такого большого количества фиал в Танаисе в сочетании с формой для выдувания позволяют считать большинство их местными изделиями.

Кроме обломков полусферических фиал с орнаментом из кругов и насечек, в помещении были найдены фрагменты от полусферических фиал хорошо известного типа с ребристым туловом, распространенного в Северном Причерноморье в I—II вв. [18]. Размер ребер и толщина стенок этих фиал различны, они сделаны из прозрачного бесцветного стекла и имеют незначительное количество мелких пузырьков; ребра образованы защипами (рис. 2, *3*, *5*, *9*).

II. Фиалы на высоких поддонах. По обломкам восстанавливаются две фиалы ранее не известной для Танаиса формы. Одна из них с прямым расширяющимся кверху краем сделана из бесцветного прозрачного стекла со слабым зеленоватым оттенком (рис. 4, *1*).

Другая фиала из зеленоватого стекла также расширяется кверху и имеет утолщающийся, отогнутый наружу край (рис. 4, *2*). Кольцевой поддон полый в нижней части и в профиле имеет вид петельки. С наружной стороны дна сохранился след от понтии — стержня, на котором укреплялся стеклянный сосуд перед освобождением его от выдувательной трубки.

III. Широкие миски. Большим диаметром отличаются две чаши, от которых сохранились обломки краев (рис. 4, *10—11*). Вероятно, они принадлежат к типу очень широких мисок на кольцевом поддоне, формы которых известны среди сосудов из Алма-Керменской мастерской [19].

IV. Стаканы. Из найденных обломков восстанавливается форма тонкостенного сосудика в виде стакана с вогнутым дном, расширяющимся кверху туловом и утолщающимся краем, сделанного из прозрачного бесцветного стекла с большим количеством мелких и средних пузырьков (рис. 4, *4*). Чрезвычайная хрупкость стакана и одинаковый состав стекла с фиалами, укладывающимися в форму, позволяют отнести его к местным изделиям.

V. Кувшины. Множество мелких обломков принадлежит крупному кувшину с сильно отогнутым краем венчика и овальной в сечении ручкой (рис. 4, *3*). Стенки пронизаны бесчисленными трещинками, толщина их неодинакова — 0,1—0,3 *см*. Близкой формы горла кувшинов найдены в Алма-Керменской мастерской [20].

Довольно большое количество обломков принадлежит крупному толстостенному сосуду из прозрачного зеленоватого стекла с высоким рас-

---

[15] V. Ondrouch. Bonaté hroby z doby rimskej na Slovensku Bratislava, 1957, стр. 222, табл. 25—26.

[16] Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса, стр. 210.

[17] Н. М. Висотська. Ук. соч., рис. 9, *30—31*.

[18] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, 103, 1962, стр. 217.

[19] Г. М. Висотська. Ук. соч., стр. 16, рис. 9, *7*.

[20] Там же, стр. 15—16, рис. 9, *8*.

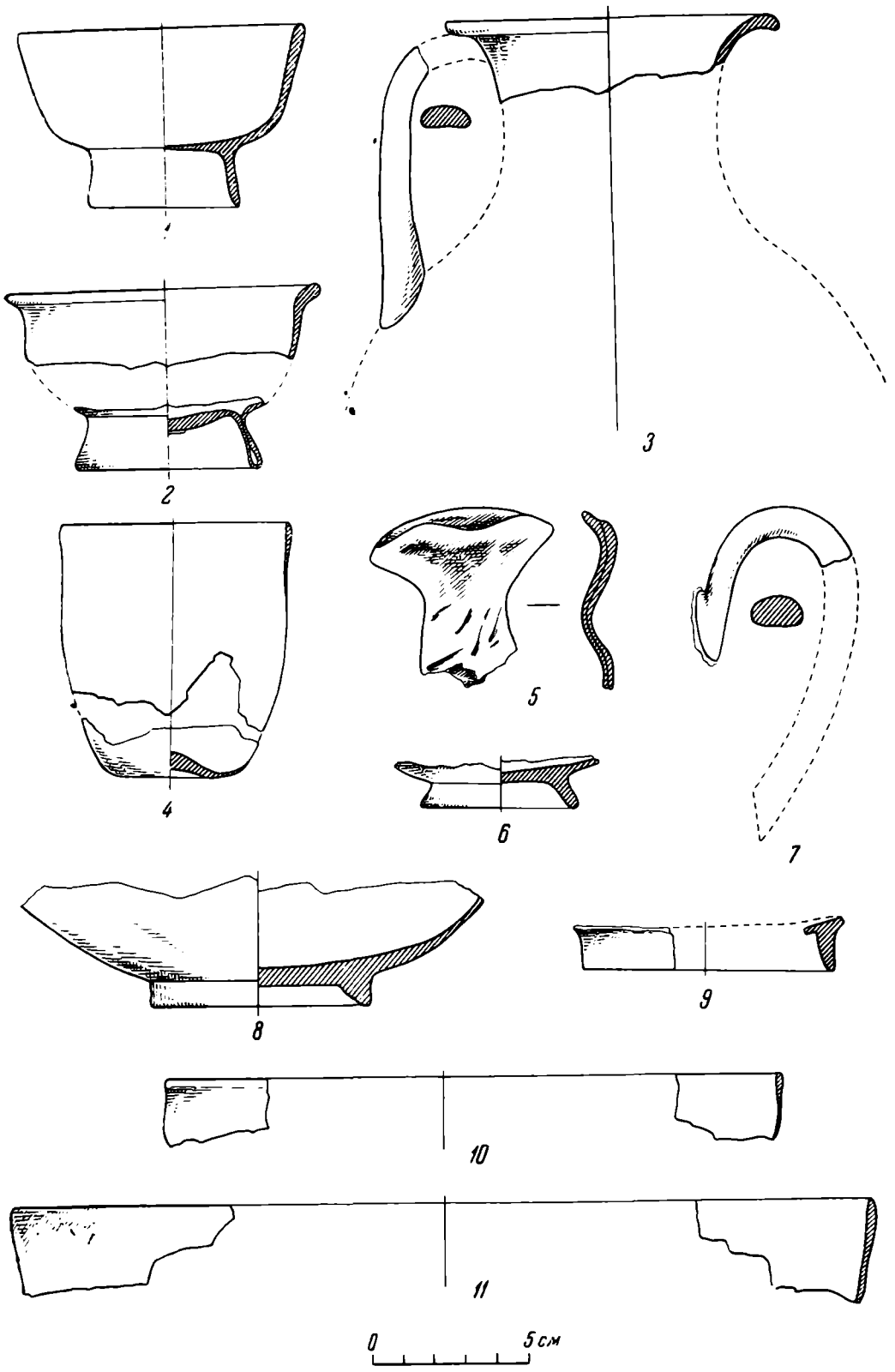


Рис. 4.

1, 2 — фиалы на кольцевых поддонах; *3, 5—8* — обломки кувшинов; *4* — стакан; *9* — обломок дна; *10, 11* — края мисок

ширяющимся горлом (рис. 4, *5*). Одна из его стенок изогнута под прямым углом и, возможно, свидетельствует о четырехгранном тулове. Стенки сосуда деформированы, горло сплющено. Все обломки кувшина производят впечатление брака производства.

Обломок ручки, изображенной на рис. 4, *7*, по определению Н. П. Сорокиной, принадлежит еще одному типу кувшинов грушевидной формы с орнаментом в нижней части тулова в виде овалов и насечек. Подобной

формы кувшины встречаются в сарматской глиняной посуде [21]. Восстанавливаемая форма кувшина интересна с точки зрения переплетения местных и заимствованных традиций и устойчивости орнамента, состоящего из различных комбинаций кругов и насечек, применяемого на различных стеклянных изделиях. Привнесенный с Запада орнамент становится излюбленным в Танаисе. Он украшает кувшины, повторяющие форму местных глиняных сосудов, и стеклянные фиалы, изготовленные в Танаисе по привезенным образцам.

Видимо, к кувшинам относятся еще два найденных кольцевых поддона. Один принадлежит сосуду из прозрачного стекла с желтовато-зеленым оттенком, с очень широким туловом (рис. 4, *8*); толщина его стенок колеблется от 0,2 до 0,6 *см*. Сосуд оплавился будучи разбитым.

Другой поддон происходит тоже от кувшина с широким туловом, но размер его меньше (рис. 4, *6*).

VI. Сосуды с накладным орнаментом. Сосуды с этим орнаментом, вероятно, имели форму конусообразно расширяющихся кверху кубков, но по двум сохранившимся обломкам общий вид и схему орнамента восстановить трудно. На фрагментах из бесцветного прозрачного стекла сохранились остатки переплетающихся напаянных нитей от узоров из матово-белого и полупрозрачного стекла бирюзового цвета (рис. 2, *7—8*). Обломки подобных сосудов уже встречались в Танаисе [22]. В Северном Причерноморье сосудов с этим орнаментом найдено мало. В Пантикапее можно указать только три обломка [23]. Аналогичные фрагменты с цветными накладными нитями были найдены при раскопках стеклоделательной мастерской на городище Алма-Кермен [24].

VII. Прочие сосуды. Среди других обломков стеклянных сосудов выделяется дно диаметром 8 *см* на кольцевом поддоне из зеленого стекла (рис. 4, *8*); плоская ручка от кувшина из бесцветного прозрачного стекла (рис. 2, *6*); фрагмент стенки сосуда с полукруглым напаем из того же бесцветного прозрачного стекла (рис. 2, *4*); обломок стенки сосуда из бесцветного прозрачного стекла с шлифованным орнаментом (рис. 2, *2*) и большое количество обломков стенок различных сосудов из прозрачного, желтого, бесцветного и зеленого стекла.

Большая часть стекла из помещения «И» Танаиса была подвергнута спектральному анализу [25], результаты которого показали, что стекло изготовлено по одному рецепту с основными составляющими: сода — известь — песок. Оно содержит большое количество щелочей, что характерно для всего античного стекла Северного Причерноморья [26]. По характеру содержащихся в стекле щелочей его можно разделить на две группы: I. Натриево-кальциево-кремнеземную, где щелочью является только окись натрия; II. Натриево-кальциево-магниево-кремнеземную, в которой в качестве щелочи присутствует еще и окись магния. Стекла обеих групп обесцвечены окисью сурьмы, комбинацией окисей сурьмы и марганца, реже только окисью марганца. Три из исследованных образцов не содержат никакого обесцвечивателя.

Все исследованные спектральным анализом стекла помещения «И» имеют близкий состав и могут принадлежать одной мастерской. Они ничем не выделяются из группы античных стекол Северного Причерноморья, богатой щелочными соединениями. Различия в их составе незна-

---

[21] Н. П. Сорокина. Стеклянные сосуды из Танаиса, стр. 217, 219, рис. 7, *6*; 9, *1—3*.

[22] Н. П. Сорокина. Там же, рис. 4, *2*.

[23] Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея, стр. 234, рис. 16, *2*, *6*, *7*.

[24] Т. М. Высотська я. Ук. соч., стр. 18—19, рис. 11.

[25] Анализы проведены и обработаны Ю. Л. Щаповой в лаборатории спектрального анализа при историческом факультете МГУ. Номера 373: 1—18.

[26] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий из Пантикапея. МИА, 103, стр. 237 сл.; е е ж е. Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса. МИА, 127, стр. 249 сл.

чительны и вполне могут быть объяснены тем, что щелочи для производства доставлялись из разных мест. Каждая из указанных групп имеет и своеобразные микропримеси. Так, окись фосфора присуща первой группе стекла. Присутствие ее может быть объяснено растительным происхождением щелочей, так как в древности соду добывали, например, из золы солончаковых растений [27]. Кроме того, в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР были исследованы стеклянные шлаки, найденные в разных местах городища. Результаты показали единство состава стекла шлаков и стекол из помещения «И» IV раскопа, связываемых с местным производством. Тот же состав имеет стекло, сохранившееся на сливе льячки, найденной на III раскопе (рис. 2, *10*).

По-видимому, со стекольным производством Танаиса можно связать находку 3000 бус в помещении «А» (раскопки 1956 г.), примыкающем к помещению «И» [28]. Бусы были обнаружены в северной части помещения, в слое пережженной глины, относящемся к середине III в., и лежали компактно. Они, так же как и стекло из помещения «И», были подвергнуты спектральному анализу [29]. Исследование показало, что по составу бусы принадлежат к двум основным группам стекол, представляющим собой варианты одного рецепта: I. Натриево-магниево-кальциево-кремнеземных; II. Натриево-кальциево-магниево-свинцово-кремнеземных.

Стекло с составом группы I широко распространено по всей территории античного мира, включая и Танаис [30]. В различных количественных комбинациях, часто зависящих от природной структуры сырья и примесей в нем, этот состав применялся для производства стекла в различные эпохи в различных центрах стеклоделия [31].

Во второй группе стекла специфическим является присутствие окиси свинца, иногда очень значительное. Основной состав группы — натрий, кальций, магний, кремний — обычен для античных посудных стекол Северного Причерноморья [32]. Окись же свинца прибавлялась в стекло для усиления его преломления.

Интересно отметить, что при сравнении данных спектрального анализа выявилось полное сходство в основном составе стекла бус второй группы и фиал, связанных с формой и относящихся ко второй группе стекла, выделенной при анализе стекол из помещения «И».

3000 бус из помещения «А» делятся по форме на два типа:

1. 55 экземпляров представляют собой слегка удлиненные четырехгранные бусы с закраинками у отверстий. Изготовлены они из трубочки с широким отверстием и имеют продольную структуру. Стекло прозрачное, фиолетовое с составом группы I; краситель — окись марганца. Среди обломков стекла помещения «И» найден кусок аналогичного стекла. Поперечный диаметр бус 4—5 *мм*, наибольшее расстояние между отверстиями по продольной оси 5—7 *мм*, диаметр отверстия 2 *мм* (рис. 5, *2*).

2. Остальные 2945 бусин однотипны по форме — округлы, слегка сжаты поперечно, с закраинками у отверстий. Сделаны они из стеклянной трубочки и, вероятно, в форме. Стекло с продольной структурой. Поперечный диаметр бус 4—5 *мм*, наибольшее расстояние между отверстиями по продольной оси 3—4 *мм*, диаметр отверстия 1 *мм* (рис. 5, *1*). Состав стекла бус этого типа неодинаковый. К первой группе стекла с применением окиси меди как красителя относятся следующие бусы:

[27] Н. Качалов. Ук. соч., стр. 21.

[28] А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка в Танаисе (1956—1957 гг.). МИА, 127, стр. 42.

[29] Анализы проведены и обработаны Ю. Л. Щаповой. Номера: 372: 5—14; 373: 20—24.

[30] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий из Пантикапея; ее же. Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса.

[31] Н. Качалов. Ук. соч., стр. 63 сл.; М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 47 сл.

[32] Ю. Л. Щапова. Результаты спектрального анализа стеклянных изделий из Пантикапея; ее же. Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса.

А) 870 экземпляров с различной степенью прозрачности, окрашенные в ярко-бирюзовый цвет.

Б) 650 экземпляров, имеющих вид глухого красного стекла или полупрозрачного зеленого, местами окрашенного в красный цвет. Эта неравномерность окраски и перемешанность красного и зеленого оттенков на поверхности одного экземпляра может быть объяснена реакцией окиси меди на постоянно меняющийся окислительный и восстановительный режим варки стекла. При определении цвета бус, окрашенных окисью

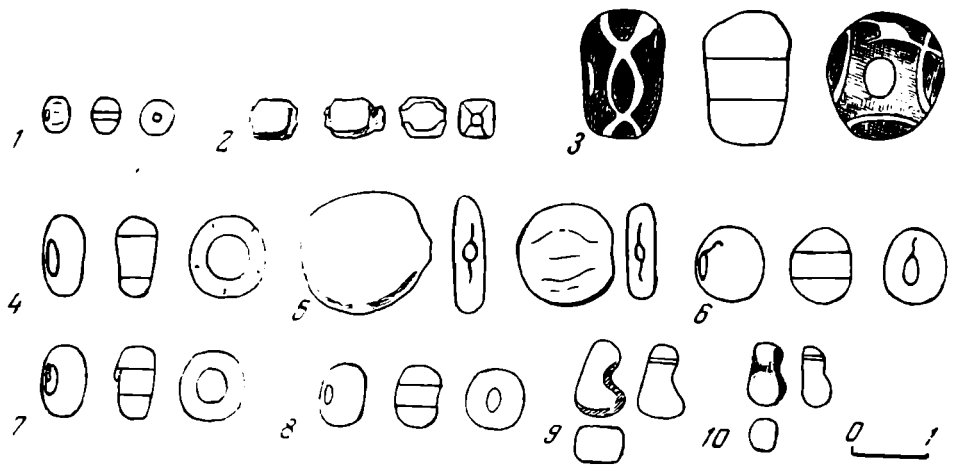


Рис. 5. Типы стеклянных бус из помещения «А» IV раскопа Танаиса

меди, следует учитывать и то обстоятельство, что помещение «А», подобно помещению «И», погибло в пожаре. Поэтому неравномерность окраски отдельных экземпляров может быть объяснена не специально примененным методом, а действием случайных явлений. Часть бусин, подвергшаяся действию наиболее сильного огня, оплавилась, деформировалась и даже полностью утеряла форму.

В) 410 экземпляров той же группы, изготовленных из прозрачного стекла темно-зеленого цвета.

Ко второй группе стекла с характерной примесью окиси свинца относятся бусы, обесцвеченные окисью сурьмы, марганцем и марганцем с сурьмой. По внешнему виду, основному составу и микропримесям они не отличаются от бус, заглушенных окисью олова. 1015 экземпляров этих бус непрозрачны и имеют желтую окраску. Сохранились они значительно хуже всех других видов бус.

Исследовав таким образом бусы из помещения «А», существовавшего, как и помещение «И», до 40-х годов III в., и положив в основу единство форм, технику исполнения и близкий, хотя и с некоторыми различиями, состав стекла, можно считать их вышедшими из одной мастерской. Находка такого количества однотипных бус, лежавших компактно в одном помещении, расположенном поблизости от того места, где были зарегистрированы следы стеклоделательного производства с близким к бусам составом стекла, позволяет предположить, что они были сделаны в Танаисе и предназначались для торговли.

Подобные бусы были найдены в танаисском некрополе в могилах, также относящихся к III в. В погр. № 171 находилось 20 экземпляров бирюзового цвета; в погр. № 195 — 3 экземпляра из зеленого стекла, абсолютно тождественных только что описанным, и 45 экземпляров из стекла того же качества, но немного бо́льших по размеру (примерно на 1 *мм* во всех измерениях).

В заключение следует перечислить еще несколько единичных типов бус, найденных в том же помещении «А», тоже в слое пожара, но в некотором отдалении от группы из 3000 штук.

1. Три бусины-подвески из непрозрачного стекла, одна — голубовато-синего, две другие — бирюзового, по внешнему виду ничем не отличающегося от бирюзового стекла округлых бус выделенной нами группы А. Высота подвески 9 *мм*, наибольшая ширина 6 *мм*, диаметр отверстия 1 *мм* (рис. 5, *9*, *10*).

2. Кольцевидная бусина из непрозрачного зеленого стекла грязно-бирюзового оттенка. Поперечный диаметр 11 *мм*, наибольшее расстояние между отверстиями по продольной оси 6 *мм*, диаметр отверстия 5 *мм* (рис. 5, *4*).

3. Бусина округлой формы, свитая из широкого жгутика, имеющая характерное для этой техники «винтообразное» устройство закраинок вокруг отверстий. Стекло прозрачное, темно-синее. Размер экземпляра соответственно предыдущему типу: 10 × 6 × 4 (рис. 5, *7*).

4. Бусина округлой формы из глухого темно-красного стекла, тоже свитая из широкого жгутика, но, в отличие от предыдущего варианта, концы его не наложены один на другой, а просто сомкнуты и в месте стыка образуют хорошо заметный продольный шов. Размер 10 × 8 × 3 (рис. 5, *5*).

5. Округлая бусина из непрозрачного серо-голубого стекла. Размер 9 × 7 × 3 (рис. 5, *8*).

6. Крупная бусина округлой формы из глухого черного стекла с опоясывающим ее орнаментом в виде двух восьмеркообразно перекрещенных белых нитей. Размер 18 × 11 × 4 (рис. 5, *3*).

7. Две уплощенные бусины, находящие себе много аналогий среди подобных экземпляров первых веков нашей эры (рис. 5, *5*). Одна из прозрачного бесцветного стекла с характерным для посудных стекол голубоватым оттенком и множеством пузырей. Размер 16 × 18 × 2, толщина диска 5 *мм*. Другая из полупрозрачного голубого стекла состава группы I, окрашенного окисью кобальта. Размер 14 × 13 × 2, толщина диска 4 *мм*.

Все описанные находки Танаиса, свидетельствующие о местном стеклоделательном производстве, имеют важное значение для изучения ремесел в античных городах Северного Причерноморья, в частности стеклоделия, археологически наиболее слабо прослеживаемого. Они дополняют начавшую вырисовываться картину стеклоделательного производства в позднеантичное время на территории нашей страны. Лишь недавно обнаружены следы стеклоделия в Херсонесе [33]. Неразъемная форма для выдувания сосудов и льячка со следами стекла на ней особенно ценны потому, что в хорошо сохранившемся стеклоделательном комплексе на городище Алма-Кермен форм, льячек и тиглей найдено не было [34], нет их и в Херсонесе. Среди остатков стеклоделательной мастерской III—IV вв. у с. Комаров Черновицкой обл. были найдены три глиняные формы с внутренним рельефным рисунком, но разъемные [35].

Танаис наиболее удален от других городов античного мира и был расположен на территории, заселенной варварскими племенами. Негреческие традиции в нем проявились значительно сильнее, чем в других боспорских городах [36]. По сравнению с такими крупными центрами, как Пантикапей, Ольвия и Херсонес, в культурном слое Танаиса найдено значительно меньше стекла. В составе могильного инвентаря танаисского некрополя наблюдается почти полное отсутствие стеклянных сосудов, что

---

[33] Г. Д. Белов. Стеклоделие в Херсонесе. СА, 1965, 3, стр. 237 сл.

[34] Т. Н. Высотская. Ук. соч.

[35] М. Ю. Смишко. Поселення III—IV ст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів, Чернівецької області. МДАПВ, 5, Київ, 1964; М. А. Безбородов. Исследование стекол из стеклоделательной мастерской III—IV вв. н. э. у с. Комаров. Там же, приложение, стр. 67 сл., табл. I, *12*, *13*.

[36] Д. Б. Шелов. Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных. В кн. Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961, стр. 112 сл.

тоже отличает могильник Танаиса от других античных некрополей римского времени. Из 209 погребений, открытых в Танаисе Нижне-Донской экспедицией, только в двух (№ 182 и 195) были найдены бальзамарий и обломок стеклянного сосуда. Вероятно, сравнительно небольшое количество стекла в городе объясняется сильной варваризацией последнего. Но именно поэтому наличие в Танаисе остатков, свидетельствующих о развитии стеклоделательного производства, приобретает еще бóльшее значение. Если в городе, где стекло не получило столь широкого применения, были найдены следы стеклоделия, то в крупных городах Северного Причерноморья с сильно развитыми сложными ремеслами, где потребность в стекле была значительно больше, развитие собственного стекольного производства делается более вероятным. Находки стеклоделательного производства в Танаисе очень значительны и для характеристики экономики города, большое место в которой занимала торговля. Торговые связи жителей Танаиса хорошо представлены археологическими и письменными источниками; производственная же сторона известна значительно хуже [37]. Новые находки дополняют наши сведения о Танаисе, как о центре ремесленного производства.

Помимо этого, остатки стеклоделия в Танаисе заставляют более осторожно относиться к вопросу об интенсивности непосредственных торговых связей, устанавливаемых на основе общности форм стеклянных сосудов. Стекло Танаиса II — первой половины III в. имеет много аналогий среди западноевропейского стекла. Вероятно, отдельные сосуды были привезены в Танаис из западноримских провинций. Но эти же сосуды могли служить образцами и для собственного изготовления. Глиняные формы для выдувания стеклянных сосудов, видимо, оттискивали по привезенному образцу.

В заключение нужно отметить большую близость в наборе стеклянных сосудов помещения «И» Танаиса к Алма-Керменской мастерской. Полусферические фиалы с орнаментом из кругов и насечек, а также фиалы с ребристым туловом, миски большого диаметра, сосуды с накладными нитями и кувшины с сильно отогнутым краем находят полную аналогию в мастерской под Бахчисараем. Близкий набор стеклянных изделий и редкая их встречаемость в Северном Причерноморье, видимо, объясняются единой западной школой мастеров стекла в Танаисе и городище Алма-Кермен.

---

[37] Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 115 сл.

А. Л. ЯКОБСОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПИФОСЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Пифосы (греч. πίθος , лат. dolium, букв. бочка) в качестве вместительной тары для хранения продовольственных припасов — различного зерна, мелкой соленой рыбы, растительного масла и вина — были, как известно, широко распространены в странах Средиземноморья, в том числе и в Северном Причерноморье, как в античный период, так и в средние века.

Пифосы, один или несколько, были, по-видимому, обязательной принадлежностью жилого дома как в городе, так и в сельских поселениях, в этом убеждают археологические раскопки. Мы вправе поэтому отнести пифосы, подобно амфорам, к массовым видам керамики. Однако, несмотря на распространенность пифосов, они до сих пор очень слабо изучены, особенно средневековые [1]. Не изучена техника их производства, не прослежены изменения их форм, вследствие чего редко удается использовать пифосы в качестве датирующего материала. А между тем, в силу своей массовости, пифосы в этом отношении могут иметь большое значение.

Настоящая статья представляет собой попытку обобщить уже накопленный материал из Северного Причерноморья, представить развитие форм средневековых пифосов и дать по возможности их хронологическую классификацию, тем самым облегчить датировку археологических слоев, содержащих пифосы.

Надо, однако, заранее сказать, что в настоящее время эта задача не может быть осуществлена полностью, так как имеющийся материал очень неравномерно распределен хронологически и не охватывает всего средневековья.

И все же мы решаемся изложить свои наблюдения, явившиеся попутным результатом наших исследований средневековых памятников Северного Причерноморья; поступление нового материала происходит крайне медленно, ожидать значительного его пополнения пришлось бы слишком долго.

Позднеантичные и средневековые пифосы имеют некоторые общие черты. У них вытянутый яйцевидный корпус, они вкапывались в землю, наполовину или полностью, и потому обычно имели узкое днище, которое

[1] Литература, посвященная пифосам, очень скудна. См.: DAGR, II, 1892, стр. 332—333; RE, V, 9, 1903, стр. 1284—1286, XX, 2 (40. Halbband), 1950, стр. 1849. Об эллинистических пифосах см: M. Čičikova. Les timbres sur phitoi de Seuthopolis. BCH, LXXXII, 1958, II, стр. 466—481. О собственно средневековых пифосах литературы почти нет. Можем лишь назвать: R. Scranton. Midiaeval architecture-Corinth, XVI, 1957, стр. 131—132. Несколько попутных замечаний см.: В. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 133; А. Л. Якобсон. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма. ВВ, XXI, 1962, стр. 167—168. О поздних пифосах Херсонеса XII—XIII вв. см.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 107—108. Важный этнографический материал дает книга: Roland Hampe, Adam Winter. Bei Topfern und Topferinnen in Kreta, Messenien und Zypern. Mainz, 1962.

обкладывали внизу камнями или вставляли в углубление каменной плиты или в специально сделанный выруб в скале. Для удобства пользования пифосы имели широкую горловину с массивным венчиком. Но этим общие черты и ограничиваются. С течением времени формы пифосов менялись; изменения эти придавали сосудам того или иного периода специфический облик. Правда, изменения происходили весьма медленно, так как прочный большой пифос, словно вечный мешок, служил очень долго, может быть нескольким поколениям, и замены ему не требовалось. Устойчивость форм создает дополнительные трудности для датировки пифосов и их классификации.

Особенно трудно составить представление о раннесредневековых пифосах (V—VII вв.). Трудно, во-первых, потому, что от пифосов этого времени уцелели лишь отдельные фрагменты, не дающие полной формы сосудов [2]; во-вторых, потому, что, в сущности, неизвестны позднеантичные формы пифосов, знание которых облегчило бы реконструкцию и раннесредневековых пифосов. Поэтому приходится ограничиться констатацией лишь отдельных признаков и особенностей раннесредневековых пифосов.

По-видимому, одной из наиболее характерных таких особенностей является форма массивного венчика с сильным выносом (шириной до 4 *см*), образующим широкую горизонтальную поверхность верхнего края.

Такие венчики имеют пифосы позднеримского времени. В качестве примера сошлемся на большой гладкостенный пифос (высотой 1,63 *м*, хранящийся в археологическом музее г. Тырново, Болгария) (рис. 1, *1*) [3]. Черта эта удерживается до VIII—IX вв., в чем убеждают фрагменты пифосов из керамического завала у гончарных печей близ Судака в восточном Крыму (рис. 2, *1*) [4]. Пифосы эти, судя по подъемному материалу из синхронных соседних гончарных печей, служивших для обжига амфор причерноморского типа (иначе называемых салтовскими, т. е. такие же, как в Чобан-Куле), относятся именно к VIII—IX вв.

Раннесредневековым временем, не позднее VIII в., может быть датирован небольшой пифос — биконический, гладкостенный, с относительно широким плоским днищем и аналогичным вытянутым венчиком, открытый на средневековом поселении близ с. Гончарного в 1963 г. (рис. 2, *2*) [5]. Сосуд стоял рядом с большим желобчатым пифосом; дата такого рода пифосов — VIII в.— хорошо документируется материалом из раскопок в Планерском (см. ниже).

Аналогичный — по форме, размеру и профилю венчика — гладкостенный биконический пифос находится в Херсонесе, он происходит из средневековых поселений юго-западного нагорья, хотя точнее его паспорт неизвестен (рис. 2, *3*). В пользу раннесредневековой даты этого пифоса говорит и надпись, нанесенная по сырой глине под венчиком: +ЄУ[СТРАТНС?] [6].

Раннесредневековую дату пифосов с таким венчиком косвенно подтверждают пифосообразные сосуды с желобчатой поверхностью и горизонтально

[2] В 1939 г. в Тиритаке был открыт раннесредневековый пифос V—VI вв. грушевидной формы (В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 101). Однако пифос этот мы не можем включить в наше описание, так как во время Великой Отечественной войны он был утрачен. Пифос интересен надписью под венчиком, сделанной по сырой глине и содержащей имя ПАНС и крест (о надписи см. ниже).

[3] Происходит из дер. Дыскут Павлиненского округа.

[4] В урочище Пошалы, находящемся в северном конце Канакской балки; балка расположена к западу от с. Приветного (бывш. Ускют) и в 10 *км* от Чобан-Куле. Гончарные печи открыты разведками Чобан-кульского отряда Крымской экспедиции (А. Л. Якобсон и М. А. Фронджуло).

[5] Биконический пифос в с. Гончарном использовался, видимо, долгое время и основательно чинился еще в древности, на что указывают несколько прочных металлических скреп длиной 7—8 *см*, соединявших штыри, для которых в стенках пифоса были просверлины парные отверстия (рис. 2, *2*).

[6] Подобная надпись по сырой глине и в том же месте была, как сказано, на раннесредневековом пифосе из Тиритаки.

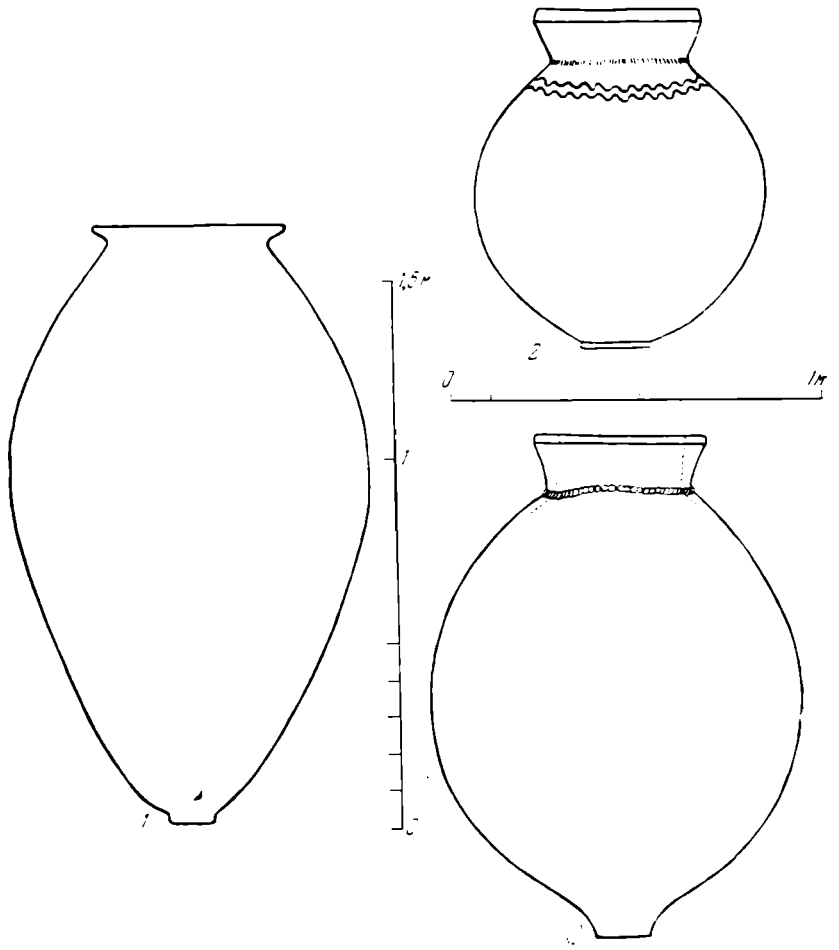


Рис. 1

1 — пифос из музея в г. Тырново (Болгария); *2* — пифос из поселения на холме Тепсень (пос. Планерский); *3* — пифос из Херсонесского музея (найден на территории Северного дока Севастополя)

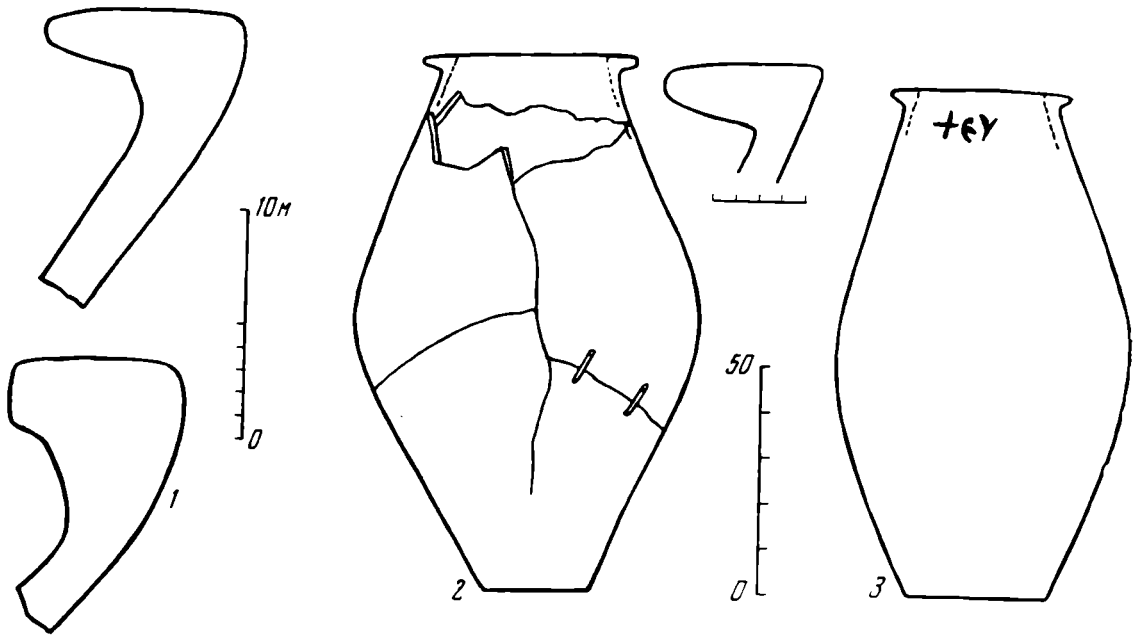


Рис. 2

1 — профили венчиков пифосов из гончарной печи в Канакской балке близ с. Приветного; *2* — биконический пифос из раскопок 1963 г. в с. Гончарном; *3* — пифос из Херсонесского музея с надписью (беспаспортный)

отогнутым венчиком из аланских поселений в центральном Предкавказье, они датируются VIII—IX вв. [7].

Некоторые косвенные соображения, о которых будет сказано ниже, склоняют нас отнести к раннему средневековью — VI—VIII вв.— небольшую группу пифосов с шаровидным корпусом и относительно высоким горлом наподобие стоячего воротничка, слегка расширяющимся кверху; край его не профилирован, но значительно утолщен; днище узкое. Один такой пифос (высотой 0,92 *м*) (рис. 1, *2*) происходит из раскопок жилого дома VIII—IX вв. на большом поселении на горе Тепсень в пос. Планерском (бывш. Коктебель) [8]; у основания горла этот пифос украшен двойной волной, а на переломе горла — штриховкой. Другой аналогичный пифос найден в Северном доке Севастополя в 1930 г. Он больше по размеру, чем тепсеньский (высота 1,36 *м*) (рис. 1, *3*), на переломе горла украшен медальонами по налепному валику. На стенке пифоса нанесена трехстрочная надпись граффити и процарапан крест. Надпись эту М. А. Шангин относит к VII—VIII вв. [9]. Почти такой же пифос (высота 1,35 *м*) открыт в Херсонесе; он стоял в большом подвале жилого дома на главной улице, рядом с типичным позднесредневековым пифосом (раскоп И. А. Антоновой, 1956 г.). Последнее обстоятельство еще раз указывает на очень большую длительность использования пифосов, что было возможно благодаря их высокой прочности.

В пользу раннесредневековой даты таких пифосов говорит их общий облик и особенно форма верхней части со слегка расширяющимся широким горлом. В таком виде эти пифосы напоминают амфоры с глубоким рифлением, часто встречающиеся в городах Северного и Западного Причерноморья (на территории нынешней Румынии и Болгарии) и датируемые V—VI вв. [10]. Среди довольно большого количества более или менее определенно датированных пифосов VIII—X вв. и последующего времени мы не встречаем подобной формы (кроме пифоса из пос. Планерского).

Период VIII—IX вв. благодаря недавно начатым раскопкам сельских поселений в юго-западном нагорье и на горе Тепсень в пос. Планерском полнее представлен керамическим материалом, позволяющим проследить определенную линию развития форм пифосов.

Несомненно, к VIII—IX вв. относятся найденные при наших раскопках в юго-западном нагорье два больших пифоса из поселения близ с. Поляна (бывш. Маркур), два, меньших по размеру, из поселения близ Новой Бобровки (бывш. Бага), один — в с. Родниковое (бывш. Скеля) и два — близ с. Гончарное [11]. Два пифоса того же времени происходят из городища на горе Тепсень. К этим более или менее определенно датированным пифосам можно присоединить несколько аналогичных по форме сосудов, найденных также в юго-западном нагорье Крыма и в восточном Крыму и, вероятно, одновременных названным.

---

[7] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 113 и рис. 34, *1*, *7*.

[8] Раскопки М. А. Фронджуло, которому приношу благодарность за разрешение использовать пифосы из пос. Планерского в настоящей работе.

[9] Надпись следующая:

Πλυάδα γυνὴ τοῦ κυλικ(ίου)
Πηθάρη
Ρομοου

Кроме того, в окружении линий процарапано: θάσος и изображение мухи с надписью [M]HIA и KPHNIA Рядом начертан крест с буквами INAT (ANACTACIC). М. А. Шангин. Некоторые надписи Херсонесского музея. ВДИ, 1938, 3 (4), стр. 83—84.

[10] А. Л. Якобсон. Средневековые сельские поселения..., стр. 166, примеч. 1 и рис. 1*а*.

[11] Все названные поселения находятся в Бахчисарайском районе; с. Поляна — в бассейне рек Бельбека, Бобровка и Родниковое — в Байдарской долине, с. Гончарное — в примыкающей к ней Варнутской долине. Дата пифосов основана на массовом керамическом материале. Обоснование датировки см.: А. Л. Якобсон. Средневековые сельские поселения..., стр. 166—168.

В основе своей они сохраняют яйцевидную форму позднеримских и раннесредневековых пифосов. Но вместе с тем обращает внимание разнообразие их общего облика вследствие различной обработки поверхности: одни пифосы имеют более или менее широкие горизонтальные желобаканнелюры, другие — рельефные обручи. Те и другие служили, вероятно, одной цели: придать корпусу пифоса бóльшую прочность, необходимую при передвижении (перекатывании) пифосов. Третьи пифосы гладкостенные. Изменилась форма массивного венчика: у большинства пифосов того времени она треугольная в сечении. Первая разновидность — с горизонтальными желобами-каннелюрами — наиболее своеобразна. Она представлена целой серией, из которой выделяется несколько пифосов больших размеров. Один из них происходит из раскопок на горе Тепсень близ пос. Планерского (рис. 3, *1*). Пифос — яйцевидный, с широким корпусом, с очень широкими плоскими желобами (ширина 16—23 *см*), грани между ними приближаются к валикам-обручам; венчик довольно сильно выступает (но не в виде полочки), днище узкое (диаметр 16 *см*) [12]. Дата этого пифоса, в соответствии с хронологическими рамками всего тепсеньского поселения [13], не выходит за пределы VIII—IX вв.

Несколько отличается более высокий пифос, открытый раскопками 1963 г. близ с. Гончарного (рис. 3, *2*). Его яйцевидный корпус более стройный, узкое днище профилированное, венчик своим сильным выносом напоминает раннесредневековые. Желобчатости поверхности придан специфический характер: профиль имеет вогнутость только на нижней части желоба и напоминает профиль набегающей волны на амфорах VI в. [14]. Эта деталь отражает, вероятно, античную ремесленную традицию.

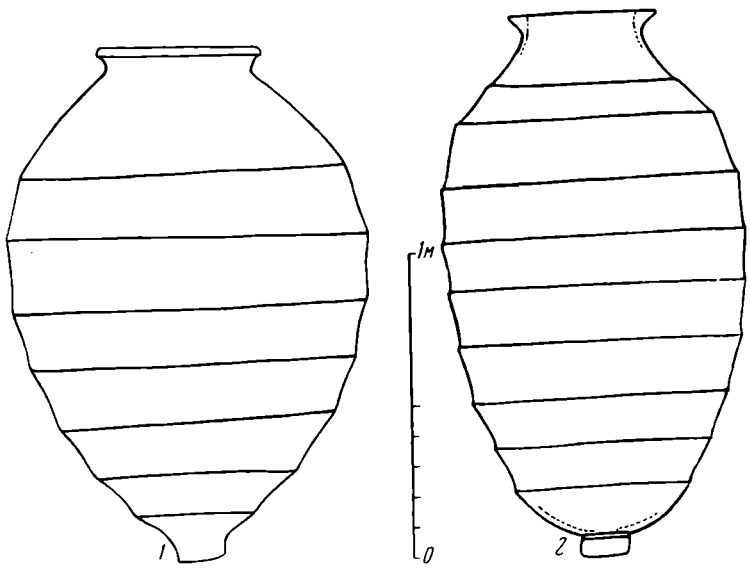


Рис. 3. Пифосы с желобчатым корпусом

1 — из поселения на холме Тепсень (пос. Планерский); *2* — из поселения близ с. Гончарное (бывш. Варнутка)

В большинстве своем желобчатые пифосы отличаются меньшими размерами. Таков, например, небольшой яйцевидный пифос, происходящий с поселения VIII—IX вв. у подножья Медовой горы близ с. Шепетовка (бывш. Отузы в районе Судака (рис. 4, *2*) [15]. Его горловина широкая, венчик имеет сравнительно большой вынос, ширина желобов 7—13 *см*. Аналогичный, почти целый небольшой пифос, несколько иных пропорций, с более широкой нижней частью и сплюснутым днищем, вывезен из с. Пятихатка (бывш. Ходжа-сала, у подножья Мангупа) (рис. 4, *4*). Ширина желобов 8—12 *см* [16]. Еще меньших размеров подобный желобчатый пифос хранится в фондах Крымского областного краеведческого музея в

---

[12] Фотография пифоса издана: В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 133.

[13] Там же, стр. 95. Называется дата VIII—X вв. Мы считаем, что правильнее датировать поселение VIII—IX вв.

[14] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 330, рис. 3, *14*.

[15] Найден в 1960 г. среди других пифосов (в количестве шести-семи). Хранится в местной школе с. Шепетовки.

[16] Хранится в Бахчисарайском историко-археологическом музее.

Симферополе (рис. 4, *1*). Его венчик слабо расширяется (лишь утолщен), узкое днище не профилировано, ширина желобов 12—16 *см*.

Несколько отличается обработка поверхности узкими, шириной в 6 *см*, желобами у яйцевидного, стройного по пропорциям, пифоса (рис. 4, *3*) из поселения близ с. Бобровки (бывш. Бага, раскоп 2, 1956 г.). Его днище узкое, венчик треугольный в сечении, черепок темно-красный. По своим пропорциям и профилю венчика сосуд приближается к более поздней группе пифосов — IX—X вв., но по традиции еще удерживается желобчатость, хотя и в деградированном, измельченном виде. Как известно, позднее она утрачивается.

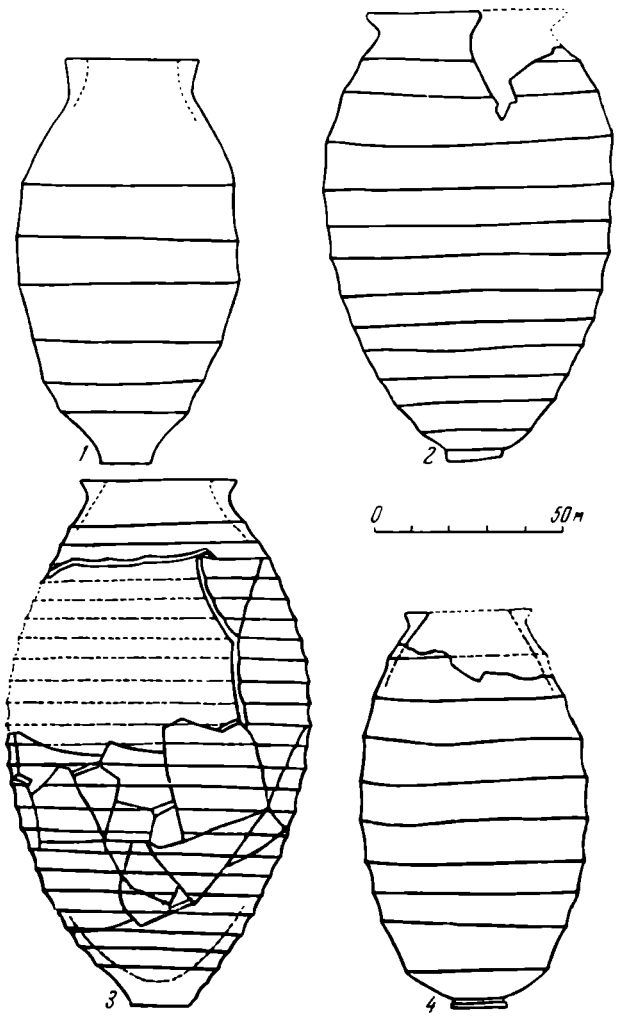


Рис. 4. Пифосы с желобчатой поверхностью

1 — из фондов Крымского областного музея (Симферополь); *2* — из поселения близ Шепетовки (бывш. Отузы); *3* — из поселения близ с. Бобровки (бывш. Бага; раскоп 2, 1956 г.); *4* — из с. Пятихатка (бывш. Ходжа-сала)

Многочисленные фрагменты желобчатых пифосов постоянно встречаются при раскопках одновременных сельских поселений юго-западного Крыма: на поселениях Байдарской долины, Бельбекской долины (с. Поляна), близ с. Гончарного, на плато Кыз-Кермен близ Бахчисарая, в долине р. Качи.

За пределами Крыма прием желобчатой обработки поверхности наблюдается у пифосообразных сосудов центрального Предкавказья [17] и несомненно восходит к поздней античности и к раннему средневековью [18].

Вторая группа одновременных пифосов, тесно примыкающая к первой, характеризуется наличием обручей—налепных валиков, опоясывающих корпус сосуда и придающих ему желобчатость. Два очень больших пифоса такого рода открыты в 1960 г. в раскопе 1 на поселении близ с. Поляна (бывш. Маркур) (рис. 5). Поблизости от жилого дома они были закопаны один возле другого почти на всю свою высоту и перекрыты сверху каменными крышками [19].

Оба пифоса яйцевидные. Высота первого — 1,92 *м* (рис. 5, *1*); высота второго — 2,15 *м* (рис. 5, *2*). Корпус пифосов опоясан валиками-обручами, переходящими на нижней части сосуда в желобки; ширина поясов между валиками от 5 до 6 *см* у первого пифоса и 7—9 *см* — у второго. Днище у обоих пифосов в виде короткого массивного выступа. Широкая горловина имеет треугольный в сечении массивный венчик. Толщина стенок, как обычно, 3—4 *см*; у днища они толще, черепок красный. Вместимость этих пифосов: первого — около 1100 *л*, второго — около 1400 *л*.

[17] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 113, рис. 34.

[18] H. S. Robinson. Pottery of the Roman Period. The Athenian Agora, V, Princeton. New-Jersey, 1959, табл. 28, 29 (М., 240, 255—257, 275—279) — сосуды IV в.; табл. 33, М.335, стр. 115 — сосуд VI в. Аналогичный сосуд IV в. с желобчатой поверхностью найден в 1940 г. в Тиритаке (близ Керчи; Инв. № 165*в*).

[19] Пифосы были обнаружены при пахоте целыми, но потом верхние части были отбиты. Хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом музее.

Оба пифоса имеют прочерченные до обжига буквенные знаки: на меньшем пифосе (на верхнем обрезе венчика) ᛉ, на бо́льшем (в верхней части корпуса) — ᚺ.

Отдельные разрозненные фрагменты пифосов с валиками-обручами столь же часто, как и фрагменты желобчатых пифосов, встречались на поселениях юго-западного нагорья как при раскопках, так и среди подъемного материала. Можно думать поэтому, что в VIII—IX вв. на многочис-

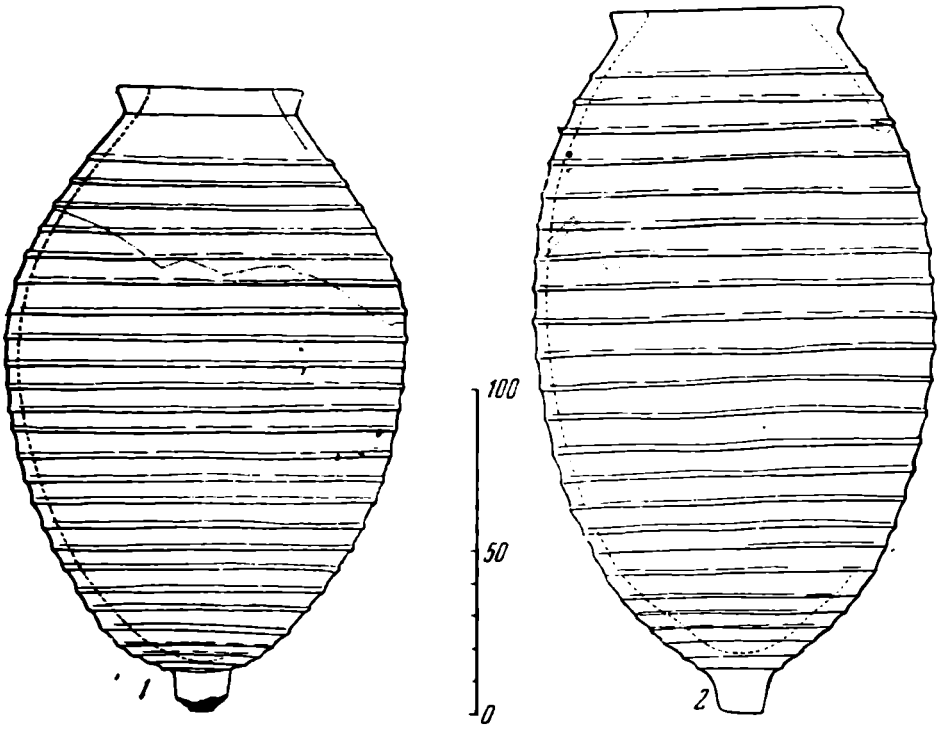


Рис. 5. Пифосы из поселения близ с. Поляна

ленных поселениях юго-западного нагорья Крыма пифосы обеих разновидностей были если не преобладающей, то, во всяком случае, очень распространенной формой. Такое же наблюдение было сделано и на материале городища на горе Тепсень [20].

К перечисленным пифосам можно присоединить вполне аналогичный большой пифос (высота 1,30 *м*) из с. Кучук-Ламбат на южном берегу Крыма [21]. По сходству с названными пифосами из с. Поляна его правильнее всего отнести также к VIII—IX вв.— ко времени возрождения значительного торгового поселения (торжища) — городка Партениты [22], расположенного неподалеку.

Валики-обручи делались, очевидно, для того, чтобы усилить стенки сосудов по шву соединения широких глиняных поясов, из которых состоит корпус пифосов. Прием подобного усиления стенок путем утолщения стыков совершенно не встречается в соседнем Херсонесе, зато широко известен за пределами Крыма — в Армении и Грузии [23], на нижнем Дону —

---

[20] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 132.

[21] Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 99.

[22] О Партенитах см.: В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского. Труды, II, 2, СПб., 1912, стр. 398, 420—422.

[23] Таковы пифосы (карасы) V—VII и IX—X вв. из раскопок Двина. К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз.); Грузинские пифосы (квеври) с валиками см.: Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. Сб. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I, Тбилиси, 1955, табл. VI, *1*; VII, *1*, *3* (на груз. яз.). Л. А. Чилашвили. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964, табл. XXXIX.

в Саркеле [24] и в Западном Причерноморье — в Болгарии (в Плиске и других местах) [25]. Традиция применения утолщений-валиков на пифосах удерживается и в современном их производстве на о. Крит и островах Эгейского моря [26].

Эти аналогии показывают, что прием наложения глиняных обручей связан не с греческой ремесленной традицией, а с иной, более близкой болгаро-аланскому населению Крыма.

Наконец, третья разновидность пифосов из поселений VIII—IX вв.— это гладкостенные пифосы. Один из них был найден на поселении близ

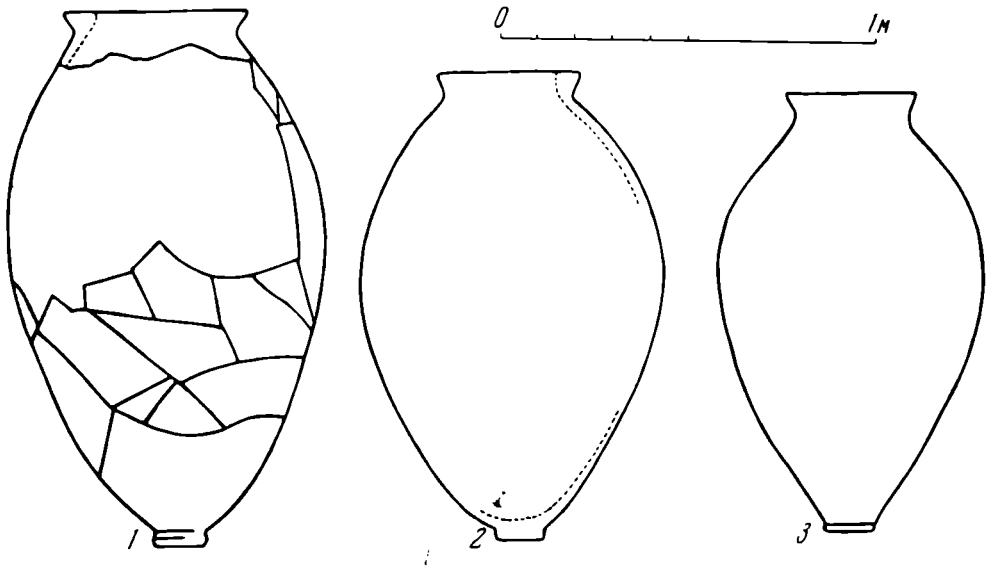


Рис. 6. Гладкостенные пифосы

1 — из поселения близ с. Бобровка (бывш. Бага, раскоп 2, 1956 г.); *2* — из с. Родниковое (бывш. Скеля); *3* — из пос. в Планерском (бывш. Коктебель)

с. Бобровка; он был закопан рядом с толстой стеной в помещении на участке раскопа 2 (1956 г.) (рис. 6, *1*). Другой аналогичный пифос, найденный близ с. Бобровка, был вкопан рядом с жилым домом на участке раскопа 7 (1959 г.), но верх его не сохранился. Третий такой же пифос найден на одновременном средневековом поселении в с. Родниковом (бывш. Скеля), находящемся в 5 *км* к югу от с. Бобровка [27] (рис. 6, *2*). К этой же группе можно присоединить несколько пифосов из числа случайных находок в юго-западном нагорье: из с. Нагорного — бочковидный, с плоским дном (рис. 7, *1*) и из Качи-Кальона — яйцевидный (рис. 7, *3*) [28].

Разрозненные фрагменты гладкостенных пифосов в большом количестве встречаются на всех средневековых поселениях юго-западного Крыма, существовавших в VIII—IX и частично в X в.

Поверхность некоторых из таких пифосов покрыта короткой штриховкой, нанесенной в различных направлениях посредством гребня. Но целых пифосов со штрихованной поверхностью мы пока не имеем.

---

[24] Большой пифосообразный сосуд высотой 0,62 *м*, диаметром 0,53 *м* с тремя валиками-обручами найден в 1951 г. в хозяйственной яме, связанной с хазарским слоем. Сосуд относится, как и весь комплекс саркелской керамики нижнего слоя, к VIII — началу X в. С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 218—219, рис. 6, *1* (масштаб неверен).

[25] Ст. Станчев. Материали от дворцовия център в Плиска. ИБАИ, XXIII, 1960, стр. 44, рис. 11. Сосуд относится приблизительно к тому же времени — к IX—X вв. Аналогичные пифосы с утолщениями-валиками хранятся в музеях Коларовграда и Варны.

[26] См. Roland Hampe, Adam Winter. Ук. соч., рис. 23 и табл. 18, *2*; 19, *5*, *6*; 21.

[27] В с. Родниковом средневековое поселение находится на месте современного.

[28] Оба пифоса хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом музее.

Такие же гладкостенные пифосы (без штриховки) бытовали в то время (VIII—IX вв.) и в восточной Таврике, как это показали раскопки поселения на холме Тепсень; один из таких пифосов изображен на рис. 6, *3*.

Все эти пифосы более или менее однородны. В большинстве они имеют правильную яйцевидную форму, узкое днище (диаметр 13—15 *см*), широкую горловину с массивным венчиком, треугольным в сечении; черепок обычно красный.

Близость их к пифосам, известным в Херсонесе по слоям X в., дает основание думать, что описанные сосуды юго-западного нагорья несколько

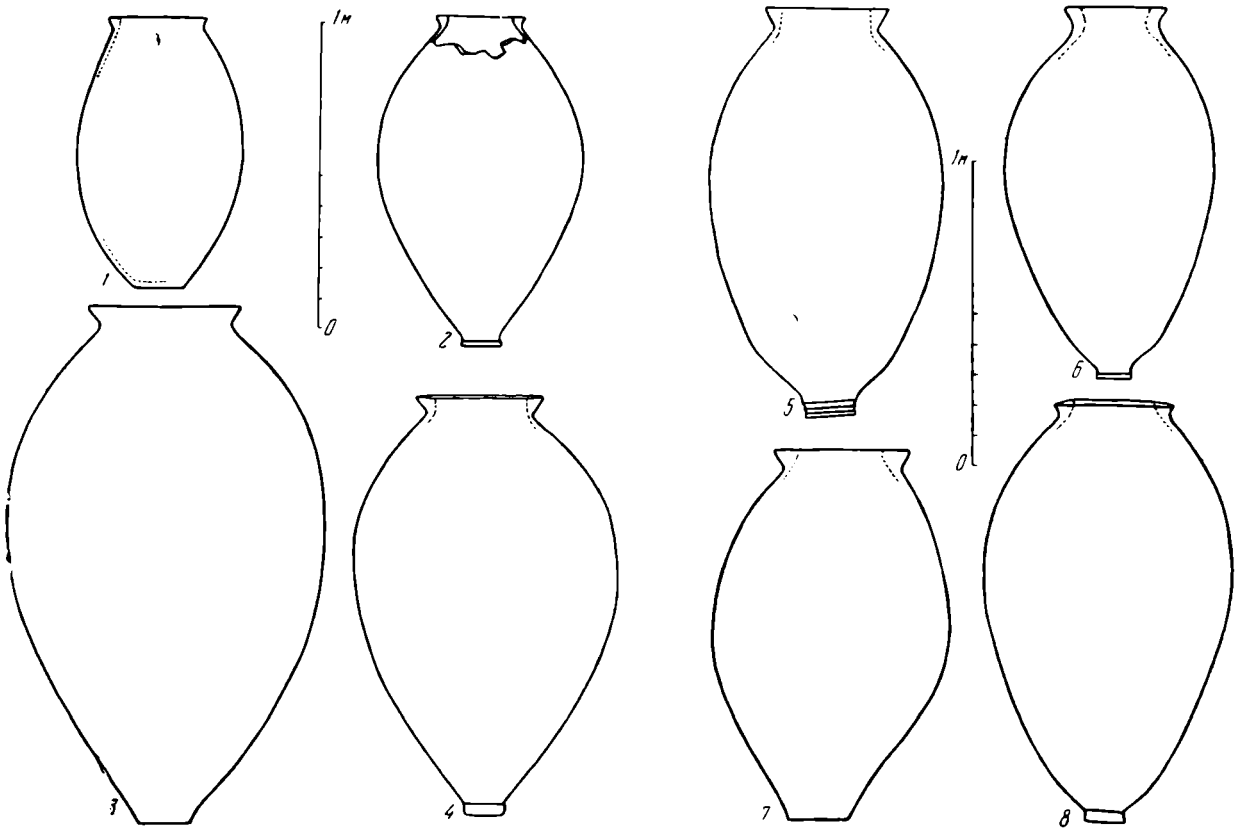


Рис. 7. Гладкостенные пифосы

1 — из с. Нагорного (бывш. Мухульдур) (случайная находка); *2* — из Херсонеса (помещ. № 16 в кв. XVIII, участок раскопок 1947 г.); *3* — из Качи-Кальона (на р. Каче); *4* — беспаспортный (из античного отдела Херсонесского музея); *5—7* — беспаспортные пифосы из Крымского областного музея; *8* — из Бахчисарайского музея

позднее предыдущих (желобчатых и с обручами) и относятся к IX — началу X в. Археологическое изучение поселений, где найдены эти пифосы, показало, что на рубеже IX и X или в начале X в. они прекратили свое существование [29].

Форма гладкостенных пифосов в сравнении с предшествующими более выработанная, как бы отстоявшаяся. Она оказалась поэтому более устойчивой и почти без изменений повторяется на протяжении нескольких столетий.

Выработанность форм рассматриваемой группы пифосов явилась, несомненно, результатом более массового, чем прежде, их изготовления, что неизбежно привело к определенной стандартизации продукции. То же самое наблюдается и в отношении амфор. Крымские пифосы, таким образом, косвенно подтверждают общее наблюдение о подъеме ремесленного производства в Таврике в IX—X вв. [30].

---

[29] А. Л. Якобсон. Средневековые сельские поселения..., стр. 169, 177.

[30] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья, стр. 335 сл.

Пифосы X в. составляют, пожалуй, наиболее многочисленную группу, известную главным образом по Херсонесу, но находят их большей частью в виде множества разрозненных фрагментов [31]. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, разрушениями, которые пережил город в конце X в., во-вторых, интенсивным строительством на месте старых домов в XII—XIII вв.

Сохранившиеся экземпляры показывают, что форма пифосов X в. ничем существенным не отличается от описанных выше, если не считать одну специфическую особенность, общую для всей керамики Херсонеса X в.: черепок пифосов, амфор и других сосудов, а также и черепиц — темно-красный, что, очевидно, было связано с особенностями технологии обжига. В качестве примера приведем два пифоса. Один из них, из раскопок 1947—1948 гг. на северном берегу городища (кв. XVIII), стоял в подвале дома — в помещении № 16, высота его 1,08 *м* (рис. 7, *2*) [32]. Другой пифос, беспаспортный, ныне стоит в античном отделе Херсонесского музея, его высота 1,37 *м* (рис. 7, *4*).

Судя по полной тождественности с ними, к X в. можно отнести и некоторые беспаспортные пифосы, хранящиеся в фондах Крымского областного краеведческого музея в Симферополе (рис. 7, *5—7*) [33] и в Бахчисарайском музее (рис. 7, *8*, из Эски-Кермена?) Все они также яйцевидные, с маленьким выделенным днищем или узким плоским дном и треугольным в сечении венчиком, примыкающим непосредственно к корпусу (гладкому или редко штрихованному) с резким изломом линии профиля сосуда. Только в одном случае (рис. 7, *6*) ясно выражена горловина (шея) пифоса с плавным переходом от венчика к корпусу. Аналогичный пифос открыт в 1963 г. в Качи-Кальоне (доставлен в Бахчисарайский музей); пифос выделяется надписью, содержащей имя: СНМЄѠN. Пифосы X в., как уже сказано, гладкостенные. Лишь у некоторых из них верхняя горизонтальная поверхность венчика украшена угловатой ординарной волной. Кроме того, нередко в венчике сделаны вертикальные углубления, иногда сквозные, куда, очевидно, входили шипы деревянной крышки пифоса.

Линия развития форм пифосов после X в. вновь обрывается. Сельские поселения в Крыму, насколько мы их знаем, долгое время находились в упадке, за исключением Таманского полуострова, но форма пифосов Тмуторокани нам неизвестна, да и Херсонес в XI в. переживал спад. Ремесло, видимо, резко сократилось, в том числе и гончарное, ремесленная традиция нарушилась. В XI в. город, правда, начал возрождаться (на что указывают гончарные печи для обжига черепиц), но интенсивным этот процесс стал лишь в XII в., когда старые кварталы вновь стали застраиваться. Вновь появилась и потребность в пифосах. В домовых кладовых, как показывают раскопки, их ставили по нескольку штук в ряд, наполняя зерном, мелкой соленой рыбой (хамсой) или маслом, но от пифосов обычно остается немного: лишь массивное основание (днище), разбросанные куски стенок и венчика, не позволяющие восстановить форму. Только в единичных случаях они дошли до нас в полном виде или в достаточной мере для реконструкции [34].

---

[31] О количестве пифосов, стоявших в помещении, приходится судить по числу найденных днищ. Так, в кладовой жилого дома X в. (помещ. № 16 в кв. XVIII на северном берегу городища, раскопки 1947—1948 гг.) стояло семь пифосов, из них сохранился более или менее полностью лишь один (Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА, 34, 1953, стр. 220—221).

[32] Там же, рис. 74 и 75*а* (стр. 222, 223).

[33] Возможно, что пифосы Симферопольского музея происходят из городища Баклы, откуда в 1890-х годах ряд пифосов поступил в музей тогдашней Таврической ученой архивной комиссии. См. ИТУАК, 8, 1889, стр. 108, 113.

[34] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 107, рис. 63. Почти полностью склеен большой пифос, стоявший в кладовой дома на Главной улице Херсонеса, раскопанного И. А. Антоновой в 1956 г. (не издан).

Пифосы эти (рис. 8, *1*, *2*) вполне однотипны, различаясь скорее размерами, чем формой. Более крупные имеют высоту до 1,55 *м* при наибольшем диаметре до 1,33 *м*. Меньшие пифосы — высотой до 0,80 *м* и диаметром 0,60—0,65 *м*. Наибольший из таких пифосов открыт в 1956 г. в доме на Главной улице в Херсонесе. В отличие от стройных пифосов IX—X вв.,

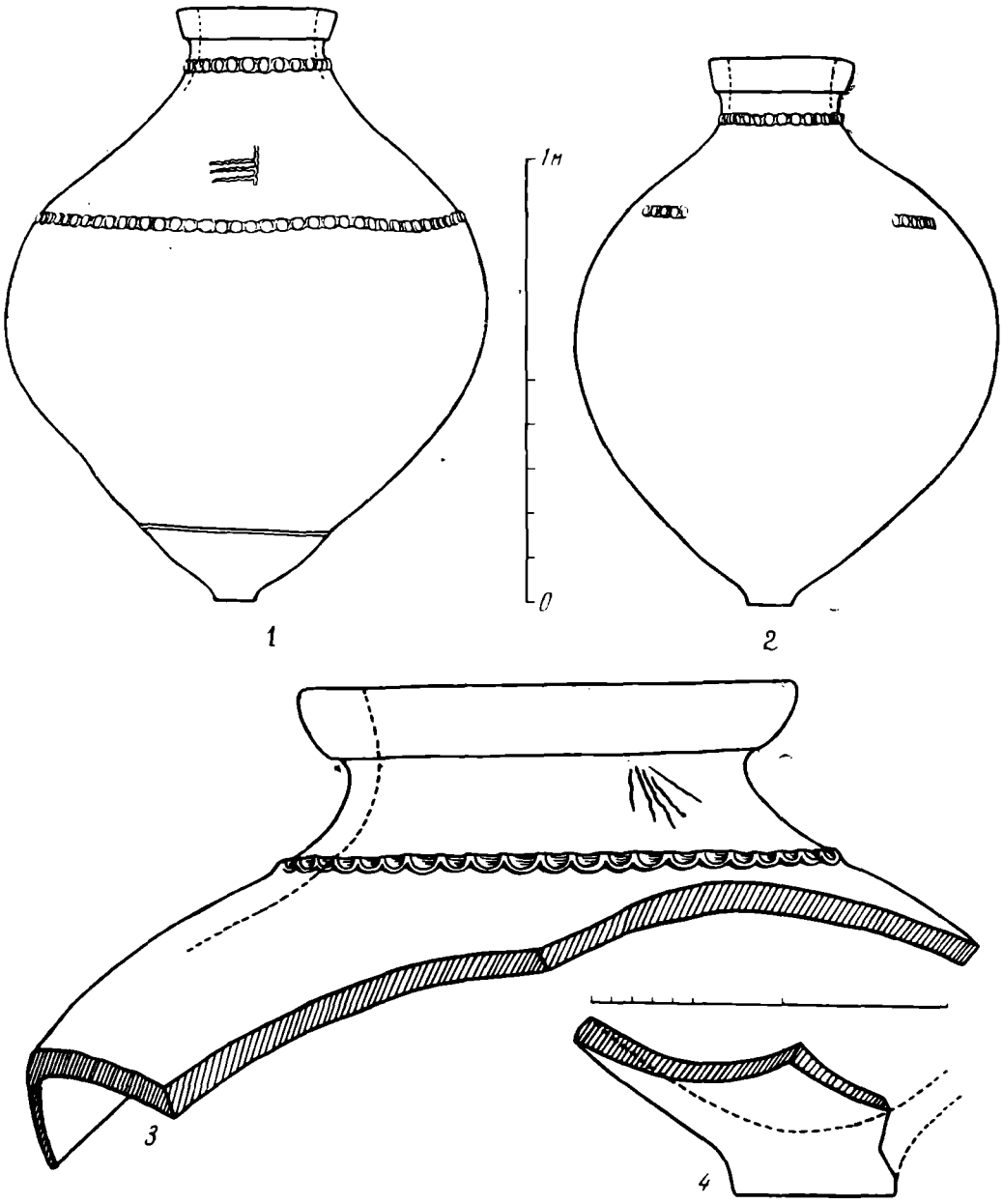


Рис. 8. Херсонес. Пифосы XII—XIII вв.
1 — инв. № 5582; *2* — беспаспортный; *3*—*4* — из помещ. № 10 на участке раскопа 1940 г. (инв. № 1366/40)

они имеют раздутый шарообразный корпус, более ясно выраженное горло (диаметром 30—35 *см*, у малых пифосов — до 25 *см*) и небольшое массивное днище (диаметром 9—10 *см*). Отличается и профиль массивного венчика, напоминающий муфту с прямым наружным вертикальным краем (реже он закруглен — рис. 8, *3*). Верхний горизонтальный срез венчика шириной 4—5 *см* у малых пифосов бывает украшен круглыми вдавлениями, иногда ординарной волной (как у малых пифосов IX—X вв.). Гладкий корпус пифосов в верхней своей части (ближе к венчику и под ним) чаще всего украшен одним или двумя концентрическими рядами круглых вдавлин (медальонов) по налепному валику. Исключением является упомянутый большой пифос из дома на Главной улице (раскопки 1956 г.): вся его верхняя часть, в отличие от других пифосов обработана мелкими

(ширина 4 *см*) желобками-каннелюрами и только горло опоясано двумя рядами медальонов (один — сплошной ряд, другой под ним — в виде коротких звеньев медальонов). Черепок пифосов всегда светло-красный. Толщина стенок 1,5—2 *см*, иногда немного больше. Можно думать, что производились они в Херсонесе или поблизости от него, хотя в раскопках сами гончарные печи этого времени еще не открыты. Приведенные экземпляры таких пифосов очень характерны для XII—XIII вв. (рис. 8) [35].

О более поздних средневековых пифосах полное представление могли бы дать пифосы, заполнявшие большую кладовую начала 70-х годов XV в. при дворце князя Исаака на Мангупе. В кладовой стояло не менее девяти пифосов, укрепленных на основании из известкового раствора с морским песком. От пифосов уцелели лишь нижние части [36], но по отдельным фрагментам можно судить об их общем облике. По форме своей они, по-видимому, мало отличались от херсонесских пифосов XII—XIII вв.: они также шарообразные (наибольший диаметр одного из них 1,04 *м*) у них такая же широкая горловина и узкое плоское днище (диаметр 13 *см*). Но форма массивного венчика отличается: он имеет округлый верхний край и косой срез боковой части [37]. Корпус некоторых пифосов обработан широкими горизонтальными бороздами (ширина 2 *см*), образующими редкие ребра, сплошь опоясывающие поверхность, напоминая пифосы с обручами VIII—IX вв. Под сильно расширенным венчиком помещен орнамент из налепных колец, подобный ряду медальонов на херсонесских пифосах XII—XIII вв. Черепок этих пифосов — светло-красный, с включениями слюды, имеющей золотистый отблеск. На одном из венчиков имеется врезная метка, сделанная по сырой глине.

Этим ограничен имеющийся в нашем распоряжении материал.

В заключение остановимся на знаках или целых надписях, нанесенных на стенки некоторых пифосов. Такие надписи, отдельные буквы, монограммы или условные знаки прочерчивались острой или тупой палочкой, а то и пальцем, всегда по сырой глине, до обжига.

На раннесредневековом пифосе V—VI вв. из Тиритаки надпись с именем ПАНС и крестом помещена под венчиком (рис. 9, *1*) [38]. Не раз отдельные буквы и части надписей встречались на пифосах VIII—IX вв. Два знака в виде монограмм на пифосах с накладными валиками (обручами) упомянуты выше (с. Поляна, раскоп 1960 г.) (рис. 9, *2*, *3*). На горизонтальной поверхности венчика другого пифоса того же времени из поселения близ с. Бобровки (раскоп 7, 1959 г.) прочерчена, по-видимому, пальцем целая надпись, содержавшая, вероятно, имя, от которого сохранился лишь конец: ...ОС (№ 171/59 — рис. 9, *4*). На другом пифосе от аналогичной надписи, также помещенной на верхней горизонтальной поверхности венчика, уцелело еще меньше — лишь одна буква О (поселение близ с. Поляна, раскоп 2, 1961 г., рис. 9, *5*). Как упоминалось выше, на пифосе из Качи-Кальона также по сырой глине и на том же месте — по горизонтальному обрезу венчика прочерчено имя СНМЄѠN. Еще на одном пифосе, происходящем из поселения близ с. Бобровки (раскоп 7, 1959 г.), под венчиком помещены раздельно две буквы: Р и Н. Знак также сохранился не полностью (рис. 9, *6*). На стенке одного из описанных здесь пифосов XII—XIII в. из Херсонеса помещен знак в виде трех параллельных горизонтальных волнистых линий, соединенных такой же вертикальной линией (рис. 9, *7*).

---

[35] Другие образцы того же времени: пифос из помещ. № 17 в кв. XVII — на участке раскопа 1940 г. См. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, стр. 107, рис. 103; Г. Д. Белов, А. Л. Якобсон. Квартал XVII. МИА, 34, 1953, стр. 157, рис. 45; пифос № 1366/40 из помещ. № 10 (кладовой) в кв. XVII, т. е. на том же участке раскопок (рис. 8, *3*, *4*); малый пифос из помещ. № 1 (кладовой) в кв. XV—XVI — на участке раскопок 1937 г.

[36] А. Л. Якобсон. Дворец. МИА, 34, 1953, стр. 410 и рис. 19 и 27.

[37] Там же, стр. 410 и рис. 25, *д*.

[38] В. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 101.

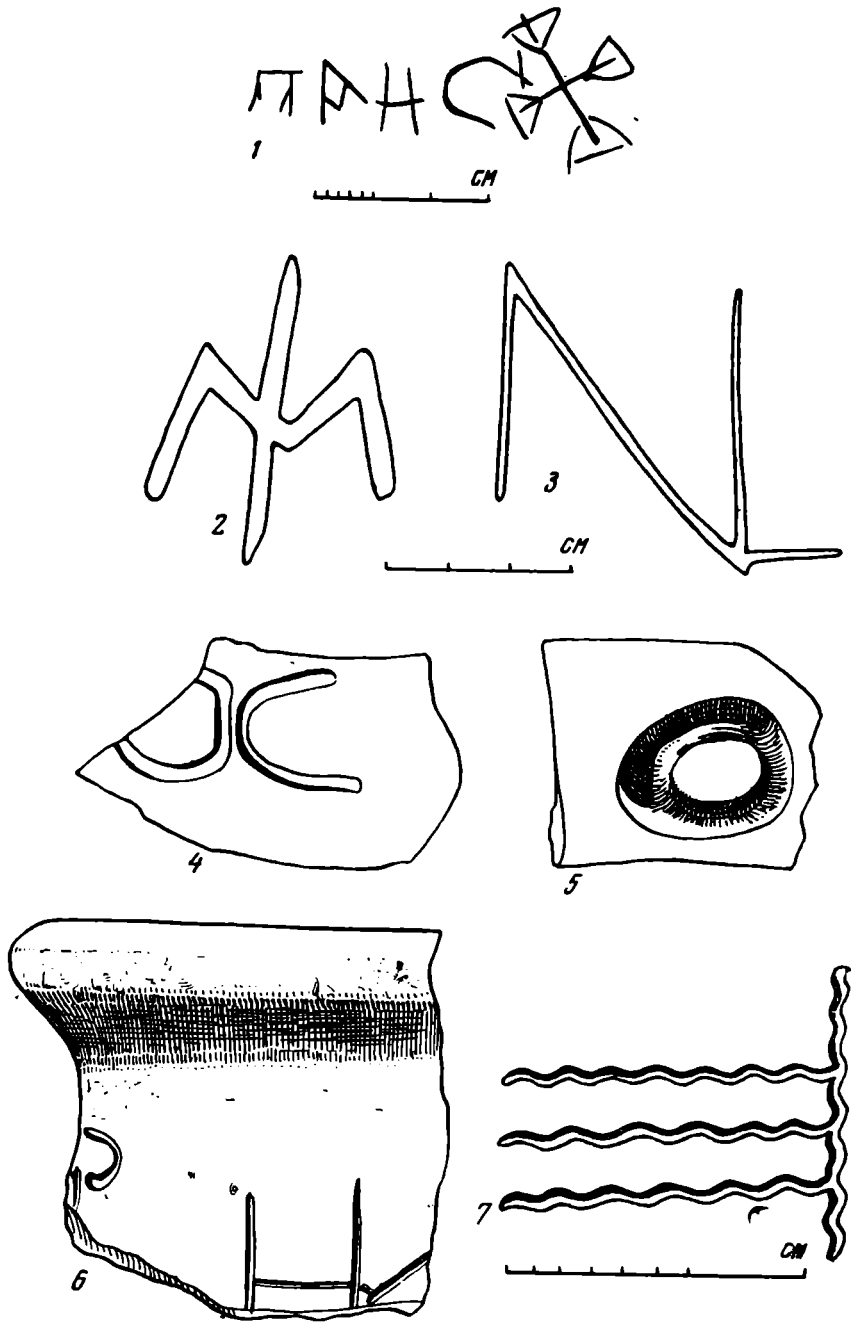


Рис. 9. Знаки на пифосах, сделанные по сырой глине

1 — надпись на пифосе из Тиритаки (раскоп 1939 г.); *2* — монограмма на пифосе из поселения близ с. Поляна (раскоп 1960 г.); *3* — монограмма на втором пифосе из поселения близ с. Поляна (раскоп 1960 г.); *4* — часть надписи на венчике пифоса из поселения близ с. Бобровка (раскоп 7, 1959 г., № 171/59); *5* — часть надписи на венчике пифоса из поселения близ с. Поляна (раскоп 2, 1961 г., № 42/61); *6* — буквы на стенке пифоса из поселения близ с. Бобровка (раскоп 7, 1959 г., № 170/59); *7* — условный знак на пифосе XII—XIII вв. из Херсонеса (№ 5582)

Все эти знаки прочерчены на видном месте — либо на венчике, либо непосредственно под ним; таким образом, и на закопанных в землю пифосах они были видны. Поэтому трудно считать их знаками ремесленников, в таком случае они были бы помещены на менее видных или, скорее, на незаметных местах, например в нижней части сосуда [39].

Как ни ограничено количество известных знаков на пифосах [40], все

[39] На салтовских горшках VIII—IX вв. и на славянских горшках домонгольского времени клейма, как известно, помещались на днище.

[40] В дополнение упомянем надпись на пифосе из городища Урбниси в Грузии (верхний слой VI—VIII вв.); надпись, состоящая из трех букв, помещена также на венчике, как и на многих крымских пифосах. См. Л. А. Чилашвили. Ук. соч., стр. 169, табл. XLIII, 3.

же можно предположить, что это знаки не ремесленников, а собственников пифосов, заказчиков их. Трудоемкость производства пифосов, особенно крупных, и обусловленная этим высокая их стоимость делает вполне понятной мысль, что пифосы изготовлялись не для рынка, а именно на заказ. Ведь для их выделки требовался не только большой опыт и мастерство гончара, формовавшего огромный сосуд из нескольких составных частей (внутренние стыки при скреплении часто бывают ясно видны) и регулировавшего процесс обжига, но и огромная обжигательная камера, свод которой возводился, вероятно, уже после того, как пифос был установлен на поду печи и надежно укреплен там с помощью подпорок [41].

По окончании обжига свод, должно быть, разбирали (полностью или частично). Кроме того, надо иметь в виду, что обжиг пифоса, особенно крупного, вряд ли удавался сразу; возле древних гончарных печей обычно скапливалось огромное количество керамического боя, т. е. производственного брака. Несомненно, такой брак был и при обжиге пифосов, что еще больше удорожало их стоимость. Трудно поэтому допустить, что гончары, затратив огромное количество труда на выделку больших пифосов — изделий, относительно очень дорогих,— изготовляли их на неопределенного потребителя, ожидая покупателя и подвергая себя риску убыточной продажи. Лишь мелкие пифосы, выработка которых не требовала таких производственных затрат, могли изготовляться для вывоза на базар. Кстати, на них ни разу не встречено знаков, сделанных до обжига по сырой глине.

Наконец, предположение об изготовлении пифосов на заказ подтверждает и письменный источник — византийские «Геопоники» — своего рода сельскохозяйственная энциклопедия X в. В одной из ее глав об изготовлении пифосов сказано следующее: «Некоторые, определяя, хорошо ли сделан пифос, удовлетворяются тем, что он при ударе издает высокий пронзительный звук. Этого, однако, недостаточно. Заказчик должен побывать в мастерской, позаботиться заранее о том, чтобы глина была хорошо обработана, и разрешать поднимать на круг пифосы не раньше, чем станет ясно по самой глине, каким выйдет обожженный пифос» [42]. Указание «Геопоник» достаточно ясно, причем речь идет не только о производстве пифосов на заказ, но и о том, что заказчик сам следит за изготовлением пифоса: по-видимому, это было обычно.

Конечно, изложенные соображения требуют проверки, что прежде всего связано с дальнейшим накоплением материала, пока еще очень ограниченного и фрагментарного. Поэтому предлагаемая нами хронологическая классификация средневековых пифосов Северного Причерноморья является лишь предварительной.

Однако полагаем, что сделанный обзор может быть полезен при датировке пифосов, хранящихся в музеях нашего Юга и находимых при раскопках северопричерноморских городов и сельских поселений.

---

[41] Ср. Roland Hampe, Adam Winter. Ук. соч., рис. 41 и табл. 39.

[42] Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. М.— Л., 1960, стр. 126.

А. Н. МОСКАЛЕНКО

СВЯТИЛИЩЕ НА РЕКЕ ВОРГОЛ

В 1964 г. экспедиция Воронежского университета продолжала раскопки городища у с. Нижний Воргол Елецкого района Липецкой обл.[1]. Городище расположено на одном из мысов высокого левого берега р. Воргол и укреплено валом и рвом (рис. 1).

Воргольское городище — памятник многослойный. Здесь встречаются остатки культурного слоя эпохи бронзы, раннего железного века, боршевской культуры и великокняжеского времени.

В настоящей статье мы остановимся на описании лишь одного комплекса, открытого на восточной стороне мыса почти на его оконечности. Этот комплекс состоит из обожженной глинобитной площадки округлой формы и окружающих ее ям (рис. 2). Он сохранился не полностью. Часть ям и глинобитной площадки обрушилась в овраг.

Длина площадки около 12 *м*, ширина была, вероятно, несколько более 6 *м*, толщина глинобитного слоя 5—6 *см*. Примерно в центре площадки находится яма диаметром 50 *см*, глубиной около 40 *см*. Вблизи нее на поверхности глинобитной площадки были отчетливо видны пятна сильно прокаленной глины, на которых сохранилось значительное скопление золы. Возле ямы лежала также часть скелета лошади, среди костей найдены три железных наконечника стрел (рис. 3, *6*—*8*). На остальных участках площадки зола встречена лишь в незначительных количествах. Здесь находились отдельные кости животных и несколько вещей: обломок железного ножа (рис. 3, *5*), дужка от замка (рис. 3, *9*), обломок бронзовой гривны (рис. 3, *11*), бронзовая трапециевидная подвеска (рис. 3, *12*), стеклянная бусина (рис. 3, *15*), два астрагала (рис. 3, *13*), обломок глиняного светильника (рис. 3, *3*) и две глиняные поделки (рис. 3, *1, 2*).

Глинобитную площадку окаймляли ямы продолговатой формы. Яма I (50 × 100 *см*, глубина 50 *см*) почти до половины была заполнена золой. В золе обнаружены мелкие фрагменты стенок сосудов боршевского типа. Яма II (155 × 380 *см*, глубина 77 *см*) с восточной стороны имеет уступ. Она заполнена золой, которая сверху перекрывалась черноземом и глиной, наползшей с площадки. В зольном слое найдены железный рыболовный крючок (рис. 3, *10*), черепки от трех сосудов боршевского типа (рис. 4, *2*—*4*) и один фрагмент стенки сосуда эпохи бронзы. Яма III (45 × 300 *см*, глубина 42—55 *см*) в нижней части также заполнена золой. В зольном слое находились обломки от одного сосуда боршевского типа (рис. 4, *8*) и фрагменты стенок сосудов эпохи бронзы. На дне ямы IV (130 × 220 *см*, глубина 50—97 *см*) был углистый слой, в котором найдены отдельные кости животных. В яме V (115 × 270 *см*, глубина 65—123 *см*) в нижней части, в зольном слое, найдены обломки жернова, обломок биконического

[1] Начальник отряда А. Д. Пряхин. В работах экспедиции участвовали студенты-практиканты исторического факультета Воронежского университета. О работах предшествующих лет см. А. Д. Пряхин. Археологические памятники боршевской культуры на реке Воргол. Вопросы истории славян, I, Воронеж, 1963, стр. 115 сл.

глиняного пряслица, обломок косы (рис. 3, *4*), обломок серьги (рис. 3, *14*), раздавленный сосуд боршевского типа и фрагмент дна сосуда эпохи бронзы. В центре ямы VI (125 × 240 *см*, глубина 65—123 *см*) — две небольшие ямки глубиной 10—25 *см*. Нижнюю часть ямы заполняла зола. В золе встречены фрагменты от пяти сосудов боршевского типа (рис. 4, *1*, *5—7*) и отдельные кости животных.

Данные стратиграфии и характер находок позволяют говорить о том, что площадка и ямы составляют единый комплекс. Время существования этого комплекса определяется датировкой некоторых из найденных здесь вещей: железных наконечников стрел, серьги и бусины, замка и в какой-то мере глиняной посуды.

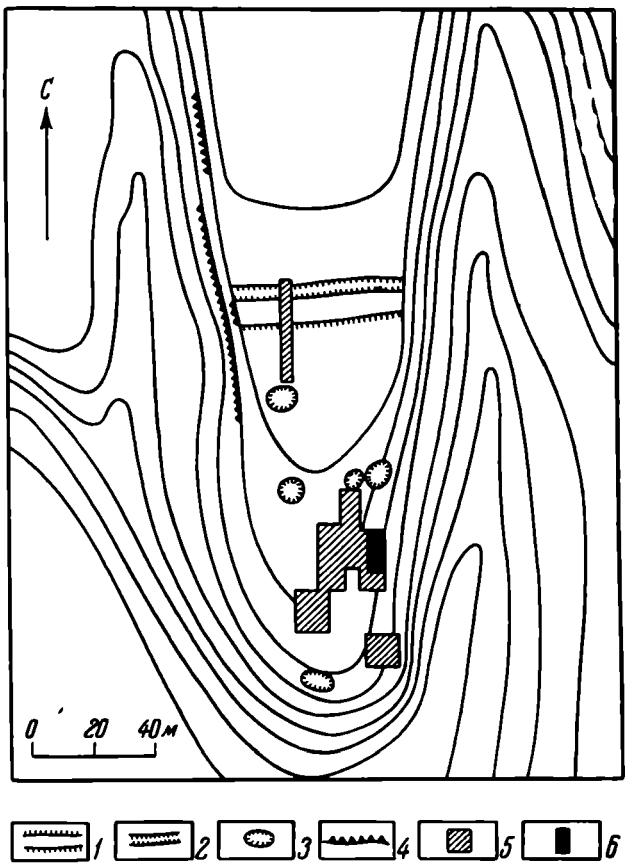


Рис. 1. План Воргольского городища

1 — вал; *2* — ров; *3* — западины; *4* — обнажения; *5* — раскопы; *6* — место святилища

Из трех железных наконечников стрел первоначальная форма сохранилась лишь у одного, остальные сильно корродированы. Этот наконечник стрелы — плоский, ланцетовидной формы (рис. 3, *6*). Подобный тип наконечников стрел был распространен на Руси в IX—XI вв.[2]. Серьга сохранилась неполностью. От нее уцелела лишь часть кольца с гиревидной подвеской (рис. 3, *14*). Этот тип серьги характерен для салтовской культуры. Ареал распространения таких серег чрезвычайно велик. В средней полосе СССР подобные серьги позже X в. не встречаются[3]. Бусина стеклянная, синего цвета (рис. 3, *15*), по форме может быть отнесена к бусинам зонного типа. Такие бусы были распространены в X—XI вв.[4]. От замка уцелела лишь часть дужки (рис. 3, *9*). Судя по ее размерам и форме, она принадлежала цилиндрическому висячему замку. Как можно судить на основании полевых исследований последних лет, висячие цилиндрические замки появляются в X в.[5].

Все обломки сосудов принадлежали горшкам, вылепленным от руки из глины с примесью шамота и песка. Стенки и венчики некоторых горшков орнаментировались оттиском веревочки, намотанной на палочку. По форме среди горшков различается несколько типов. Первую группу составляют горшки, у которых горловина значительно шире основания (рис. 4, *1*, *6*, *7*). Эти сосуды имеют невысокую прямую или слегка отогнутую наружу шейку и выпуклые плечики.

Вторую группу составляют горшки, по форме напоминающие банку (рис. 4, *4*). У них так же, как и у горшков первой группы, невысокая пря-

---

[2] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 164.

[3] А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 21.

[4] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 161.

[5] А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 146—147.

мая шейка и хорошо выраженные плечики. Но в отличие от сосудов первой группы они почти не сужаются к основанию.

К третьей группе мы относим приземистые горшки типа мисок (рис. 4, *10*). По тесту и форме сосуды всех групп не отличаются от посуды, известной на поселениях и в погребениях боршевской культуры.

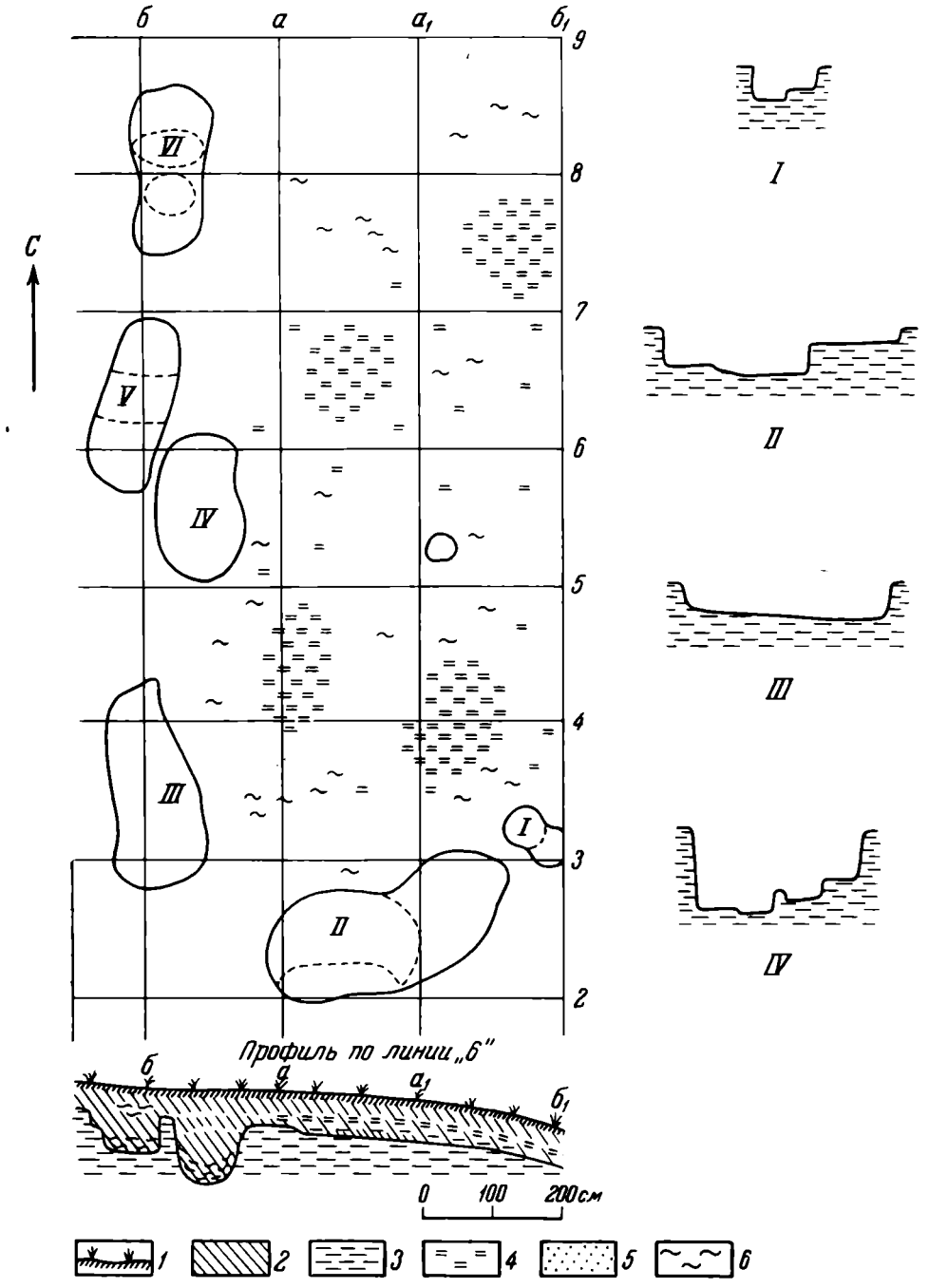


Рис. 2. План и профиль Воргольского святилища

1 — дерн; *2* — чернозем; *3* — глина; *4* — обожженная глина; *5* — песок; *6* — зола; *I* — разрез ямы I; *II* — разрез ямы II; *III* — разрез ямы III; *IV* — разрез ямы VI

Таким образом, датировка отдельных вещей и наличие лепной керамики боршевского типа позволяют отнести описываемый комплекс к самому концу I тысячелетия и связать его с памятниками боршевской культуры. Этому не противоречит и остеологический материал, встреченный в процессе раскопок ям и глинобитной площадки. По определению В. И. Цалкина, здесь найдены кости крупного рогатого скота — 12 (2) [6], свиней — 3 (1), лошади — 44 (2), лося — 13 (1), косули — 41 (4), медведя — 4 (1),

[6] Первая цифра означает число определимых костей, вторая количество особей.

Рис. 3. Вещи, найденные на Воргольском святилище

1, 2, 3 — из глины; *4—10* — из железа; *11, 12, 14* — бронза; *13, 16, 17* — костяные; *15* — стекло

бобра — 25 (3). Все эти виды животных обычно встречаются на поселениях боршевского типа.

При решении вопроса о назначении открытого на городище комплекса нельзя не обратить внимание на ряд моментов. Яма, которая располагалась в центре глинобитной площадки, не была ни хозяйственной ямой, ни обычной столбовой ямкой, которые в большом числе встречаются на поселениях боршевского типа. Нельзя считать случайным и наличие именно вокруг

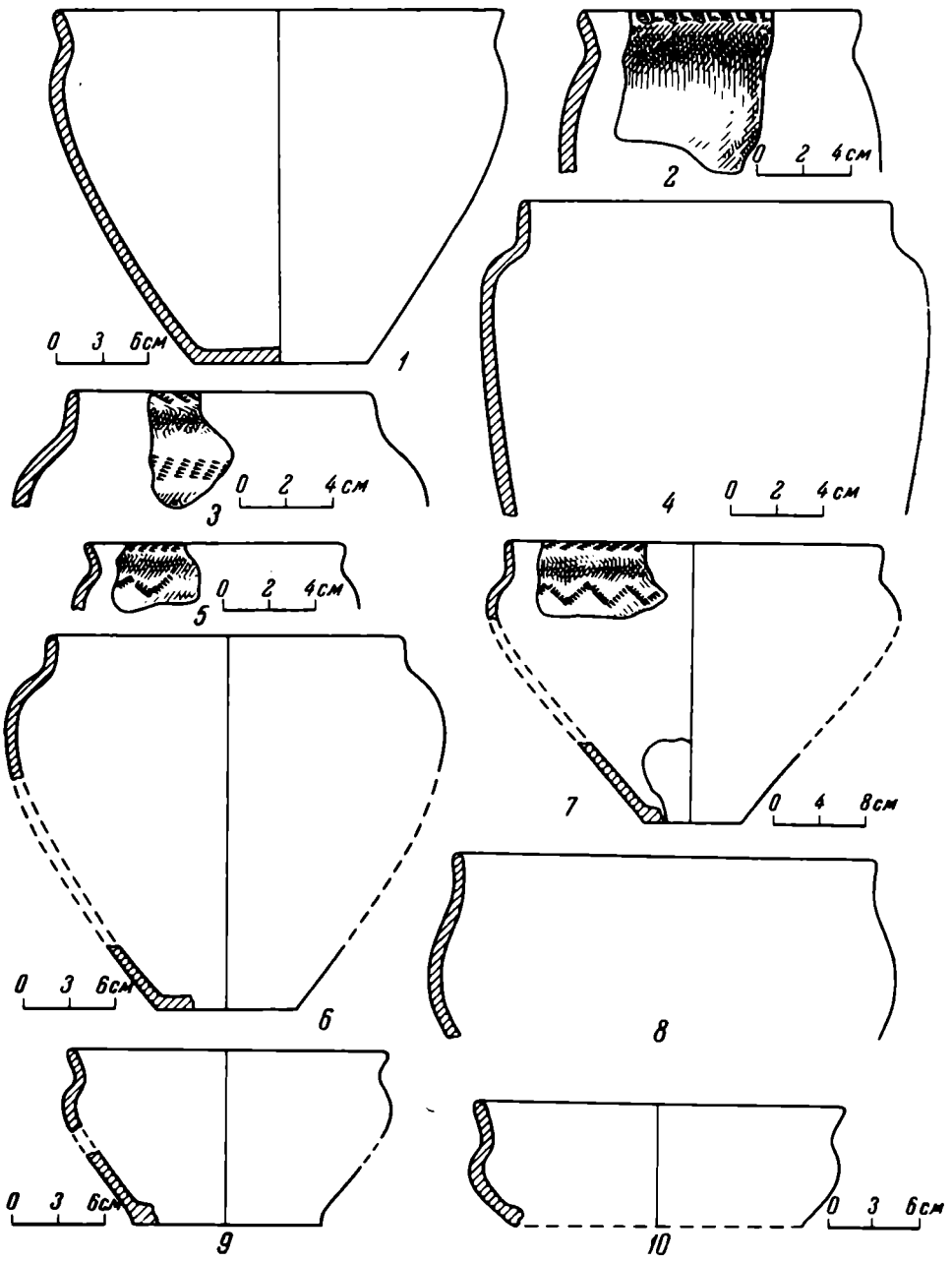


Рис. 4. Сосуды из Воргольского святилища

этой ямы костров, о чем свидетельствуют пятна обожженной глины. Следы костров, горевших продолжительное время, имеются и в ямах, окружавших глинобитную площадку.

Наряду с орудиями труда, бытовыми вещами и украшениями здесь найдены и предметы, связанные с культом: амулеты из костей животных и глиняная подвеска, похожая на льячку. О том, что эту вещь использовали в качестве амулета, свидетельствует отверстие со следами тонкой нити. Не случайно, по всей видимости, и то, что наконечники стрел были найдены среди костей лошади. По-видимому, на этой площадке животное было убито.

Материал в совокупности с конструктивными особенностями открытого нами комплекса позволяет предполагать здесь остатки святилища. В центре глинобитной площадки в яме стояло, по-видимому, деревянное изваяние-идол. Вокруг него горели священные костры. Они разводились не только на площадке, но и в ямах. В жертву идолу приносили животных и различные вещи.

Языческие святилища у восточных славян были распространены широко. Именно о них упоминается в «Повести временных лет» под 988 г. в связи с деятельностью князя Владимира. «И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири» [7]. По своему устройству святилища не были одинаковыми. Как отмечает Л. Нидерле, «там, где религия приобретала официальный и государственный характер, там и культы, разумеется, приобрели иные формы, чем у народов, знавших только домашних и скромных богов» [8].

Мысль Л. Нидерле находит подтверждение не только в письменных источниках, но и в археологических материалах. Наряду с такими языческими храмами, как святилище в Арконе, описанное Саксоном Грамматиком и раскопанное Шухардтом, храмами поморских славян, которые тот же Саксон Грамматик называет прекрасными зданиями [9], пантеон языческих богов в Киеве, сооруженный князем Владимиром, на славянской земле, в том числе и у восточных славян, встречаются и гораздо более простые по устройству святилища. Когда в Киеве Владимир «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна деревяна, а главу его серебрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарыгла, и Мокошь»[10], в Новгороде примерно в то же время Добрыня «постави кумира над рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу» [11]. Судя по сообщению Новгородской летописи, Добрыней было установлено изображение Перуна. Раскопки в Перыне позволили воспроизвести устройство этого святилища. Это было «круглое возвышение с горизонтальной поверхностью и вертикальным столбом в центре, обрамленное рвом оригинальной формы с восьмью ячейками для костров» [12]. В отличие от киевского святилища, воздвигнутого Владимиром как своеобразное государственное святилище главных языческих божеств, в Новгороде было поставлено изображение лишь одного божества.

Кроме Новгородского святилища, были обнаружены также более древние святилища: в Киеве [13], на Оке возле дер. Береговой [14], святилище в Житомирской обл. возле с. Тетеревского [15]. Все эти святилища, так же как и Новгородское, в отличие от святилища в Киеве времен Владимира не являлись государственными.

В их устройстве было много различий, но в то же время можно выделить и некоторые сходные черты. Все они, как правило, располагались на возвышенных местах на берегах рек и обращены на восток. Обязательным атрибутом святилищ являлся идол. Чаще всего идолы ставились в центральной части святилища. На площадке святилища или возле нее горели священные костры. Как известно из письменных источников, славяне при-

---

[7] ПВЛ. М.— Л., 1950, стр. 81.

[8] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 286—288; И. Срезневский. Архитектура храмов языческих славян. ЧОИДР, 3, М., 1846, стр. 47.

[9] И. Срезневский. Ук. соч., стр. 48; Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.

[10] ПВЛ, I, стр. 56.

[11] Там же, стр. 56.

[12] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, L, 1953, стр. 99.

[13] М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 105 сл.

[14] В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. М., 1905, стр. 13—14.

[15] Об этом святилище нам любезно сообщила И. П. Русанова.

носили в жертву идолам животных и различные подарки [16]. По этим общим признакам святилище, открытое на Воргольском городище, сходно с другими святилищами на землях восточных славян.

Воргольское святилище пока первое древнерусское святилище, открытое в бассейне Дона [17]. В связи с описанием его нельзя не обратить внимание, что на мысу Воргольского городища (поскольку можно судить на основании раскопанной площади — 758 $м^2$), если и были жилые помещения, то очень немного. Почти полное отсутствие жилищ дает возможность поставить вопрос, не явилось ли это городище своеобразным культовым центром и местом убежища для окрестных жителей неукрепленных поселений? О культовом значении Воргольского городища может свидетельствовать и ритуальное погребение лошадиной головы в насыпи вала. В валу была выкопана яма округлой формы, на дне которой находился слой золы, здесь лежали голова лошади, возле нее 94 астрагала (из них 37 просверленных) и фрагменты от двух сосудов боршевского типа. Здесь интересен не только сам факт ритуального погребения головы лошади, но и то, что при ней находилось большое число астрагалов. В литературе высказывалось сомнение по поводу того, что такие астрагалы являлись амулетами, и считалось, что они использовались как игральные бабки [18].

В работе, посвященной Титчихинскому городищу, мы пытались показать, что эти астрагалы имели прямое отношение и к культу [19]. Наличие астрагалов в ритуальном погребении является лишним подтверждением их связи с языческим культом.

Таким образом, если ранее о языческом культе древнерусского населения в Подонье было известно лишь на основании раскопок погребальных памятников [20], а также отдельных предметов, найденных на поселениях и связанных с язычеством [21], то открытие святилища дает возможность в полной мере представить и сам ритуал идолопоклонства.

---

[16] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—923 гг. Харьков, 1956, стр. 142—143.

[17] П. Н. Третьяков определил как святилище остатки четырехугольной деревянной постройки, раскопанной нами в 1952 г. на Архангельском городище Воронежской обл. (П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 32). В свое время мы затруднялись в интерпретации и датировке этой постройки. Нам было известно, что на месте Архангельского городища в XVII в. был острог, однако поскольку на всей вскрытой площади не было обнаружено материалов XVII в., то мы исключили тогда возможность связать это сооружение с острогом (А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, 62, 1956, стр. 90—91). В настоящее время мы располагаем архивными материалами, любезно предоставленными нам В. П. Загоровским, где дается описание острога XVII в. на Архангельском городище: «В 161 г. (1653 г.) был устроен стоялый острог над рекою Доном на горе, на Голышевском старом городище высота от земли 2,5 сажени, длина и ширина 6 саженей. В углу башня на стене и на столбах» (ЦГАДА, ф. 210, разрядный приказ, книга Белгородского стола № 30, л. 25). Обращают на себя внимание размеры острога. Он был квадратный в длину и ширину 12 *м* 78 *см*. Именно такой формы и размера были и остатки деревянной постройки, раскопанной нами. Вряд ли это совпадение следует считать случайным.

[18] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 48.

[19] А. Н. Москаленко. Городище Титчиха, стр. 169.

[20] А. И. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. Тр. ВУАК, IV, Воронеж, 1908; О раскопках А. А. Спицына в Воронежской губернии. Архив ЛОИА, ф. 5, д. 90, л. 1 след. П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8.

[21] А. Н. Москаленко. Городище Титчиха, стр. 166 сл.

Г. М. ШТЕНДЕР

НОВГОРОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПЕТРА И ПАВЛА В КОЖЕВНИКАХ 1406 г.

Глубокое изучение архитектурных памятников Новгорода в связи с консервационно-реставрационными работами, принявшими огромный размах в послевоенные годы, позволило выявить многие ранее не известные страницы его архитектурной истории. Особенно плодотворными были исследования памятников XIV — начала XV в.[1], позволившие разрешить спорные вопросы о форме их покрытий и венчающих частей стен, которые в тот период были постоянными и на столетия стали традиционными. Одновременно было установлено и многообразие в постройках XIV — начала XV в. архитектурного декора, игравшего решающую роль в создании их индивидуального художественного облика. Все это очень хорошо видно на примере церкви Петра и Павла в Кожевниках — единственного памятника архитектуры Новгорода начала XV в., которому в процессе реставрационных работ полностью возвращен его первоначальный облик, типичный для самобытного зодчества эпохи расцвета Новгородской республики[2].

Церковь Петра и Павла в Кожевниках широко известна и упоминается во всех изданиях, касающихся новгородского зодчества. Наиболее значительным является описание, сделанное в XIX в. архимандритом Макарием[3], и обследование, проведенное в 1915—1916 гг. П. Л. Гусевым[4]. В первой работе на основании клировых ведомостей и летописей указывается местоположение, время сооружения и состояние памятника, а во второй приводится довольно обоснованное предположение о наименовании местности «Кожевники», детально анализируются живопись и архитектурные формы сооружения и заодно поддерживается существовавшее в то время мнение о первоначальности прямоскатных форм покрытия[5]. Многие положения этих работ нуждаются теперь в пересмотре, однако в свое время они явились значительным шагом вперед в деле изучения памятника.

В 1920—1921 гг. были произведены архитектурно-археологические обмеры памятника[6], выявившие его пластические особенности. Несколько позднее под руководством К. К. Романова Разряд древнерусского зодчества ГАИМК сделал аксонометрический чертеж церкви с многолопастным завершением ее стен по декоративным аркам, который впоследствии неодно-

---

[1] Работы осуществляли Л. Е. Красноречьев, Б. В. Кувырдин, Д. М. Федоров, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк.

[2] Т. В. Гладенко, Л. Е. Красноречьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. Сб. «Новгород к 1100-летию города». М., 1964, стр. 224—239.

[3] Макарий (архимандрит). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, I, М., 1860.

[4] П. Гусев. Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках. Тр. XV АС, I. II, М., 1914—1916.

[5] И. Грабарь. История русского искусства, I, М., 1909, стр. 208.

[6] Производил обмеры Е. Н. Глезер под руководством проф. К. К. Романова. Чертежи хранятся в архиве ЛОИМК.

кратно публиковался[7]. В 1946 г. во время противоаварийных работ Л. М. Шуляк исследовала верхние участки стен со стороны «чердака»[8]. Это исследование оказалось более результативным по сравнению с предыдущим. На его основе был составлен эскизный проект реставрации восточного фасада[9].

В последних изданиях церковь Петра и Павла привлекалась для характеристики новгородской архитектуры XIV в., но недостаточность ее изученности вызывала иногда неверные толкования. Так, в «Истории русского искусства» она приводится как пример более простого характера архитектуры по сравнению с церквами Федора Стратилата на Ручье 1361 г. и Спаса-Преображения на Ильине улице 1374 г.[10].

В самой поздней работе, написанной после окончания реставрации, церковь рассматривается как «одна из лучших новгородских построек», принадлежащих «кругу наиболее зрелых, законченных памятников новгородского зодчества XV в.»[11].

Церковь Петра и Павла находится на Софийской стороне в Неревском конце «за городом» на Звериной улице, бывшей Панской. Местность, где она расположена, закрывается городским валом от древнейшей части города — детинца. Из-за р. Волхова с Торговой стороны, наоборот, открывается вид на детинец. В XVI в. этот район именовался «Кожевники»[12], что связано, видимо, с кожевенным ремеслом, которым занимались его жители[13]. По клировым ведомостям построение церкви датируется 1227 г.[14], но эта дата не подтверждается. Первое упоминание о церкви в летописи встречается лишь под 1384 г. в связи с пожаром, во время которого постройка сгорела[15].

Постройку существующей церкви Петра и Павла летописи относят к 1406 г.: «Поставлены быша 3 церкви: Рождество св. Иоана, Предтеця в Ростькине монастыре и святый Петр и Павел в Неревском конце и святаго Никиту в Плотничком конце»[16]. Новгородская III летопись о построении церкви сообщает подробнее: «Того же лета поставиша церковь камену святых Апостол Петра и Павла в Неревском конце в Панской улицы за болшим валом на Софийской стороне»[17]. Тип здания, его конструкции и строительные материалы не противоречат этой дате и соответствуют постройкам Новгородской архитектуры конца XIV — начала XV в.

Источники не оставили имени ктитора церкви Петра и Павла, но, по-видимому, приемлемо предположение П. Л. Гусева о том, что безымянный термин летописей «поставиша» свидетельствует о построении храма сообща всем «миром» богатых кожевников — жителей Неревского конца[18].

Последующие летописные сведения по истории церкви Петра и Павла весьма скупы событиями. В них имеются лишь сообщения о пожарах, опустошивших церковь в 1548 и 1558 гг.[19]. Позднее церковь была разорена при

---

[7] А. Строков, В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939; В. Лазарев. Искусство Новгорода. М.— Л., 1947, стр. 103; М. К. Каргер. Новгородское зодчество. История русского искусства, II, М., 1954, стр. 64.

[8] Л. М. Шуляк. Научный отчет о работах по восстановлению церкви Петра и Павла в Кожевниках. Архив Новгородской СНРПМ № р—10.

[9] С. Н. Давыдов. Восстановление архитектурных памятников Новгорода в 1945—1949 гг. Сб. «Практика реставрационных работ», 1, М., 1950, стр. 69—70.

[10] История русского искусства, II, М., 1961, стр. 78.

[11] М. К. Каргер. Новгород Великий. М.— Л., 1961, стр. 163—166.

[12] Н2Л, М., 1965, стр. 151.

[13] П. Гусев. Ук. соч., стр. 140; В. В. Майков. Писцовая книга по Новгороду Великому. СПб., 1911, стр. 54.

[14] Макарий. Ук. соч.

[15] Н1Л. М., 1950.

[16] Новгородская летопись по синодальному Харатейному списку. СПб., 1888.

[17] Летописец Новгородским церквам божиим НЗЛ.

[18] П. Гусев. Ук. соч., стр. 139; Евгений (митрополит). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. СПб., 1808, стр. 81.

[19] Н2Л.

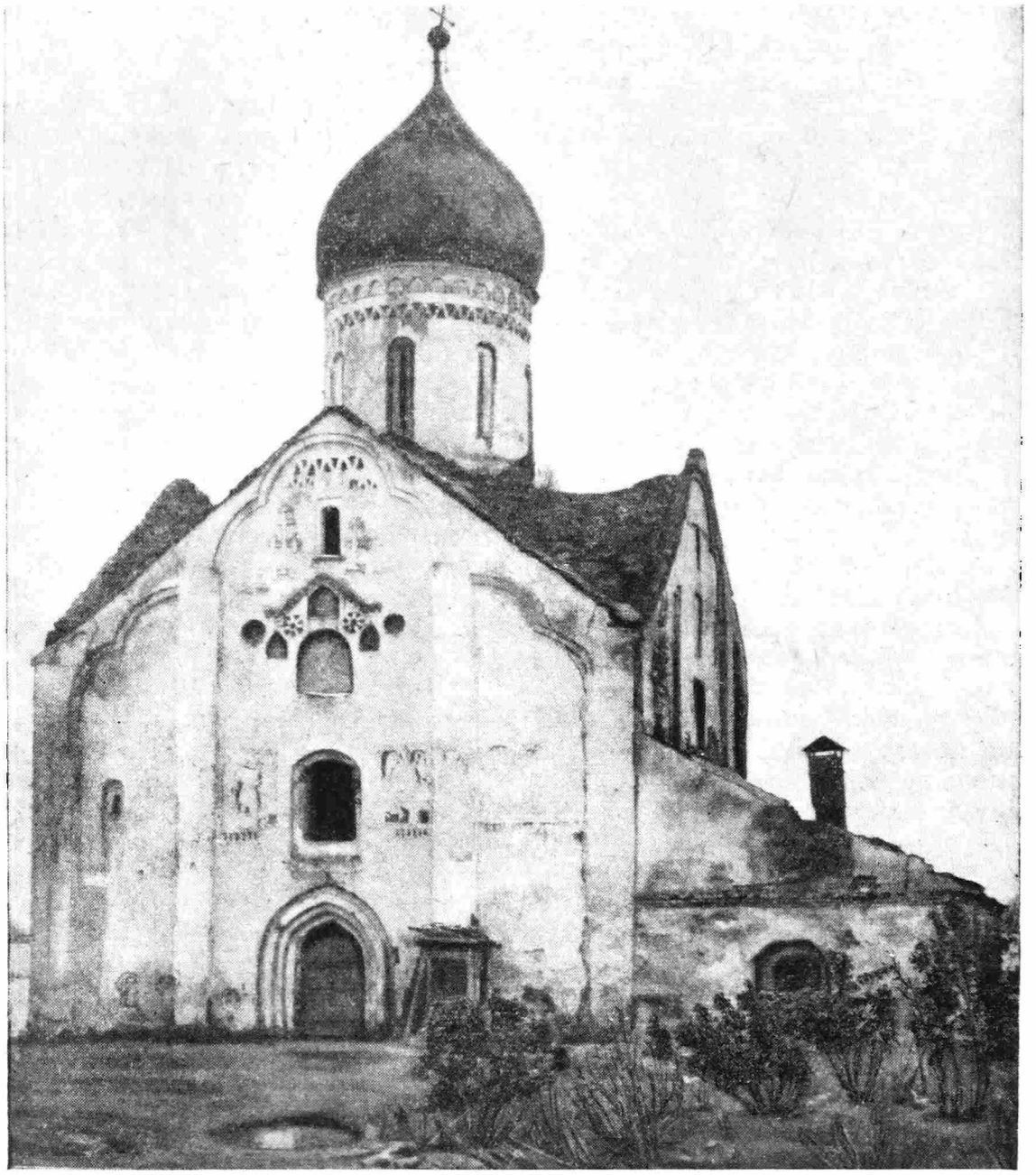


Рис. 1. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород (фото 1946 г.)

шведском нашествии. В росписи новгородских церквей 1615 г. указано: «Храм, соборный мирской, каменный Петр и Павел, да и другой храм в трапезе древян Стефан Сурожский разорены и пожжены»[20]. По всей вероятности, в XVIII в. с южной стороны к церкви был пристроен каменный придел Трех святителей. Впоследствии с запада к нему была пристроена каменная колокольня, разобранная в 40-х годах текущего столетия.

До второй мировой войны покрытие основного объема церкви было восьмискатным, со шлемовидной главой на барабане. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. памятник сильно пострадал (рис. 1). Крыша почти полностью отсутствовала, в стенах имелись сквозные трещины и деформации. Памятник был близок к гибели[21]. На маяках, поставленных весной 1946 г., вскоре же появились трещины. Было решено

[20] Евгений (митрополит). Ук. соч., стр. 81.
[21] Л. М. Шуляк. Научный отчет.

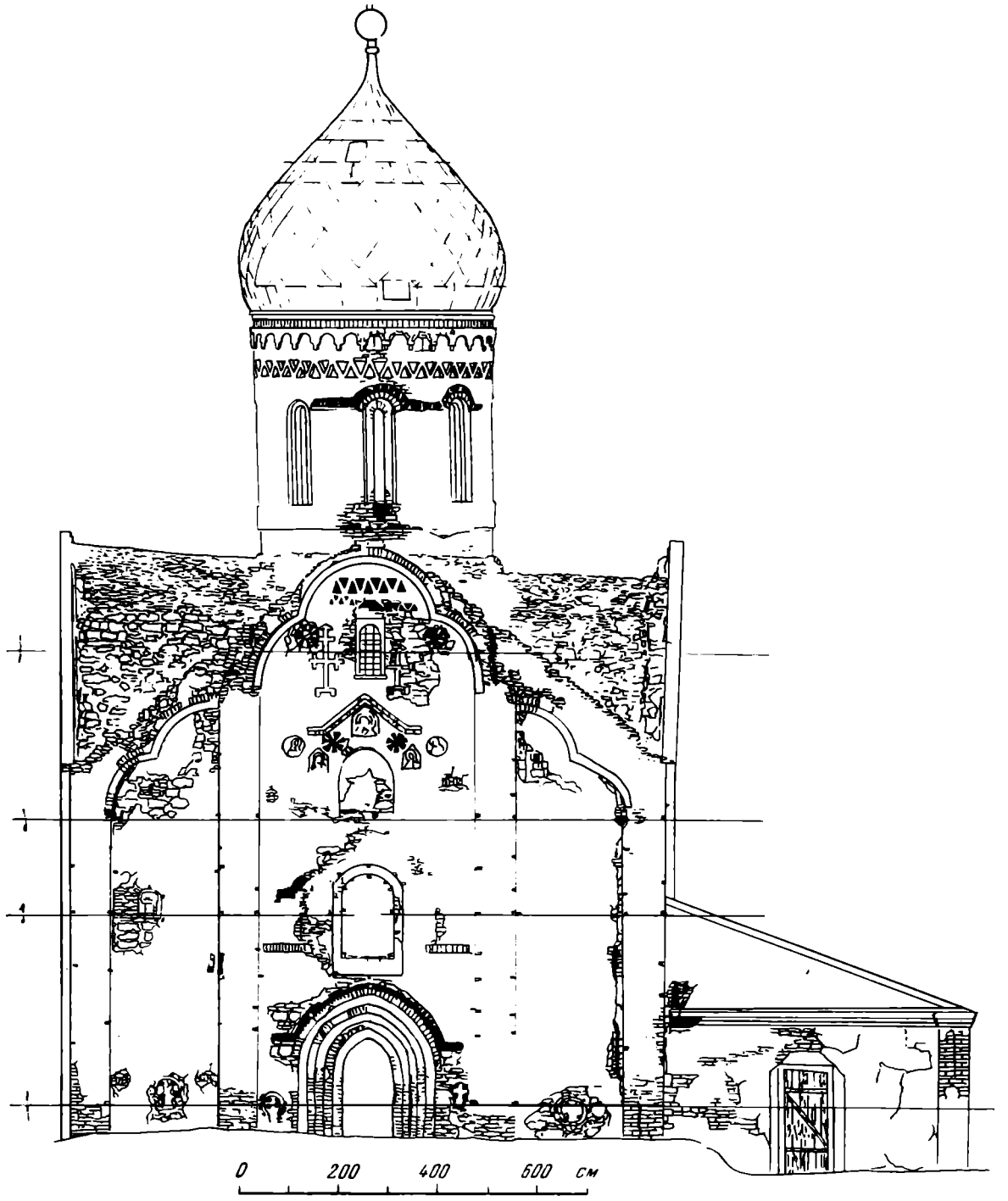


Рис. 2. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Архитектурный обмер западного фасада

подхватить все верхние конструкции системой деревянных опор, укрепить столбы деревянными корсетами [22] и сделать временную вальмовую крышу на уровне верха щипцов.

Спустя десять лет после проведения первоочередных консервационных работ, спасших памятник от окончательного разрушения, приступили к его капитальному укреплению. Перед строительными работами были проведены исследования (зондажи, шурфы) и обмеры (рис. 2), позволившие полностью выявить древний облик сооружения и поставить вопрос о его реставрации [23].

[22] Проект временных деревянных конструкций разработал архитектор А. Л. Ротач.

[23] Исследования и обмеры 1955—1956 гг., проведенные Г. М. Штендером, Л. М. Шуляк, при участии Н. Н. Кулепетовой, явились продолжением предыдущих.

* * *

Церковь Петра и Павла в Кожевниках — это четырехстолпная крестово-купольная постройка с одной главой и апсидой, деревянным настилом хор в западной части и настилами в юго-восточной (на уровне хор) и юго-западной (над хорами) частях (рис. 3, 4). Стены церкви имеют трехчастное деление плоскими лопатками, объединенными вверху декоративными ползучими арками (рис. 5, 6).

Методы и система кладки всех конструкций церкви близки другим новгородским памятникам XIV—XV вв. Исследования показали, что при устройстве траншей для фундамента вынутый грунт планировался по всей площади постройки. При этом часть грунта использовалась для засыпки между валунными камнями фундамента, верхний ряд которого был залит известковым раствором. Основанием для фундамента послужил мелкий материковый песок, насыщенный водой. Фундамент заложен на глубине 1,5 *м* и состоит из пяти-шести рядов валунных камней размером от 0,15 до 0,5 *м* в поперечнике. Слово «ряды» лишь условно выражает характер его кладки, так как камни лежат без учета рядов. Деревянных конструкций под фундаментом не обнаружено. Не выявлено деревянных связей и по верху фундамента, хотя присутствие их не исключено.

Пол церкви, расчищенный в 1946 г. при устройстве временных деревянных опор, состоит из плит, уложенных на песчаную подсыпку толщиной 5—25 *см*. Подсыпка лежит на строительном щебеночном слое ракушечника толщиной 6—12 *см*. Поверх ракушечника идет черная прослойка с углями. Предполагалось, что на этом уровне был древний пол [24]. Однако нижняя ступень каменной лестницы храма начинается с плитяного пола. Следов примыкания лежавших ниже ступеней на ней нет. Шурфы 1958 г. показали, что плитяной пол был первоначальным. Слои, лежавшие под ним, образовались при строительстве храма. Отмечен уклон плитяного пола к востоку на 25—30 *см* по сравнению с его крайней западной отметкой у портала. Уклону пола соответствует уровень взаимного расположения обоих порталов. За алтарной преградой пол был деревянным. Солеи не было. Уровень плитяного и деревянного полов одинаковый.

Стены основного объема храма имеют толщину 1,1 *м*, а апсиды — 0,9 *м*. Они выложены из грубо околотых квадров местного бурого ракушечника размером 15—30 × 30—75 × 12—33 *см*. В верхних частях стен камни более мелкие, чем в нижних. Их кладка велась слоями, высотой от 50 до 80 *см*, с последующим заполнением пространства между ними мелким камнем на жидком растворе. Толщина швов между камнями достигает 1—5 *см*. При укладке камней в стену была соблюдена относительная рядность. Раствор, скрепляющий кладку, известковый, с речным песком желтовато-белого цвета и весьма прочный. Он прекрасно сохранил свои качества в глубине стены.

В опорных столбах церкви, вероятно для уменьшения косых напряжений, сделаны прокладки в четыре — шесть рядов кирпича через каждые 90—130 *см* их каменной кладки. Каменные конструкции на различной высоте раньше были связаны четырьмя поясами дубовых брусьев сечением 22 × 22 *см*. Брусья лежали внутри кладки по периметру стен. Три яруса брусьев проходили через столбы. Они связывали между собой противоположные стены и были видны в интерьере.

Настилы перекрытий были сделаны из горбылей, уложенных изогнутой поверхностью кверху [25]. Швы между ними промазаны известковым раство-

---

[24] Л. М. Шуляк. Научный отчет.

[25] Такой способ укладки настилов был известен уже в XII в. Л. М. Шуляк. Раскопки руин церкви Спаса Нередицы близ Новгорода. «Практика реставрационных работ», I, рис. 9. В церкви Параскевы Пятницы (1207 г.) обнаружена аналогичная конструкция перекрытия внутри стенных горизонтальных ходов-галерей, объединявших систему трех притворов.

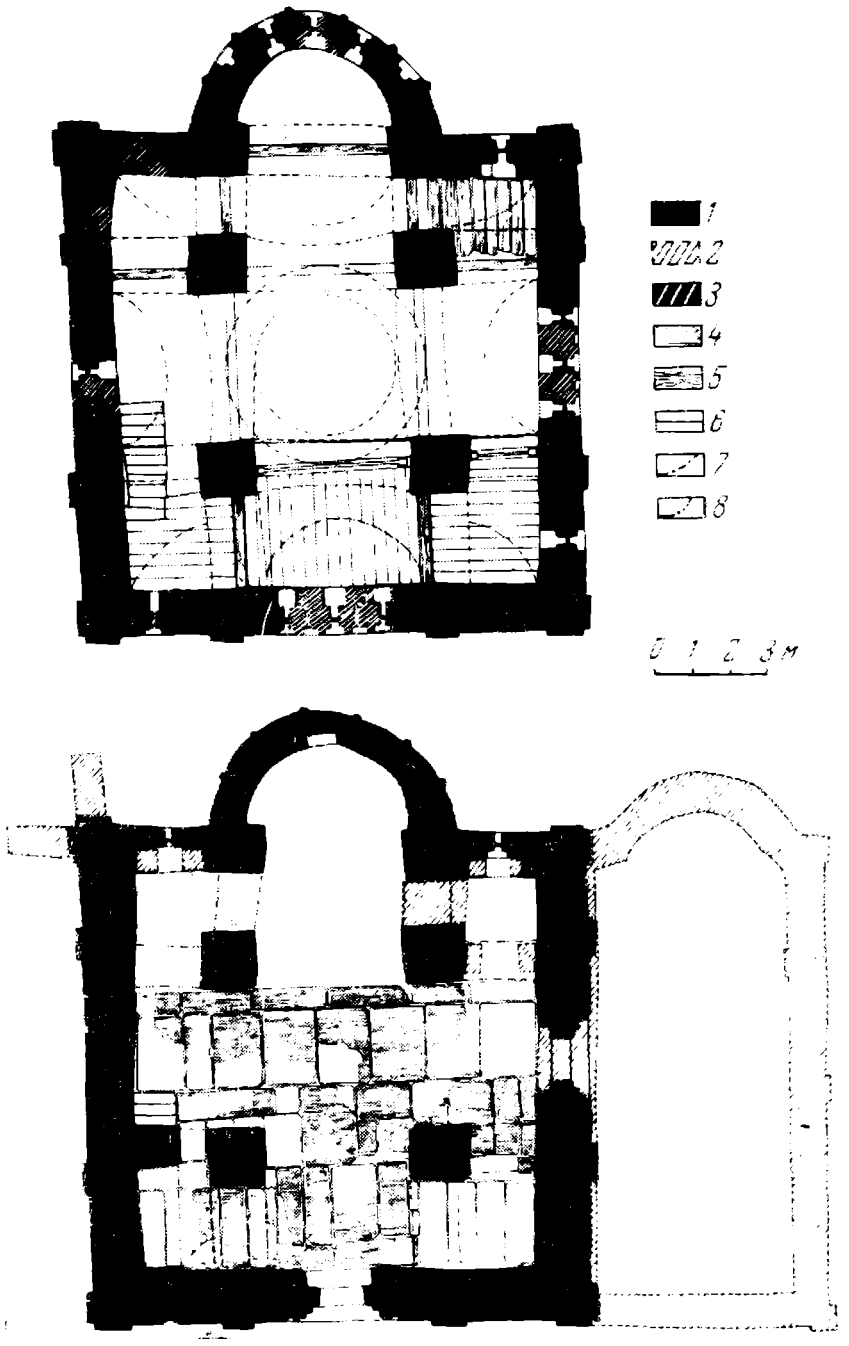


Рис 3. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Планы на уровне входов и полов

ром. На обрезе стен горбыли лежали на тонких дощечках, положенных, очевидно, для гидроизоляции.

Кладка стен церкви велась со строительных лесов. Концы поперечных балок их настилов с одной стороны опирались на ряд стоек, а с другой — непосредственно на кладку. В стенах до сих пор сохранились от них гнезда.

Арки, конха, барабан с куполом, пилястры, порталы и окна выложены из прочного кирпича медно-красного цвета плотного замеса и прекрасного обжига [26]. Размеры кирпичей 6—7 × 12,5—14,5 × 28—29 *см*. Отформованные на крупном песке, они имеют грубые шероховатые поверхности, спекшиеся во время обжига. Для конца XIII — начала XV в. это очень характерно.

[26] В порталах и окнах интерьерные части, вероятно, в связи с их сравнительной простотой, выложены из камня-ракушечника.

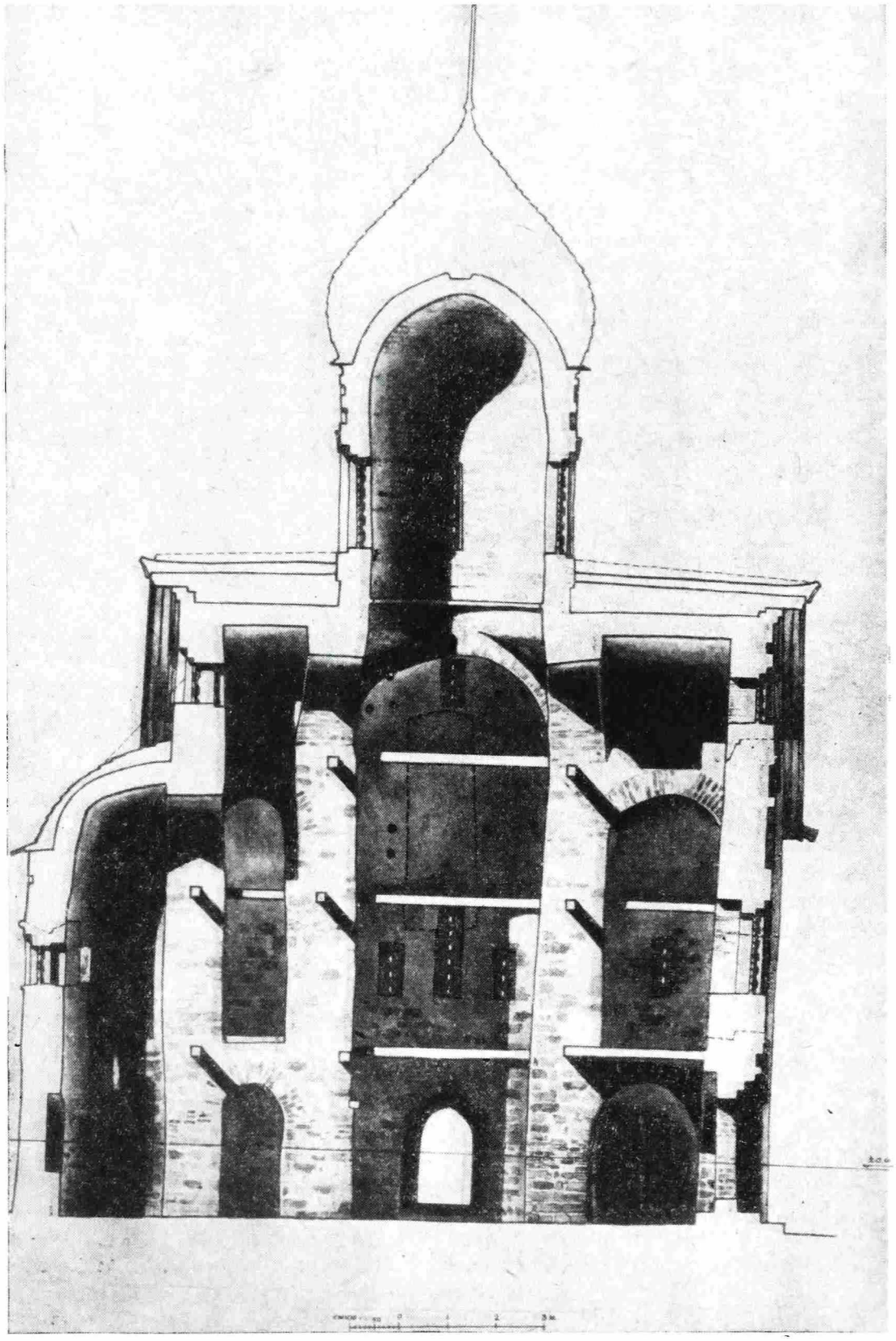


Рис. 4. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Продольный разрез

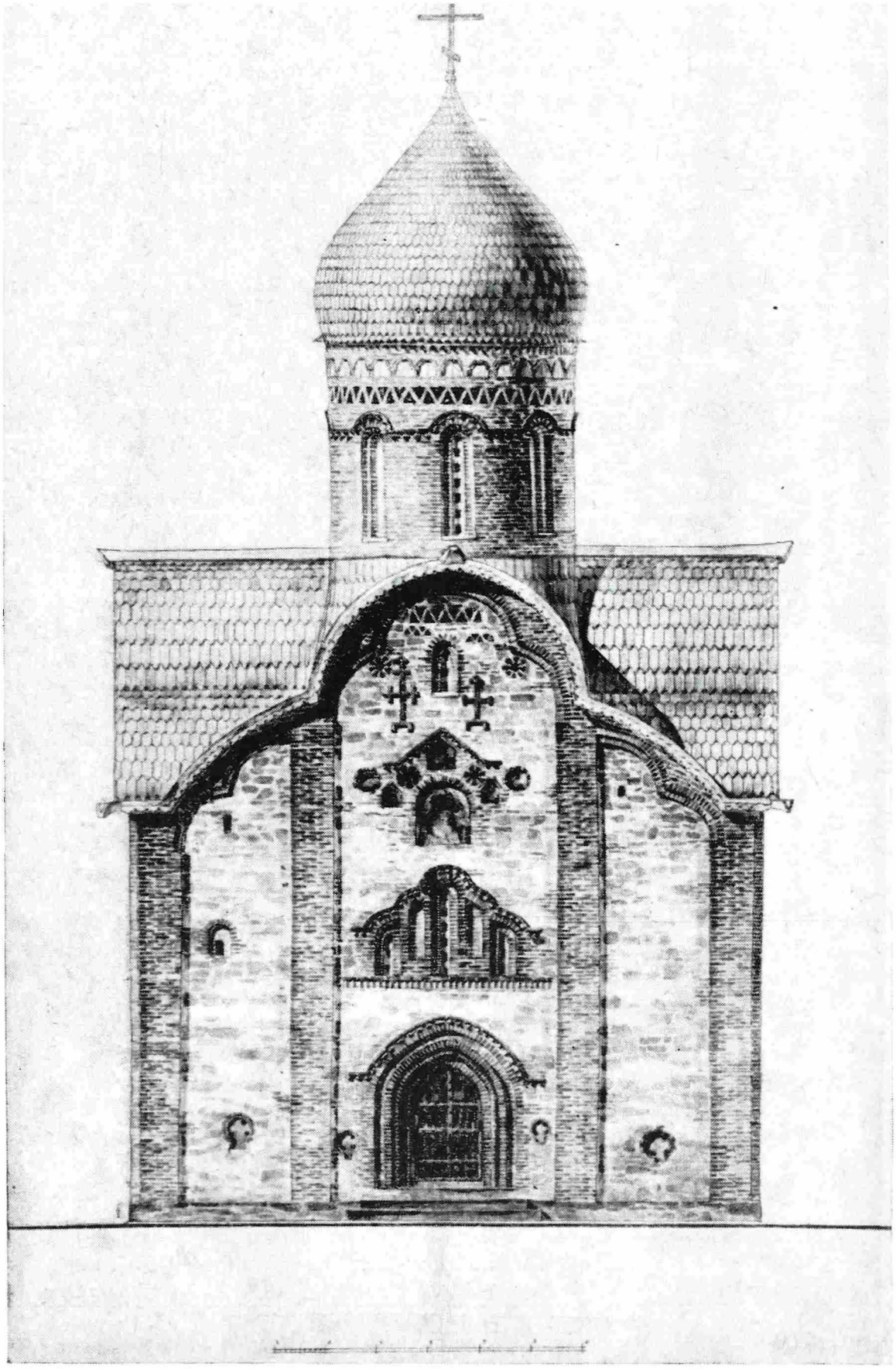


Рис. 5. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Реконструкция западной стены

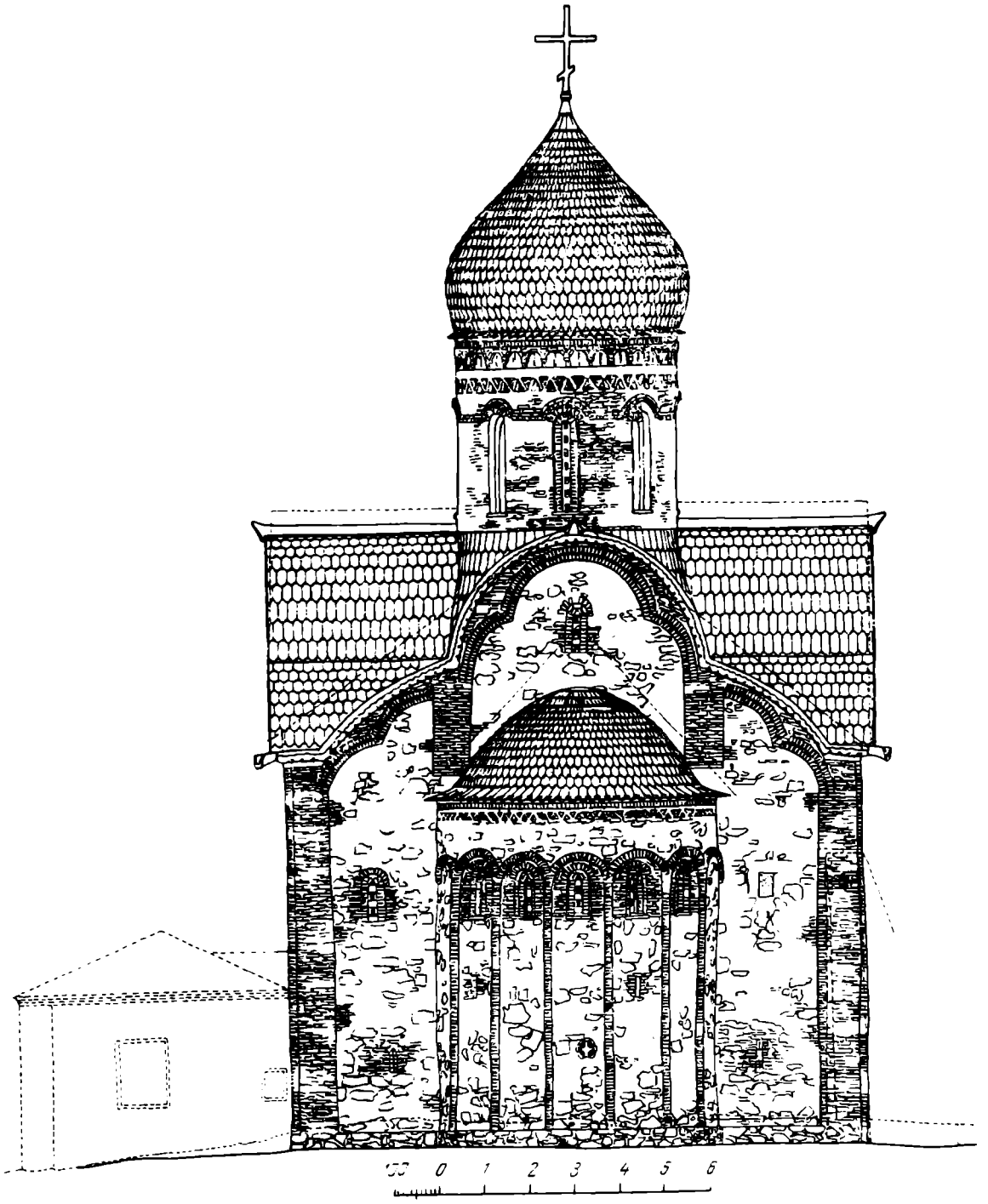


Рис. 6. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Реконструкция восточной стены с абсидой

Арки толщиной в 1.5 и шириной в 3—4 кирпича выложены из трех или четырех смежных арок в один-два кирпича без перевязки, что привело впоследствии к их расслоению [27]. Направление рядов кладки арок не всегда соответствует кривой сводов. Часто несколько кирпичей укладывалось почти параллельно, а затем делалась расклинка. Кладка велась по дощатой опалубке на кружалах. Последние устанавливались в пяты возводимых арок на подкосах и балках. Следы их опор найдены повсеместно.

Своды выложены из серых постелистых плит камня толщиной до 15 *см* и шириной 45—50 *см*. Они возводились по дощатой опалубке, которая укладывалась на кладку тимпана и подпружной арки без кружал. В ме-

[27] Большинство продольных трещин в подпружных арках оказались старыми и были разжаты дубовыми клиньями.

стах примыкания сводов к аркам и тимпанам сохранились обрубленные доски толщиной до 5 *см* или борозды, откуда они были извлечены [28].

При исследовании особое внимание было уделено фактуре стен и характеру кровли [29]. После строительства стены не менее 100 лет стояли, по-видимому, не оштукатуренными как снаружи, так и изнутри. Мастера ограничились лишь затиркой раствором швов по поверхности камней и кирпичей, оставив значительные участки кладки полностью открытыми. Благодаря этому стены приобрели живописную фактуру. Кирпичи окон, порталов и ниш вкладных крестов для большей четкости были ярко подкрашены красной краской по сырому раствору затирки швов. Подкраска является одним из основных доказательств отсутствия штукатурки в древности. Гнезда от лесов в стенах при нанесении штукатурки впоследствии были заложены маломерным гладким кирпичом, отличным от древнего. Состав раствора закладки гнезд и покрывающей их штукатурки везде идентичен и составляет одно целое. Самая ранняя штукатурка на памятнике закрывала перекладки и утраты «бровок». Она может быть отнесена к XVI—XVII вв.

Удалось собрать ряд данных, говорящих, что древние мастера не делали сплошной накрывки раствором (штукатурки) при строительстве. Об этом свидетельствуют: обработка стен Софии (XI в.) со скошенной офальцовкой камней и кирпичей; косая подрезка раствора у плинф в смешанной кладке арок других памятников домонгольской поры, где плинфы выступают из кладки до 1 *см*; имитация накладки под древнюю кладку в церкви Спаса-Нередицы [30]; крест из белых и зеленых поливных плиток в плоскости стены на фасаде церкви Николы на Липне (конец XIII в.); кирпичный орнамент в плоскости стены в церкви Успения в Волотове (середина XIV в.); каменные кресты в плоскости стен церквей Федора Стратилата на Ручье, Рождества на Молоткове и Федора Стратилата на Софийской стороне (XIII—XIV вв.), где при наличии штукатурки последнюю пришлось бы свести «на нет»; орнамент, напоминающий крест из черных (пережженных) кирпичей в плоскости стены церкви Климента (первая половина XVI в.), и, наконец, подавляющее большинство других памятников, где самая ранняя штукатурка проходит по закладкам, перекладкам и утратам.

В Новгороде, как известно, штукатурка новых стен непосредственно при строительстве стала применяться с XVIII в., а побелка по кирпичной кладке — со второй половины XVII в. Однако все сказанное выше вовсе не означает, что каменные стены новгородских зданий вообще до XVIII в. не имели штукатурки. Известно, что Софийский собор в XII в. после одного из ремонтов был оштукатурен. Найдены фрагменты сплошной штукатурки с цемянкой на наружной поверхности ее стен. Некоторые храмы XII в. также имели сплошную обмазку (штукатурку) цемяночным раствором, нанесенную позднее. Церковь Параскевы Пятницы впервые была оштукатурена известковым раствором в 1345 г. после крупной перестройки, когда кладка новых частей совершенно отличалась от первоначальной и постройка была очень пестрой. В церквах Спаса на Ковалеве (1345 г.) и Успения в Волотове (1352 г.) на участках основного куба в местах примыкания стен притворов, которые по строительной технике можно отнести к XIV — началу XV в., обнаружена сплошная обмазка, говорящая о том, что здесь стены могли быть оштукатурены в пределах нескольких десятков лет после возведения.

---

[28] Под восточным центральным сводом сохранилась забытая строителями древняя дощатая опалубка. При обследовании выяснилось, что доски ее тесаны топором. Толщина досок 3—4 *см*.

[29] В 1956 г. нами был сделан эскиз реконструкции памятника без штукатурки и с чешуйчатой кровлей. Г. М. Штендер. Разметка архитектурных форм древними зодчими. Памятники культуры, I, М., 1959, рис. 1.

[30] Г. М. Штендер. Восстановление Нередицы. Новгородский исторический сборник, 10, Новгород, 1962, стр. 172—174.

Изложенное сразу позволяет сделать вывод, что после завершения строительства постройки Новгорода не штукатурились. По мере же необходимости, в связи с перестройками, для предохранения стен памятников от выветривания производилась сплошная обмазка их поверхностей толщиной в 1—1,5 *см*, повторявшая неровности кладки[31]. При этом обмазка стен гладко обрабатывалась стальными мастерками, а углы слегка закруглялись. Сказанное целиком относится и к интерьерам памятников. Их стены стояли открытыми до появления первых росписей, а также до перестроек или ремонтов. Срок между окончанием строительства и нанесением сплошной обмазки был различный: от одного или двух месяцев до нескольких сотен лет.

После разборки позднейшей пристройки открылась часть южной стены церкви Петра и Павла с четырьмя каменными крестами в нишах и перспективным порталом (рис. 7). Прежде кресты стояли, по-видимому, на могилах около ранней деревянной церкви. При строительстве каменного храма кресты, попадавшие под новую постройку, снимались и включались в кладку ее стен[32]. В южной трети западной стены нижняя отесанная часть креста, имеющая вид шипа, вставлена в гнездо горизонтальной плиты. Последняя была основанием кресту на могиле. Остальные кресты имеют точно такие же шипы. В нижних участках стен памятника обнаружены обломки других таких же каменных крестов. Способ их установки на могилах, до включения в состав построек, был аналогичен способу постановки армянских крестных камней-хачкаров, которые в большом количестве сохранились на древней армянской земле.

Южный портал церкви оказался меньше западного и с менее развитой стрельчатой формой. Над его верхней частью, под самой ранней штукатуркой обнаружен срубленный кирпичный декор из «зубцов» — обычных кирпичей, углом выступающих из плоскости стены[33]. Над зубцами был выпущен еще ряд кирпича, Декор в виде «бровок» огибал наружный ряд арочных перемычек обоих порталов. В древности они имели по одному закладному дубовому засову. Каждый засов двигался в гнезде, обложенном досками в виде короба. Полностью эта конструкция сохранилась в южном портале.

Выше порталов в плоскости стен проходила горизонтальная полоса поребрика из косо поставленных на ребро кирпичей. В средней части декор поребрика позднее был нарушен при устройстве порталов второго яруса с лучковыми перемычками. По форме эти порталы относятся ко второй половине XV — началу XVI в.[34] Вне всякого сомнения, верхние входы могли появиться лишь в связи с устройством междуэтажного перекрытия, выделившего подцерковье.

П. Л. Гусев отмечал, что «живописное (масляными красками.— *Г. Ш.*), а не иконное изображение святых Петра и Павла с правой стороны портала (с левой стороны более старая клеевая живопись.— *Г. Ш.*) указывает на время перехода церковных служб в верхнюю часть храма, время устройства наката, разделившего церковь пополам, и деревянной пристройки, закрывшей древний портал — несомненно позже XVII в., потому что наружное украшение предполагает старинный западный вход еще

[31] То же самое делалось и с обветшавшими стенами городских укреплений. В. В. Косточкин. Об обмазке новгородских и псковских оборонительных сооружений. Памятники культуры, I, стр. 83—94.

[32] Шурфы, заложенные у стен, показали, что весь грунт до материка перекопан могилами. Попадались остатки перезахоронений — беспорядочные скопления костей, например у западного и северного фасадов.

[33] В ранних памятниках, например в Софийском соборе, зубцы делались из остроугольных кирпичей, выступавших из плоскости стены. С середины XIV в. стали использовать обычные прямоугольные кирпичи, выступающие из стены одним из своих углов.

[34] Подобные порталы имеются, например, в церквах Двенадцати Апостолов на Пропастях (1454 г.), Дмитрия Солунского (1463 г.), Жен Мироносиц (1510 г.) и Климента (1520 г.).

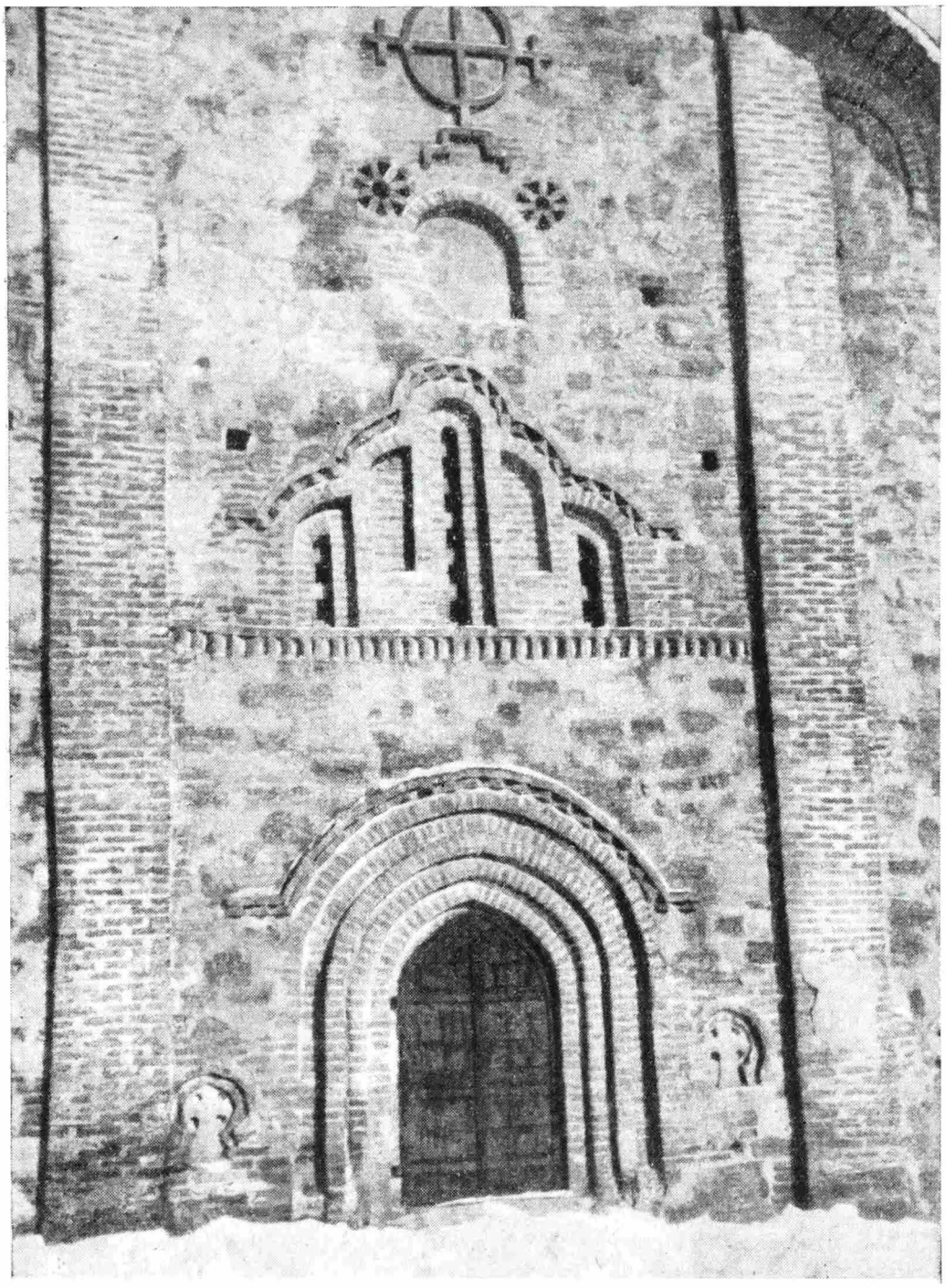


Рис. 7. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Центральная часть южной стены после реставрации

не закрытым» [35]. Однако приведенные соображения не являются бесспорными, так как прежде живопись покрывала почти всю нижнюю половину западного фасада церкви, что дает основание считать ее интерьерной. Эта живопись сделана по сухой штукатурке и очень непрочная. После разборки южной пристройки XVIII в. обнаружен фрагмент темперной живописи (фигура святителя) на центральной восточной лопатке у южного портала. Правда, характер живописи здесь иной — грунт более тонкий с гладкой поверхностью [36]. Можно высказать предположение, что в XVI в. с западной и южной сторон к памятнику примыкали деревянные пристройки. Одна из них была, возможно, трапезной с приделом Стефана Сурожского.

[35] П. Гусев. Ук. соч., стр. 140.

[36] Фрагмент был оставлен на месте и укреплен, но в течение нескольких дней краски почти бесследно исчезли.

По сторонам порталов обнаружены боковые притолоки тройных окон 1406 г., а выше — следы пятилопастных завершений бывших здесь ранее наличников-«бровок». Контур западного строенного окна сохранился полностью, а в южном утрачена верхняя часть пятилопастной «бровки». Фрагменты «бровок» в виде оставшихся в кладке хвостовых частей кирпича сохранились над боковыми притолоками. В Новгороде подобные окна известны лишь в церкви Спаса на Ильине улице (1374 г.) и Ивана Богослова в Радоговицах (1383 г.). Церковь Петра и Павла в Кожевниках является, таким образом, третьим памятником, где имеется такая же своеобразная композиция [37].

Изнутри окна имеют прямоугольный абрис и перекрыты каменными плитами, а снаружи — простыми кирпичными перемычками из двух наклонных кирпичей. В просветах окон обнаружены следы кирпичных «окончин», представлявших в древности вертикальный ряд небольших прямоугольных отверстий. Отверстия устроены при помощи заглушек — поставленных на ребро кирпичей. Во всех раскрытых окнах обнаружены следы утраченных «окончин» либо сами «окончины».

В боковых третях западной стены под угловыми сводами хор раскрыты маленькие окна-отверстия. В центральной части северной стены обнаружена нижняя часть древнего окна. Исследование верхнего окна апсиды дало возможность установить, что оно устроено позднее, путем растески древнего. При этом оказалась уничтоженной часть жгутов, обрамлявших окно. В настоящее время этот участок полностью реставрирован (рис. 8). Ниши, смежные с центральным окном, оказались древними световыми проемами, заложенными в позднее время. Таким образом, обрамленные жгутами три верхних окна апсиды рядом — пример, единственный в Новгороде, так как обычно в таких случаях обязательно чередование окон с нишами [38].

Во втором ярусе дьяконника была переделана лишь внутренняя часть окна. Снаружи оно осталось без изменений. Окно второго яруса жертвенника оказалось целиком позднего происхождения. Помещение жертвенника в отличие от дьяконника не имело межэтажного перекрытия, в связи с чем не было надобности и в верхнем окне.

Над пятичастным окном западной стены композиция различных по форме ниш, выложенных из кирпича, бесспорно относится к первоначальному периоду. Сохранившаяся в них живопись более позднего времени. Однако и в древности ниши имели живопись. Фрагменты ее сохранились на фасадных участках стены. Между нишами и на боковых поверхностях малых ниш живопись al fresco по тонкой (до 0,5 *см*) гладкой затирке белого известкового раствора представляет собой растительный орнамент красного цвета по белому фону. На боковых стенках ниш — красная разгранка. Эту живопись можно отнести, по-видимому, ко времени строительства, так как по технике и цвету она очень походит на раскраску кирпича порталов, окон и декора и совершенно отлична от живописи других фрагментов. Впрочем П. Л. Гусев писал: «Наружные фрески до XVI в. совершенно не свойственны новгородскому искусству, раскраска на фасадах вообще не допускалась и только особняком стоит раскрашенный поклонный крест архиепископа Алексея...» [39]. Вывод категоричен, но безоснователен. Никаких доказательств автор не приводит. Сейчас известно, однако, несколько памятников, где наружная роспись появилась ранее XVI в. К ним относится, например, роспись декоративных ниш Георгиевского собора Юрье-

---

[37] В церкви Ивана Милостивого на Мячине (1421 г.) форма строенного окна упрощена. Здесь всего лишь один центральный проем и по одной нише с каждой стороны. Боковых окон не было.

[38] В церквах Федора Стратилата на Ручье, Спаса на Ильине улице и Рождества на Молоткове.

[39] П. Гусев. Ук. соч., стр. 141.

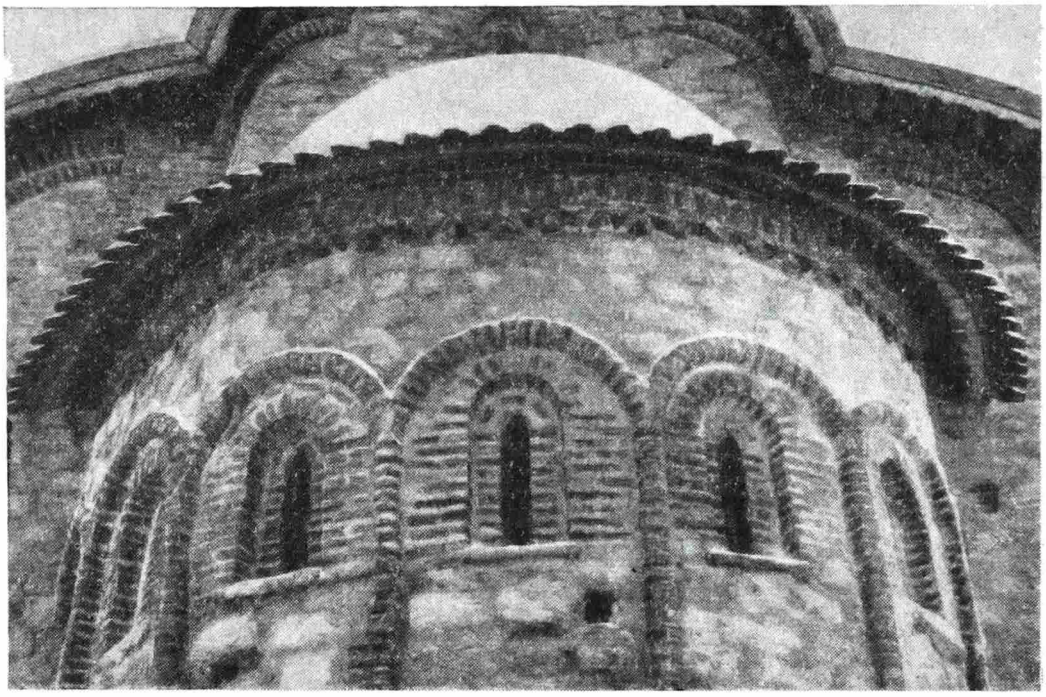


Рис. 8. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Часть абсиды после реставрации

ва монастыря [40]. В церкви Параскевы Пятницы недавно обнаружена фреска в декоративной нише нижней части восточной стены дьяконника [41]. Фрагмент древней фрески имеется и в нише южного фасада церкви Власия [42]. Кроме того, известны иконографические изображения XV в. с наружными росписями [43]. Все это свидетельствует о широком применении живописи на фасадах новгородских храмов. Правда, П. Л. Гусев писал: «Штукатурка (в подклете.— *Г. Ш.*) со стен отпала везде и обнаружилась кладка. Есть следы красок, что заставляет предполагать бывшую роспись храма» [44]. Но при целиком сохранившейся штукатурке в церкви, в ее подклете нами не обнаружено ни одного фрагмента живописи. Имеющиеся здесь «следы красок» — это вертикальные подтеки красящего камня-ракушечника, основного материала стен. Интересно, что интенсивные сгущения таких подтеков идут горизонтальными поясами большой протяженности и начинаются, как правило, в местах границ слоев кладки, т. е. там, где кладка во время возведения стен некоторое время оставалась открытой. Поэтому причину красочных образований в подклете церкви надо видеть либо в обильных атмосферных осадках, выпадавших во время возведения стен, либо в технических условиях их кладки. В жаркое летнее время свежую кладку могли прикрывать мокрыми рогожами или холстами, предохраняя ее от резкого просыхания. На внешней поверхности стен это явление обнаружить не удалось, так как здесь оказалась интенсивная окраска от многолетнего воздействия атмосферных осадков в древности, когда они не были еще закрыты штукатуркой.

По сторонам кирпичных крестов под слоем ранней штукатурки раскрыт кирпичный орнамент в виде «розеток», набранных из треугольных впадин, подобных нижним. Фрагменты таких же «розеток» обнаружены и в центральной трети южного фасада, по сторонам окна XIX в. Первоначально

[40] М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. СА, VIII, 1946, стр. 180.

[41] Фреска снята бригадой художников-реставраторов, работавших под руководством Д. Брягина, и передана на хранение в Новгородский музей.

[42] Исследование Д. М. Федорова.

[43] Ктиторская фреска церкви Симеона Богоприимца, по-видимому, второй половины XV в. с изображением храма с росписью в нише.

[44] П. Гусев. Ук. соч., стр. 140.

здесь была ниша с полуциркульным верхом, аналогичная западной. Выше раскрыта часть кирпичного креста, уничтоженного при устройстве окна в XVI в. Крест по характеру напоминает кресты западного фасада, но отличается от них формой. Здесь обнаружен довольно редкий случай креста с кругом. Подобные кресты известны на южном фасаде церкви Спаса на Ильине улице в Новгороде и на крепостной стене Изборска [45]. Правда, в обоих упомянутых случаях кресты набраны не из кирпича, а из плитняка. В центральной трети в тимпане верхней ползучей арки над окном раскрыт второй ряд «бегунца», кирпичи которого выходят на фасад ложком, а не тычком, как в нижнем. Позднее переделки производились в верхней части центральной трети западной стены. Над прямоугольной перемычкой окна XVI в. обнаружены следы арочной перемычки первоначального окна. Ниши с арочными перемычками в тимпанах северной, восточной и южной стен оказались древними заложенными окнами.

Выше говорилось, что представление о первоначальной форме завершения стен церкви Петра и Павла на разных этапах развития историко-архитектурной науки казалось различным. Вначале представлялось, что подлинной была крыша на четырех прямоскатных фронтонах, а затем появилось предположение о многолопастной форме венчания стен и кровли по декоративным ползучим аркам. Теперь же в результате многочисленных наблюдений и исследований, проведенных в послевоенный период, окончательно установлено, что первоначальная форма покрытия церкви Петра и Павла, как и у других новгородских церквей XIII—XV вв., была трехлопастной.

При составлении плана исследования на 1955—1956 гг. имелись в виду результаты наблюдений 1946 г., когда форма трехлопастного покрытия была установлена лишь со стороны «чердака» [46]. При этом предполагалось, что трехлопастная кривая была составлена из частей окружности. Однако тщательные наблюдения дали возможность более точно выявить формы первоначального контура. Во многих случаях сохранившаяся известковая обмазка четко ограничивала древние части трехлопастного покрытия, имевшие, подобно порталам, стрельчатый характер.

Если на других памятниках линия трехлопастной кривой проходит на значительном расстоянии от декоративных ползучих арочек (40—50 *см*) [47], то в церкви Петра и Павла — в непосредственном соприкосновении с их кладкой. Иногда трехлопастная кривая начинается кирпичами, положенными «на ребро», затем она образуется из кладки горизонтальных рядов кирпича и лишь на южном фасаде сохранившаяся западная часть центральной лопасти выложена в виде арки, выходившей на фасад тычками.

Следует отметить, что самая верхняя часть завершения стен не сохранилась. Однако форма и высота вполне определяются сохранившимися участками и выдрой барабана.

Вопрос о первоначальной форме покрытия на четыре прямоскатных фронтона перед нами уже не стоял, тем не менее все участки выше декоративных ползучих арок были детально изучены. Изучение показало, что до последней перестройки из нового кирпича в XIX в. самые верхние участки стен претерпели две крупные переделки-докладки. Первая (нижняя) была из темного большемерного кирпича (29,5×13×8,5 *см*) с грубой песчаной поверхностью. Вторая была сделана светло-оранжевым маломерным кирпичом (25×12×5 *см*) с гладкой поверхностью. Растворы, на которых они были сложены, в обоих случаях оказались известковыми, но разными по содержанию песка и цвету.

---

[45] В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. М., 1962, стр. 208—210.

[46] С. Н. Давыдов. Ук. соч., рис. 28.

[47] Такое устройство было в церкви Власия (1407 г.).

Можно предположить, что в результате первой переделки, трехлопастное покрытие несколько трансформировалось в сторону спрямления боковых дуг в наклонные линии, а вторая накладка превратила трехлопастную форму щипца в двускатную. Обнаружены также следы незначительных разновременных починок первоначального трехлопастного покрытия, которые свидетельствуют о довольно длительном его существовании.

На основе детального анализа верхних конструкций памятника есть все основания утверждать, что его кровля была положена не на своды, как в более ранних храмах, а на деревянные конструкции. Об этом свидетельствуют: угловые своды, которые не имели надкладок (ложных сводов), соответствовавших трехлопастной кривой южной и северной стен, глубокие «карманы» над этими сводами, которые необходимо было закрыть от атмосферных осадков и мусора, горизонтальные площадки на внутренней поверхности парапетных стенок и у парусов, которые можно оправдать лишь как опоры для конструкций, и наконец, характер примыкания купола и конхи к стенам барабана и апсиды под прямым углом с горизонтальной площадкой на стенах для укладки мауэрлата.

В Новгороде при свинцовых покрытиях в указанных местах делался, как правило, плавный переход от стены к куполу (что обнаружено на памятниках XI—XIII вв.). Вероятно, свинцовые покрытия ранних храмов были весьма дорогими и, возможно, не частыми, так как удостаивались внимания летописцев («поби свинцом»).

При исследовании церкви Параскевы Пятницы (1207 г.) выявлены совершенно определенные следы деревянного покрытия в виде гнезд желобов-водотечников, служивших одновременно мауэрлатами. Найдены также «курицы» — крюки для крепления мауэрлатов и слой пожарища с большим количеством гвоздей на первоначальной дневной поверхности сводов постройки. Можно предполагать, что в древнем новгородском строительстве дерево широко и повсеместно применялось как кровельный материал.

Д. М. Павлинов и А. Г. Чиняков, ссылаясь на натурные наблюдения и данные письменных источников, указывают на существование деревянных покрытий на каменных храмах домонгольского периода. В этом смысле важны также летописные сообщения («загореся сверху»), так как в них речь идет, несомненно, о сгораемом материале кровли, а также записи о том, что та или иная церковь была «создана белым каменым тесанным, верх же на ней древом покрыт зажжеся». В более позднее время источники определенно отмечают деревянные кровли и, в частности, «чешую»: «Того же лета заложи архиепископ Ефимий святого Георгия монастырь в городе Ладоге... и церковь святого Георгия понови и подписа идеже отпало, и покры чешуею» [48]. Весьма существенна, наконец, и находка осинового лемеха под мауэрлатом главы на церкви Петра и Павла в Кожевниках. Ширина этого лемеха 12—15 *см*, а толщина — до 1,2 *см*. В хвостовой части он утоньшается до 0,5 *см*. Наружная поверхность лемеха истерта длительным воздействием атмосферных осадков. Его профилированная часть, к сожалению, не сохранилась.

В Новгороде значительное количество дубового и осинового лемеха обнаружено уже на нескольких памятниках. Его можно отнести к XV—XVII вв. Нижняя профилированная часть этого лемеха остроугольна; она либо напоминает форму лыжи, либо имеет вид «городка». Размеры лемеха различны: 32—45×8—16×7—1,8 *см*. Лемех, тес и резные причелины были найдены в Новгороде и при археологических раскопках. Форма нижней части лемеха всегда лыжевидна, но имеет часто и усложненное криволинейное очертание. Размеры и форма этого лемеха приняты нами при реставрации церкви Петра и Павла [49]. Городчатое очертание лемеха в раскоп-

[48] НЧЛ.

[49] Пользуюсь возможностью выразить сердечную благодарность А. В. Арциховскому и П. И. Засурцеву, которые оказали большую помощь в реставрации памят-

ках не встречалось, так как относится к сравнительно позднему времени — XVII в. Предполагается, что вынос деревянного карниза (свеса) осуществлялся с помощью жердей-слег или же досок по стропилам. Четкие следы кровельных свесов в виде сохранившихся пазов для слег обнаружены на каменных постройках XVI в.— церквах Успения в Колмове и в Духове, а также на ряде других памятников новгородского зодчества. Подобные карнизные свесы известны и в деревянном зодчестве. Можно видеть их также на изображении пятиглавого храма в рукописном житии Нифонта, относящемся к XVI в. [50]. На церкви Петра и Павла необходимость свеса диктуется отсутствием выдры для примыкания кровли апсиды, куда в противном случае попали бы атмосферные осадки [51]. Выдра над апсидой имеется и в церкви Николы на Липне, где вынос карниза на основном объеме крайне мал [52], и в церкви Николы Белого.

Если допустить, что свеса кровли у церкви Петра и Павла не было, то при деревянном покрытии кровля оказалась бы спрятанной за парапетной стенкой. Однако в этом случае деревянное криволинейное покрытие из чешуи без выноса на наружную поверхность стен осуществить, по-видимому, было бы невозможно, так как вода с парапетной стенки обязательно попадала бы в стык лемеха, а значит и на своды. Неясным было бы и покрытие самой парапетной стенки. Требования эксплуатации также подсказывают, что без свеса при деревянных кровлях не обойтись. Размер свеса остается открытым.

На памятниках типа Петропавловской церкви, где были найдены фрагменты трехлопастного венчания стен, каменные карнизы, как правило, отсутствуют [53]. В какой-то мере роль карниза выполняли у них ползучие декоративные арки. Странным показалось бы отсутствие карниза или свеса при насыщенных декором фасадах, где даже окна и порталы имеют карнизные обрамления.

Следы царапин, оставленные лапами птиц, залетавшими под кровлю, и ясно видимые контуры трехлопастных щипцов на обмазке подтверждают предположение об отсутствии в древности каменного карниза и говорят об устройстве деревянного свеса путем выпуска жердей или досок наружу на кладку щипца.

Световой барабан церкви Петра и Павла, включая выдру, целиком выложен из кирпича (рис. 9). Выше выдры барабан состоит из двух стенок, толщиной в полкирпича каждая. Между собой стенки соединены кладкой окон и ниш, играющей роль перемычек. Для облегчения барабана в пространство между этими стенками по всей окружности, а также над окнами и нишами, уложены бытовые горшки дном кверху (рис. 10). Диаметр горшков 24 *см*, высота — 22 *см*.

Четыре окна барабана, чередуясь с нишами, расположены по странам света. В проемах окон найдены следы кирпичных «окончин». Над окнами и нишами обнаружен срубленный декор в виде кирпичных «бровок», соединенных в простенках горизонтальными участками. Сочетание полукруглых «бровок» с прямыми — самое раннее в новгородской архитектуре. Позднее, в середине XV в. аналогичный декор был в церкви Симеона Богоприимца Зверина монастыря, расположенного поблизости от церкви Петра и Павла. Над полукруглыми бровками проходит «бегунец», выложенный

ника, предоставив мне научный материал экспедиции по древним деревянным конструкциям.

[50] Тр. XI АС, II, табл. XVII.

[51] В барабане, где глава не могла иметь свеса, в нижней его части была устроена выдра глубиной 5—8 *см*.

[52] П. Максимов. Церковь Николы на Липне близ Новгорода. «Архитектурное наследство», 2, М., 1952, стр. 94—95, рис. 15.

[53] При реставрации церкви Федора Стратилата на Ручье (Л. М. Шуляк) карниз с зубцами принят по аналогии с церковью Николы на Липне и памятниками домонгольской поры.

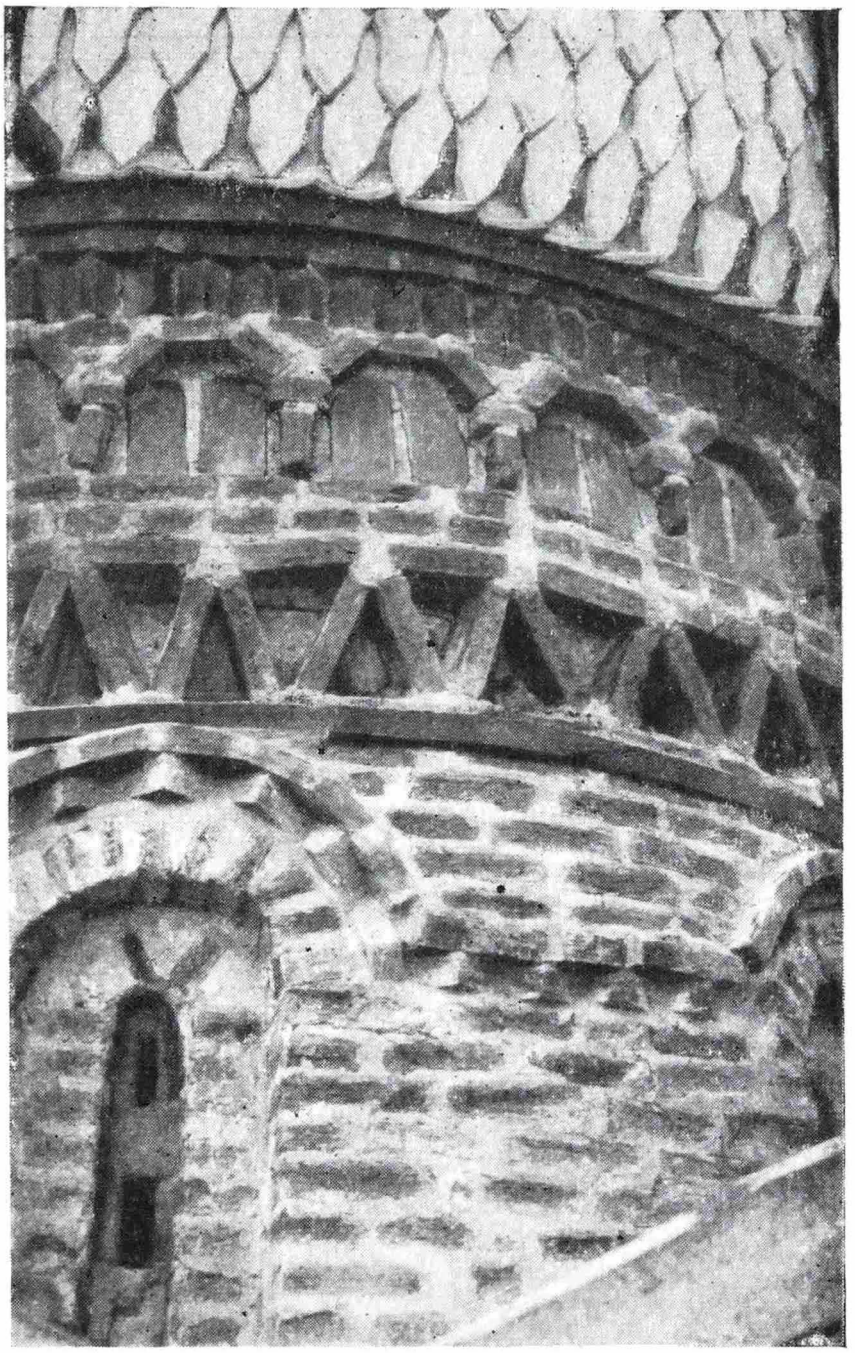


Рис. 9. Церковь Петра и Павла 1406 г. Новгород. Фрагмент барабана после реставрации

из кирпичей, поставленных под углом друг к другу ложковыми частями наружу.

В глубине барабана за «бегунцом» проходит канал деревянной связи. Выше находится аркатурный фриз, традиционный почти для всех памятников Новгорода. Фриз выложен из кирпичей и по отношению к плоскостям стены барабана выступает на 7—8 *см*. Кажущаяся криволинейность фриза была результатом искажения его древней формы слоем поздней штукатурки.

Купол барабана общей толщиной в полтора кирпича состоит из двух не перевязанных между собой слоев, толщиной в один и половину кирпича. Примерно на $^2/_3$ высоты он сложен без опалубки напуском кладки. Выше кладка велась наклонно соответственно кривизне купола. Его форма близка к полуциркульной. Он имеет «скуфью», устройство которой обусловлено характером кладки.

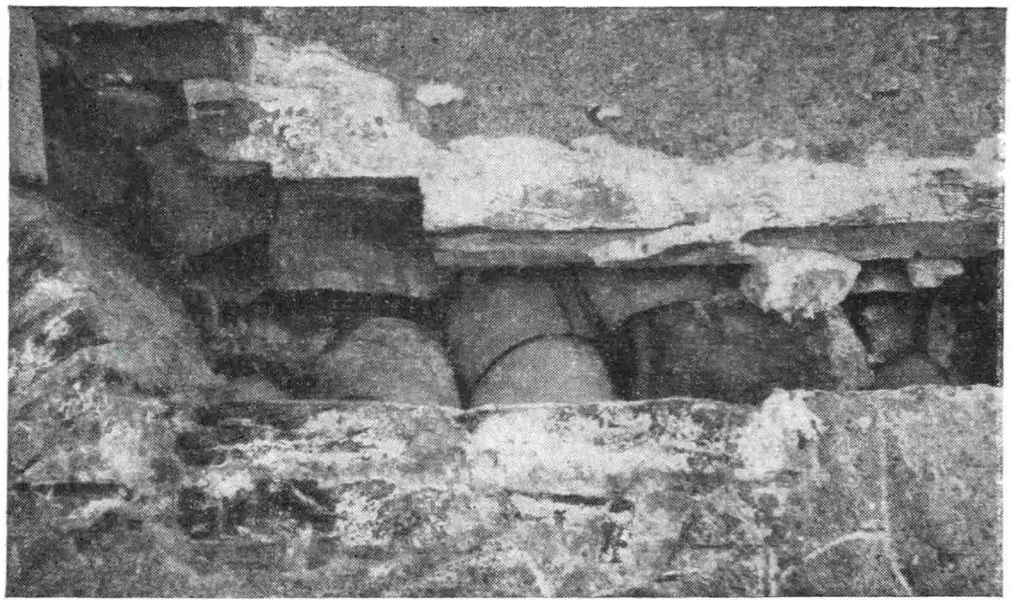


Рис. 10. Заполнение внутреннего пространства стены барабана гончарными сосудами

В самой верхней части купола видно неправильной формы гнездо глубиной в половину кирпича (рис. 11). На дне гнезда сохранились остатки древнего металлического крюка для подвешивания паникадила. Гнездо сделано, по-видимому, для опоры вертикальной стойки креста или мачты стропильной конструкции главы, к которой крепился крест. Кладка купола была затерта тонким слоем раствора. В основании купола на обрезе стены барабана имеется горизонтальная площадка для укладки мауэрлата главы. Деревянные журавцы главы, по всей вероятности, разновременны. У некоторых из них имеются следы продольной распиловки, говорящей о их позднем происхождении. Журавцы, как правило, изъедены жучком или наполовину сгнили. Изготовлены они из одинарных еловых или сосновых досок толщиной 7—8 *см*. Соединенные на врубках в полдерева, доски журавцов скреплены между собой коваными гвоздями. Вверху журавцы опирались на центральную стойку-мачту, а внизу при помощи шипов на мауэрлат, составленный из одного ряда тесаных досок толщиной в 8 *см*, соединенных в полдерева. Внешняя боковая поверхность мауэрлата находилась заподлицо с внешней поверхностью стены барабана. Вверху к мауэрлату были пришиты остроугольные еловые дощечки — лемех кровельной «юбки». Можно предположить, что глава церкви относится к весьма отдаленному периоду существования памятника, однако вряд ли к первоначальному, так как многочисленные пожары часто уничтожали весь город.

В дверных проемах памятника сохранились древние деревянные полотнища. В западном проеме они навешены на железные подставы, установленные в стены при строительстве. Наружная дверь сделана из кованых железных чешуй размером 20×15×0,2 *см*. Они стянуты стальной обвязкой и скреплены крестообразно расположенными накладками. Нижняя часть двери имеет следы поздних переделок.

Внутренняя деревянная дверь этого же проема сделана из четырех вертикальных досок шириной 35—40 *см* и толщиной около 5 *см*. Между собой доски соединены двумя железными и одной деревянной горизонтальными схватками. Они окованы железной чешуей, форма которой соответствует форме чешуи наружной двери.

На наружной двери имеется запор, состоящий из колец и крюков. Внутренняя дверь запиралась при помощи деревянного засова, который при отпирании задвигался в толщу северной части западной стены.

Рис. 11. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Верхняя часть купола.

Сохранилась кованая дверь позднего верхнего портала с более тонким сечением обвязки. В отличие от нижних стрельчатых дверей, верхняя дверь имеет вверху лучковую форму, что соответствует перемычкам порталов конца XV — начала XVI в.

* * *

Первоначальный облик церкви Петра и Павла в Кожевниках очень прост и лаконичен (рис. 12, 13). Это квадратный в плане объем, увенчанный главой на цилиндрическом барабане. С востока к этому объему примыкает единственное полукружие апсиды. В подавляющем большинстве храмов конца XIV — начала XV в. каменные притворы примыкали к центральной трети западной стены или на всем ее протяжении. В церкви Петра и Павла в Кожевниках каменного притвора не было.

Прекрасно найденные пропорции сооружения вызывают эстетическое удовлетворение. Простота нижней части основного объема гармонично контрастирует с пластичным трехлопастным завершением, строгим рисунком кирпичных деталей и с живописной фактурой стен. Лаконичный объем храма обогащен кружевным кирпичным декором. Его размещение является существенной особенностью памятника. Наиболее насыщены декором западной и южный порталы. Создается впечатление, что их средние части затканы ковровым рисунком. Каждый из этих фасадов имеет по одному входу. Редким является размещение и форма строенных оконных проемов и их декора.

У большинства более ранних построек окна размещаются в два или в один ярус по всему периметру стен, создавая четкие горизонтальные членения. Особенно ярко это выражено в церквах Федора Стратилата, Рождества на Молоткове и Спаса на Ильине улице. В церкви Петра и Павла, наоборот, вертикальная композиция взаимного размещения проемов и архитектурного декора сгруппирована локальными пятнами в центральных третях двух главных фасадов. При этом взаимная группировка и характер композиционных пятен получают необычайно гармоничное звучание, постепенно убывая по плотности кверху. Внизу находятся крупные порталы. Над ними — меньшее по размеру и более расчлененное строенное пятичастное окно. Выше помещена группа из шести ниш с розетками и крестом в круге на южном фасаде. На тимпанах сводов размещены

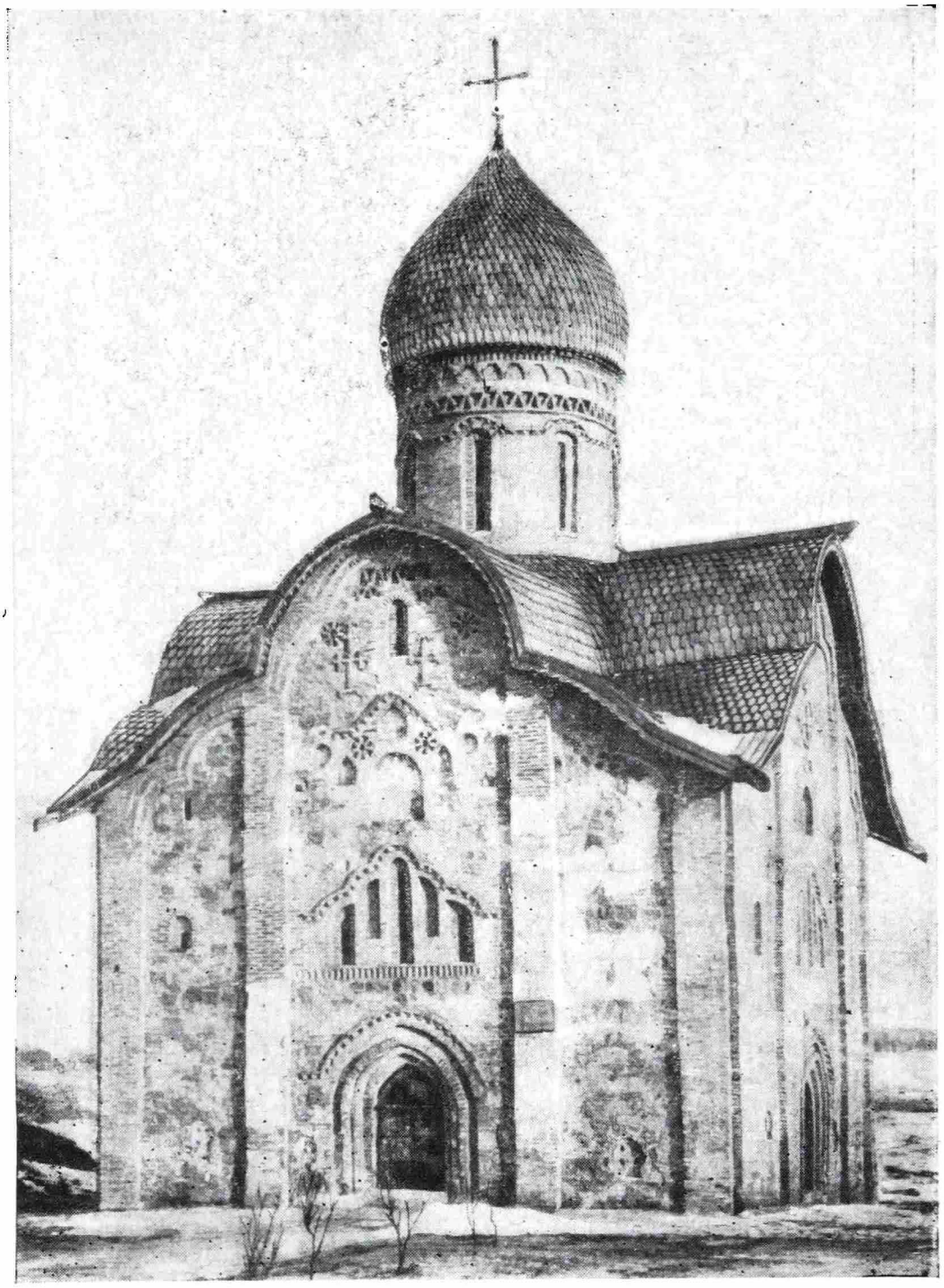


Рис. 12. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Вид с запада после реставрации

окна, «бегунцы», «розетки» и кресты. В самом низу по обоим главным фасадам во всех третях проходит ярус вкладных белокаменных крестов в нишах. Динамичное трехлопастное венчание стен с аркой, приподнятой над центральной третью фасадов, и размещение декора усиливает вертикальность общей композиции сооружения, что является характерной чертой русского зодчества.

На северном фасаде входа нет. Лишь два узких окна в центральной части и пилястры с декоративными ползучими арками несколько оживляют суровую гладь стены. Отсутствие одного из трех входов — явление довольно редкое. Можно назвать лишь два подобных примера — церковь Петра и Павла на Славне и церковь Ивана Богослова на Витке. Как и в церкви Петра и Павла в Кожевниках, их стены без входов ориентированы

Рис. 13. Церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. Новгород. Вид с юго-востока после реставрации

в сторону, противоположную городу. В одном случае это южная, а в другом — северная стена. Восточный фасад, обращенный к реке, рассчитан на восприятие с дальних точек: отсутствует не видимый издали декор в виде ниш, крестов и узоров. Лишь алтарный выступ, расчлененный полукруглыми жгутами по вертикали, воспринимается из-за реки своими гранями-пряслами.

О старой форме главы говорят весьма древние деревянные конструкции и изображения XV в.— в первую очередь миниатюра псалтыри 1485 г. [54]. При трехлопастном покрытии храма она очень напоминает существующую главу Петропавловской церкви.

[54] А. Павлинов. История русской архитектуры. М., 1894, стр. 126, рис. 59.

По сравнению с фасадами интерьер церкви Петра и Павла более простой. Четыре квадратных столба переходят в подпружные арки и паруса, на которых покоится барабан с куполом. Центральные своды пространственного креста повышены, а угловые полукоробовые — понижены.

Лестницы на хоры во всех храмах второй половины XIV — начала XV в., как и в церкви Петра и Павла, размещены в северо-западной части [55]. Однако по устройству они различны. Их можно разделить на каменные, расположенные в толще западной стены (церковь Спаса на Ильине улице), на открытые деревянные, идущие вдоль западной части северной стены (церкви Петра и Павла на Славне и Рождества на Поле), и на открытые каменные, устроенные вдоль западной части северной стены (церкви Рождества Богородицы на Молоткове). В церкви Федора Стратилата расположение лестницы такое же, но она со всех сторон закрыта каменной кладкой.

Если первые два вида лестниц идут от древних традиций и известны во второй половине XII — первой половине XIV в. [56], то третий вид является, по-видимому, результатом их комбинации. Он возник во второй половине XIV в. Лестница церкви Петра и Павла относится к третьему виду. Она имеет открытый характер, как и сами хоры на деревянном настиле. Несмотря на второй ярус настила антресолей над хорами в юго-западном углу, это способствовало объединению пространства интерьера в единое целое.

Обнаженные, как бы набранные из камней, могучие стены храма прорезаны узкими щелевидными окнами, скупо пропускающими дневной свет через отверстия кирпичных окончин. Отсутствие кирпичного декора частично восполняют многочисленные голосники, открывающиеся в интерьер неправильными рядами отверстий. Три яруса дубовых брусьев-связей, соединяющих столбы со стенами, подчеркивают и зрительно увеличивают высоту внутреннего пространства.

Невысокая алтарная преграда в западной плоскости восточных столбов состоит из двух тябл, заполненных иконами. Их полированная поверхность и металл утвари в окружении суровой фактуры каменных стен приобретает какую-то особую неповторимую декоративную красоту.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что по основной схеме, строительной технике и конструктивным особенностям церковь Петра и Павла относится к кругу каменных построек второй половины XIV — начала XV в., следовательно, запись Новгородской Первой летописи о строительстве Петропавловской церкви в 1406 г. относится к данной постройке. При общности главных особенностей, зодчий этой церкви варьировал отдельными элементами интерьера (лестница, хоры), вводил антресоли над хорами и развивал декоративную систему фасадов. Прекрасны найденные пропорции, а с большим тактом размещенные на фасадах композиционные акценты свидетельствуют об обостренном чувстве ритма безвестного зодчего, обладавшего высокой художественной культурой в эпоху расцвета новгородского искусства. Живописная фактура стен, сложенных из камней красно-коричневой гаммы, отлично сочетающейся с серебристой чешуей деревянных кровель — пример большого живописного такта новгородцев. Все это вводит нас в круг художественных интересов начала XV в., показывая, насколько тесно монументальная и станковая живопись была связана с зодчеством.

[55] Исключение составляет церковь Параскевы Пятницы (1207 г.).

[56] Каменные внутристенные лестницы в храмах Благовещения на Мячине 1179 г. (исследование Л. Е. Красноречьева), Петра и Павла на Синичей горе 1185—1192 гг. (исследование Г. М. Штендера) и Спаса на Нередице (П. П. Покрышкин. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 гг., 1, СПб.) и Михаила Архангела (Г. В. Гладенко и др. Ук. соч., рис. 13). Деревянные открытые лестницы в храмах Рождества в Перыни XIII в. (исследование Л. Е. Красноречьева), Николы на Липне 1291 г. (исследование Л. М. Шуляк) и Николы Белого 1312 г. (исследование Г. М. Штендера).

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

НОВЫЙ САРАЙ ПО РАСКОПКАМ В 1963—1964 гг.

Раскопки 1959—1962 гг. на Царевском городище, которое является руинами золотоордынского города Нового Сарая (Волгоградская обл.), кратко описаны нами в специальной статье [1]. В ней мы считали необходимым подчеркнуть, что одной из главных задач археологического изучения этого древнего города является выявление его социальной топографии. Действительно, трудно найти другой средневековый город, который был бы более удобен для исследования вопросов, связанных с проблемой социальной топографии и социальной структуры города. Здесь тонкий культурный слой, редко превышающий в местах его спокойного залегания 60—80 *см*, а часто имеющий мощность не более 20—30 *см*. Снятие первого же штыка часто позволяет оконтурить сырцовые кладки домов в тех районах, где строительство велось из кирпича. Город существовал не долго — не более 70 лет. Возникнув при хане Узбеке, он погиб в результате войн Тимура; за этот короткий срок в жизни города не было существенных перепланировок улиц и усадеб, и потому его планировка хорошо отразилась на микрорельефе городища: лощины, прорезающие городище, соответствуют улицам с арыками, возвышения и небольшие валы — домам и глинобитным оградам.

В 1964 г. были предприняты раскопки большого холма, расположенного к югу от городища. До раскопок мы предполагали, что этот холм, так же как и другие холмы, вытянувшиеся в линии на южной окраине городища, представляет собой руины больших сырцовых зданий. Но это не подтвердилось.

Раскоп IV — 1964 г., заложенный здесь, показал, что холм является естественной песчаной дюной. Следовательно, и вся цепь холмов, тянущихся вдоль южной окраины городища, очевидно, представляет собой такие дюны вдоль Ахтубы. Течение Ахтубы, видимо, подходило в древности здесь почти к самому городищу (примерно до линии современной дороги из Царева в Маляевку). Новый Сарай был, таким образом, речным портом, расположенным непосредственно у воды.

Выяснилось, что дюна, исследуемая раскопом IV — 1964 г. под руководством А. С. Воскресенского, была в древности окопана рвом, который представляет собой древнейшее строительство на дюне. Затем ров был засыпан, а на дюне возвели большое деревянное здание. Сейчас исследована только восточная стена его и юго-восточный угол, а также центральная часть здания. Культурный слой очень сильно пострадал от перекопов новейшего времени, и древнее сооружение исследовать можно только в частях, не затронутых этими перекопами.

В середине дома находилась комната, стены ее были сложены из горизонтальных бревен, опиравшихся на вертикальные столбы. В комнате была печь, и от нее под острым углом расходились два парных дымохода — кана. Один дымоход направлялся к вертикальной трубе в юго-восточном углу комнаты. Основание этого вертикального дымохода было обнаружено

[1] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, I; его же. Культура и общественный быт золотоордынских городов. М., 1964.

после снятия всех конструкций. Оно представляло собой нижнюю часть овальной в сечении трубы, выложенной обломками жженого кирпича, сколом во внутрь. Кирпичные горизонтальные дымоходы заключались в суфе[2], выложенной по верху, очевидно, жженым кирпичом. Фрагменты этой вымостки сохранились в виде горизонтально лежавших кирпичей только около южной деревянной стены комнаты.

К востоку от этого деревянного помещения был обнаружен ряд вертикальных столбов с плоскими верхними срезами, сделанными на одном уровне. На этих столбах лежали горизонтальные плахи и бревна, образовывавшие внешнюю восточную стену всего здания. Если предположить, что это был забор, то нельзя понять, как держались горизонтальные плахи и бревна, опиравшиеся на вертикальные столбы, не скрепленные на большом протяжении поперечными простенками. Если это был забор, то следовало бы ожидать, что вертикальные столбы были высокими и имели какие-то пазы, в которых должны были крепиться горизонтальные доски и бревна. Но хорошо сохранившиеся верхние срезы этих вертикальных свай и перекрывавшие их горизонтально лежавшие доски и плахи не оставляли сомнения в том, что вся эта стена как-то крепилась наверху перекрытием, опиравшимся одним краем на внешнюю стену, а другим — на сруб внутренней комнаты, описанный выше. Таким образом, все исследуемое здание представляется нам в виде деревянного дома больших размеров с внутренней центральной теплой комнатой с печью и канами и с холодным обходным коридором.

В восточной части раскопа IV — 1964 г. был исследован вход в этот коридор, представлявший собой проход, ограниченный с боков двумя выступами — пилонами. Южный выступ был устроен из таких же деревянных плах, опиравшихся на вертикально забитые столбы, и забутован глиной и мусором. Северный пилон представлял собой тоже массив забутовки, ограниченной конструкциями из сырцового кирпича. Около южного пилона была открыта часть какой-то цилиндрической кладки. Можно восстановить диаметр цилиндра по дуге сохранившейся части кладки. Он был равен примерно 170 *см*. Вероятно, это было нечто вроде цилиндрической башни у южного (левого для входящего в дом) пилона.

Все эти сооружения возведены не непосредственно на поверхности дюны, а на подсыпке, почти лишенной находок и по структуре близкой к песчаному грунту самой дюны. Возможно для того, чтобы соорудить эту подсыпку, и были выкопаны рвы, впоследствии заполнившиеся строительным мусором и землей.

Трудно объяснить пока тот факт, что, несмотря на признаки жилого комплекса (печь, каны), здесь очень мало бытовой керамики и почти совсем нет находок других культурных остатков. Можно отметить только фрагмент прекрасной резной мозаики того же типа, что и найденные нами несколько южнее в раскопе II — 1960 г. бронзовое украшение и костяную поделку.

Продолжалось исследование территории южных пригородов к северу от большого холма там, где в 1960—1962 гг. (раскопы II — 1961 г. и II — 1962 г.) был открыт наземный дом с пристройкой и башенкой и землянки. Здесь же, несколько западнее, раньше (раскоп II — 1959 г.) были открыты две землянки. Мы предположили, что здесь группировались землянки, которые были жилищами полузависимой черни, недавних золотоордынских невольников, живших среди укрепленных усадеб стражи. Эти предположения мы также основывали на сообщениях письменных источников, в частности Плано де Карпини, писавшего о нескольких категориях зависимых людей в золотоордынских городах, в том числе о рабах полных и освобожденных частично, живущих своим хозяйством и семьей.

[2] Суфа — термин, заимствованный из среднеазиатской археологии. Он обозначает широкую невысокую лежанку вдоль стены. Каны — горизонтальные дымоходы под полом или в суфе.

Раскопы III и V — 1964 г. (вел раскопы А. Г. Мухаммадиев) показали, что этот район действительно был занят землянками. В частности, здесь была раскрыта очень большая землянка, стены которой выложены сырцовыми кирпичами. Кладка прекрасно сохранилась. На юг из землянки выводил проход, оставленный в кирпичной облицовке стен, и длинная лестница, вырытая в материке. По бокам прохода снаружи были сделаны ниши в материковой глине. На дне землянки сооружены П-образные земляные суфы метровой ширины. Очага или печи не было. Помещение отапливалось, очевидно, жаровнями, от которых на полу образовался слой золы, но без характерного для кострища прокаленного пятна (рис. 1).

Землянка была сооружена в начале освоения всего этого района, очевидно в начале возникновения города. Потом она была засыпана глиной и мусором и на засыпке возведены какие-то конструкции, от которых сохранились лишь фрагменты дымоходов типа канов. Рядом с землянкой было открыто деревянное наземное здание. Деревянные стены его не сохранились почти совсем, но зато хорошо была видна суфа в виде буквы «П», построенная вдоль стен и сложенная из половинок сырцового кирпича, заполненная глиной и мусором. Дом имел печь и два канала канов, проведенных под суфой в соответствии с обычной схемой плана жилого наземного дома в Новом Сарае. Суфа была оштукатурена, обломки штукатурки лежали в завалах. В непосредственном соседстве с этим комплексом обнаружены завалы резной ганчевой штукатурки с процарапанными орнаментами, обломки ганчевых панелей и гипсовых резных оконных переплетов,— хорошо известных в Средней Азии (рис. 2).

Открытая большая землянка не похожа на жилище семьи феодально зависимого горожанина или полузависимого отпущенника, живущего индивидуальным хозяйством. Она слишком велика по сравнению с хорошо изученными на городище индивидуальными землянками для одной семьи. Площадь землянки, открытой в 1964 г. на раскопе V, равна 18 $м^2$, а площадь обычных индивидуальных землянок на Новом Сарае не превышает 8 $м^2$. Эта землянка больше похожа на те открытые в 1961—1962 гг. большие по площади и кубатуре землянки, которые мы расценивали как своеобразные общежития-камеры для рабов. В землянке (раскоп V — 1964 г.) обращает внимание укрепление стен сырцовыми кирпичами и отсутствие постоянного отопления. Можно думать, что сюда загоняли людей только на ночь, когда они не были заняты на работах, и зимой давали им жаровни для того, чтобы они не закоченели. Жизнь отдельной, хотя бы и зависимой, семьи в землянке в условиях суровых зим Нижнего Поволжья без постоянной печи кажется маловероятной.

Таким образом, весь этот район представляется нам как часть южных пригородов города, занятая землянками для рабов, отпущенников или полусвободной черни, среди них были разбросаны дома со всеми признаками богатства и власти их обитателей: башня у наземного дома на раскопах II — 1961 и II — 1962 гг., ганчевая штукатурка деревянного дома на раскопе V — 1964 г. и т. п.

Здесь же были открыты и другие сооружения. На раскопе III — 1964 г. была обнаружена большая плоская яма с канавами, отходящими от нее (очевидно, водостоки с отстойником). Здесь же было найдено несколько хозяйственных цилиндрических и прямоугольных ям, открытый углубленный в землю очаг, имевший план, видимо, в виде буквы «Т» (очаги такой формы были характерны именно для этого района; их обнаружено в этом месте уже три). Была найдена открытая печь, сложенная из обломков жженого кирпича. В числе вещей, найденных на раскопах III и V — 1964 г., следует отметить некоторые железные и костяные поделки, фрагменты белой непрозрачной поливной полуфаянсовой чаши с полихромной надглазурной росписью красными, зелеными и желтыми красками, имеющие аналогии в иранской керамике XIII—XIV вв. типа «минаи» (рис. 3), фрагмент полукашинного люстрового сосуда, характерного по цвету поли-

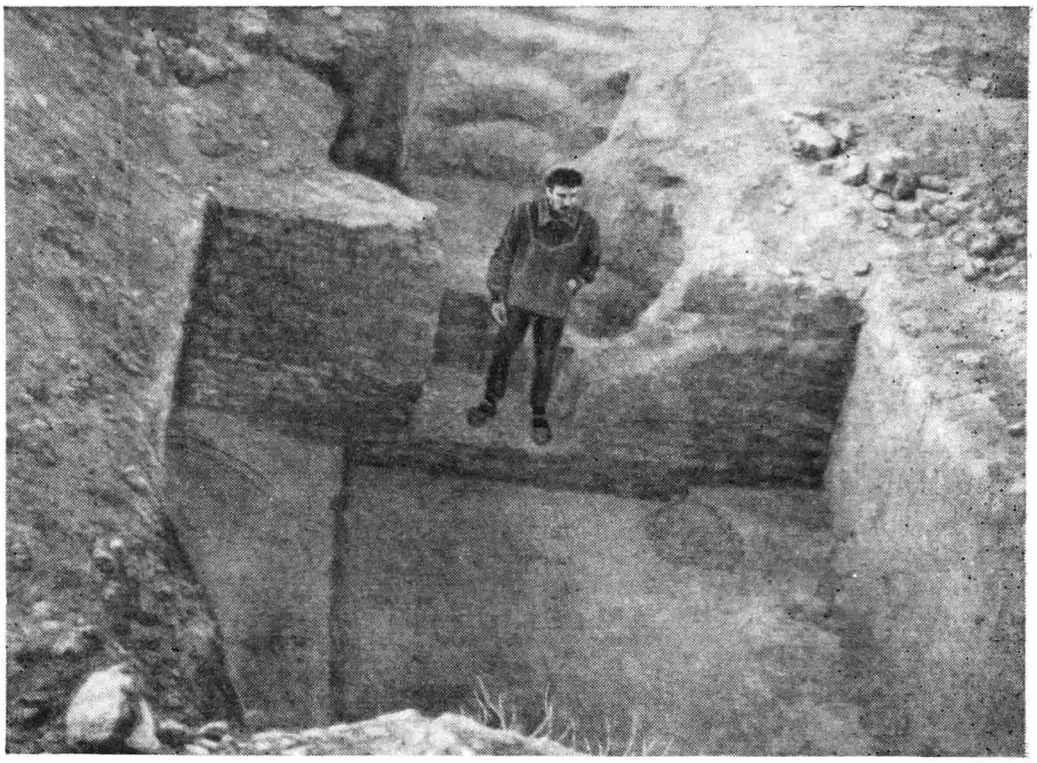


Рис. 1. Землянка на раскопе V — 1964 г.

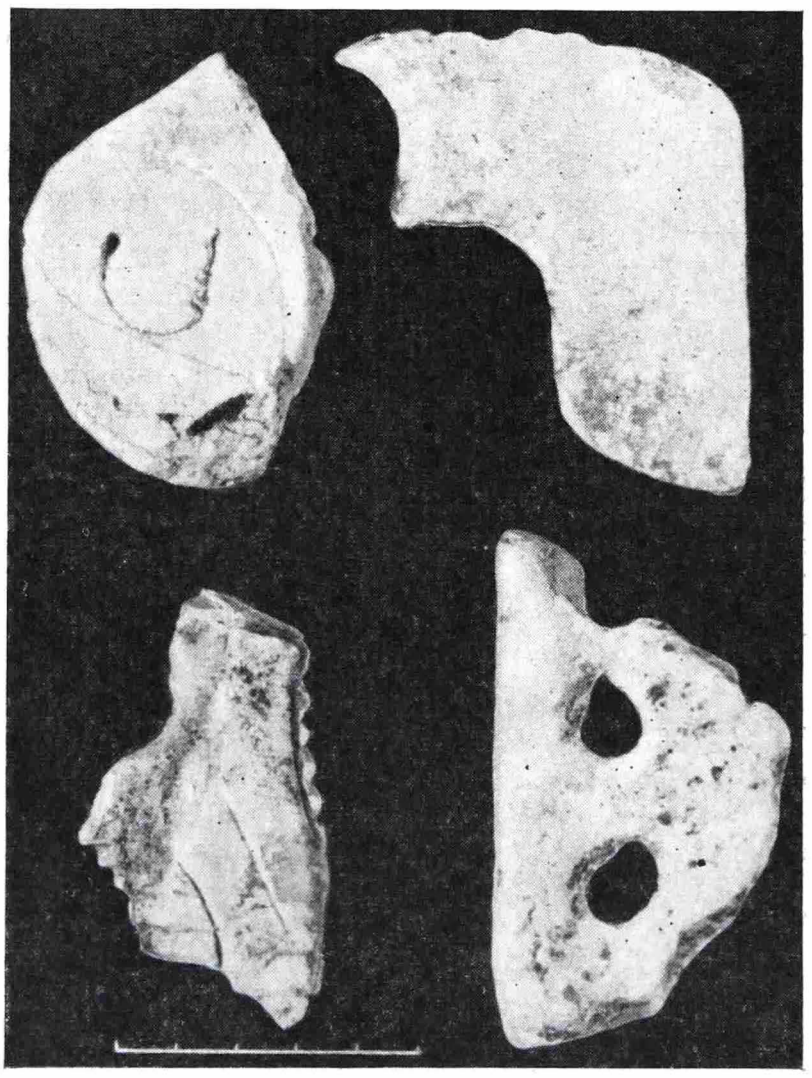


Рис. 2. Фрагменты резных алебастровых панелей (Царевское городище)

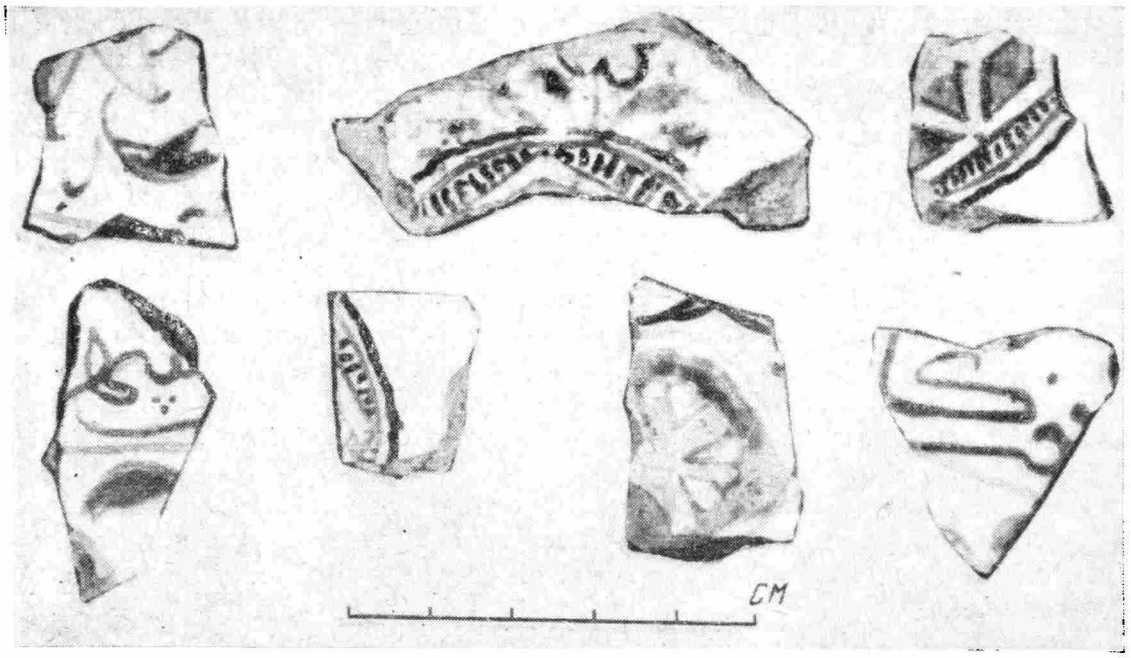


Рис. 3. Фрагменты расписной поливной керамики (Царевское городище)

вы и краски для позднего иранского люстра XIII в. Отметим, что это пока единственный люстровый фрагмент в наших коллекциях с Царевского городища — развалин города Нового Сарая, интенсивная жизнь которого началась только во второй трети XIV в. Населению другого города, Сарая-Бату, возникшего в XIII в., эта керамика была более знакома. В подъемном материале из Селитренного городища (руины Сарая-Бату) мы имеем несколько фрагментов таких же люстровых чаш.

В течение 1963—1964 гг. мы провели изучение центральных частей города, где (по наблюдениям над распределением подъемного материала на памятнике и по микрорельефу городища) мы предполагали ремесленно-торговую часть города, район рядового городского населения. Это предположение подтвердили раскопки 1962 г., обнаружившие здесь ремесленную мастерскую по производству поливной архитектурной керамики. Огромное количество шлаков, остатки печного припаса, куски обмазок от горна и другие детали керамического производства, разбросаны на поверхности городища в районе мастерской.

Можно было предполагать, что характер застройки этого района резко отличается от усадебной застройки юго-восточного аристократического района города. Мы ожидали встретить здесь сплошную застройку кварталов. С этой целью были заложены I, III и VI раскопы 1963 г. на перекрестке двух улиц с тем расчетом, чтобы вскрыть достаточно большую площадь одного из кварталов (общая площадь раскопов свыше 330 $м^2$).

Улицы, заметные на современной поверхности городища в виде лощин, по которым сейчас возможно начертить планировку улиц, в древности имели каналы-арыки. Вдоль меридиональной улицы города, тянущейся почти через всю северную часть города, проходил арык шириной около 3 *м* и глубиной 80—100 *см*. По слою выкида из арыка проходила пешеходная тропа, мощенная кирпичным боем. На месте пересечения улиц арык имел деревянный мостик, по которому можно было перебраться с восточного края арыка на западный, где был устроен глубокий колодец. От колодца на запад в направлении, перпендикулярном первой (меридиональной) улице, отходил другой арык. К западу и югу от этих двух арыков были обнаружены ограды усадьбы, сооруженной из обломков кирпичей и деревянных бревен, а местами из глины (они сохранились в этих частях в виде глинобитных дувалов). Внутри оград вскрыта большая площадь хозяйственного двора. Обнаружен развал какой-то открытой печи с большим коли-

чеством железных шлаков, яма для хранения или засолки рыбы (она была заполнена рыбьей чешуей). Яма имела сложное устройство в виде двух камер, соединенных узким проходом. Большая камера имела перегородку из сырцовых кирпичей. Рыбья чешуя была обнаружена в южной части этой перегороженной ямы. Было найдено шесть цилиндрических ям от деревянных столбов, в плане образовывавших фигуру, близкую к ромбу. Возможно, это следы от какого-то навеса, стоявшего во дворе и опиравшегося на деревянные столбы. Найдено несколько открытых очагов.

Обращает внимание общественный характер водопользования. Еще раньше на основании визуальных наблюдений над микрорельефом городища мы отмечали, что в этой части города индивидуальные маленькие усадебные водоемы, характерные для аристократических кварталов на юго-востоке городища, сменяются большими и, вероятно, общественными квартальными хаузами.

В исследуемом районе города колодец вынесен за пределы городского квартала на перекресток улиц и доступен для всех. Это подтверждает наши предположения об общественной системе водопользования в этой части города.

На раскопе VI — 1963 г. были раскопаны жилища и прослежено несколько периодов их перестроек. В наиболее ранний период здесь были построены две землянки с суфами и круглыми печами, от которых в суфах проходили каны, подводившие дым к вертикальным каналам, вырубленным в углах землянок и заставленным рядами обожженных кирпичей. Края суф, стенки канов и очаг были выложены из обломков обожженных кирпичей. Землянки такого типа неоднократно исследовались нами в южных пригородах Нового Сарая.

Рядом с ними была открыта большая землянка с земляной лежанкой вдоль стен и без печи. Это жилище весьма напоминает описанную выше землянку на раскопе V — 1964 г., которую мы склонны считать камерой для невольников.

Во второй строительный период землянки были забутованы очень плотной глиной, а на месте их устроена большая прямоугольная яма, размером примерно 6,5×4 *м*, с выходом, ведущим к северо-восточному углу этой ямы. Яма представляла, как нам кажется, основание большого, опущенного в землю на 50—60 *см*, жилища. В восточной части этого жилища была сооружена печь, а рядом — тандыр, т. е. печь, служившая для выпечки лепешек, с обожженной глинистой обмазкой внутренней поверхности. Обмазка имела неровную поверхность, чтобы легче прилеплять сырое тесто. Под тандыра был выложен обожженными кирпичами. Подобные тандыры хорошо известны в Средней Азии.

В противоположном конце этого углубленного большого подпрямоугольного жилища была открыта прямоугольная печь, сложенная из сырцового кирпича.

Третий период застройки этого места связан с возведением здесь наземного деревянного дома с полом, вымощенным кирпичным боем. Пол лежит на твердой забутовке ямы, связанной с предыдущим строительным периодом. Дом с кирпичным поясом был сожжен, и потому остатки его деревянных стен хорошо сохранились. Разрушение дома связано с какой-то катастрофой. На кирпичном полу были найдены обрубки человеческих костей и черепа. В завалах, покрывающих как сам пол, так и весь раскоп и связанных с разрушением построек, возведенных именно в третий, строительный период, найдено много человеческих черепов, но сравнительно небольшое число человеческих костей. Целых скелетов обнаружено не было.

Мы связываем этот разгром со взятием Нового Сарая войсками Тимура в 1395 г. Среди монет, найденных в завалах, некоторый процент составляют монеты Токтамыша, следовательно, завал относится к разрушениям, произошедшим после правления Токтамыша. Несколько противоречит это-

му зарытый до правления Токтамыша клад серебряных монет, найденный в первом штыке завала на раскопе III — 1963 г. Получается, что в завале, образовавшемся после 1395 г., найден клад с последней монетой, битой в 1370-х годах. Вероятно, при разрушениях после взятия города войсками Тимура в 1395 г. сокрытый где-то ранее в постройках клад был выброшен на поверхность, монеты рассыпались и потом были захоронены под землей и развалом сырцовых и жженых кирпичей и обломков глины. Это подтверждается, как нам кажется, тем обстоятельством, что клад был найден не кучно, а в виде россыпи монет.

Жалкие остатки каких-то конструкций, стоящих над этим завалом, относятся, очевидно, к периоду запустения городища в XV в., когда лишь отдельные группы людей продолжали жить в этом месте.

На примере перестроек жилища на раскопе VI — 1963 г. мы видим постепенную эволюцию жилища в рядовой части города. От землянок население в этой части города переходит к деревянным наземным домам. В какой мере это характерно для всей зоны городища, можно будет сказать только после вскрытия большой площади культурного слоя.

Мы считаем, что существование землянок в Новом Сарае говорит о социальной приниженности, неравноправности их обитателей. Особенно если учесть, что иногда землянки расположены в соседстве с наземными кирпичными домами (например, в южных пригородах).

Мы знаем методы строительства городов в Золотой Орде, которые возводились руками покоренных ремесленников-строителей. На место будущего города сгонялось подневольное население, которое в быстрые сроки обеспечивало успех градостроительной деятельности золотоордынских ханов. В этом существенное отличие истории золотоордынских городов от средневековых городов Европы, Руси или Средней Азии.

Возникшие в первые десятилетия существования города землянки (на раскопе VI — 1963 г.) не связаны с уличной планировкой. Наполненные водой арыки проходят так близко от землянок, что жить в них вряд ли было можно, если бы и арык и землянки существовали в одно и то же время. Кроме того, стратиграфические наблюдения показали, что выкиды из арыков легли на тонкий культурный слой, и, следовательно, арыки не относятся к наиболее раннему периоду жизни на исследуемом месте. Видимо, уличная планировка и усадьбы с оградами возникли позднее, чем землянки, т. е. возникли тогда, когда от землянок по каким-то причинам отказались и предпочли им наземные дома (сначала углубленные в землю, а потом целиком наземные). Мы связываем эту эволюцию жилищ с возникновением городских усадеб и уличной планировки и с превращением зависимых пригнанных полурабов в феодально-зависимую городскую бедноту. Этот процесс отмечал П. Карпини [3].

Неизбежное в условиях феодализма частичное высвобождение рабов и возникновение у них своего хозяйства объясняет тот факт, что население отказывается от землянок, которые связаны у него с представлением о социальном гнете и приниженности, и переходит к наземному строительству домов.

Для исследуемой рядовой части города, видимо, не были характерны дома из сырцового кирпича с П-образной суфой. Последние были характерны для аристократических усадеб (как показали раскопки такой усадьбы в 1961 г.) в юго-восточных богатых кварталах города. Такие же дома мы встречаем рядом с землянками в южном пригороде, что подчеркивает контраст двух соседящих здесь типов жилищ — домов и землянок.

В бедняцкой торгово-ремесленной части города, судя по раскопам I, III, VI — 1963 г., были распространены деревянные дома. Это сказалось на образовании здесь совершенно другой структуры завалов по сравнению

[3] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 58—59.

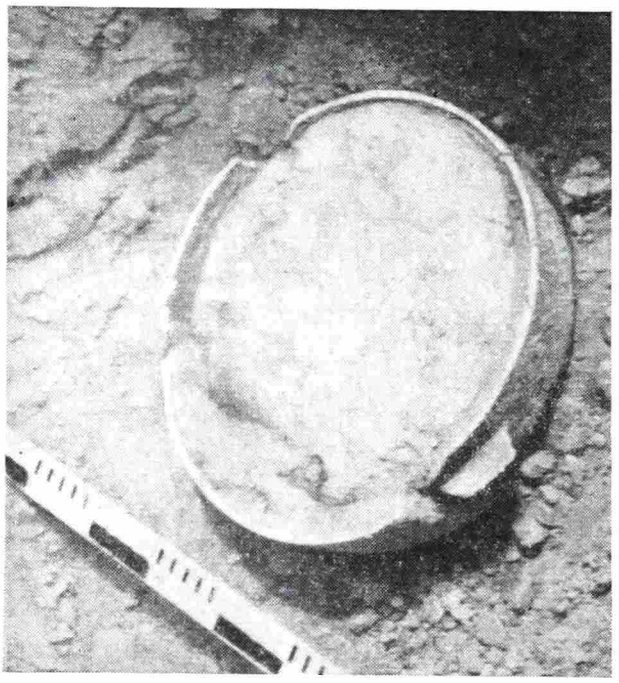


Рис. 4. Чугунный котел

с завалами в тех частях городища, где было строительство домов из сырцового кирпича. На раскопах I, III, VI — 1963 г. и на раскопе I — 1964 г., где также не было найдено сырцовых наземных кирпичных домов, завал состоит из очень маленьких обломков глины и малого количества обломков сырцового кирпича; он значительно мягче и более рыхлый.

Раскопы 1963 и 1964 гг. в этой части города дали большое количество хозяйственных ям самых разных размеров и форм. Среди ям в раскопе I — 1964 г. намечается площадка, на которой, возможно, стоял дом,— она совершенно свободна от перекопов и ям.

Вещи, собранные на описанных раскопах 1963 и 1964 гг., характеризуют скромный быт рядовой части населения города. Следует отметить находки костяных поделок, чугунного котла (рис. 4), некоторых бронзовых вещей, большого количества замков обычного средневекового типа, хорошо известных в памятниках древней Руси. Часто замки отделаны бронзовыми пластинками и кольцами. Обнаружен бронзовый замок болгарского типа в виде лошади.

Особенно много обломков железа было найдено в арыке, который проходил по улице, тянувшейся в меридиональном направлении. В этом же арыке был найден фрагмент большой чаши тимуридского типа из белого кашина с ультрамариновой росписью по белому фону под прозрачной глазурью (рис. 5, *2*). Подобная керамика появляется в Золотой Орде и Средней Азии в конце XIV в., и потому в Новом Сарае, погибшем в конце XIV в., ее мало. На городище Сарая-Бату у с. Селитренного, которое, видимо, существовало позднее, в XV в., тимуридской керамики, судя по сборам подъемного материала, немного больше.

На раскопе было обнаружено несколько фрагментов русских гончарных горшков с характерным профилем. Следы пребывания русских были известны еще и по материалам А. Терещенко, раскапывавшего холмы Царевского городища еще в XIX в. Славянская керамика среди золотоордынских вещей была обнаружена во время наших разведок на известном Водянском городище близ с. Дубовка выше Волгограда по Волге, где участок культурного слоя насыщен фрагментами русской керамики. Возможно, такой район будет найден и на городище Нового Сарая, хотя мы сомневаемся в этом. Нам кажется, что русская посуда, тем более в местах, столь удаленных от традиционных районов ее производства и употребления, не выдерживала конкуренции с продаваемой на всех городских базарах прекрасной местной городской керамикой даже в русских семьях, проживавших в большом золотоордынском городе. Все в золотоордынской керамике говорит о производстве ее для рынка в больших количествах: стандартизация форм, применение гончарного ножного круга, максимальное упрощение орнаментов. В таких условиях русские горшки вряд ли сохранялись в быту горожан долгое время и в большом количестве.

При визуальном исследовании поверхности городища и снятии инструментального плана мы обнаружили, что в восточных пригородах города, за его валом и рвом, расположены сильно укрепленные замки в виде пря-

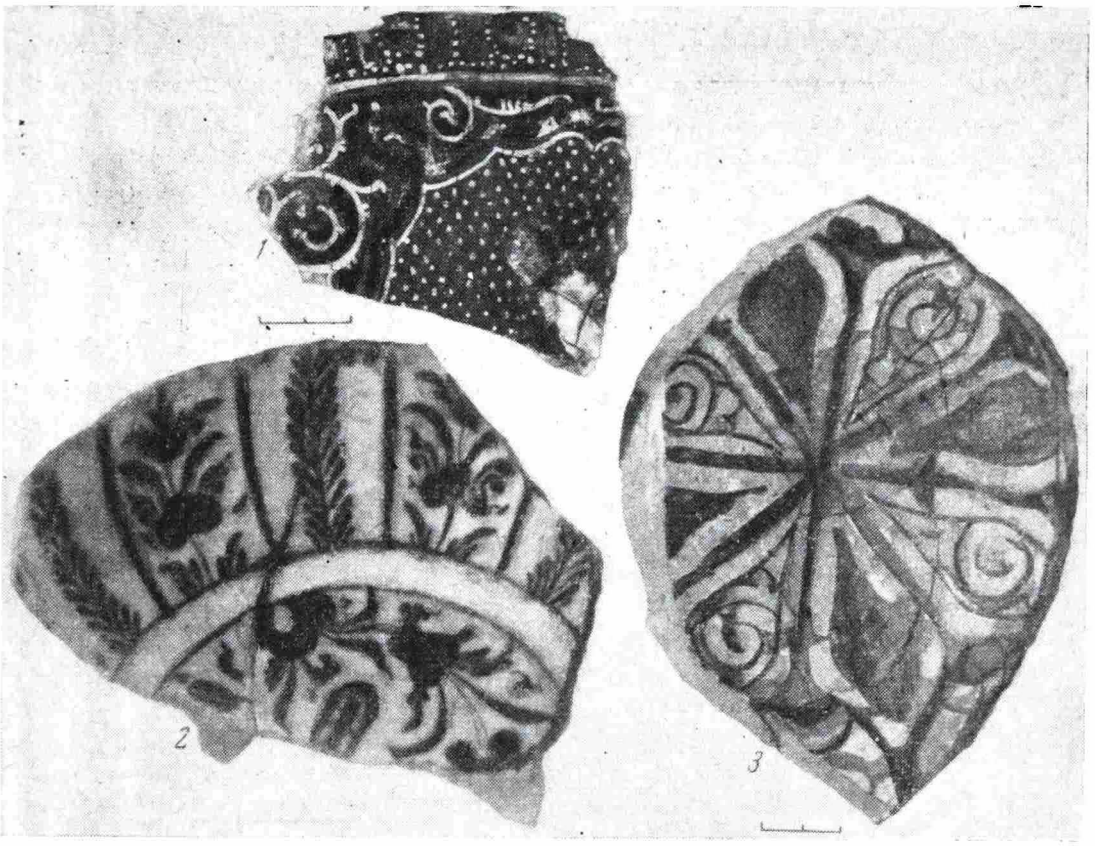


Рис. 5. Фрагменты поливной керамики:

1 — кашинная керамика с полихромной росписью с позолотой по глухой ультрамариновой поливе, *2* — тимуридская чаша, *3* — красноглиняная чаша с гравировкой и зеленой поливой; *1, 2, 3* — Царевское городище

моугольника, ориентированные своими сторонами по странам света. Напрашивается сопоставление этой планировки больших усадеб-замков с планировкой усадеб, в некоторых монгольских городах XIII в. [4]: аналогичны и планировка усадеб, и их ориентировка. Мы сознаем, что этих данных недостаточно для решительных выводов. Но в качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем теорию о том, что первоначально город возник как совокупность некоторого числа таких замков, построенных в какой-то степени по обычаям, принесенным монгольской знатью из Центральной Азии. В период правления ханов Токты и Узбека монгольская кочевая феодальная верхушка, чьи предки пришли из Центральной Азии, втягивается в торговлю и управление государством, сближается с чиновно-купеческой верхушкой городов и оседлых районов собственно Золотой Орды. В XIV в. после правления хана Токты и распространения мусульманства при Узбеке значительная часть верхушки монгольского общества оседает в городах. Некоторые представители старой монгольской кочевой знати становятся вельможами при дворе хана, управляют торговлей и общегосударственной политикой.

На примере истории города Нового Сарая мы имеем возможность наблюдать концентрацию отдельных замков монгольской аристократии, в какой-то мере несущих традиции и обычаи строительства в собственно Монголии.

Разведывательные траншеи 1963 г., пересекавшие вал одного такого замка в южном пригороде города, и прилегавший к нему вал города показали, что вал замка насыпан был на материке и, следовательно, существовал уже в самом начале жизни на месте будущего города Нового Сарая, а вал самого города насыпан много позднее, но в тот период, когда вал замка

[4] С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 2, 1957, стр. 97 сл.; его же. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье. СА, 1961, 4, стр. 107, рис. 1.

еще существовал. Раскопки 1961—1962 гг. показали, что вал был насыпан в 1360-х годах, в период смут и усобиц в Золотой Орде [5].

Таким образом, в начале существовали замки аристократии в одной части города и землянки невольников и бедноты — в другой. Затем, очевидно, крупные замки обрастают со всех сторон более мелкими замками (типа усадьбы, раскопанной в 1961 г.), а район землянок превращается в кварталы ремесленного городского плебса. В последние десятилетия своей истории город окружается стеной и рвом таким образом, что наиболее крупные замки в восточной части всей этой застройки остаются вне пределов городской черты, превращаются в восточные пригороды.

Процесс «обрастания» замков постройками другого типа прослеживается в незаконченных еще раскопках большого квартала [6] вдоль одной улицы в восточном пригороде.

Видимо, первоначально на хорошо прослеживаемую здесь улицу, идущую с запада на восток и впоследствии прорезанную рвом и валом (в 1360-х годах), выходила стена замка или усадьбы. Два дома этой усадьбы были расположены симметрично и в деталях сходны с домами на усадьбе, открытой в 1961 г. в юго-восточной аристократической части города. Здесь они стояли непосредственно на материке, что говорит о том, что усадьба с глинобитным валом и сдвоенными домами из сырцового кирпича существовала в этом районе с самого начала.

Второй строительный период был представлен серией построек, стоящих уже не на материке, а на культурном слое и перекрывающих стену усадьбы. Дома усадьбы продолжали функционировать, о чем можно судить по сравнительно поздним монетам, найденным в их заполнении, но стена усадьбы была уничтожена, и вдоль улицы на остатках этой стены были построены деревянные небольшие дома с внутренними конструкциями типа суф и канов, сложенными из сырцовых кирпичей. В значительной мере эти дома, вытянувшиеся во второй период вдоль улицы восточного пригорода исследуемой нами части, напоминают дом с оштукатуренной белой суфой, открытый на раскопе V — 1964 г. и уже описанный нами выше (рис. 6).

Вряд ли это была стихийная беспорядочная застройка. Скорее эти дома, сооруженные на месте разрушенной стены вдоль улицы, были построены сразу по одному плану и системе, так как их каны вытянуты в одну линию, что было бы невероятно при беспорядочной и случайной застройке квартала. Поскольку дома самой усадьбы продолжают существовать, можно предположить, что усадьба сохранилась как какая-то экономическая и социальная единица, но ее стены были заменены рядами жилищ. А поскольку они были построены по плану, исходившему, очевидно, от хозяев усадьбы, то легко сделать следующее предположение: эти дома предназначались для усадебных людей — для ремесленников, слуг и администрации усадьбы. В одном из участков раскопа II—1963 г. было найдено много резной кости и заготовок для резьбы по кости, несколько хороших резных ручек для ножей с затейливыми украшениями. Предположить наличие большой мастерской трудно — брака и заготовок слишком мало. Несомненно, что здесь жил резчик, но работал он для нужд усадьбы, а не для рынка.

Внутри усадьбы (на раскопе II — 1964 г.) был полностью раскопан большой типично усадебный водоем, который в первый строительный период использовался по назначению, из него брали воду для нужд усадьбы. Но в последующие десятилетия водоем был заброшен и превращен в место свалки. Сюда выбрасывали отходы, брак и шлаки из большой мастерской по изготовлению поливных ангобированных красноглиняных чаш

---

[5] И. С. Вайнер. К вопросу об оборонительных сооружениях Сарая-Берке. Итоговая конференция КГУ за 1962 г. Казань, 1963, стр. 21—22.

[6] Раскопы II — 1963 г. и II — 1964 г., где сделаны эти наблюдения, велись силами отряда Казанского университета, возглавляемого И. С. Вайнером.

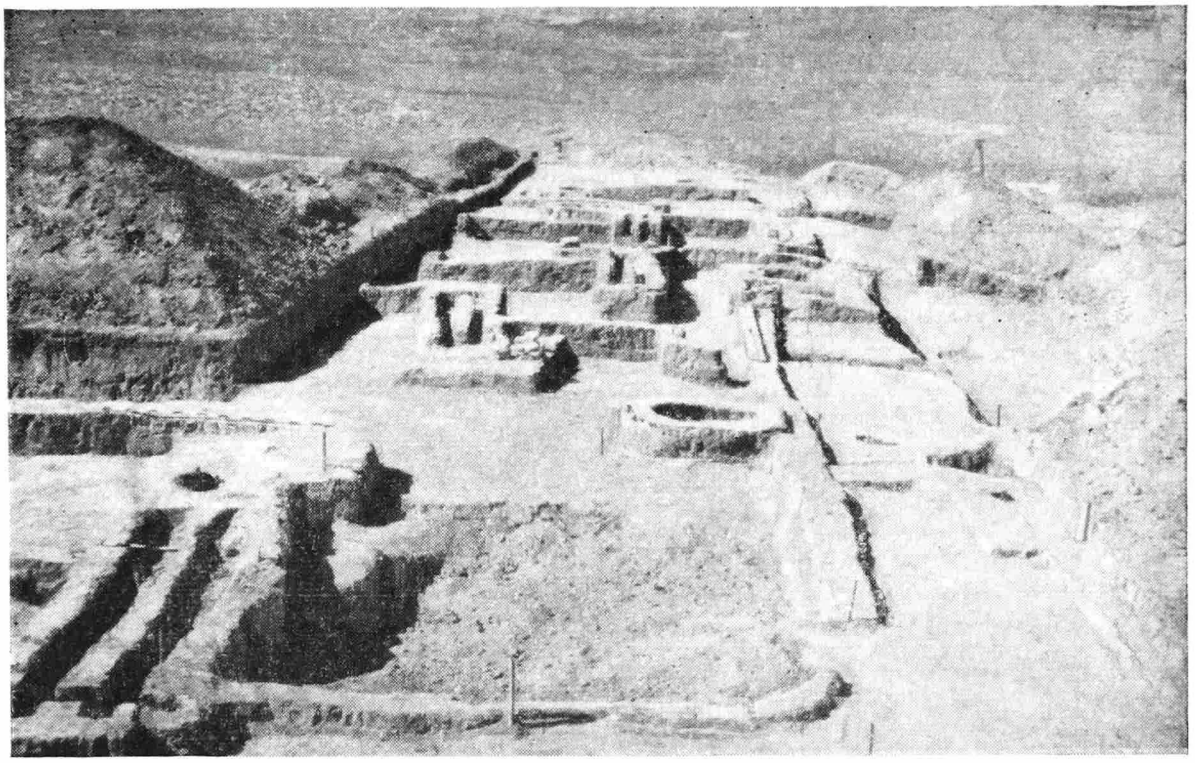


Рис. 6. Общий вид застройки на раскопе II — 1963 г.

и пиал, которая находилась где-то поблизости, но пока еще нами не обнаружена. Здесь найдено огромное количество пиал из красной глины, покрытой белым ангобом. На многих из них процарапан узор, типичный для поливной керамики, изготовленной из красной глины. На некоторых орнамент сделан техникой «резерва». Но поливой эти черепки не покрыты, это только заготовки, полуфабрикаты. Здесь же было обнаружено очень много треугольных подставок для обжига посуды в горне — так называемые сипаи. Характерно, что здесь не найдены необходимые для обжига поливной керамики из кашина штыри и коромысленца (кашинные сосуды при помощи сипай обычно не обжигались и на них нет следов этих треугольных подставок).

Кроме красноглиняной поливной посуды здесь изготовлялась белоглиняная неполивная штампованная посуда. Среди браков и отходов керамической мастерской были найдены фрагменты матриц-штампов для оттиска узоров на белоглиняных чашах.

Здесь же найдено много обломков неполивных сосудов. В частности, по большому количеству донцев сосудов удалось установить интересную закономерность: на ножном гончарном кругу изготавливали чаще небольшие сосуды до 6 *см* в диаметре по дну, а на ручном гончарном кругу — сосуды больших диаметров.

На ножном кругу было изготовлено около 24% всей керамики.

Раскопки водоема дали несколько уникальных вещей — золотую бляху, бусы из камня и стекла, серьгу в виде знака вопроса с жемчужиной и др.

Так же как и на других раскопах, на раскопах II — 1963 г. и II — 1964 г. обнаружены были следы трагедии 1395 г. Около усадьбы дома лежал непогребенный костяк человека. В большой яме на раскопе II — 1963 г., которая была, по-видимому, погребом, обнаружен скелет упавшего туда, а возможно, искавшего там убежища, человека. Здесь же было найдено несколько интересных предметов: золотая бляха со штампованным узором, перекрестье меча с опущенными концами хорошо известного типа в памятниках XIV в. (в частности, в белореченских курганах) и некоторые

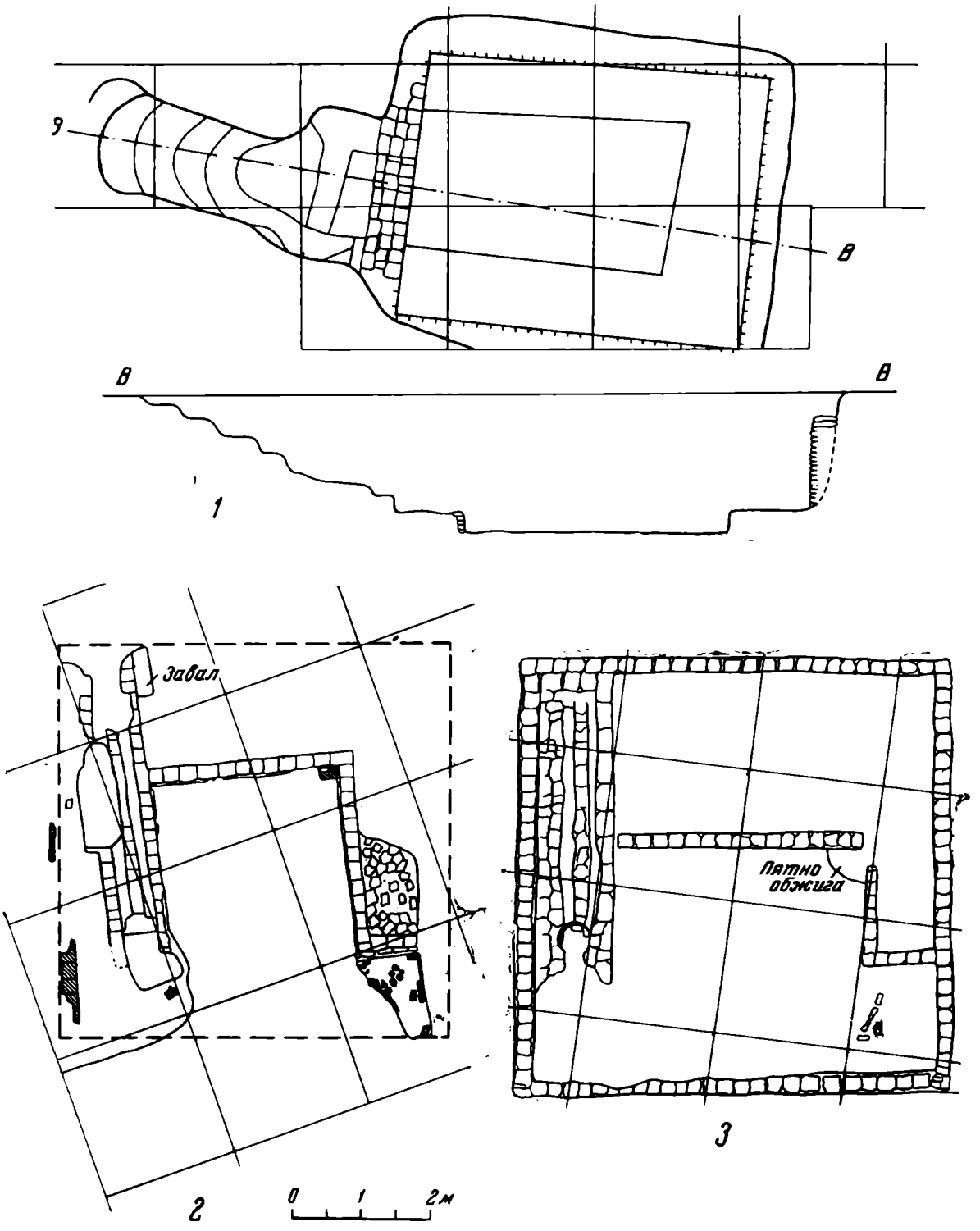


Рис. 7. Типы жилищ

1 — большая землянка, *2* — наземный дом с деревянными стенами, *3* — сырцовый наземный кирпичный дом

другие предметы[7]. Из находок, сделанных на этих раскопах, отметим также серп, бронзовые пряжки, фрагменты алебастровой штукатурки с граффити.

В настоящее время можно уже определить несколько типов жилищ, открытых на Царевском городище.

1. Землянки небольших размеров с суфами и печами с канами, с длинной земляной лестницей.

2. Землянки больших размеров с суфами и печами, а также без печей, иногда со стенами, облицованными сырцовыми кирпичами (рис. 7, *1*).

[7] Подробнее см. И. С. Вайнер. О вооружении и экипировке золотоордынского воина. Итоговая научная конференция КГУ за 1963 г. Казань, 1964, стр. 10.

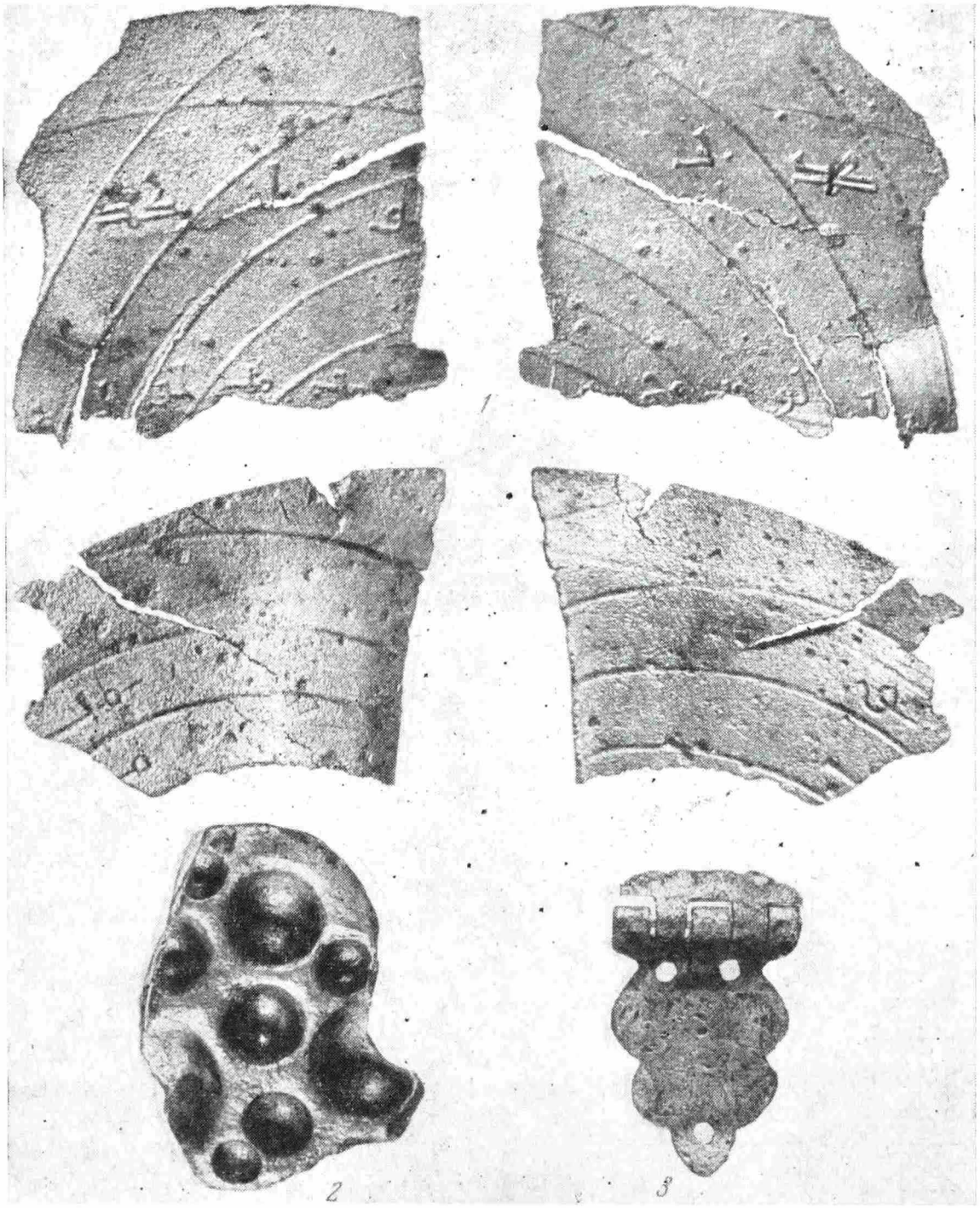


Рис. 8. Металлические предметы из материалов Царевского городища

1 — фрагменты квадранта (бронза), *2* — формочка для изготовления металлических шариков (бронза), *3* — часть пряжки (бронза)

Это жилища зависимого населения, находящегося на положении рабов или полурабов.

3. Деревянные, частично углубленные в землю, жилища с печами.

4. Деревянные наземные жилища.

5. Деревянные наземные жилища с сырцовыми конструкциями (каны, П-образные суфы и печи) (рис. 7, *2*).

Это жилища рядового населения. Они, видимо, составляли бóльшую часть построек городского населения. Такие дома были обычными в рядовой части города; из подобных жилищ состояла также застройка вокруг аристократических замков и усадеб.

6. Наземные дома, целиком сложенные из сырцовых кирпичей с П-образными суфами, канами и печами, часто с кирпичными полами (рис. 7, *3*).

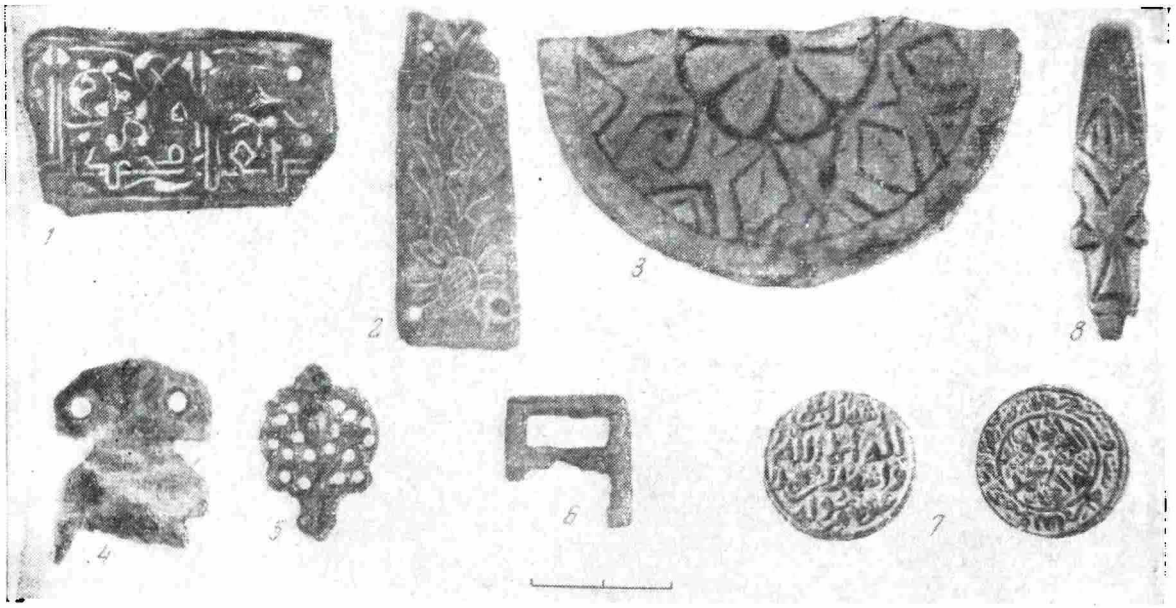


Рис. 9. Металлические изделия

1 — бронзовая пластина с серебряной инкрустацией, *2* — бронзовая пластина с гравировкой, *3* — бронзовое зеркало, *4* — бронзовая фигура человека, *5* — ажурная бронзовая бляха, *6* — бронзовая пряжка, *7* — золотая индийская монета, *8* — бронзовый браслет; *1, 4, 5, 8* — Царевское городище, *2, 6, 7* — Селитренное городище, *3* — городище Красный Яр

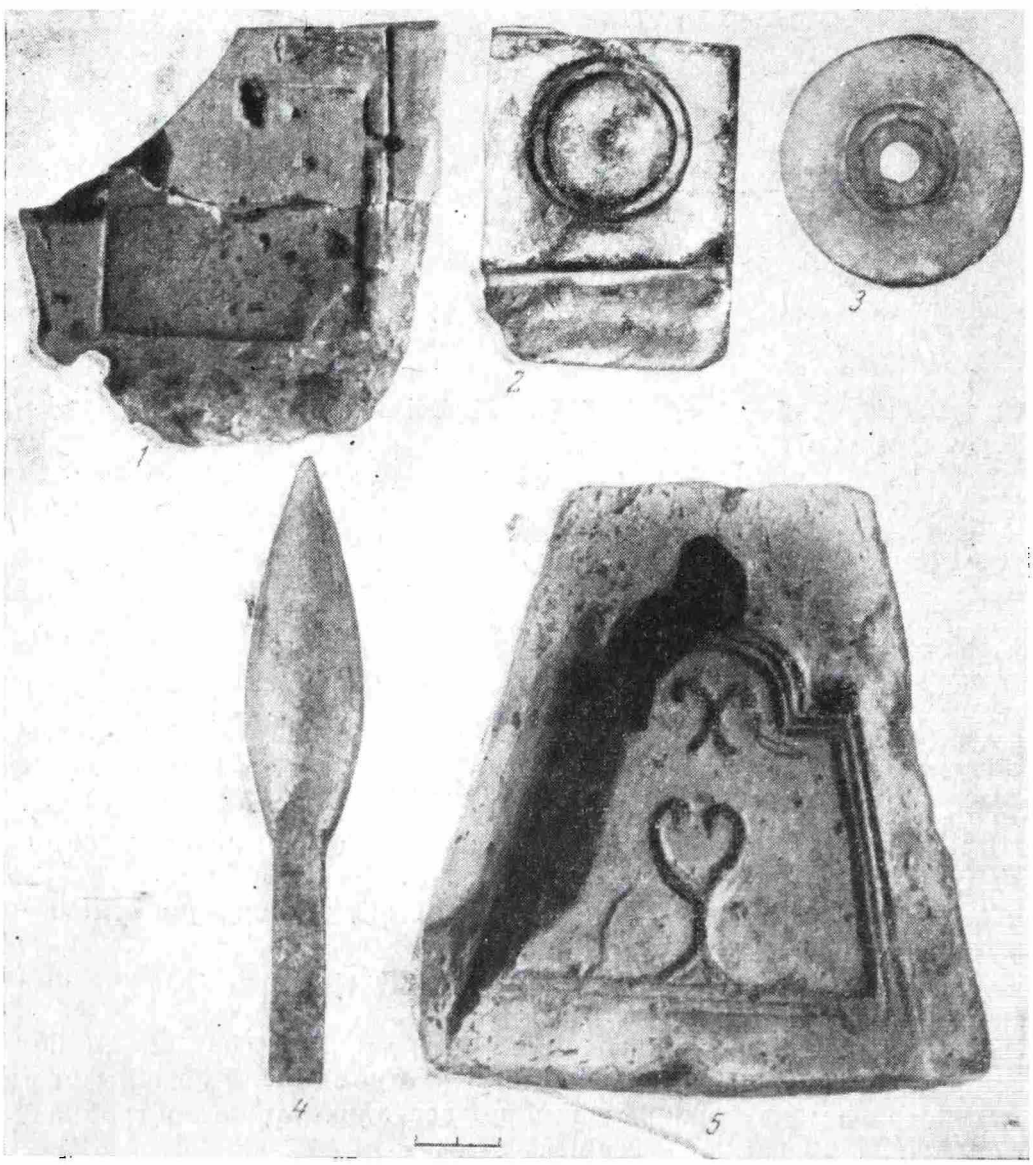


Рис. 10

1, 2 — каменные литейные формочки, *3, 4* — костяные изделия, *5* — керамическая формочка; *1—4* — Царевское городище, *5* — городище Красный Яр

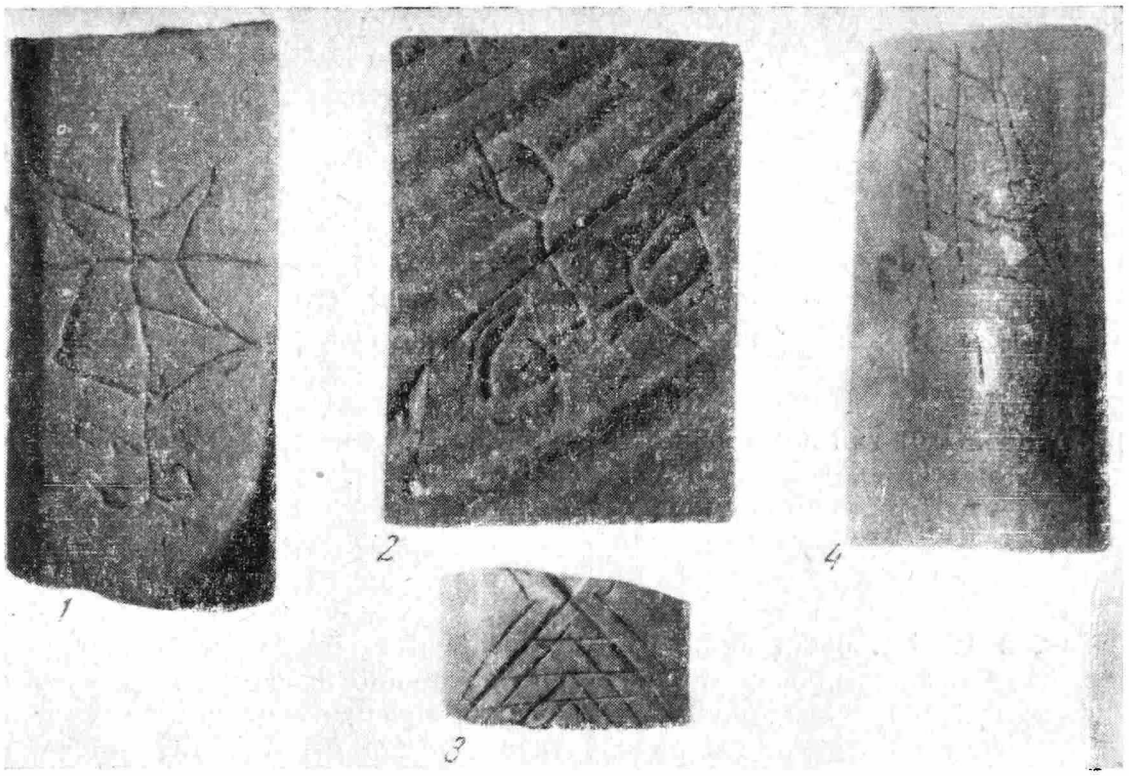


Рис. 11

1—4 — знаки на керамике; *2*, *3*, *4* — Царевское городище, *1* — Водянское городище

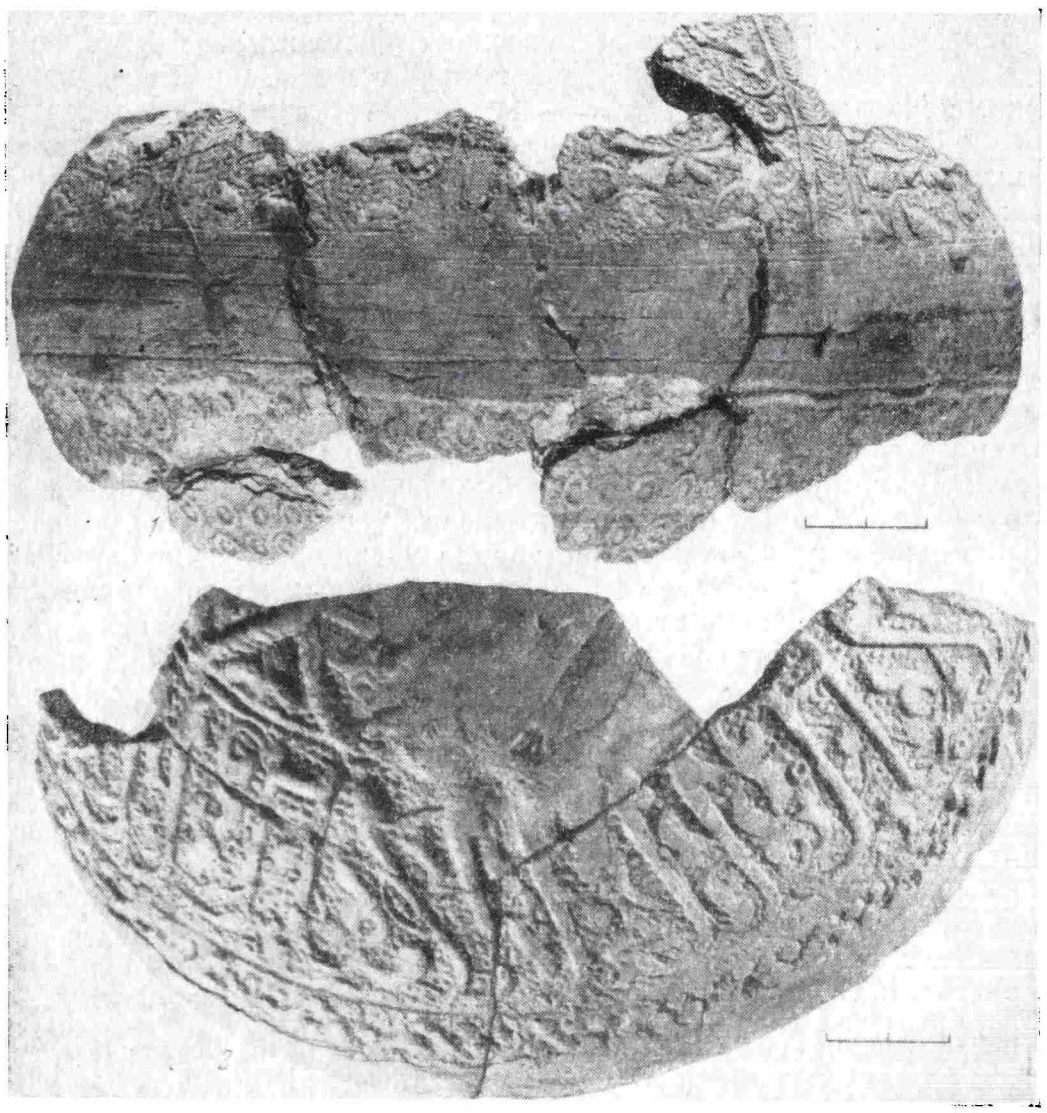


Рис. 12

1, *2* — белоглиняная штампованная керамика, Царевское городище

В двух открытых нами аристократических усадьбах были обнаружены именно такие дома, причем соединенные попарно с симметричной планировкой. Видимо, этот тип домостроительства принадлежал городской верхушке. Характерно, что пятый тип деревянных домов (с П-образными суфами, канами и печами из сырцовых кирпичей) повторяет планировку наземных сырцовых домов. Это, видимо, два варианта одного и того же типа дома с одинаковой внутренней планировкой. Только в одном случае стены сложены из сырцовых кирпичей, а в другом — из бревен.

7. Большие наземные деревянные дома со столбовой конструкцией в основании, с теплой комнатой в центре и обходным холодным коридором вокруг нее. Этот тип дома был открыт на дюне в южном пригороде города. Вероятно, он принадлежал богатому жителю города.

Существенным дополнением к коллекциям вещей, извлеченных из раскопов, является подъемный материал, собранный на городище. Среди вещей, поднятых на поверхности культурного слоя памятника, встречаются уникальные предметы.

Так, в 1963 г. были найдены два фрагмента бронзового квадранта (рис. 8) — астрономического инструмента, хорошо известного на мусульманском востоке в средние века. Арабский квадрант представлял собой металлическую пластинку в виде четверти круга с градусной шкалой и линиями, пересекающими друг друга, по которым можно было легко подсчитать различные дуги и углы с достаточной точностью. Найденные фрагменты бронзового квадранта имели такую сетку параболических линий и арабские буквы, обозначавшие градусы. Это первый квадрант, обнаруженный на Царевском городище, но не первый астрономический инструмент. При раскопках А. В. Терещенко в середине прошлого века были найдены два обломка астролябии с градусной сеткой и с обозначениями градусов арабскими буквами [8].

Находки на Царевском городище существенным образом дополняются сборами, произведенными экспедицией на других золотоордынских городищах: Селитренное и Лапас в Харабалинском районе Астраханской обл., городище у г. Красный Яр в Астраханской обл., Водянское городище у с. Дубовка Волгоградской обл.

В 1963—1964 гг. на Царевском и Селитренном городищах было найдено несколько металлических пластинок с гравированным орнаментом и инкрустированным серебром эпиграфическим орнаментом (рис. 9, *1, 2*), замочки в виде лошадки, металлические зеркала разных типов (рис. 9, *3*), в том числе обломки зеркал с четырьмя выступами и S-видными завитками между ними. Собрана большая коллекция каменных и пастовых бус, литейных формочек и костяных изделий (рис. 10) как из подъемного материала, так и из раскопов. Постепенно увеличивается количество железных предметов и бронзовых изделий, найденных на городище.

Значительно увеличилось наше собрание знаков, вырезанных на ручках кувшинов и стенках сосудов (рис. 11, *1—4*). Эти знаки были, очевидно, знаками собственности. Собрана большая коллекция монет медных и серебряных. На Селитренном городище в 1963 г. была найдена золотая индийская монета, чеканенная от имени Мухаммеда ибн Тогука в Дели в 726 г. х.[9], весом 12,77 *г* (рис. 9, *7*). В материалах, собранных на золотоордынских городищах, богато представлена белоглиняная штампованная керамика среднеазиатского типа (рис. 12).

Все стороны экономики, быта и культуры золотоордынских городов постепенно проясняются благодаря археологическим исследованиям.

---

[8] Эрмитаж, № Сар — 802.

[9] Такая же точно монета опубликована С. Лен-Пулем (S. Lane-Poole. Catalog of the Indian Coins in the British Museum. The Sultans of Dehli. London, 1884, стр. 55, № 260). Это вторая золотая монета патанских султанов, известная мне из материалов Селитренного городища. Первая монета была выставлена в 1956 г. в Астраханском музее в экспозиции. Она была чеканена султаном Алла-ад-Дин Мухаммед-шахом (тип опубликован, см. S. Lane-Poole. Ук. соч., стр. 38, № 157). Город и год чеканки не был виден.

В. Ф. КАХОВСКИЙ

БУЛГАРСКОЕ СЕЛИЩЕ БЛИЗ ДЕРЕВНИ БОЛЬШОЕ ЯНГИЛЬДИНО В ЧУВАШСКОЙ АССР

Чувашской археологической экспедицией близ дер. Б. Янгильдино Чебоксарского района Чувашской АССР в течение ряда лет исследуется селище, расположенное на высоком правом берегу р. Сетнерки, недалеко от ее впадения в р. Рыкша. Оно занимает площадь 250 × 150 *м*.

Это селище расположено у реки, на черноземе, что указывает на земледельческий его характер [1].

Селище было открыто в 1958 г. Раскопками 1959—1961 гг. на селище вскрыто 1492 $м^2$ площади (рис. 1).

Стратиграфия залегания слоев на селище: 1) верхний слой рыхлый, пахотный, с включениями культурных остатков, толщиной до 25—35 *см*; 2) плотный, сильно гумированный культурный слой (10—30 *см* толщины); 3) более плотный, аморфный, супесчаный, слабо гумированный слой (толщиной 20—25 *см*); 4) погребенная почва — светло-серый подзол толщиной до 10 *см*, залегает участками вокруг сооружений; 5) материк — желтая глина.

Находки в первом и втором слоях по своему характеру однотипны и в численном отношении распределяются почти равномерно; в третьем и четвертом слоях количество культурных остатков сокращается, большинство находок относится к сооружениям.

Среди находок преобладают обломки сосудов и кости животных. Кроме того, были найдены различные бытовые вещи, в том числе серп, замки, шиферные пряслица, ножи, подковы, шлак, а также в переотложенном состоянии срубная керамика, кельт и пряжка пьяноборского типа.

В процессе раскопок открыт ряд сооружений. На площади раскопа I были открыты три сооружения.

Сооружение 1 (рис. 2). В квадратах 7, 8, 12 и 13 на глубине 40—45 *см* была прослежена полоса обожженной глины, на уровне материка четко обозначилось темное пятно округлой формы с неровными краями, диаметром по линии С — Ю 1,8 *м*, по линии З — В 1,6 *м*. По краям сооружения, являвшегося подпольем, прослежены следы столбов диаметром от 10 до 25 *см*.

Заполнение ямы, состоявшее из рыхлого сильно гумированного чернозема, содержало обломки булгарской гончарной посуды желтого и коричневого цветов, куски обожженной глины, кости животных и рыб. На глубине 35 *см* от уровня материка залегала полоса желтой глины толщиной 10—15 *см*, образующая прогиб в центральной части подполья. Ниже лежал слой гумированной глины толщиной около 50 *см*, в котором найдены обломки сосудов, угольки и скопление золы (развал печи). Под этим слоем находилась тонкая прослойка глины в виде дугообразной линии. На дне

[1] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 3.

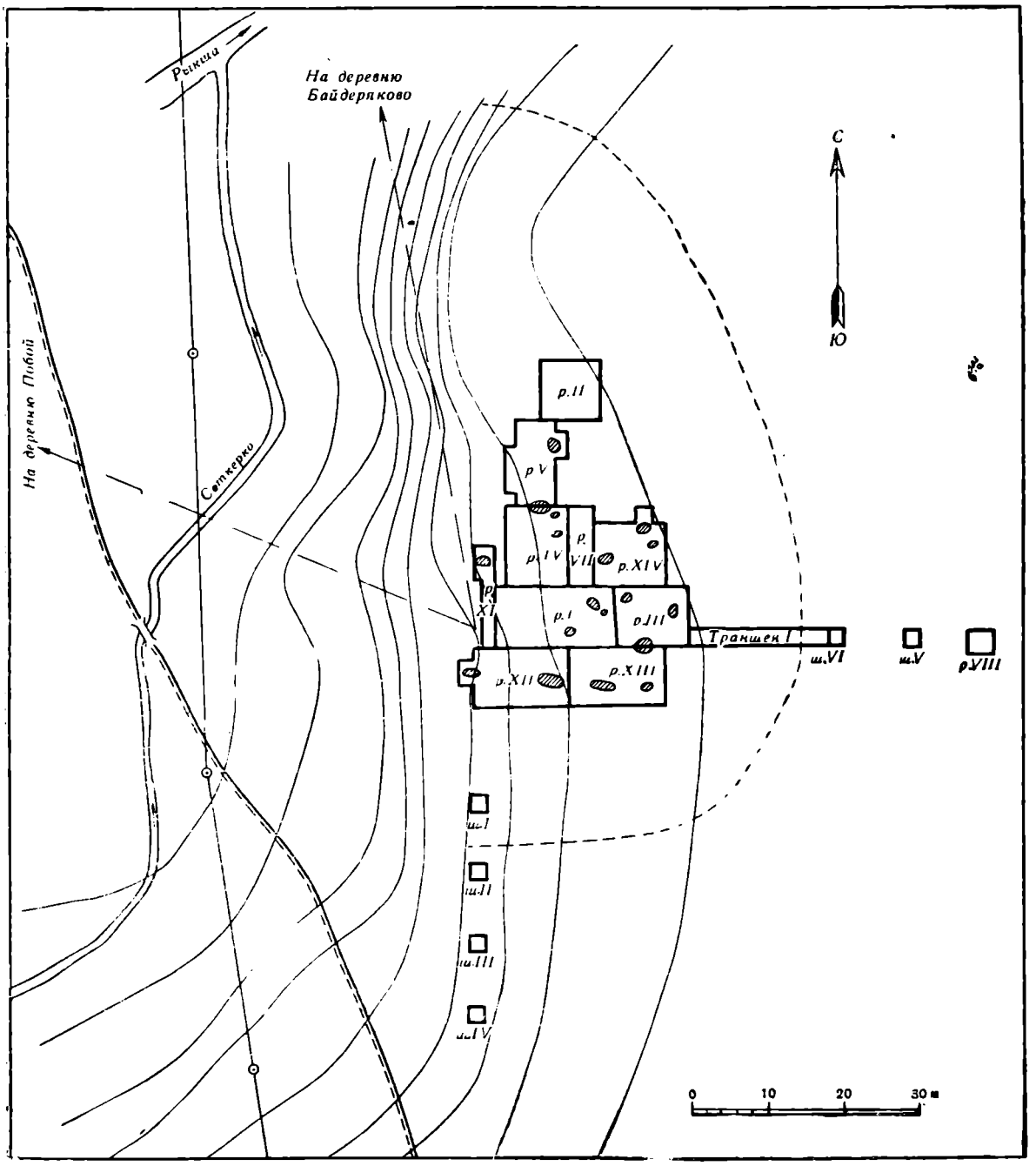


Рис. 1. Общий план селища близ дер. Большое Янгильдино

сооружения, на глубине 1,23 *м* от подстилающего слоя погребенной почвы, были найдены три глиняных грузила, шиферное пряслице, обломок жернова ручной мельницы, обломок железного ножа, костяной кочедык, раздавленный плоскодонный горшок, орнаментированный волнистыми линиями, и пр.

Яма в разрезе имела ладьевидную форму. В боковых стенках, на глубине 30—35 *см* от ее края, прослежены углубления для переводин; ниже их выявлены ниши небольших размеров, в которых были найдены раздавленные кухонные сосуды.

Рядом с этим сооружением, в 1 *м* к югу, на уровне материка открылось сооружение № 2 в виде темного пятна округлой формы диаметром 1,10 × 1,20 *м*. В процессе расчистки заполнения ямы выяснено, что боковые стенки ямы покрыты слоем обожженной глины толщиной 5—8 *см*. В заполнении ямы, состоящем из сильно гумированного чернозема, найдены обломки булгарской керамики, кости рыб (среди них в значительном количестве позвонки), на дне ямы обнаружены скопления чешуек леща, щуки, сазана. Найдены также кости овец и дичи.

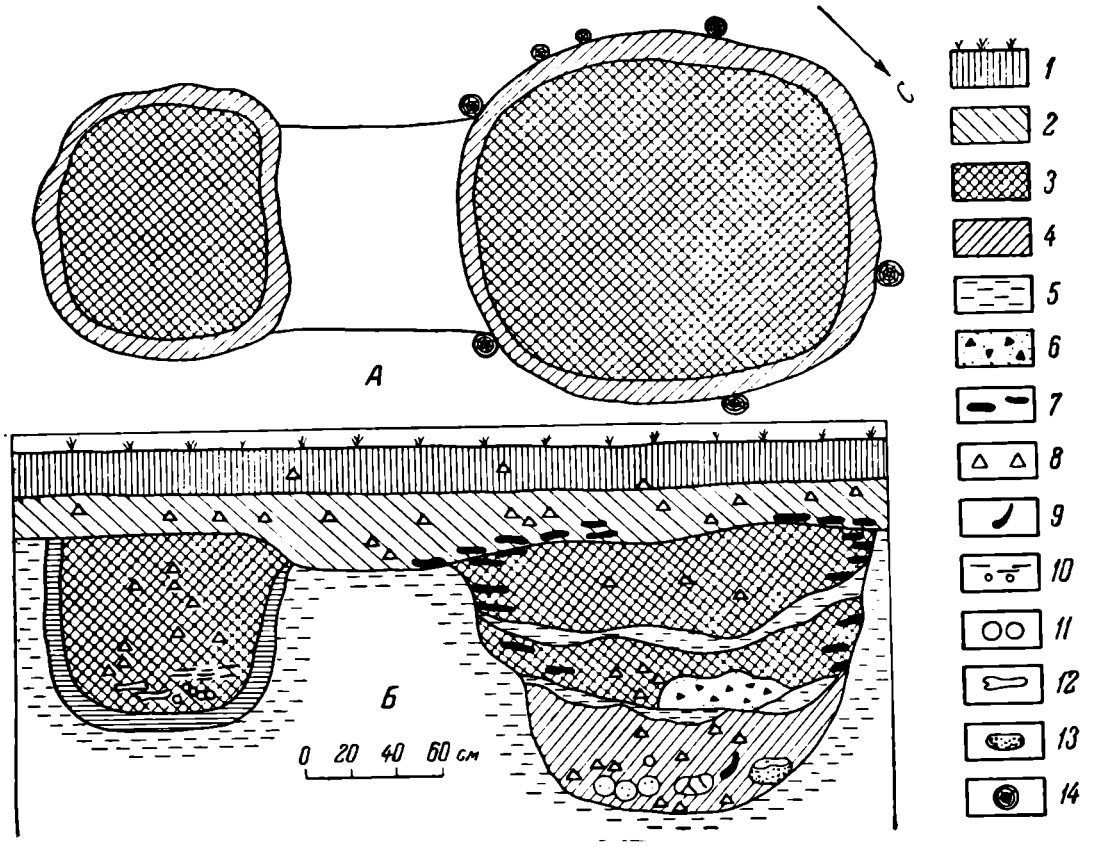


Рис. 2. План (А) и профиль (Б) сооружений 1 и 2

1 — растительный слой; *2* — культурный слой; *3* — заполнение ямы; *4* — плотный слой; *5* — глина; *6* — зола и уголь; *7* — глиняная обмазка; *8* — керамика; *9* — кочедык; *10* — кости рыбы; *11* — грузила; *12* — кости животных; *13* — обломок жернова; *14* — столбы

По всей вероятности, сооружение 2 являлось хозяйственной ямой.

Сооружение 3 (подполье) открыто во втором слое в квадратах 25 и 31 в виде скопления кусков обожженной глины. Его контуры обозначились на уровне материка в виде прямоугольного пятна длиной 2,8 и шириной около 2,2 *м*. С южной и северной сторон прослежены узкие темные полосы шириной 10—15 *см* и неровные выступы. Заполнение подполья было такое же, как и в первом сооружении. На глубине 70 *см* от дневной поверхности прослежена прослойка глины толщиной до 15 *см*, образовавшаяся в результате развала стен. В боковых стенках подполья, на глубине 40—45 *см* от уровня материка выявились горизонтальные углубления до 20—30 *см*, диаметром 10—20 *см*, служившие для укрепления переводин, на которые был настлан пол. Ниже уровня пола в северной части сооружений обнаружен череп лошади, придавленный сверху камнем. Подобные черепа-обереги были найдены во многих булгарских поселениях[2]. В заполнении ямы найдены: обломки булгарской керамики, преимущественно желтого цвета, кости животных, цилиндрический замок.

По краям подполья прослежены следы столбов разного диаметра — большего размера по углам (до 25 *см* в диаметре) и малого между ними (диаметром в 10—15 *см*), углубляющиеся в материк на 20—30 *см*. Система расположения столбов и скопления обожженной глины по краям подполья свидетельствует о том, что стенки жилища были воздвигнуты из плетня и обмазаны глиной. Подобный тип сооружений широко известен у болгар.

На раскопе II, заложенном в 30 *м* севернее раскопа I, на участках 9, 12—13, 18—20 и 24, на уровне материка прослежены четыре параллельные полосы темно-коричневого цвета, шириной 20—25 *см*, очевидно, следы изгороди.

[2] К. А. Смирнов. Раннебулгарская землянка в урочище Ага-Базар. МИА, 80, 1960, стр. 157.

На раскопе III (12 × 12 *м*) открыто сооружение 4. По углам овальной ямы выявлены следы столбов диаметром до 20 *см*, между ними находились столбы меньшего размера (10—15 *см* в диаметре). В заполнении ямы, представлявшей подполье, найдены обломки булгарской желтой керамики, удила, обломок железного ножа, кости животных, кости и чешуя рыбы.

На глубине 20—30 *см* от уровня материка, в стенках ямы прослежены горизонтальные углубления цилиндрической формы диаметром до 20 *см*. На дне обнаружены полосы древесного тлена шириной 10—25 *см*. Полосы, лежавшие в направлении запад — восток, совпадали с горизонтальными нишами в стенках. По-видимому, они являлись остатками переводин, на которые был настлан пол. У самой стенки находился очаг округлой формы диаметром около 40 *см*, углубленный в материк на 30 *см*. Стенки очага были покрыты обожженной глиной и обломками посуды. По соседству с очагом, в 1 *м* западнее, была обнаружена другая яма котлообразной формы, диаметром около 40 *см*, углубленная в материк на 53 *см*, на дне ее найдены сильно раздавленный толстостенный сосуд-корчага, кости животных и рыб.

В отличие от других, эта яма имела плоское дно. Судя по характеру очага и керамики, а также по размерам, она являлась, очевидно, остатком легкого летнего жилища, напоминающего поздний чувашский «лась».

На раскопе IV, в нераспаханной части культурного слоя, были найдены многочисленные обломки булгарской посуды, обломок ножа, бронзовый браслет, шиферное пряслице и кости животных.

На участках 15, 22, 37, и 38 открыто сооружение 5. Это были остатки глинобитного жилища (рис. 3) размером 3 × 2,4 *м*.

При расчистке в верхних слоях заполнения ямы были найдены фрагменты желтой керамики, кости животных. У западной стенки обнаружен развал глинобитной печи, занимавшей площадку 40 × 40 *см*. В восточной части жилища находились вход и ступенчатый спуск в подполье.

До самого дна подполье заполняла плотная, слабогумированная супесь с обломками посуды, костями животных. Глубина подполья 1,12 *м* от дневной поверхности.

Это глинобитное жилище близко жилищам, открытым на булгарском поселении близ с. Криуши Ульяновской обл. [3].

На значительной площади раскопа V (на участках 10, 11, 12, 19, 20 и 21) в культурном слое находилось скопление обломков обожженной глины, вокруг которого на уровне материка прослежены полосы древесного тлена, лежавшие в направлении с юга на север. Ширина каждой полосы составляла 20 *см*, длина 8 *м*. Расстояние между полосами от 30 *см* до 1 *м*, в поперечном разрезе все они имели линзовидное сечение. Иногда между полосами тлена отмечались следы столбов диаметром 25—30 *см*.

Полосы древнего тлена и следы столбов, по всей вероятности, являются остатками наземного бревенчатого сооружения — жилища, однако вследствие фрагментарности материала определить конструкцию сооружения не удалось. Можно отметить, что деревянные дома были распространенным видом жилища в Волжской Булгарии.

Вокруг упомянутого бревенчатого сооружения, в верхних слоях, были найдены многочисленные вещи, среди них железный пробойник, заступ, ножи с затупленной прямой спинкой и четырехгранным черешком, кирка, удила, скоба, черешковая пластинчатая стрела ромбовидной формы, глиняные игральные шарики (по-чувашски «шак чуле»).

Рядом с полосами тлена, на уровне материка, открыто большое темное пятно округлой формы диаметром 2,1 × 2,2 *м* глубиной 1,3 *м* от дневной

---

[3] Н. В. Тухтина. Раскопки 1957 года близ с. Криуши Ульяновской области. МИА, 80, стр. 146; А. П. Смирнов. Археологические работы краеведческого музея в 1960 году. Ульяновск, 1961, стр. 2.

поверхности (сооружение 6). Заполнение его имело примерно такое же чередование слоев, что и в сооружении 5. Прослойка глины, открывшаяся на глубине 56 *см* от уровня материка, образовалась, очевидно, вследствие развала стен жилища.

Сооружение 6 являлось наземным глинобитным жилищем с подпольем. Полосы древнего тлена — остатки от соседнего бревенчатого жилища — перекрывали северную часть сооружения 6.

На раскопе VII (14 × 4 *м*), заложенном рядом с раскопом IV, были открыты сооружения 7 и 8. Сооружение 7 было хозяйственной ямой на участке 2 длиной 1,6 *м* (по линии З — В), шириной 1,3 *м*, глубиной 50 *см*. Она примыкала к жилищу 5. Яму заполняли гумированный подзол, смешанный с золой, кости животных и рыб, обломки посуды, угольки и др.

Сооружение 8 на участке 4 раскопа VII имело квадратную форму со сторонами 1,4 *м*. Заполнение ямы такое же, как и в соседней.

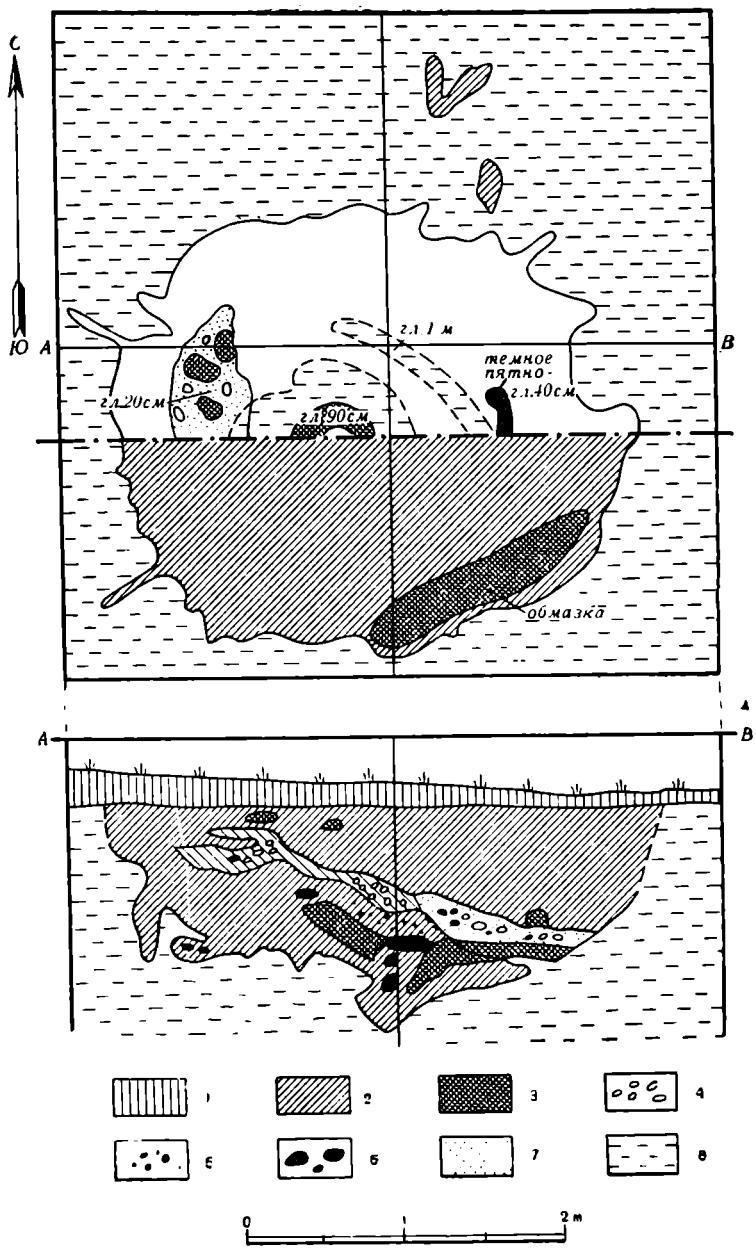


Рис. 3. План и профиль сооружения 5

1 — растительный слой; *2* — культурный слой; *3* — смешанный слой; *4* — камень; *5* — угольки; *6* — обожженная глина; *7* — зола; *8* — материк

По всей вероятности, обе ямы вначале служили хранилищами, подобными встречаемым на булгарских поселениях в Среднем Поволжье [4]. Позднее они были заброшены и использовались для кухонных отбросов.

На раскопе III были открыты сооружения 9 и 10. Сооружение 9 было полуземлянкой с глинобитной стеной и земляным полом. Оно выявилось на уровне материка (участки 22—23 и 33—34) в виде темного пятна округлой формы диаметром 2 *м*. В заполнении сооружения были найдены обломки посуды, кости животных и угольки. Яма имела плоское дно; в центре пола обнаружено скопление угольков и золы, заполнявших очажную яму диаметром 40 *см* и глубиной около 30 *см*. По краям ямы прослежены следы девяти столбов диаметром от 10 до 25 *см*, служивших основой конструкции стен.

[4] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 223.

Сооружение 10 (подполье) открыто на участках 10, 15, 26 и 27 в виде ямы округлой формы размером 2,8 × 2,6 *м*, глубиной 1,3 *м* от дневной поверхности.

У южной стенки подполья, на глубине 40 *см* от дневной поверхности лежал череп лошади, прикрытый песчаниковой плитой и служивший, очевидно, оберегом, и обломки желтой булгарской посуды. По краям сооружения также прослежены следы столбов. Характерно, что в заполнении подполья остатки очага не обнаружены.

* * *

В раскопе XI было вскрыто глинобитное наземное жилище с неглубоким подпольем (сооружение 12). Юго-западная часть сооружения, уходящая за пределы раскопа к краю террасы, не исследована. В яме, заполненной сильно гумированным суглинком, найдены обломки булгарской посуды, кости домашних животных, обломки обожженной глины, угольки и зольные пятна. На глубине 80 *см* на плоском дне прослежена полоса древесного тлена шириной 7—10 *см*, направленная с запада на восток; рядом с ней открылись беспорядочно разбросанные плахи от развала наземной части сооружения.

В квадрате 1 на глубине 1 *м* в пределах жилища найден обломок серпа.

На раскопе XII после зачистки штыка в предматериковом слое открыто сооружение 11 — наземное, с глинобитными стенами и неглубоким подпольем; вход в него был прослежен с восточной стороны в виде полосы тлена длиной 2 *м*, шириной 1 *м*. Полосы древесного тлена, лежавшие параллельными рядами в направлении с Ю-В на С-З, занимали площадь 4 × 6,5 *м*. Вдоль южной границы полос с наружной стороны выявлены следы столбов диаметром от 10 до 28 *см*. Прослежены полосы тлена, лежавшие перпендикулярно основным полосам; по-видимому, это следы обвалившейся крыши дома. Вдоль северной границы полос были открыты следы столбов диаметром 10—20 *см*. Большие столбы служили, очевидно, основной опорой стен, мелкие же были частью плетня от глинобитных стен дома.

Из-за плохой сохранности древесного тлена восстановить конструкцию обнаруженного сооружения не удалось.

Ниже древесного тлена, в центре сооружения вскрыта овальная яма глубиной около 40 *см*, служившая, по-видимому, подпольем.

Сооружение 13, открытое на этом раскопе, было также наземным глинобитным домом с подпольем и имело прямоугольную форму (2,6 × 2,1 *м*). Заполнение подполья состояло из черного плотного, сильно гумированного суглинка, содержавшего большое количество обломков посуды, глиняной обмазки, костей домашних животных. В заполнении ямы были найдены две косточки вишни, обломки посуды, глиняной обмазки и угольки. После полной выборки заполнения оказалось, что с севера на юг яму пересекала перемычка, по сторонам которой были расположены две ямы овальной формы глубиной около 60 *см*. В северо-восточном углу ямы прослежены три ступеньки. На дне ямы, расположенной с восточной стороны перемычки, найдены угольки. Перемычка служила, по-видимому, основанием глинобитной печи, расположенной на полу жилища.

На раскопе XIII, в квадрате 13, на глубине 20 *см* были найдены бронзовый кельт, датируемый XI—X вв. до н. э., и эполетообразная застежка, относящиеся к пьяноборскому времени. В нижних слоях найдены бронзовый кельт, застежка и обломки толстостенной посуды срубного времени.

В квадрате 24 на уровне материка в направлении с северо-востока на юго-запад прослежена желобчатая канавка, в заполнении которой содержались куски красной обожженной глины.

На уровне материка в квадратах 4 и 5 обнаружена хозяйственная яма яйцевидной формы, размером 115 × 62 *см* (сооружение 14).

В квадратах 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35 и 40 на уровне материка прослежены параллельные полосы древесного тлена темно-коричневого цвета, ориентированные в направлении с С-З на Ю-В, следы отдельных жердей и следы столбов диаметром до 25 *см* (сооружение 15). Полосы древесного тлена в сечении имели линзообразную форму толщиной 5—10 *см*, вместе с ними находились вкрапления песчаника, угольки, куски обожженной глины. На этом же участке были найдены обломки посуды и железный крючок. Назначение сооружения 15 не определено.

На раскопе XIV на уровне материка открыта большая яма овальной формы (сооружение 16). Вокруг нее были прослежены мелкие круглые ямки от столбов диаметром 10—25 *см*. Столбы большого и малого размеров чередовались между собой. Сооружение 16 имело размеры по линии С — Ю 3 *м*, по линии З — В 2,65 *м*. На глубине 35 *см* от уровня материка открыт развал печи в виде скопления углей и золы. Вокруг лежали куски известняка. В северной части сооружения, рядом с печью, найдена нижняя челюсть лошади (оберег?). На уровне развала печи в заполнении ямы содержались многочисленные обломки посуды, глиняной обмазки, уголь, кости животных, в том числе зубы и челюсти свиньи, рыбная чешуя и т. д. Под развалом печи на глубине 60 *см* прослежены полосы древесного тлена толщиной 5—7 *см* — остатки пола. Ниже залегал слой из плотного темно-серого грунта толщиной до 30 *см*, в котором найдены угольки и обломки сосудов. Под этим слоем прослежена глинистая прослойка толщиной 10 *см*, затем снова шел слой плотного темно-серого грунта (10—15 *см*).

Сооружение 16 являлось наземным жилищем, основу которого составляли вертикальные столбы и плетеная глинобитная стена. Судя по следам столбов, окружавших сооружение, жилище имело округлую форму.

Сооружение 17, являвшееся наземным глинобитным жилищем округлой формы с подпольем в виде ямы округлой формы диаметром 2 × 2,1 *м*. В восточной части сооружения были обнаружены остатки печи — скопление золы в виде светло-серой прослойки толщиной до 15 *см*, диаметром около 1,5 *м*. Вокруг пятна число находок обломков посуды резко возросло. В золе было обнаружено несколько штук обгоревших зерен злаков и нижняя челюсть свиньи. Яма подполья имела глубину 1,5 *м*.

Сооружение 18 — наземное глинобитное жилище с подпольем — открыто на уровне материка в квадратах 6—11 и 36—37 в виде темного пятна от ямы, ориентированной длинной осью — З—В (длина ямы 4,7 *м*, ширина 3,1 *м*).

Вокруг пятна отмечены следы столбов диаметром 10—25 *см*, углубленные в материк до 60 *см*. В центральной части сооружения, во втором штыке открыто пятно обожженной глины. На глубине 36 *см* от уровня материка была найдена голубая бусинка, вставленная в просверленный позвонок рыбы. В четвертом штыке прослежена прослойка из обломков глиняной обмазки со следами досок и жердей. На этом же уровне в правой части сооружения находился развал печи в виде скопления обожженной глины, золы и угольков. Глинобитная печь имела прямоугольную форму размером 1 × 0,8 *м*. Рядом с развалом печи, на глубине 63 *см*, было найдено дно булгарского гончарного сосуда с клеймом. Ниже развала печи прослежена прослойка обожженной глины толщиной около 15 *см*, перекрывавшая заполнение ямы. Ниже залегал слой из плотного серого грунта с прожилками глины, с угольками, скоплением золы и отдельными обломками сосудов. На дне подполья (глубина 1,2 *м*) найден раздавленный булгарский сосуд.

Характер залегания слоев в подполье свидетельствует о наземном типе сооружений. Вход в жилище был с северной стороны и имел вид крытого коридорчика. Справа от входа находилась глинобитная печь. Пол был,

по всей вероятности, деревянный. Сооружения 12, 13, 16, 17 и 18 были наземными жилищами подобного типа. Они близки булгарским легким строениям из дерева и камыша, о которых писал Мукаддеси[5]. Подобные глинобитные сооружения были открыты также на булгарских селищах у с. Березовки[6] и близ с. Криуши[7].

* * *

Раскопками был добыт богатый материал: глиняная посуда, железные вещи, костяные изделия, кости животных. Численно преобладает керамический материал.

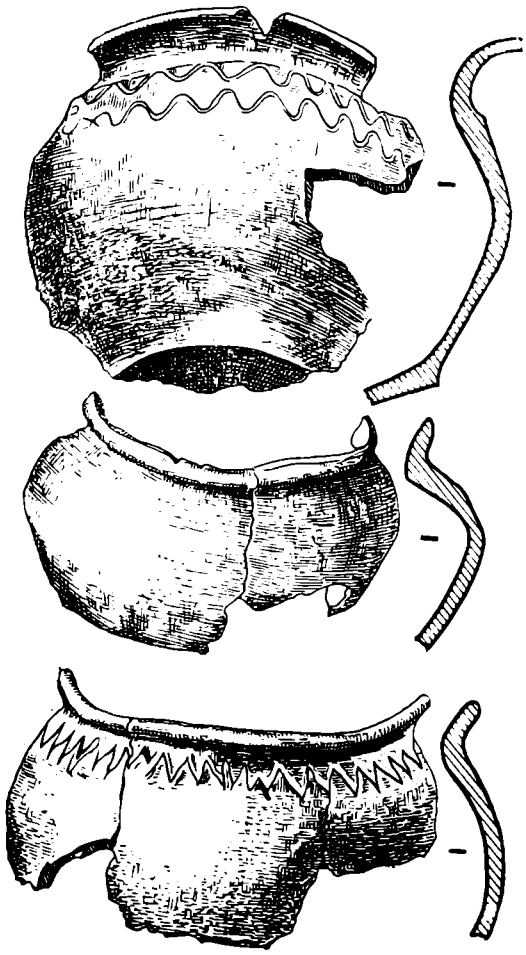


Рис. 4. Образцы глиняной посуды

Сосуды по технике изготовления подразделяются на два типа: ручной лепки и сделанные на кругу.

У сосудов ручной лепки тесто состоит из грубо промешанной глины с примесью дресвы, шамота или толченой раковины, обжиг плохой, черного и серого цвета, преобладают обломки без орнамента. На отдельных фрагментах имеется орнамент булгарского типа, нанесенный острым предметом весьма неумело, грубо (рис. 4). Сосуды этого типа по форме и фактуре относятся к послегородецкому времени и изготовлены по-видимому, финно-угорским населением. Эта посуда составляет от 5 до 30% от общего количества.

Сосуды, сделанные на кругу, по степени обжига подразделяются на три типа: 1) сосуды плохого обжига, черного и темно-серого цвета, с примесью шамота, дресвы и толченой раковины в тесте; 2) среднего обжига, черного и темно-серого цвета в изломе, преимущественно желтого и темно-коричневого цвета снаружи, в тесте содержится также примесь дресвы, шамота и толченой раковины; 3) сосуды из хорошо промешанного теста с примесью мелкозернистого песка, хорошего или, реже, слабого обжига. Цвет, в зависимости от обжига, желтый, коричневый, серый, красный.

Выделяются различные типы венчиков от сосудов (рис. 5): вертикальные, плавно отогнутые наружу, без утолщения верхней части горла, с утолщенным наружным краем, с уплощением по наружному краю, венчик, имеющий утолщение с обеих сторон, с валиком по верхнему краю горла, с резким отгибом наружу.

Формы сосудов: кувшины, с узким высоким горлом; горшки и миски, лощенные вертикальными и горизонтальными полосами, их венчики вертикальные или слегка отогнутые. Судя по находкам обломков днищ, все

[5] С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 9.

[6] А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV вв. у с. Березовки. МИА, 80, стр. 208.

[7] Н. В. Тухтина. Ук. соч., стр. 146.

сосуды плоскодонные. На некоторых обломках днищ сосудов обнаружены клейма мастера. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,3 до 1,2 *см*, преобладают обломки средней толщины — 0,05—0,8 *см*.

Часть сосудов орнаментирована. Орнамент — булгарский: волнистые линии по верхней части тулова, по плечикам и горлу сосудов, прямые параллельные линии по горлу и верхней части тулова; вертикальные и косые насечки по венчику, прерывистые волнистые линии, овальные ямки по венчику, перекрещивающиеся волнистые линии и др.; преобладает орнамент в виде волнистых и параллельных прямых линий.

Весьма характерен состав посуды, в который входят: позднегородецкие сосуды (в нижних горизонтах культурного слоя); раннебулгарские сосуды гончарного производства с примесью дресвы, плохого и хорошего обжига, саркельского типа; высококачественная посуда с примесью мелкозернистого песка, хорошего обжига (в незначительном количестве — 3—5%). Преобладает булгарская гончарная посуда с примесью дресвы желтого цвета.

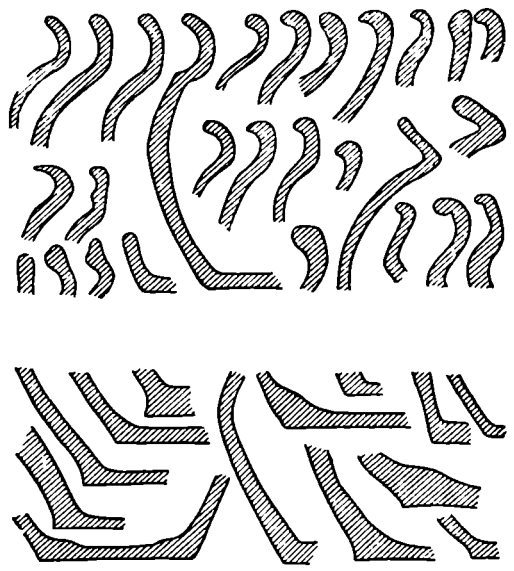


Рис. 5. Типы венчиков и днищ сосудов

Наличие позднегородецкой керамики в нижних слоях свидетельствует о том, что пришлые булгары поселились среди аборигенов края и ассимилировали их.

Из общего количества фрагментов булгарской посуды лепная составляет около 15%, гончарная с дресвой (преимущественно желтого цвета) — 50%, гончарная с мелким песком желтого цвета — 20%, черная — 5% и красная — 4%. Преобладание желтой посуды с дресвой и песком и незначительное количество красной посуды весьма характерно для раннебулгарских поселений [8].

Датировка Янгильдинского селища устанавливается также рядом других данных: наличием шиферного пряслица типа распространенного в XI—XII вв.; костяной трехгранной стрелой (X—XI вв.); железной пластинчатой ромбовидной стрелой (XI—XII вв.).

В расположении жилищ на селище трудно установить какую-либо строгую планировку, но она напоминает гнездовую систему. В этой связи большой интерес представляют свидетельства ряда этнографов [9] о том, что в чувашских деревнях вплоть до 70-х годов XIX в. отсутствовала планировка, усадьбы были расположены кучно вокруг центральной усадьбы родоначальника. Подобное гнездовое заселение было унаследовано чувашами, по всей вероятности, от своих булгарских предков.

Материал, добытый раскопками, свидетельствует о том, что основными занятиями населения были плужное земледелие и скотоводство. Охота и рыболовство играли в хозяйстве также немаловажную роль.

Жизнь на поселении была прервана, по всей вероятности, не вследствие какой-либо катастрофы, а в результате переселения на новое место.

Селище близ дер. Б. Янгильдино не единственный раннебулгарский

---

[8] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, М., 1961; Н. В. Тухтина. Ук. соч., стр. 152; Г. А. Федоров-Давыдов. Болгарское городище-святилище X—XI вв. СА, 1960, 4, стр. 122.

[9] В. А. Сбоев. О быте крестьян Казанской губернии. Казань, 1856, стр. 18; А. Ф. Риттих. Материалы по этнографии России. Казанская губерния, II, Казань, 1870, стр. 62; Н. В. Никольский. Краткий курс по этнографии чуваш. Казань, 1919, стр. 12.

памятник в северной части Чувашии. За последнее время в центральных и северных районах ее открыт ряд булгарских памятников IX—XII вв. Н. В. Трубниковой исследованы булгарское селище близ дер. Янмурзино и в Красноармейском районе и могильник в Аликовском районе. На городищах близ селений Тури Выла, Изванкино, Досаево [10] и на поселении у дер. Криуши ею были выявлены в культурных напластованиях булгарские вещи [11]. В. Ф. Каховским в 1957 г. обследовано булгарское селище X—XII вв. близ дер. Нимичкасы (Красноармейский район) [12]. Фрагменты булгарской посуды были обнаружены в верхних слоях Яндашевских поселений I и II (Мариино-Посадский район) [13]. Несомненно, наши сведения о булгарских памятниках в Чувашском Поволжье будут с каждым годом все более возрастать.

Таким образом, мнение некоторых историков [14] о том, что булгарские племена переселялись в Чувашское Поволжье не ранее XIII в., только после татаро-монгольского разгрома Волжской Булгарии, новыми материалами не подтверждается. По всем данным, булгары освоили этот плодородный и богатый лесной край уже в IX—X вв. С этого времени вся территория Чувашии входила в Волжскую Булгарпю.

---

[10] Н. В. Трубникова. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ, XVI, Чебоксары, 1958, стр. 246.

[11] Н. В. Трубникова. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год. Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ, XIX, Чебоксары, 1960, стр. 69.

[12] В. Ф. Каховский. Клад джучидских монет близ д. Нимичкасы Красноармейского района. Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ, XIX, стр. 100.

[13] В. Ф. Каховский. Итоги работ третьего отряда Чувашской археологической экспедиции за 1958 и 1959 годы. РФ ЧНИИЯЛИЭ, № 1631, стр. 26; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 107.

[14] Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Чебоксары, 1956, стр. 34.

А. Г. МУХАМАДИЕВ

ДВА КЛАДА ТАТАРСКИХ МОНЕТ XV ВЕКА

В XIX в. Х. М. Френ, П. С. Савельев, В. В. Григорьев и другие русские востоковеды на основе изучения золотоордынской нумизматики установили имена не известных по письменным источникам ханов, уточнили хронологию отдельных династий и дали ряд ценных географических сведений, но, однако, ряд вопросов, связанных с изучением золотоордынской нумизматики, оставался до последнего времени нерешенным. Так, в дореволюционной литературе не получили должного освещения весовые данные золотоордынских монет. Даже не был определен приблизительный вес монет, относящихся к тому или иному периоду, хотя это имеет огромное значение для научного исследования денежной системы.

Лишь в наше время трудами советских нумизматов С. А. Яниной, Г. А. Федорова-Давыдова и др. были установлены весовые нормы монет, относящихся к разным периодам денежного обращения Золотой Орды.

Настоящая работа содержит анализ и периодизацию золотоордынских монет двух кладов, относящихся к XV в.

Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность С. А. Яниной за оказанную помощь.

* * *

Монетные клады, хранящиеся в собрании Государственного музея Татарской АССР в Казани, имеют большое значение для изучения экономической жизни, денежного обращения и денежно-весовых норм в Восточной Европе XIII—XV вв. Но эти клады до сих пор еще не исследованы в достаточной мере.

Мы даем краткую характеристику двух определенных нами кладов золотоордынских монет XV в.

Один клад (инв. № 34410) был найден Турнпным Зулькарнатом в апреле 1962 г. около дер. Татарские Измери Куйбышевского района ТАССР на острове, который обнаружился вследствие спада воды на Волге. В глиняном сосуде находилось 2358 серебряных монет. Почти все монеты были чеканены в г. Болгаре [1] в первой четверти XV в.

Второй клад (№ 33845) серебряных монет в количестве 2859 штук был найден в мае 1957 г. в дер. Караульная Гора Октябрьского района ТАССР на огороде. Монеты лежали кучкой на глубине 20 *см*. Клад передан в Государственный музей ТАССР О. С. Бикенеевой.

Монеты в подавляющем большинстве тоже болгарской чеканки, но уже более позднего времени, а именно второй четверти XV в., и хронологически являются как бы продолжением первого клада. Оба клада поступили в Музей Татарской АССР целиком.

Первый Измериевский клад состоит из монет, выпущенных после

[1] Вероятно, в Иски-Казани, который по традиции назывался Новым Болгаром.

реформы 1400 г.[2]. Этот период в истории золотоордынского государства представляет несомненный интерес.

Как известно, хронологические сведения о царствовании отдельных ханов в это время крайне запутаны. Вместе с тем на этот период падает временный подъем Золотой Орды после разгрома ее Тимуром во времена усиливавшейся власти темника Едигея, который фактически управлял государством от лица золотоордынских ханов-марионеток.

В 1400 г. ханом Шадибеком — ставленником Едигея была проведена реформа[3]. Непримпримый враг Тохтамыша Едигей — человек, сделавшийся в Золотой Орде всесильным, хотя не имел права на трон, так как не принадлежал к джучидам, не мог допустить обращение монет Тохтамыша, который все еще среди некоторой части татарских феодалов пользовался влиянием и оспаривал власть в Золотой Орде у ставленников Едигея.

Из числа довольно многочисленных монет Измериевского клада нет ни одной, которая бы относилась к дореформенному периоду, следовательно, старых монет в обращении уже не было: они были запрещены.

Реформа 1400 г. снизила вес дирхема с 1,40—1,42 до 1,13 *г*, а в Волжской Болгарии монеты начали чеканить по еще более низкому весу: 0,75—0,78 *г*.

Монеты XV в. от монет XIV в. отличаются и трудноопределимостью из-за нечеткости и искаженности надписей. Поэтому надписи на монетах восстанавливаются путем сравнительного изучения десятка, а иногда нескольких десятков монет одного типа. Многочисленные монеты рассматриваемых кладов дают такую возможность.

Измериевский клад содержит монеты девяти золотоордынских ханов XV в. и монету суздальско-нижегородского князя Даниила Борисовича.

Монеты хана Дервиша составляют 26,5%. Это позволяет сделать предположение, что основная масса монет клада собрана во время царствования хана Дервиша, но была закопана при хане Улу Мухаммеде, так как младшие монеты клада чеканены от его имени.

Весовая норма для монет Болгар не постоянна. Начиная с хана Шадибека до Улу Мухаммеда она постоянно снижалась (табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1

Весовые нормы монет Болгар в первой четверти XV в. (1400—1422 г.) (состав клада из с. Татарские Измери)[4]

Имя хана и годы правления	Весовая норма чеканки монет (по диаграммам), *г*	Количество монет (непосредственно составляющих весовую норму	Общее количество монет, по весу близких к весовой норме	Самая легкая и самая тяжелая монета, *г*
Шадибек (1400—1407)	0,71—0,77	85	109	0,62—0,88
Пулад (1407—1411)	0,70—0,75	141	251	0,42—0,85
Тимур (1411—1412)	0,68—0,72	39	68	0,54—0,91
Джелаль-эд-Дин (1411—1412)	0,66—0,70	28	48	0,45—0,81
Кибек (1413)	0,67—0,69	35	75	0,55—0,81
Чокре (1412—1414)	0,65—0,67	112	305	0,51—0,88
Дервиш (1417)	0,62—0,65	238	601	0,50—0,95
Кадер-бирди (1419)	0,62—0,65	79	181	0,55—0,77
Улу Мухаммед (1421—1422)	0,62—0,65	24	75	0,43—0,95
Анонимные (1419—1421 ?)	0,62—0,65	89	190	0,45—0,87
Неопределенные	0,62—0,65	153	432	0,43—0,90

[2] Г. А. Федоров-Давыдов. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде. Археографический ежегодник, I, М., 1960.

[3] Вопросы денежных реформ в Золотой Орде подробно освещены в указанной выше работе Г. А. Федорова-Давыдова.

[4] Для выяснения весовых норм были составлены для каждой группы монет весовые диаграммы, некоторые из них мы приводим ниже. В таблицах вес взят по вершинам этих диаграмм, в соответствии с общепринятой в метрологии и нумизматике практикой.

Таким образом, вес монет с 1400 до 1417 г. упал на 14,5%, а именно с 0,76 до 0,65 *г*. Вес монет Шадибека 0,71—0,77 *г* (а принимая во внимание стертость, 0,75—0,78 *г*) был, очевидно, первоначальной весовой нормой, по которой выпускались монеты.

Как видим из таблицы, этот вес снижался, т. е. имела место порча монеты. Снижение веса монет прекращается при правлении хана Дервиша и уже держится более постоянно в пределах 0,62—0,65 *г*. Видимо,

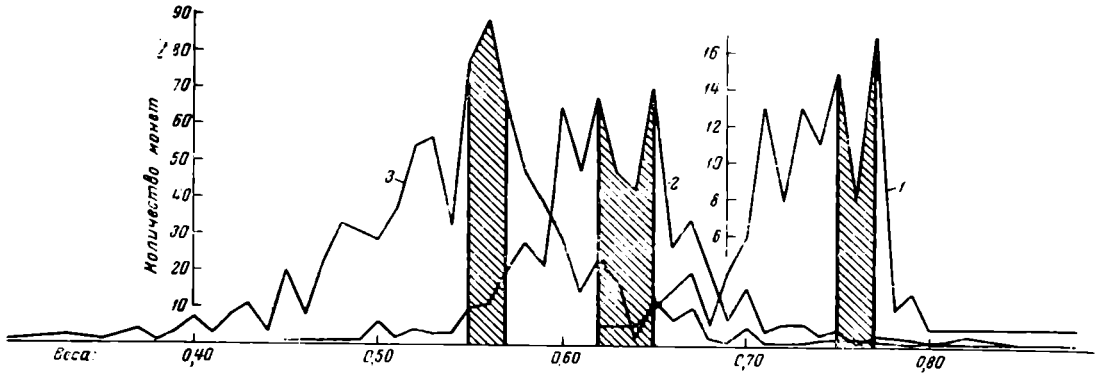


Рис. 1. Весовые диаграммы монет

1 — Шадибека (0,75—0,77 *г*); *2* — Дервиша (0,62—0,65 *г*.); *3* — Гиас-эд-Дина (0,55—0,57 *г*)

дальнейшее снижение веса монет стало невозможным, иначе монеты чеканки разных лет ходили бы по разному курсу. Что касается неопределенных монет, представленных в таблице, то они, по-видимому, были в основном монетами, относящимися ко времени правления последних ханов (судя по их весовой норме).

Анонимные монеты интересны тем, что они чеканены с обеих сторон штемпелем обратной стороны монет Дервиша и Кадер-бирди. Это определяет их дату. Кроме того, они чеканены по весовой норме, установившейся при Дервише, следовательно, они не старше 1417 г. По всей вероятности, эти монеты чеканились во время смуты, когда было неизвестно, кто займет престол. Враждовавшие между собой сын Тохтамыша Кадер-бирди и Едигей были убиты. Дервиш хан, выдвинутый ханом в восточных улусах в последний год жизни Едигея, видимо, тоже погиб (больше его имя не упоминается).

Во всяком случае, при посещении Гильбертом де-Ланноа «Татарии» в начале 1421 г. в Орде не было хана [5].

На исходе 1421 г. ханом стал Улу Мухаммед и в Болгаре начали чеканить монеты от его имени. В кладе период 1419—1421 гг., возможно, представлен описанными выше анонимными монетами.

Изучение клада из с. Татарские Измери дало возможность установить несколько десятков новых типов монет, неизвестных ранее. Так, если у Х. М. Френа монеты хана Кадер-бирди были представлены всего одним типом, то в нашем кладе их насчитывается до 15 типов (рис. 2, *23—35*).

Монеты хана Дервиша вместо известных 16 типов представлены 28 типами (рис. 2, *7—15*).

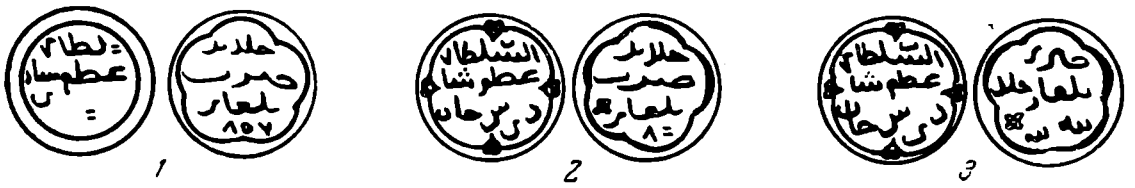
В кладе есть одна интересная монета хана Чокре, на обратной стороне которой имеется надпись «чеканено в Сарае», хотя эта монета по весу и стилю надписи лицевой стороны относится к болгарской чеканке (монета № 6). Можно предположить, что штемпель обратной стороны был привезен из г. Сарая [6]. Болгарская чеканка всех остальных монет клада не вызывает сомнений.

---

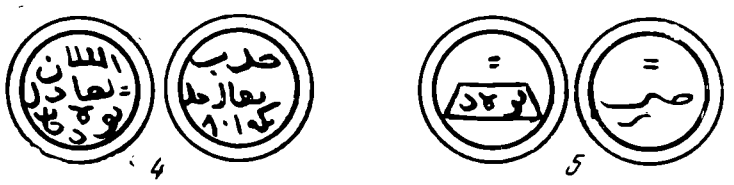
[5] Путешествие Гильберта де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 гг. «Университетские известия», 10, Киев, 1873.

[6] Аналогичные монеты хана Пулада имеются в собрании ГИМ.

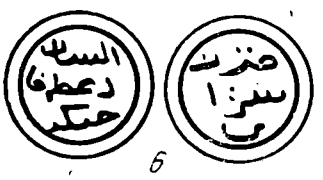
Шадибек (1400-1407 г.г.)



Пулад (1407-1411 г.г.)



Чокре (1412-1414 г.г.)



Дервиш (1419 г.)

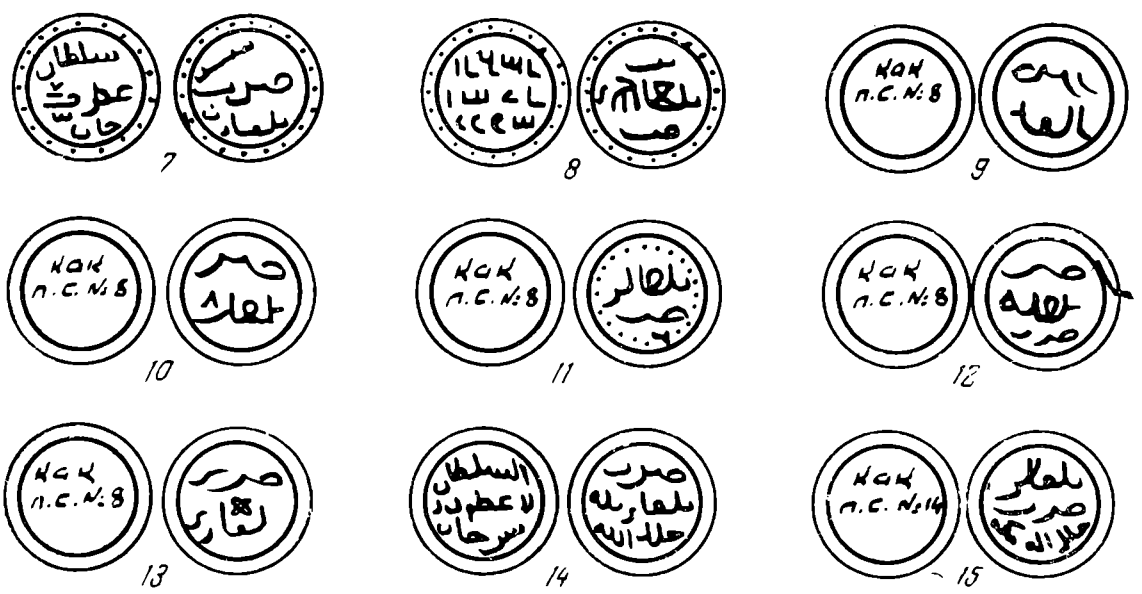
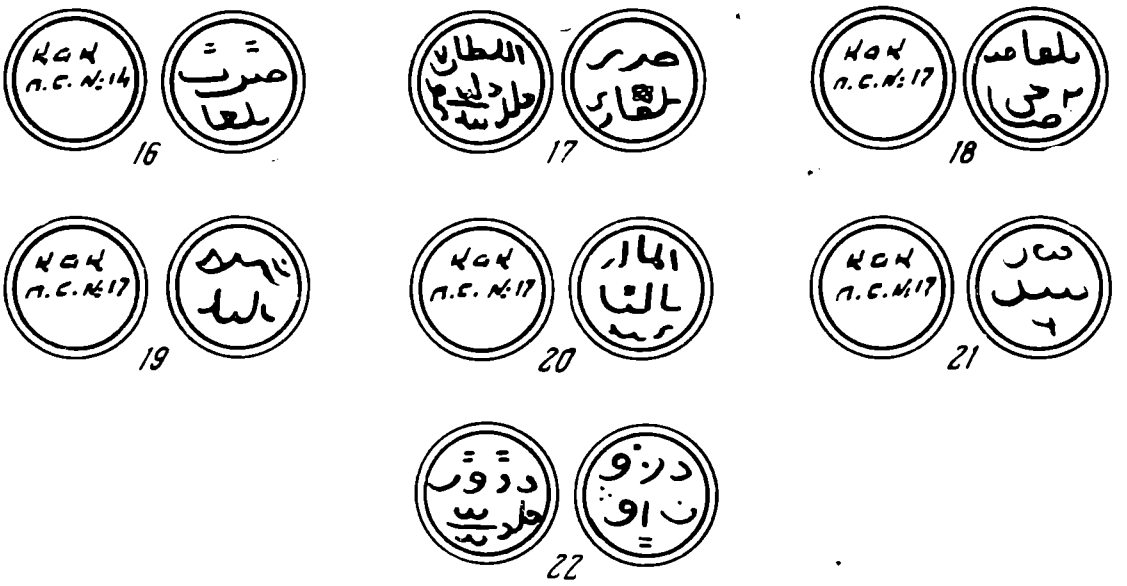


Рис. 2

* * *

Если клад из с. Татарские Измери был в основном болгарской чеканки (Иски-Казань), то монеты клада из с. Караульная Гора чеканены в нескольких городах и, естественно, по разным весовым нормам. В табл. 2 показано, какими правителями чеканены монеты этого клада, в каких городах и по каким весовым нормам.

При сравнении монет Улу Мухаммеда, чеканенных в г. Болгаре, из обоих кладов (табл. 1 и 2) привлекает внимание то, что монеты в обоих



Кадер-Бирди (1419г)

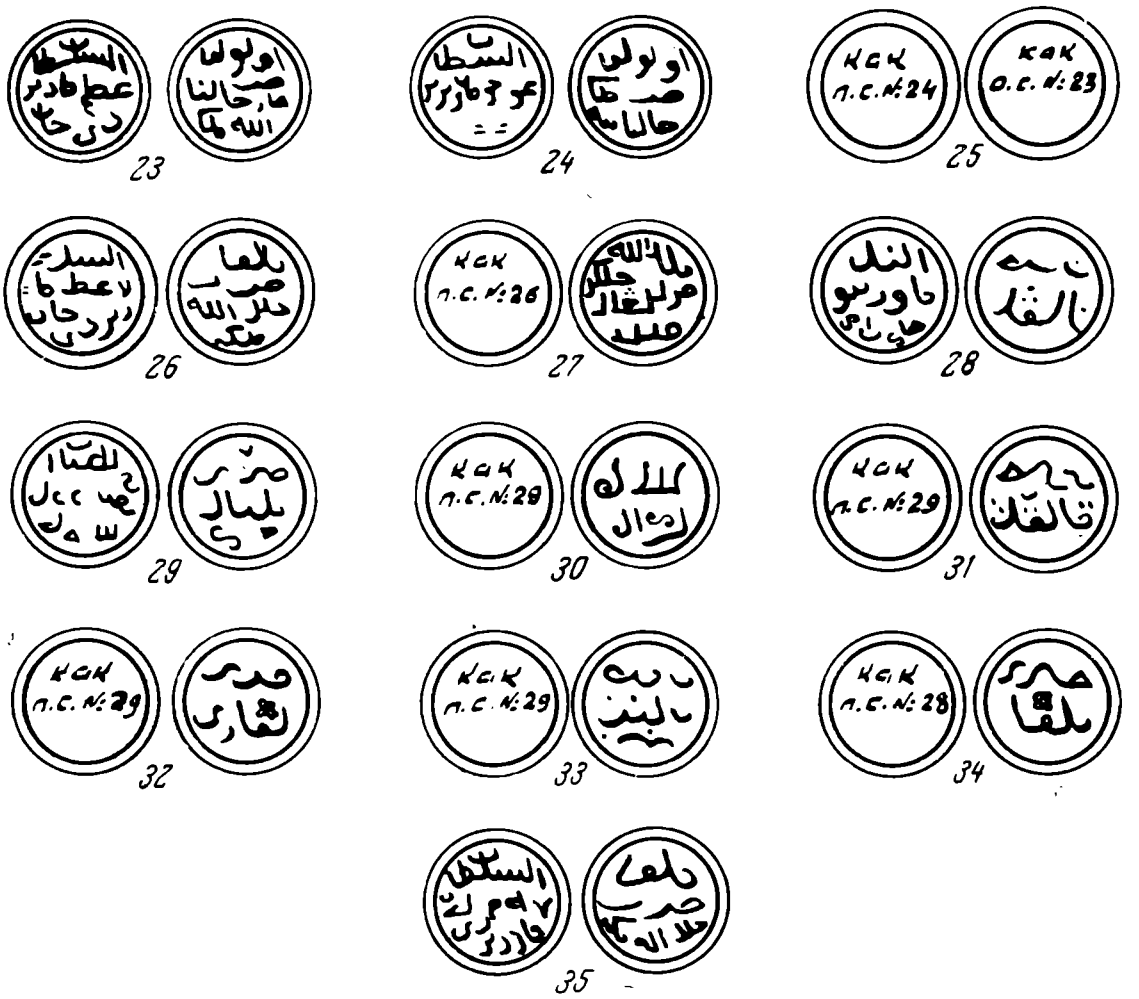
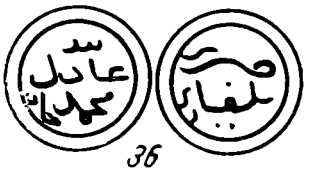
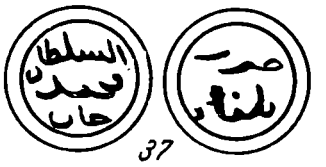


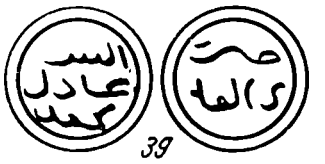
Рис. 2

Улу - Мухаммед (1421-1422 гг)

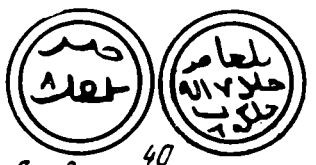

36


37

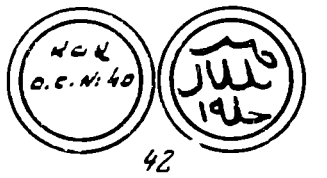
38

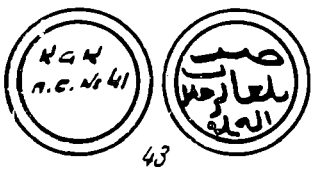

39

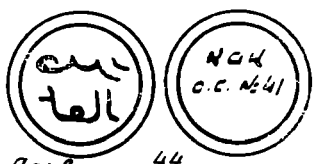
Анонимные монеты (1499-1421 гг ?)


Дервиш О.С.№10 40

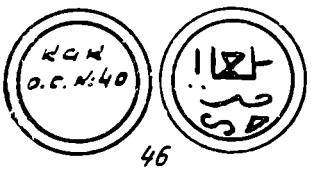
Дервиш О.С.№11 41


42

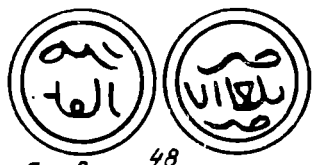

43

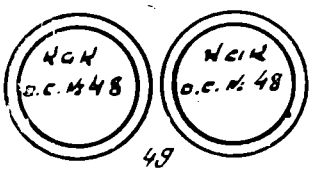

Дервиш О.С.№9 44

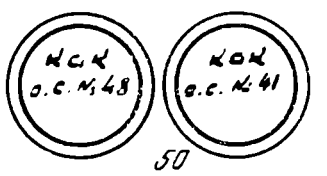
Мухаммед О.С.№39 45 Дервиш О.С.№12


46

Дервиш О.С.№9 47


Дервиш О.С.№9 48


49


50

О.С.№13,32 51

О.С.№19,28 52

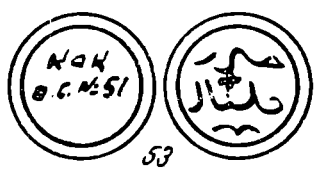
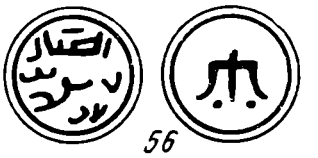

53

Рис. 2

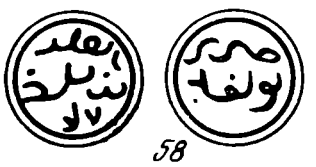
Гиас-эд-дин (1422-1425 г.г.)

54

55


56

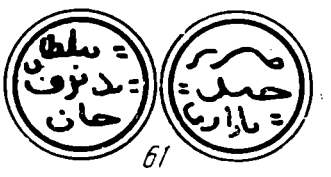
57

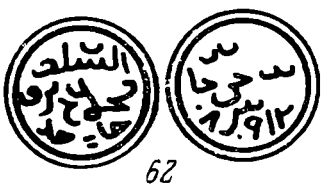

58

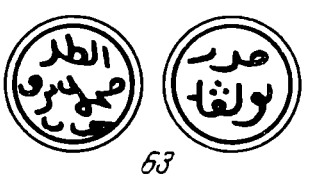
Барак (1425-1427 г.г.)

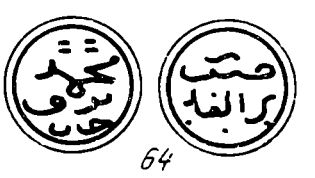
59

60


61

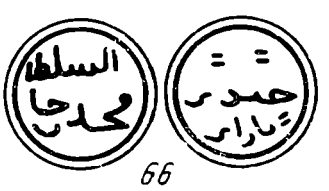

62

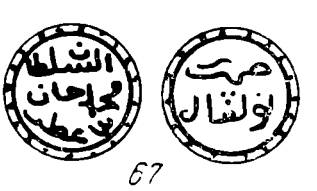

63


64

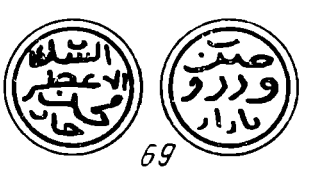
Улу-Мухаммед (с 1425 г.)

65

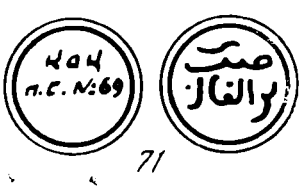

66


67

68


69

70


71

72

73

Рис. 2

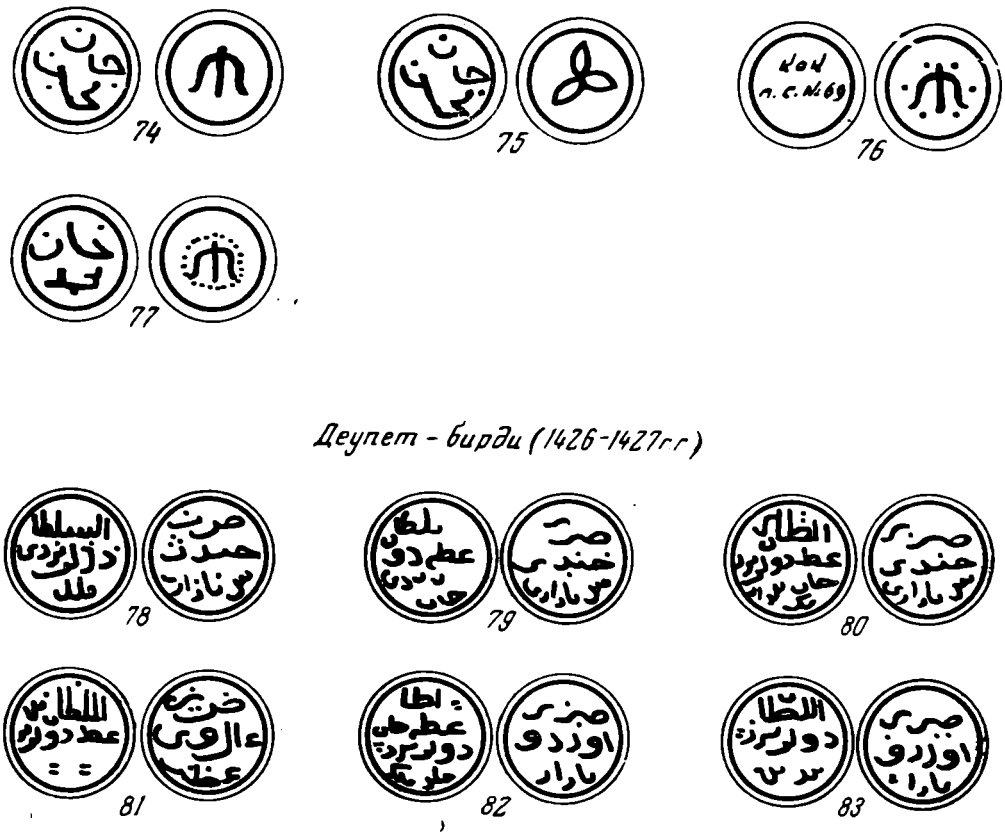


Рис. 2

кладах чеканены по разным весовым нормам. Это для первого клада 0,62—0,65 *г*, а для второго клада 0,55—0,57 *г*. Таким образом, выявляются две группы монет Улу Мухаммеда: I группа — монеты, чеканенные по весовой норме 0,62—0,65 *г*, и II группа — монеты, чеканенные по весовой норме 0,55—0,57 *г*. Хронологически они отделяются друг от друга временем, в течение которого, как покажем ниже, чеканились монеты ханов Гиас-эд-Дина и Барака, но это весовое изменение является не результатом незаметного снижения веса монет с течением времени, а следствием других причин, о которых будет сообщено далее.

Как уже было сказано, в начале XV в. ханом Шадибеком была проведена реформа, по которой чеканка дирхема сарайской весовой нормы[7] 1,42 *г*, введенная еще реформой Тохтамыша, была снижена до 1,13—1,14 *г*, а в Волжской Болгарии монеты начали чеканиться по еще более низкой весовой норме — 0,75—0,78 *г*.

Однако, если проследить весовые нормы чеканки монет конца XIV в., оказывается, еще начиная с Бек-Пулада (1391—1393 гг.), монеты в некоторых городах Золотой Орды (в Крыме) начинают чеканиться по весовой норме 1,13—1,14 *г*. В Волжской Болгарии обрезывание монет под вес 0,7—0,8 *г* практиковалось уже в период правления хана Тохтамыша[8].

Вопрос о происхождении болгарской весовой нормы чеканки монет 0,75—0,78 *г* еще не выяснен. Если допустить, что эта весовая норма взята как фракция золотоордынского мискаля (4,55 *г*), то получается, что шесть болгарских монет по 0,76 *г* составляют один мискаль. Кажется весьма вероятным, что это весовое отношение соответствует действительности.

Какое же отношение могло быть между сарайскими и болгарскими монетами начала XV в.? Как мы уже убедились, шесть болгарских монет

---

[7] Сарайская весовая норма — здесь и далее подразумевается весовая норма чеканки монет Сараем и теми городами Золотой Орды, которые чеканили монеты по весу монет Сарая.

[8] Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет. НЭ, IV, М., 1964, стр. 182.

Таблица 2

Весовые нормы монет городов Золотой Орды 1422—1436 гг. (состав клада из дер. Караульная Гора)

Правители	Место чеканки	Весовые нормы чеканки монет (по диаграммам), *г*	Количество монет, непосредственно составляющих весовую норму	Количество монет, по весу близких к весовой норме	Самая легкая и самая тяжелая монета, *г*
Шадибек	Болгар			6	
Пулад	»			2	
Тимур	»			1	
Джелаль-эд-Дин	»			1	
Кибек	»			1	
Чокре	»			2	
Дервиш	»			3	
Гиас-эд-Дин	о. с. Тарак Тамга	0,55—0,57	130	638	0,26—0,82
	Болгар	0,48—0,53	79	219	0,33—0,88
Мухаммед-Барак	»	0,51—0,53	43	159	0,36—0,86
	Хел-Бирди-базари, Джиди-бик-базари, Хаджи-Тархан	0,81—0,85	7	19	0,68—1,08
Улу Мухаммед	Дом высочайший	0,88—0,90	15	49	0,65—1,00
	Сарай	0,88—0,89	7	21	0,81—1,04
	Хаджи Тархан	0,84—0,89	14	39	0,78—1,04
	Джиди-бик-базари	0,88, 0,97		2	
	Урду базари (болгарск.)	0,52—0,56	14	41	0,43—0,72
	о. с. Тарак Тамга	0,52—0,55	27	91	0,41—0,81
	о. с. Тамга трилистье	0,53—0,55	2	6	0,51—0,62
	Болгар	0,52—0,53	115	684	0,30—0,89
Деулет-бирди	Дом высочайший	0,85—0,91	6	16	0,69—0,97
	Джиди-бик-базари	0,84—0,86	27	109	0,58—1,22
	Урду базари (Сарайск)	0,88—0,90	2	5	0,87—0,95
Неопределенные по ханам	Болгары	0,50—0,51	81	560	0,24—0,95
	о. с. Тарак Тамга	0,51—0,57	59	114	0,32—0,90
	Сарай и другие южные города	0,85—0,91	25	55	0,54—1,29

весили один мискаль, а сарайских монет по 1,14 *г* на один мискаль приходится четыре штуки ($^1/_4$ мискаля).

Отношение сарайских и болгарских монет таково: три болгарских монеты по 0,76 *г* приходится на две сарайские монеты по 1,14 *г* ($^1/_6 : {}^1/_4$; 1 : 1,5).

Как видно из приведенных таблиц, болгарские монеты с течением времени фальсифицировались, снижались в весе.

Не нарушается ли при этом весовое отношение между сарайскими и болгарскими монетами? Обратимся к табл. 3.

Представленные в табл. 3 весовые данные ясно показывают, что отношение 1 : 1,5 между болгарскими и сарайскими монетами сохраняется.

Как было уже отмечено, снижение весовой нормы от 0,75—0,78 *г* прекращается при правлении хана Дервиша и уже вес монет 0,62—0,65 *г* держится до правления Улу Мухаммеда.

К этому времени денежное дело Золотой Орды имело более чем полуторастолетний опыт. Поэтому стремление правителей любыми путями восстановить расшатанное денежное дело Золотой Орды, в том числе Болгара, не может удивить. Тем более дальнейшее снижение весовой нормы чеканки монет, как было уже сказано, становилось, очевидно, невозможным, иначе монеты разных периодов ходили бы по разному курсу.

Таблица 3

Весовые отношения между болгарскими и сарайскими монетами в первой четверти и начале второй четверти XV в.

Имя хана и годы правления	Весовые нормы чеканки монет Болгара (данные Измериевского клада), *г*	Чеканка монет по сарайской весовой норме (данные из собрания ГИМ), *г*	Отношение весовых норм болгарских и сарайских монет	Отношение болгарских и сарайских монет как, фракций мискаля, 4,55 *г*
Шадибек (1400—1407)	0,71—0,77	1,13—1,14	0,76—1,14 ≈ 1 : 1,5	1/6 : 1/4
Пулад (1407—1411)	0,70—0,75	1,11—1,13	0,75 : 1,12 ≈ 1 : 1,5	Нарушено
Тимур (1411—1412)	0,68—0,72	1,03—1,10	0,72 : 1,08 ≈ 1 : 1,5	»
Джелаль-эд-Дин (1411—1412)	0,66—0,70	1,05—1,08	0,70 : 1,05 ≈ 1 : 1,5	»
Кибек (1413)	0,67—0,69	1,00—1,02	0,69 : 1,03 ≈ 1 : 1,5	»
Чокре (1412—1414)	0,65—0,67	1,01—1,03	0,67—1,00 ≈ 1 : 1,5	»
Дервиш (1417)	0,62—0,65	0,98—1,02	0,65 : 0,97 ≈ 1 : 1,5	»
Кадер-бирди (1419)	0,62—0,65	—	—	
Улу Мухаммед I гр. (1421—1422)	0,62—0,65	0,88—0,90 *	0,57 : 0,85 ≈ 1 : 1,5	1/8 : ?
Гиас-эд-Дин (1422—1425)	0,55—0,57 *	—	—	
Улу Мухаммед II гр. с 1425 г.	0,55—0,57 *	0,88—0,90 *	0,57 : 0,85 ≈ 1 : 1,5	1/8 : ?
Сеид-Ахмед с 1433 г.	—	0,67—0,74	—	1/8 : 1/6

* Данные из клада дер. Караульная Гора.

Были приняты какие-то меры с целью задержать падение веса монет. Иначе трудно объяснить поразительное скопление монет нескольких правителей Измериевского клада именно на весовой норме 0,62—0,65 *г*. Чувствуется явное стремление выпускать монеты именно по данному весу, что бывает редко. Это могло быть следствием «высочайшего указа». Однако называть эти изменения реформой мы еще не можем, потому что наряду с монетами новой весовой категории имело место обращение старых монет. Реформы же в Золотой Орде 1310, 1380 и 1400 гг. проводились путем запрещения старых монет и резким изменением типа новых монет, чтобы они были легко отличимы от старых [9].

В кладе из дер. Караульная Гора примечательны монеты хана Гиас-эд-Дина. Это имя среди ханов Золотой Орды XV в. по монетам до сих пор было неизвестно. Кто был этот хан? В «Родословии тюрков» (анонимное сочинение середины XV в.) перечисляются золотоордынские ханы, в их числе под № 38 упоминается Гиас-эд-Дин, сын Шадибек хана [10]. В «Списке устроителя мира» Гаффари (умер в 1567 г.) говорится, что «...и другие огланы вроде Чаку сына Дервиша, сына Алахи и Гиас-эд-Дина сына Шадибек хана правили недолгое время [11].

Известны монеты середины XV в., чеканенные в Хаджи Тархане от имени «Мустафы, сына Гиас-эд-Дина — хана» [12].

Монеты Гиас-эд-Дина в кладе представлены в довольно большом количестве (857 шт.). Как и другие болгарские монеты первой четверти XV в., они не датированы. Поэтому определение времени чеканки его монет усложняется.

Известно о борьбе Гиас-эд-Дина против Улу Мухаммеда, которого Гиас-эд-Дин заставлял отойти к Крыму. Но Гиас-эд-Дин правил очень

---

[9] См. Г. А. Федоров-Давыдов. Основные периоды развития денежного обращения...

[10] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, М.— Л., 1941, стр. 209.

[11] Там же, стр. 212.

[12] C. M. Fraehn. Recensio numorum Muhammedanorum. SPb., 1826.

недолгое время; вскоре на него напал Кичи Мухаммед и через год его уже не было в живых (в 841 г. х.= 1436/1437 гг.) [13].

Такая датировка устраивала бы нас и упрощала бы определение времени чеканки монет Гиас-эд-Дина, если бы не было некоторых усложняющих обстоятельств. Во-первых, монеты делятся по весу на две группы чеканки (см. табл. 2). Весовая норма чеканки первого периода 0,55—0,57 *г*, а второго — 0,48—0,53 *г*. Во-вторых, весовая норма чеканки первого периода немного тяжелее, чем весовая норма монет Улу Мухаммеда (0,52—0,56 *г*) и особенно Барака (0,51—0,53 *г*). С этими данными невозможно не считаться.

Учитывая неуклонное падение веса болгарских монет в XV в. и отсутствие хотя бы одного случая увеличения весовой нормы серебряных монет по сравнению с предшествующими выпусками, мы вправе, расположив монетные типы в порядке убывания их весовой нормы, признать этот порядок соответствующим хронологии этих типов. Таким образом следует, что монеты первого периода чеканки Гиас-эд-Дина были выпущены раньше, чем монеты Улу Мухаммеда и Барака.

Монеты же Гиас-эд-Дина, чеканенные по весовой норме 0,48—0,53 *г*, могли быть выпущены позже, т. е. именно в 1436—1437 гг.

Но в каких годах могли быть чеканены монеты Гиас-эд-Дина с весовой нормой 0,55—0,57 *г*? Имя монетного двора на них заменено так называемой «Тарак-Тамгой».

В восточных источниках, в которых описывается борьба Барака с Улу Мухаммедом, не упоминается о хане Гиас-эд-Дине (имеется в виду первая четверть XV в.). Но в борьбе Барака и Улу Мухаммеда участвовал и третий хан, оспаривающий власть в Орде в конце первой четверти XV в. Это Худойдат. Его деятельность, как нам кажется, довольно четко совпадает с периодизацией монет Гиас-эд-Дина из нашего клада. В Никоновской летописи от 31 августа 1422 г. говорится, что «царь Барак побил Кудойдата царя» [14]. В письме Витовта к магистру ливонского ордена он назван Кудайдахом [15]. Это или испорченное имя Гиас-эд-Дина хана или же татарское имя «Худайдат». Можно предположить, также, что арабская часть имени Худайдата была Гиас-эд-Дин.

Барак — сын хана Куюрчака, укрепившись, начинает борьбу за престол Золотой Орды. Как было отмечено выше, в Никоновской летописи от 31 августа 1422 г. сообщается о разгроме Кудойдата Бараком. По сообщению летописи, к 1423 г. Барак уже подходил с войсками к городу Одоеву на р. Упе [16] и отступил на восток.

Абдураззак Самарканди в 826 г. (15.XII.1422—4.XII.1423 г.) писал: «Барак оглан захватил орду Улу Мухаммед хана, и бóльшая часть улуса узбекского подчинилась и покорилась ему» [17]. Таким образом, выявляется маршрут похода Барак хана: он двинулся с востока (видимо, севернее Сарая, ибо лишь при обратной дороге столкнулся с ордой Мухаммеда). Барак разбил Худойдата, надо полагать, в болгарских землях, так как вскоре он напал на г. Одоев, и наконец, при отходе напал на орду Улу Мухаммеда и захватил ее. После ухода Барака на восток значительная часть западных земель вновь остается в руках Улу Мухаммеда, но болгарские земли, видимо, все же оставались в руках Худойдата. Он правил там в 1422—1425 гг. Чеканка монет от имени Улу Мухаммеда по весовой норме 0,62—0,65 *г* (I группа, см. табл. 1) была прекращена. Гиас-эд-Дин (Худайдат?) начинает чеканить монеты от своего имени и по новому весу.

---

[13] Akdes Nimet Kurat. Altin Ordu Kirim ve Turkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler, Stambul, 1940, стр. 27. В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 206.

[14] ПСРЛ, XI, стр. 238.

[15] А. Барбашев. Витовт — последние 20 лет княжения. СПб., 1891, стр. 190.

[16] ПСРЛ, XI, стр. 238.

[17] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 196.

Если после реформы Шадибека Болгар чеканил монеты по нормативному весу 0,76 *г* ($^1/_6$ часть мискаля — данек), то, как мы видим, после Шадибека вес серебряной монеты снизился, чем нарушилось отношение к мискалю, хотя отношение болгарских и сарайских монет между собой все время сохранялось. Гиас-эд-Дин же установил в Болгаре новый вес для серебряных монет — 0,55—0,57 *г*, т. е. $^1/_8$ часть мискаля.

857 монет Гиас-эд-Дина (33,1% из всего состава клада) имеют всего пять типов. Хотя его монеты не очень хорошей чеканки, но легко определяются по внешним признакам.

Такое большое количество монет, при немногочисленности типов, говорит об интенсивной чеканке их в сравнительно небольшой отрезок времени.

Обращает внимание то обстоятельство, что в таком довольно большом кладе монеты десяти ханов, правивших от Шадибека до Гиас-эд-Дина, представлены всего 16 монетами (0,6%). Невольно возникает мысль, что старые монеты были изъяты из обращения, запрещены.

На смену старым Гиас-эд-Дин выпустил новые монеты от своего имени по весовой норме 0,55—0,57 *г*. Чтобы они были легко отличимы от старых монет, на обратной стороне вместо «Чеканено в Болгаре» чеканилась так называемая «тарак тамга» (тамга — «гребень»).

Хотя старые монеты и были запрещены, в кладе есть монеты Улу Мухаммеда, чеканенные в 1422 г. в Хаджи-Тархане, и сарайские монеты, видимо, этого же времени. Отсюда вытекает мысль, что запрещение старых монет касалось только монет болгарской чеканки. Это и понятно: ведь влияние власти Гиас-эд-Дина распространялось только на Болгар, которым он владел. Все же, если вначале, непосредственно после реформы Шадибека, болгарские монетчики должны были ориентироваться на вес сарайского дирхема, то, судя по стройности весовой нормы болгарской чеканки к концу первой четверти XV в. (см. табл. 3), можно допустить, что весовая норма чеканки монет Сарая изменяется уже за Болгаром. Это объясняется тем, что к середине XV в. денежное обращение Нижнего Поволжья склоняется к упадку, а чеканка монет все снижается. Почти вся продукция чеканки городов Нижнего Поволжья уходила в Казанское ханство, где денежное обращение сохранялось. Естественно, монетчики из городов с Нижнего Поволжья вынуждены были ориентироваться на вес болгарских монет.

Развивая мысль о таких мероприятиях Гиас-эд-Дина, как изменение весовой нормы и типов монет, запрещение старых монет, произошла, можно сказать, денежная реформа, хотя, в отличие от других денежных реформ в Золотой Орде, она проводилась на ограниченной территории, а именно, в Волжской Болгарии.

Тот факт, что это была реформа, подтверждается и кладами, зарытыми в Волжской Болгарии в первой половине XV в.

Из известных нам 12 кладов[18], зарытых в этот период (берем только те клады, в которых имеются монеты болгарской чеканки, так как запрещение относилось только к болгарским монетам), 11 спрятаны до Гиас-эд-Дина, т. е. заметно интенсивное зарытие кладов к периоду правления последнего вследствие запрещения старых монет. В пяти из этих кладов младшими являются монеты Улу Мухаммеда, т. е. предшественника Гиас-эд-Дина. Лишь один клад (наш из дер. Караульная Гора) содержит монеты, начиная с Гиас-эд-Дина, т. е. чеканенные после реформы этого хана.

Сделав некоторые попытки укрепить свою экономику, Худойдат, видимо, возобновил свои усилия для захвата полной власти в Золотой Орде.

Литовский князь Витовт 1 января 1425 г. писал: «Достойный возлюбленный господин магистр! Мы не сомневаемся, что вы, как наш особенный друг, услышите с удовольствием, что татарское государство

[18] Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. НЭ, I, стр. 167—170; его же. Находки джучидских монет, стр. 117—118.

раздвоено и разделено, так что теперь там 6 государей, которые и борются за власть. Один из них Махмет, находится при нас, а другие живут в разных местах, так как их земли обширны» [19].

Мы знаем, что после ухода Барака в восточные улусы в Поволжье остались только Улу Мухаммед и Худойдат, следовательно побег Улу Мухаммеда в ставку литовского князя можно объяснить только тем, что он был выгнан из орды Худойдатом (Гиас-эд-Дином?) [20].

Однако успехи Худойдата длились недолго. В том же письме Витовт писал: «И вот случилось, что один хан по имени Кудандак вторгнулся в землю одоевского князя, а этот князь подчинен московскому великому князю, и хан три недели пробыл в одоевской земле, а оттуда двинулся к нашим границам, где пробыл 8 дней, и увидев, что ничего не может сделать, отправился в землю рязанских князей, которые в настоящее время послушны нам. И тогда наши князья, бояре и люди, которые живут на границе, собрались и пошли за ханом. И нагнавши его, сразились с ним в рязанской земле и выиграли битву, без больших потерь».

Видимо, поражение Худойдата было окончательным. «Это событие нас сильно обрадовало,— писал Витовт,— что милостивый бог даровал нам и нашим людям такое счастье, что они одержали такую блестящую победу, какой еще никогда не было, хотя и часто случались сражения».

Сражение было в 1424 г.; об этих же событиях сообщается и в русских летописях [21]. Витовт до этого в письме, написанном 22 июня 1424 г., сообщал магистру: «Мы пишем вам, как татарский царь по имени Махмет, наш друг (в) своей искренности сообщает нам, что со всем своим царством хотел вступить в союз с нашей страной...» [22]. Как мы видим, к 1 января 1425 г. Улу Мухаммед уже был у Витовта. Худойдат, очевидно, шел к границам Литвы по пятам Улу Мухаммеда.

После победы над Худойдатом Улу Мухаммед снова вернулся в Орду. По сообщению Эль-Айни, в 1425 г. он уже был царем в западных районах Золотой Орды [23].

К этому периоду, очевидно, относятся из клада монеты Улу Мухаммеда с тамгой «тарак» на обратной стороне, чеканенные непосредственно после монет Гиас-эд-Дина (Худойдата?) (монеты № 74—77), которые были с такой же тамгой. По весу эти монеты также очень сходны.

Но Улу Мухаммед царствовал недолго: «В 828 г. (23.XI.1424—12.XI.1425 гг.) Барак оглан захватил орду Мухаммед хана, царя узбекского и, овладев улусом, в 829 г. (13.X.1425—1.XI.1426 гг.) пришел в область сыгнакскую и к пределам владений мирзы Улугбека» [24],— писал Абдураззак Самарканди.

С этого времени начинается чеканка монет в Болгаре от имени Мухаммеда Барака.

В кладе из дер. Караульная Гора имеется одна монета Барака, чеканенная в Хаджи Тархане и датированная 829 г. (1425—1426), что совпадает с сообщением Абдураззака Самарканди (монета № 62).

Монет Барака в кладе, чеканенных в Болгаре, насчитывается 159 штук [25]. Монеты очень нечеткие, вследствие плохой чеканки. Многие типы имеют зеркально перевернутые легенды. Не только внешний вид плох, но и очень низок процент серебра.

---

[19] А. Барбашев. Ук. соч., стр. 190.
[20] М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1961.
[21] ПСРЛ, XI, стр. 239.
[22] А. Барбашев. Ук. соч., стр. 190.
[23] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., I, стр. 533.
[24] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., II, стр. 196.
[25] Монеты Барака (на монетах: «Мухаммед Барак») до этого не выделялись из монет Улу Мухаммеда. В собрании ГИМ они выделены С. А. Яниной как монеты хана Барака.

Монеты не датированы, как и другие болгарские монеты конца первой четверти XV в. На некоторых монетах видны довольно четкие русские и татарские надписи — следы перечеканки.

В кладе есть монеты князя Даниила Борисовича Суздальско-Нижегородского (15 шт.) и одна монета Василия Темного (1425—1462).

В нескольких перечеканенных монетах яснее читается имя Барака. Имя русского князя трудно поддается определению, но все же напоминает имя князя Даниила. Если это так, то эти монеты могут дать приблизительную датировку монет Барака, хотя монеты у самого Даниила Борисовича еще недостаточно изучены и плохо датируемы.

Относя монеты Даниила Борисовича с весовой нормой 0,53—0,63 *г* к III группе (они отличаются низкопробностью), Н. Д. Мец пишет: «С. И. Чижов относит эти монеты ко времени около 1423 г., но, как уже отмечено, они относятся к III группе и не могут чеканиться ранее княжения Василия II. О том же свидетельствуют акты, в которых Даниил Борисович именует себя великим князем позже 1423 г. Следовательно, все монеты с этим титулом правильнее будет относить ко времени Василия Темного, но не позже 1434 г., так как с этого времени тип монет Василия Темного изменяется [26].

Как известно, Василий Темный правил начиная с 1425 г. В 1425 г. Барак хан захватил орду Улу Мухаммеда, но к 1427 г. Улу Мухаммед вернул власть в свои руки. Следовательно, чеканка (видимо, и перечеканка) его монет могла производиться приблизительно только в этот отрезок времени. Эти факты дополняют и подтверждают друг друга, в том числе мнение Н. Д. Мец.

14 марта 1428 г. Улу Мухаммед в письме к турецкому султану Мураду II, перечислив вначале события прежних времен, писал: «Позже, после войны трон на некоторое время попал в руки Барака. В прошлом году с благословением бога ходили войною и заставили Барака с Мансуром удалиться» [27].

С этого времени, т. е. с 1427 г., начинается чеканка монет снова (в третий раз) от имени Улу Мухаммеда в Болгаре (очевидно, по весовой норме болгарских монет Гиас-эд-Дина — 0,55—0,57 *г*; табл. 2, монеты № 67—73). На некоторых монетах заметны следы перечеканки, как и у хана Барака. Это в некотором смысле их датирует: они не могли быть чеканенными до правления Барака. Монеты Улу Мухаммеда чеканились и в некоторых других городах.

Но к этому времени появляется другой претендент на престол — Деулет-бирди, который вначале завладел Крымом и далее Астраханью. В 831 г. (1427—1428) в Хаджи Тархане чеканились монеты с его именем [28].

В этом отношении очень интересен клад из дер. Караульная Гора, где представлены монеты и Улу Мухаммеда и Деулет-бирди, отражающие борьбу между ними. Так, есть монеты у обоих ханов, чеканенные в «Урду базари» по разной весовой норме: монеты Деулет-бирди чеканены по сарайской весовой норме (0,88—0,90 *г*), а Улу Мухаммеда — по болгарской (0,52—0,56 *г*). Это обстоятельство объясняется тем, что Деулет-бирди находился на юге, а Улу Мухаммед — в болгарских землях.

Иосафато Барбаро, видевший своими глазами ставки ханов, писал: «Лишь только хан изберет место для жительства своего, немедленно приступают к устроению базара, наблюдая притом, чтобы улицы были сколь

---

[26] Н. Д. Мец. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества. Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 313.

[27] Akdes Nimet Kurat. Ук. соч.

[28] Х. М. Френ. Монеты Улуса Джучиева. СПб., 1838, стр. 35.

можно шире». «При Орде во всякое время неотлучимо находятся сукновалы, кузнецы, оружейники и всякого рода мастеровые [29].

Выпуская монеты в своем Урду базари в болгарских землях, Улу Мухаммед, видимо, был вынужден чеканить их под вес болгарских монет (0,55—0,57 *г*), ориентируясь на местное денежное обращение.

В кладе встречаются некоторые новые названия центров чеканки монет. Это:

«Хел бирди базари» حل بردی بازاری

«Джиди (?) бик базари» جندی بیک بازاری

(монеты № 59, 66, 79).

Монеты с надписью «Хел бирди базари» и «Джиди бик базарий встречаются начиная с Барака. Они чеканены сарайской весовой нормои» однако с художественной стороны выполнены гораздо хуже, чем сарайске, и хаджитарханские монеты.

Еще в кладе имеются монеты с надписью на обратной стороне: ضرب عالوی معظم, которые встречаются только у Деулет-бирди и Улу Мухаммеда. Четкий, красивый каллиграфический почерк слова عالوی, надстрочность буквы «лям», где нужно было бы в слове «Урду» «ра», отсутствие буквы «у» в начале слова исключает чтение его как «Урду».

Мы видим, что и Деулет-бирди и Улу Мухаммед в борьбе за центральную власть выпускали монеты каждый в своей Орде, хотя один на юге, а другой на севере Золотой Орды. «Орда» перестала быть отражением единой, центральной власти. Чеканка монет с надписью عالوی отражает продолжение борьбы этих двух ханов. Нам кажется, надпись читается как «дом высочайший» (центральная часть). За точное этимологическое значение этого слова пока ручаться трудно, но ясно одно, что оно заменяет слово «Орда», так как слово «муаззам» (высочайший) употребляется на джучидских монетах именно с этим словом.

В письме Улу Мухаммеда к Мураду II значится место написания письма, напоминающее нашу надпись: اوردا اوزو یاقاسندا اوردا بتلدی т. е. «написано в Аруре» (اورو), когда Орда находилась у Узу (Днепра)»[30]. Слова عالوی и اورو очень напоминают друг друга. Тем более совпадает время чеканки монет со словом الوی и время написания письма. Возможно, это одно и то же слово. Монеты с такой надписью не датированы. Вначале их, по-видимому, выпустил Деулет-бирди. После победы над ним Улу Мухаммед выпустил такие же монеты (надпись буквально копирована с надписей монет Деулет-бирди). На севере в Казанском ханстве Улу Мухаммед их выпускать не мог, потому что они чеканены по весовой норме Сарая (0,85—0,90 *г*).

---

[29] В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, стр. 31.

[30] Akds Nimet Kurat. Ук. соч.

В. И. КУРЛОВ

ПОРТНАЯ ПАЛАТА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Одностолпные палаты получили на Руси широкое распространение в XVI—XVII вв., однако изучению этих сооружений не уделяли до сих пор должного внимания; так, например, мало исследован вопрос их происхождения. Обычно одностолпные палаты связывают с монастырскими трапезными, тогда как на самом деле они имели гораздо более широкое применение. Не освещен в литературе и вопрос эволюции одностолпных палат, которые более чем за 250-летний период строительства несомненно претерпевали изменения.

Настоящая статья посвящена Портной палате Соловецкого монастыря — одному из поздних одностолпных гражданских сооружений,— которая вместе с другими зданиями монастыря свидетельствует о значительном влиянии на архитектуру Севера зодчества центральных областей Русского государства середины XVII в.[1]. Изучение этого памятника позволяет ознакомиться с одним из этапов мало изученной истории строительства Соловецкого ансамбля, а также дает возможность сделать некоторые выводы о всем периоде применения у нас одностолпных палат.

Стоящая у северной крепостной стены монастыря двухэтажная одностолпная Портная палата (рис. 1, *5*) построена по указу царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета в 1642 г. в правление игумена Маркелла[2].

О построении существующей Портной палаты в Соловецком Летописце говорится: «В лето 1643 г. построена портная швальня каменная, со своды одностолпная, под ней два жилья: в одной половине живут рубашечные швали недоросли, а в другой Николаевских врат караульщики»[3].

Входы в палату расположены с севера, из обширных двухэтажных сеней, пристроенных к палате позднее, поскольку они не значатся при Портной швальне в монастырской описи 1644 г.[4]. Поскольку сени вряд ли были построены во время осады монастыря в 1668—1676 гг., следует полагать, что первоначально имелось лишь деревянное крыльцо, ведшее на второй этаж в портную мастерскую, а сени появились не позднее 1668 г. и еще не доходили до монастырской стены, что подтверждается планом 1790 г. (рис. 1)[5], на котором Портная палата показана отдельно стоящей.

В описи 1705 г. также сообщается: «...да под платяной шваленной полатою мастерская, а в ней столярного дела резец Панфила Ларионов

[1] Это влияние выразилось в применении на фасадах Портной палаты выложенных из кирпича богатых узоров, совершенно не свойственных для монастырских построек второй половины XVI и начала XVII в.

[2] Досифей. Описание Соловецкого монастыря, I, М., 1836, стр. 252.

[3] Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790, стр. 49. Караульщики помещались скорее всего в ближней к воротам восточной половине.

[4] ЦГАДА, ф. 1201, № 445, л. 185 об.

[5] ЦГВИА, ф. 418, № 103. Составлен советником Олонецкого правления Арсеньевым несомненно с использованием плана XVII в.; А. Фомин. Описание Белого моря. СПб., 1797, стр. 20.

сын» [6]. В этой описи есть ценное указание о количестве окон палаты: «...в той же палате шастнадцать окон больших, в них окончины слюдные в железе» [7].

Портная палата изображена на многих иконах и гравюрах XVII — начала XVIII в., но показана она на них большей частью схематично.

Лучше всего Портная палата изображена на гравюре 1744 г. (рис. 2) [8]. Здесь мы видим угловые лопатки здания, междуэтажную тягу, двускатную крышу и, кроме того, еще ряд важных деталей: пояс, отделяющий щипец

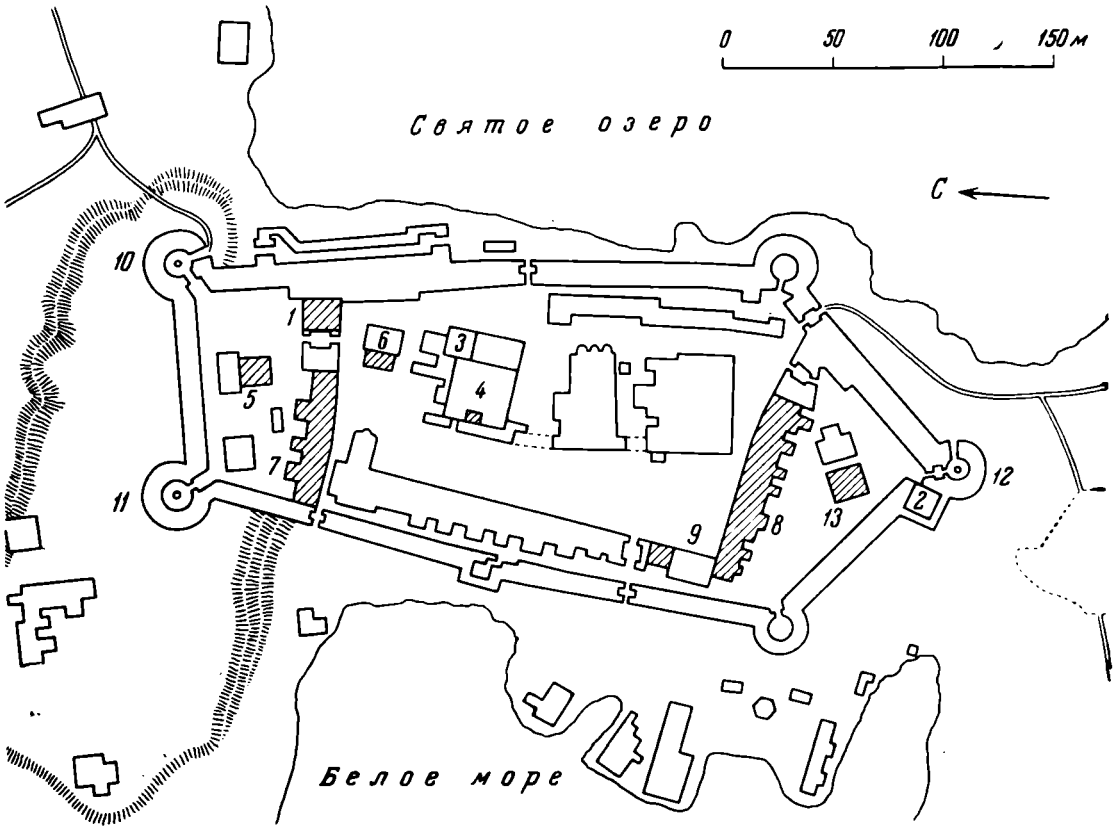


Рис. 1. План Соловецкого монастыря 1790 г.

1 — Рыбный погреб XVI в., над ним Рухлядная палата XVII в.; *2* — Сушильная палата XVI в.; *3* — Келарская палата 1552—1557 гг.; *4* — Трапезная палата 1552—1557 гг., над нею колокольня XVII в.; *5* — Портная палата 1642 г.; *6* — Казенная палата 1619 г. с каменными сенями середины XVII в.; *7* — Рыбные кельи XVII в.; *8* — Мельничные кельи XVII в.; *9* — Благовещенские кельи XVII в.; *10* — Никольская башня XVI в.; *11* — Корожная башня XVI в.; *12* — Сушильная башня XVI в.; *13* — Мельничный корпус XVI в., расширен и надстроен в XVII в.

главного фасада, тесовые кровли и дымовую трубу. Показанные на гравюре сени находятся под одной кровлей с палатой и занимают все пространство от нее до крепостной стены. Западная стена сеней имеет отступ внутрь от плоскости западного фасада палаты. Кроме того, к сеням с западной стороны примыкают два перехода, соединяющие Портную палату с Чоботной палатой и идущие вдоль крепостной стены. Один переход у стены двухэтажный, другой — в виде примыкающей к первому одноэтажной аркады. Оба перехода покрыты односкатными крышами.

На западной стене сеней находятся пять окон: нижние два служили, вероятно, для освещения второго этажа, а три верхних относятся к третьему этажу. Фронтон главного южного фасада снабжен двумя рядами чердачных окон. Четыре нижних сохранились до нашего времени.

---

[6] Опись 1705 г., л. 323 об.
[7] Там же, л. 299.
[8] Д. Ровинский. Виды Соловецкого монастыря. СПб., 1884, л. 3.

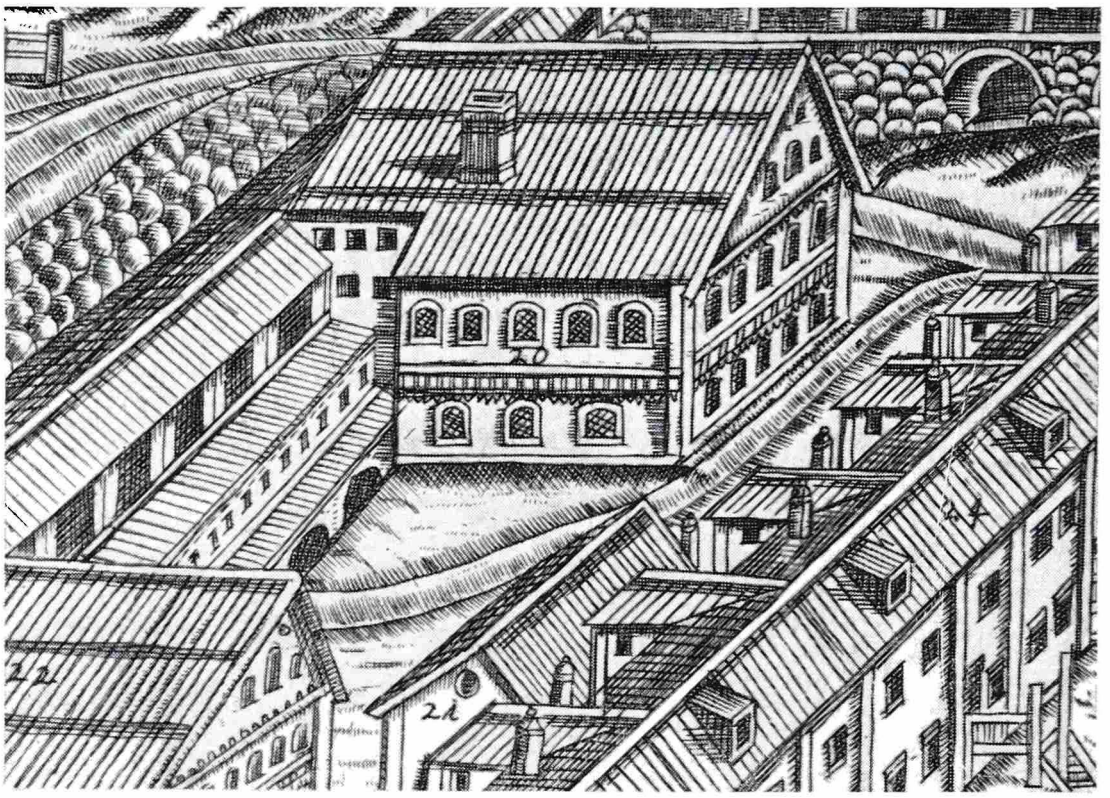


Рис. 2. Изображение Портной палаты на гравюре 1744 г.

На гравюре 1772 г.[9] уже отсутствуют переходы между Чоботной и Портной палатами, тогда как на гравюре 1768 г. они еще существуют[10]; очевидно, их разобрали около 1770 г. за ненадобностью в связи с переводом чоботной мастерской в Портную палату.

Два верхних чердачных окна на фронтоне главного южного фасада на изображениях XIX в. уже отсутствуют; они были уничтожены во время перестроек 1798 и 1804 гг. К этому времени относится растеска окон и приданне им современной формы.

Изображение палаты на гравюре 1800 г.[11] почти совпадает с гравюрой 1744 г., за исключением отсутствия переходов к Чоботной палате и наличия ограды тюремного двора, примыкающей к юго-западному углу палаты и сделанной в 1798 г. при переделке Чоботной палаты под тюрьму. На гравюре более правильно показаны окна западного фасада сеней: видна арка первого этажа и два окна второго, закрытые ранее переходами. На тесовой крыше показаны слуховое окно и труба, смещенная к коньку. В начале XIX в. палата была покрыта железом. Серьезное событие в жизни памятника произошло в 1818 г. и отмечено в Соловецком Летописце: «Тогож года по случаю пожара в острожном строении, от неосторожности инвалидной команды погорели с северной стороны две башни, монастырская ограда и столярный корпус, что все совершенно починкою исправлено 1820 года»[12].

На рубеже XIX и XX вв. к палате с запада и востока, вплотную к сеням, пристраиваются трехэтажные корпуса под одну крышу, причем были сломаны фронтон северной стены сеней и двускатная крыша над ними. К 1924—1939 гг. относится, вероятно, разделение второго этажа надвое и устройство плоского потолка; в 1954 г. в сенях была сломана лестница и проведено отопление в восточную половину обоих этажей здания.

---

[9] Д. Ровинский. Виды Соловецкого монастыря. СПб., 1884, л. 3.
[10] Там же, л. 7.
[11] Д. Ровинский. Ук. соч., л. 11.
[12] Летописец Соловецкий. СПб., 1833, стр. 140.

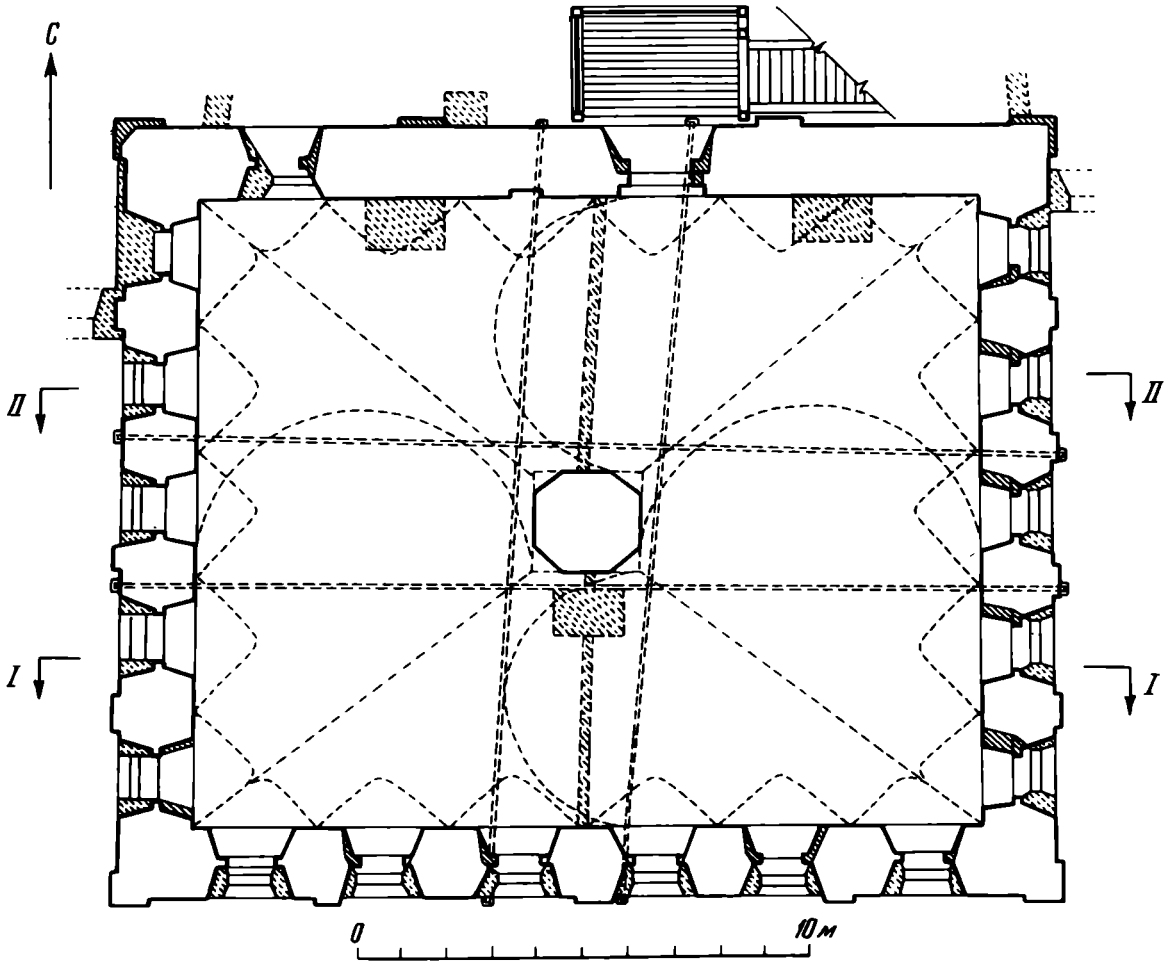


Рис. 3. План II этажа Портной палаты. Проект восстановления

Близкое к квадрату в плане здание Портной палаты имеет размеры 18,7 × 21 *м* [13]. Первый этаж разделен стеной толщиной 70 *см* на два помещения (восточное и западное), перекрытые цилиндрическими сводами в два кирпича. Весь второй этаж (рис. 3) занят одним помещением, где собственно и располагалась портная швальня. Перекрыт этот этаж четырьмя цилиндрическими сводами толщиной в два кирпича. Своды имеют распалубки и опираются на стены и центральный столп. Последний представляет в сечении не вполне правильный восьмиугольник с апофемой 240—250 *см*.

Разрез Портной палаты и ее незастроенные фасады с хорошо сохранившимися деталями (рис. 4, 5 и 6) дают достаточное представление о характере архитектуры, а проведенное исследование памятника в натуре позволяет полностью восстановить его первоначальный облик [14]. Прежде всего это относится к оконным проемам, которые первоначально имели три типа арочных перемычек (рис. 7). Тип I повторяет профиль плана окон (в первом этаже западного и восточного фасадов). Тип II — с добавлением напуска с фасадной стороны (в первом этаже южного фасада и во втором этаже западного). Тип III — с напусками и с фасадной и с внутренней стороны (во втором этаже восточного и южного фасадов).

[13] Приводимое дальше описание современного состояния памятника относится к августу — сентябрю 1955 г., когда автором настоящей статьи были проведены его обследования и обмеры. См. Соловецкий монастырь. Обмеры Портной и Чоботной палаты. ЦНРМ, шифр. 88, инв. № 111, М., 1958.

[14] Соловецкий монастырь. Проект реставрации Портной и Чоботной палаты 1642 г. ЦНРМ, шифр 88, папка I и III, инв. № 129 и № 130, М., 1959. Автор проекта архитектор В. И. Курлов.

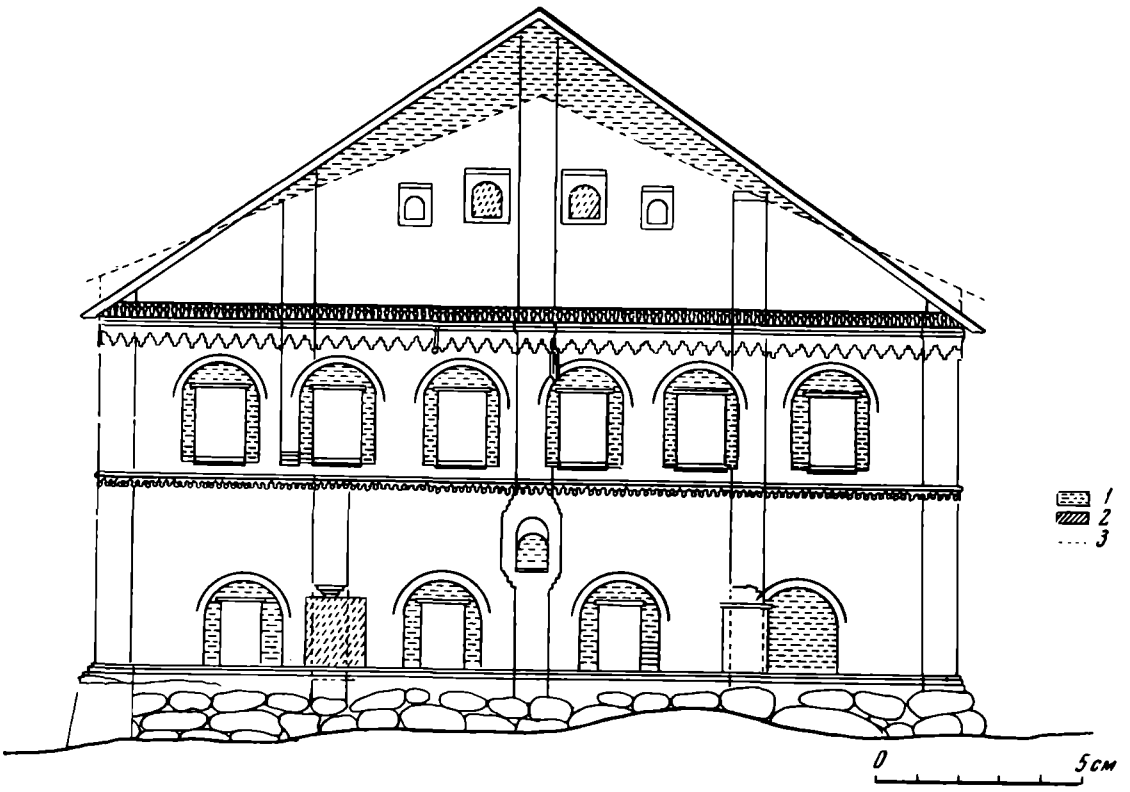


Рис. 4. Южный фасад Портной палаты. Обмер; пунктиром показан щипец 1798 г.
1 — ранние закладки; *2* — современные закладки; *3* — утраченные части

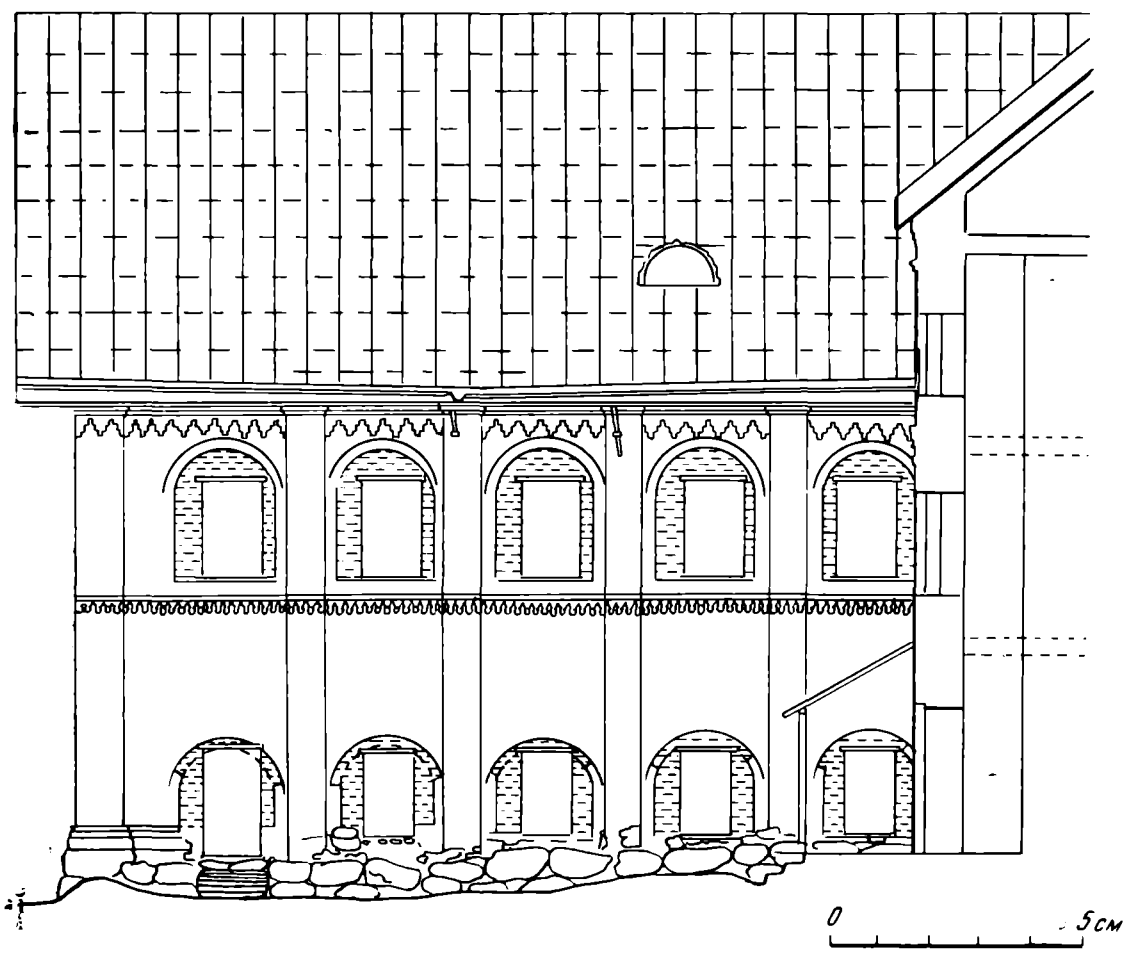


Рис. 5. Восточный фасад Портной палаты. Обмер
штриховкой обозначены закладки; пунктиром — утраченные части

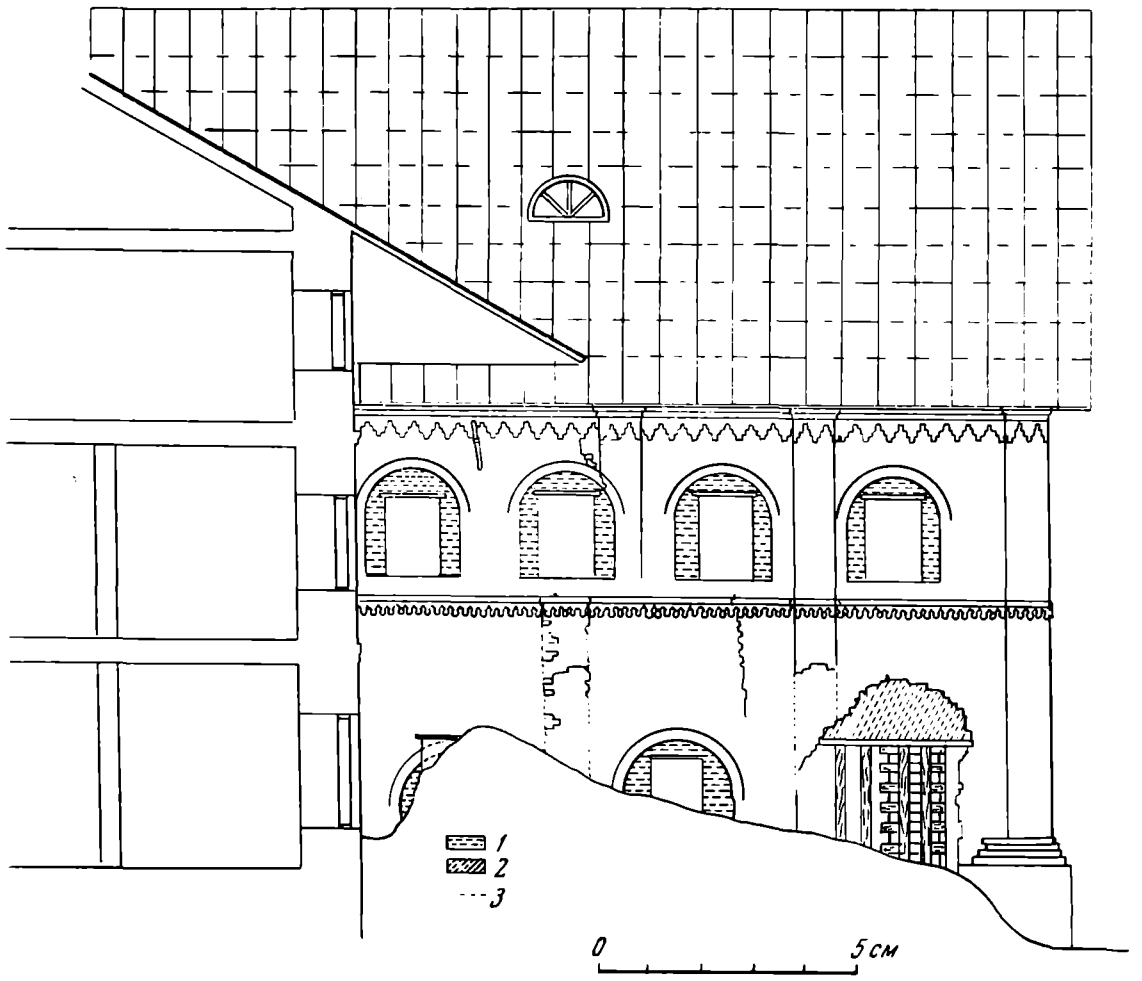


Рис. 6. Западный фасад Портной палаты. Обмер

1 — ранние закладки; *2* — современные закладки; *3* — утраченные части

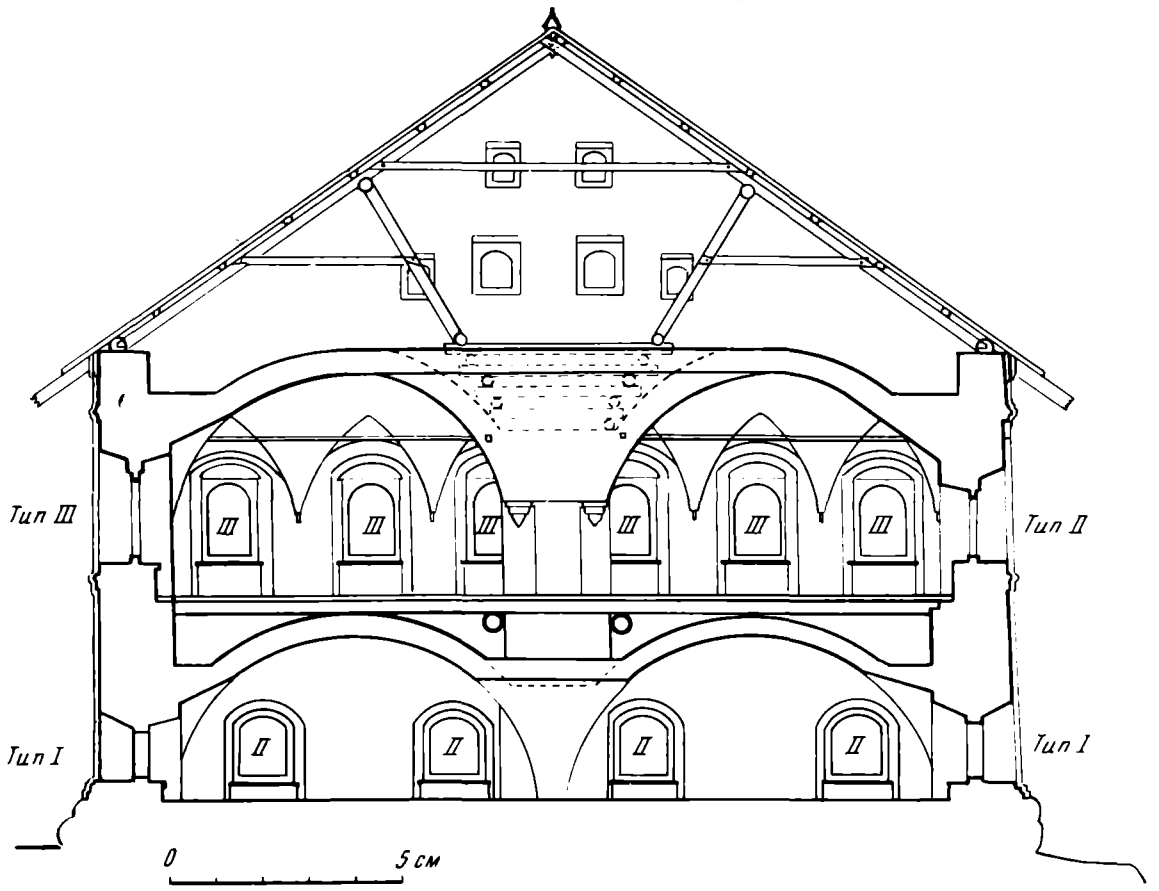


Рис. 7. Разрез Портной палаты по II—II. Проект восстановления

Щипцы южного и северного фасадов повышаются с устройством второго ряда чердачных окон на основании рисунков и гравюры 1790 г., а также сохранившихся на чердаке следов двух переделок. Первая относится к 1798 г., она была, возможно, вызвана ветхостью крыши и сопровождалась значительным уменьшением уклона, в связи с чем уменьшилась высота щипцов и был сломан верхний ряд чердачных окон. Под совре-

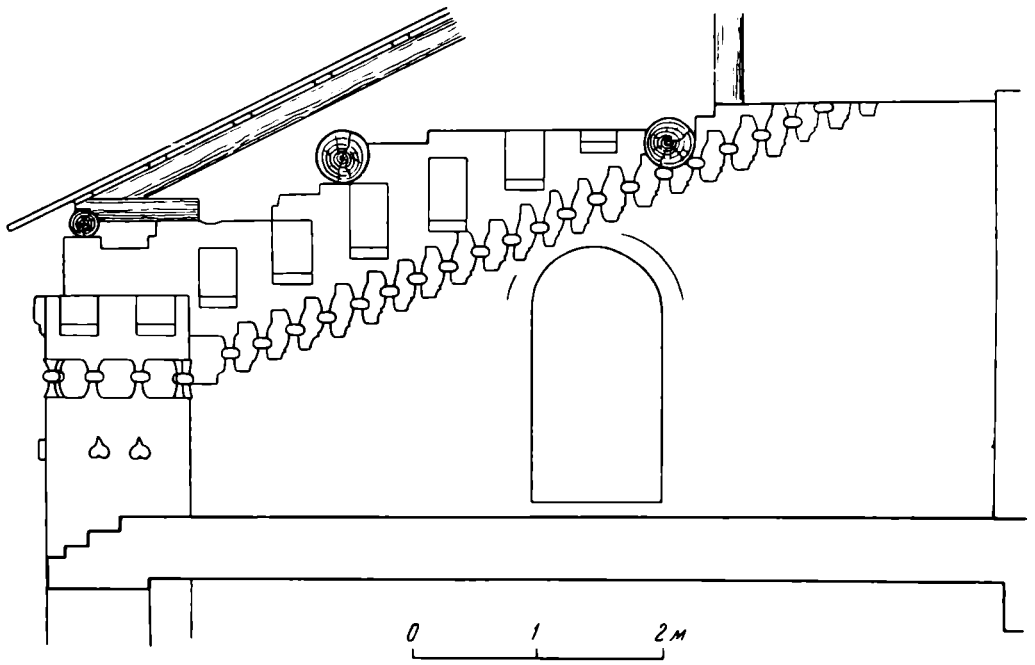


Рис. 8. Мельничный корпус. Фрагмент карниза у западного угла. Обмер

менной кровлей сохранился северный щипец того времени и соответствующая ему штраба на южном щипце, что позволяет точно определить принятый новый уклон кровли.

Уменьшение уклона, несомненно, отрицательно сказалось на здании: крыша плохо предохраняла от проникновения влаги, следствием чего было быстрое разрушение венчающих частей карнизов на боковых фасадах. Это привело к тому, что уже в 1804 г. крыша была вновь переделана с восстановлением крутого уклона путем разборки поврежденных частей боковых карнизов и надкладки южного щипца на половину толщины с образованием штрабы на чердаке. Продолжение этой штрабы до пересечения с плоскостями боковых фасадов дает высоту утраченных частей карнизов, приблизительно равную восьми рядам кладки.

По аналогии с Мельничным корпусом, построенным в тот же период, и очень близким по формам к Портной палате, боковые карнизы и щипцы дополняются завершением, состоящим из ряда кронштейнов (рис. 8). Крыша возводится заново с применением древних приемов и конструкций, представляя собой стропильную систему с затяжками и подкосами. Двойная дощатая кровля по обрешетке кроется в три теса и закрепляется на коньке охлупнем и стамиками.

Значительно сложнее обстоит дело с северным фасадом (рис. 9), который стал внутренней стеной, так как он полностью застроен. Поскольку мы располагаем недостаточными данными для восстановления сеней, то проект реставрации сделан на первоначальное состояние этого фасада памятника с сообщением на второй этаж по наружной деревянной лестнице, которую предусмотрено сделать как утилитарную докомпановку на основании гравюры 1744 г., где подобные крыльца с лестницами изображаются у жилых и хозяйственных зданий.

На втором этаже в левой части фасада существует лопатка, идущая и выше по сохранившемуся под современной крышей щипцу. Эта лопатка дает возможность установить троечастный характер членения фасада.

Симметрично ей на правой половине фасада восстанавливается другая лопатка, которая из-за попадания на дверной проем смещена в первом этаже влево (прием, имеющий место на западном и южном фасадах палаты и на других зданиях Соловецкого монастыря).

Архитектурное убранство северного фасада — цоколь, междуэтажная тяга, карниз, чердачные окна, угловые лопатки — восстанавливается по аналогии с другими фасадами. Одна из дымовых труб (западная) сохранялась на значительную высоту, и ей соответствовало местоположение большой печи на втором этаже (об этом свидетельствует основание, заполняющее пазуху сводов у северной стены). Восточная труба восстанавливается над дымоходом, идущим с первого этажа от печи, возможно, находившейся в проеме средней стены.

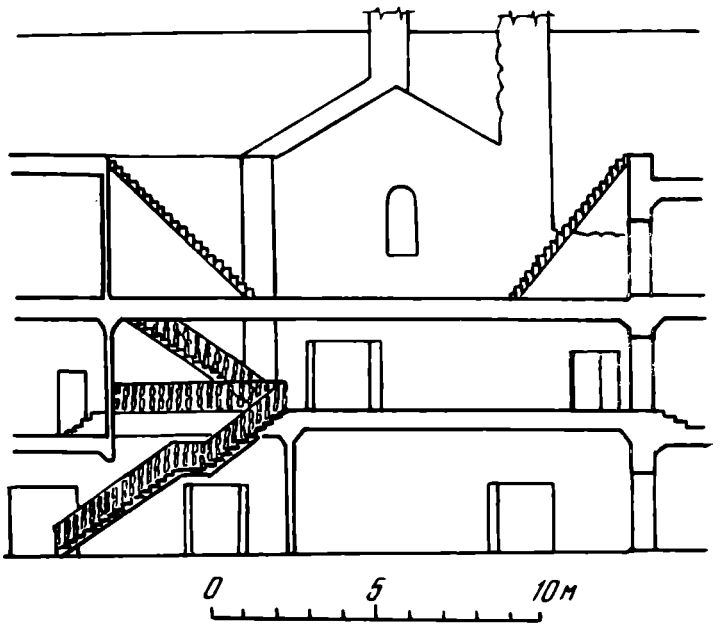


Рис. 9. Северный фасад Портной палаты по обмерам 1953 г. (ВМП-27)

На перспективах (рис. 10 и 11) представлен проект реставрации Портной палаты. На этом памятнике ярко проявилось отношение зодчих к применению лопаток как чисто декоративному накладному элементу. Их свободно размещают, мало считаясь с расположением проемов, которые часто врезаются в них сбоку, или даже помещаются непосредственно на самой лопатке, как сделано на южном фасаде (проем, ведущий в пазуху сводов). В случае, когда лопатка не может миновать проем, ее иногда просто смещают в сторону и продолжают в нужном месте сбоку от проема.

С другой стороны, оконные и дверные проемы разных этажей также нередко мало согласуются между собой по вертикали и располагаются исходя из нужд помещений, для которых они предназначены. Из всех фасадов Портной палаты лишь одному восточному фасаду присуща регулярность чередования лопаток и окон, которые располагаются в равном количестве по этажам и помещены друг над другом.

* * *

В настоящее время получил распространение взгляд, что одностолпные палаты имели прототипы в домонгольском зодчестве древней Руси и восходят к придворным княжеским трапезным, называвшимся в Киеве «гридницами» [15]. Предполагают, что появившиеся в начале XII в. первые каменные монастырские трапезные [16] повторяли формы гридниц. Превращение одноэтажных гридниц в ярусные сооружения объясняют суровым климатом, который заставил объединить гридницу с поварней. Основным аргументом служит утверждение, что западная архитектура не могла слу-

[15] М. А. Ильин, П. Н. Максимов, В. В. Косточкин. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы. История русского искусства, III, М., 1955, стр. 284, 366.

[16] Трапезные Киево-Печерской лавры и Антониева монастыря в Новгороде упомянуты в летописях под 1110 и 1127 гг. (ПСРЛ, I, СПб., 1846, стр. 121; III, СПб., 1841, стр. 5).

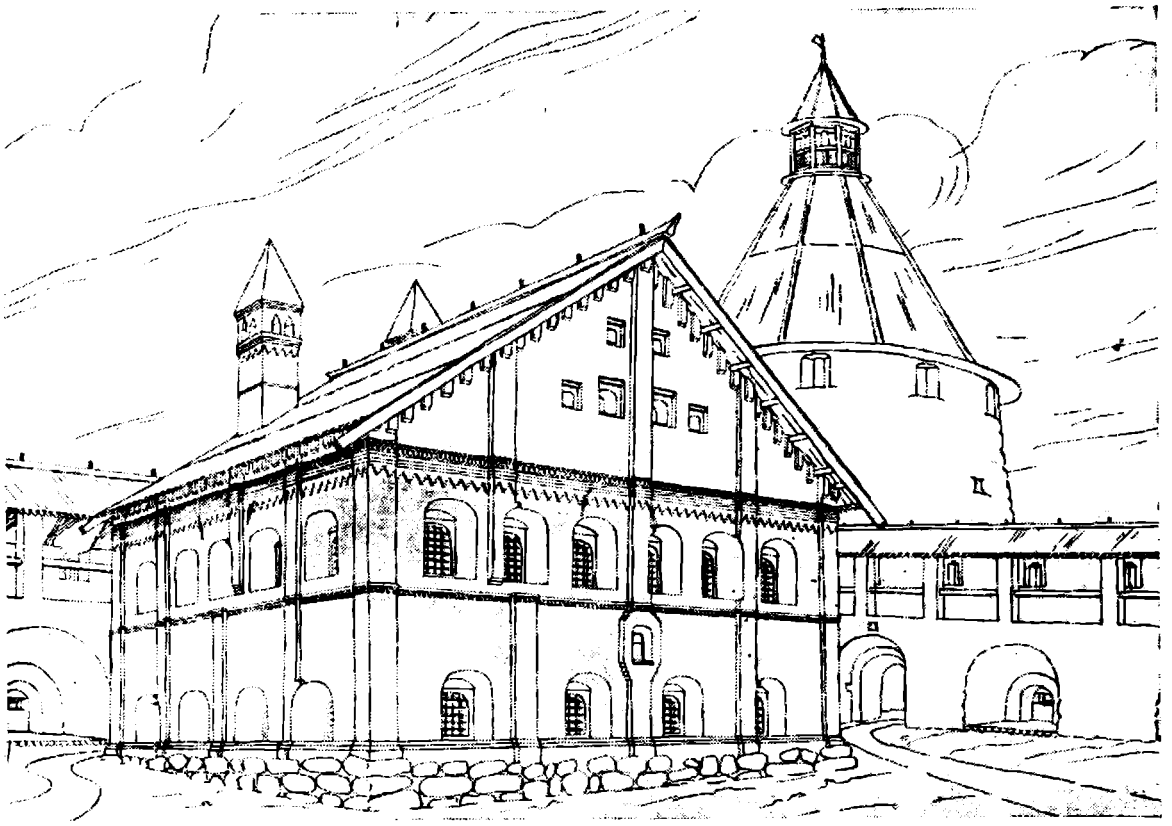


Рис. 10. Вид на Портную палату с юго-запада. Проект восстановления. На заднем плане реконструкция Никольской башни и стен

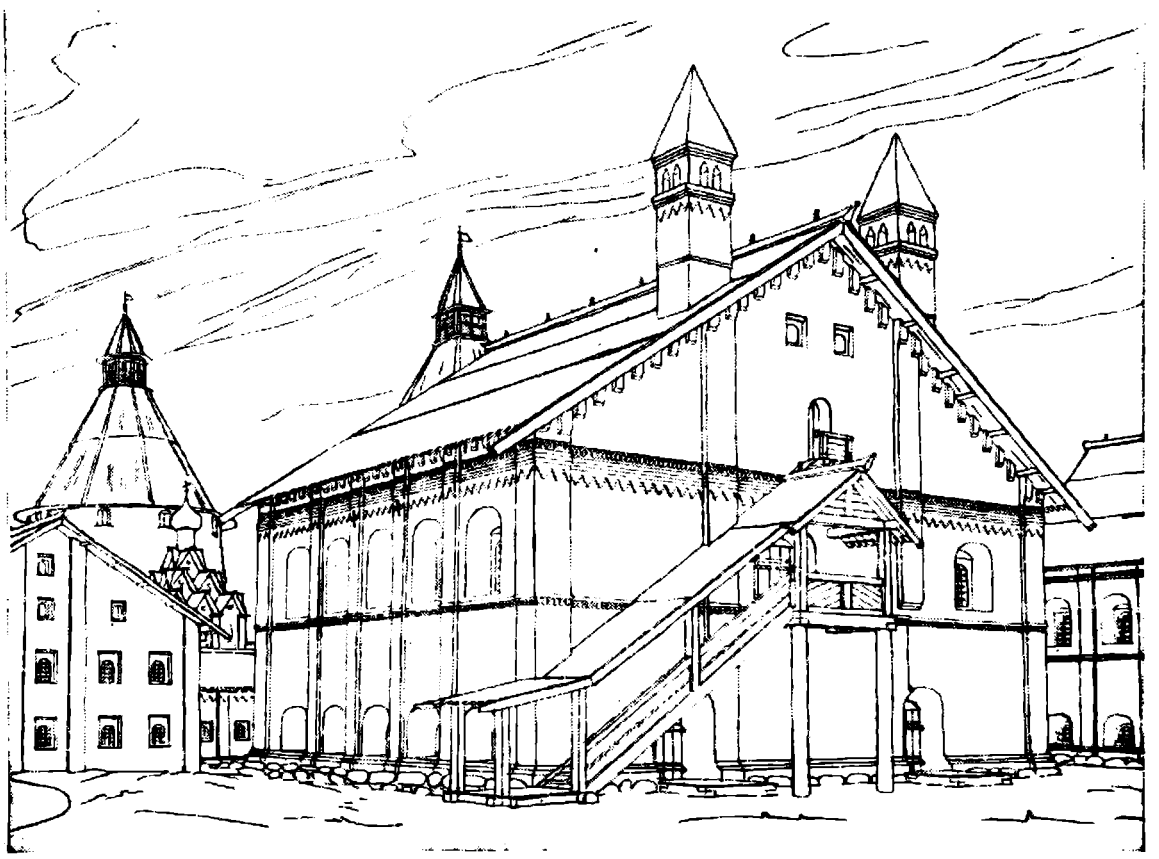


Рис. 11. Вид на Портную палату с северо-востока. Проект восстановления. На заднем плане реконструкция Благовещенской надвратной церкви

жить примером для заимствования, так как в ней одностолпные трапезные не применялись [17].

Существует и другой взгляд, что тип одностолпной палаты был заимствован в XV в. Новгородом именно с запада, причем первая из известных нам одностолпная Владычная палата 1433 г. послужила образцом для последующих и является запоздалым памятником готики на Руси [18].

Проверить правильность первого мнения можно только при наличии более или менее ясного представления о том, что собой представляла гридница, об устройстве которой мы располагаем чрезвычайно скудными сведениями. Название гридницы произошло от слова «гридь» — телохранитель князя, княжеский воин, дружинник,— которое происходит от древнегерманского gridhmadher — слуга [19]. Древнейшее свидетельство о княжеском дворце с обширной залой, вмещавшей 400 человек, принадлежит арабскому писателю Ибн-Фадлану и относится к 20-м годам X в. [20], а в конце этого столетия (под 996 г.) мы находим и самое раннее упоминание о гриднице [21]. На протяжении XI—XIII вв. сведения о гридницах часто встречаются в летописях [22], редкая из которых не повествует о «светлой гридне».

Однако все приведенные источники не дают ясного представления об устройстве этих сооружений. Достоверно только то, что они были весьма обширны, вмещали несколько сот человек — дружину князя и многочисленных гостей, и что в них часто держали знатных пленников, а также арестованных. Существуют указания, что внутреннее пространство гридницы включало не один столб, а несколько. На основании этого делалось предположение, что гридница по своему типу представляет постройку, аналогичную северогерманской gridhstofa, которая в XI в., возможно, еще сохраняла открытый очаг [23].

Нам представляется более правильным провести сопоставление гридницы с древними западнославянскими языческими храмами типа Арконы и Ретры, о которых у нас есть достоверные сведения, что они представляли собой обширные квадратные одноэтажные сооружения с четырьмя столбами посередине [24]. Это тем более вероятно, если учесть приверженность славянских зодчих к центричной композиции, нашедшей выражение в архитектуре последующих эпох.

Таким образом, мы можем себе представить гридницу как одноэтажное квадратное здание с деревянными или каменными стенами, покрытое четырехскатной кровлей с отверстием посередине для выхода дыма открытого очага. В случае применения деревянных стен они скорее всего имели каркасную фахверковую конструкцию. Обширные размеры гридниц, на что указывает и применение внутренних опор, исключали возможность применения рубленых стен, так как в древности стыкование бревен не применялось; если и существовали небольшие односрубные гридницы, то их размеры не превышали длину бревна и не требовали установки дополнительных внутренних опор.

На основании изложенного видно, что гридница представляла собой обширное одноэтажное многостолпное здание, в то время

---

[17] М. А. Ильин. Из истории гражданского зодчества ранней Москвы. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 84.

[18] М. К. Каргер. Новгородское зодчество (XI—XV вв.). История русского искусства, II, М., 1953, стр. 16.

[19] Lubor Niederle. Život starych slovanů, I, ч. II, Praha, 1913, стр. 780; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, I, СПб., 1893, стр. 592.

[20] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. р. х.). СПб., 1870, стр. 101.

[21] ПСРЛ, I, стр. 54.

[22] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси, М., 1929, стр. 8.

[23] K. Rhamm. Germanische Altertümer aus der Slavisch — Finischen Urheimat. Braunschveig, 1910, стр. 417.

[24] Любор Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 283, 289 и 290; C. Schuchhardt. Arkona und Rethra. Sitzungsberichten der Berliner Akademie. Berlin, 1932.

как монастырские трапезные имели лишь один столп и обладали ярко выраженной ярусностью до трех и даже четырех этажей[25] (появление последней нельзя удовлетворительно объяснить суровыми климатическими условиями). Можно еще предположить постепенную эволюцию гридницы, состоящую в превращении расположенного в центре открытого очага в печь и замене печи столпом, однако все это никак не может достаточно убедить нас в существовании какой-либо достоверной связи между столь различными сооружениями, какими являются придворные княжеские трапезные домонгольского периода и одностолпные палаты XV—XVII вв.

Остановимся на западном варианте происхождения одностолпных палат. Утверждение об отсутствии применения в западной архитектуре одностолпных сооружений, в частности трапезных, справедливо для Греции, Италии[26] и вообще для южной Европы, где они по ряду причин не получили распространения. С другой стороны, в средневековой архитектуре Франции, Англии и Германии мы уже находим случаи применения такого типа сооружений[27]. Что же касается северной Европы, то здесь обширные одностолпные палаты к XI в. получили, видимо, значительное распространение. В пользу этого свидетельствует и скандинавская сага, отмечая наличие у шведского короля Олафа обширной залы с единственной колонной: «pótt hún standi á súlum einum»[28].

Такое распределение одностолпных палат в Западной Европе становится понятным, если принять во внимание их следующие особенности: во-первых, при включении в качестве составной части в комплекс одностолпные прямоугольные помещения слабо связываются с другими частями ансамбля. Это происходит из-за отсутствия композиционных осей, совпадающих с осями симметрии, и выражается в асимметричном расположении входов. Слабую связь не могут в достаточной мере компенсировать две существующие пары второстепенных осей, что делает предпочтительным применение одностолпных палат в виде самостоятельных отдельно стоящих зданий. Во-вторых, одностолпный прием страдает противоречивостью внутреннего пространства. Наличие столпа посередине помещения, с одной стороны, объединяет пространство в одно целое в силу центричности плана, с другой — разбивает его на два или на четыре самостоятельных объема.

В силу изложенного и учитывая влияние античного наследия, становится понятным отсутствие в таких странах, как Греция, Италия и Испания сколько-нибудь заметного применения одностолпного приема. Что касается Франции, Англии и Германии, то здесь мы уже встречаем одностолпные помещения, появление которых связано с широким распространением крестовых сводов (позволивших избавиться от опирания на внутренние стены, собирая нагрузки с больших площадей и передавая их на

---

[25] Одностолпная Трапезная палата Саввина-Сторожевского монастыря близ Звенигорода Московской обл. была четырехъярусная — верхний ярус разобран в начале XIX в. См. Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII в., 4, М., 1898, стр. 131; В. В. Косточкин. Саввино-Сторожевский монастырь в XVII—XVIII вв. Сообщения Института истории искусств АН СССР, 12, М., 1958, стр. 124.

[26] М. А. Ильин. Ук. соч., стр. 87.

[27] Одностолпный вестибюль церкви Сен-Сирен в Тулузе, собор в г. Лан с двумя одностолпными помещениями (Франция); двухнефная трапезная с крестовыми сводами и круглый зал капитула с центральным столбом собора в Вустере XII в., восьмигранный одностолпный зал капитула Вестминстера в Лондоне (1220—1260 гг.), квадратная одностолпная башня Лоллардов (1424—1445 гг.) церкви в Ламбетском дворце (Англия); западные одностолпные башни против боковых нефов Кёльнского собора (1270—1388 гг.) и квадратная одностолпная пристройка к северу от хор (поздняя). См. Н. А. Кожин, А. А. Сидоров. Архитектура средневековья. М., 1940, стр. 85, 109; Б. Флетчер. История архитектуры, II, СПб., 1912, стр. 345, 351, 357 и 423.

[28] Saga Magnúsar konúngs ens góda. Fornmanna sögur, 6, Kaupmannahöfn, 1831, стр. 3f.

внутренние опорные столбы). Увеличение числа нефов до пяти, очевидно, натолкнуло зодчих на мысль использовать два боковых нефа в качестве отдельного самостоятельного сооружения с рядом колонн посередине [29], а затем и на одностолпный прием.

В Европе одностолпные помещения носят второстепенный характер. Несколько большее применение они получили в башнях, где введение центральной опоры позволило уменьшить высоту сводов и строить эти сооружения с большим числом ярусов и более внушительных размеров [30].

Таким образом, мы располагаем следующими доводами в пользу утверждения, что одностолпные палаты были занесены в XV в. в Новгород Великий с запада: 1) в Западной Европе имело место строительство одностолпных сооружений, что в особенности относится к северной ее части; 2) Новгород Великий в XV в. имел тесные торговые связи с северной частью Западной Европы; 3) Владычная палата в Новгороде, построенная в 1433 г., в течение 36 лет была единственным из известных нам примеров одностолпной палаты на русской земле, причем, по свидетельству летописи, она была построена немецкими мастерами «из-за моря» [31], на что указывает и применение гуртов.

Учитывая изложенные факты, а также применение ярусности и крестовых сводов, следует признать более справедливым мнение, что Новгородская Владычная палата является памятником поздней готики и послужила образцом для всех последующих одностолпных палат, в том числе и Московской Грановитой палаты. Сооружение последней с технической стороны не представляло трудности для итальянских мастеров, имевших, кроме этого, достаточно образцов для строительства «по подобию», так как, не считая Новгородской палаты, в то время уже существовали по крайней мере еще три большие одностолпные палаты, а именно: Старая трапезная Троице-Сергиева монастыря в Загорске (1469 г.) [32], Старая трапезная Симонова монастыря в Москве (1485 г.) [33] и Малая палата в самом Московском Кремле (1487 г.) [34]. Примером того, что и итальянцы были не чужды одностолпному приему, может служить центральная колонна в подклете алтаря церкви в Городке под Коломной (1577—1578 гг.), построенная Алевизом Новым [35].

Помимо приемных зал и монастырских трапезных, одностолпный прием нашел широкое применение в многочисленных сооружениях различного назначения. Таковы, например, Столовая или Крестовая в Поганкиных палатах [36], летние погреба в Борисоглебском и Кирилло-Белозерском монастырях (в последнем летний погреб был надстроен Оружейной палатой, также, видимо, одностолпной) [37], летняя Келарская в Троице-

[29] Такие постройки получили распространение в Прибалтике со времени датского владычества: старый зал Большой Гильдии в Риге, двухнефная одностолпная церковь в Юкскюлле (Uxküll), двухнефная St. Nikolaikapelle zu Soest, два двухстолпных зала в Dom zu St. Marien, двухстолпные залы в Deutschordensschloss 1297 г. (Wilhelm Neumann. Merkbüchlein zur Denkmalpflige auf dem Lande. Riga, 1911, стр. 15; его же. Das Mittelalterliche Riga. Berlin, 1892, стр. 12, 14 и 45) двухнефная церковь в южном флигеле Цестрианского монастыря и двухнефное же помещение к западу от церкви — конца XIV в., двухнефная церковь в Пюхавайму XIV в. (Таллин), двухнефная церковь с квадратными столбами а Кейла (В. Я. Вага. Основные этапы развития готики в Эстонии. Автореф. канд. дис. М., 1957).

[30] На Руси это также имело место, например в Московской башне Нового города Кирилло-Белозерского монастыря, в Красной башне Астраханского кремля, в Корожной, Сушильной и Никольской башнях Соловецкого монастыря.

[31] ПСРЛ, III, стр. 111.

[32] Фундаменты ее обнаружены в 1942 г. примерно на месте нынешней колокольни. См. М. А. Ильин. Ук. соч., стр. 84.

[33] Там же.

[34] А. А. Потапов. Очерки древней русской гражданской архитектуры. I, М., 1902, стр. 61, 64.

[35] А. И. Некрасов. Очерки из истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, стр. 275.

[36] А. А. Потапов. Ук. соч., стр. 36.

[37] А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVII вв. Приложение I. МИА, 77, 1958, стр. 185.

Сергиевом монастыре[38], Казенная палата над трапезной Саввино-Сторожевского монастыря[39].

Характерным примером в этом отношении является Соловецкий монастырь, где существует шесть одностолпных палат, из которых пять — XVI в.: Братская трапезная (почти равная по размерам Московской Грановитой палате), Келарская палата, Рыбный погреб, трехъярусная Сушильная палата и монастырские бани вне стен к северу от монастыря, а также рассмотренная ранее Портная палата. На ее примере можно проследить эволюцию, которую претерпел одностолпный тип сооружений с момента появления их на русской земле в первой половине XV в.

Отличительными чертами первых одностолпных палат были: ярусность, применение крестовых сводов, четырехскатная кровля, близкий к квадрату план и квадратный в плане центральный столп.

Ярусность явилась стойким признаком, сохранявшимся на протяжении всего периода строительства одностолпных палат. Так, Владычная палата в Новгороде (1433 г.) и трапезная Андрониева монастыря в Москве (1506 г.) имели по три яруса, включая подвальный. Трапезная Макарьева монастыря в Калязине и Сушильная палата в Соловецком монастыре (XVI в.) имели три надземных яруса, а трапезная в Саввино-Сторожевском монастыре — даже четыре. Однако в XVII в. подавляющее число одностолпных палат были двухъярусные. В конце XVII в. встречаются и одноярусные палаты, как например, трапезная Путинковской церкви в Москве.

Крестовые своды имели повсеместное распространение в одностолпных палатах до второй четверти XVI в., когда они стали заменяться четырьмя цилиндрическими сводами с распалубками, отвечающими проемам в стенах. Такие своды одной из первых получила трапезная Макарьева монастыря в Калязине в 1530 г. Развитие сводов одностолпных палат на этом не остановилось. Так, в Борисоглебском монастыре близ Ростова Великого мы находим одностолпное помещение летнего погреба, перекрытое четырьмя подпружными арками и четырьмя плоскими куполами[40].

Четырехскатная кровля имеет господствующее применение для покрытия одностолпных палат. Однако на севере с середины XVI в. встречается использование и двускатных кровель (например, в Соловецком и Сийском монастырях), а Трапезная палата 1628 г. Дивной церкви в Угличе имеет и трехскатное покрытие.

Планы одностолпных палат по форме большей частью близки к квадрату. В XVII в. наблюдается тенденция к более значительному отходу от этой формы, что иллюстрируется примером рассмотренной нами Портной палаты Соловецкого монастыря.

Столп в палатах, как правило, квадратный, хотя встречаются и исключения. Так, круглые столпы имеют место в Трапезной, Келарской и Сушильной палатах Соловецкого монастыря (XVI в.) и в Белой палате Ростовского кремля (1672 г.), а в указанной Портной палате столп восьмигранный. Круглые и граненые столпы, возможно, являются следствием влияния или участия в строительных работах псковских мастеров.

* * *

Теперь уже можно сделать некоторые выводы в отношении происхождения, применения и эволюции одностолпных палат на Руси. Рассмотренный тип здания был довольно распространен в Дании, Швеции и

[38] Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, стр. 233, 234, 237.

[39] Павел Алеппский. Ук. соч., стр. 131.

[40] Прием, возможно, заимствованный с Востока. Так покрыто несколько помещений, в том числе одно одностолпное,— в мечети Межид-и-шах в Исфагани, Иран, XVI в. Pascal Coste. Monuments modernes de la Perse (Ispahan). Paris, 1867, стр. 24, табл. VIII.

Прибалтике, откуда в XV в. он проник в Новгород, где была построена первая одностолпная Владычная палата, сооруженная при участии западноевропейских мастеров.

Одностолпные палаты, позволив удвоить размеры помещений, явились значительным шагом вперед в развитии строительной техники. Они получили широкое распространение на русской почве не только в качестве приемных зал и трапезных, но и в зданиях чисто производственного назначения (погреба, келарни, оружейные, бани, сушильни, мастерские и т. п.).

За время строительства одностолпные палаты претерпели значительные изменения, что относится, прежде всего, к отказу от крестовых сводов и переходу на цилиндрические своды с распалубками. С середины XVII в. одностолпные палаты начинают уступать место двустолпным[41], а затем и бесстолпным решениям, позволившим вновь вернуться к четкой осевой композиции храмов с трапезной и колокольней.

Представляя собой интересную страницу в истории древнерусского зодчества, одностолпные палаты заслуживают дальнейшего углубленного изучения.

---

[41] Трапезные Покровской и Троицкой церквей в Александровской слободе (60-е годы XVII в.).

Заметки

С. Н. АСТАХОВ

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КОКОРЕВО IV

Палеолит Енисея до недавнего времени был наиболее полно представлен стоянками Афонтовой Горы. Именно они характеризуют определенный облик культуры поздней поры верхнего палеолита на Среднем Енисее, которую можно назвать «афонтовской». Другие стоянки, и в том числе Кокорево IV, исследованные В. И. Громовым, Н. К. Ауэрбахом и Г. П. Сосновским, не могли быть датированы археологически даже в пределах этой культуры [1].

Создание локальной стратиграфической схемы для Среднего Енисея имеет большое значение. С этой точки зрения изучение стоянки Кокорево IV, находящейся на левом берегу Енисея между дер. Кокорево и совхозом «Овцевод», представляет определенный интерес.

Заметка касается лишь северной части поселения, раскопа 4, где обнаружено более четкое разделение культурных слоев, один из которых датирован по C^{14} в лаборотории ЛОИА. Этот пункт рассматривается как самостоятельная стоянка.

Здесь на участке II 10—12-метровой террасы, прорезанном древним оврагом «Киприн лог», вдоль обрывистого края ее в разных местах были найдены скопления культурных остатков. В южной части участка отдельные находки прослежены в шурфах на расстоянии до 40 *м* от берега.

В средней части участка, у оврага, находки встречаются в 100 *м* от реки, в месте прислонения террасы к коренному берегу. Здесь, у края оврага, и был заложен раскоп 4.

Стратиграфия раскопа 4.

1. Гумус, намытый поверх современной почвы, мощностью до 1,5 *м*
2. Почва современная с подпочвой лёссовидного суглинка, мощностью 0,9 *м*.
3. Супесь розовато-желтая с прослойками более красной супеси 2,3 *м*.
4. Прослойка более красной супеси (окраска за счет разрушающихся красных песчаников) 0,2 *м*.
5. Супесь палевая, карбонатная. В ней находки первого культурного слоя мощностью до 0,5 *м*.
6. Песок серый, мелкозернистый, пылеватый в верхней части — скопление отщепов, в нижней части — второй, культурный слой, мощностью до 0,5 *м*,
7. Прослойка песка с отдельными находками палеолитических орудий в верхней части. Книзу песок грубеет, переслаивается галечником Встречаются отдельные обломки слегка окатанных костей (северный олень). Наблюдаемая мощность слоя — 1,5 *м*.

[1] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. ИГН, 64, геол. сер., 117, М., 1948; Г. П. Сосновв-

Ниже слоя 7, видимо, идет галечник, прослеженный по логу ближе к реке.

Этот разрез состоит из трех более обобщенных комплексов. Верхний из них — слой 2 и покровные отложения, представляющие почву полного профиля на лессовидном суглинке.

Средний комплекс, слои 3—5,— покровные отложения в виде лессовидных супесей с полосами разного цвета, в основном розовато-желтые. Нижний комплекс, слои 6—7,— тонкие пылеватые пески серого и серо-зеленоватого цвета, постепенно грубеющие книзу.

Культурные слои залегают, соответственно, в среднем и нижнем комплексах, на глубинах 4,10—4,20 и 5,10—5,20 *м* от бровки.

Основное скопление первого культурного слоя располагалось в северо-западной части раскопа, на 9 *м*^{2}. По окраске слой не выделяется, горизонт находок плавно опускается к реке и дну оврага. Находки — обломки костей, покрытые известковой корочкой, несколько отщепов, расколотых галек и обломков.

Имеется нуклеус-скребок на плоской гальке и чоппер.

Среди отщепов выделяется один удлиненный скол с чешуйчатой подправкой нижнего конца. Остальные отщепы — без вторичной обработки. По пропорциям они делятся на укороченные, у которых длина менее ширины отщепа, и удлиненные, у которых длина превосходит его ширину, но не больше чем в два раза. Первых укороченных всего два экземпляра, вторых — четыре. Из ударных площадок одна подправлена и пять не сохранились.

Фауна слоя 1, по определению Н. М. Ермоловой, следующая: северный олень (57 костей), благородный (?) олень (1 кость), косуля (1 кость), волк или собака (3 кости).

Между культурными слоями 1 и 2 на квадрате М3, М4 было встречено скопление крупных и мелких отщепов, преимущественно одной темно-серой кремнистой породы. Размер скопления 45 × 70 *см*. В нем было найдено семь обломков галек, 26 отщепов, 152 мелких обломочка и чешуйки. Видимо, это скопление — результат кратковременной остановки людей для приготовления нужных орудий.

Второй культурный слой залегает ниже в серых тонкозернистых песках и четко выделяется красноватой (от песчаника), а в местах скопления углей коричневой окраской. Толщина его от 1—2 до 8 *см*. Посредине слоя залегает малинового цвета суглинок толщиною 0,5—1,5 *см*.

В северной части раскопа слой резко опускается к северу, а в восточной — к востоку (к реке). Основное скопление культурных остатков было в северо-западной части раскопа, границы скопления отчетливы, и переход к неокрашенной породе очень резкий.

Фауна культурного слоя следующая: северный олень (67 костей), зубр (2 кости), заяц (23 кости), птица (3 кости), волк или собака (2 кости). В верхней части слоя костей зайца больше, чем в нижней (20 из 23).

Каменный инвентарь насчитывает несколько сотен вещей.

Исходным сырьем служили гальки из бичевника Енисея, главным образом окремненные сланцы, кварцит, яшма, кремень. Широкое использование галек и древние традиции наложили отпечаток на технику изготовления орудий и общий облик археологического комплекса. Самой простой исходной формой нуклеуса является галька. Скалывание обычно производилось с плоской стороны вдоль узкого края (поперечный узкий галечный нуклеус) либо вдоль широкого, длинного края (поперечный широкий, рис. 1, *6*).

В других случаях скалывание производилось вдоль гальки (продольный галечный нуклеус), часто с площадки, полученной путем раскалывания гальки поперек (рис. 1, *1*, *2*, *8*).

ский. Палеолитические стоянки Енисейской долины. Палеолит СССР. Материалы по истории дородового общества. ИГАИМК, 118, 1935.

В коллекции — четыре галечных нуклеуса и две расколотые гальки. Обломки ножевидных пластин и часть более правильных отщепов предполагают использование призматических нуклеусов, но в коллекции их нет.

Среди находок 15 пластин, из них одна краевая и пять полукраевых. Все они не очень правильны, края обычно не параллельны, верхняя по-

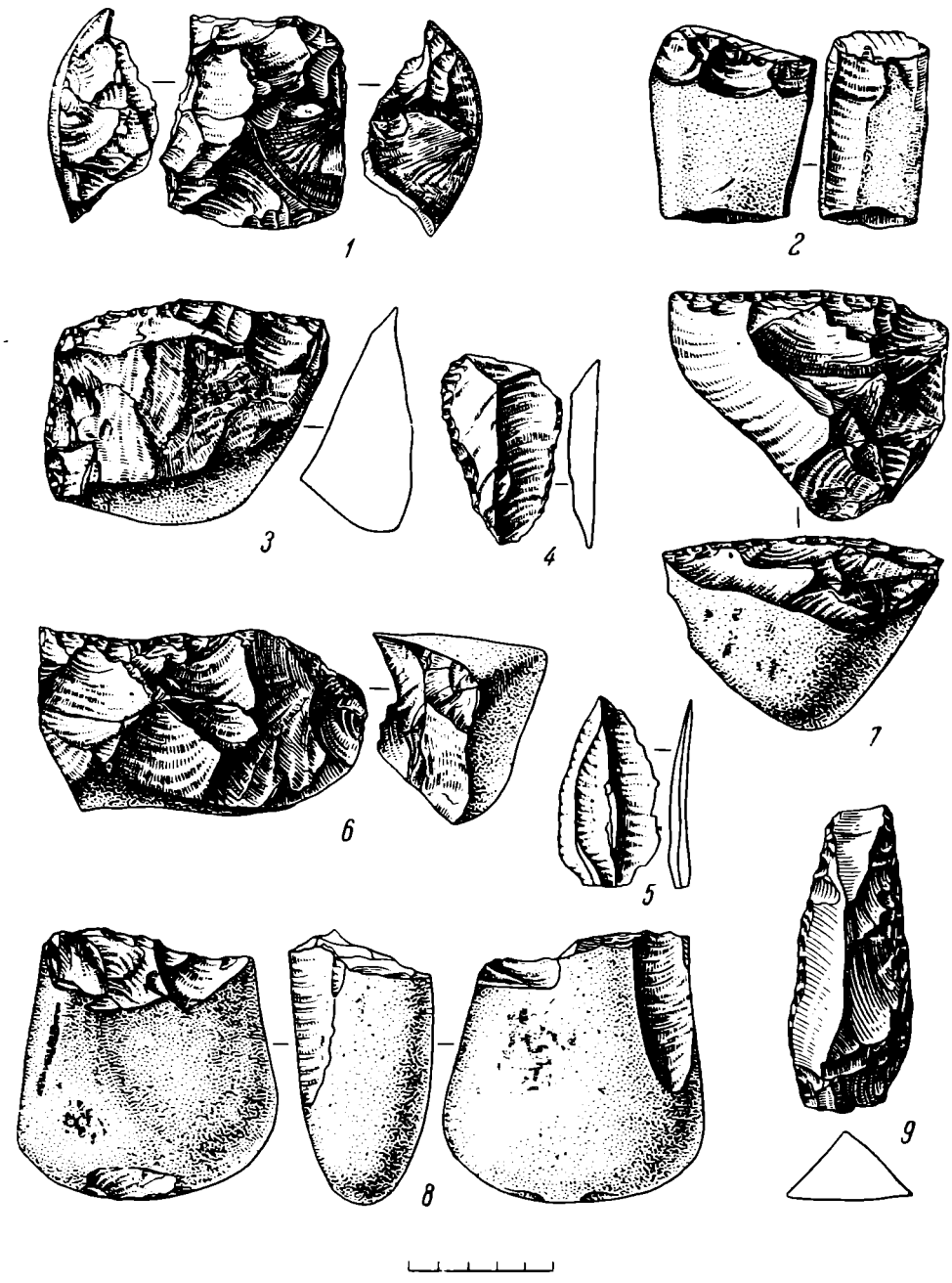


Рис. 1.

1—9 — изделия из камня со стоянки Кокорево IV

верхность без правильной огранки. Пятка в одном случае — галечная корка, в трех — плоская, в четырех — подправленная и в семи — не определена и не сохранилась.

Отщепов в слое 157 штук. Из них 67 удлиненных и 90 укороченных. Среди первых 27 краевых и полукраевых, среди вторых 25 краевых и полукраевых.

Характеристика ударных площадок крупных сколов (129 экз.):

Тип площадки	Удлиненные сколы, %	Укороченные сколы, %
Галечная корка	43	47,3
Плоский скол	15,6	8,3
Подправленная	10,3	5,6
Двугранная галечная поверхность	1,7	4,1
Неопределенная	19	23,6
Не сохранилась	10,4	11,1

Обращает на себя внимание широкое использование неподготовленной ударной площадки (галечная поверхность), что говорит о широком применении галечных нуклеусов. Отдельные отщепы правильной формы, с острыми краями (рис. 1, *5*). Один из таких отщепов ретуширован по краю (рис. 1, *4*).

Вторым типом нуклеусов являются нуклеусы-скребки. Их всего три. Один наиболее типичен (рис. 2, *5*), с приострением книзу и ретушью вдоль лопасти (тонкая часть нуклеуса, противоположная краю, вдоль которого производятся сколы). Высота этих нуклеусов 30—35 *мм*.

В коллекции есть два продольных скола с такого типа нуклеусов и пять обломков микропластинок шириной 3,5—6,5 *мм*, длиной до 11 *мм*. Они сделаны из яшмовидных или сильно окремненных пород, с правильным огранением спинки. Как обычно для енисейских стоянок, они не ретушированы и служили вкладышами костяных орудий.

Одним экземпляром представлен нуклеус типа «рабо» небольшого размера (длина сколов до 25 *мм*), с подправленной площадкой (рис. 2, *6*).

Кроме галечных нуклеусов отмечаются три чоппера. Они сделаны из галек оббивкой края (как нуклеусы) и последующей подправкой (рис. 1, *7*). У одного орудия имеется легкая подправка и по другому краю (рис. 1, *3*).

Орудий в нижнем слое немного.

Скребла составляют серию в пять экземпляров. Два боковых скребла сделаны на первичных отщепах с гальки мелкой ретушью внутренней стороны отщепа. Лезвия слегка вогнутые, длиной в 100 и 60 *мм* (рис. 2, *12*). Третье скребло сделано на первичном отщепе, тоже с ретушью на внутренней стороне его, но ретушь идет лишь по концам одного края и оформляет его в правильное выпуклое лезвие (рис. 2, *10*). Четвертое (поперечное) скребло сделано на первичном отщепе с ретушью на внешней стороне отщепа (рис. 2, *11*). Ретушь чешуйчатая, с более мелкой подправкой. Лезвие выпуклое. Пятое скребло сделано на отщепе. Ретушь мелкая, неравномерная на разных участках по длине и глубине фасеток. Лезвие слегка выпуклое, почти прямое (рис. 2, *15*).

Скребло-нож. Это орудие сделано на первичном отщепе с гальки, ретушированном по двум краям с наружной стороны отщепа. Ретушь правого выпуклого края подпараллельная, пологая, особенно у кончика орудия. Ретушь левого края более крутая, с заломами (рис. 2, *7*).

Скребки. Два из них сделаны на толстых массивных отщепах с крутой ретушью. Фасетки узкие, сходятся к вершине в одну точку (рис. 2, *9*). Третий экземпляр — концевой атипичный скребок со скошенным лезвием.

Имеется всего одна проколка, изготовленная на отщепе. Острие у нее слегка скошено; ретушь, оформляющая ее, образует плечики (рис. 2, *3*).

Одно орудие может быть отнесено к тесловидным. Оно сделано на длинном массивном отщепе, края которого подправлены ретушью, а узкий острый конец образован одним сколом (рис. 1, *9*). По-видимому, к подобного рода орудиям относятся обломки с подтеской овального лезвия.

Остальные типы орудий представлены обломками (12 экз.). Это обломок кончика остроконечника (рис. 2, *4*) из серого кварцита, два плоских отщепа с ретушью по краю, два обломка ножевидных пластинок с легкой ретушью по краю (рис. 2, *13*, *14*), отщеп с ретушью на одном краю и двумя резцовыми сколами (рис. 2, *8*), обломок острия (?) и др.

Костяных поделок из этого слоя всего две. Одна — костяное острие длиной 116 *мм* и толщиной в середине 7 *мм*. Сечение его — неправильная окружность. Кончик острый, слегка залощенный, вся остальная поверхность оскоблена острым орудием. У пятки срезами с двух сторон получен скошенный черешок (?), обломанный и слегка забитый. Наличие бокового уплощения, видимо, говорит об использовании орудия скорее в качестве наконечника, чем шила (рис. 2, *2*).

Второе орудие — обломок крупного наконечника из рога оленя. Длина сохранившегося куска — 149 *мм*, ширина — 22, толщина — 8 *мм*. Вдоль

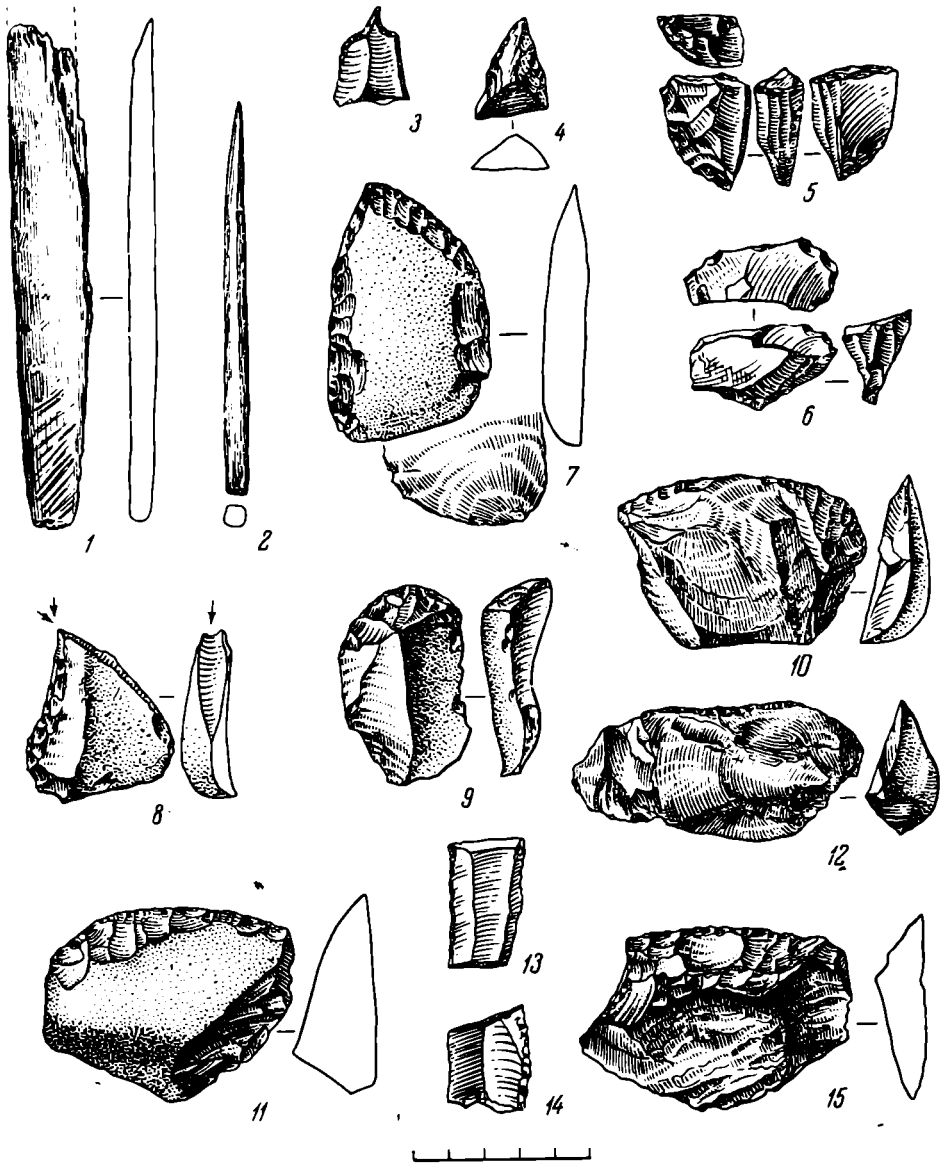


Рис. 2.

1—15 — изделия из кости и камня со стоянки Кокорево IV

одного края прорезан паз шириной 2—2,5 *мм* и глубиной до 4 *мм*. Боковые края орудия в средней части параллельны друг другу, вся поверхность тщательно выстругана и оскоблена. Черешковая часть орудия сделана несколько тоньше, что достигнуто остругиванием. В противоположность обычной ориентировке следов остругивания (или шлифовки), данный экземпляр указывает, что если его действительно стругали, то инструмент держали в левой руке (рис. 2, *1*). Пятка черешка слегка забита.

Ниже этого слоя, в 0,20 *м*, на кв. Н-4 было найдено шило с головкой, длиной 172 *мм*. Этот небольшой комплекс очень характерен. Он принадлежит к кругу афонтовской культуры, которая в общем характеризуется

изготовлением орудий преимущественно на отщепах и расколотых гальках, широким применением скребел (до 45% основного инвентаря), скребков (до 22%), развитой вкладышевой техникой и разнообразием типов костяных наконечников. Все эти черты присущи характеризуемой коллекции. Несколько отличен лишь тип скребков из нашего комплекса.

Интересной особенностью стоянки является резкая ограниченность распространения материала по площади и очаг из плит.

Очаг имеет вид кольцевой оградки из плит красного песчаника, поставленных наклонно на ребро. Диаметр его до 80 *см*. Эта оградка была вкопана в кольцевое углубление. Центр очага несколько повышен.

Угли очага встречались и на внешней, наружной поверхности плит, скрытой землей. Они или провалились туда, если плиты были вкопаны, или были придавлены плитками, уложенными на краю очажной ямы, использовавшейся какое-то время без ограждения.

Основной центр очага первоначально был в восточной части, ближе к реке; затем наружное кольцо было дополнено выкладкой внутреннего кольца из небольших плиточек, и основная часть очага переместилась в юго-западный угол.

Подобные очаги обычны для стоянки Кокорево I, а на раскопах стоянки Кокорево IV до сих пор встречались лишь очажные ямы (кроме верхнего слоя раскопа 3, где прослежена выкладка небольших камней вокруг очажка).

В поселениях Афонтовой Горы были обнаружены остатки лишь одного очажка[2]. Размер его около 60 × 40 *см*. Он был обложен двумя крупными и несколькими мелкими камнями.

Общий облик стоянки Кокорево IV характерен для кратковременных, сезонных, поселений первобытных охотников и сходен с другими стоянками афонтовской культуры.

Если мы сравним стратиграфию стоянок Афонтовой Горы с поселением Кокорево IV, то легко заметим следующее обстоятельство. Как там, так и здесь культурные остатки залегают в склоновых отложениях сложного генезиса, иногда осложненных солифлюкциями, местными оползнями и т. д.

И там, и здесь можно выделить наличие трех толщ — лессовидные суглинки наверху, лессовидная супесь ниже и песчанистая толща внизу. При этом мощности их, особенно двух верхних, резко варьируют. Это, видимо, зависит от крутизны склона, его экспозиции и т. д.

Было бы соблазнительно прямо сопоставлять эти отложения и соответственно культурные слои Кокорево IV и Афонтовой Горы. Однако более правильно считать их только близкими, не решая пока эту сторону вопроса лишь на основе стратиграфических данных.

Геологически нижний слой (слой С) стоянки Афонтова II датируется началом сартанского оледенения[3]. Это недавно подтвердилось радиокарбоновой датой 19 880 ± 300 лет[4].

Эта дата получена для образцов угля из слоев, залегающих несколько ниже культурного слоя $С_3$. Она больше отвечает представлениям о возрасте Афонтовой Горы и, таким образом, образец МО-343 в 11 335 ± 270 л. н., взятый нами в 1960 г. со стоянки Афонтова II между участками 1 и 2, из горизонта, отвечающего слою $С_3$, ставится под сомнение. Вероятно, омоложение его произошло из-за малого количества угля и отсутствия

---

[2] Н. К. Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтова Гора Красноярского района Восточно-Сибирского края (1930 г.). Архив ЛОИА, ф. 42, д. 376.

[3] Э. И. Равский, С. М. Цейтлин. Геологическая периодизация палеолитических памятников Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 1964.

[4] В. В. Чердынцев. Геохронологическая шкала палеолита. Доклад на расширенном заседании сектора палеолита ЛОИА АН СССР 22—27 февраля 1965.

предварительной его очистки[5]. Стратиграфически более молодые, чем слой C_3, слои стоянки Афонтова III (пункты 2 и 3) попадают в промежуток между 10 000 л. н. и 19 880 л. н. Видимо, они отвечают времени второго слоя раскопа 4 стоянки Кокорево IV. Следует учитывать, что в раскопе 4 был найден плоский в сечении роговой наконечник с пазом для вкладышей — тип, наиболее часто встречающийся на Афонтовой III. Кроме того, именно на Афонтовой III (пункт 3, основной слой) встречены остатки очажка с камнями, так же как и в раскопе 4.

Этого мало для бесспорных доказательств их одновременности, но учитывать указанные черты сходства следует, тем более, что возраст угля из очага раскопа 4 равен 15 460 ± 330 лет.

Отсутствие костей мамонта в раскопе 4, как и на других стоянках кокоревской группы, кроме Кокорево II, легче всего объясняется тем, что Афонтова Гора и Кокорево находились в разных географических зонах перигляциальной области сартанского оледенения.

[5] А. П. Виноградов, А. Л. Девирц, Э. И. Добкина, Н. Г. Маркова. Определение абсолютного возраста по C^{14}. «Геохимия», 9, 1963, стр. 795—813.

Л. Д. ПОБОЛЬ

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ БЛИЗ ДЕР. БОРИСОВЩИНА МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

При археологическом обследовании осенью 1964 г. в Бобруйском районе, в 2 *км* на юг от деревни Борисовщины, на левом берегу р. Комаринки (правый приток р. Птичи), в урочище «Горы» было обнаружено селище со славянской керамикой типа Хотомеля[1]. На этой же территории, на распахиваемом поле, найдены кальцинированные кости, кремневые пластинки и несколько десятков мелких обломков керамики эпохи бронзы.

Судя по топографии местности и археологическим находкам, на данной территории было поселение эпохи бронзы.

В 130 *м* на восток от поселения обнаружено грунтовое погребение с трупосожжением. Оно находится в северной части песчаной косы, вдающейся в пойму р. Комаринки. Размеры косы: длина около 140 *м*, ширина 60—90 *м*, высота над поймой до 3 *м*. Во время обследований раскопано одно погребение. Оно четко выделялось на фоне желтого материкового песка. Погребальная яма в плане имела округлую форму диаметром до 0,5 *м* и была заполнена мелким углем, золой и кальцинированными костями (рис. 1). В ее верхней части находились обломки многоваликового сосуда. Среди костей лежали пережженные кремневые орудия. Некоторые из них были разломаны и находились в разных частях ямы.

В яме обнаружены: топорик (рис. 2, *5*), четыре скребка (рис. 2, *4*, *6—8*) и несколько отщепов. От действия огня эти поделки имеют белый цвет. Глубина ямы от уровня материка — 0,5 *м*. Под сожженными костями на дне ямы лежала плохо сохранившаяся и не побывавшая в огне часть черепной крышки человека и два кремневых необожженных ножа (рис. 2, *9*, *10*).

Среди кальцинированных костей обнаружены мелкие обломки костяных изделий, по-видимому, гарпунов (рис. 2, *1—3*).

[1] Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е 1-57. М., 1961, табл. VI.

Удалось восстановить форму глиняного плоскодонного сосуда[2]. Диаметр венчика его около 25 *см*, высота — до 30 *см*, толщина стенок — 0,7—0,8 *см*, в тесте примесь мелкого песка. Поверхность сосуда желто-коричневого цвета с серыми пятнами. Сосуд имеет близкую по форме к цилиндру верхнюю часть и конусообразную нижнюю часть (рис. 3). В верхней части сосуда имеется шесть налепных валиков, причем верхний валик прерывается и один из сохранившихся концов его свисает вниз. Этот элемент орнаментации характерен для одного из типов керамики эпохи поздней бронзы и начала раннего железного века на территории УССР[3].

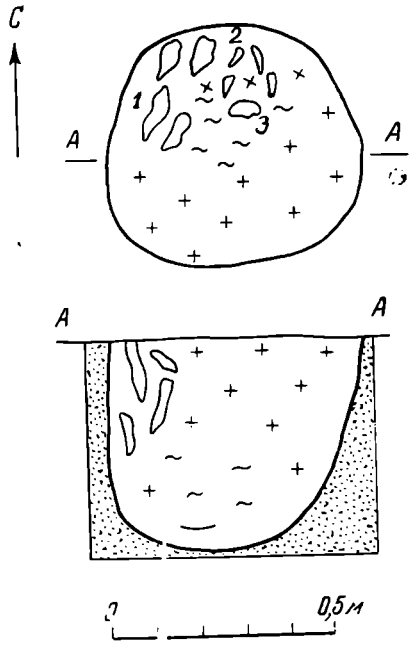


Рис. 1. План и разрез погребения у дер. Борисовщина

1 — сосуд; *2* — кремневые орудия; *3* — обломок черепной крышки человека; крестиками обозначены сожженые кости

Ниже верхнего валика параллельно ему по шейке сосуда в один ряд размещены сосковидные выступы. Во втором сверху валике, который располагается под этими сосковидными налепами, проделано несколько вертикальных круглых отверстий небольшого диаметра.

Вся поверхность сосуда, а также валики, украшена «лапчатым» орнаментом, нанесенным концом палочки, обмотанным веревочкой. В верхней части и под валиками отпечатки идут горизонтальными полосами в виде «елочки», а у днища — в виде вертикальных полос. Штамп в один ряд нанесен и на внутренней части венчика. Сосуд эпохи бронзы такого типа на территории Белоруссии встречен впервые.

При дальнейшем обследовании местности было обнаружено еще четыре местонахождения сожженных костей и керамики эпохи бронзы на расстоянии до 0,5 *км* на северо-восток[4], север, северо-запад и на юг от раскопанного погребения. Местные жители сообщили, что вверх по р. Комаринке, в 1 *км* от исследованного погребения, при разработке торфа лет десять назад находили каменные топоры и другие предметы.

Археологические памятники около дер. Борисовщины и, в частности, наличие здесь захоронений с трупосожжением, представляют определенный интерес для изучения населения, обитавшего в эпоху бронзы на юге Белоруссии, в бассейне р. Птичи. Исследование их позволит поставить вопрос о соотношении населения этой территории с населением эпохи бронзы в Верхнем Поднепровье, где также существовал обряд погребения с трупосожжением[5].

Многоваликовость керамики, свисающие вниз концы валика дают основание увязать керамику из Борисовщины с кругом тех культур Украины, для которых она была характерна[6], хотя отличие их и очень значительное.

---

[2] Графическая реконструкция И. И. Артеменко, В. Ф. Исаенко и М. М. Чернявского.

[3] І. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні. Київ, 1957, стр. 143; Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1959, стр. 93.

[4] Один из пунктов был осмотрен в 30-х годах А. Рынейским: Анат. Рынейскі. Археолёгічные разьведкі на р. Пціч. Працы, III, Менск, 1932, стр. 210. А. Рынейским отмечено, что на песчаном угле около болота между деревнями Борисовщиной и Запольем встречены отщепы и пять лепных черепков без орнамента.

[5] И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области БССР. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1963, стр. 31—87.

[6] Б. А. Латынин. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой. Археологический сборник. 6, ГЭ, Л., 1964, стр. 53—71.

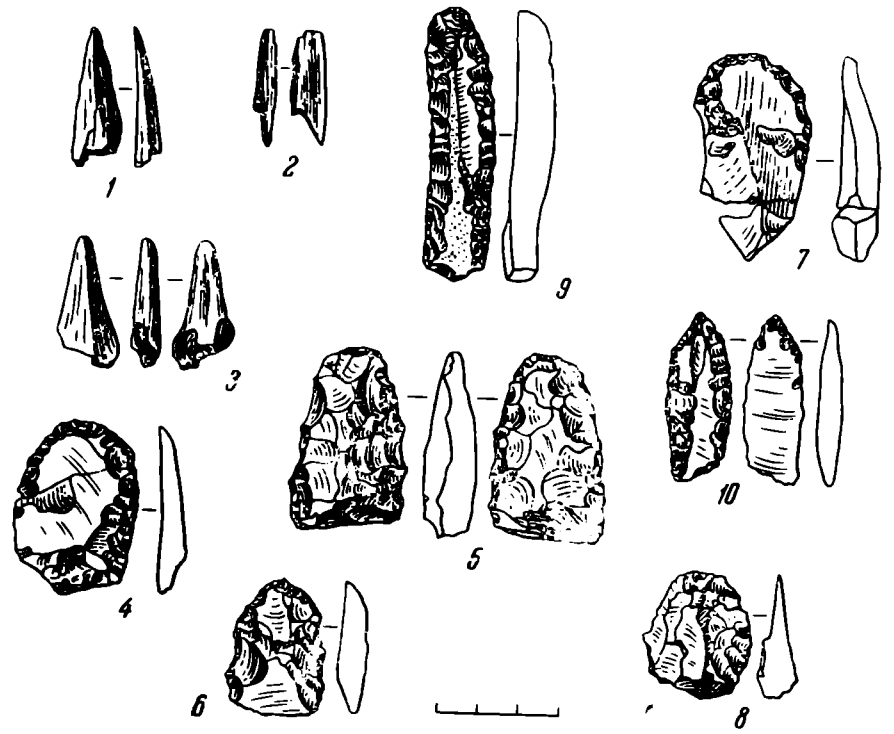


Рис. 2. Костяные и кремневые орудия из погребения у дер. Борисовщина (*1—3* — кость; *4—10* — кремень)

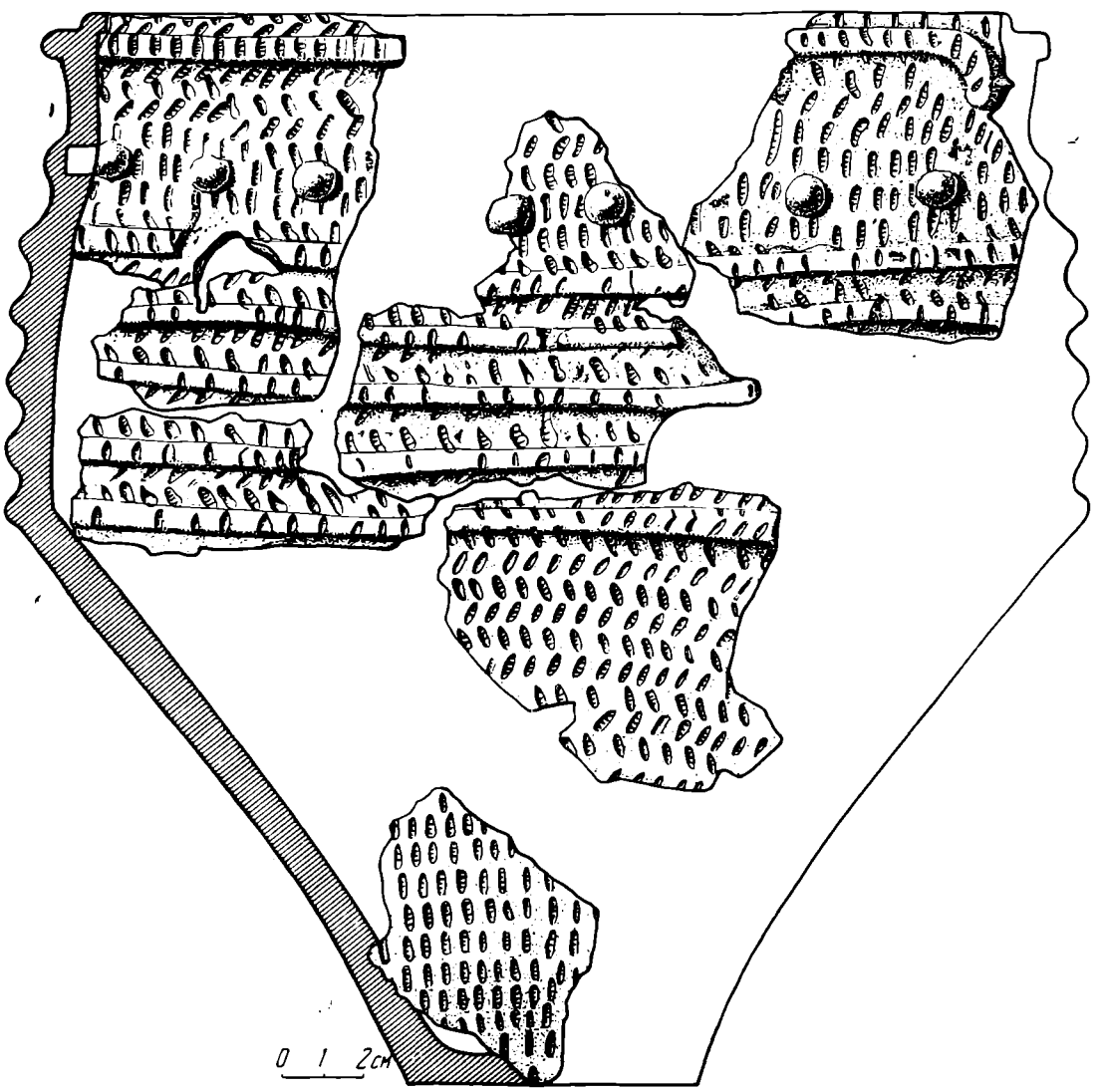


Рис. 3. Горшок из погребения у дер. Борисовщина

Захоронение у Борисовщины является одним из самых северных пунктов, дающих оригинальную многоваликовую керамику. Неполное трупосожжение, состав кремневого инвентаря, неолитические традиции в орнаментации сосуда и его форма заставляют предполагать раннее время обнаруженного погребения и относить его примерно к середине или к началу второй половины II тысячелетия до н. э.

Ю. В. ДЕРЕВЯГИН

САРАТОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В конце 1963 г. школьники при обследовании оврага в Заводском районе г. Саратова обнаружили поселение эпохи бронзы. В начале 1965 г. во время строительных работ этот памятник был полностью уничтожен.

Поселение находилось на правом берегу глубокого оврага, впадающего в р. Волгу, в 1,5 *км* к западу от его устья. Размеры селища в сторону от оврага — от 30 до 50 *м* и вдоль него — до 100 *м*. Поверхность селища ровная. Следы древних жилищ на нем не заметны. Культурные остатки в виде лепной керамики и кости домашних животных встречались как на поверхности, так и в обрывах. В обнажении виден культурный слой толщиной до 1 *м*. Вся поверхность поселения распахивалась местными жителями.

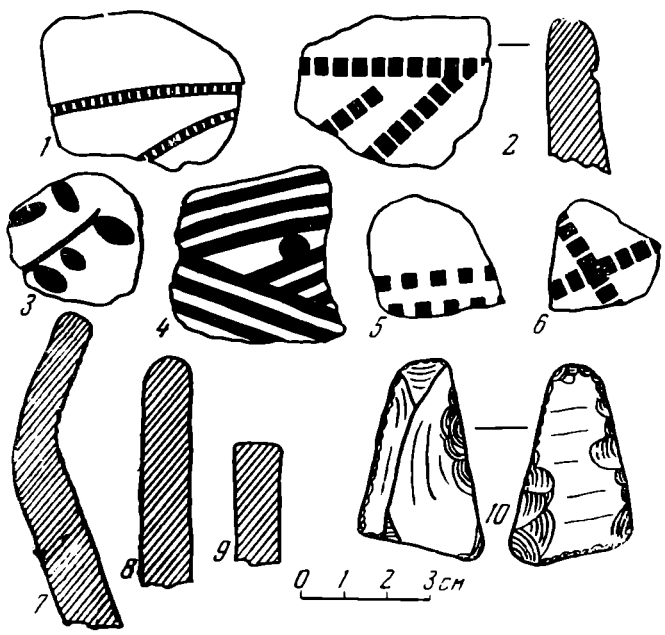


Рис. 1.

1—10 — находки на Саратовском поселении эпохи бронзы

На поселении собрано несколько сотен фрагментов лепных сосудов. Бо́льшая часть их принадлежит банкообразным сосудам. Венчики сосудов прямые или имеющие значительный отгиб наружу. Край венчика срезан горизонтально или округлен. Днища сосудов плоские. Стенки сосудов толщиной до 1 *см*. В изломе черепки черные. Поверхность некоторых черепков красная от сильного обжига, другие — черного цвета. В состав теста глиняных сосудов входит толченый камень или толченая ракушка. Большинство обломков глиняной посуды без орнамента. Некоторые сосуды орнаментированы отпечатками мелкозубчатого и крупнозубчатого штампов. Узоры имеют вид параллельных линий, крестов и треугольников, есть ямочные вдавления, продольные и наклонные борозды, нанесенные зубчатым штампом (рис. 1, *1—9*). Верхний срез некоторых венчиков орнаментирован крупнозубчатым штампом.

Аналогичный узор на сосудах, исполненный мелкозубчатым штампом, имеется на керамике Успенского поселения эпохи бронзы [1]. Узор в виде креста на сосудах отмечен на поселении Быково II [2], узор из продольных

[1] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 218, рис. 27.

[2] Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково. МИА, 78, 1960, стр. 275, рис. 5, *18*.

и наклонных борозд, сделанных зубчатым штампом, встречается на поселениях эпохи бронзы в Куйбышевском Поволжье [3]. Отпечатки крупнозубчатого штампа имеются также на сосуде из кург. № 3 погребения № 3 у с. Черебаево [4]. Указанные памятники относятся к срубной культуре.

Кроме керамики на поселении найдены обломки зернотерки и скребок, изготовленный из коричневого плотного кремня (рис. 1, *10*).

Весь комплекс находок на Саратовском поселении эпохи бронзы позволяет отнести этот памятник к развитой срубной культуре и датировать его серединой II тысячелетия до н. э.

---

[3] Н. В. Трубникова. Некоторые поселения эпохи бронзы по течению реки Усы в Куйбышевском Поволжье. МИА, 42, 1954, стр. 31, рис. 8, *7*, *9*.

[4] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 44, рис. 4, *6*.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ФИГУРКИ «СКИФОВ» ИЗ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

В 1961 г. на северной окраине станицы Червленной во время земляных работ был снесен курган. Школьники, присутствовавшие при этом, собрали и передали учительнице В. С. Дегтяревой (для школьного музея) вещи, найденные вместе с костями человека на месте кургана. Среди находок: фрагменты «пестрой» керамики плохого неравномерного обжига, глина с примесями песка и дресвы; два бронзовых наконечника стрел и глиняная статуэтка. Судя по сохранившимся обломкам, в могиле лежал кувшин с цилиндрическим горлом и шаровидным туловом — обычный тип посуды в памятниках Северо-Восточного Кавказа скифского времени. Двулопастные бронзовые наконечники с шипом на втулке определяют дату захоронения в пределах VI—V вв. до н. э.

Самой интересной среди находок была глиняная фигурка (сохранилась лишь верхняя ее половина длиной около 7 *см*). Она желтоватого цвета, хорошего обжига и изготовлена из отлично отмученной чистой глины. Фигурка изображает мужчину, упершего руки в бока. Лицо мужчины бородато, с длинным носом и большим губастым ртом. Глаза, брови, бороздки, передающие волосы бороды, процарапаны и выдавлены заостренной палочкой по мягкой глине. Лицо изображения выполнено подробно и в реалистических тонах. На голове мужчины — остроконечный колпак или шлем: характерный головной убор в скифо-савроматском и сако-массагетском мире. Передняя часть его украшена канелюрами (возможно, колпак был стеганым). Руки мужчины переданы схематично, как и одежда, о характере которой позволяют предполагать штрихи-складки на груди и рукавах (человек мог быть одет в толстый кафтан или во что-либо подобное). Таким образом, внешний облик мужчины вполне соответствует столь знакомому нам облику скифов, сарматов, саков и пр., известному по многочисленным изображениям и описаниям современников. Поясная часть фигурки несет явные следы заглаживания лопаточкой (рис. 1, *1, 2*).

О назначении скульптурки говорить, конечно, трудно, тем более, что не сохранилась ее нижняя часть. Ясно, пожалуй, только, что основное внимание ее создателя было сосредоточено на проработке головы фигурки и создании общей композиции.

Об этнической принадлежности изображенного, равно как и того человека, в захоронение которого попала фигурка, судить еще труднее. Погребальный обряд нам не известен, инвентарь сохранился не полностью. Если учесть характер одежды фигурки — это «скиф» (в самом

широком понимании этнического термина). Между прочим червленские курганы расположены на левом берегу среднего течения Терека, т. е. именно в том районе, который не могли миновать скифы во время своих походов через Кавказ в VII в. до н. э.[1] и савроматы, начало заселения которыми терско-кумского междуречья падает на V в. до н. э.[2]

Публикуемая скульптура стилистически отличается от широко известных изображений скифов и саков, например на электровом сосуде из кургана Куль-Оба, на серебряной чертомлыкской вазе, на золотых пластинках из аму-дарьинского клада и пр., хотя имеет с ними кое-что общее. Больше сходства наблюдается при сопоставлении червленской находки с одновременной ей глиняной головкой «скифа» из окрестностей Кировабада, опубликованной Е. И. Крупновым в 1940 г.[3]. Сходство тут проявляется не только в характере изображений (скульптура), но и в ряде важных деталей: стеганая шапка, трактовка бороды, носа и пр. Вместе с тем, общий облик и некоторые особенности лицевого изображения статуэтки из станицы Червленной — поза человека, резко профилированные черты лица, глубокие круглые глазные впадины — позволяют сближать червленскую статуэтку с синхронными бронзовыми скульптурками людей в кавказских памятниках.

Говоря о научном значении уникальной кировабадской головки «скифа», Е. И. Крупнов подчеркивает, что «она являет собою пример весьма редкой иконографии европейских скифов или среднеазиатских саков». Добавим: их собственной иконографии, в отличие от античных и иных изображений на местные темы. Это можно сказать и о червленской находке, с той лишь разницей, что в ней, по-видимому, воплотилось местное, специфически северокавказское решение передачи облика человека в VI—V вв. до н. э.

Еще одна фигурка «скифа» происходит из окрестностей селения Ялхой-Мохк. Здесь, южнее селения, учитель П. А. Попов в 1962 г. обнаружил могильник в каменных ящиках. Часть захоронений размыта р. Гумс, и некоторые погребения обнажились в обрывистом берегу. Под обрывом собраны многочисленные человеческие кости, а также обломки посуды раннего железного века, бронзовые браслеты, булавки, перстень позднекобанских типов, бронзовые двулопастные наконечники стрел с шипом на втулке, железные удила с С-образными двудырчатыми псалиями и пр. Находки указывают, что могильник существовал в период VI—IV вв. до н. э. и оставлен местным племенем, испытавшим значительное влияние со стороны степных культур «скифского» типа. Подобные и одновременные памятники неоднократно изучались в Чечено-Ингушетии (могильники Нестеровский, Исти-Су, Луговой и др.).

Среди достаточно обычных предметов, поднятых на территории могильника, выделяется каменная фигурка человека. Материалом для нее послужила речная серая галька, в изобилии встречающаяся в тех местах. Путем осторожных сколов, подпиливания и подшлифовки гальке придан вид человеческой фигуры в профиль (рис. 1, *3*). На одной стороне гальки ее естественная конфигурация дополнена нарезками, выделяющими ряд деталей одежды и тела. На голове фигурки изображен остроконечный колпак и, что особенно интересно, на нем (как и у червленской статуэтки) явственно видны такие же, как и на первой фигурке, «канелюры», украшающие переднюю часть колпака. Глубокая точка на лице — по-видимому, глаз. Четко прослеживаемые линии передают контуры нижней части лица, руки, согнутой в локте. Нижняя часть фи-

[1] Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. ВССА, М., 1954, стр. 186 сл.; В. Б. Виноградов. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). Тр. ЧИ НИИ, IX, Грозный, 1964, стр. 21 сл.

[2] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. ЧИ НИИ, VI, Грозный, 1963, стр. 8 сл.

[3] Е. И. Крупнов. Глиняная головка «скифа» из Закавказья. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 370—371.

гурки выполнена схематично, что объясняется, очевидно, недостаточным размером предмета и его специфической формой. На оборотной стороне гальки также видны следы попыток ее антропоморфного оформления (глаз, контур заднего края колпака и пр.). Но абсолютно плоская, испорченная природными наростами поверхность оказалась, наверное, совершенно не пригодной для рисунка, и изображение осталось преимущественно односторонним.

Фигурка, являясь единственным известным мне изображением такого рода, имеет сходство с каменными изваяниями скифского времени с их

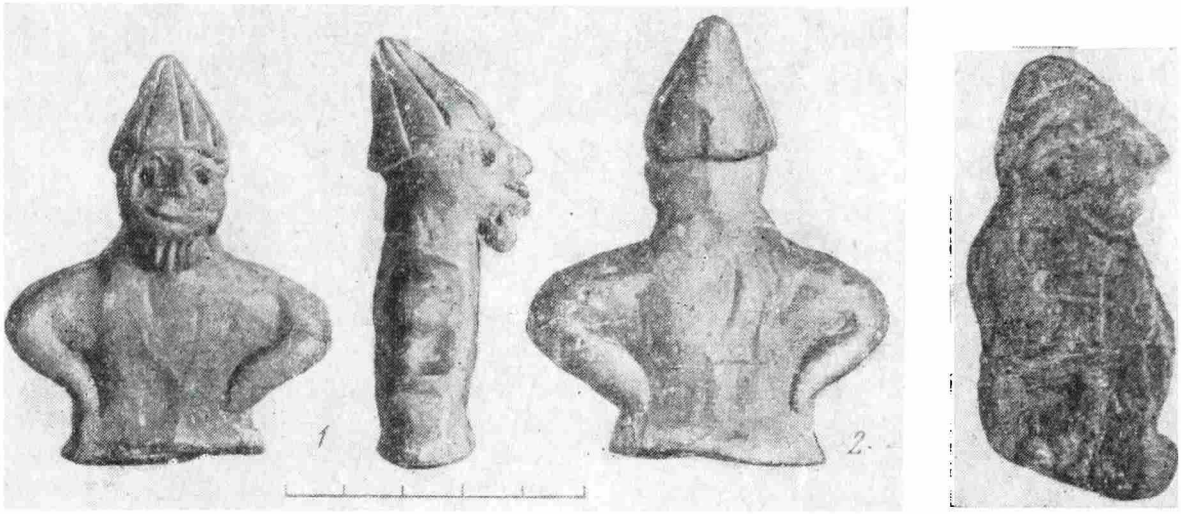


Рис. 1. Человеческие фигурки из Чечено-Ингушетии

1, 2 — глиняная статуэтка из кургана у станицы Червленной; *3* — каменная фигурка из могильника у селения Ялхой-Мохк

типичной позой присевшего человека, сложившего руки на животе. Сходство это, весьма заметное само по себе, является тем более существенным и определяющим, что ялхой-мохкская находка происходит из того района восточной Чечни, где в недавнее время обнаружен ряд каменных изваяний — стел скифской эпохи (у селений Бетп-Мохк, Замни-Юрт, Мескеты, Галайты) [4]. Надо полагать, что местное население высекало не только крупные каменные изваяния, но и делало небольшие фигурки.

Исконно местный характер всех археологических объектов в Чечено-Ингушетии, сохранивших нам каменные изображения людей скифского времени, не вызывает сомнений. Это памятники аборигенных племен, носителей каякентско-хорочоевской и кобанской культур в их поздних вариантах. Однако некоторые черты погребального ритуала и инвентаря и факт находки изваяний, сходных со скифскими каменными изваяниями не только общей формой и композицией, но и в деталях (акинаки на галайтинском и мескетинском изваяниях, костюм ялхой-мохкской фигурки и пр.), вновь ярко подтверждают, что местное население — предки современных вейнахов и дагестанских народностей — жило не изолированно от внешнего мира и в первую очередь от скифских и савроматских племен.

Между прочим, местный характер всех известных каменных изваяний из Чечено-Ингушетии подтверждается и заметным отличием их от одновременных изваяний Прикубанья и Северного Причерноморья. Последние выполнены, как правило, с большим мастерством, более объем-

---

[4] В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, 1, стр. 158—159, рис. 1.

ны, на них видно большее количество деталей одежды и оружия [5]. Такое отличие однотипных памятников может иметь только одно объяснение: привносная сюда традиция создания каменных изваяний исполнялась руками местных кавказских мастеров с учетом их вкусов и навыков. Аналогичный процесс наблюдается в это время и в области распространения «скифо-сибирского» звериного стиля. Характеризуемые нами фигурки существенно отличаются и от савроматских антропоморфных изваяний Приуралья [6].

Червленская и ялхой-мохкская находки фигурок «скифов» — единственные в своем роде на всем Северном Кавказе. Уже этим объясняется значение как их самих, так и памятников, в которых они найдены.

[5] А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, IV, 1925, стр. 99—110.

[6] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, рис. 75, *20—21*.

Д. М. ЛИХАЧЕВА

ЮЖНО-ИТАЛИЙСКАЯ ПЕЛИКА РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ

Из имения Мусина-Пушкина Борисоглебское в Рыбинский историко-художественный музей поступила античная ваза, покрытая толстым пластом наслоений. После удаления их в Государственной Центральной художественно-реставрационной мастерской им. И. Э. Грабаря появилась возможность датировать эту вазу.

По форме — это пелика. Ее размеры: высота 16,3 *см*, диаметр 12 *см* (соотношение высоты к диаметру равно 4 : 3). Форма пелики приземиста, ножка слегка скошена, не имеет профилировки. Цвет черепка красноватый. На одной стороне вазы изображена амазонка (рис. 1, *Б*), на другой — юноша с двумя венками в руках (рис. 1, *А*).

Рисунок на вазе — это накладная роспись, исполненная разбавленной жидкой глиной поверх черного лака, покрывающего всю ее поверхность.

Впервые вазы с подобной росписью появились в Аттике в конце VI в. до н. э. И. Сикс выделил их в особую группу (около 70 ваз) и по имени исследователя техника исполнения росписи на этих вазах носит название «техника Сикс» [1]. Термин этот обычно распространяется в литературе лишь на вазы наиболее раннего периода, датируемые концом VI — началом V в. до н. э. Согласно исследованию И. Сикса, эта роспись появилась в период, переходный от изготовления ваз с чернофигурной росписью к краснофигурной, и имеет много общего как с чернофигурным стилем, так и с ранним краснофигурным.

И. Сикс подробно исследовал лишь начальный период появления ваз с накладной росписью, но высказал мысль о непрерывной традиции подобной росписи.

Вазы с накладной росписью, впервые появившиеся в период возникновения краснофигурной росписи, вновь появляются в IV в. до н. э. Но если первоначальное появление этой техники было связано с поисками нового в изображении человеческой фигуры, то обращение к ней в IV в. отражало уже не поиски новых форм, а закат краснофигурного стиля вообще. К этому-то времени и относится наша пелика. За это говорит небрежное, но грамотное изображение на ней человеческих фигур. На одной стороне пелики видна амазонка в характерном, расшитом

[1] J. Six. Vases polychromes sur fond noir de la periode archaique (Gaz. arch., 28, 29, 1888, стр. 193—210, 281—294); R. M. Cook. Greek Painted Pottery. London, 1960, стр. 370 «техника Сикс». Наложение красящего вещества поверх темной краски используется в подражание краснофигурной технике; внутренние детали гравированы вплоть до цвета темной краски».

а

б

Рис. 1. Пелика Рыбинского музея

а — изображение юноши с венками; *б* — изображение амазонки

узорами костюме: длинная, перехваченная поясом верхняя рубашка типа хитона надета на нижнюю одежду с длинными рукавами. Узкие штаны, украшенные волнистыми или зигзагообразным орнаментом, характерны для изображения амазонок. На голове шапка типа «фригийского колпака». В правой руке амазонка держит лунообразный щит-пельту с изображением головы медузы-горгоны «устрашающей», в левой — короткий дротик, занесенный для удара. Представляется необычным изображение фигуры только одной амазонки (к тому же без обычных для нее атрибутов). Чаще же амазонка встречается в групповых сценах амазономахии (битва греков с амазонками), а на чернофигурных вазах — побежденная Гераклом в его подвигах и реже в виде парного изображения (бегущие амазонки). Лишь изредка встречаются амазонки «одиночные», но и они относятся к классической эпохе [2]. Можно предполагать, что изображение амазонки на нашей вазе взято из какой-либо большой композиции более раннего времени.

На другой стороне пелики изображен юноша. Через плечи его, спадая на руки, перекинут гиматий. В руках он держит по лавровому венку, которые предельно стилизованы и даны в виде точек, расположенных по кругу.

Орнаментальные мотивы — пальметта под ручками вазы, фланкируемая разветвляющимися усиками, точечный орнамент, отделяющий тулово от горловины вазы, украшенной палочным орнаментом, и гравированная линия «земли» служат обрамлением сюжетной росписи.

[2] Bothmer, Dietrich. Amazons in Greek art. Oxford. 1957.

Не перегружая композиции, художник заполняет фон орнаментом, стилизуя его до максимального упрощения. На стороне, где изображен юноша с двумя венками, он помещает две точечные розетты и с левой стороны вводит в дополнение орнамент в виде усика.

Выше мы обращали внимание на приземистую форму пелики. Даже беглое исследование пелик IV в. до н. э. показывает, что пропорции их варьируют. Соотношение высоты и диаметра составляет 4 : 3 или 3 : 2, диаметр венчика равен максимуму расхождения ручек и наибольшему диаметру тулова вазы; венчик круто загибается книзу, поддон не имеет профилировки (напомним, что соотношение высоты к диаметру на нашей пелике равно 4 : 3). Несомненно, что исследуемая нами пелика относится к южноиталийской группе керамики IV в. до н. э. Представляется возможность отнести ее и к определенной керамической школе Южной Италии.

Керамические мастерские на территории «Великой Греции», как называли раньше южные области Южной Италии, были основаны в 440 г. до н. э. аттическими мастерами. Но только со второй четверти IV в. до н. э. Апулия, Лукания, Кампания и Пестум — керамические школы Южной Италии — приобрели собственные индивидуальные черты. Наиболее важной из них несомненно являлась апулийская школа.

Для атрибуции пелики нам следовало бы сравнить все эти школы, что затруднительно. Прежде всего недостаточно полно изучена продукция этих школ по сравнению с классическими греческими образцами керамики. Почти нет и работ по исследованию керамики переходного периода от краснофигурного стиля к стилю Гнафия, а также отсутствует сравнительный материал в наших музеях [3].

Из школ южноиталийской группы наиболее полно изучены Апулия и Пестум, но и эти исследования пока еще не доведены до полного завершения.

Но, даже располагая, казалось бы, незначительным литературным и вещественным материалом, приходится склониться к тому, что исследуемая нами пелика относится к апулийской школе керамики. Попробуем проследить это положение на самой вазе. Пелика как форма античных сосудов среди южноиталийских ваз встречается главным образом в Апулии. Это подтверждается наблюдениями Р. М. Кука, который пишет, что пелики являются большей частью апулийскими, а «маленькие пелики распространены в Гнафии» [4] (что тоже не выводит за пределы Апулии), а также публикациями южноиталийской керамики (главным образом в Corpus Vasorum antiquorum). Интересно, что приземистая пелика с утолщением в нижней части тулова появляется впервые также в Апулии около 380 г. до н. э. [5] и в дальнейшем становится излюбленной формой художников этой же школы. Соотношение высоты и диаметра 4 : 3, аналогичное нашей пелике, появляется на вазах Апулии со второй четверти IV в. до н. э. Напомним, что более половины дошедших до нас пестумских ваз представляет собой колоколообразные кратеры, гидрии, амфоры с шейкой, резко отделяющейся от плеч, и лекифы. Пелики в Пестуме встречаются лишь в ранний период развития этой школы. Пелики, на которых роспись исполнена в стиле накладной росписи, не встречаются ни в Пестуме, ни в Кампаньи, ни в Лукании. Красноватый цвет глиняного черепка на нашей пелике более характерен для Апулии, нежели для Кампаньи (здесь он чаще желтого или светло-коричневого тона). При-

---

[3] Основное собрание ваз с накладной росписью по черному лаку (относящихся к южноиталийской группе керамики) находится в музеях Южной Италии.

[4] R. M. Cook. Ук. соч., стр. 196, 224. Имеются в виду вазы с накладной росписью.

[5] Alexander Cambitoglou, A. D. Trendall. Apulian Red-Figured Vase-Painters of the Plain Styll, 1961, табл. III, *63—65*, *57*, *58*.

менение только одной накладной красной краски типично для ваз Пестума, хотя встречается также и в Апулии [6]. Для Кампаньи более характерна полихромная роспись, выполненная в основном белой, желтой и красной красками.

В пользу Апулии свидетельствует и роспись вазы. Фигура амазонки отличается манерностью и некоторой вычурностью исполнения. Фигура юноши с двумя венками в руках напоминает множество женоподобных мужских фигур, встречающихся на апулийских вазах [7]. Кстати следует отметить, что у этого же художника в руках его «женоподобных» мужских фигур имеются стилизованные венки из пальмовых веток, подобно нашему юноше, но венок на нашей пелике более стилизован, и это понятно, так как по технике исполнения росписи она относится к более позднему времени.

Что касается сюжета, то амазонки на вазах чаще всего встречаются именно в Апулии, особенно в IV в. до н. э., и не характерны для Пестума или Кампаньи [8]. Это подтверждается также наблюдением А. Д. Трендалла, что «одной известной особенностью пестумских ваз является отсутствие героических сцен, изображение которых так часто встречается на оборотных сторонах апулийских ваз и в меньшей степени на луканских» [9]. Сюжет амазонки в апулийской школе появился еще у художника Сизифа — основоположника этой школы, который ввел двух- и трехфигурную композицию в IV в. до н. э. Пальметта под ручками встречается в основном в пестумской школе (подобная пальметта служит своего рода атрибутом этой школы), но есть она и на апулийских вазах. Общим для апулийской школы являлось стремление, вначале робкое, а затем усиливающееся, заполнить свободное пространство поверхности сосуда без соблюдения правил симметрии. Исходя из сказанного выше, мы можем утверждать, что мастер исследуемой нами пелики был тесно связан с традициями апулийской школы, существовавшей во второй четверти IV в. до н. э.

По нашему мнению, пелика Рыбинского историко-художественного музея датируется концом второй четверти IV в. до н. э. и не может быть позднее третьей четверти IV в. до н. э.

---

[6] A. D. Trendall. Paestan Pottery. London, 1936, стр. 107.

[7] Alexander Cambitoglou, A. D. Trendall. Ук. соч. (художник Lecce 686).

[8] Мы не рассматриваем продукцию луканской школы, для которой характерны грубые большеголовые фигуры. Пелики здесь не встречаются, а основной формой сосуда является несторис.

[9] A. D. Trendall. Paestan Pottery, стр. 107.

В. А. БАШИЛОВ

БРОНЗОВАЯ ГИДРИЯ ИЗ КУРГАНА У С. МАСТЮГИНО

В 1960 г. при раскопках П. Д. Либерова в курганной группе у с. Мастюгино Воронежской обл. в кургане № 29/21 была найдена бронзовая гидрия (рис. 1). Погребение было несколько раз ограблено, но грабители не заметили бронзовую вазу, лежавшую вместе с серебряным ритоном у стены ямы, так что они были найдены при раскопках in situ. Комплекс вещей из этого погребения может быть датирован V—IV вв. до н. э. [1].

Гидрия была сильно испорчена. Ручки и поддон отвалились, а бок, на котором она лежала, продавился. Впоследствии ваза была реставри-

---

[1] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы. СА, 1961, 3, стр. 157. Его же. Памятники скифского времени на Среднем Дону, САИ Д 1—13, М., 1965, табл. 30, *6*.

рована и ныне находится в собрании Воронежского областного краеведческого музея.

Мастюгинская гидрия представляет собою большой довольно приземистый и коренастый сосуд [2]. Тулово вазы изготовлено из листовой бронзы, а венчик, ручки и поддон — литые. Посредине шейки заметен круговой шов — место соединения корпуса с литым венчиком. Гидрия имела по-

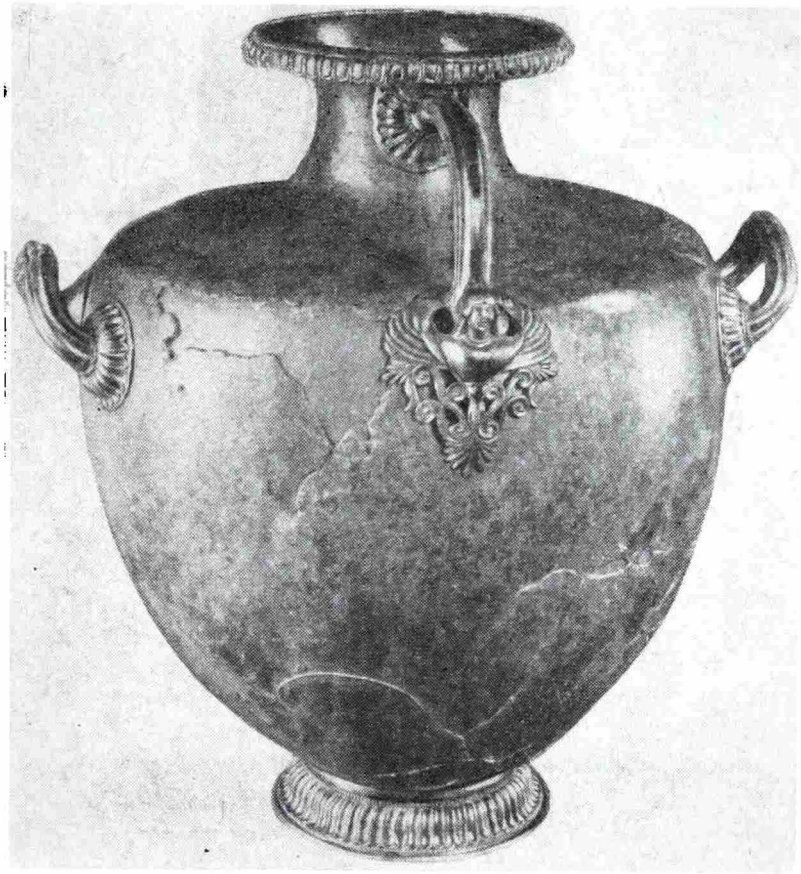


Рис. 1. Бронзовая гидрия из Мастюгино

вреждения еще в древности. Найдены две овальные бронзовые заплатки. Место одной из них было хорошо заметно по следам на корпусе.

Орнаментация гидрии довольно скромна. Спускающийся вниз край венчика украшен рядом «овов», над которыми идет ряд ложных шариков. Верхнее основание вертикальной и основание горизонтальных ручек оформлены одинаково, в виде розеток из удлиненных волнутых лепестков с рядом таких же ложных шариков, окружающих ручку. Внешние концы лепестков не соприкасаются непосредственно с туловом гидрии. По этой же схеме, но с дополнительным рядом ложных шариков под лепестками, украшен и поддон.

На нижнем конце вертикальной ручки находится скульптурное изображение сирены (рис. 2). Черты округлого лица нанесены довольно грубыми нарезками. Так же изображены и пряди длинных, слегка волнистых волос, распущенных по обе стороны головы до плеч. На шее — ожерелье, украшенное насечками, скошенными в разные стороны. Рук нет. Плечи переходят в широкие крылья с одним рядом перьев, которые лежат на

---

[2] Размеры гидрии (в *см*): высота 40,50; наибольший диаметр 31; диаметр венчика 14,70; диаметр поддона 14,30; высота поддона 3,22; боковые ручки находятся на высоте 26,50; диаметр розеток боковых ручек 5,40. Размеры изображения сирены: высота 8,50, ширина 7,80 *см*.

плечиках сосуда. Птичьи лапы сирены переданы вертикальными углублениями довольно неясно. Они опираются на девятилепестковую пальметку. Между пальметкой, лапами и крыльями с обеих сторон располагается растительный орнамент, стилизованный в виде четырех завитков, с выступами в центре каждого из них. Между верхними завитками и крыльями — пятилепестковые пальметки. От них вниз спускаются небольшие язычки.

Рис. 2. Сирена на гидрии из Мастюгино

Бронзовые сосуды с изображением сирены у основания ручки встречаются часто. Они найдены и на территории нашей страны [3]. В. Лэмб выделяет среди такого рода сосудов группу бронзовых гидрий. «Их особенность в том, что пальмета под ногами сирены поддерживается сверху, с двух сторон, узором из четырех завитков с маленьким выступом в центре каждого завитка» [4]. Именно к этой группе и относится мастюгинская ваза. Это, однако, не единственная находка такой гидрии на территории СССР.

Обломки сходного сосуда найдены в гробнице № 16 из раскопок А. Е. Люценко в 1876 г. на некрополе Нимфея [5]. Такой же сосуд, изображенный в «Древностях Боспора Киммерийского», происходит, судя по описанию, из кургана Куль Оба [6]. Однако в фондах Государственного Эрмитажа хранится, кроме нимфейской, только одна бронзовая гидрия с

---

[3] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, стр. 66, рис. 35; Н. П. Сорокина. Навершие боспорского надгробья с фигуркой сирены из собрания Государственного Исторического музея. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 94, № 9—11, 13.

[4] W. Lamb. Greek and Roman Bronzes. London, 1929, стр. 163.

[5] ОАК за 1877, III, стр. 4; Л. Ф. Силантьева. Ук. соч., стр. 81, рис. 45, стр. 83.

[6] ДБК, XLIV, 7.

сиреной [7]. Именно она и изображена в ДБК. Идентифицировать этот сосуд с изображением удается по расположению повреждений на корпусе. Гидрия поступила в Эрмитаж в 1837 г. и, согласно рапорту Г. Ашика от 15 января 1837 г., происходит из его раскопок одного из больших курганов на Карантинном шоссе около Керчи в 1836 г. [8] Ваза была найдена в склепе,

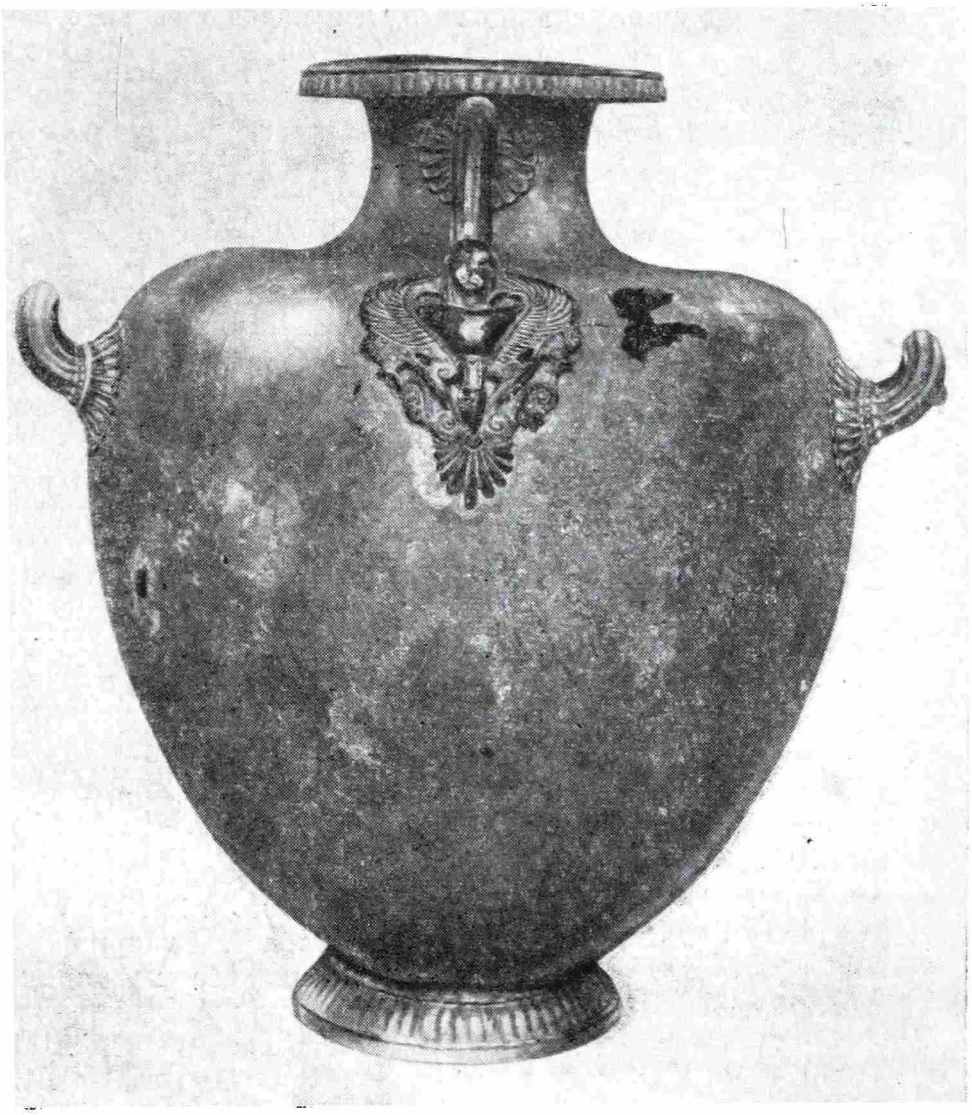


Рис. 3. Бронзовая гидрия из Керчи

где «по снятии верхней плиты, мы нашли гробовой ящик из кипарисового дерева, а в ящике урну с заделанною крышею из коринфской бронзы с жженными костями... Возле урны стояли две разбитые алебастровые продолговатые вазы». Таким образом, в ДБК эта гидрия отнесена к Куль Обе ошибочно.

Керченская гидрия несколько меньше мастюгинской [9], хотя по форме и пропорциям они очень похожи (рис. 3). В деталях орнаментации этих сосудов наблюдаются некоторые различия. На поддоне вазы из Керчи нет ряда ложных шариков над и под вытянутыми лепестками. На розетках

[7] Ее инвентарный номер $\frac{\text{П. 1836}}{4}$

[8] Архив Гос. Эрмитажа, оп. I 1831, д. № 19, стр. 168, 483, 485, 487.

[9] Размеры гидрии (в *см*): высота 34,60; наибольший диаметр 27,90; диаметр венчика 12,70; диаметр поддона 12,30; высота поддона 2,20; боковые ручки находятся на высоте 22,50 *см*. Диаметр розеток боковых ручек — 4,60 *см*. Размеры изображения сирены: высота 9,80, ширина 7,90 *см*.

в местах прикрепления боковых и верхнего конца вертикальной ручки концы лепестков непосредственно соприкасаются с туловом сосуда, так же как и на розетках гидрии из Нимфея. Боковые ручки расположены на корпусе сосуда несимметрично, скорее всего в результате неточной реставрации.

Голова сирены сильно испорчена (рис. 4). Черты лица неразличимы. Плечи переходят в широкие, сильно загнутые назад крылья с двумя рядами перьев, так же как и у сирены нимфейской гидрии. Птичьи лапы с полосками, вероятно изображающими браслеты, опираются на округлую пальметку из 11 лепестков. Четыре завитка между пальметкой и крыльями с каждой стороны отличаются от мастюгинского изображения только дополнительной пятилепестковой пальметкой под одним из завитков. Боковые пальметки имеют по семь лепестков.

Рис. 4. Сирена на гидрии из Керчи

Еще одна гидрия такого же типа найдена среди 14 бронзовых сосудов у с. Песчаное Черкасской обл. УССР[10]. Таким образом, на территории нашей страны встречены четыре экземпляра сосудов этой группы.

Три экземпляра происходят с территории Греции. Это гидрия № 2673 из собрания Лувра[11], гидрия № 7914 Афинского музея[12] и вертикальная ручка гидрии с сиреной, хранящаяся в Метрополитен Музее Нью-Йорка[13]. Еще две вазы найдены: одна в Нижней Италии[14], а вторая в кургане около г. Варна в Болгарии[15]. Кроме того, гидрия такого типа находится в собрании Британского Музея[16]. Еще один экземпляр хранится в Афинском музее[17].

В. Лэмб относит всю группу ко времени от начала V в. до н. э. до IV в. до н. э. Мастюгинская гидрия по своей форме ближе всего стоит к вазе Британского Музея, которая датируется первой половиной V в. до н. э.[18]. Так же определяет время вазы Британского Музея и Д. Робинсон, срав-

[10] С фотографией гидрии меня любезно познакомила О. Д. Ганина.

[11] A. de Ridder. Bronzes Antiques du Louvre, II, Paris, 1913—1915, табл. 97.

[12] A. de Ridder. Catalogie des Bronzes de la Société archéologique d'Athènes. Paris, 1894, стр. 11; V. Stais. Marbles et Bronzes du Musée National. Athènes, 1910, стр. 300.

[13] G. M. A. Richter. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. New York, 1915, стр. 52—54.

[14] Erwerbungen der antiken sammlungen. Münchens, 1907/08, Arch. Anz., 1910, I, стр. 51.

[15] К. Шкорпил. Археологически бележки отъ Черноморското Крайбрѣжие. ИБАИ, VI, София, 1932, стр. 71, сл. рис. 51—52.

[16] W. Lamb. Ук. соч., стр. 164, 183, табл. LVIII.

[17] W. Lamb. Ук. соч., стр. 183, табл. LXXI, *a*.

[18] W. Lamb. Ук. соч., стр. 164.

нивающий ее с гидриями из Эгины и из собрания Род Айлендской школы рисунка в Провиденсе [19]. Они датируются по надписям временем около 470 г. до н. э.

В Голематой могиле в Болгарии найдена гидрия, форма которой и оформление розеток на ручках и поддоне совершенно аналогичны мастюгинскому экземпляру. Изображение сирены заменено здесь такой же розеткой [20]. Погребение относится ко времени не позже середины V в. до н. э.

Сходную форму пальметы, но с 11 лепестками, под ногами сирены мы встречаем на вертикальной ручке из Нью-Йорка. Все изображение вместе с системой завитков и пальметок очень близко к сирене на керченской гидрии. Датируется она второй четвертью V в. до н. э. [21].

На основании аналогий мы можем уверенно отнести мастюгинскую гидрию ко времени не позже второй четверти V в. до н. э. Керченская ваза, возможно, несколько моложе ее, но и та и другая принадлежат к ранним экземплярам этой группы бронзовых сосудов. Близка к ним по времени и нимфейская гидрия [22].

Вопрос о центре производства бронзовых ваз очень неясен. Место находки их на территории материковой Греции не может служить здесь показателем. Ведь они, по всей вероятности, были ходким товаром как на внешнем, так и на внутреннем рынке Греции. Можно только присоединиться к мнению Г. Рихтер, которая считает, что невозможно установить центр производства бронзовых гидрий, пока не найдены остатки самого производства [23].

Находка гидрии в кургане под Воронежем еще раз показывает оживленность и большую протяженность торговых связей самой Греции и ее причерноморских колоний. К племенам, населявшим в древности бассейн Среднего Дона, эта ваза, как и многие другие вещи греческого производства скорее всего попала в V в до н. э. из Боспора. Это кажется особенно вероятным потому, что именно на территории Боспора найдены керченская и нимфейская гидрии.

[19] D. M. Robinson. New Greek Bronze vases. AJA, XLVI, 2, 1942, стр. 180.
[20] Б. Д. Филов. Новооткрити тракийски гробници отъ Диванлий. ИБАИ, VII, София, 1933, стр. 243, рис. 25.
[21] G. M. A. Richter. Ук. соч., стр. 52.
[22] Л. Ф. Силантьева. Ук. соч., стр. 83.
[23] G. M. A. Richter. A Fourth Century Bronze Hydria in New York. AJA, L, 3, 1946, стр. 365.

Г. Д. БЕЛОВ

СИНОПСКАЯ АМФОРА ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1963 г. при раскопках в северном районе Херсонеса (XXV квартал) в колодце А были найдены обломки амфоры, которую удалось реставрировать (рис. 1). Высота амфоры 48 *см*, диаметр венчика горла 9,5 *см*, высота 11 *см*, диаметр корпуса в плечиках 35 *см*. Короткая ее ножка заканчивается коническим выступом. По форме амфора близка ранним синопским амфорам, но не тождественна им [1]. У амфоры из ГИМ на ножке снизу имеется ямка [2], у амфоры из Керченского музея корпус и горло более широкие, нежели у херсонесской, ножка ее коническая, но без перехвата [3]. Амфоры ГИМ и Керченского музея датируются концом IV — началом III в. до н. э. [4].

На ручке херсонесской амфоры имеется клеймо с именем Батиска и эмблемой Синопы — изображением орла на дельфине (рис. 2, *5*). Имя

[1] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 85, 1960, стр. 91.
[2] Там же, рис. 30, *в*.
[3] Там же, рис. 30, *б*.
[4] Там же, стр. 91.

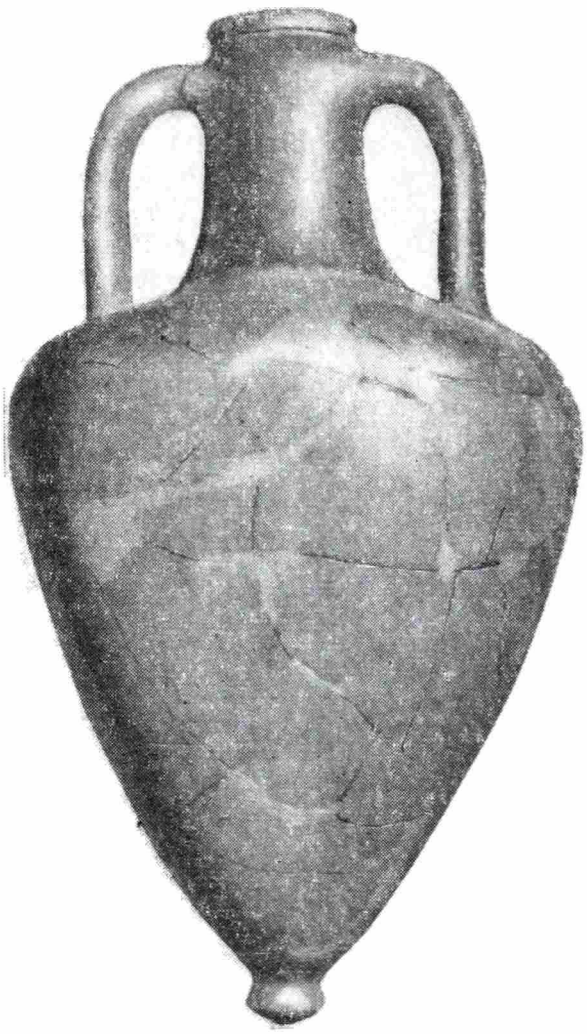


Рис. 1. Синопская амфора из Херсонеса

Батиск у Б. Н. Гракова значится в I группе, в подгруппе А, как имя фабриканта [5], до сих пор оно встречалось всегда в сочетании с именами астиномов: Ендема [6], или Аполлодора [7], или Дионисия [8]. На херсонесской же амфоре лишь одно имя Батиска, имени астинома нет, хотя клеймо сохранилось полностью. Вновь найденная в Херсонесе амфора происходит, несомненно, из Синопы, на что указывают ее форма, фактура и имя Батиска, и является редким экземпляром, до сих пор не встречавшимся ни в Херсонесе, ни в Северном Причерноморье.

По форме подобные амфоры датируются концом IV — началом III в. до н. э. [9]. Клейма с именем Батиска также датируют концом IV в. до н.э. Насколько эта датировка соответствует материалам из колодца, вместе с которыми была найдена амфора? Наибольшее число предметов составляли обломки амфор, происходящих из нескольких центров. Одна группа их имеет «колпачковую» ножку (рис. 2, *1*), относится к IV в. до н. э. и считается происходящей с о. Хиоса [10]. Ко второй группе, наибольшей по количеству, принадлежат обломки амфор с рюмкообразной ножкой (рис. 2, *2—3*) с о. Фасоса [11], датируемых IV—III вв. до н. э. Третью группу составляют обломки херсонесских амфор (рис. 2, *4*), также IV — III вв. до н. э. [12]. Четвертая группа — амфоры из Гераклеи [13]. На двух обломках гераклейских амфор частично сохранились клейма, из которых одно (рис. 2, *6*) с именами Еварха и Аристона [14]. Таким образом, все типы амфор хотя и принадлежат различным центрам, но относятся к одному времени — концу IV — началу III в. до н. э., т. е. не противоречат датировке синопских амфор с именем Батиска, установленной Б. Н. Граковым и И. Б. Зеест.

---

[5] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 117—119, 200.

[6] В. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепицах, найденных в Феодосии в 1894 г. 300, XVIII, 1895, стр. 125, № 18.

[7] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем в 1901—1902 гг. ИАК, 11, СПб., 1904, стр. 61, № 228.

[8] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917, стр. 82, № 418.

[9] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 90—91; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 117—119.

[10] И. Б. Зеест. Ук. соч., рис. 14, *а*.

[11] Там же, рис. 23, *а*; 24, *ж*; 24, *и*.

[12] Там же, рис. 39, *б*.

[13] Там же, рис. 42, 45, 47.

[14] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 124, № 105; Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 203, № 31—32. Автор это клеймо относит ко II группе и датирует III в. до н. э.

Шахта колодца А имеет в плане четырехугольную форму, которая в Херсонесе встречается редко, обычно она круглая. Аналогичный колодец, четырехугольный в плане, был открыт нашими раскопками на участке 1947—1948 гг. в XVIII квартале. Его заполнение по времени аналогично: в нем также найдены обломки амфор из Гераклеи, Фасоса и Синопы и фрагменты прочей керамики IV—III вв. до н. э. [15]. Оба колодца были засыпаны, по-видимому, в начале — первой половине III в. до н. э. в результате перестройки жилых домов, продолжавших существовать до II—I вв. до н. э.

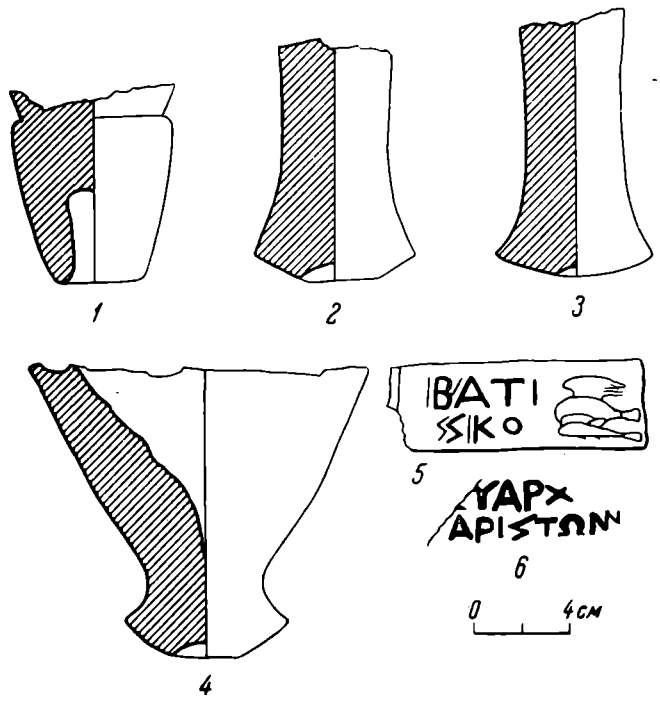


Рис. 2.

1—4 — амфорные ножки из колодца А; *5* — клеймо с именем Батиска на синопской амфоре; *6* — клеймо на гераклейской амфоре

Поскольку в обоих колодцах оказались материалы IV в. до н. э., можно сделать вывод о том, что исследуемый нами в течение трех десятилетий северный район Херсонеса, первоначально в V — IV вв., занятый некрополем, с конца IV в. до н. э. был уже застроен жилыми домами. Данные раскопок некрополя, производившихся здесь в 1936—1937 гг., подтверждают эту дату. Наличие некрополя и в XXV квартале раскопками 1963 г. подтвердилось: были найдены остатки погребений — человеческие разрозненные кости и надгробная стела. Следовательно, некрополь в V—IV вв. до н. э. занимал обширную территорию, находившуюся вне города: XXV квартал удален от XV—XVI кварталов, где впервые были открыты массовые захоронения в 1936—1937 гг., на расстояние в 100 *м* [16].

Застройка некрополя жилыми кварталами началась с конца IV в. до н. э. и происходила весьма интенсивно. В результате роста городской территории вся ложбина северного района, бывшая под некрополем, к концу IV в. оказалась уже под жилыми домами.

Быстрое расширение территории города свидетельствует, в свою очередь, об интенсивном развитии экономики Херсонеса, об увеличении количества его населения, о расширении его владений как на Гераклейском полуострове, так и на северо-западном побережье Крыма, о росте торговых связей с многими центрами (керамика Гераклеи, Синопы, Фасоса, может быть, Хиоса и др.). Эти явления находят подтверждение и в факте начала чеканки своей монеты в Херсонесе и в том, что строятся мощные оборонительные сооружения, для выполнения которых население уже располагало достаточными средствами.

---

[15] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА, 34, 1953.

[16] Раскопками 1965 г. в XXV квартале открыты хорошо сохранившиеся скорченные погребения.

А. Н. ЛИПСКИЙ

ПОГРЕБЕНИЯ ТАГАРСКИХ ВОИНОВ НА Р. БИДЖА

С. В. Киселев в своей сводке наших знаний археологических эпох Хакасско-Минусинской котловины писал: «Выделяется... значительное количество погребений воинов, украшенных... повязками с бляшками, небольшими ожерельями и ножными браслетами и вооруженных прикрепленными на поясе кинжалами и ножами, положенными на руки клевцами или боевыми топорами и стрелами с костяными и бронзовыми наконечниками, иногда клавшимися связкой (может быть, в колчане) у локтя левой руки». И несколькими строками ниже: «Особую группу погребений образуют изредка встречающиеся могилы хорошо вооруженных воинов, при которых найдены специальные отличительные знаки — навершья» [1].

В Хакасско-Минусинской котловине мне пришлось исследовать ряд погребений с ножными браслетами, относящихся к первой стадии тагарской эпохи. Значительная часть этих погребений содержала скелеты людей, при жизни отмеченных так называемыми ножными браслетами. Правда, найти женщин, имевших (как отметил С. В. Киселев) такие браслеты, мне не удалось,— все носители этих знаков воинского отличия были мужчинами, но последние, как правило, имели украшения, аналогичные женским. Подобные погребения имели головные повязки с нашивками из медных колпачков, иногда пастовые подделки под раковину *Cyprea moneta*, бахрому из пастовых и медных пронизок, пастовые и стекловидные бусы разной величины, конические медные бляшки или биконические массивные бронзовые бусы, нанизанные на тонкие ремешки. В случае, если тазовая часть скелета была разрушена, а череп отсутствовал, то по этим повязкам и мужские скелеты можно было принять за женские. Не имея возможности остановиться на всех моих находках погребений с ножными браслетами, опишу лишь последнюю раскопку в долине р. Биджи в 1963 г.

Могильник, часть которого подлежала уничтожению при строительстве дороги Абакан — Красноярск, состоял из пяти плоских, низких курганов, вытянутых двумя рядами в северо-северо-западном направлении. Так же были ориентированы продольной осью и курганы. На поверхности курганы обозначены невысокими угловыми и простеночными камнями [2], а кое-где выступали из насыпи торцы небольших плиток ограды.

Раскопаны два кургана, находившиеся на трассе дороги [3]. Могилы на поверхности опознавались по продолговатым впадинам и торчащим из них камням.

Из пяти могил двух курганов одна была разрушена полностью, хотя в ней уцелели немногие вещи, другая — частично (в тазовой области скелетов), три могилы оказались не нарушенными. Таким образом, в четырех из пяти могил удалось изучить их конструкцию, не вызывающие сомнения расположение скелетов и размещение вещей.

Навал булыжника и покрытие из плитняка под ним лежали поверх ряда лиственничных бревен. В трех могилах бревна лежали вдоль могильной ямы, а в одном — поперек. Покрытие пятой могилы с необходимой точностью не устанавливалось из-за большой разрушенности. Число бревен в покрытии от 9 до 18. Толщина бревен не превышала 18 *см*. В одной могиле на бревна были положены две большие массивные плиты. Во всех других погребениях плитняк был среднего и даже малого разме-

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 227.

[2] Камень северо-восточного угла первого кургана содержал 11 пока загадочных ямок, в плане округлых, глубиной до 6 *см* и в диаметре до 8 *см*.

[3] Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность начальнику Абаканского дорожного строительного участка № 2 П. Т. Черданцеву за оказанную возможность произвести раскопку этих курганов, давших ценные научные результаты.

ра. До раскопок покрытия могил имели вид прямоугольной удлиненной впадины.

Во всех могилах грунтовые стенки ям ничем не укреплены, но на бортах ям, на которые ложились концы бревен покрытия, находилось по одному бревну. В двух могилах на дне ямы были сооружения из одного венца бревен; они как бы обрамляли покойников.

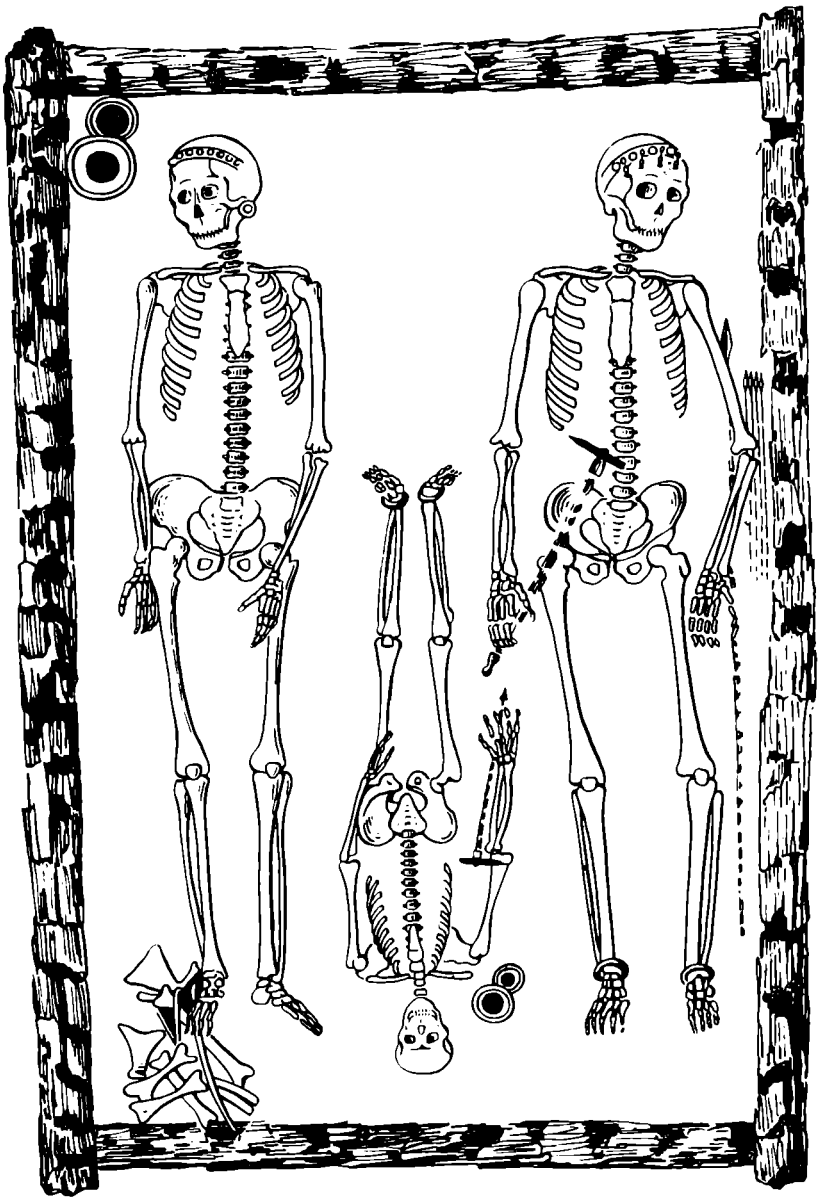


Рис. 1. План могилы № 1 кургана № 1. Погребения мужчины-воина, женщины и подростка-мальчика

Трупоположение во всех случаях совершено на спине с вытянутыми ногами и слегка согнутыми руками. Четыре могилы содержали парные погребения мужчины и женщины; в одной могиле были погребены мужчина, женщина и мальчик-подросток (рис. 1). Во всех случаях женщины положены вдоль южной стенки ямы. Все покойники, за исключением подростка, в могиле № 1 кургана № 1 лежали головой на запад, а мальчик — на восток; он лежал между взрослыми, видимо, родителями.

Сосуды стояли у правого плеча покойников. В четырех могилах найдено по одному целому сосуду и по одной плошке (донная часть горшка) и только в одной могиле — один сосуд. Четыре сосуда, найденные в курганах, относятся к баночно-коническому типу и один сосуд из могилы № 2 кургана № 1 — горшковидный (рис. 2, *1—3*).

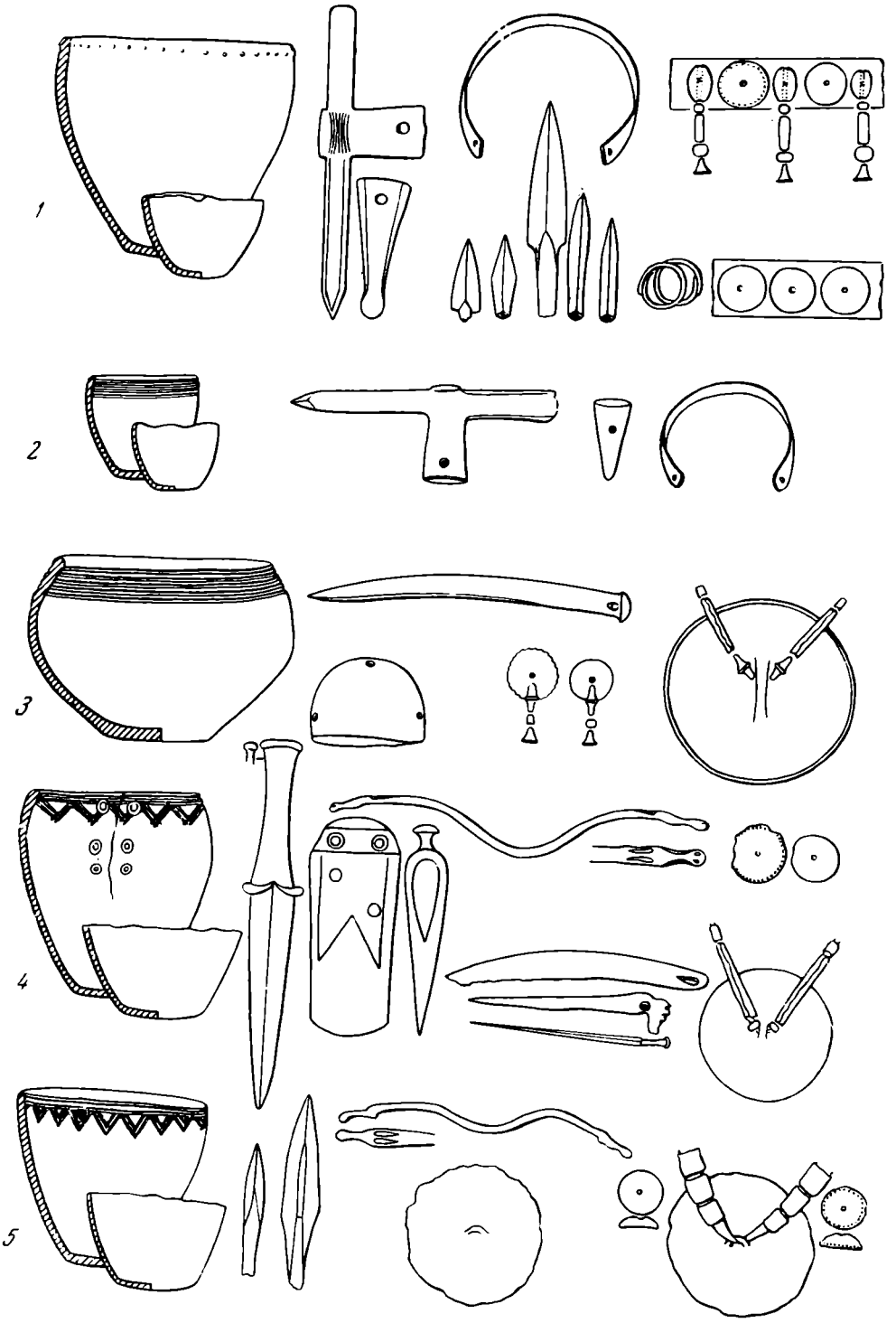


Рис. 2. Вещи из курганов на р. Биджа

1 — сосуд, плошка, клевец со втоком, костяные наконечники дротика и стрел, ножной браслет, височные кольца, украшения головных повязок мужчины (вверху) и женщины (внизу) (курган № 1, могила № 1, погребение мужчины); *2* — сосуд, плошка, клевец со втоком, ножной браслет (погребение мальчика, там же); *3* — сосуд, наконечник палицы, нож, украшение головной повязки, зеркало и пронизки с бусами нагрудного украшения (курган № 1, погребение женщины); *4* — сосуд, плошка, кинжал, топор, предмет «неизвестного назначения», нож, шило костяное с головой коня и медное зеркало с пронизками и бусами нагрудного украшения женщины (курган № 2, могила № 1); *5* — сосуд, плошка, наконечники дротика и стрелы, предмет «неизвестного назначения», зеркало со скелета мужчины и зеркало с обоймочками нагрудного украшения, колпачки от головной повязки (курган № 2, могила № 2)

Вещевой интентарь двух курганов хотя и немногочисленный, но разнообразный и, что весьма важно, характерный. Здесь найдены (рис. 2): 1. Стрелы с костяными наконечниками — 7 шт.; 2. Повязки головные с подвесками — 4 шт.; 3. Зеркала — 4 шт.; 4. Ожерелья — 3 шт.; 5. Ножные браслеты — 3 шт.; 6. Клевцы со втоком — 2 шт.; 7. Костяные наконечники дротика — 2 шт.; 8. «Предмет неизвестного назначения» — 2 шт.; 9. Ножи медные — 2 шт.; 10. Шило медное — 2 шт.; 11. Шило костяное с конской головкой — 1 шт.; 12. Палица (наконечник) — 1 шт.; 13. Топор — 1 шт.; 14. Кинжал — 1 шт.

Оружие в погребениях размещалось следующим образом. У взрослого клевец лежал на правой стороне груди, ударником к голове покойника, кисть правой руки находилась на конце ручки клевца. У мальчика (он в этом же погребении) клевец лежал вдоль предплечья правой руки, ударником к голове, кисть руки лежала на ручке оружия (рис. 1). Наконечники дротика и стрел лежали вдоль левой руки покойников, наконечниками к голове. Это установлено в обеих могилах. Боевой топор лежал в положении, аналогичном клевцу: топор — на груди, кисть правой руки — на конце ручки топора. Кинжал (он был у мужчины, вооруженного топором) лежал на нижней части груди. Палица, видимо, была также у правой руки покойника, так как найдена она с правой стороны разрушенного скелета.

«Предмет неизвестного назначения» в обоих погребениях был на груди тагарца, причем в одном случае он лежал в непосредственной близости к кинжалу, т. е. так, как это отмечено ранее С. В. Киселевым [4].

Оружие у мужчин (всего шесть мужчин, считая и подростка) и воинские атрибуты составляли 40% всех находок (принимая каждое ожерелье в целом за единицу). А если ножные браслеты и атрибут религиозного значения («загадочный предмет»), лежавший у тех же вооруженных тагарцев, отнести к категории воинских знаков и доспехов, то получим на долю последних 55%. Таким образом, два кургана, содержавших пять могил, а в них шесть мужчин и пять женщин, составляли кладбище воинов с их женами, а в одном случае и с сыном-подростком. Видно, что все мужчины, похороненные в этих курганах, вооружены, а трое из них имели ножные браслеты — признанный знак воинского достоинства [5]; двое, кроме того, имели атрибут религиозного значения (по определению С. В. Киселева — предмет «южносибирского колесничего» [6]) (рис. 2, *4, 5*). Наконец, головные повязки почти у всех взрослых мужчин и женщин, наличие нагрудного украшения из пронизок и бус или еще карасукских обоймочек, завершающегося на груди «зеркалом» среднего размера,— все это еще в большей степени подчеркивает знатность покойников, погребенных в курганах.

В этой знатной среде оказывается вооруженный мальчик-подросток с теми же знаками различия воина — ножными браслетами. В этом, мне кажется, заключен особый смысл.

Уже С. В. Киселев отметил, что в тагарское время наблюдается «усиленное развитие военного дела... резкое увеличение вооружения и вооруженных», очевидность того, «что война в тагарское время вошла в быт минусинских племен... Кое-где начали даже строить укрепления... Родовой строй становится все в большей степени военным» [7]. В этих условиях

---

[4] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 227.

[5] Там же.

[6] С. В. Киселев. К изучению минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 61.

[7] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 285. Т. С. Пассек, оценивая результат раскопок С. В. Киселевым Большого Салбыкского кургана, приходит к заключению, что его материалы «заставляют полагать, что общественные отношения в тагарскую эпоху были более сложными, чем это предполагалось» (Т. С. Пассек. Памяти С. В. Киселева. СА, 1963, 2, стр. 5).

естественно, что, помимо погребений с ножными браслетами (знак отличия рядового воина), в тагарских могилах появляются «хорошо вооруженные воины, при которых найдены специальные отличительные знаки-навершия» [8] — знаки отличия старших, а может быть и высших военачальников.

С. В. Киселев констатировал и еще одно: уже «в ранних тагарских курганах все основные мужские погребения и даже часть женских содержат оружие» [9]. Но вместе с тем, и это надо особо подчеркнуть, не у всех вооруженных мужчин найдены ножные браслеты — знаки отличия, как предполагал С. В. Киселев, рядового воина. Если бы эти знаки были присущи рядовому воину, браслеты должны были находиться во множестве.

Следовательно, ножные браслеты надо считать знаком отличия не рядового воина, а, видимо, какого-то военачальника, еще не достигшего ранга, которому было присвоено навершие, получившее в позднетагарское время столь ярко выраженные особенности. Не вправе ли мы в таком случае на основании нашей находки мальчика-подростка, вооруженного и со знаком отличия воинского достоинства, сделать новые выводы?

Рис. 3. Изображение двух скобок на камне кургана № 1

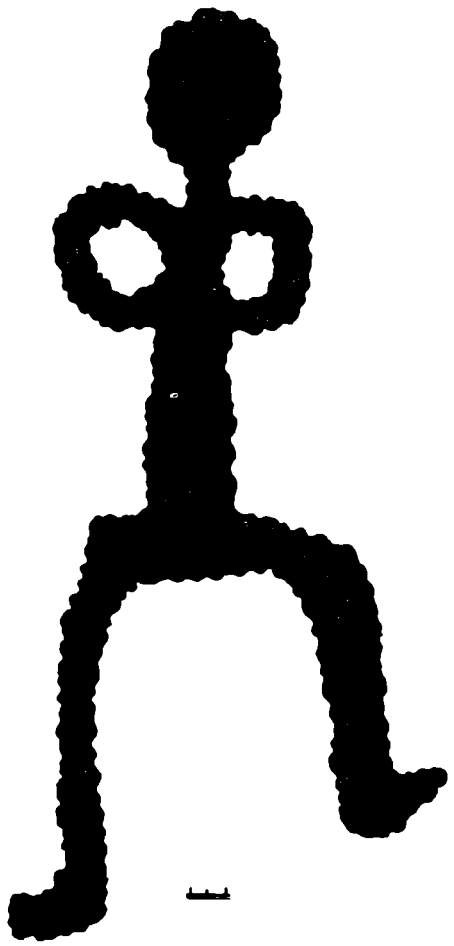


Рис. 4. Изображение женщины на торце камня кургана № 1

Подросток найден в погребении, по-видимому, вместе с родителями. Мужчина здесь вооружен клевцом, дротиком и четырьмя стрелами и отмечен ножными браслетами, т. е., по нашему пониманию, представляет какого-то военачальника. Женщина (несомненно его жена) относительно богато украшена, что является признаком известной зажиточности этой семьи [10].

По физическому состоянию этот подросток не мог быть воином [11], но военачальником какого-то низшего ранга в порядке наследования звания отца, он, очевидно, уже был.

[8] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 227.

[9] Там же, стр. 285.

[10] А. Н. Липский. Раннетагарские погребения в долине р. Биджи. Отчет о раскопках 1963 года. Архив ИА СССР.

[11] Вот его остеологическая характеристика: длина бедреной кости 389 *мм*, голенной — 321, плеча — около 300; предплечье: ульна — 229, радиус — 215. Эти раз-

Таким образом, уже в ранней стадии тагарской эпохи, когда шел процесс формирования военно-демократического строя и, видимо, была уже дружина («тревожная обстановка требовала особого сплочения и организации», как писал С. В. Киселев), существовали разные ранги военачальников. Это подтверждается и тем обстоятельством, что покойников, имевших ножные браслеты, найдено значительно больше, чем скелетов с навершием, и что навершия — более развитая форма отличительных знаков, обладателей «браслетов» надо считать не рядовыми воинами, а военачальниками какого-то младшего ранга. Но и этот ранг давал уже право сыну, не состоящему еще подлинным воином, наследственно считаться таким же военачальником [12].

В возможности такой констатации — научная ценность найденного нами погребения подростка-«воина» и дальнейшего развития положения, выдвинутого С. В. Киселевым.

меры по Мануврие ру определяют рост мальчика около 1530 *мм*. Окружность черепа — 52,64, продольный диаметр — 17,37, поперечный — 14,10; лицевой указатель — 84,5, длина лицевого черепа — 10,9, скуловой диаметр — 12,9. Это соответствует возрасту около 15 лет. Подростковый возраст мальчика подтверждается еще и тем, что слияние базилярной части затылочной кости с основной произошло еще не в полной степени, хотя заметно обрисованы черепные выпуклости и бугры, да и гороховидная кость (*Os. pisiforma*) окостенела полностью. Все это в совокупности позволяет считать возраст найденного нами подростка в пределах 13—15 лет.

Остеологический материал, как и все вещи из описанных курганов, находятся в Хакасском областном музее.

[12] В этой связи заслуживает внимания изображение двух скобок, вписанных одна в другую, найденных на наружной плоскости простеночного камня северной стенки кургана № 1 (рис. 3). Невольно хочется сопоставить эти рисунки с похожими на них ножными браслетами в этом кургане, которые также были двух размеров у взрослого и подростка. На горизонтальной поверхности этого камня выбито крупное изображение женщины (рис. 4).

В. Ю. ЛЕЩЕНКО

САСАНИДСКОЕ БЛЮДО ПЕРМСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ

Осенью 1954 г. при пахоте в 5 *км* от с. Суды Уинского района Пермской обл. в так называемом «Пахомовском» перелеске, в 1 *км* от р. Ирени было выпахано серебряное блюдо на поддоне. Раньше в этих местах были найдены костяные изделия.

Блюдо приобретено Художественной галереей г. Перми.

На лицевой стороне блюда изображен орел, держащий в когтях антилопу. На обратной гладкой стороне его видны следы припоя от отставшего кольцевого поддона (рис. 1).

Диаметр блюда — 20,3 *см*, диаметр поддона — 7,7 *см*, высота блюда без поддона — 2,8 *см*, высота поддона — 1,2 *см*, общая высота — 4 *см*. Вес блюда без поддона — 572,5 *г*, вес поддона — 77 *г*, общий вес — 649,5 *г*. Поддон сосуда — литой, толщина его стенки — 0,3 *см*. Блюдо сделано из низкопробного серебра. Техника изготовления блюда довольно сложна и вместе с тем типична для предметов этого круга. Вначале на листе серебра, с обратной стороны, чеканкой выбивалось изображение в технике невысокого рельефа, дополненное резьбой и гравировкой с лицевой стороны. Эта пластина вставлялась в гладкий сосуд, венчик которого загибался внутрь и проковывался, отчего последний имеет вид валика.

На гладкой поверхности блюда сохранились остатки позолоты. Повреждений само блюдо не имеет. Находка из с. Суды является пятой по счету в группе сосудов Эрмитажного собрания с подобным сюжетом [1].

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. LIV, *88*; XC, *162*; CXV, *288*; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 39,

Изображение орла на блюде дано повернутым вправо. Животное в его когтях — антилопа, передана с большим реализмом. Она схвачена орлом в момент движения, и ее голова с загнутыми вверх рогами чуть запрокинута назад. Левая передняя нога и левая задняя нога подогнуты под гело. Правая передняя нога антилопы в стремительном беге направлена вперед и задняя правая — назад. Округлость переднего и заднего левых

Рис. 1

бедер моделированы полукруглыми линиями, продолжающими линию ног. Шерсть антилопы показана мелкими точками. Внешний вид и поза животного очень реалистичны.

Орел, наоборот, изображен в канонизированном виде с распростертыми крыльями. Маховые перья крыльев и рулевые перья хвоста выполнены техникой чеканки и резьбы. Оперение тела птицы передано в виде чешуек и исполнено техникой резьбы и гравировки. Орел, представленный на этом блюде, является образом символическим. Голова, грудь, туловище птицы похожи больше на голубиные. Ноги птицы также не орлиные. У него они, до когтей, должны быть покрыты оперением [2].

31, 40; А. И. Вощинина. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII веках нашей эры. СА, XVII, 1953, рис. 1.

[2] Эти сведения мне любезно сообщил канд. биол. наук С. П. Чащин.

Более реалистическое изображение орла мы видим на мальцевском блюде из б. Пермской губернии [3].

Изображение орла, клюющего зверя, широко встречается на сасанидских предметах: в частности — на геммах Государственного Эрмитажа [4].

И понятно почему: в индо-иранской религиозной символике орел или Индра приносит с неба божественный напиток Soma [5].

Изображение орла, держащего в когтях газель или другое животное, представляется символом осеннего равноденствия, праздника урожая. Животное в когтях орла заменяет сому [6].

По характеру изображения сюжет на блюде из с. Суды наиболее близок к сюжету на кувшинчике из б. Пермской губернии [7] и на кувшинчике из Дагестана [8], которые, по мнению Я. И. Смирнова, едва ли могут быть отнесены хронологически к сасанидскому времени [9].

Блюдо из с. Суды, вероятно, можно отнести к кругу памятников VII в.

Изображения хищной птицы с животным в когтях было понятным народам Сылвенского бассейна, где в течение всего I тысячелетия и вплоть до XVIII в. жили угорские племена — ханты и манси. Сюжет борьбы хищной птицы с наземным зверем давно проник в Прикамье и Нижнее Приобье с юга, из скифо-сарматского мира. В. Н. Чернецов по поводу близкого сюжета пишет: «Сочетаясь с тотемистическими воззрениями племен Приобья, тесно связанной с фратриальной системой общественного быта,... солярно-космогонические представления послужили основой для возникновения в Приобье сложной и многообразной картины борьбы Солнечной Птицы — Небесного Всадника — тотемного предка одной фратрии — с предком другой фратрии — Медведем или Лосем...» [10].

Серебряное блюдо из с. Суды является одной из многочисленных находок восточного серебра в Прикамье, проникавшего сюда со второй половины I и до начала II тысячелетия и использовавшегося, в основном, в религиозных целях [11].

---

[3] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XC, *162*; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 31; А. И. Вощинина считает, что изображение на этом блюде принадлежит искусству местных народов Прикамья. (А. И. Вощинина. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII веках. СА, XVII, стр. 188).

[4] А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963, стр. 162—163, № 589—595, рис. 593.

[5] Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. Сб. «Первобытная религия». Л., 1936, стр. 160.

[6] К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Л., 1937, стр. 17. На это любезно указала мне К. В. Тревер.

[7] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. IV, *88*; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 39.

[8] Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. CXV, *288*; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 40.

[9] Я. И. Смирнов. Ук. соч., стр. 7.

[10] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, 1953, стр. 140.

[11] Об использовании восточного серебра см. В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Тр. ИЭ, 1, нов. сер. М.— Л., 1947.

Д. А. АВДУСИН

СМОЛЕНСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 1964 ГОДА

Мощный культурный слой приднепровской части Смоленска привлек внимание Смоленской археологической экспедиции еще в 1951 г., когда там впервые был заложен раскоп. Именно в нем была найдена первая смоленская берестяная грамота [1]. Толщина культурных напластований

---

[1] Д. А. Авдусин. Смоленская берестяная грамота. СА, 1957, 1, стр. 248.

доходила до 7,8 *м*, а это обстоятельство немаловажно. А. В. Арциховский отмечает, что новгородские берестяные грамоты были найдены именно в толстом культурном слое.

Мощность смоленского культурного слоя по ул. Соболева и его влажность, обеспечивающая сохранность органических остатков, а также близость древних крепостных ворот, не менявших своего положения с XII в., были благоприятными признаками для продолжения раскопок на этом месте. Однако ограниченность свободного для раскопок участка не позво-

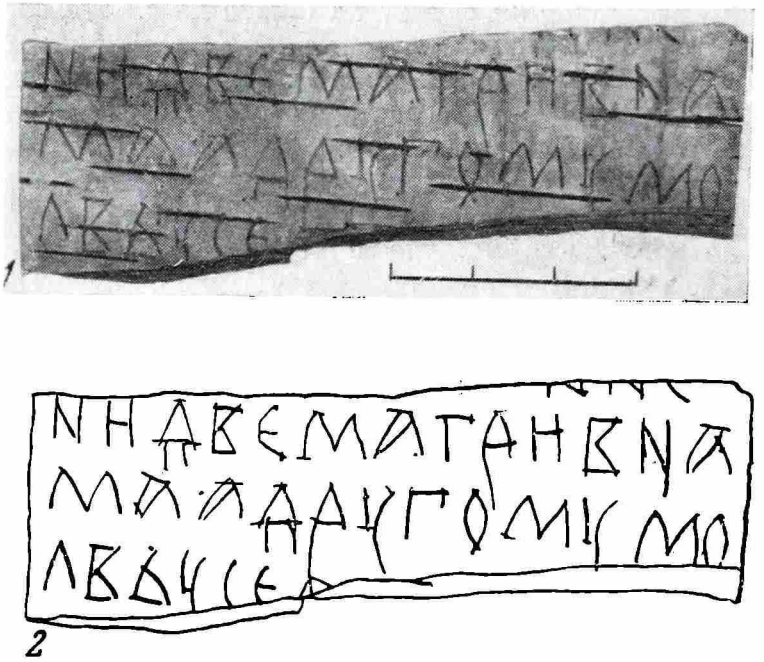


Рис. 1. Смоленская берестяная грамота № 2

лила расширить раскоп 1951—1952 гг. В 1955—1957 гг. раскопки проводились на противоположной (южной) стороне ул. Соболева. Раскоп имел значительную площадь и дал интересные сооружения и вещи, но его культурный слой был прорезан глубокими фундаментами дома, стоявшего там до 1941 г. Можно думать, что перекопанность этого участка сказалась на сохранности бересты, которой там было найдено мало. Кроме того, глубокие перекопы создали большие стратиграфические трудности.

В 1964 г. раскоп был заложен к востоку от места раскопок 1955—1957 гг., между домами № 2 и № 4 по южной стороне ул. Соболева, где находится пустырь, занятый огородами. Размер раскопа 10 × 10 *м*. Предстояло выяснить, насколько этот участок свободен от перекопов. В ходе работ было установлено, что значительно перемешаны только слои XVII—XX вв., а в более глубоких слоях перекопов мало и они небольшие. Последнее обстоятельство подтверждается составом находок, частыми плотными бревенчатыми настилами, при которых глубокие ямы невозможны. Стратиграфия проверялась профилями.

Толщу слоев удалось разделить на 12 строительных ярусов, число которых пока предварительно. Ряд построек и настилов Н. Б. Черных удалось датировать дендрохронологически.

Раскопки вскрыли часть городской усадьбы, планировку которой удалось проследить на протяжении ряда столетий, начиная с XII в.

В шестом ярусе были найдены две берестяные грамоты, лежавшие на бревенчатом настиле [2]. Грамотам даны номера 2 и 3, имея в виду, что

[2] Грамота № 2 найдена 13 августа 1964 г. студенткой МГУ Н. П. Зарайской, грамота № 3 — 14 августа рабочим экспедиции А. А. Петренко.

первая грамота в Смоленске найдена в 1952 г. Береста грамот толстая, текст расположен на внешней поверхности [3].

Грамота № 2 (рис. 1, *а*, *б*) найдена в квадрате 25 на глубине 411 *см*. Размеры грамоты 89 × 30 *мм*. Боковые стороны ровно обрезаны, вверху и внизу — обрывы. От верхнего текста в правой части сохранились остатки букв, может быть Ы, Н. С (или Е). В нижней строке за приведенным текстом видна часть еще какой-то буквы.

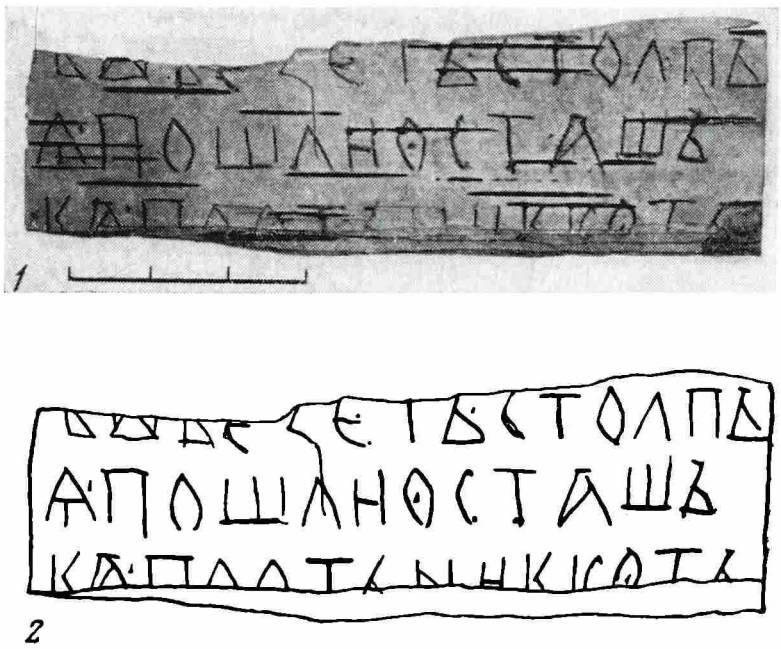


Рис. 2. Смоленская берестяная грамота № 3

Почерк четкий, уверенный. Верхняя часть В еще не уменьшена, что считается типичным для XI—XII вв., а позже встречается в виде пережитка [4]. В А петля еще не оплыла, характерен треугольный кузов с отсечкой. Оплывшая форма встречается не ранее XIII в. По таблице Л. В. Черепнина буквы А, В, Г, Е, Л, М, Н, С ближе к формам XI—XII вв., чем к формам XIII—XIV вв. [5]. С другой стороны, У всегда пишется через У, а не через ОУ. Написание этого звука одной буквой — поздний признак, встречающийся с XII в. и позже. Таким образом, в грамоте наблюдаются ранние признаки, еще не исчезнувшие, и поздние, еще не успевшие развиться. Все это свидетельствует скорее всего о XIII в. По дендрохронологическим данным настил, на котором лежала грамота, датируется 1254 г.

Разделить грамоту на слова можно так:

...НИ ДВЕМА ГРИВНАМА, А ДРУГОМУ МОЛВЬ УСЕ...

Двема гривнама — двойственное число. В новгородских берестяных грамотах двойственное число слова г р и в н а не известно. Нет в них пока и слова д р у г о м у. М о л в ь — скажи. В новгородских грамотах обычна

---

[3] Во избежание растрескивания внешнего слоя грамот при хранении на внутренней стороне сделано несколько поперечных тонких разрезов.

[4] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963, стр. 13. Ввиду различий в написании букв на пергамене и на бересте кажется более закономерным сравнение смоленских берестяных грамот с другими такими же. В Новгороде их известно уже более 400, что создает надежную основу «берестяной палеографии».

[5] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 162—164 и 251—256.

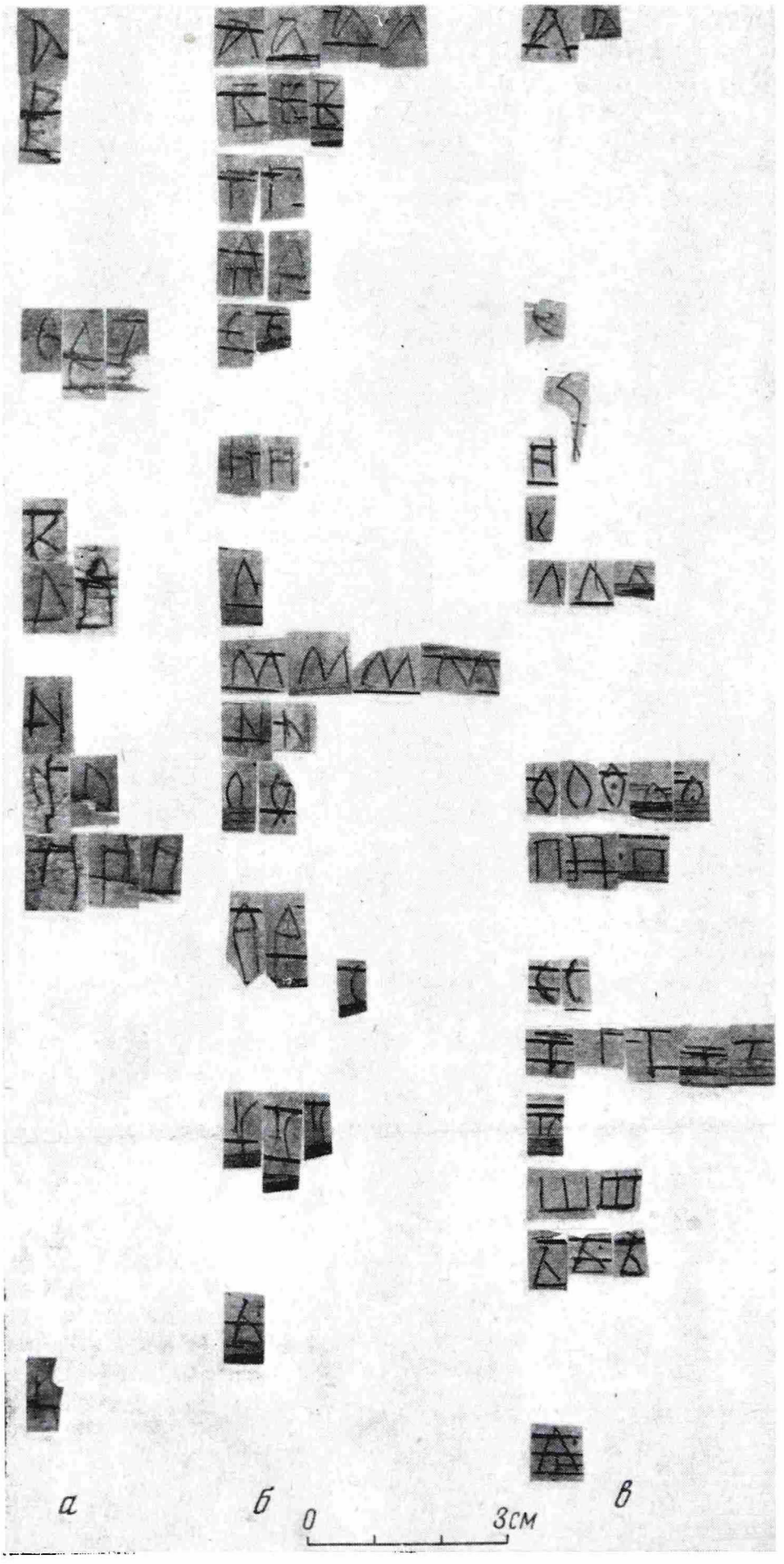


Рис. 3. Сравнительные начертания букв смоленских грамот
а — грамота № 1, *б* — грамота № 2, *в* — грамота № 3

форма молви или молови[6]. В грамоте № 2 говорится об уплате кому-то двух гривен, о чем нужно сказать третьему лицу: «.....две гривны, а другому скажи...»...

Грамота № 3 (рис. 2, *а*, *б*) найдена в 24-м квадрате на глубине 416 *см*. Размеры грамоты 90 × 30 *мм*. Боковые стороны ровно обрезаны; вверху и внизу — обрывы. Буквы повреждены обрывами, но читаются уверенно, кроме первых двух. Чтение их зависит от второй буквы. Можно думать, что она имела длинный козырек или близко поставленную вертикальную мачту, т. е. приблизительно такое начертание ⍓. Если это так, то первая буква — В. Стратиграфическая дата этой грамоты та же, они лежали друг от друга на расстоянии 1 *м*.

Ширина обеих грамот совпадает, и это дает основание предполагать, что оба обрывка принадлежат одной грамоте. Действительно, почерк на них сходен, палеографические особенности те же, хотя полного совпадения нет: начертания Е, У, О не совсем совпадают, как это можно видеть на рис. 3, где приводятся начертания букв всех трех смоленских грамот. По линии обрывов грамоты не сходятся. Если это было одно письмо, то отсутствует не только его начало и конец, но и середина. Грамота делится на слова:

....ВЫВЕЗЕТЪ СТОЛПЬѦ ПОШЛИ ОСТАШКА ПЛОТНИКУ ОТЬ.

Слово вывези встречено в новгородской грамоте № 65, относящейся к XIII в.[7]. Столпья — столбы, бревна. Это слово обычно для древнерусских письменных документов, но в новгородских грамотах его пока нет. Слово пошли в Новгороде встречено в грамоте первой половины XIV в. со случайным пропуском буквы Л поши[8]. В другой новгородской грамоте есть слово посли, встреченное и в витебской грамоте[9]. В Новгороде хорошо известно имя Остафий, т. е. Евстафий[10], сокращением которого является имя Осташка, содержащееся в грамоте № 3. Слово плотнику написано через мягкий знак, может быть в соответствии с местным произношением. У написано одной буквой, а не лигатурой. Расположенное за ним О надо относить к началу следующего слова. Общеизвестны слова летописи, что новгородцы «плотницы суще». Удивительно, что до сих пор в четырехстах новгородских берестяных грамотах слово «плотник» не встречалось, хотя о плотничьем ремесле сведений в них много. Последнее слово сохранило только три буквы ОТЬ. В новгородских берестяных грамотах так, например, начинается слово «отьцу»[11], но, конечно, возможны и иные варианты. Грамматическое управление этого слова не вполне ясно. Предлог К мог подразумеваться, но могла быть и иная грамматическая связь.

Итак, в грамоте № 3 говорится о том, что если бревна уже вывезли, то нужно послать Осташка к плотнику, видимо, чтобы позвать его что-то строить.— «Вывезли бревна, пошли Осташка к плотнику». Однако возможна и другая расстановка знаков препинания: «...вывезли бревна. Пошли Осташка к плотнику»... В этом случае грамота могла содержать два приказания, не связанные одно с другим. Подобные грамоты-приказы, со-

---

[6] А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года), М., 1953, стр. 32 (грамота № 5) и стр. 38 (грамота № 8).

[7] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М., 1954, стр. 65.

[8] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года), М., 1958, стр. 61.

[9] Там же, стр. 52; Н. Н. Дроченина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, 1, стр. 283.

[10] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 86 (грамота № 260), стр. 101 (грамота № 275).

[11] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года), стр. 18 (грамота № 19).

держащие хозяйственные поручения и различные распоряжения, в Новгороде, составляют значительную часть найденных там грамот.

Бревна везли, а не сплавляли, несмотря на близость усадьбы, где найдены грамоты, к Днепру. Вряд ли можно сомневаться, что адресат жил здесь же, на усадьбе, открытой раскопками.

Смоленские письма на бересте из раскопок 1964 г. важны для истории Смоленска, так скупо освещенной летописями. О существовании более ранних берестяных писем в Смоленске говорит письмо из этого города, найденное в Новгороде в 1964 г. [12].

[12] В. Л. Янин. Берестяное письмо XII века. «Наука и жизнь», 2, 1965, стр. 52—54.

В. Л. ЯНИН

НАХОДКА ПОЛЬСКОГО СВИНЦА В НОВГОРОДЕ

Летом 1965 г. в Новгороде при раскопках на улице Первого Мая в слое XIV в. (пл. 15, кв. 248) был обнаружен кусок свинца (рис. 1). Это отрубленная часть большого слитка. На краю слитка имеется специально вырубленный крюк для транспортировки его канатом. Вес находки 151,3 *кг*.

Размеры слитка сравнительно невелики. Как уже отмечено, он составляет часть большого куска — четверть круглой чушки. Одна из ее

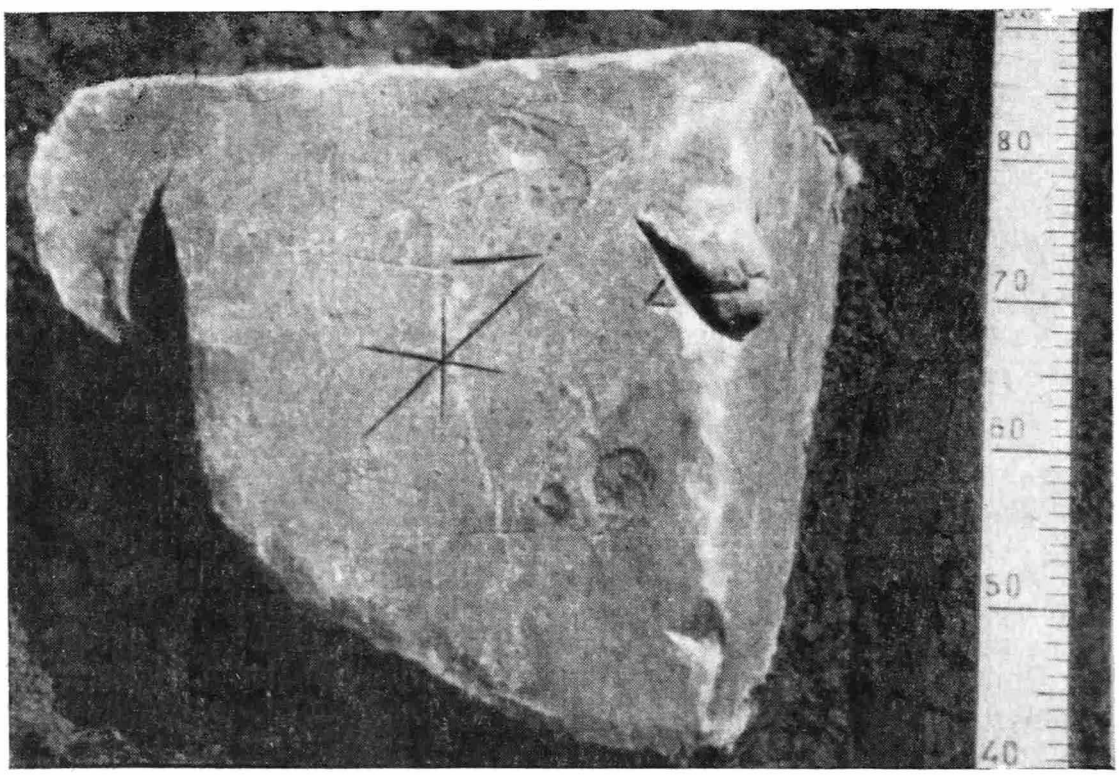


Рис. 1. Слиток свинца, найденный в Новгороде

сторон была плоской, другая — выпуклой, с наибольшей толщиной в центре. Диаметр этой первоначальной чушки был приблизительно равен 72 *см*, высота в центре — 20 *см*. Соответственно, обнаруженная в раскопе четверть слитка характеризуется следующими данными: длина прямых сторон (радиусов) — 36 *см*, длина кривой стороны (четверти окружности) — около 55 *см*, высота (толщина) в месте схождения радиусов — 20 *см*.

Плоская поверхность слитка маркирована двумя круглыми вдавленными клеймами диаметром по 3,5 *см* и расчерчена прямолинейными знаками, имеющими характер вторичных марок, поскольку они частично перекрывают одно из клейм. Всего таких процарапанных марок три. Центральная врезана наиболее глубоко, она отдаленно напоминает букву Ж в три взмаха с непропорционально длинной вертикальной мачтой, низ которой снабжен косым отрогом вправо. Два других — вырезанных менее глубоко — знака идентичны один другому (рис. 2).

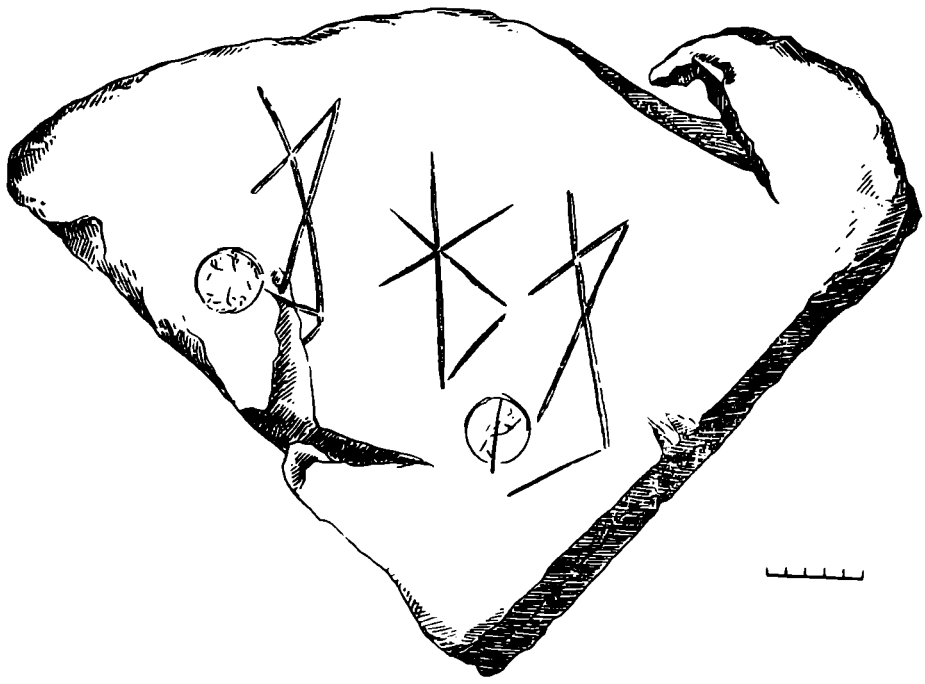


Рис. 2. Знаки на слитке свинца из Новгорода

Наибольший интерес представляют круглые клейма, которые, в отличие от вторичных (вероятно, купеческих) марок, могут быть хорошо расшифрованы поисками аналогий в геральдике современных слитку монетных типов. Первое клеймо (рис. 3, *1*) содержит изображение одноглавого геральдического орла с головой, обращенной влево (геральдически — вправо). Голова орла приподнята и покрыта короной. Крылья распущены, образующие их кости снабжены орнаментальными розетками. Хвост распущен и составляет как бы опору фигуры. Такой герб находит ближайшие аналогии в изображениях орла на польских грошах Казимира Великого (1333—1370 гг.), где тождественно переданы все детали геральдической фигуры (рис. 4, *1*) [1].

Изучение второго клейма не только подтверждает, но делает бесспорным вывод о польском происхождении слитка. Изображенная на нем большая буква К под короной (рис. 3, *2*) совершенно идентична таким же монограммам на монетах, чеканенных при Казимире Великом для Червоной Руси. Очертания короны на них всегда те же, что и на нашем клейме. Буква К изображается там в нескольких палеографически близких вариантах [2], из них некоторые вовсе не отличимы от рассматриваемого нами. В качестве ближайшей аналогии здесь приводится медный денарий Казимира, традиционно датируемый 1340—1370 гг. (рис. 4, *2*) [3]. Впрочем, в новейшей работе, посвященной этим монетам, сформулирован

---

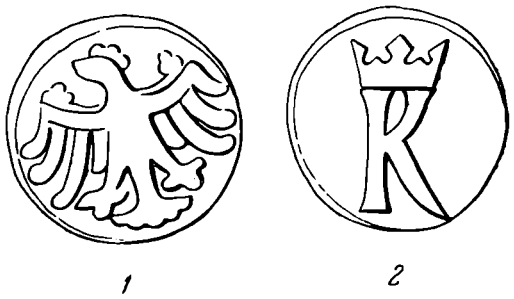
[1] R. Kiersnowski. Wstęp do numizmatyki polskiej wieków średnich. Warszawa, 1964, табл. VI, *58*.

[2] См., например, K. Stronczynski. Dawne monety polskie dynastyi Piastow i Jagellonow. III, Piotrokow, 1885, стр. 32—33, табл. XXVI.

[3] R. Kiersnowski. Ук. соч., табл. VI, *60*.

вывод о том, что самые ранние русские монеты Казимира III были отчеканены только между 1351 и 1354 гг. [4].

О существовании средневековых разработок свинца в Польше хорошо известно, а определяемая клеймами польская принадлежность найденного в Новгороде слитка не вступает в противоречие с теми данными, которые были извлечены в процессе спектрального изучения нашей находки. На территории Польши свинец встречается в составе полиметаллических руд (район Кракова) и в галенитовых месторождениях (Силезско-Краковская впадина, Свентокшишские горы). Для первых характерно обязательное присутствие цинка, составляющего основу полиметаллических руд, и небольших количеств кадмия и серебра. В галенитовых рудах польских месторождений свинца всегда наличествуют мышьяк и сурьма, причем характерно преобладание мышьяка над сурьмой [5]. Полуколичественный спектральный анализ находки дал следующие результаты [6].



1 *2*

Рис. 3

1 — клеймо с изображением орла; *2* — клеймо с изображением монограммы

Fe	Cu	Ag	Sb	Bi	As
0,2	1,0	0,08	Сл.	0,005	0,1

Мы видим, что ни цинка, ни кадмия в свите исследованного свинца нет, значит он происходит не из полиметаллических руд. Зато здесь налицо и мышьяк и сурьма с характерным для польских галенитов преобладанием мышьяка над сурьмой.

Вывод об экспорте польского свинца в Русь нов. До сих пор было признано, что свинец в Новгород импортировался исключительно через Любек, имея при этом венгерское или английское происхождение [7]. Разумеется, новая находка не опровергает существа этих наблюдений. Важно другое. Ганза отнюдь не владела монополией на ввоз в Русь свинца, поскольку он мог ввозиться другим контрагентом Новгорода — Польшей.

Немалый интерес могут представить наблюдения над весом свинцового слитка. Наличие на нем маркировки, несомненно, является гарантией определенного веса. Об обычае клеймить цветной металл говорится в 8-й статье IV редакции новгородской скры середины XIV в. (применительно к меди), а датированная 1333 г. статья 100 того же документа требует: «Да будет известно всем, кто прочитает или услышит это постановление, что старосты и мудрейшие и общий штевен решили, что никто не должен давать вешать на королевских (княжеских) весах ни медь, ни олово, ни свинец, которые русские получают от немцев» [8]. Поскольку цветной металл, в том числе и свинец, в таможенных книгах XIV—XV вв. часто измеряется не весом, а «кусками», можно думать, что «кусок» был именно маркированным, иными словами, этим термином заменялось подразумевающееся обозначение веса.

---

[4] Н. Ф. Котляр. Денежное хозяйство и монетное дело Червоной Руси сороковых годов XIV — первой четверти XV в. Автореф. канд. дис. Л., 1965, стр. 6.

[5] J. Dziekonski. Metallurgia miedzi w osadzie kultury ceramiki wstegowej malowanej w Zlotej «Studia z dziejow górniktwa i hutnictwa», VII, Warszawa — Wroclaw — Krakow, 1962, стр. 92.

Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность Н. В. Рындиной за указание этой работы и за полученные у нее ценные консультации.

[6] Спектральное исследование свинца было произведено Б. И. Кабединовым, аналитиком Геохимической лаборатории при Арктическом и антарктическом институте Министерства Морского флота СССР.

[7] А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 314—315.

[8] Там же, стр. 310.

Естественно было бы думать, что вес нашего слитка окажется кратным той польской единице, которая употреблялась для взвешивания товаров в XIV в. Метрологическая литература называет две такие единицы: краковскую и кульмскую марки. Величина краковской марки XIV в., вычисленная В. Терлецким, равна 204 *г* [9]. Следовательно, краковский фунт весил приблизительно 408 *г*. Если исходить из традиционного польского равенства 32 фунтов камню, 5 камней — центнеру, 2,6 центнеров —

Рис. 4.

1 — серебряный грош Казимира Великого; *2* — медный денарий Казимира Великого, чеканенный для Червоной Руси

шиффунту, то, соответственно, вес камня определится в 13,056 *кг*, центнера — в 65,28 *кг*, а шиффунта — в 169,73 *кг*. Эти цифры мало похожи на вес новгородского свинцового слитка. Поэтому обратимся к его сравнению с другой единицей, которая в равной степени была распространена и у поляков, и у ганзейцев, т. е. служила целям международного обмена. В этой связи небезынтересно вспомнить две договорные грамоты Новгорода с литовскими князьями XV в., в которых содержалось требование: «А хто приедет с великого князя товаром, торговати им с новгородчи в Немечком дворе» [10]. Можно догадываться, что и поляки, подобно литовцам, не имевшие в Новгороде собственного двора, торговали в Немецком дворе, где действовали стандарты, общепринятые в ганзейской торговле.

Расчет употребляемой в торговле как ганзейцами, так и поляками так называемой кульмской или прусской марки предпринимался многими исследователями, которыми были получены разные, но в общем близкие один к другому результаты. М. П. Лесников, исходя из сравнения прусской марки с тройской, называет для нее вес 187,5 *г* [11]. Э. Вашинский признает ее равной 190,08 *г* [12]. С. Суходольский, применительно к Польше XI—XII вв., считает эту марку равной 191,52 *г* [13]. Расчет величины прусской марки через новгородскую гривну заставляет нас безоговорочно присоединиться к выводам М. П. Лесникова, однако, не имея возможности в краткой заметке аргументировать это положение, мы можем пока предложить такой же альтернативный вывод относительно величины основанного на этой марке прусского шиффунта или берковца, т. е. основной крупной весовой единицы, принятой в Восточной Прибалтике и в Польше. Основой шиффунта на балтийском побережье было соответствие этой единицы 400 фунтам [14]. Величина прусского фунта, по М. П. Лес-

---

[9] W. Terlecki. Reforma monetarna Kazimierza Wielkiego. «Wiadomości numizmatyczne», 1962, 3—4, стр. 255—256.

[10] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, стр. 105, № 63 (1431 г.), стр. 115, № 70 (1440—1447 гг.).

[11] М. П. Лесников. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV в. «Исторические записки», 39, 1952, стр. 262—263.

[12] E. Waschinski. Die Münz- und Währungspolitik des Deutschen Ordens in Preußen, ihre historischen Probleme und seltenen Gepräge. Göttingen, 1952.

[13] S. Suchodolski. Grziwna i stopa mennicza w Polsce w XI—XII w. «Wiadomości numizmatyczne», 1960, 1—2.

[14] Я. К. Земзарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). «Проблемы источниковедения», IV, М., 1955, стр. 213.

никову, равна 375 *г*; по Э. Вашинскому — 380,16 *г*; по С. Суходольскому — 383,04 *г*. Соответственно, вес прусского шиффунта или берковца окажется равным 150 *кг*, или 152,064 *кг*, или же 153,216 *кг*. Все эти цифры в одинаковой степени близки весу нашего слитка (151,3 *кг*), который, таким образом, может быть назван шиффунтом или берковцем свинца.

Разумеется, основываясь на весе нашего слитка, нельзя отдать предпочтение выводам какого-либо из трех названных выше исследователей, вычислявших величину кульмской марки. Точность веса грубо отрубленного куска не может быть приравнена к точности эталона. Напротив, потери или излишки веса даже до 1—2 *кг* здесь должны быть признаны вполне закономерными. Мы поэтому будем достаточно точны, если скажем, что вес целой чушки был первоначально равен 4 берковцам.

Нам остается высказать некоторые предположения относительно целей приобретения свинца владельцем раскапываемой в Новгороде усадьбы. Свинец широко применялся в литейном деле, однако столь значительный единовременный запас мог бы быть признан запасом сырья для мелких поделок, по-видимому, лишь при наличии несомненных остатков литейной мастерской на исследуемой усадьбе. В том же слое здесь были найдены несколько тиглей и обломок литейной формы, однако этих материалов явно недостаточно, чтобы говорить о существовании мастерской. Думается, что предполагавшееся назначение слитка было иным.

Известно, что значительная часть привозимого в Новгород свинца использовалась для покрытия церквей. Летопись сообщает о покрытии и ремонте свинцовой кровли Софийского собора под 1151, 1261, 1333, 1341, 1396, и 1408 гг. [15], о поновлении свинцовой кровли Георгиевского собора в Юрьевом монастыре под 1345 и 1408 гг. [16], о наличии свинцовой кровли в Рождественском соборе Антонова монастыря в 1396 г. [17]. В ходе реставрационных работ древние свинцовые кровли были открыты в Новгороде в Николо-Дворищенском соборе, в церквах Благовещения на Мячине и Николы на Липне [18]. Свинцовая грамота, сообщающая о покрытии свинцом какой-то церкви, была найдена при раскопках на Неревском конце в слое конца XI в. [19]. Подытоживая наблюдения над такими кровлями, исследователи приходят к выводу, что они были характерными в XII—XIII вв., а в более позднее время производился только ремонт уже существующих в крупнейших храмах свинцовых кровель, в других же церквах предпочтительным было покрытие лемехом [20].

В этой связи обращает на себя внимание одна новгородская постройка, синхронная обнаруженному на усадьбе древней Ильиной улицы слитку свинца. Речь идет о Знаменской церкви, задуманной и выстроенной в камне в 1354 г. на Ильиной улице специально для хранения палладиума средневекового Новгорода — Знаменской иконы [21]. Можно догадываться, что эта важная постройка, сооруженная, по словам Новгородской Третьей летописи, «повелением владыки Моисея и всего новгородского сонмища людей» [22] и существующая сейчас в варианте конца XVII в., была покрыта не лемехом, а свинцом. Не является ли находка 1965 г. остатком запаса свинца, предназначенного для покрытия Знаменской церкви? Ведь она обнаружена на соседней с церковью усадьбе.

---

[15] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, стр. 29, 83, 215, 311, 345, 353, 388, 400.

[16] Там же, стр. 357, 460.

[17] Там же, стр. 388.

[18] Т. В. Гладенко, Л. Е. Красноречьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. «Новгород. К 1100-летию города. Сборник статей». М., 1964, стр. 189, 193, 219.

[19] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 154—155.

[20] Т. В. Гладенко и др. Ук. соч., стр. 230.

[21] Новгородская Первая летопись, стр. 364.

[22] Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 233.

В. А. УРТАН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ КРОВОПУСКАНИЯ

В западной Латвии на Талсинском городище во втором слое раскопа А среди куршских вещей XII в. (раскопки А. Карнупа, 1936 г.) был найден железный инструмент, имеющий на одном конце перпендикулярно выдвинутое острие, а на другом — петлю (рис. 1, *1*). Длина предмета — 14,4 *см*, длина острия — 1 *см*[1].

Судя по этнографическим данным, такие орудия применялись для кровопускания. Подобный инструмент из бывшей Лиелвардской волости (рис. 1, *2*) [2], а также ряд описаний лечения им хранятся в Этнографическом отделе того же музея. Медицинские приборы для кровопускания известны и в других странах как в археологическом, так и в этнографическом материале [3]. На территории Латвии они применялись вплоть до XX в. Кровь пускали обычно ударяя острием в вену — по внутренней части вытянутой руки. Перед ударом рука клалась на трость, которая служила опорой, и выше локтя крепко перевязывалась. Иногда кровь пускали и из ноги. Кровопускание у людей применялось при различных заболеваниях — застое крови, головной боли, бешенстве, отравлениях и т. п. Кровь пускали и домашним животным.

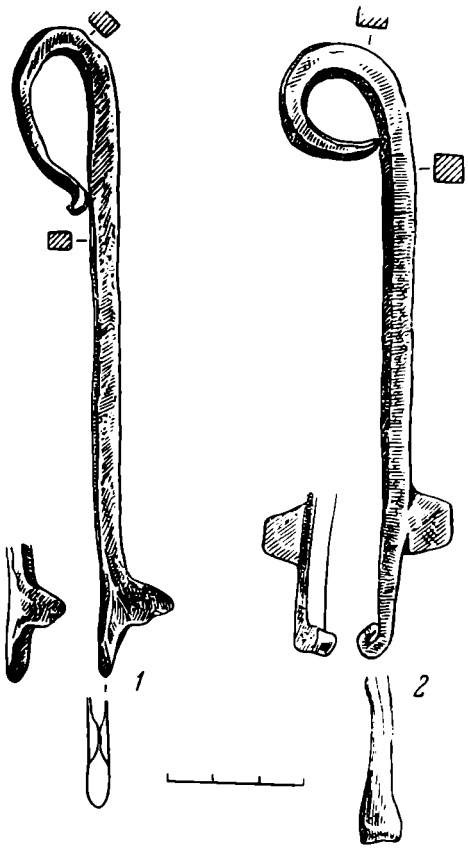


Рис. 1. Инструменты для кровопускания

1 — Талсинское городище, *2* — из бывш. Лиелвардской волости

Железный инструмент для кровопускания длиной 8,7 *см*, похожий на талсинский, найден также в восточной Латвии на селище латгалов у городища Кишукалнс на глубине 23 *см* (раскопки Э. Шноре, 1959 г.) [4]. По типологическим признакам и по найденной керамике его можно датировать XII — XIII вв.

Два железных инструмента для кровопускания обнаружены в Кокнесском средневековом замке (раскопки А. Стубава, 1963 и 1961 гг.): один, длиной 8,93 *см*,— в форбурге, в слое XIV в. (VII раскоп, четвертый слой, на глубине 178 *см*), а другой, длиной 9,35 *см*,— в древнем городе, в слое XVI—XVII вв. (III раскоп, пятый слой, на глубине 76 *см*) [5]. У последнего инструмента верхняя часть стержня и петля перекручены. Эти предметы на $^1/_3$ меньше тех медицинских инструментов, которые показаны на рисунке.

---

[1] Музей истории Латвийской ССР, инв. № 65171.

[2] Там же, инв. № 17901.

[3] Anda Tibor. Árpád — kori érvágó — scarifikáló eszköz. AE, Budapest, 1960, 2, стр. 221—224.

[4] Институт Истории АН Латвийской ССР, инв. № А 43 : 202.

[5] Там же, инв. № А 62 : 2843; А 62 : 258. Еще один инструмент для кровопускания длиной 6,7 *см*, датированный стратиграфически и монетами 2-й половины XIV в. найден в Локстенском замке при раскопках Э. С. Мугуревича в 1964 г. Инв. № А 70 : : 1377.

Критика и библиография

Massimo Pallotino. Che cos'è l'archeologia.
Firenze, 1963, 207 стр.

Полвека назад археология была малозаметной среди других наук, далекой от текущих интересов тогдашней литературы и социологии, она игнорировалась школой и печатью, будучи уделом только специалистов.

Сейчас положение изменилось коренным образом, и археология превратилась в одну из самых модных наук нашего времени, крупнейшие газеты, популярные еженедельники, журналы сейчас трудно представить без более или менее постоянной археологической странички.

Археологические раскопки вызывают не меньший интерес общественного мнения, чем последние достижения естественных наук или техники. Археология начинает проникать в сознание каждого человека, становится одним из элементов его воспитания и образования, заметным фактором современной культурной жизни.

Научно-популярная литература, многочисленные романы на археологические темы находят многочисленных поклонников, имеют постоянный и прочный успех у читателей. Самый широкий интерес к археологии, естественно, не может не породить вопроса о причинах растущего влияния археологии в наше время, который тесно связан с другим вопросом — что же такое сама эта старая и вместе с тем непрерывно обновляющаяся наука, какое место занимает она в современной культурной жизни.

Профессор Римского университета, один из крупнейших представителей итальянской археологии Массимо Паллотино дает ответ на эти волнующие вопросы в своей новой книге «Что такое археология». Книга написана для широкого читателя, но это не популярное изложение некоторых сторон современной археологии, не упрощенный пересказ общих проблем, исследованных более фундаментально в специальных работах. Книга М. Паллотино не только популяризует знакомый материал, но и ставит новые вопросы, вводит в дискуссию новые аргументы, она столь же научна, сколь и популярна. Особенностью работы является то, что основные проблемы современной археологии излагаются автором не на материале доисторической или периферийной археологии, так бурно развивающейся за последнее десятилетие и оттесняющей на второй план так называемую классическую археологию, как это делается обычно в последних работах общего характера, а на почве как раз классической археологии. Поэтому-то новая работа Паллотино не теряется в массе довольно многочисленной научно-популярной литературы, а занимает в ней заметное место.

Книга состоит из пяти небольших глав, подробной библиографии и указателей, многочисленных иллюстраций. В I главе намечены основные пути истории археологической науки от V в. до н. э. и до наших дней. От случайных поисков отдельных шедевров античного искусства, от беспорядочного собирательства древностей, от хищнических романтически-авантюристических раскопок археология прошла путь до точной научной дисциплины со своими методами исследования. Предметом археологии стали теперь не отдельные шедевры греко-римской древности, а жизнь всех народов земного шара с древнейших времен и во всех ее проявлениях. Дух романтического поиска, точность методов исследования, применение методов естественных наук, коллективный характер археологических работ роднит современную археологию с так называемыми точными науками, довольно полно отражает беспокойный дух нашего времени и тем самым объясняет популярность археологии в современном обществе.

Популярность археологии среди различных слоев населения порождает ряд проблем, которые автор работы определяет как «сторонние» (profani) мотивы археологии. Сюда относится, например, популяризация археологических памятников, организация выставок и популярных изданий, музейные экспозиции. Нельзя не считаться с тем фактом, что самые разные люди сейчас занимаются коллекционированием древностей, скупая их у подпольных торговцев, занимаются кладоискательством, нарушая законы об охране памятников, в ряде стран довольно широко занимаются подделка-

ми, иногда настолько искусными, что они приобретаются даже музеями. Археологические богатства ряда стран привлекают многочисленных туристов, приносящих большой доход стране. Обозрение древних памятников, наконец, играет роль при формировании вкуса современного человека.

В связи с большим интересом к археологическим памятникам развивающиеся спекуляция и кладоискательство приводят в отдельных случаях к разрушению памятников. Определенную опасность для последних имеет и огромное современное индустриальное строительство, в процессе которого сносятся памятники древности, что делает особо острой проблему охраны археологического достояния той или иной страны. Эти, а также некоторые другие аналогичные вопросы составляют предмет изложения II главы: «Сторонние мотивы археологии: страсти, интересы, культура». Этого рода вопросы, как правило, почему-то обходятся в археологических работах общего характера.

Глава III посвящена описанию основных тем современной археологии. Их Паллотино насчитывает несколько: продолжает сохранять свое значение история античного искусства, освобожденная в наши дни от узких рамок традиционных взглядов на него как на античное чудо, изучаемое сейчас в широкой перспективе доисторического, древневосточного и византийского искусства.

Сохраняет большое значение изучение «говорящих» памятников — эпиграфических документов. Особый интерес среди специалистов по-прежнему вызывает проблема дешифровки неизвестных систем письменности.

Великой темой современной научной археологии все больше становится изучение всей совокупности жизни народов, включая ее самые разнообразные проявления, от детских игрушек до великолепных храмов, от инструментов древнего окулиста до грандиозных акведуков, темой, которую Паллотино определяет термином: жизнь древности.

Особый параграф посвящен так называемой «библейской» археологии, которая все более и более сближается со светской археологией, составляя ее часть. Вплоть до конца прошлого века археология ограничивалась изучением греко-римской, собственно античной древности, а в науке безраздельно господствовала прозападная европоцентристская точка зрения на происхождение современной культуры.

Открытие блестящих древневосточных цивилизаций, хронологическое расширение границ исследования вплоть до палеолита привело к преодолению традиционной западной, античной средиземноморской точки зрения, появлению всемирноисторической точки зрения на происхождение, распространение и развитие человеческой цивилизации. Сам античный мир стал лишь одним из эпизодов мировой истории, а исследование других периодов и иных цивилизаций становится одной из великих новых тем современной археологии.

Интересно составлена глава «Археология в действии: поиск, консервация и истолкование древних памятников». Автор начинает изложение с анализа роли археолога — главного действующего лица функционирующей науки, его общей и профессиональной подготовки, заинтересованности в деле, личного темперамента и увлеченности, затем переходит к описанию современных технических средств, предполагающих широкое использование методов естественных наук.

Особому рассмотрению подвергнуты методика современного поиска и раскопочной техники, включая подводные работы, охрана, восстановление и хранение памятников в музеях. Важное место в общей концепции автора и композиции всей книги занимает раздел археология как историческая дисциплина. «Можно признать,— пишет автор,— что все виды деятельности, до сих пор описанные, составляют лишь первый момент процесса познания археологии как исторической дисциплины: момент, который можно определить как наблюдение. Из него логически вытекает иллюстративный момент или описание, и, наконец, интерпретация или собственно настоящая история» (стр. 141). Конкретному анализу каждого из этих моментов автор отводит важное место. Техническая вооруженность полевой археологии и многочисленные раскопки приводят к тому, что добытый материал не всегда своевременно и тщательно издается, зачастую он лежит необработанной грудой в музеях и пропадает для науки. Паллотино разбирает проблему наилучшей формы публикации разного материала: многотомные монографии, предварительные отчеты в специальных журналах, реферативные ежегодники. Накопление материала и растущая специализация неизбежно приводят к сужению кругозора исследователя и создают известные препятствия для полной интерпретации памятников. На современном этапе научного развития это противоречие разрешается путем создания определенных научных учреждений: академий, институтов, ассоциаций, создании трудов коллективного характера, включающих специалистов разного профиля одной или нескольких стран. Важная роль в этой координации автором отводится университетам.

Последняя V глава посвящена наиболее злободневным проблемам современной археологии и ее перспективам. Именно здесь автор дает окончательный ответ на вопрос, поставленный в заглавии книги: что же такое археология, какое место в жизни общества она занимает.

Археология вскрывает самые истоки человеческой культуры, длительный путь развития современного человека, вклад каждого народа в сокровищницу мировой культуры, способствует преодолению европоцентристской, выработке всемирноисто-

рической точки зрения на процесс исторического развития, укрепляет веру человечества в прогресс, могущество человеческого труда и разума, иначе говоря, именно археология способствует оформлению универсального гуманизма, свойственного эпохе подлинной науки. Археология среди других передовых наук нашего времени противостоит тому состоянию современного капиталистического общества, которое автор обозначает как кризис цивилизации (la crisi della civiltà). Столь ясное понимание важной социально-культурной роли археологии в жизни современного общества — одно из ценных качеств концепции Массимо Паллотино, развиваемой в новой работе.

Останавливается автор и на наиболее актуальных проблемах современной науки. Одной из таких проблем является недопонимание существа научной археологии в современном обществе, нет еще ясного понимания ценности древних остатков как научных документов, на них еще продолжают смотреть как на любопытные курьезы, красивые вещи или предметы торговли: отсюда хищнические раскопки, беспорядочное коллекционирование, подпольная торговля. Несмотря на существование законов об охране памятников, даже органы, призванные осуществлять эти законы, смотрят сквозь пальцы на их нарушение.

Громадное современное строительство, которое сейчас ведется, ставит серьезную проблему по исследованию и охране памятников, находящихся в зоне строительства (например, при строительстве в Асуане, осушении латинской Мареммы и т. д.). Можно ли согласовать стремление археолога к сохранению древних памятников с нуждами современного общества, так ли нужно для научных целей сохранение всех добытых вещей, в какой мере допустимо известное разъединение и даже потеря древних вещей? — спрашивает М. Паллотино. Проблема состоит в том, чтобы специалисты совместно с государственными органами определили возможную пропорцию, что опять-таки связано с проблемой государственной и научной охраны археологического достояния.

Не решена еще проблема внутренней координации разных этапов археологического изучения памятников, нет еще порою тесных связей между полевой стадией, публикацией и обработкой материала, его хранением. Необходимость координации усилий специалистов разных профилей, составление согласованных программ работ в пределах одного научного учреждения — института или комитета, сосредоточение, а не распыление сил — все это остается одной из актуальных проблем нашего времени.

К тексту приложена заботливо отобранная библиография по каждой главе, включающая наиболее крупные произведения, интересная сравнительная таблица человеческих цивилизаций от палеолита до открытия Америки, различные указатели, археологическая карта античного мира. Многочисленные иллюстрации (8 цветных и 112 черно-белых) тщательно отобраны и помещены компактно в конце каждой главы, они как бы дополняют изложение, поясняя приводимые в тексте аргументы примерами конкретных памятников, что делает текст необычайно доходчивым.

Книга со вкусом оформлена. Бесспорно, она привлечет к себе многочисленных читателей.

В. И. Кузищин

И. Б. БРАШИНСКИЙ

НОВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО КЕРАМИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

Для последнего времени характерен постоянный интерес к греческой керамической эпиграфике как в нашей стране, так и за рубежом. Керамические клейма все чаще привлекаются исследователями в качестве источника для решения различных вопросов истории античного мира. Это и не удивительно: к настоящему времени количество накопленного материала стало поистине огромным — известны уже сотни тысяч керамических клейм, локализация и хронология ряда групп клейм является достаточно надежной, далеко вперед продвинулось решение целого ряда общих вопросов керамического клеймения. Все это позволяет использовать клейма на амфорах и черепицах в качестве полноценного исторического источника.

Особенно следует отметить, что за последние годы наблюдается быстрое развитие греческой керамической эпиграфики в социалистических странах — Болгарии и Румынии, а также в Польше, где до недавнего времени этой научной дисциплины вообще не существовало.

Обзору исследований в области греческой керамической эпиграфики до 1960 г. была посвящена моя статья [1].

С тех пор в работе по изучению клейм на амфорах и черепицах сделан существенный шаг вперед. Вышел в свет ряд публикаций и исследований, которые заслуживают того, чтобы стать предметом специального рассмотрения и оценки.

---

[1] И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, 2, стр. 293—306.

Настоящая статья посвящена критическому обзору новых зарубежных работ по керамической эпиграфике, опубликованных за последнее пятилетие [2].

Ряд работ посвящен общим вопросам керамического клеймения. Среди них в первую очередь хочется отметить небольшую статью В. Грейс и Ф. Сальвья, в которой публикуется уникальная находка глиняного штампа для клеймения амфор, найденного при раскопках на Фасосе в 1961 г. [3]. На штемпеле изображена амфора, а легенда, помимо обычного этникон, содержит очень редкое в фасосской просопографии имя Астюкреона. Кстати, клейма, нанесенные этим штемпелем, пока неизвестны. В связи с публикацией фасосского штемпеля авторы останавливаются на общем вопросе о штампах для клеймения амфор, а также на весьма важном вопросе о различиях в развитии письма монументальных и керамических надписей.

Основные выводы, содержащиеся в статье, сводятся к следующему:

1) Штампы для клеймения амфор являлись объектами, которые было легко изготовлять и обновлять. Это объясняет многообразие клейм и их широкое распространение. Не является ли отсутствие штемпелей среди археологических находок результатом того, что после использования их уничтожали во избежание риска повторного незаконного употребления?

2) Надписи на глиняных штампах позволяют понять различия в палеографии лапидарной и керамической эпиграфики (наличие в ранних керамических надписях курсивных омеги и сигмы, частые случаи ретроградного чтения надписей на клеймах).

Утверждая, что глина была наиболее обычным и употребительным материалом для изготовления штемпелей, В. Грейс и Ф. Сальвья вместе с тем не отрицают и употребления других материалов для этих целей (дерево, металл). Но они полагают, что их употребление, и то в редких случаях, относится главным образом к римскому времени. В этой связи необходимо напомнить о находках родосских клейм с явными следами волокон дерева, бесспорно свидетельствующих о применении деревянных штемпелей [4]. Едва ли имеются достаточные основания для того, чтобы безоговорочно согласиться с мнением Е. И. Леви, что дерево было основным материалом для изготовления родосских штемпелей, но все же, по-видимому, применение дерева для изготовления штампов не было столь уж редким, как полагают некоторые исследователи. В статье Грейс и Сальвья публикуется также штамп из коллекции Бенаки, сделанный из ножки амфоры. На нем вырезана монограмма ПАР, очень сходная с монограммой на известных штампах из Пантикапея и Тиритаки [5].

Некоторые общие вопросы керамического клеймения и торговли в керамической таре рассматриваются и в статье А. Садурской, посвященной характеристике амфорных клейм из польских раскопок Мирмекия в 1956 и 1957 гг.[6]. Прежде всего это относится к вопросу о назначении клейм. Однако рассуждения автора путаны и противоречивы. С одной стороны, А. Садурская утверждает, что клейма на синопских амфорах относятся к их содержимому — оливковому маслу. Впрочем этому противоречит тот факт, что одинаковыми клеймами в Синопе клеймились и амфоры и черепицы. С другой стороны, декларируется, что родосские амфоры импортировались в Мирмекий пустыми, в качестве тары, а, следовательно, клейма на них относились к самому сосуду, а не к его содержимому. Таким образом, высказанные автором в очень краткой форме суждения не помогают выяснению одного из самых важных и сложных вопросов керамического клеймения — вопроса о назначении клейм. Безусловно правильным следует признать вывод А. Садурской о том, что основным продуктом, экспортировавшимся из Синопы в амфорах, было оливковое масло. К такому же выводу, как известно, уже давно пришли и советские исследователи [7].

Решительные возражения вызывает другое предположение автора, согласно которому неклейменые синопские амфоры (а они составляют весьма значительную, если

---

[2] Работы советских исследователей рассматриваются в специальной статье «Развитие греческой керамической эпиграфики в СССР», которая будет опубликована в ВСН. Статья Ю. С. Крушкол «Клейменые амфоры и их изучение в СССР» («Klio», 43, 1963) не дает правильного представления о развитии керамической эпиграфики в Советском Союзе. Она весьма поверхностна, неполна и содержит много ошибочных положений, не разделяемых большинством советских исследователей, а также фактических ошибок. Статья Ю. С. Крушкол может лишь дезориентировать читателя-неспециалиста, поэтому нельзя рекомендовать пользоваться ею.

[3] Virginia Grace, François Salviat. Sceau thasien à marquer les amphores. ВСН, 86, 1962, стр. 510—516.

[4] Е. И. Леви. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры. Сб. «Ольвия. Теменос и агора». М.— Л., 1964, стр. 228 сл.

[5] Л. А. Ельницкий. Эпиграфические новинки из Керчи. ВДИ, 1947, 3, стр. 207 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, 85, 1958, стр. 171 сл. и рис. 25; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 299.

[6] Anna Sadurska. Timbres amphoriques de Mirmeki. Сб. «Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes». Berlin, 1961, стр. 109 сл.

[7] И. Б. Брашинский. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. Сб. «Античный город». М., 1963, стр. 136.

не преобладающую их часть) были предназначены для продажи в качестве тары, а не для транспортировки синопских товаров. Имеются все основания полагать, что в Синопе, как и во многих других греческих центрах, клеймивших свои амфоры, клеймение керамической тары никогда не было всеобщим. Особенно это относится к раннему периоду (IV в. до н. э.), когда клеймению подвергалась лишь небольшая часть сосудов. По-видимому, клеймились лишь единичные амфоры из каждой партии [8]. Назначение же амфор, как клейменых, так и неклейменых, было одинаковым.

Поддерживаемая А. Садурской точка зрения о широком экспорте керамической тары Родоса в винодельческие районы, не имевшие своей высококачественной тары, в частности в Мирмекий, представляется вполне обоснованной. Недоумение вызывает утверждение автора, будто клейменые ручки родосских амфор составляют лишь небольшой процент среди массы родосских ручек без клейм. Напротив, на Родосе клеймение амфор проводилось в жизнь наиболее последовательно и, насколько мне известно, неклейменые ручки родосских амфор составляют исключительную редкость. На многие сотни родосских клейменых ручек, по наблюдениям над материалами из раскопок Ольвии, приходятся буквально единицы неклейменых. Интересным и правильным представляется указание на важность изучения эмблем керамических клейм, содержащееся в рассматриваемой статье. На примере эмблем очень ограниченного числа синопских клейм из польских раскопок Мирмекия автор показывает, какие интересные культурно-исторические выводы сулит их специальное изучение.

Следует отметить, что молодой польской керамической эпиграфике принадлежит несомненная заслуга в изучении эмблем керамических клейм, которые до сего времени, как правило, не привлекали должного внимания. Их специальному исследованию посвящена докторская диссертация З. Штетылло, о которой мне известно лишь по краткой хроникальной заметке [9].

Интересное исследование, посвященное рассмотрению эмблем на фасосских амфорных клеймах, изображающих «гермические» памятники, опубликовал Ф. Сальвья [10]. Особое внимание уделено изучению гомогенной группы эмблем с изображением «зигзагообразной» гермы (hermès en zigzag). Подробно разбирается эмблема клейма Bon, № 2143, которую издательница толкует как «изображение Гермеса на троне или под портиком». Отвергая это толкование, Сальвья сравнивает изображение с рельефом из музея в Спарте и доказывает, что оно воспроизводит δακατα Диоскуров. Таким образом, он показывает, что в изображения керамических клейм проникали мотивы народной религии.

Ж. Ру, исследуя изображения гермы Гелиоса на родосских клеймах, пришел к заключению, что эта эмблема представляет собой схематическое изображение знаменитого Колосса Родосского [11]. Признавая возможность такого объяснения, следует, однако, иметь в виду, что к тому времени, когда указанная эмблема появляется на родосских клеймах (а они все поздние), гигантская статуя Гелиоса давно уже лежала в обломках, разрушенная известным землетрясением.

При изучении керамических клейм в последние годы большое внимание уделяется их использованию в качестве исторического источника. Особенно интересны в этом отношении амфорные клейма, найденные при раскопках Севтополя в Болгарии. В статье А. Балканской на основании этих находок исследуются торговые связи города Севта [12]. При раскопках Севтополя было найдено 90 аморфных клейм — первая значительная по количеству материала находка керамических клейм в глубине Фракии [13].

Важность Севтопольского материала заключается также и в том, что он может быть довольно точно датирован археологически — 359—229 гг. до н. э. (временем существования города). Амфорные клейма из раскопок Севтополя указывают на доминирующую роль Фасоса в экономических связях Фракии — более двух третей всех найденных здесь клейм принадлежит фасосским амфорам. Преобладание фасосской амфорной тары характерно и для юго-западного Причерноморья. Она занимает первое место в античных греческих городах на территории современной Болгарии —

---

[8] И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, 3, стр. 179 сл.; Его же. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, V, 1965, стр. 9 сл.

[9] Z. Sztetyłło. Przedstawienia figuralne stemplowanych imadel amfor greckich. Zw, XXX, 1964, стр. 249. По материалам диссертации опубликована одноименная статья в Rocznik Muz. Nar., Rok 7, Warszawa, 1963, стр. 185—209, к сожалению, оставшаяся мне недоступной.

[10] F. Salviat. Religion populaire et timbres amphoriques: Hermès; Hélène et les ΛΟΚΑΝΑ. BCH, 88, 1964, стр. 486—495.

[11] G. Roux. Qu'est-ce qu'un Κολοσσος?. Rev. des Ét. Anciennes, 62, 1960, стр. 17 сл.

[12] A. Balkanska. Die Handelsbeziehungen von Seuthopolis. Acta Antiqua Philippopolitana. Studia Archaeologica. Serdicae, 1963, стр. 49—58.

[13] До сих пор о проникновении во внутренние районы Фракии греческих товаров в керамической таре свидетельствовали лишь единичные находки. Д. Дечев. Антични надписи. Мадара, I, София, 1954, стр. 166 сл.; В. Дремсизова, В. Антонова. Принос към найстарата история на Шумен и Шуменското плато, Шумен-Коларовград. «Сборник от статии и материали за миналото на града», I, Коларовград, 1960.

Одессе, Апполонии [14]. Вероятно, через эти греческие города-колонии античный импорт и проникал в глубь страны. А. Балканска не исключает и другой, с моей точки зрения менее вероятной, возможности — непосредственных связей Севтополя с Фасосом.

Амфорные клейма из Севтополя указывают также на импорт, правда, весьма ограниченный, из Синопы. Установление этого факта имеет немаловажное значение. До сих пор синопский импорт на территории внутренних районов Фракии не был засвидетельствован. Возникает вопрос, каким путем синопский импорт мог поступать в Севтополь. А. Балканска его не рассматривает, а между тем он представляет немалый интерес. Дело в том, что, судя по находкам в греческих городах Юго-Западного Причерноморья, ни Аполлония, ни Месембрия — наиболее вероятные посредники в заморской, в частности Понтийской, торговле Фракии, не ввозили синопских товаров в керамической таре: как в том, так и в другом городе, судя по опубликованным материалам, синопские амфоры не найдены. Наиболее южным из западнопонтийских городов, где синопский импорт засвидетельствован, является Одесс. Начало синопского ввоза туда относится не ранее, чем ко второй половине III в. до н. э. К этому же времени, к конечному периоду существования Севтополя, принадлежат синопские клейма, найденные там. Возможно, их малочисленность и объясняется тем, что начало синопского импорта в этот район совпадает с концом жизни города. Наиболее вероятным посредником здесь является Одесс.

В рассматриваемой статье А. Балканска уделяет большое внимание и колесообразным клеймам, найденным в Севтополе. Этой же категории амфорных клейм из раскопок Севтополя, а также собранных в Варненском музее (всего 16 экз.) посвящено и специальное исследование того же автора [15]. А. Балканска принимает гипотезу о принадлежности этих клейм Фасосу и приводит в ее пользу дополнительные аргументы. Она высказывает предположение, что сама форма клейма (круг, разделенный на четыре сектора) является древней формой буквы Θ — начальной буквы названия Фасоса. Следует, однако, отметить, что это предположение весьма шатко. Дело в том, что, как известно, колесообразные клейма далеко не всегда имеют четыре сектора (разделены крестом), но зачастую делятся на три или пять секторов. А это никак не согласуется с интерпретацией их формы, предложенной А. Балканской.

Что касается определения времени бытования этих клейм, то автор принимает их раннюю датировку [16], справедливо указывая на то, что севтопольские находки противоречат их поздней датировке (II—I вв. до н. э.— Бон, Эфтимие).

Особый интерес для советских исследователей истории Северного Причерноморья представляет статья А. Балканской, специально посвященная изучению торговых связей между Одессом и Пантикапеем в эллинистическую эпоху [17]. Автор изучает три амфорных клейма из Варненского музея и путем сопоставления с боспорскими черепичными клеймами приходит к выводу об их возможном происхождении из Пантикапея. Этот материал служит основанием для установления существования торговых связей между Боспором и Одессом, которые, по мнению автора, относятся к III—II вв. до н. э. и возникают в результате дальновидной политики боспорского царя Евмела, а также упадка боспорской хлебной торговли с Афинами.

Наличие экономических связей между северным и западным (в данном случае северо-восточным и юго-западным) Причерноморьем не вызывает сомнений, но до сих пор фактические данные об этих связях более чем скудны. Поэтому, если бы А. Балканска оказалась права в своей атрибуции указанных варненских амфорных клейм, это было бы в высшей степени важным для изучения истории внутрипонтийских торговых сношений. Но все дело в том, что вопрос о боспорских (пантикапейских) амфорных клеймах, само существование которых едва ли может оспариваться, пока еще не нашел удовлетворительного решения. Предложенные до сих пор атрибуции клейм вызывают серьезные возражения [18]. Нельзя безоговорочно согласиться и с определениями А. Балканской. Они, как кажется, основаны главным образом на чисто внешних сопоставлениях с клеймами боспорских черепиц. При этом надлежит подчеркнуть, что даже и внешней полной аналогии между ними не наблюдается. Что же касается глины рассматриваемых автором клейменых амфорных ручек, то, судя по ее описанию, она не соответствует той глине, которую И. Б. Зеест считает характерной для пантикапейских амфор IV—III вв. до н. э. [19] Поэтому к предполо-

[14] М. Мирчев. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958; Апполония. София, 1963, стр. 257 сл.

[15] А. Балканска. Към въпроса за колелообразните амфорни печати. ИВАД, XIV, 1963, стр. 35—37.

[16] И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 295.

[17] А. Балканска. Търговски връзки между Одесос и Пантикапей през елинистическата епоха. Сб. «Изследвания в памет на Карел Шкорпил». София, 1961, стр. 323—327.

[18] И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 298 сл. В последнее время к попытке выделения боспорских амфорных клейм вновь обращался Л. А. Ельницкий (Л. А. Ельницкий. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья. ВДИ, 1961, 1, стр. 110 сл.), однако, с моей точки зрения, его выводы не могут быть признаны достаточно убедительными. Подробнее об этом сказано в упомянутой выше статье в ВСН.

[19] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 94 сл.

жению о пантикапейском происхождении рассматриваемых А. Балканской клейм следует пока подходить с большой осторожностью.

В. Грейс посвятила специальную статью группе амфор и клейменых амфорных ручек, найденных при раскопках укрепленного лагеря на п-ове Корони в Аттике, представляющих, как указывает автор, необыкновенный интерес [20].

Наибольшее значение имеет выделение типа раннеродосских клейменых амфор, названных, в отличие от амфор обычного родосского типа, протородосскими. Основные отличия этих амфор от обычных родосских типов заключаются в форме венчика, имеющего высокий вертикальный срез, и ножки, сходной с ножками книдских амфор. Очень близкую аналогию целой амфоре протородосского типа с п-ова Корони представляет клейменая амфора из Елизаветинского могильника, хранящаяся в Краснодарском музее и опубликованная И. Б. Зеест, которая, на основании знакомства с нею по фотографическому снимку, поместила ее в число книдских [21]. По-видимому, теперь и краснодарскую амфору следует скорее всего считать раннеродосской.

У этих протородосских амфор известны и другие варианты венчика: со скошенным срезом и обычные валикообразные. Что касается времени их бытования, то В. Грейс указывает на конец IV в. до н. э.

Выделение нового типа ранних родосских амфор имеет важное значение и для советских археологов. При раскопках античных городов и поселений Северного Причерноморья нередко встречаются обломки этих амфор, которые до сих пор обычно зачислялись в материал неизвестного происхождения. Внимательный пересмотр имеющегося материала (в том числе и клейм) и новые находки, очевидно, позволят внести некоторые коррективы в историю развития экономических связей северопонтийских городов с Родосом.

Для клейм «протородосских» амфор характерно отсутствие упоминания месяца, обязательного в более поздних клеймах. Этот критерий, однако, может быть использован лишь при находках амфор, у которых сохранились обе ручки. В. Грейс приводит и список эпонимов этого периода, включающий 24 имени.

На основании находок клейменых амфор с п-ова Корони В. Грейс пытается датировать время существования раскопанного там лагеря и в связи с этим обсуждает ряд исторических проблем, вытекающих из этой датировки. Руководители раскопок (Ю. Вэндерпул, Дж. Мак Креди и А. Стейнберг) считают, что укрепленный лагерь на п-ове Корони был сооружен войсками Птолемея II, пришедшими на помощь афинянам против македонян во время Хремонидовой войны (265—261 гг. до н. э.), и что он существовал только в течение периода войны, а затем был разрушен [22]. Эта датировка была подвергнута критике с разных точек зрения рядом ученых, в том числе и В. Грейс, которая доказывает, что амфорный материал противоречит столь поздней дате. Она полагает, что лагерь скорее всего следует связывать с действиями наварха Птолемея I Сотера Зенона, который около 290 г. до н. э. крейсировал в Эгейском море и патрулировал египетские хлебные транспорты в Афины. С точки зрения амфорного материала, даже такая дата кажется ей слишком поздней. Однако руководители раскопок выступили с контраргументами [23], и вопрос пока остается нерешенным.

Другое исследование В. Грейс посвящено амфорам, поднятым со дна моря, куда они попали в результате кораблекрушения, около Антикиферы еще в 1902 г.[24]. Здесь представлены родосские, косские и италийские амфоры. Большой интерес этой статьи в том, что в ней публикуются хорошо датируемые родосские клейменые (и неклейменые) амфоры наиболее позднего периода — I в. до н. э. Обломки подобных амфор нередко встречаются и в Северном Причерноморье. Теперь имеются прочные основания для их датировки. Интересен и важен также вывод автора о вероятности изготовления «косских» амфор с двуствольными ручками в различных центрах вне Коса, начиная с III в. до н. э.

Новые дополнения к списку родосских эпонимов В. Грейс внесла, публикуя амфорные клейма из раскопок в Нессане (на египетской границе Палестины) [25].

Значительный интерес представляет публикация склада клейменых амфор, найденных в Ислам Джаферка в Румынии [26]. Из 26 амфор, обнаруженных в яме, заполненной песком, сохранилось в целости или удалось полностью собрать из обломков 20 экземпляров. 18 амфор из этого числа принадлежат одному типу, известному ра-

---

[20] V. Grace. Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula. «Hesperia», XXXII, 1963, стр. 319—334.

[21] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 102 и рис. 5 (на стр. 79).

[22] «Hesperia», XXXI, 1962, стр. 26—61.

[23] E. Vanderpool, J. McCredie, A. Steinberg. Koroni: The Date of the Camp and the Pottery. «Hesperia», XXXIII, 1964, стр. 69—75.

[24] Virginia R. Grace. The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck. Transactions of the American Philosophical Society, vol. 55, Part 3, June 1965, стр. 5 сл.

[25] H. Dunscombe, Colt and others. Excavations at Nessana: Excavations Report, I. London, 1962, стр. 113 сл. Известно мне лишь по ссылке, в упомянутой выше статье В. Грейс.

[26] E. Bujor. Depozitul de amfore de la Islam Geaferca. SCIV, XII, 1, 1961, стр. 85—91; его же. The Amphorae Deposit of Islam Geaferca. «Dacia», нов. серия, VI, 1962, стр. 475 сл.

нее лишь по изолированным находкам в Добрудже. Значительная часть амфор (примерно половина) имеет энглифические клейма на горлах, соответствующие по форме и содержанию одной из групп гераклейских клейм. Это клейма, состоящие из отдельных букв или сокращений имен — ΔΙΟΝΥ, ΔΙ, Δ, ΝΙ, ΜΙ. Однако тип самих амфор не соответствует ни одному из известных типов гераклейских амфор, и ряд признаков (в частности, форма ручки) сближает их с более поздними амфорами римского времени. Некоторые отличия от гераклейских амфор наблюдаются и в глине отдельных амфор.

Автор публикации Э. Бужор полагает, что клейменые амфоры из Ислам Джаферка принадлежат продукции скорее всего самой Гераклеи, но не исключает и возможности того, что они были изготовлены в каком-нибудь другом понтийском центре. Автор датирует указанные амфоры по морфологическим признакам I в. до н. э., а возможно и началом I в. н. э.

Между тем известно, что массовое клеймение гераклейских амфор прекращается около середины III в. до н. э. Если принять выводы Э. Бужора, то окажется, что спустя два столетия после этого происходит возрождение прежних традиций. Кажется, однако, возможным и другое решение. Полное совпадение некоторых клейм из Ислам Джаферка с наиболее поздними из известных гераклейских клейм невольно вызывает предположение, что они непосредственно следуют за последними во времени [27]. В таком случае придется и новый тип гераклейских амфор датировать значительно более ранним временем, чем предполагает Э. Бужор, и попытаться найти объяснение наличию в них некоторых черт, характерных для более позднего времени. Пока же вопрос о датировке рассматриваемых амфор следует, как мне кажется, считать открытым.

Весьма интересны находки керамических клейм, сделанные при раскопках Царского дворца в столице Македонии Пелле [28]. До конца 1960 г. здесь было найдено 1057 амфорных клейм, среди которых наиболее многочисленные группы составляют клейма Фасоса и Родоса (соответственно 255 и 208 экз.). Особый интерес представляет находка здесь 149 клейм Пармениска (Παρμενίσκου). Эти клейма, а также ряд сходных с ними, были на основании общности формы и глины ручек, а также и самих клейм, уже ранее выделены В. Грейс в самостоятельную группу, получившую условное название «группы Парменискa» [29]. Находки клейм этой группы известны и в Северном Причерноморье [30].

Находка в Пелле значительно превосходит общее число известных до сих пор клейм группы Парменискa, найденных в самых разных местах греческого мира. Она позволяет если и не решить окончательно, то во всяком случае поставить вопрос о македонском (пелльском?) происхождении амфор с этими клеймами. Если бы высказанное предположение подтвердилось, это представило бы несомненный интерес и для исследователей истории Северного Причерноморья, позволив установить ранее неизвестный факт экономических связей этого района с Македонией.

При раскопках Пеллы было найдено и 16 клейм, происходящих из причерноморских центров («du Bosphore»). К сожалению, они не описаны подробнее, но можно почти уверенно предполагать, что речь идет о клеймах Синопы, которые некоторые зарубежные исследователи до сих пор неправильно именуют «понтийскими» или «боспорскими». Любопытно, что количество этих клейм в Пелле превосходит число косских, что свидетельствует о значительной роли понтийской торговли Македонии.

Если сопоставить факт наличия в Пелле относительно большого числа клейм понтийского происхождения (Синопа?) с находками в Причерноморье клейм группы Парменискa, то он, как кажется, может явиться дополнительным косвенным аргументом в пользу македонского происхождения последних.

Большой интерес представляют и черепичные клейма из Пеллы [31]. Среди них имеются как муниципальные (Πέλλης, Δημοσια), так и царские (Βασιλική, Βα'Αντι(γόνου), Βα. Φι, и клейма с именами частных лиц. Последние, однако, всегда дополняются царским сокращением ΒΑ.

В. Грейс опубликовала очередные отчеты о работе над клейменными амфорами [32]. Первый отчет посвящен результатам исследования клейм, хранящихся в коллекциях Родоса, Симы и Коса. На Родосе решительно преобладают клейма местного происхождения (6978 из 7321). Здесь имеется и 16 «понтийских» клейм (по любезному сообщению Грейс, они в большинстве своем синопские). По два-три таких клейма имеется и на Симе и Косе.

---

[27] И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской, стр. 9 сл.

[28] Ch. Makaronas. Arch. Deltion, 16, 1960 (изд. в 1962 г.), стр. 82 и табл. 79—80. Известно мне по J. et L. Robert. Bulletin épigraphique. REG, 75, 1963, стр. 123, № 19.

[29] V. Grace. Punx: Stamped Wine Jar Fragments. «Hesperia», X, 1956, стр. 168 сл.

[30] И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики, стр. 269 и рис. 1 и 2.

[31] Arch. Deltion, 16, стр. 82 и табл. 71—73. Некоторые из них публиковались и в ежегодных Chroniques des fouilles в BCH.

[32] Year Book of the American Philosophical Society, 1959, стр. 472—477; 1964, стр. 518—522.

Во втором отчете В. Грейс сообщает о работе в Александрийском музее над амфорными клеймами из известной коллекции Бенаки. Эта крупнейшая в мире коллекция керамических клейм, содержащая более 66000 экз., была летом 1962 г. передана в дар Греко-римскому музею в Александрии ее собственником Лукасом Бенаки. Подавляющее большинство клейм коллекции (более 54 тыс. экз.) являются родосскими. Работа В. Грейс была посвящена главным образом исследованию и классификации неродосских клейм: книдских (5357), косских (1344), латинских (727), фасосских (149) и т. д. Для полного приведения в порядок всей коллекции Бенаки потребуется еще очень большая и трудоемкая работа, которая без сомнения должна привести к весьма интересным и важным результатам.

В настоящее время В. Грейс готовит к печати корпус косских клейм, а на очереди стоит киндский корпус.

Статья обзорного характера была посвящена керамическим клеймам, найденным польскими археологами при раскопках Мирмекия в 1956—1958 гг.[33]. За три года на сравнительно небольшом участке здесь было найдено более 200 клейм, большинство из которых, как обычно в Мирмекии, являются синопскими и родосскими. Автор статьи З. Штетылло полагает, что сравнительно большое количество найденных клейм объясняется тем, что польская экспедиция раскапывала торговый центр, может быть рыночную площадь города. Такой вывод, однако, лишен оснований и не подтверждается археологическими данными. Существенным недостатком статьи, как и других публикаций, посвященных мирмекийским клеймам из польских раскопок, является то, что они, составляющие лишь очень небольшую и в значительной степени случайную коллекцию, рассматриваются изолированно от огромной массы клейм, найденных на том же участке советскими археологами. При изучении этих клейм исторические выводы делаются без всякого учета тех данных, которые представляет вся совокупность клейм, найденных в Мирмекии. Разумеется, что от этого они теряют убедительность.

В указанной статье, как и в других своих работах, З. Штетылло обращает внимание на эмблемы клейм, которые могут стать источником реконструкции античных памятников монументальной скульптуры, не дошедших до нас и известных из литературной традиции.

Небольшая статья того же автора посвящена публикации амфорных клейм из польских раскопок в Тель-Атрибе в Египте[34]. За пять лет раскопок здесь найдено всего 40 клейм, 36 из которых являются родосскими, относящимися в основном ко времени пергамского комплекса (220—180 гг. до н. э.).

Ряд публикаций был посвящен новым клеймам, найденным при раскопках в различных местах Болгарии.

Г. Тончева опубликовала керамические клейма из раскопок Бизоне (Каварна) 1952—1953 и 1955 гг.[35]. С клеймами из Бизоне, расположенной недалеко от Одесса (Варна), мы уже были знакомы по публикации клейм Варненского музея М. Мирчева. Новые материалы (27 клейм, из которых одно на синопской черепице и одно на маленьком сосуде) не вносят чего-либо нового в существующие представления об экономических связях Бизоне. Они подтверждают необычно большой для Юго-Западного Причерноморья импорт в керамической таре из Гераклеи Понтийской, который здесь доминирует. Небезынтересно отметить, что подавляющее большинство гераклейских амфор из Бизоне происходит из одной керамической мастерской — эргастерия Аристократа[36]. По-видимому, это результат большой единовременной закупки.

Большой интерес здесь представляет клеймо на небольшом массивном сосуде: (Νικίας|Λυκίου (?). Издательница считает последнее слово этниконом и полагает, что сосуд происходил из Ликии. Неправильность такого толкования была недавно показана В. И. Пругло[37], которая на основании многочисленных аналогий доказала, что речь здесь идет о весьма популярном в эллинистическое время медикаменте ликии (Λύκιον). Последняя буква в этом слове на рассматриваемом клейме поэтому должна, очевидно, читаться как *ню*, а не *ипсилон*.

А. Балканска опубликовала 13 амфорных клейм, найденных в Варне при раскопках римской бани в 1960 г.[38]. Среди них имеется ряд ранних родосских клейм, которые издательница датирует концом IV в. до н. э. Кажется, что в некоторых случаях скорее можно было бы говорить о III в. до н. э. (до 220 г.). В связи с немногочисленными находками синопских клейм автор касается вопроса о причинах различной интенсивности синопского импорта на западном и северном побережьях Черного моря.

[33] Z. Sztetyłło. Stemplowane imadła amfor greckich z wykopalisk w Mirmeki na Krymie. «Meander», XV, 1960, стр. 382—392.

[34] Z. Sztetyłło. Stamped Amphora Handles from Polish Excavations in Tell Atrib (1957—1961). «Eos», LIII, 2, 1963, стр. 335—340.

[35] М. Мирчев, Г. Тончева, Д. Димитров. Бизоне-Карвуна, ИВАД, XIII, 1962, стр. 37 сл., табл. I—II.

[36] Г. Тончева по недоразумению именует его Аристоклом и в качестве аналогии к штемпелям фабриканта Аристократа приводит клейма эпонима Аристокла.

[37] В. И. Пругло. Эллинистические флаконы для лекарства. СА, 1966, 1, стр. 193 сл.

[38] А. Балканска. Новооткрити амфорни печати във Варна. «Археология», IV, 4, София, 1962, стр. 61—65.

Значительное преобладание синопской керамической тары на севере она объясняет большой потребностью здесь в оливковом масле, которое было основным продуктом, перевозившимся в синопской таре. Это, безусловно, верно. Но ведь и на западе потребность в масле была не меньшей, ведь и там олива не произрастала и масло импортировалось. Но здесь, очевидно, основным поставщиком был Фасос, расположенный ближе, чем Синопа, в то время как для северопонтийских греков Синопа была ближайшим оливконосным районом.

Опубликованы также амфорные клейма из раскопок некрополя Аполлонии [39]. Среди весьма немногочисленных здесь клейм представлены клейма Фасоса, Родоса и Гераклеи Понтийской.

Б. Лифшиц опубликовал амфорные клейма, найденные в Цезарее в Палестине [40]. Особый интерес представляет астиномное клеймо (Ἡρακλέτο|αστυνομοῦν (τος), хранящееся в муниципальном музее Хайфы. Автор публикации справедливо отмечает, что оно «возможно, происходит из одного из городов северного побережья Понта Евксинского». Клеймо скорее всего является херсонесским [41]. Если это так, то хайфское клеймо будет самой южной находкой херсонесских клейм. Это также явилось бы, как мне представляется, основанием для обсуждения вопроса о пользовании купцами северопонтийских греческих городов торговой магистралью Амис-Тарс, единственной сухопутной торговой дорогой, пересекавшей Малую Азию с севера на юг [42].

За последние годы опубликован также и ряд популярных работ по керамической эпиграфике.

В серии «Picture Books» раскопок афинской агоры, издаваемых Американской школой классических исследований в Афинах, вышла в свет популярная брошюра известного специалиста по керамическим клеймам Вирджинии Грейс под названием «Амфоры и античная торговля вином» [43]. В книге в интересной и доступной форме описывается история развития амфор, клейм на них и виноторговли с так называемых ханаанейских амфор (XV—XIV вв. до н. э.) до позднеримских (V—VI вв.). Особо следует отметить многочисленные и отличные иллюстрации, дающие яркое наглядное представление о развитии керамической тары с древнейших времен до конца античного периода. Особенно ценным в брошюре В. Грейс является убедительная демонстрация связи греческих керамических клейм с древневосточными. Как кажется, такое сопоставление может оказаться весьма плодотворным при выяснении ряда кардинальных и пока нерешенных вопросов керамического клеймения и, прежде всего, вопроса о назначении клейм.

Можно пожалеть лишь о том, что В. Грейс ограничилась в основном материалами коллекций из раскопок Афинской агоры (хотя в ряде случаев ею используется и другой материал) и не привлекла поэтому клейменых амфор черноморских центров (Синопы, Гераклеи Понтийской, Херсонеса), которые в Афинах либо отсутствуют, либо чрезвычайно редки. С привлечением и этого материала картина, представленная автором, была бы значительно более цельной и, несомненно, выиграла бы.

Другая популярная брошюра о клеймах на греческих амфорах и строительных материалах опубликована З. Штетылло [44]. Автор в очень сжатой форме сообщает сведения об изделиях, подвергавшихся клеймению, о его технике и характере. Специальный раздел озаглавлен: «История работ над клеймами». Следует, однако, отметить, что по сути дела автор ограничился здесь перечислением, и притом далеко неполным, имен исследователей разных стран и ему не удалось показать историю развития керамической эпиграфики.

Далее сообщаются сведения об эмблемах на клеймах, надписях, форме штемпелей и коротко описываются клейма разных производственных центров.

Прежде всего возникает вопрос: кому адресована брошюра З. Штетылло? Судя по общеизвестным сведениям, сообщаемым в ней, она, по-видимому, рассчитана на широкого читателя, так как специалист, даже очень поверхностно знакомый с предметом, ничего нового в ней не найдет. С другой же стороны, тираж брошюры (всего лишь 700 экз.) и далеко не «популярный» характер содержания и изложения противоречат этому. Таким образом, книжка оказывается без «адреса».

Истории развития керамической эпиграфики в России и СССР З. Штетылло [45] посветила и специальную работу, отдавая должное вкладу русских и советских ученых

---

[39] Аполлония. София, 1963, стр. 260 сл. (автор этого раздела — Т. Иванов).

[40] B. Lifshitz. Timbres amphoriques trouvés a Césarée de Palestine. «Révue biblique», 4, 1963, стр. 557, № 16.

[41] Ср. Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, 4, стр. 106, № 4, табл. I, *4*; стр. 110, табл. IV, *15*.

[42] О торговом пути Понт-Киликия (Амис-Тарс) см. М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 14 сл., 81 сл.

[43] Virginia R. Grace. Amphoras and the Ancient Wine Trade. Excavations of the Athenian Agora. Picture Book, 6, Princeton, New Jersey, 1961.

[44] Z. Sztetyłło. Stemple greckich amfor i ceramicznych materiałów budowlanych. Panstwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa, 1962.

[45] Z. Sztetyłło. Badania nad stemplowanymi imadłami amfor greckich w literaturze rosyjskiej i radzieckiej. «Meander», XVI, 5, Warszawa, 1961, стр. 250—265.

в разработку многих важных вопросов керамической эпиграфики. Основное внимание автор уделил начальному периоду археологических разысканий в Северном Причерноморье и связанными с ними первыми находками керамических клейм, а также работе над херсонесскими клеймами. Подвергая справедливой критике первые издания клейм, содержавшие порой весьма наивные, с теперешней точки зрения, высказывания и выводы, З. Штетылло, однако, совершенно обошла молчанием образцовые для своего времени публикации П. В. Беккера, который, несомненно, был в середине XIX в. крупнейшим в Европе специалистом по керамической эпиграфике, а также и публикации акад. Л. Стефани.

«Не повезло» и крупнейшему русскому и советскому специалисту в области керамической эпиграфики Е. М. Придику — его деятельность также осталась в тени. Зато неправомерно большое место, как отмечено выше, уделено работам над херсонесскими клеймами. О послевоенных работах советских исследователей сказано очень бегло и односторонне; работы, на которые автор ссылается, часто являются второстепенными и случайными, между тем как основные обойдены молчанием.

Совершенно непонятно то, что З. Штетылло пишет о гераклейских клеймах. Она, судя по всему, относит их к продукции Гераклейского полуострова, указывая, что они «происходят главным образом из раскопок на Гераклейском и Таманском полуостровах», и определяет гераклейскую группу клейм как группу местного, северочерноморского производства, ссылаясь при этом на Б. Н. Гракова и И. Б. Зеест. Между тем хорошо известно, что именно Б. Н. Граков, а вслед за ним и подавляющее большинство советских и зарубежных ученых считает эти клейма происходящими из Гераклеи Понтийской, расположенной на северном берегу Малой Азии, на месте современного турецкого города Эрегли.

В статье З. Штетылло есть и фактические ошибки: искажены имена даты и т. д.

Таковы основные итоги зарубежных работ в области греческой керамической эпиграфики за последнее пятилетие. Здесь имеются большие и несомненные успехи; есть, однако, и неудачные работы. В целом же в дальнейшее развитие этой отрасли науки внесен, как мы старались показать, новый существенный вклад.

Характерной особенностью развития керамической эпиграфики в наши дни является то, что в разных странах она развивается в одних и тех же направлениях. Зарубежные специалисты широко пользуются достижениями своих советских коллег в этой области, равно как и советские ученые — результатами работ зарубежных исследователей. Работы эти, таким образом, проводятся в тесном сотрудничестве. Ученые в разных странах независимо друг от друга приходят к одинаковым выводам. Это придает им бо́льшую объективность и достоверность. В этом плодотворном сотрудничестве залог дальнейших успехов греческой керамической эпиграфики.

М. Г. Рабинович. О древней Москве

Изд-во «Наука». М. 1964

Одним из наиболее крупных достижений советской археологии за послевоенные годы безусловно является изучение древнерусских городов. Самобытная культура древней Руси нигде не проявилась с такой яркостью и отчетливостью, как в городах, особенно в крупных, бывших культурными и экономическими центрами древнерусских земель. Архитектура, жилище, прикладное искусство, одежда, пища — все те стороны древнерусской жизни, которые нам были так плохо известны, а порой даже совсем неизвестны, проявились в раскопках русских городов с такой полнокровностью, о какой нельзя было даже мечтать, пока исследователи ограничивались кругом письменных источников. В результате изучения древнерусских городов материальная культура древней Руси облеклась в плоть и кровь, стала зримой и реальной.

Исследования последних лет охватили ряд городов, как крупных, так и мелких. При этом масштаб работ был различным. В некоторых городах систематические раскопки, проводимые в течение многих лет, раскрыли целые районы древнего города. В других городах эти раскопки носили гораздо более эпизодический характер. В третьих — дело ограничилось небольшими разведочными шурфами. По некоторым городам опубликованы уже целые серии книг с итогами археологических исследований (Новгород, Белая Вежа); в ряде случаев подведены итоги и опубликованы монографии, посвященные культуре отдельных городов (Киев, Рязань, Гродно). Сейчас к этому ряду прибавилась новая работа — книга М. Г. Рабиновича о древней Москве. Книга эта дает общую картину развития материальной культуры и быта московских горожан XI—XVI вв.

Роль Москвы в истории России не нуждается в комментариях. И тем не менее систематические археологические раскопки здесь начались сравнительно недавно, лишь с 1946 г.

Решение многих важнейших вопросов древней истории Москвы становится возможным только сейчас, в результате археологических раскопок последних лет. Это

предопределяет актуальность и важность рецензируемой книги. Автор отмечает, что раскопки в Москве проводились пока далеко не во всех районах и имели большей частью ограниченный характер. Поэтому археологический материал представлен очень неравномерно. Кроме того, интенсивная жизнь города в XVI—XVII вв. в значительной степени разрушила более древние культурные напластования. Все это привело к тому, что древнейшие слои Москвы удалось обнаружить лишь на нескольких очень небольших участках и материальная культура XI—XIII вв. вырисовывается пока значительно более фрагментарно, чем материальная культура более позднего времени.

Неполнота материала заставила автора построить книгу в виде очерков, посвященных истории московских «градов» (т. е. древних укреплений), общей характеристике Великого посада и Заяузья, а также картине быта древних москвичей. Огромным достоинством книги является широта охвата явлений — все стороны материальной культуры рассматриваются не только на основании данных археологических раскопок, но с привлечением письменных источников и этнографических параллелей. Это позволило автору поднять вопросы, касающиеся не одной Москвы, а порой имеющие большое значение для решения самых общих проблем древнерусской культуры. Таким образом, книга М. Г. Рабиновича безусловно может быть отнесена к серьезным достижениям советской археологической науки. К этому следует добавить, что книга написана живым и ярким языком, делающим ее доступной самым широким кругам советской интеллигенции.

Одна из наиболее характерных особенностей рассматриваемой книги заключается в том, что в каждом очерке используется как ранний, так и более поздний материал. Это безусловное достоинство работы, поскольку дает возможность рассматривать каждое явление в его развитии в широких хронологических рамках, от XI до XVIII в. Вместе с тем это иногда несколько затрудняет чтение, поскольку рассмотрение почти рядом предметов разных эпох нарушает ясность картины.

Очень существен вывод автора о том, что Москва с самого ее основания — с рубежа XI—XII вв., имела городской, т. е. торгово-ремесленный характер. Постановка этого вопроса — несомненная заслуга автора, хотя недостаточное количество материала и не дает еще возможности безоговорочно принять предлагаемое решение.

Можно отметить, что выводы М. Г. Рабиновича иной раз несколько излишне категоричны. Так, он чрезвычайно решительно возражает против предположения Р. Розенфельдта о том, что низменная юго-восточная часть московского посада первоначально не была заболочена (стр. 64). Между тем, заболачивание территории в результате отложения культурного слоя, обладающего большой капиллярностью,— явление, достаточно широко распространенное. Именно так создалась заболоченность в Ладоге, Торопце, Новгороде и многих других древнерусских городах. Возможно, что в Москве дело обстояло иначе и правильна точка зрения М. Г. Рабиновича; но даже если это и так, то для подтверждения требуется тщательная аргументация, которая в работе отсутствует.

Не следовало бы, пожалуй, так решительно выступать и против предположения немецкой исследовательницы Э. Эннен о том, что город в собственном смысле слова обязательно должен иметь вторую линию укреплений — окольный город (стр. 15). Конечно, не все древнерусские города имели такую внешнюю оборонительную линию, но все же связь укреплений окольного города со становлением городского посада и сложением городского самоуправления не может вызвать сомнений и поэтому в утверждении Э. Эннен есть большая доля истины.

Очень хорошо, что, рассматривая московские срубные дома, М. Г. Рабинович здесь же дает общую картину распространения на Руси различных типов жилища (стр. 237). Однако предлагаемая им карта не может не вызвать сомнений, так как относит всю Волынь к зоне срубных наземных жилищ, а Суздальскую землю — к зоне полуземлянок.

Как видно из изложенного выше, замечания, которые мы можем сделать по рецензируемой книге, свидетельствуют не об ошибках ее автора, а лишь о спорности и недостаточной изученности многих рассматриваемых положений. Поэтому наши замечания ни в малейшей степени не могут поколебать общей очень высокой оценки этой книги. Будем надеяться, что выход в свет книги о древней Москве означает не только подведение итогов определенного этапа археологического изучения Москвы, но и начало нового, еще более интенсивного исследования древнейшего прошлого нашей столицы.

П. А. Раппопорт

ИРАНСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ, ТТ. 1, 3

40-е годы в Иране явились переломным этапом в развитии отечественной археологической науки. В эти годы начинаются самостоятельные раскопки и разведки иранских археологов в самых различных районах страны. Обилие накопленного к 50-м годам археологического материала, продолжающиеся раскопки, вопросы реставрации и ремонта памятников древности — все это требовало планомерного освещения

в литературе. В 1942 г. в Иране было образовано Управление по делам археологии, деятельность которого сказалась и на увеличении выходящей археологической литературы на персидском языке.

В 1950 г. в Тегеране вышел в свет первый том «Археологических отчетов», выпускаемых этим Управлением [1]. Издание это не периодическое в полном смысле слова, и тома неравноценны по объему, количество фотографий, планов, прорисовок велико, но их качество остается низким. Из четырех вышедших до 1960 г. томов два (второй и четвертый) целиком посвящены раскопкам в Персеполе и Пасаргадах и, являясь работами монографического характера, нуждаются в отдельном обзоре.

Специалистам хорошо известны имена и труды ряда американских и европейских ученых по археологии Ирана, однако самостоятельная работа иранских ученых остается в тени, а литература по археологии на персидском языке до сих пор не являлась темой обзорных работ.

Эта заметка имеет целью дать краткий библиографический обзор первого и третьего томов «Отчетов» и не претендует на критику концепций авторов статей, равно как и выводов, делаемых ими из изложенного материала.

Первый том открывается статьей М. Т. Мустафави о глиняных клинописных табличках из «Сокровищницы» Персеполя. Работа включает в себя исследовательскую часть, основанную на книге Дж. Камерона [2] с привлечением работ ряда иранских ученых (Таги Заде, М. Муин, Пурн Дауд) и перевод 85 табличек на современный персидский язык с английского. Некоторый интерес могут представлять приводимые автором таблицы с названиями месяцев на древнеперсидском, вавилонском и эламском языках и их соответствия в современном календаре и таблицы имен собственных и географических названий с приложением их латинской транскрипции.

Работа А. Хакими и М. Рада «Описание и результаты раскопок в Хасанлу (Сулдуз)» [3] посвящена раскопкам группы холмов в Иранском Азербайджане, проведенных ими в 1947 и 1949 гг. Авторы описывают географическое местоположение этих холмов, их строение и прослеживают историю народа, населявшего этот район с середины II до середины I тысячелетия до н. э., связывая историю южного района оз. Ризайе с государством маннеев. Средняя высота центрального холма — 20 *м*, диаметр — 250—285 *м*, высота соседних холмов — 15 *м*.

Исследователи определяют три эпохи в жизни холма: первая характеризуется слоем (20 *см* ниже уровня долины), который дал образцы простой черной керамики и отдельные предметы из бронзы (ножи, браслеты, бруски); вторая — слой на 3 *м* от поверхности холма, в нем металлические предметы и керамика, отличающаяся по стилю и технике изготовления от первого слоя; третья — верхний слой, давший находки золота и серебра, бронзовые фигурки животных и металлические треножники (бронза и железо встречаются вместе). Остатки стен из кирпичей и печей связываются со свидетельством ассирийских источников о высокой строительной технике в районах древнего Азербайджана. Далее идет описание нескольких захоронений в зависимости от возраста (грудные младенцы, отроческий возраст и взрослые) и видов могил: грунтовые, залитые известковым раствором, кирпичные и каменные склепы. Отпечатки тканей на бронзе, находки пуговиц на скелетах, наличие остатков животной и растительной пищи позволяют заключить, что обычай захоронения в Хасанлу не отличался от такового в других областях Западной Азии. Костяки, скорченные на левом или правом боку, лицом к солнцу (приводится схема расположения костяков в зависимости от времени похорон — утро, полдень, вечер). Находки скелетов лошадей позволили авторам предположить, что подобные захоронения связаны с периодом господства саков или киммерийцев на северо-западе Ирана.

В главе «Описание найденных вещей» рассматриваются керамика, изделия из металла, изделия из кости и камня. Основная часть керамики — черно-пепельная лощеная, меньше красной и желтой типа Тепе-Спалк I, вторая половина II тысячелетия до н. э. (производилась на гончарном круге с дополнительной ручной обработкой). По форме — сосуды с носиками в виде чайников, вазы на короткой ножке, сосуды с ручкой в виде корзиночки, ппалы (в том числе интересный сосуд в виде башмака, имеющий сходство с ритонами Калар Дашта и из окрестностей Саккыза) и глиняные треножники, служившие подставками при ритуальных церемониях. Изделия крашеной керамики являлись привозными из Луристана, Нехавенда и Курдистана. Найдено небольшое количество поливной керамики, белой и бирюзовой (XIII—IX вв. до н. э.), по-видимому, привозной из Саккыза и Зивийе. В целом керамика Хасанлу по стилю и качеству изготовления выше керамики из аналогичных по времени раскопок в других районах Ирана.

Основная часть изделий из бронзы найдена в захоронениях верхних слоев. Бронзовые статуэтки животных из Хасанлу отличаются бо́льшей близостью к естественным формам, чем в лурпстанской бронзе. Классификация дана по форме изделия. Здесь — фигурки львов, имеющие в трактовке сходство с львиными головами пер-

---

[1] Отчеты по Иранской археологии, 1, Тегеран, 1950; 2, Тегеран, 1951; 3, Тегеран, 1955; 4, Шираз, 1960.

[2] G. G a m e r o n. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.

[3] Отчеты, 1, стр. 1—103, 20 л, ил. (пагинация каждой статьи в этом томе самостоятельная).

сепольских рельефов и колонн, фигурки горных козлов и фантастических существ. Были найдены бронзовые уздечки и части конского украшения — трапециевидная пластинка с изображением головы оленя, а под ней дерева с шестью ветвями и круглая пластинка с изображением бегущего крылатого коня. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, ножами, палицами, кинжалами и колчаном. В третьем слое, соответствующем эпохе железа, обнаружены предметы из золота. Среди них — браслеты (литые, круглые в сечении), ожерелья (комбинированные — золото, сердолик, ляпис-лазурь), пуговицы (плоские, с резным рисунком), пластинки (части налобных повязок) и гвоздики с золотой шляпкой. Интерес представляют две пары серег высокой художественной работы, не имеющие себе аналогий (в виде грозди винограда и плодов граната). Серебряные изделия есть в небольшом количестве, изделий из железа найдено много, но очень попорченных ржавчиной.

Изделия из кости представлены разного вида ручками от ножей и кинжалов (пластины с геометрическим рисунком), конским гребнем, головкой быка и пластинками от конского украшения.

Статья завершается описанием коллекции изделий из камня — резные цилиндрики, подвески от ожерелья (фигурки льва, мыши, лисицы), бусины из сердолика, ляпис-лазури, пятнистого мрамора и стекла. На протяжении всей статьи авторы на конкретных примерах неоднократно подчеркивают тесную связь ахеменидского искусства с искусством маннейцев и мидян.

Раскопки А. Хакими и М. Рада, производимые ими в 1950 г. в Ганджи-Тепе в окрестностях Хурвина (80 *км* северо-западнее Тегерана), кратко описаны Л. Ванденбергом [4]. Отметим некоторые самостоятельные выводы авторов, к которым они приходят в статье, посвященной этому вопросу [5]. Районом распространения черно-пепельной лощеной керамики во II тысячелетии до н. э. являлась обширная территория от Туркестана до Азербайджана и по склонам Эльбруса до Кашана. Общие верования и стилистические особенности художественного мастерства этих народов позволяют предположить общность их происхождения. Сравнение находок Ганджи-Тепе с культурой Тепе-Сиалка, Тепе-Хисара и других районов Ирана дало возможность полагать, что группа племен, пришедших с севера Азербайджана, распространилась в западных областях Ирана, а после столкновения с Ассирией и Ванским государством повернула в центральные районы, частично вытеснив, а частично смешавшись с аборигенами.

Третий том «Отчетов» включает в себя 14 статей на персидском языке, одну на французском [6] и имеет именной и географический указатели, составленные г-жой Н. Хуши и г-жой М. Таваллули.

Сотрудник Иранского археологического музея Х. Самади в статье «Сокровища Калар Дашта» (стр. 117—136), описывая коллекцию золотых и керамических предметов из Калар Дашта, останавливается на тех сосудах, которые он считает прообразами ритонов. Впервые публикуется кубок из красной глины, нижний конец которого вытянут и имеет форму головы горного козла с длинными рогами, прикрепленными к краю кубка (фото, стр. 128). К вопросу о ритонах этот же автор обращается в статье о сосудах из Дарруса (район Шамирана в окрестностях Тегерана), публикуя восемь хорошо сохранившихся керамических сосудов (стр. 139—146). Здесь цедилка, кружки с ручкой, масляный светильник, находящие себе аналогии в керамике Тепе-Сиалк (В). Особенный интерес представляет ритон с ручкой наверху и головкой газели в нижней части [7]. В качестве близкой аналогии к нему впервые публикуется высокая кружка с ручкой и носиком в нижней части в виде головки газели. Сосуд был найден иранскими археологами в Тепе-Сухте (район Керманшаха) в 1954 г.

Статья М. Рада «Сведения о некоторых исторических местах на западе Ирана» (стр. 310—316) является результатом наблюдений автора во время археологической разведки в 1950—1951 гг. в Зивийе (район Саккыза). Для уточнения вопроса о происхождении вещей из Зивийе автор обращается к находкам из других холмов этого района. Он привлекает в качестве примера бронзовый топор [8], найденный в 1954 г. в нескольких километрах к северу от Саккыза и, сравнивая его с бронзовой человеческой фигуркой из Луристана, относит его к группе вещей касситской эпохи (I тысячелетие до н. э.) из северных областей Ирана. На территории Ирана предметы, относящиеся к этой эпохе, найдены в Рустамабаде (Курдистан) и в окрестностях Керманшаха и Керенда (фото, стр. 312).

Значительное место в третьем томе занимает работа М. Т. Мустафави «Ахеменидские ковры и ткани, найденные в Южной Сибири...» (стр. 30—94). Находки в Пазырыкских курганах вызвали огромный интерес в Иране, а работы С. И. Руденко вскоре стали известны иранским специалистам [9].

---

[4] L. Vanden Berghe. Archéologie de l'Irān ancien. Leiden, 1959, стр. 123—124.
[5] Отчеты..., 1, стр. 1—16.
[6] R. Ghirshman. Une Ziggourat Elamite. Отчеты..., 3, стр. I—XIII.
[7] L. Wanden Berghe. Ук. соч., стр. 124, табл. 159*а*.
[8] L. Wanden Berghe. Ук. соч., табл. 144*а*.
[9] К 1955 г. Мустафави были известны две работы: С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952; его же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953.

Мустафави поставил задачу проследить связи культуры населения Горного Алтая с культурой различных областей Ирана и показать их взаимное влияние. В частности, автор усматривает общие черты в захоронениях Хасанлу и Пазырыка. Характеризуя раскопанное в 1951 г. в 3 *км* от Персеполя небольшое сооружение из белого камня, автор предполагает, что образцом для такой погребальной камеры раннеахеменидского периода могли послужить сакские могилы из дерева.

Большое внимание автор уделяет вопросу о ворсовом ковре из 5-го Пазырыкского кургана. Изображения оленей на ковре, повторяющиеся на бордюре фигуры крылатых животных, и сцены нападения льва на оленя выполнены с явным вниманием к рельефам Персеполя и, судя по манере исполнения, имели за собой старую традицию. Фигурки верховых и спешившихся всадников изображают сцены джигитовки, распространенной в Иране во времена Ахеменидов. Исходя из этого, автор датирует ковер второй половиной V в. до н. э. (стр. 66). Наличие изображений оленей, особенности одежды всадников (в частности, головные уборы), а также роль географического фактора позволяют Мустафави сделать вывод, что местом изготовления ковра была Парфия и он попал к сакскому вождю в результате торговых связей между северными районами Ирана и Горным Алтаем (стр. 70).

В связи с изображениями на этом же ковре Мустафави обращает внимание на керамический сосуд II тысячелетия до н. э. в форме лошадиной фигуры, найденный в Маку в 1924 г.[10] На спине статуэтки темно-коричневой краской изображена попона, разрисованная фигурками животных и птиц. Подобный сосуд, более поздний, был найден в 1949 г. в Сузах Р. Гиршманом[11], который считает, что такое изображение дает представление о самых древних войлочных коврах Ирана. Мустафави, в свою очередь, предполагает, что на таких охотничьих коврах изображали животных, водящихся в той местности, где работали мастера, и что рисунок оленей на ковре лишний раз подтверждает его североиранское происхождение.

Рассматривая фрагмент ткани с изображением женщин, стоящих возле жертвенников (аташдан), Мустафави приводит аналогию на рельефах «Стоколонного дворца» и считает, что такие аташданы могли служить курильницами на праздничных церемониях. Поэтому уместно предположить, что женщины на этой ткани — не жрицы, а придворные дамы (стр. 75).

В заключение работы упоминаются и другие находки из Пазырыкских курганов, имеющие сюжетные аналогии с произведениями из различных районов Ирана (например, изображение козла на серебряной пластине и подобное ему на золотой пластине из Зивийе), и подчеркивается важность находок советских ученых для истории культуры Ирана.

Среди статей третьего тома обращают на себя внимание работы, посвященные архитектуре первых веков после арабского завоевания, и, в частности, статья Мустафави о памятнике XI в., мавзолее дочери сасанидского шаха Йездигерда — Бибишахрбану (в 15 *км* от Тегерана), и находящемся в 2 *км* от него здании той же эпохи «Наггаре-хане». Детально характеризуя особенности архитектуры этих зданий, автор приходит к выводу, что постройка мавзолеев за пределами города, в гористой местности, свидетельствует о пережитках обычаев захоронения доисламской эпохи в первые века ислама. В связи с «Наггаре-хане» Мустафави останавливается на обнаруженном там еще в 1919 г. комплексе остатков тканей и ковров X—XI вв., которые были вывезены из Ирана и оказались в коллекциях ряда музеев Европы и Америки[12]. Мустафави предполагает, что ткани из «Наггаре-хане» — часть сокровищ дейлемского правителя Фахр ад-Давле. Таким образом, автор приводит сведения, могущие быть полезными при решении спорного до сих пор вопроса об определении пранских тканей раннемусульманского периода.

Еще нескольким архитектурным памятникам эпохи Буидов посвящена статья С. Самими (стр. 171—190), в которой устанавливается, что здание, известное под названием «Зендан- и Харун ар-Рашид» (в 10 *км* от Тегерана), не являлось военным сооружением эпохи Сельджуков (по определению А. Годара), а служило одиночной тюрьмой, куда заточали особо опасных преступников.

Некоторые полезные сведения об архитектуре Исфахана в сефевидскую эпоху содержатся в статье сотрудника исфаханского отделения Управления по делам археологии Л. Хунарфара (стр. 193—211). Публикация на страницах «Отчетов» нескольких старых фотографий ряда исфаханских дворцов вместе с современными фотографиями позволяет представить изменения, происшедшие в их облике за последние 50—60 лет.

Три статьи в третьем томе посвящены описанию печатей и монет.

А. Хакими в заметке «Древнейшим перстень с печатью Дария Великого» (стр. 3—8) впервые публикует квадратную печать из гематита (24,5 × 20,5 *мм*) из собраний ИАМ"а с трехъязычной надписью: «Я — Дарий, шах». По мнению автора, печать более архаична, чем подобная ей, хранящаяся в Британском музее, и относится к раннему периоду правления Дария (орфография слова «шах» в древнеперсидской надписи

---

[10] M. Bahrami. L'exposition d'art iranien à Paris. «Artibus asiae», XI, 1948, стр. 13—23; L. Wanden Berghe. Ук. соч., стр. 120, табл. 150*в*.

[11] R. Ghirshman. Village Perse-Achéménide. MDP, XXXVI, Paris, 1954, стр. 38.

[12] Основные статьи о ранних мусульманских тканях см. в «Ars islamica», XV—XVI, 1951; «Artibus asiae», XIV, 3, 1951; «Ars orientalis», I, 1954.

очень старая, в вавилонской части слово «уа» написано в форме, употреблявшейся до VI в. до н. э.). Г-жа Маликзаде Байани в своей статье (стр. 12—24) описывает сасанидскую круглую печать из сердолика, поступившую в 1954 г. в ИАМ. На печати профильный погрудный портрет мужчины с короткой бородой, в круглой шапке, украшенной по краю драгоценными камнями. На обороте — личный знак одной из царских семей Сасанидов (встречается на монетах Бахрама I и II и Нарсе). Надпись «Дат-Фаррух» означала имя человека, обладавшего высокой духовной должностью «маган-андарзбад». Статья того же автора «Два клада ашканидских (парфянских) монет в ИАМ'е» (стр. 241—251) описывает две группы монет, найденных в 50-е годы и купленных музеем. Все монеты описываются по следующей схеме: датировка, вес, изображение, легенда, знак чеканки. К первой группе, найденной в Гургане, относятся драхмы Филиппа Филадельфийского, Фархада I и II, Митридата II и III и Артабана II. Ко второй группе из клада, найденного в районе Керманшаха, относятся монеты Артабана III, Готарза, Вологеза I и II и Пакора II.

Особое место в третьем томе занимает статья М. Мустафави «Работа над памятниками культуры и планы на будущее» (стр. 367—511). В статье рассматриваются вопросы истории и современного состояния археологии и музейного дела в Иране, описывается структура Управления по делам археологии, рассказывается об иранских и европейских ученых, внесших свой вклад в развитие иранской археологии и музейного дела, разбираются вопросы финансирования археологических и реставрационных работ. Мустафави приводит также современную структуру Иранского археологического музея, состоящего из четырех отделов (доисторический, исторический, отдел памятников ислама и отдел глиптики и нумизматики), и перечисляет работающих в нем сотрудников. В главе «Планы на будущее» определяются насущные задачи иранской археологии, а также приводится список тех районов и исторических памятников, которые должны стать объектами раскопок и изучения в ближайшие десять лет. Это — Фирузабад, пещера Шапура I возле Тахти-Чоуган, комплексы — Накши-Раджаб, Барам-Дилак, Сари-Мешхед, а также многочисленные храмы огня и культовые башни эпохи Сасанидов (так называемый «Чехар-таг») и многое другое. Касаясь проблемы сосредоточивания уникальных произведений искусства и материальной культуры в иранских музеях, автор описывает ряд коллекций ахеменидской эпохи (золото и серебро), купленных Ираном в начале 50-х годов. Публикуются 11 предметов ахеменидского искусства, приобретенных ИАМ"ом в различных собраниях Европы и Америки, в том числе золотой ритон с фигуркой крылатого льва, золотая чаша с надписью «Великий царь Ксеркс» [13], а также две золотые ручки от кресел из Фесы. Сюда же относятся 10 предметов сасанидского времени — четыре блюда [14], сосуд с ножкой, серебряная ложка, вилка и две бронзовые фигурки. Мустафави завершает эту статью характеристикой существующих в Иране 43 частных коллекций, начиная от шахской и кончая небольшими собраниями предметов археологии и искусства. Среди коллекционеров встречаются имена, известные далеко за пределами Ирана,— профессор университета М. Мукаддам, директор Национальной библиотеки д-р М. Байани, инженер Аббас Мазда, преподаватель училища изящных искусств М. Форуги, бывший премьер-министр Хусайн Ала, сотрудница ИАМ'а г-жа Байани и др.

На стр. 441—444 помещен список литературы по археологии, выпущенной в Иране с 1935 по 1955 г. (39 названий, из них 24 на персидском языке [15]). Сюда входят монографии и перечень «Отчетов», восемь выпусков журнала «Памятники Ирана» [16], а также путеводители по музеям и историческим памятникам.

Таким образом, характеризуемый первый и третий тома «Отчетов», рассказывая о ходе археологических работ в Иране, дают представление и об уровне развития этой науки в Иране, а в целом знакомят нас с одной из сторон научной жизни в этой стране.

Г. П. Михалевич

---

[13] L. W a n d e n B e r g h e . Ук. соч., стр. 109, табл. 136.

[14] R. G h i r s h m a n. Argenterie d'un Seigneur Sassanide. «Ars orientalis», II, 1957, стр. 77—82.

[15] Важнейшие издания: И с а Б и х н а м. Материальная культура населения плоскогорья Ирана в доисторическую эпоху. Тегеран, 1941; А. С а м и. Пасаргады. Шираз, 1951; е г о ж е. Древние памятники долины Марвдашт. Тегеран, 1953; М. М у с т а ф а в и. Хагматана (Экбатана). Тегеран, 1953; М. М у с т а ф а в и, А. С а м и. Персеполь. Шираз, 1955; Х. С а м а д и. Развалины Суз. Тегеран, 1954; И. Д и б а д ж. Путеводитель по историческим памятникам Восточного Азербайджана. Тебриз, 1955 (все на персидском языке).

[16] «Асар-и Иран», I, 1936; II, 1937; III, 1938; IV, 1949 (выходил на персидском и французском языках).

А. В. ЗБРУЕВА

6 сентября 1965 г. после продолжительной болезни скончалась Анна Васильевна Збруева, доктор исторических наук, отдавшая более сорока лет жизни изучению памятников истории первобытного общества.

А. В. Збруева родилась 25 июня 1894 г. в г. Москве в семье рабочего. Рано начав свою трудовую деятельность, уже в шестнадцатилетнем возрасте она работала народной учительницей, сначала в Московской области, а позднее в г. Москве. Молодая учительница мечтала о высшем образовании, но только после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1922 г. А. В. Збруева смогла поступить в Московский государственный университет на отделение археологии и искусствоведения факультета общественных наук.

После окончания МГУ с 1925 г. и до конца своей жизни Анна Васильевна неустанно работала в области археологии и древней истории нашей Родины. Начав со скромной должности внештатного сотрудника Государственного исторического музея, А. В. Збруева, благодаря своему трудолюбию и любознательности, выросла в крупного ученого, оставившего нынешнему поколению археологов более пятидесяти научных работ. Работая продолжительное время в Музее народоведения и Музее антропологии при Московском университете, А. В. Збруева немало сделала и для развития музейного дела в нашей стране.

Однако основная научная деятельность А. В. Збруевой связана с Институтом археологии АН СССР, куда она была приглашена в 1936 г. В Институте полностью проявились основные качества А. В. Збруевой как ученого и крупного полевого исследователя.

Материальные исторические источники из раскопок ряда археологических памятников, с блеском проведенных А. В. Збруевой, навсегда вошли в золотой фонд советской археологической науки.

В ранний период научной деятельности интересы А. В. Збруевой были направлены на изучение археологических памятников нашего Севера. Анна Васильевна — непременный участник экспедиций в Костромскую и Архангельскую области, в Коми АССР. Она была неизменной сотрудницей Антропологической комплексной экспедиции МГУ под руководством Б. С. Жукова в годы ее расцвета и экспедиции ГАИМК в зоне строительства канала Москва — Волга во все годы ее существования. Работа в Антропологической экспедиции определила ее интересы в области Прикамья и в дальнейшем все свое внимание Анна Васильевна сконцентрировала на изучении первобытной истории населения Прпуралья, слабо исследованной в довоенные годы. В течение ряда полевых сезонов, до Великой Отечественной войны, А. В. Збруева руководила раскопками памятников ананьинской культуры в бассейне р. Камы, та-

ких как Галкинское городище, Конецгорское селище, Луговской могильник и других. Эти раскопки дали большой материал, послуживший основой для написания капитального труда по древней истории племен Прикамья в ананьинскую эпоху раннего железа. Некоторые работы проведены ею и в зоне строительства Камской ГЭС совместно с Н. А. Прокошевым. Великая Отечественная война прервала эти работы. После войны исследования были продолжены. Вместе с тем, в связи с работами в зоне затопления Куйбышевской гидроэлектростанции, в которых А. В. Збруева принимала постоянное и активное участие, диапазон ее интересов значительно расширился. Анна Васильевна изучала не только памятники ананьинской культуры, но и стоянки периода поздней бронзы. Это позволило ей глубже познать историю населения Прикамья в раннем железном веке. В 1952 г. вышел из печати капитальный труд А. В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху». В 1953 г. за эту работу Анне Васильевне была присвоена степень доктора исторических наук. Она выполнена в подлинно историческом плане.

В указанной монографии дается развернутая характеристика быта, хозяйственной деятельности, религиозных верований и общественного строя ананьинских племен в I тысячелетии до н. э. Автором выявлены истоки и закат ананьинской культуры. Последний связан уже с формированием культуры далеких предков современных народов Прикамья — удмуртов и коми — пермяков. Достоинства этого труда А. В. Збруевой настолько значительны для археологической науки, что книга стала настольной для каждого археолога, занимающегося историей первобытного общества и, особенно, археологией Приуралья и Поволжья.

Стремление полнее и достовернее разрешить ряд вопросов, связанных с историей ананьинских племен, привели А. В. Збруеву к мысли о необходимости изучения тех культур эпохи бронзы, которые могли послужить основой для сложения ананьинской культуры.

Последние годы своей жизни Анна Васильевна посвятила исследованию памятников эпохи поздней бронзы на территории Башкирии. В течение ряда лет Башкирская археологическая экспедиция под руководством А. В. Збруевой открыла и раскопала большое количество памятников различных эпох в совершенно неизученных ранее районах северо-западной Башкирии. Здесь были исследованы стоянки и курганы срубной культуры; но основным достижением экспедиции было открытие новых оригинальных памятников, таких как стоянка у с. Ахметово Кушнаренковского района.

Болезнь и смерть прервали плодотворную научную деятельность Анны Васильевны. От нас ушел товарищ беспредельно преданный археологической науке, неутомимый труженик и энтузиаст.

Анну Васильевну всегда отличала большая целеустремленность и собранность в научной работе. Труд ученого-археолога был высоко оценен советским правительством, наградившим А. В. Збруеву орденом «Трудового Красного знамени» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Светлая память об Анне Васильевне Збруевой — крупном ученом-археологе, скромном и отзывчивом человеке навсегда сохранится в сердцах всех, знавших и работавших с ней.

Б. Г. Тихонов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні памятки Української РСР.
АСИА — Академия строительства и архитектуры СССР.
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России.
ВАН — Вестник Академии наук.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВЛГУ — Вестник Ленингр. Гос. Университета.
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета.
ВССА — Сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии».
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ДБК — Древности Боспора киммерийского. СПб., 1864.
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899.
Зап. Удм. НИИ — Записки Удмуртского научно-исследовательского института.
ЗОЛО — Записки Одесского археологического общества.
ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии, Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАМ — Иранский археологический музей «Иранбастан».
ИАН ТССР — Известия Академии наук Туркменской ССР.
ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество.
ИБАИ — Известия на Български археологически институт.
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИИАЭ АН Каз.ССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.
ИМАИМ — Сб.: «Материалы и исследования Артиллерийского исторического музея».
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИТОИАЭ — Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии.
КГУ — Казанский государственный университет.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УРСР.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
КСОАМ — Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского археологического музея.
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России, изданные Археологической комиссией.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МДАПВ — Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття і Волині.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
Н1Л — Новгородская первая летопись.
Н2Л — Новгородская вторая летопись.
Н3Л — Новгородская третья летопись.
Н4Л — Новгородская четвертая летопись.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
ОПК — Отдел первобытной культуры Гос. Эрмитажа.
ПВЛ — Повесть временных лет.
Працы — Працы сэкцыі археолёгіі (Белоруская акадэмія навук, Інстытут гісторыі).
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
САИ — Свод археологических источников.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии материальной культуры.
СЭ — Советская этнография.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
Тр. Абхаз. ИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы, истории.
Тр. АС — Труды Археологического съезда.
Тр. ВУАК — Труды Воронежской Ученой архивной комиссии.
Тр. ИГН — Труды Института геологических наук.
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии.
Тр. МАЭ — Труды Марийской археолого-этнографической экспедиции.
Тр. ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского Института.

Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археолого-этнографической комплексной экспедиции.
Уч. зап. ТПИ — Ученые записки Томского педагогического института.
Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского ин-та языка, литературы, этнографии.
ХЭ — Хорезмская экспедиция.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦНРМ — Центральные научно-реставрационные мастерские.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЯФСО — Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук.
AÉ — Archeologiai értesitö.
AAKb — Acta Archaeologica København.
AJA — American Journal of Archaeology. Cambridge.
Arch Anz — Archäologischer Anzeiger.
ASPR — American School of Prehistoric Research.
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénigue.
DACR — Dictionaire des antiquités grecques et romaines — Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio.
ESA — Eurasia septentrionales antiqua. Helsinki.
PAPS — Proceedings of The Americ. Phil. Society.
REG — Revue des études grecques.
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche.
ZW — Z otchlani wiekow.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. И. Рогов (Москва). Памяти академика М. Н. Тихомирова 3
А. А. Щепинский (Симферополь). Культуры энеолита и бронзы в Крыму 10
М. Ф. Косарев (Москва). Некоторые проблемы древней истории Обь — Иртышья 24
А. И. Тереножкин (Киев). Об общественном строе скифов 33
А. Ф. Медведев (Москва). Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе 50
А. А. Коновалов (Москва). Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания 61
С. С. Подъяпольский (Москва). К характеристике кирилловского зодчества XV—XVI вв. 75

Публикации

В. Н. Станко (Одесса). Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области (1962—1964 гг.) 96
Г. Е. Марков (Москва). Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии . . 104
Ю. А. Мочанов (Якутск). Ранний неолит Алдана 126
В. А. Падин (Трубчевск). Юхновские поселения Средней Десны 137
С. П. Толстов, М. А. Итина (Москва). Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) 151
Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева (Москва). Стеклоделие Танаиса 176
А. Л. Якобсон (Ленинград). Средневековые пифосы Северного Причерноморья 189
А. Н. Москаленко (Воронеж). Святилище на р. Воргол 203
Г. М. Штендер (Новгород). Новгородская церковь Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. 210
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг. 233
В. Ф. Каховский (Чебоксары). Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР 249
А. Г. Мухамадиев (Казань). Два клада татарских монет XV в. 259
В. И. Курлов (Москва). Портная палата Соловецкого монастыря 274

Заметки

С. Н. Астахов (Ленинград). Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV 288
Л. Д. Поболь (Минск). Погребение эпохи бронзы близ деревни Борисовщина Могилевской области 294
Ю. В. Деревягин (Саратов). Саратовское поселение эпохи бронзы 297
В. Б. Виноградов (Грозный). Фигурки «скифов» из Чечено-Ингушетии . . 298
Д. М. Лихачева (Москва). Южно-италийская пелика Рыбинского музея . . 301
В. А. Башилов (Москва). Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино . . 304
Г. Д. Белов (Ленинград). Синопская амфора из Херсонеса 309
А. Н. Липский (Абакан). Погребения татарских воинов на р. Биджа . . . 312
В. Ю. Лещенко (Пермь). Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи 317
Д. А. Авдусин (Москва). Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г. 319
В. Л. Янин (Москва). Находка польского свинца в Новгороде 324
В. А. Уртан (Рига). Средневековые медицинские инструменты для кровопускания 329

Критика и библиография

В. И. Кузищин (Москва). Massimo Pallotino. Che cos'e l'archeologia 330
И. Б. Брашинский (Ленинград). Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике 332
П. А. Раппопорт (Ленинград). М. Г. Рабинович. О древней Москве . . . 340
Г. П. Михалевич (Ленинград). Иранские археологические отчеты 341

Хроника

А. В. Збруева 346

SOMMAIRE

Articles

A. I. Rogov (Moscou). À la mémoire de l'académicien M. N. Tikhomirov . . 3
A. A. Chtchépinsi (Simféropol). Les civilisations d'énéolithe et de l'âge de bronze à Crimée 10
M. F. Kosarev (Moscou). Quelques problèmes de l'histoire ancienne de la région de l'Obi-Irtych 24
A. I. Terénojkine (Kiev). Sur l'ordre social des Scythes 33
A. Ph. Medvédev (Moscou). Flèches des Tataro-Mongols en Europe d'Est . . 50
A. A. Konovalov (Moscou). Division en périodes des lettres sur écorce de bouleau novgorodiennes 61
S. S. Podyapolski (Moscou). À la caractéristique de l'architecture kirillovienne des XV—XVI siècles 75

Publications

V. N. Stanko (Odessa). Station mésolithique Guirjevo dans la région d'Odessa (d'après les fouilles de 1962—1964) 96
G. E. Markov (Moscou). Grotte Dam-Dam-Tchechmé à côte d'est de la mer Caspienne 104
I. A. Motchanov (Yakoutsk). La période néolithique ancienne de l'Aldan . . 126
V. A. Padine (Troubtchevsk). Campements ioukhnoviens de la Moyenne Desna 137
S. P. Tolstov, M. A. Itina (Moscou). Les Saks de la basse Syr-Daria (d'après les matériaux de Taguiskène) 151
E. M. Alexéeva, T. M. Arsenieva (Moscou). L'industrie de verre à Tanais . . 176
A. L. Iakobson (Léningrad). Les pythos medievaux de la Pontide du Nord 189
A. N. Moskalenko (Voronej). Le sanctuaire au bord de la rivière Voronej . . 203
G. M. Chtender (Novgorod). L'église novgorodienne de St Pierre et St Paule à Kojévniki de 1406 210
G. A. Fédorov-Davydov (Moscou). Novy Saraï d'après les fouilles de 1963—1964 233
V. F. Kakhovski (Tchéboksary). Campement bulgarien près du village Bolchoé Yanguildino en Tchouvachie 249
A. G. Moukhamadiev (Kazan). Deux trésors de monnaies tatares du XV siècle 259
V. I. Kourlov (Moscou). Chambre de couturier du couvent de Solovki 274

Notes

S. N. Astakhov (Léningrad). Station paléolithique avancée Kokarévo IV . . 288
L. D. Pobol (Minsk). Un tombeau de l'âge de bronze près du village Borisovstchina dans la région de Moguilev 294
I. V. Déréviaguine (Saratov). Campement de l'âge de bronze à Saratov . . 297
V. B. Vinogradov (Grozny). Les figurines des «Scythes» de Tchetchéno-Ingouchétie 298
D. M. Likhatcheva (Moscou). Une pélique d'Italie du Sud au musée de Rybinsk 301
V. A. Bachilov (Moscou). Une hydrie de bronze trouvée en tumulus près du village Mastiouguino 304
G. D. Bélov (Léningrad). Une amphore sinopienne de Chersonèse 309
A. N. Lipski (Abakan). Les tombeaux de guerriers tagares au bord de la Bidja 312
V. I. Lechtchenko (Perm). Un plat sassanide de la Galerie de peinture à Perm 317
D. A. Avdousine (Moscou). Lettres sur écorce de bouleau de fouilles de 1964 à Smolensk 319
V. L. Yanine (Moscou). Une trouvaille du plomb polonais à Novgorod . . . 324
W. A. Urtan (Riga). Instruments de médecine médievaux pour la saignée . . 329

Critique et bibliographie

V. I. Kousichtchine (Moscou). Massimo Pallatino. Che cose l'archeologia . . . 330
I. B. Brachinski (Léningrad). Recherches nouvelles étrangères sur l'épigraphie céramique 332
P. A. Rapoport (Leningrad). M. G. Rabinovitch. Sur la Moscou ancienne . . 340
G. P. Mikhalevitch (Léningrad). Comptes rendus archéologiques de l'Iran . . 341

Chronique

A. V. Zbroueva 346

ПОПРАВКА К СА, 1965, 4

В статье А. А. Формозова «Материалы по истории русских музеев» следует читать: на стр. 279, в строке 26 снизу — они не учтены.